

Древнее общество

Льюис Генри Морган

Ancient Society

Researches in the Lines of Human Progress
From Savagery, Through Barbarism,
to Civilization

By

Lewis H. Morgan, LL.D.

1877

The Project Gutenberg eBook of Древнее общество.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Древнее общество

или Исследования линий человеческого прогресса от дикости, варварства к цивилизации

Автор: Льюис Генри Морган

Дата выхода: 13 июня 2014 [eBook #45950]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Джули Миллер, Тургутом Динчером и командой Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive/American Libraries (<https://archive.org/details/americana>).

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ДРЕВНЕЕ ОБЩЕСТВО ***

Электронная книга проекта "Гутенберг", "Древнее общество", автор Льюис Генри Морган

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive/American Libraries. См. <https://archive.org/details/ancientsociety00morg>

Древнее общество

ИЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПРОГРЕССА ОТ ДИКОСТИ, ВАРВАРСТВА И ЦИВИЛИЗАЦИИ

BY LEWIS H. MORGAN, LL.D.

Член Национальной академии наук. Автор книг "Лига урокезов", "Американский бобр и его произведения", "Системы кровосмешения и родства в человеческой семье" и др.

Nescit vox missa reverti.

Nescit vox missa reverti. HORACE.

НЬЮ-ЙОРК
ГЕНРИ ХОЛТ И КОМПАНИЯ
1877

Авторское право, 1877 год,
ГЕНРИ ХОЛТ.

ПРЕПОДОБНОМУ

Дж. Х. Макилвейну, доктору философии,

ПОКОЙНОМУ ПРОФЕССОРУ БЕЛЛЕТРИСТИКИ В ПРИНСТОНСКОМ КОЛЛЕДЖЕ,

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТОТ ТОМ,

В ЗНАК ПРИЗНАНИЯ ЕГО ГЕНИАЛЬНОСТИ И ОБРАЗОВАННОСТИ,

И В ЗНАК ПРИЗНАНИЯ ЕГО ДРУЖБЫ.

Cum prorepserunt primis animalia terris,
Mutum et turpe pecus, glandem atque cubilia propter
Unguibus et pugnīs, dein fustibus, atque ita porro
Pugnabant armis, quæ post fabricaverat usus:
Donec verba, quibus voces sensusque notarent,
Nominaque invenere: dehinc absistere bello,
Oppida coeperunt munire, et ponere leges,
Ne quis fur esset, neu latro, neu quis adulter.
Ne quis fur esset, neu latro, - Гораций, *Сам.*, I, iii, 99.

"Современная наука претендует на то, чтобы доказать путем самого тщательного и исчерпывающего изучения человека и его творений, что наша раса начала свое

существование на земле не на вершине, а внизу шкалы, и постепенно поднималась вверх; что человеческие силы имели историю развития; что все элементы культуры - искусство жизни, искусство, наука, язык, религия, философия - были выработаны медленными и мучительными усилиями, в конфликте между душой и разумом человека, с одной стороны, и внешней природой - с другой."-Whitney's *Oriental and Linguistic Studies*, p. 341.

"Эти общины отражают духовное поведение наших предков, удаленных от нас на тысячи лет. Мы прошли через те же стадии развития, физического и морального, и стали теми, кем являемся сегодня, потому что они жили, трудились и прилагали усилия. Наша удивительная цивилизация - результат молчаливых усилий миллионов неизвестных людей, как меловые скалы Англии образовались благодаря вкладу мириадом фораминифер" - Dr. J. Kaines, *Anthropologia*, vol. i, No. 2, p. 233.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Древность человечества на Земле окончательно установлена. Кажется необычным, что доказательства были обнаружены совсем недавно, в течение последних тридцати лет, и что нынешнее поколение должно быть первым, кто призван признать столь важный факт.

Теперь известно, что человечество существовало в Европе в ледниковый период и даже после его начала, причем есть все основания полагать, что оно возникло в предыдущую геологическую эпоху. Они пережили многие расы животных, с которыми были современниками, и прошли через процесс развития в нескольких ветвях человеческой семьи, столь же примечательный по своему течению, как и по своему прогрессу.

Поскольку вероятная продолжительность их карьеры связана с геологическими периодами, ограниченная мера времени исключается. Сто или двести тысяч лет было бы неправдоподобной оценкой периода от исчезновения ледников в северном полушарии до настоящего времени. Какие бы сомнения ни сопровождали любую оценку периода, реальная продолжительность которого неизвестна, существование человечества простирается неизмеримо назад и теряется в огромной и глубокой древности.

Это знание существенно меняет взгляды на отношения дикарей к варварам и варваров к цивилизованным людям. Теперь можно утверждать на основе убедительных доказательств, что дикость предшествовала варварству во всех племенах человечества, как варварство, как известно, предшествовало цивилизации. История человеческой расы едина в своем происхождении, едина в опыте и едина в прогрессе.

Естественным и правильным желанием является узнать, если это возможно, как все эти века за веками прошлого времени были потрачены человечеством; как дикари, продвигаясь медленными, почти незаметными шагами, достигли более высокого состояния варваров; как варвары, путем такого же постепенного продвижения, наконец, достигли цивилизации; и почему другие племена и народы остались позади в гонке прогресса - одни в цивилизации, другие в варварстве, а третьи в дикости. Не стоит слишком многого ожидать, что в конце концов на эти вопросы будет дан ответ.

Изобретения и открытия стоят в последовательных отношениях вдоль линий человеческого прогресса и регистрируют его последовательные стадии; в то время как социальные и гражданские институты, в силу их связи с вечными потребностями человека, были развиты

из нескольких первичных зародышей мысли. Они демонстрируют аналогичную последовательность прогресса. Эти институты, изобретения и открытия воплотили в себе и сохранили основные факты, которые сейчас остаются иллюстрацией этого опыта. При сопоставлении и сравнении они демонстрируют единство происхождения человечества, сходство человеческих потребностей на одной и той же стадии развития и единообразие действий человеческого разума в сходных условиях общества.

На протяжении всей последней части периода дикости и всего периода варварства человечество в целом было организовано в роды, фратрии и племена. Эти организации преобладали во всем древнем мире на всех континентах и были инструментами, с помощью которых древнее общество было организовано и держалось вместе. Их структура, отношения как членов органического ряда, а также права, привилегии и обязанности членов рода, фратрии и племени иллюстрируют развитие идеи управления в человеческом сознании. Основные институты человечества зародились в дикости, получили развитие в варварстве и созревают в цивилизации.

Так и семья прошла через смену форм и создала великие системы кровосмешения и родства, которые сохранились до наших дней. Эти системы, в которых зафиксированы отношения, существовавшие в семье в тот период, когда каждая система соответственно сформировалась, содержат поучительную запись опыта человечества, когда семья продвигалась от кровосмешения, через промежуточные формы, к моногамии.

Идея собственности претерпела аналогичный рост и развитие. Начавшись с нуля в дикости, страсть к обладанию собственностью, как представителем накопленных средств к существованию, теперь стала доминировать над человеческим разумом в цивилизованных расах.

Четыре класса фактов, которые были указаны выше и которые тянутся параллельными линиями по пути человеческого прогресса от дикости к цивилизации, составляют основной предмет обсуждения в этом томе.

Есть одна сфера деятельности, в которой мы, американцы, имеем особый интерес, а также особую обязанность. Американский континент, как известно, богат материальными благами, но он также является самым богатым из всех континентов этнологическими, филологическими и археологическими материалами, иллюстрирующими великий период варварства. Поскольку человечество было едино в своем происхождении, его путь был по сути единым, протекая по разным, но одинаковым руслам на всех континентах, и очень схожим образом во всех племенах и народах человечества вплоть до одного и того же статуса развития. Отсюда следует, что история и опыт племен американских индейцев более или менее точно отражают историю и опыт наших далеких предков, находившихся в соответствующих условиях. Являясь частью истории человечества, их институты, искусства, изобретения и практический опыт обладают высокой и особой ценностью, выходящей далеко за пределы самой индейской расы.

На момент открытия племена американских индейцев представляли три различных этнических периода, причем более полно, чем это было представлено в других местах на земле. Материалы для этнологии, филологии и археологии были представлены в беспрецедентном изобилии; но поскольку эти науки почти не существовали до нынешнего века и слабо развиваются у нас в настоящее время, рабочие оказались не в состоянии выполнить эту работу. Более того, если ископаемые останки, погребенные в земле,

сохранятся для будущего студента, то останки индийских искусств, языков и институтов - нет. Они гибнут с каждым днем, и гибнут уже более трех столетий. Этническая жизнь индейских племен приходит в упадок под влиянием американской цивилизации, исчезают их искусства и языки, распадаются их институты. Пройдет еще несколько лет, и факты, которые сейчас можно собрать с легкостью, станут невозможными для обнаружения. Эти обстоятельства настоятельно призывают американцев вступить на эту великую ниву и собрать обильную жатву.

Рочестер, Нью-Йорк, март 1877 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ I.

РОСТ ИНТЕЛЛЕКТА БЛАГОДАРЯ ИЗОБРЕТЕНИЯМ И ОТКРЫТИЯМ.

ГЛАВА I.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ.

Прогресс человечества с самого низа
шкалы.- Проиллюстрирован изобретениями,
открытиями и институтами.- Два плана
правления - один языческий и социальный,
дающий общество (*Societas*); другой
политический, дающий государство
(*Civitas*).- Первый основан на людях и
джентилизме; второй - на территории и
собственности.- Первый - план правления
древнего общества.- Второй - современного
или цивилизованного общества.-
Единообразие человеческого опыта.-
Предполагаемые этнические периоды-I.
Низший статус дикости; II. Средний статус
дикости; III. Верхний статус дикости; IV.
Нижний статус варварства; V. Средний
статус варварства; VI. Верхний статус
варварства; VII. Статус цивилизации.

3

ГЛАВА II.

ИСКУССТВО ДОБЫВАТЬ СРЕДСТВА К СУЩЕСТВОВАНИЮ.

Превосходство человечества над Землей; -
Контроль над добычей пищи - условие; -
Только человечество добилось этого
контроля; - Преемственные искусства

19

добывания пищи; I. Природное существование; II. Рыбное пропитание; III. Дальневосточное пропитание; IV. Мясное и молочное пропитание; V. Неограниченное пропитание благодаря полевому земледелию.-Длинные промежутки времени между ними.

ГЛАВА III.

СООТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПРОГРЕССА.

Ретроспектива линий человеческого прогресса.- Основные вклады современной цивилизации.- Древняя цивилизация.- Поздний период варварства.- Средний период.- Древний период.- Период дикости.- Смирненное состояние первобытного человека.- Прогресс человечества в геометрическом соотношении.- Относительная продолжительность этнических периодов.- Появление семитских и арийских семейств.

29

ЧАСТЬ II.

РАЗВИТИЕ ИДЕИ ГОСУДАРСТВА.

ГЛАВА I.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА ПО ПОЛОВОМУ ПРИЗНАКУ.

Австралийские классы.- Организованы по половому признаку.- Архаичный характер организации.- Австралийские генты.- Восемь классов.- Правила брака.- Происхождение по женской линии.- Потрясающая система брака.- Два мужских и два женских класса в каждом роду.- Нововведения в классах.- Роды все еще рудиментарны.

49

ГЛАВА II.

ИРОКЕЗСКИЕ ГЕНЫ.

Организация язычников.- Ее широкое распространение.- Определение рода.- Наследование по женской линии по архаичному правилу.- Права, привилегии и обязательства членов рода.- Право избирать и смещать своего сакхема и вождей.- Обязательство не вступать в брак в роду.-

62

Взаимные права наследования имущества умерших членов рода.-Взаимные обязательства помощи, защиты и возмещения ущерба.-Право давать имена своим членам.-Право принимать чужаков в род.-Общие религиозные обряды, вопросы.-Общее место погребения.-Совет рода.-Генты, названные в честь животных.-Количество людей в роду.

ГЛАВА III.

ИРОКЕЗСКАЯ ФРАТРИЯ.

Определение фратрии.- Родственные генты, объединенные в высшую организацию.- Фратрия ирокезских племен.- Ее состав.- Ее использование и функции.- Социальные и религиозные.- Иллюстрации.-Аналог греческой фратрии, но в ее архаичной форме.-Фратрии чокто.-Чикасов.-Мохеганов.-Тлинкитов.-Вероятная универсальность в племенах американских аборигенов.

88

ГЛАВА IV.

ПЛЕМЯ ИРОКЕЗОВ.

Племя как организация.- Состоит из народов, говорящих на одном диалекте.- Разделение территории привело к расхождению речи и сегментации.- Племя - естественный рост.- Иллюстрации.- Атрибуты племени.- Территория и название.- Исключительный диалект.- Право назначать и смещать своих сакемов и вождей.- Религиозная вера и культ.- Совет вождей.- Глава-вождь племени в некоторых случаях.- Три последовательные формы правления язычников: Первая - правительство одной власти; вторая - двух властей; третья - трех властей.

102

ГЛАВА V.

ИРОКЕЗСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ.

Естественный рост конфедерации.- Основание на общих языках и языках народов.- Племена ирокезов.- Их поселение в Нью-Йорке.- Образование конфедерации.- Ее структура и принципы.- Пятьдесят сакемств.- Наследование в некоторых племенах.- Число, назначенное каждому

122

племени.-Эти сакхемы образовали Совет Конфедерации.-Гражданский Совет.-Метод ведения дел.-Необходимое единогласие.- Торжественный Совет.-Метод возвышения сакхемов.-Генеральные военные командиры.-Этот пост зародыш главного исполнительного магистрата.- Интеллектуальные возможности ирокезов.

ГЛАВА VI.

ГЕНТЫ В ДРУГИХ ПЛЕМЕНАХ ГАНОВАНА.

Подразделения американских аборигенов.- Жанты в индейских племенах; с их правилами происхождения и наследования.- I. Hodenosaunian Tribes.-II. [Pg xii] Дакотские.-III. Залив.-IV. Пауни.-V. Алгонкины.-VI. атапаско-апачи.-VII. Племена северо-западного побережья.- Эскимосы, отдельная семья.- VIII. Племена салиш, сахаптин и кутеней.-IX. Шошони.-X. Деревенские индейцы Нью-Мексико, Мексики и Центральной Америки.- XI. Племена индейцев Южной Америки.- Предположительная универсальность организации в Gentes в семье Ганованов.

151

ГЛАВА VII.

КОНФЕДЕРАЦИЯ АЦТЕКОВ.

Ошибочное представление об ацтекском обществе.- Условия прогресса.- Племена науатлак.- Их поселение в Мексике.- Основание Пуэбло в Мексике, 1325 г. н. э.- Создание конфедерации ацтеков, 1426 г. н. э.- Территориальное господство.- Предполагаемая численность народа.-Были ли ацтеки организованы в генты и фратрии.- Совет вождей.-Вероятные функции.-Кабинет, занимаемый Монтесумой.-Выборный по сроку полномочий.-Смещение Монтесумы.- Вероятные функции кабинета.-Институты ацтеков по существу демократические.- Правительство - военная демократия.

186

ГЛАВА VIII.

ГРЕЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА.

Раннее состояние греческих племен.- Организация в генты.- Изменения в характере гентов.- Необходимость

215

политической системы.- Проблема, которую нужно решить.- Образование государства.- Описание Гротом греческих гентов.- Их фратрии и племена.- Права, привилегии и обязанности членов гентов.Сходство с ирокезскими генами.- Должность вождя гена - выборная или наследственная.- Гены - основа социальной системы .- Древность гентильного рода.- Наследование имущества.- Архаическое и окончательное правление.- Отношения между членами гена.- Гены - центр социального и религиозного влияния.

ГЛАВА IX.

ГРЕЧЕСКАЯ ФРАТРИЯ, ПЛЕМЯ И НАРОД.

235

Афинская фратрия.-Как образовалась.- Определение Дикеарха.-Основные религиозные цели.-Фратрия.-Племя.-Состоит из трех фратрий.-Фило-базилевс.-Нация.- Состоит из четырех племен.-Булак, или совет вождей.-Агора, или собрание народа.- Базилевс.-Срок полномочий.-Военные и жреческие функции.-Гражданские функции не показаны.-Правительства героической эпохи, военные демократии.-Определение базилея у Аристотеля.-Позднеафинская демократия.-Унаследована от гентов.- Оказала сильное влияние на развитие Афин.

ГЛАВА X.

ИНСТИТУТ ГРЕЧЕСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

256

Несостоятельность гентов как основы правления.- Законодательство Тесея.- Попытка замены классов.- Ее провал.- Отмена должности базилея.- Архонтство.- Бюрократы и триттии.- Законодательство Солона.- Имущественные классы.- Частичная передача гражданской власти от гентов к классам.-Лица, не приписанные ни к одному роду.-Сделанные гражданами.- Сенат.-Экклесия.-Политическое общество частично достигнуто.-Законодательство Клисфена.-Институция политического общества.-Аттическая дема или волость.- Организация и полномочия.-Местное самоуправление.-Местное племя или округ.- Аттическое содружество.-Афинская

демократия.

ГЛАВА XI.

РИМСКИЕ ГЕНЫ.

277

Итальянские племена, организованные в генты.- Основание Рима.- Племена, организованные в военную демократию.- Рим Gens.- Определение Gentilis у Цицерона.- У Феста.- У Варро.- Происхождение по мужской линии.- Браки вне рода.- Права, привилегии и обязанности членов рода.- Демократическая конституция древнелатинского общества.- Число лиц в роду.

ГЛАВА XII.

РИМСКАЯ КУРИЯ, ПЛЕМЯ И НАРОД.

300

Римское языческое общество.- Четыре стадии организации.-1. род; 2. курия, состоящая из десяти родов; 3. племя, состоящее из десяти курий; 4. римский народ, состоящий из трех племен.- Числовые пропорции.- Как происходит.-Концентрация населения в Риме.-Римский сенат.-Его функции.-Народное собрание.-Его полномочия.-Народный государь.-Команда военачальников (Rex).-Ее полномочия и функции.-Римские институты язычников по существу демократические.

ГЛАВА XIII.

ИНСТИТУТЫ РИМСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

323

Популяция.- Плебеи.- Клиенты.- Патриции.- Пределы ордена.- Законодательство Сервия Туллия.- Учреждение имущественных классов.- Центурии.- Неравное избирательное право.-Comitia Centuriata. [Pg xiv] - Заменяет Comitia Curiata.- Классы вытесняют Gentes.- Перепись населения.- Плебеи становятся гражданами.- Учреждение городских округов.- Сельские волости.- Племена увеличиваются до четырех.- Делаются местными вместо кровосмесительных.- Характер новой политической системы.- Упадок и исчезновение организации язычников.-

Выполненная ею работа.

ГЛАВА XIV.

ИЗМЕНЕНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПО ЖЕНСКОЙ ЛИНИИ НА МУЖСКУЮ.

343

Как могло произойти изменение.-
Наследование имущества как мотив.-
Происхождение по женской линии у
ликийцев,- критян,- этрусков,- вероятно, у
афинян во времена Кекропса.- Сто семей
локрийцев.- Доказательства из браков.-
Туранская система кровосмешения среди
греческих племен.- Легенда данаидов.

ГЛАВА XV.

РОДЫ В ДРУГИХ ПЛЕМЕНАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СЕМЬИ.

357

Шотландский клан.- Ирландская септа.-
Германские племена.- Следы
предшествующей языческой системы.-
Жанты в южных азиатских племенах.- В
северных.- В уральских племенах.- Сотни
семей китайцев.- Еврейские племена.-
Состоящие из гентов и фратрий, очевидно.-
Жанты в африканских племенах.- В
австралийских племенах.- Подразделения
феджиев и реवास.- Широкое
распространение языческой организации.

ЧАСТЬ III.

РАЗВИТИЕ ИДЕИ СЕМЬИ.

ГЛАВА I.

ДРЕВНЯЯ СЕМЬЯ.

383

Пять последовательных форм семьи.-
Первая, консумская семья.- Она создала
малайскую систему кровосмешения и
родства.- Вторая, пуналуанская.- Она
создала туранскую и ганованианскую
системы.- Третья, моногамная.- Она создала
арийскую, семитскую и уральскую
системы. Промежуточные синдиасмические
и патриархальные семьи. [Pg xv] Обеим не
удалось создать систему кровосмешения.-
Эти системы - естественные порождения.-
Две конечные формы.- Одна
классификационная, другая описательная.-

Общие принципы этих систем.- Их стойкое сохранение.

ГЛАВА II.

РОДСТВЕННАЯ СЕМЬЯ.

Прежнее существование этой семьи.-
Доказано малайской системой кровосмешения.- Гавайская система используется как типичная.- Пять степеней отношений.- Детали системы.- Объясняется происхождением брака между братьями и сестрами в группе.-Раннее состояние общества на Сандвичевых островах.-Девять градаций отношений у китайцев.-Идентичны по принципу с гавайцами.-Пять градаций отношений в идеальной республике Платона.-Таблица малайской системы кровосмешения и родства.

401

ГЛАВА III.

СЕМЬЯ ПУНАЛУА.

Семья Пуналуа возникла на основе семьи Консангине.- Переход, как он произошел.- Гавайский обычай Пуналуа.- Его вероятная древняя распространенность на обширных территориях.- Генты возникли, вероятно, в группах Пуналуа.- Туранская система кровосмешения.-Создана семьей Пуналуа. - Доказывает существование этой семьи в момент формирования системы. -Детали системы. -Объяснение ее связей в их происхождении. -Таблица туранской и гановановской систем кровосмешения и родства.

424

ГЛАВА IV.

СИНДИАСМИЧЕСКАЯ И ПАТРИАРХАЛЬНАЯ СЕМЬИ.

Синдиасмическая семья.-Как образовалась.- Характеристики.-Влияние на нее языческой организации.-Склонность к паре - позднее развитие.-Древнее общество следует изучать там, где можно найти высшие образцы.- Патриархальная семья.-Отцовская власть ее существенная характеристика.-Полигамия подчиненная.-Римская семья аналогичная.- Отцовская власть неизвестная в предыдущих

453

семьях.

ГЛАВА V.

МОНОГАМНАЯ СЕМЬЯ.

468

Эта семья сравнительно современная.-
Термин Familia.- Семья древних германцев.-
Гомеровских греков.- Цивилизованных
греков.- Затворничество [Pg xvi] жен.-
Обязательства моногамии, не соблюдаемые
мужчинами.- Римская семья.- Жены под
властью.- Арийская система
кровосмешения.- Возникла при моногамии.-
Предыдущая система, вероятно, туранская.-
Переход от туранской к арийской.- Римская и
арабская системы кровосмешения.- Детали
первой.- Настоящая моногамная семья.-
Таблица римской и арабской систем.

ГЛАВА VI.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТОВ, СВЯЗАННЫХ С СЕМЬЕЙ.

498

Последовательность отчасти
гипотетическая.- Соотношение этих
институтов в порядке их возникновения.-
Доказательства их возникновения в
названном порядке.- Рассмотрение гипотезы
деградации.- Древность человечества.

ЧАСТЬ IV.

РАЗВИТИЕ ИДЕИ СОБСТВЕННОСТИ.

ГЛАВА I.

ТРИ ПРАВИЛА НАСЛЕДОВАНИЯ.

522

Собственность в дикарском состоянии.-
Медленный темп прогресса.- Первое правило
наследования.- Собственность
распределяется среди язычников.-
Собственность в низшем состоянии
варварства.- Зародыш второго правила
наследования.- Распределение среди
агнатических родственников.- Улучшение
характера человека.- Собственность в
среднем состоянии.- Правило наследования
несовершенно известно.- Вероятно
агнатическое наследование.

ГЛАВА II.

ТРИ ПРАВИЛА НАСЛЕДОВАНИЯ - ПРОДОЛЖЕНИЕ.

537

Собственность в верхнем статусе
варварства.- Рабство.- Владение землей в
греческих племенах.- Культура того периода.-
Ее блеск.- Третье правило наследования.-
Исключительно на детей.- Еврейские
племена.- Правило наследования.- Дочери
Зелофеда.- Собственность оставалась во
фратрии, и, возможно, в родах.-
Возвращение.-Афинские наследники.-
Исключительно дети.-Возвращение.-
Наследство оставалось в роду.-Наследницы.-
Завещания.-Римское наследство.-
Возвращение.-Имущество оставалось в
роду.-Появление аристократии.-
Имущественная карьера человеческой
расы.-Единство происхождения
человечества.

ЧАСТЬ I. - РОСТ ИНТЕЛЛЕКТА БЛАГОДАРЯ ИЗОБРЕТЕНИЯМ И ОТКРЫТИЯМ.

ДРЕВНЕЕ ОБЩЕСТВО

ГЛАВА I. - ЭТНИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ.

Прогресс человечества с самого низа шкалы.- Проиллюстрирован изобретениями, открытиями и институтами.- Два плана правления - один языческий и социальный, дающий общество (*Societas*); другой политический, дающий государство (*Civitas*).- Первый основан на людях и джентилизме; второй - на территории и собственности.- Первый - план правления древнего общества.- Второй - современного или цивилизованного общества.- Единообразие человеческого опыта.- Предполагаемые этнические периоды-I. Низший статус дикости; II. Средний статус дикости; III. Верхний статус дикости; IV. Нижний статус варварства; V. Средний статус варварства; VI. Верхний статус варварства; VII. Статус цивилизации.

Последние исследования, касающиеся раннего состояния человеческой расы, склоняют к выводу, что человечество начинало свой путь с низшей ступени развития и прошло путь от дикости к цивилизации путем медленного накопления экспериментальных знаний.

Поскольку неоспоримо, что часть человеческой семьи существовала в состоянии дикости, другая часть - в состоянии варварства, а третья - в состоянии цивилизации, кажется, что эти три различных состояния связаны друг с другом в естественной, а также необходимой последовательности прогресса. Более того, то, что эта последовательность была исторически верна для всей человеческой семьи, вплоть до статуса, достигнутого каждой ветвью соответственно, становится вероятным благодаря условиям, при которых происходит любой прогресс, и известному продвижению нескольких ветвей семьи через два или более из этих условий.

На следующих страницах будет предпринята попытка привести дополнительные доказательства грубости раннего состояния человечества, постепенного развития его умственных и моральных способностей через опыт, а также его длительной борьбы с препятствиями на пути к цивилизации. Частично это можно почерпнуть из великой последовательности изобретений и открытий, которая тянется по всему пути человеческого прогресса; но главным образом из внутренних институтов, которые выражают рост определенных идей и страстей.

Возвращаясь по нескольким линиям прогресса к первобытным эпохам человечества и устраняя одно за другим, в порядке их появления, изобретения и открытия, с одной стороны, и институты - с другой, мы можем понять, что первые стоят друг к другу в прогрессивных, а вторые - в разворачивающихся отношениях. В то время как первые имели более или менее прямую связь, вторые развивались из нескольких первичных зародышей мысли. Современные институты уходят своими корнями в период варварства, в который их зародыши перешли из предыдущего периода дикости. Они имеют линейное происхождение через века, с потоками крови, а также логическое развитие.

Таким образом, наше внимание привлекают две независимые линии исследования. Одна ведет через изобретения и открытия, другая - через первичные институты. С помощью полученных знаний мы можем надеяться определить основные этапы развития человечества. Доказательства, которые мы приведем, будут взяты главным образом из отечественных институтов; ссылки на достижения более строгого интеллектуального характера носят общий и подчиненный характер.

Факты указывают на постепенное формирование и последующее развитие определенных идей, страстей и стремлений. Те из них, которые занимают наиболее заметные позиции, могут быть обобщены как порождения конкретных идей, с которыми они связаны. Помимо изобретений и открытий, это следующие:

I. <i>Пропитание,</i>	V. <i>Религия,</i>
II. <i>Правительство,</i>	VI. <i>Домашняя жизнь и архитектура,</i>
III. <i>Язык,</i>	VII. <i>Недвижимость.</i>
IV. <i>Семья,</i>	

Первое. Средства к существованию увеличивались и совершенствовались благодаря ряду последовательных искусств, вводимых через большие промежутки времени и связанных более или менее непосредственно с изобретениями и открытиями.

Во-вторых. Зародыш правительства следует искать в организации родов в состоянии дикости; и проследить, как развиваются формы этого института, до создания политического общества.

Третье. Человеческая речь, по-видимому, развилась из самых грубых и простых форм выражения. Жесты или язык жестов, как намекает Лукреций,¹ должны были предшествовать артикуляционному языку, как мысль предшествовала речи. Моносиллабический язык предшествовал слоговому, как тот предшествовал конкретным словам. Человеческий интеллект, не осознавая замысла, развил членораздельный язык, используя голосовые звуки. Эта большая тема, сама по себе являющаяся отделом знаний, не входит в рамки настоящего исследования.

Четвертое. Что касается семьи, то этапы ее развития отражены в системах кровосмешения и родства, а также в обычаях, связанных с браком, с помощью которых семья может быть определенно прослежена через несколько последовательных форм.

Пятое. Рост религиозных идей сопряжен с такими внутренними трудностями, что он никогда не получит вполне удовлетворительного объяснения. Религия в такой степени связана с воображением и эмоциональной природой, а следовательно, с такими неопределенными элементами знания, что все примитивные религии гротескны и в некоторой степени невразумительны. Эта тема также не входит в план данной работы, за исключением тех случаев, когда она может послужить поводом для случайных предложений.

Шестое. Архитектура дома, связанная с формой семьи и планом домашней жизни, представляет собой достаточно полную иллюстрацию прогресса от дикости к цивилизации. Ее рост можно проследить от хижины дикаря, через общинные дома варваров, к дому отдельной семьи цивилизованных народов, со всеми последовательными звеньями, которыми одна крайность связана с другой. Эта тема будет затронута попутно.

Наконец. Идея собственности формировалась в человеческом сознании медленно, оставаясь зарождающейся и слабой на протяжении огромных периодов времени. Зародившись в дикости, она потребовала всего опыта этого периода и последующего периода варварства, чтобы развить зародыш и подготовить человеческий мозг к принятию ее контролирующего влияния. Его господство как страсти над всеми другими страстями знаменует собой начало цивилизации. Она не только привела человечество к преодолению препятствий, которые задерживали развитие цивилизации, но и к созданию политического общества на основе территории и собственности. Критическое изучение эволюции идеи собственности позволило бы охватить, в некоторых отношениях, наиболее примечательную часть ментальной истории человечества.

Моей целью будет представить некоторые свидетельства человеческого прогресса по этим нескольким линиям и через последовательные этнические периоды, как он проявляется в изобретениях и открытиях, а также в росте идей правительства, семьи и собственности.

Здесь можно предположить, что все формы правления сводятся к двум общим планам, используя слово "план" в его научном смысле. В своих основах они принципиально различны. Первый, в порядке времени, основан на людях и на чисто личных отношениях и может быть выделен как общество (*societas*). Единицей этой организации является род; в качестве последовательных стадий интеграции в архаический период выделяют род, фратрию, племя и конфедерацию племен, которые составляют народ или нацию (*populus*). В более поздний период на смену конфедерации племен, занимавших независимые территории, пришло объединение племен, живших на одной территории, в народ. Такова, на протяжении длительных веков, после появления *gens*, была по существу универсальная организация древнего общества; она сохранилась у греков и римлян после наступления цивилизации. Вторая основана на территории и собственности и может быть выделена как государство (*civitas*). Основой или единицей последнего является волость или приход,

очерченный метрами и границами, с находящейся в нем собственностью, а результатом - политическое общество. Политическое общество организовано на территориальных территориях и имеет дело с имуществом, а также с людьми через территориальные отношения. Последовательные стадии интеграции - это волость или приход, который является единицей организации; графство или провинция, которая является совокупностью волостей или приходов; и национальный домен или территория, которая является совокупностью графств или провинций; люди каждого из которых организованы в политическое тело. Грекам и римлянам пришлось в меру своих возможностей, после того как они обрели цивилизацию, изобрести дем или поселок и городской округ, и таким образом положить начало второму великому плану управления, который сохраняется среди цивилизованных народов до настоящего времени. В древнем обществе этот территориальный план был неизвестен. Когда он появился, то установил пограничную линию между древним и современным обществом, как это различие будет признано на этих страницах.

Можно также отметить, что домашние институты варварских и даже диких предков человечества до сих пор демонстрируются в некоторых частях человеческой семьи с такой полнотой, что, за исключением строго первобытного периода, несколько стадий этого прогресса достаточно хорошо сохранились. Они видны в организации общества на основе пола, затем на основе родства и, наконец, на основе территории; в последовательных формах брака и семьи, с созданными таким образом системами кровосмешения; в домашней жизни и архитектуре; и в прогрессе в обычаях в отношении владения и наследования собственности.

Теория деградации человека, объясняющая существование дикарей и варваров, больше не выдерживает критики. Она возникла как следствие космогонии Моисея и была принята в силу предполагаемой необходимости, которой больше нет. Как теория, она не только не способна объяснить существование дикарей, но и не находит поддержки в фактах человеческого опыта.

Далекие предки арийских народов предположительно прошли через опыт, схожий с опытом существующих варварских и диких племен. Хотя опыт этих народов содержит всю информацию, необходимую для иллюстрации периодов цивилизации, как древней, так и современной, вместе с частью опыта более позднего периода варварства, их предшествующий опыт должен быть выведен, в основном, из прослеживаемой связи между элементами их существующих учреждений и изобретений и аналогичными элементами, все еще сохраняющимися в племенах дикарей и варваров.

Наконец, можно отметить, что опыт человечества протекал почти одинаково; что человеческие потребности в подобных условиях были в основном одинаковыми; и что действия ментального принципа были одинаковыми в силу специфической идентичности мозга всех рас человечества. Однако это лишь часть объяснения единообразия результатов. Зародыши основных институтов и искусств жизни были разработаны, когда человек был еще дикарем. В очень большой степени опыт последующих периодов варварства и цивилизации был потрачен на дальнейшее развитие этих первоначальных концепций. Везде, где на разных континентах можно проследить связь между существующим институтом и общим зародышем, подразумевается происхождение самих людей из общего первоначального фонда.

Обсуждение этих нескольких классов фактов будет облегчено выделением определенного количества этнических периодов, каждый из которых представляет собой отдельное

состояние общества и отличается свойственным ему образом жизни. Термины "*каменный век*", "*бронзовый*" и "*железный*", введенные датскими археологами, были чрезвычайно полезны для определенных целей и останутся таковыми для классификации предметов древнего искусства; но прогресс знаний сделал необходимыми другие и различные подразделения. Каменные орудия не были полностью отброшены с появлением железных и бронзовых инструментов. Изобретение процесса выплавки железной руды создало этническую эпоху, но вряд ли можно датировать другую эпоху производством бронзы. Более того, поскольку период каменных орудий перекрывает бронзовые и железные, а бронзовых - железные, они не поддаются описанию, которое оставило бы каждую из них независимой и отдельной.

Вполне вероятно, что сменяющие друг друга виды искусства, возникавшие через большие промежутки времени, в конечном итоге, в силу большого влияния, которое они должны были оказывать на состояние человечества, станут наиболее удовлетворительным основанием для этих делений. Но исследования в этом направлении не были проведены достаточно далеко, чтобы дать необходимую информацию. С нашими нынешними знаниями главный результат может быть достигнут путем отбора таких изобретений или открытий, которые позволят достаточно проверить прогресс, чтобы охарактеризовать начало последовательных этнических периодов. Даже если эти периоды будут приняты как предварительные, они будут признаны удобными и полезными. Каждый из предлагаемых периодов будет охватывать определенную культуру и представлять определенный образ жизни.

Период дикости, о ранней части которого известно очень мало, можно условно разделить на три подпериода. Они могут быть названы соответственно *Старшим*, *Средним* и *Поздним* периодом дикости; а состояние общества в каждом из них может быть названо соответственно *Нижним*, *Средним* и *Верхним статусом* дикости.

Таким же образом период варварства естественным образом делится на три подпериода, которые будут называться, соответственно, *Старший*, *Средний* и *Поздний* период варварства; и состояние общества в каждом из них, соответственно, будет различаться как *Нижний*, *Средний* и *Верхний статус* варварства.

Трудно, если не сказать невозможно, найти такие критерии прогресса, чтобы отметить начало этих нескольких периодов, которые были бы абсолютными в своем применении и без исключений на всех континентах. Но для данной цели и не нужно, чтобы исключения не существовали. Будет достаточно, если основные племена человечества можно будет классифицировать по степени их относительного прогресса на условия, которые можно будет признать различными.

I. Низший статус дикости.

Этот период начался с младенчества человеческой расы и, можно сказать, закончился с приобретением рыбного пропитания и знания об использовании огня. Тогда человечество жило в своем изначальном ограниченном ареале и питалось фруктами и орехами. К этому периоду относится и зарождение членораздельной речи. До исторического периода не сохранилось ни одного примера племен человечества в таком состоянии.

II. Среднее состояние дикости.

Он начался с добывания рыбного пропитания и знания об использовании огня, а закончился изобретением лука и стрел. Находясь в таком состоянии, человечество распространилось из своей первоначальной среды обитания на большую часть земной поверхности. Среди до сих

пор существующих племен оно оставит в среднем состоянии дикости, например, австралийцев и большую часть полинезийцев, когда они были открыты. Достаточно привести один или несколько примеров каждого статуса.

III. Верхний статус дикости.

Он начался с изобретения лука и стрел и закончился изобретением гончарного искусства. В верхнем статусе саваджери остались племена атапасков на территории Гудзонова залива, племена долины реки Колумбия и некоторые племена побережья Северной и Южной Америки, но по отношению ко времени их открытия. На этом период саваджери заканчивается.

IV. Более низкий статус варварства.

Изобретение или практическое применение гончарного искусства, с учетом всех обстоятельств, является, вероятно, наиболее эффективным и убедительным тестом, который можно выбрать для установления пограничной линии, обязательно произвольной, между дикостью и варварством. Различие этих двух состояний давно признано, но до сих пор не было предложено никакого критерия для перехода от первого ко второму. Таким образом, все племена, которые так и не овладели гончарным искусством, будут отнесены к дикарям, а те, которые владели этим искусством, но так и не овладели фонетическим алфавитом и письменностью, будут отнесены к варварам.

Первый подпериод варварства начался с изготовления керамики, будь то оригинальное изобретение или перенятие. При определении его окончания и начала Среднего состояния возникает трудность, связанная с неравенством возможностей двух полушарий, которое начало оказывать влияние на человеческие дела после того, как период дикости прошел. Однако ее можно преодолеть, приняв эквиваленты. В Восточном полушарии одомашнивание животных, а в Западном - выращивание кукурузы и растений с помощью ирригации, а также использование саманного кирпича и камня в строительстве домов были выбраны в качестве достаточного свидетельства прогресса для перехода из нижнего в средний статус варварства. В нижнем статусе остались, например, индейские племена Соединенных Штатов к востоку от реки Миссури и такие племена Европы и Азии, которые практиковали гончарное искусство, но не имели домашних животных.

V. Средний статус варварства.

Оно началось с одомашнивания животных в Восточном полушарии, а в Западном - с возделывания земли с помощью ирригации и использования саманного кирпича и камня в архитектуре, как показано на рисунке. Его окончание можно зафиксировать с изобретением процесса плавки железной руды. Это относит к среднему состоянию, например, индейцев селения Нью-Мексико, Мексики, Центральной Америки и Перу, а также такие племена Восточного полушария, которые имели домашних животных, но не имели представления о железе. Древние бритты, хотя и были знакомы с использованием железа, справедливо относятся к этой группе. Соседство с более развитыми континентальными племенами продвинуло жизненные искусства среди них далеко за пределы состояния развития их домашних институтов.

VI. Верхний статус варварства.

Оно началось с производства железа, а закончилось изобретением фонетического алфавита и использованием письменности в литературном творчестве. Здесь начинается цивилизация. В верхнем статусе остаются, например, греческие племена гомеровского периода, итальянские племена незадолго до основания Рима и германские племена времен Цезаря.

VII. Статус цивилизации.

Она началась, как уже говорилось, с использования фонетического алфавита и создания литературных записей и делится на *древнюю* и *современную*. В качестве эквивалента можно допустить иероглифическое письмо на камне.

РЕКАПИТУЛЯЦИЯ.

Периоды.		Условия.	
I.	<i>Древний период дикости,</i>	I.	<i>Низший период дикости,</i>
II.	<i>Средний период дикости,</i>	II.	<i>Средний статус дикости,</i>
III.	<i>Поздний период саваджеризма,</i>	III.	<i>Верхний статус саваджери,</i>
IV.	<i>Более древний период варварства,</i>	IV.	<i>Низший период варварства,</i>
V.	<i>Средний период варварства,</i>	V.	<i>Среднее состояние варварства,</i>
VI.	<i>Поздний период варварства,</i>	VI.	<i>Верхнее состояние варварства,</i>

VII. Статус цивилизации.

I.	<i>Низший статус дикости,</i>	<i>От младенчества человеческой расы до начала следующего периода.</i>
II.	<i>Средний статус дикости,</i>	<i>От приобретения рыбного пропитания и знания об использовании огня до т.д.</i>
III.	<i>Верхний статус дикости,</i>	<i>От изобретения лука и стрел до т.д.</i>
IV.	<i>Нижний статус варварства,</i>	<i>От изобретения гончарного искусства и т. д.</i>
V.	<i>Средний статус варварства,</i>	<i>От одомашнивания животных на Восточном полушарии, а на Западном от выращивания кукурузы и растений с помощью ирригации, с использованием саманного кирпича и камня, и т.д.</i>
VI.	<i>Верхний статус варварства,</i>	<i>От изобретения процесса плавки железной руды, с использованием железных инструментов, до др.</i>

VII.	<i>Состояние цивилизации,</i>	<i>От изобретения фонетического алфавита, с использованием письменности, до настоящего времени.</i>
------	-------------------------------	---

Каждый из этих периодов имеет свою культуру и демонстрирует образ жизни, более или менее особый и свойственный только ему. Такая специализация этнических периодов позволяет рассматривать конкретное общество в соответствии с его состоянием относительной продвинутой и делать его предметом самостоятельного изучения и обсуждения. То, что разные племена и народы на одном континенте и даже в одной языковой семье находятся в разных условиях в одно и то же время, не влияет на основной результат, поскольку для нас существенным фактом является *состояние* каждого из них, а *время* несущественно.

Поскольку использование керамики менее значимо, чем использование домашних животных, железа или фонетического алфавита, применяемого для обозначения начала последующих этнических периодов, следует указать причины ее принятия. Изготовление керамики предполагает деревенскую жизнь и значительный прогресс в простых искусствах.² Кремневые и каменные орудия более древние, чем керамика, остатки первых были найдены в древних хранилищах в многочисленных случаях без сопровождения последних. Должна была пройти череда изобретений, более необходимых и приспособленных к более низким условиям, прежде чем возникла необходимость в гончарном деле. Начало деревенской жизни с некоторой степенью контроля над пропитанием, деревянные сосуды и утварь, плетение из нитей коры, плетение корзин, лук и стрелы появляются раньше гончарного искусства. Деревенские индейцы, находившиеся на среднем этапе варварства, такие как зуны, ацтеки и чолуланцы, изготавливали керамику в больших количествах и во многих формах, отличавшихся значительным совершенством; частично деревенские индейцы Соединенных Штатов, которые находились в нижнем статусе варварства, такие как ирокезы, чокта и чероки, изготавливали ее в меньших количествах и в ограниченном количестве форм; но несадоводческие индейцы, которые находились в статусе дикости, такие как атапаски, племена Калифорнии и долины реки Колумбия, не знали о ее использовании.³ В *"Доисторических временах"* Лаббока, в *"Ранней истории человечества"* Тайлора и в *"Человеческих расах"* Пешеля сведения об этом искусстве и масштабах его распространения собраны с поразительной широтой исследования. Оно было неизвестно в Полинезии (за исключением островов тонганцев и фиджийцев), в Австралии, в Калифорнии и на территории Гудзонова залива. Мистер Тайлор отмечает, что "искусство ткачества было неизвестно на большинстве островов, расположенных вдали от Азии", и что "на большинстве островов Южного моря не было известно гончарное дело".⁴ Преподобный Лоример Фисон, английский миссионер, проживавший в Австралии, в ответ на вопросы автора сообщил, что "австралийцы не имели ни тканых тканей, ни гончарных изделий, не знали лука и стрел". Последний факт в целом относится и к полинезийцам. Внедрение керамики стало новой эпохой в человеческом прогрессе в направлении улучшения жизни и повышения бытовых удобств. В то время как кремневые и каменные орудия, появившиеся раньше и потребовавшие длительного времени для развития всех видов их использования, дали каноэ, деревянные сосуды и утварь, а в конечном итоге - древесину и доски в архитектуре дома,⁵ керамика дала прочный сосуд для варки пищи, которая до этого грубо осуществлялась в корзинах, обмазанных глиной, и в выстланных кожей углублениях, причем варка осуществлялась с помощью нагретых камней.⁶

Вопрос о том, закалялась ли керамика аборигенов огнем или отвердевала в результате простого процесса сушки, остается открытым. Профессор Э. Т. Кокс из Индианаполиса

показал, сравнив анализы древней керамики и гидравлических цементов, "что по химическим составляющим она (керамика) очень хорошо согласуется с составом гидравлических камней". Далее он замечает, что "вся керамика, относящаяся к эпохе строителей курганов, которую я видел, состоит из аллювиальной глины и песка или смеси первых с измельченными пресноводными раковинами. Паста из такой смеси в высокой степени обладает свойствами гидравлического пуццуолани и портландцемента, так что сосуды, сформированные из нее, затвердевали без обжига, как это принято в современной керамике. Фрагменты раковин служили гравием или осколками камня, как это делается в настоящее время в сочетании с гидравлической известью для изготовления искусственного камня".⁷ Состав индийской керамики по аналогии с составом гидравлического цемента указывает на трудности, стоявшие на пути изобретения этого искусства, а также объясняет поздний срок его появления в ходе человеческого опыта. Несмотря на гениальное предположение профессора Кокса, вполне вероятно, что керамика затвердевала под воздействием искусственного тепла. В некоторых случаях этот факт подтверждается напрямую. Так, Адаир, говоря о племенах Залива, отмечает, что "они делают глиняные горшки самых разных размеров, вмещающие от двух до десяти галлонов, большие кувшины для переноски воды, миски, блюда, тарелки, тазы и огромное количество других сосудов таких древних форм, которые было бы утомительно описывать и невозможно назвать. Их метод глазирования заключается в том, что они помещают их на большой костер из дымящейся смолы, что делает их гладкими, черными и твердыми".⁸

Еще одним преимуществом выделения определенных этнических периодов является направление специальных исследований на те племена и народы, которые являются наилучшим примером каждого статуса, с целью сделать каждый из них стандартным и показательным. Некоторые племена и семьи были оставлены в географической изоляции, чтобы решать проблемы прогресса путем оригинальных умственных усилий; и, следовательно, сохранили свои искусства и институты чистыми и однородными; в то время как искусства и институты других племен и народов были искажены внешним влиянием. Так, если Африка была и остается этническим хаосом дикости и варварства, то Австралия и Полинезия были дикими, чистыми и простыми, с искусствами и институтами, соответствующими этому состоянию. Таким же образом индейская семья Америки, в отличие от любой другой существующей семьи, является примером состояния человечества в трех последовательных этнических периодах. Находясь в беспрепятственном владении огромным континентом, имея общее происхождение и однородные институты, они, когда их обнаружили, проиллюстрировали каждое из этих состояний, и особенно те, которые относятся к нижнему и среднему состоянию варварства, более подробно и полно, чем любая другая часть человечества. Крайние северные индейцы и некоторые племена побережья Северной и Южной Америки находились в верхнем статусе дикости; частично деревенские индейцы к востоку от Миссисипи - в нижнем статусе варварства, а деревенские индейцы Северной и Южной Америки - в среднем статусе. Такой возможности получить полную и подробную информацию о ходе человеческого опыта и прогресса в развитии искусств и институтов через эти сменяющие друг друга условия не было в течение исторического периода. Следует добавить, что она была улучшена в незначительной степени. Наши самые большие недостатки относятся к последнему из названных периодов.

Различия в культуре того же периода в Восточном и Западном полушариях, несомненно, существовали вследствие неодинаковой обеспеченности континентов; но условия жизни общества в соответствующем статусе должны были быть, в основном, сходными.

Предки греческих, римских и германских племен прошли через указанные нами стадии, в середине последней из которых на них пал свет истории. Их выделение из неразличимой массы варваров произошло, вероятно, не ранее начала Среднего периода варварства. Опыт этих племен утрачен, за исключением той части, которая представлена учреждениями, изобретениями и открытиями, которые они принесли с собой и которыми обладали, когда впервые попали под историческое наблюдение. Греческие и латинские племена гомеровского и ромульского периодов являются высшим примером верхнего состояния варварства. Их институты также были чистыми и однородными, и их опыт напрямую связан с окончательным достижением цивилизации.

Таким образом, начиная с австралийцев и полинезийцев, затем племен американских индейцев и заканчивая римлянами и греками, которые являются высшими образцами шести великих стадий человеческого прогресса, можно предположить, что совокупность их объединенного опыта справедливо представляет собой опыт человеческой семьи от среднего состояния дикости до конца древней цивилизации. Следовательно, арийские народы найдут тип состояния своих далеких предков, когда они были в дикости, в состоянии австралийцев и полинезийцев; когда они были в нижнем статусе варварства, в состоянии частично деревенских индейцев Америки; и когда они были в среднем статусе, в состоянии деревенских индейцев, с которыми их собственный опыт в верхнем статусе непосредственно связан. Институты искусства и образ жизни в одном и том же статусе на всех континентах настолько идентичны, что архаичную форму основных домашних институтов греков и римлян даже сейчас приходится искать в соответствующих институтах американских аборигенов, как будет показано в ходе работы над этим томом. Этот факт является частью накапливающихся доказательств, свидетельствующих о том, что основные институты человечества развились из нескольких первичных зародышей мысли; и что ход и способ их развития были predetermined, а также ограничены узкими пределами расхождения, естественной логикой человеческого разума и необходимыми ограничениями его возможностей. Было установлено, что прогресс в племенах и народах, населяющих разные и даже не связанные друг с другом континенты, при одинаковом статусе был практически одинаковым, а отклонения от единообразия в отдельных случаях были вызваны особыми причинами. Этот аргумент, если его расширить, позволяет утверждать единство происхождения человечества.

Изучая состояние племен и народов в эти несколько этнических периодов, мы имеем дело, по сути, с древней историей и состоянием наших собственных далеких предков.

ГЛАВА II. - ИСКУССТВО ДОБЫВАНИЯ СРЕДСТВ К СУЩЕСТВОВАНИЮ.

Господство человечества над Землей; - Контроль над добычей пищи; - Условие; - Человечество одно добилось этого контроля; - Преемственные искусства добывания пищи; - I. Природное пропитание; II. Рыбное пропитание; III. Дальневосточное пропитание; IV. Мясное и молочное пропитание; V. Неограниченное пропитание благодаря полевому земледелию. - Длинные промежутки времени между ними.

Тот важный факт, что человечество начинало с нижней ступени шкалы и развивалось вверх, выразительно проявляется в сменяющих друг друга способах добывания средств к существованию. От их мастерства в этом направлении зависел весь вопрос господства человека на земле. Человечество - единственное существо, о котором можно сказать, что оно обрело абсолютный контроль над производством пищи, чего изначально не было у других животных. Не расширив основу существования, человечество не смогло бы распространиться в другие районы, не обладающие теми же видами пищи, и в конечном итоге по всей поверхности Земли; и наконец, не получив абсолютного контроля над ее разнообразием и количеством, оно не смогло бы размножиться до густонаселенных народов. Поэтому вполне вероятно, что великие эпохи человеческого прогресса были связаны, более или менее непосредственно, с расширением источников существования.

Мы можем выделить пять таких источников пищи для человека, созданных, как можно выразиться, множеством последовательных искусств, одно дополняло другое и появлялось через большие промежутки времени. Первые два возникли в период дикости, а последние три - в период варварства. Они следующие, изложенные в порядке их появления:

I. Естественное питание плодами и корнями на ограниченной территории.

Это положение возвращает нас в сугубо первобытный период человечества, когда немногочисленные, простые в питании и занимающие ограниченные территории люди только начинали свою новую карьеру. К этому периоду не относится ни одно искусство, ни один институт, и только одно изобретение - язык - может быть связано с такой отдаленной эпохой. Указанный тип существования предполагает тропический или субтропический климат. Именно в таком климате, по общему мнению, находилось место обитания первобытного человека. Мы привыкли считать, что наши прародители начали свое существование во фруктовых и ореховых лесах под тропическим солнцем, и не без оснований.

Расы животных предшествовали расам человечества в порядке убывания времени. Мы можем с полным основанием предположить, что в момент появления человеческой расы они были в самом расцвете сил и численности. Классические поэты изображали человеческие племена, обитающие в рощах, пещерах и лесах, за обладание которыми они спорили с дикими зверями⁹ - в то время как они поддерживали себя спонтанными плодами земли. Если человечество начинало свой путь без опыта, без оружия и в окружении свирепых животных, то не исключено, что оно, по крайней мере частично, было древоточцем, как средство защиты и безопасности.

Поддержание жизни путем постоянного добывания пищи - это великое бремя, возложенное на существование всех видов животных. По мере того как мы спускаемся по шкале структурной организации, существование становится все более и более простым на каждом этапе, пока тайна окончательно не исчезает. Но, поднимаясь вверх по шкале, оно становится все более сложным, пока не достигает высшей структурной формы - человека, когда оно достигает максимума.

Отныне интеллект становится более заметным фактором. Животная пища, по всей вероятности, вошла в потребление человека очень рано, но был ли ее активный поиск, когда человечество было по сути экономным на практике, хотя и всеядным по структурной организации, остается вопросом догадок. Этот способ добывания пропитания относится к строго первобытному периоду.

II. Рыбное пропитание.

В рыбе следует признать первый вид искусственной пищи, поскольку она не была полностью доступна без приготовления. Для этой цели впервые был использован огонь, что маловероятно. Рыба была универсальной в распространении, неограниченной в поставках и единственным видом пищи во все времена. Злаки в первобытный период были еще неизвестны, если они вообще существовали, а охота на дичь была слишком ненадежной, чтобы стать единственным средством существования человека. Благодаря этому виду пищи человечество стало независимым от климата и местности, и, следуя берегам морей и озер, а также руслам рек, могло, находясь в диком состоянии, распространиться по большей части земной поверхности. О факте этих миграций свидетельствуют остатки кремневых и каменных орудий, относящихся к статусу дикарей, найденные на всех континентах. При опоре на плоды и спонтанное пропитание удаление от первоначальной среды обитания было бы невозможным.

Между появлением рыбы, за которым последовали названные широкие миграции, и культивированием фарнисовой пищи лежит огромный промежуток времени. Он охватывает большую часть периода дикости. Но за это время произошло значительное увеличение разнообразия и количества пищи. Например, хлебные корни, приготовленные в земляных печах, и постоянное добавление дичи благодаря усовершенствованному оружию, особенно луку и стрелам. Это замечательное изобретение, появившееся после копья и боевой дубины и ставшее первым смертоносным оружием для охоты, появилось в дикости поздно.¹⁰

Его использовали для обозначения начала его верхнего статуса. Оно должно было оказать мощное восходящее влияние на древнее общество, находясь в таком же отношении к периоду дикости, как железный меч к периоду варварства, а огнестрельное оружие - к периоду цивилизации.

Из-за неустойчивого характера всех этих источников пищи, за пределами больших рыбных угодий, каннибализм стал тяжелым прибежищем человечества. Древняя универсальность этой практики постепенно подтверждается.

III. Фаринное пропитание благодаря культивированию.

Теперь мы покидаем дикость и вступаем в нижнюю стадию варварства. Культивирование злаков и растений было неизвестно в Западном полушарии, за исключением племен, вышедших из дикости; и, похоже, оно было неизвестно в Восточном полушарии до тех пор, пока племена Азии и Европы не прошли через нижний и не приблизились к завершению среднего статуса варварства. Это дает нам тот необычный факт, что американские аборигены в нижнем статусе варварства овладели садоводством на целый этнический период раньше, чем жители Восточного полушария. Это было следствием неодинаковой обеспеченности двух полушарий: Восточное обладало всеми животными, приспособленными к одомашниванию, кроме одного, и большинством злаков, в то время как Западное имело только один злак, пригодный для выращивания, но и тот самый лучший. Это имело тенденцию продлевать более древний период варварства в первом, сокращать его во втором, причем с преимуществом состояния в этот период в пользу американских аборигенов. Но когда наиболее развитые племена Восточного полушария в начале среднего периода варварства одомашнили животных, которые давали им мясо и молоко, их состояние, без знания злаков, было намного лучше, чем у американских аборигенов в соответствующий период, с маисом и растениями, но без домашних животных.

Дифференциация семитских и арийских семейств от массы варваров, по-видимому, началась с одомашнивания животных.

О том, что открытие и выращивание злаков арийской семьей произошло после одомашнивания животных, свидетельствует тот факт, что в нескольких диалектах арийского языка есть общие термины для обозначения этих животных, и нет общих терминов для злаков или культурных растений. Моммзен, показав, что домашние животные имеют одинаковые названия в санскрите, греческом и латыни (которые Макс Мюллер впоследствии распространил на остальные арийские диалекты¹¹), доказывая тем самым, что они были известны и предположительно одомашнены до отделения этих народов друг от друга, продолжает следующим образом: "С другой стороны, у нас пока нет определенных доказательств существования сельского хозяйства в этот период. Язык скорее говорит в пользу отрицательной точки зрения. Из латино-греческих названий зерна ни одно не встречается в санскрите, за единственным исключением ζῆα, которое филологически представляет санскритское *yavas*, но обозначает по-индийски ячмень, а по-гречески - *полбу*. Конечно, следует признать, что такое разнообразие в названиях культурных растений, которое так сильно контрастирует с существенным согласием в названиях домашних животных, не исключает предположения о едином первоначальном сельском хозяйстве. Выращивание риса у индейцев, пшеницы и полбы у греков, ржи и овса у германцев и кельтов - все это может быть связано с общей системой первоначальной обработки почвы".¹² Последнее заключение является вынужденным. Садоводство предшествовало полевой культуре, как сад (*hortos*) предшествовал полю (*ager*); и хотя последнее подразумевает границы, первое означает непосредственно "замкнутое пространство". Обработка почвы, однако, должна была быть более древней, чем закрытый сад; естественный порядок таков: сначала обработка участков открытой аллювиальной земли, затем закрытых пространств или садов, и в-третьих, поля с помощью плуга, приводимого в движение силой животных. Предшествовало ли возделывание таких растений, как горох, бобы, репа, пастернак, свекла, кабачки и дыни, одно или несколько из них, возделыванию зерновых, мы сейчас не знаем. Некоторые из них имеют общие термины в греческом и латинском языках; но наш выдающийся филолог, профессор У. Д. Уитни, заверил меня, что ни один из них не имеет общего термина в греческом, латинском и санскрите.

Садоводство, по-видимому, возникло скорее в связи с потребностями домашних животных, чем человечества. В Западном полушарии оно началось с маиса. Эта новая эра, хотя и не синхронная в двух полушариях, оказала огромное влияние на судьбу человечества. Есть основания полагать, что потребовалось несколько веков, чтобы закрепить искусство культивирования и превратить мучнистую пищу в основную опору. Поскольку в Америке это привело к локализации и деревенской жизни, то, особенно у индейцев, живущих в деревнях, он стремился занять место рыбы и дичи. Кроме того, от злаков и культурных растений человечество получило первое представление о возможности изобилия пищи.

Приобретение мучнистой пищи в Америке и домашних животных в Азии и Европе стало средством избавления продвинутых племен от бича каннибализма, который, как уже говорилось, имеет основания полагать, практиковался повсеместно на протяжении всего периода дикости в отношении захваченных врагов, а во время голода - друзей и сородичей. Каннибализм на войне, практикуемый военными отрядами в полевых условиях, сохранился среди американских аборигенов не только в нижнем, но и в среднем периоде варварства, как, например, среди ирокезов и ацтеков; но общая практика исчезла. Это убедительно иллюстрирует огромное значение, которое имеет постоянное увеличение количества пищи для улучшения состояния человечества.

IV. Мясное и молочное пропитание.

Отсутствие в Западном полушарии животных, приспособленных к одомашниванию, за исключением ламы, ¹³ и специфические различия в зерновых культурах двух полушарий оказали большое влияние на относительное развитие их обитателей. Если в период дикости это неравенство даров было несущественным для человечества и не проявлялось в нижнем статусе варварства, то с достижением среднего статуса оно существенно изменило ситуацию. Одомашнивание животных обеспечило постоянное мясомолочное пропитание, что выделило племена, обладавшие им, из массы других варваров. В Западном полушарии мясо было ограничено скудными запасами дичи. Это ограничение в основных видах пищи было неблагоприятным для индейцев деревни; и, несомненно, в достаточной степени объясняет меньший размер мозга среди них по сравнению с индейцами, находящимися на нижнем этапе варварства. В Восточном полушарии одомашнивание животных позволило бережливым и трудолюбивым людям обеспечить себя постоянными запасами животной пищи, включая молоко; оздоровительное и бодрящее влияние которого на расу, и особенно на детей, было, несомненно, замечательным. По крайней мере, можно предположить, что арийские и семитские семьи обязаны своими выдающимися способностями тому огромному масштабу, в котором, насколько нам известно, они отождествляли себя с поддержанием численности домашних животных. Фактически, они включили их, плоть, молоко и мускулы, в свой жизненный план. ¹⁴ Ни одна другая семья человечества не делала этого в такой же степени, а арийцы - в большей, чем семиты.

Одомашнивание животных постепенно привело к новому образу жизни, пастушескому, на равнинах Евфрата и Индии, а также в степях Азии; на границах одной или другой из них, вероятно, впервые было осуществлено одомашнивание животных. К этим районам относятся и древнейшие предания, и их истории. Таким образом, они попали в регионы, которые не были колыбелью человеческой расы, но которые они не заняли бы, будучи дикарями или варварами в нижнем статусе варварства, для которых лесные районы были естественным домом. Привыкнув к пастушеской жизни, ни одна из этих семей не смогла бы вернуться в лесные районы Западной Азии и Европы со своими отарами и стадами, не научившись предварительно выращивать некоторые злаки, с помощью которых можно было бы прокормиться вдали от травянистых равнин. Поэтому, как уже говорилось, представляется чрезвычайно вероятным, что выращивание злаков возникло в связи с потребностями домашних животных и в связи с этими западными миграциями; и что употребление этими племенами мучных изделий было следствием приобретенных таким образом знаний.

В Западном полушарии аборигены в целом смогли перейти в нижний статус варварства, а часть из них - в средний, без домашних животных, за исключением ламы в Перу, и на одном злаке - маисе, с добавлением бобов, кабачков и табака, а в некоторых районах - какао, хлопка и перца. Но кукуруза, благодаря тому, что она росла на холмах, что благоприятствовало непосредственному возделыванию, была полезна как в зеленом, так и в спелом виде, а также благодаря своей обильной урожайности и питательным свойствам, стала более богатым подспорьем для раннего человеческого прогресса, чем все остальные злаки вместе взятые. Это служит объяснением замечательного прогресса, которого добились американские аборигены без домашних животных; перуанцы произвели бронзу, которая стоит рядом с процессом выплавки железной руды.

V. Неограниченное пропитание благодаря полевому земледелию.

Домашние животные, дополнив человеческие мускулы животной силой, внесли новый фактор, имеющий высочайшую ценность. Со временем производство железа дало плуг с

железным острием, а также более совершенные лопату и топор. Из них, а также из предшествующего садоводства, возникло полевое земледелие, а вместе с ним впервые и неограниченное пропитание. Плуг, приводимый в движение силой животных, можно считать открытием нового искусства. Впервые возникла мысль о сокращении лесов и возделывании обширных полей.¹⁵ Более того, теперь стало возможным плотное население на ограниченных территориях. До появления полевого земледелия вряд ли в какой-либо части Земли можно было бы собрать полмиллиона человек и удержать их под властью одного правительства. Если и случались исключения, то они, должно быть, были результатом пастушеской жизни на равнинах или садоводства, улучшенного ирригацией, в особых и исключительных условиях.

В ходе этих страниц необходимо будет рассказать о семье, как она существовала в различные этнические периоды; ее форма в один период иногда полностью отличалась от формы в другой. В части III эти несколько форм семьи будут рассмотрены особо. Но поскольку они будут часто упоминаться в следующей части, их следует хотя бы определить заранее для сведения читателя. Они следующие:

I. Консангвинистическая семья.

Она была основана на междоусловном браке братьев и сестер в одной группе. В самой древней из существующих систем кровосмешения, малайской, сохранились свидетельства, указывающие на то, что эта первая форма семьи в древности была столь же универсальной, как и созданная ею система кровосмешения.

II. Семья Пуналуан.

Ее название происходит от гавайской фамилии *Пуналуа*. Она была основана на браке нескольких братьев с женами друг друга в одной группе; и нескольких сестер с мужьями друг друга в одной группе. Но термин "брат", используемый здесь, включал в себя первых, вторых, третьих и даже более отдаленных двоюродных братьев по мужской линии, все из которых считались друг другу братьями, как мы считаем собственных братьев; а термин "сестра" включал в себя первых, вторых, третьих и даже более отдаленных двоюродных братьев по женской линии, все из которых были друг другу сестрами, как собственные сестры. Эта форма семьи вытеснила кровосмесительную. Она породила туранскую и гановановскую системы кровосмешения. Как эта, так и предыдущая форма относятся к периоду дикости.

III. Синдиасмическая семья.

Термин происходит от $\sigma\upsilon\nu\delta\iota\alpha\zeta\omega$ - соединять, $\sigma\upsilon\nu\delta\iota\alpha\sigma\mu\acute{o}\varsigma$ - соединение двух вместе. Он был основан на соединении мужчины и женщины в форме брака, но без исключительного сожителства. Это был зародыш моногамной семьи. Развод или расставание происходили по желанию мужа и жены. Эта форма семьи не смогла создать систему кровосмешения.

IV. Патриархальная семья.

Основана на браке одного мужчины с несколькими женами. Этот термин используется здесь в ограниченном смысле для обозначения особой семьи древнееврейских пастушеских племен, вожди и главные мужчины которых практиковали многоженство. За неимением универсальности оно оказывало лишь незначительное влияние на человеческие дела.

V. Моногамная семья.

Основана на браке одного мужчины с одной женщиной, с исключительным сожителем; последнее составляет существенный элемент института. Это преимущественно семья цивилизованного общества, и поэтому она была по сути современной. Эта форма семьи также создала независимую систему кровосмешения.

В другом месте будут приведены доказательства, свидетельствующие о существовании и общей распространенности этих нескольких форм семьи на разных этапах человеческого прогресса.

ГЛАВА III. - СООТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПРОГРЕССА.

Ретроспектива линий человеческого прогресса.- Основные вклады современной цивилизации.- Древняя цивилизация.- Поздний период варварства.- Средний период.- Древний период.- Период дикости.- Смирненное состояние первобытного человека.- Прогресс человечества в геометрическом соотношении.- Относительная продолжительность этнических периодов.- Появление семитских и арийских семей.

Хорошо бы получить представление об относительном объеме и соотношении человеческого прогресса в нескольких названных этнических периодах, сгруппировав достижения каждого из них и сравнив их друг с другом как отдельные классы фактов. Это также позволит нам сформировать некоторое представление об относительной продолжительности этих периодов. Чтобы сделать его убедительным, такой обзор должен быть общим и носить характер пересказа. Кроме того, оно должно быть ограничено основными произведениями каждого периода.

Прежде чем человек мог достичь цивилизованного состояния, необходимо было, чтобы он приобрел все элементы цивилизации. Это подразумевает удивительное изменение состояния: сначала от первобытного дикаря к варвару самого низкого типа, а затем от последнего к греку гомеровского периода или к еврею времен Авраама. Прогрессивное развитие, которое история фиксирует в период цивилизации, было не менее справедливо для человека в каждый из предыдущих периодов.

Если вернуться по нескольким линиям человеческого прогресса к первобытным эпохам существования человека и по одному извлекать его основные институты, изобретения и открытия, в том порядке, в котором они появлялись, то можно понять, какой прогресс был достигнут в каждый период.

Основными достижениями современной цивилизации являются электрический телеграф, угольный газ, прялка и ткацкий станок, паровой двигатель с многочисленными зависимыми от него машинами, включая локомотив, железную дорогу и пароход, телескоп, открытие неподвижности атмосферы и Солнечной системы, искусство печати, шлюз на канале, компас моряка и порох. Масса других изобретений, таких, например, как пропеллер Эрикссона, как выяснится, зависят от того или иного из названных предшественников: но есть и исключения, например фотография, и многочисленные машины, на которые нет необходимости обращать внимание. С ними также следует исключить современные науки; религиозную свободу и общие школы; представительную демократию; конституционную монархию с парламентами; феодальное королевство; современные привилегированные классы; международное, статутное и общее право.

Современная цивилизация восстановила и вобрала в себя все ценное, что было в древних цивилизациях; и хотя ее вклад в сумму человеческих знаний был обширным, блестящим и быстрым, он далеко не так велик, чтобы затмить древние цивилизации и низвести их до сравнительной незначительности.

Миновав эпоху Средневековья, подарившую готическую архитектуру, феодальную аристократию с наследственными титулами и иерархию во главе с папой, мы вступаем в римскую и греческую цивилизации. Они не отличались великими изобретениями и открытиями, но были выдающимися в искусстве, философии и органических институтах. Основным вкладом этих цивилизаций было императорское и царское правление; гражданское право; христианство; смешанное аристократическое и демократическое правительство с сенатом и консулами; демократическое правительство с советом и народным собранием; организация армий на кавалерию и пехоту, с военной дисциплиной; создание флотов, с практикой морской войны; образование больших городов, с муниципальным правом; Торговля на морях; чеканка денег; государство, основанное на территории и собственности; а среди изобретений - обожженный кирпич, подъемный кран,¹⁶ водяное колесо для привода мельниц, мост, акведук и канализация; свинцовая труба, используемая в качестве трубопровода с краном; арка, весы; искусства и науки классического периода с их результатами, включая архитектурные ордера; арабские цифры и алфавитное письмо.

Эти цивилизации в значительной степени опирались на изобретения и открытия, а также на институты предыдущего периода варварства. Достижения цивилизованного человека, хотя и очень великие и выдающиеся, все же далеко не достаточны, чтобы затмить труды человека варварского. Как таковой он создал и овладел всеми элементами цивилизации, за исключением алфавитного письма. Его достижения в качестве варвара следует рассматривать в их отношении к сумме человеческого прогресса; и мы можем быть вынуждены признать, что они превосходят по относительной важности все его последующие работы.

Использование письменности или ее эквивалента в виде иероглифов на камне - это честный тест на зарождение цивилизации.¹⁷ Без литературных записей ни история, ни цивилизация не могут считаться существующими. Создание гомеровских поэм, независимо от того, передавались ли они устно или были записаны в то время, с достаточной степенью приближения фиксирует начало цивилизации среди греков. Эти поэмы, вечно свежие и вечно чудесные, обладают этнологической ценностью, которая безмерно усиливает их другие достоинства. Особенно это касается "Илиады", которая содержит самый древний и самый подробный отчет о прогрессе человечества до момента ее создания. Страбон хвалит Гомера как отца географической науки;¹⁸ но великий поэт дал, возможно, без умысла, то, что было бесконечно более важно для последующих поколений: а именно, удивительно полное изложение искусств, обычаев, изобретений и открытий, а также образа жизни древних греков. В ней впервые дана полная картина арийского общества, еще находящегося в состоянии варварства, показан прогресс, достигнутый в то время, и его особенности. Благодаря этим поэмам мы можем с уверенностью утверждать, что некоторые вещи были известны грекам еще до того, как они вступили на путь цивилизации. Они также проливают свет далеко назад, в эпоху варварства.

Используя гомеровские поэмы в качестве путеводителя и продолжая ретроспективу в поздний период варварства, давайте вычеркнем из знаний и опыта человечества изобретение поэзии; древнюю мифологию в ее развитой форме, с олимпийскими богами; храмовую архитектуру; знание злаков, кроме кукурузы, и культурных растений, с

полевым земледелием;19 города, окруженные стенами из камня, с крепостными стенами, башнями и воротами; использование мрамора в архитектуре;20 строительство кораблей из досок и, возможно, с использованием гвоздей;21 повозка и колесница;22 металлические пластинчатые доспехи;23 медное заостренное копье и чеканный щит;24 железный меч;25 производство вина, вероятно;26 механические силы, за исключением винта; гончарный круг и ручная мельница для помола зерна;27 ткачество льняных и шерстяных тканей на ткацком станке;28 железный топор и лопата;29 железный топор и адз;30 молот и наковальня;31 мехи и кузница;32 и горн для выплавки железной руды, а также знание железа. Наряду с вышеупомянутыми приобретениями следует отбросить моногамическую семью; военные демократии героического века; позднюю фазу организации в gentes phratries и племена; агору или народное собрание, вероятно; знание индивидуальной собственности на дома и земли; и развитую форму муниципальной жизни в укрепленных городах. Когда это будет сделано, высший класс варваров передаст основную часть своих чудесных произведений, вместе с приобретенным таким образом умственным и моральным ростом.

Начиная с этого момента и далее, через средний период варварства, признаки становятся менее отчетливыми, а относительный порядок появления институтов, изобретений и открытий - менее ясным; но мы не лишены некоторых знаний, чтобы направлять наши шаги даже в эти отдаленные эпохи арийской семьи. По причинам, изложенным ранее, для получения необходимой информации теперь можно прибегнуть и к другим семействам, помимо арийского.

Переходя к среднему периоду, давайте вычеркнем из человеческого опыта процесс изготовления бронзы; стада и стада домашних животных; общинные дома33 со стенами из саманной глины и из тесаного камня, выложенного в несколько рядов на растворе из извести и песка; циклопические стены; озерные жилища, построенные на сваях; знание самородных металлов,34 с использованием древесного угля и тигля для их плавки; медный топор и долото; челнок и эмбриональный ткацкий станок; возделывание земли с помощью ирригации, дамб, водохранилищ и оросительных каналов; Мощные дороги; подвесные мосты из осины; личные боги, жречество, отличающееся костюмом и организованное в иерархию; человеческие жертвоприношения; военные демократии ацтекского типа; тканые ткани из хлопка и других растительных волокон в Западной полушарии и из шерсти и льна в Восточной; декоративная керамика; меч из дерева, края которого заострены кремнем; полированные кремневые и каменные орудия; знание хлопка и льна; и домашние животные.

Совокупность достижений в этот период была меньше, чем в последующие, но по своему отношению к сумме человеческого прогресса она была очень велика. Он включает в себя одомашнивание животных в Восточной полушарии, что со временем привело к постоянному мясомолочному питанию и, в конечном счете, к полевому земледелию; а также начало экспериментов с местными металлами, которые привели к получению бронзы,35 , а также и подготовили путь для более высокого процесса плавки железной руды. В Западной полушарии это ознаменовалось открытием и обработкой местных металлов, что привело к самостоятельному производству бронзы; внедрением ирригации для выращивания кукурузы и растений, а также использованием саманного кирпича и камня для строительства больших совместных доходных домов в природе крепостей.

Возвращаясь к ретроспективе и вступая в более древний период варварства, давайте отделим от человеческих приобретений конфедерации, основанные на гентах, фратриях и племенах под управлением совета вождей, которые дали более высокоорганизованное

состояние общества, чем то, которое было известно до этого. Также открытие и выращивание маиса и бобов, сквоша и табака в Западном полушарии, а также знание фаринOIDов; плетение из нитей и прутьев; килт, мокасины и гамаши из дубленой оленьей кожи; духовое ружье для стрельбы по птицам; деревенский острог для обороны; племенные игры; поклонение элементам, со смутным признанием Великого Духа; каннибализм во время войны; и, наконец, искусство гончарного дела.

По мере того как мы поднимаемся в порядке времени и развития, но опускаемся в шкале человеческого прогресса, изобретения становятся все более простыми и более непосредственными в своих отношениях к первичным потребностям; а институты приближаются все ближе и ближе к элементарной форме рода, состоящего из родственников (*consanguinei*), под руководством вождя, выбранного ими самими, и к племени, состоящему из родственных родов, под управлением совета вождей. Состояние азиатских и европейских племен в этот период (ибо

Состояние азиатских и европейских племен в этот период (поскольку арийских и семитских семей тогда, вероятно, еще не существовало) в значительной степени утрачено. Он представлен остатками древнего искусства в период между изобретением керамики и одомашниванием животных; к нему относятся люди, образовавшие раковинные кучи на побережье Балтики, которые, похоже, одомашнили собаку, но не других животных.

При любой справедливой оценке масштабов достижений человечества в эти три подпериода варварства они должны рассматриваться как огромные не только по количеству и внутренней ценности, но и по умственному и моральному развитию, которым они обязательно сопровождались.

Поднимаясь далее по длительному периоду дикости, вычеркнем из человеческого знания организацию в жанты, фратрии и племена; синдиасмическую семью; поклонение стихиям в его низшей форме; слоговой язык; лук и стрелы; каменные и костяные орудия; тростниковые и шиповые корзины; одежду из кожи; пуналуанскую семью; организация по половому признаку; деревня, состоящая из сгруппированных домов; лодочные средства, включая берестяные и выкопанные каноэ; копье, заостренное из кремня, и боевая дубина; кремневые орудия более грубых видов; семья по кровосмешению; моносиллабический язык; фетишизм; каннибализм; знание об использовании огня; и, наконец, язык жестов.³⁶ Когда эта работа по элиминации будет проделана в том порядке, в котором были сделаны эти несколько приобретений, мы приблизимся к младенческому периоду существования человека, когда человечество училось пользоваться огнем, что сделало возможным рыбное пропитание и смену среды обитания, и когда оно пыталось сформировать членораздельный язык. В таком абсолютно примитивном состоянии человек предстает не только ребенком на шкале человечества, но и обладателем мозга, в который не проникло ни одной мысли или концепции, выраженной этими институтами, изобретениями и открытиями; одним словом, он стоит в самом низу шкалы, но потенциально является всем тем, чем он стал с тех пор.

С появлением изобретений и открытий, а также с ростом институтов человеческий разум неизбежно рос и расширялся; и мы вынуждены признать постепенное увеличение самого мозга, особенно его мозговой части. Медленность этого умственного роста была неизбежна в период дикости из-за чрезвычайной трудности создания простейшего изобретения из ничего или почти без ничего, чтобы помочь умственным усилиям; и открытия любого вещества или силы в природе, доступной в таком грубом состоянии жизни. Не менее трудно было организовать простейшую форму общества из таких диких и неподатливых материалов.

Первые изобретения и первые социальные организации, несомненно, были самыми труднодостижимыми, и, следовательно, их отделяли друг от друга самые большие промежутки времени. Яркой иллюстрацией тому служат сменяющие друг друга формы семьи. В этом законе прогресса, который действует в геометрической пропорции, можно найти достаточное их объяснение длительности периода дикости.

То, что раннее состояние человечества было в основном таким, как указано выше, не является исключительно недавним или даже современным мнением. Некоторые из древних поэтов и философов признавали тот факт, что человечество зародилось в состоянии крайней грубости, из которого оно поднималось медленными и последовательными шагами. Они также понимали, что ход их развития был зафиксирован прогрессивной серией изобретений и открытий, но не замечали в полной мере более убедительных аргументов со стороны социальных институтов.

Теперь встает важный вопрос о соотношении этого прогресса, который имеет прямое отношение к относительной продолжительности нескольких этнических периодов. Прогресс человечества, от первого до последнего, был в соотношении не строго, но по существу геометрическом. Это видно из фактов, и теоретически он не мог происходить иначе. Каждый полученный элемент абсолютного знания становился фактором для дальнейших приобретений, пока не была достигнута нынешняя сложность знаний. Следовательно, хотя прогресс был самым медленным по времени в первый период и самым быстрым в последний, относительная величина, возможно, была наибольшей в первый, если рассматривать достижения каждого периода в их отношении к сумме. Можно предположить, что прогресс человечества в период дикости, в его отношении к сумме человеческого прогресса, был больше по степени, чем впоследствии в трех подпериодах варварства; и что прогресс, достигнутый в течение всего периода варварства, был, подобным образом, больше по степени, чем впоследствии в течение всего периода цивилизации.

Что могло быть относительной продолжительностью этих этнических периодов, также является справедливым предметом спекуляций. Точное измерение недостижимо, но можно попытаться приблизиться к нему. Согласно теории геометрической прогрессии, период дикости обязательно был длиннее периода варварства, так же как последний был длиннее периода цивилизации. Если мы примем сто тысяч лет за меру существования человека на земле, чтобы определить относительную продолжительность каждого периода, - а для этого он мог быть длиннее или короче, - то сразу станет ясно, что по крайней мере шестьдесят тысяч лет должны быть отнесены к периоду дикости. Три пятых жизни наиболее развитой части человеческой расы, согласно этому распределению, были проведены в дикости. Из оставшихся лет двадцать тысяч, или одна пятая, должны быть отнесены к Древнему периоду варварства. Для Среднего и Позднего периодов остается пятнадцать тысяч лет, пять тысяч, больше или меньше, для периода цивилизации.

Относительная продолжительность периода дикости скорее занижена, чем завышена. Не обсуждая принципы, на основе которых было сделано это распределение, можно отметить, что в дополнение к аргументу о геометрической прогрессии, в соответствии с которой человеческое развитие по необходимости происходило, градуированная шкала прогресса повсеместно наблюдалась в остатках древнего искусства, и это будет в равной степени справедливо и для учреждений. В этнологии очень важен вывод о том, что дикарский опыт человечества был более продолжительным, чем весь его последующий опыт, и что период цивилизации охватывает лишь фрагмент жизни расы.

Две семьи человечества, арийская и семитская, благодаря смешению различных видов, превосходству средств к существованию или преимуществу положения, а возможно, и всему вместе, первыми вышли из состояния варварства. По сути, они были основателями цивилизации.³⁷ Но их существование как отдельных семейств было, несомненно, в сравнительном смысле поздним событием. Их прародители затерялись в неразличимой массе более ранних варваров. Первое установленное появление арийской семьи было связано с домашними животными, и в это время они были единым народом по языку и национальности. Маловероятно, что арийская или семитская семьи обрели индивидуальность раньше, чем начался средний период варварства, и что их выделение из массы варваров произошло благодаря приобретению ими домашних животных.

Наиболее продвинутая часть человеческой расы останавливалась, так сказать, на определенных этапах прогресса, пока какое-нибудь великое изобретение или открытие, например, одомашнивание животных или выплавка железной руды, не давало новый мощный импульс вперед. Сдерживаемые таким образом, более грубые племена, непрерывно продвигаясь вперед, в разной степени приближались к тому же статусу; ведь там, где существовала континентальная связь, все племена должны были в той или иной степени участвовать в прогрессе друг друга. Все великие изобретения и открытия распространяются сами по себе; но низшие племена должны были оценить их ценность, прежде чем они могли присвоить их. На континентальных территориях некоторые племена будут лидировать, но в течение этнического периода лидерство может неоднократно меняться. Разрушение этнических связей и жизни отдельных племен с последующим их упадком должно было на время задержать восходящий поток человеческого прогресса во многих случаях и во все периоды. Однако, начиная со среднего периода варварства, арийская и семитская семьи, по-видимому, справедливо представляют собой центральные нити этого прогресса, который в период цивилизации постепенно перешел к одной только арийской семье.

Истинность этого общего положения можно проиллюстрировать на примере состояния американских аборигенов в эпоху их открытия. Они начали свой путь на американском континенте в дикости; и, хотя они обладали низшими умственными способностями, большинство из них вышли из дикости и достигли нижнего статуса варварства; в то время как часть из них, деревенские индейцы Северной и Южной Америки, поднялись до среднего статуса. Они одомашнили ламу, единственное четвероногое животное на континенте, которое обещало быть полезным в одомашненном состоянии, и получили бронзу, сплавив медь с оловом. Им требовалось лишь одно изобретение, и то величайшее, - искусство выплавки железной руды, - чтобы продвинуться в Верхний статус. Учитывая отсутствие всякой связи с наиболее развитой частью человеческой семьи в Восточном полушарии, их прогресс в саморазвитии без посторонней помощи из состояния дикарей должен быть признан замечательным. Пока азиаты и европейцы терпеливо ждали появления железных орудий труда, американские индейцы приближались к обладанию бронзой, которая стоит рядом с железом в порядке очереди. В течение этого периода задержки прогресса в Восточном полушарии американские аборигены продвинулись не до того состояния, в котором они находились, но достаточно близко, чтобы достичь его, пока первые проходили через последний период варварства и первые четыре тысячи лет цивилизации. Это дает нам возможность определить продолжительность времени, на которое они отстали от арийской семьи в гонке прогресса: а именно продолжительность Позднего периода варварства, к которому следует добавить годы цивилизации. Арийская и гановановская семьи вместе служат примером всего опыта человека в пяти этнических периодах, за исключением первой части Позднего периода дикости.

Дикость была периодом становления человеческой расы. Начиная с нулевого уровня знаний и опыта, без огня, без членораздельной речи и без искусств, наши прародители-дикари вели великую борьбу, сначала за существование, а затем за прогресс, пока не обеспечили себе безопасность от свирепых животных и постоянное пропитание. В результате этих усилий постепенно возникла развитая речь, и они заселили всю поверхность земли. Но общество в силу своей грубости все еще не было способно к численной организации. Когда наиболее развитая часть человечества вышла из состояния дикости и перешла в нижнее состояние варварства, все население Земли должно было быть малочисленным. Самые ранние изобретения были наиболее сложными для осуществления из-за слабости способности к абстрактному мышлению. Каждое значительное полученное знание закладывало основу для дальнейшего прогресса, но он должен был быть почти незаметным на протяжении многих веков, поскольку препятствия на пути прогресса почти уравнивали силы, направленные против них. Достижения дикарей не являются особенно выдающимися по своему характеру, но они представляют собой поразительное количество упорного труда с использованием слабых средств, продолжавшегося в течение длительных периодов времени, прежде чем была достигнута достаточная степень завершенности. Лук и стрелы служат тому иллюстрацией.

Неполноценность дикаря в умственном и моральном отношении, неразвитого, неопытного, сдерживаемого низменными животными аппетитами и страстями, хотя и неохотно признается, тем не менее, в значительной степени демонстрируется остатками древнего искусства в кремневых, каменных и костяных орудиях, его пещерной жизнью в некоторых областях и его остеологическими останками. Еще более наглядно об этом свидетельствует современное состояние племен дикарей, находящихся на низком уровне развития, оставленных на изолированных участках земли как памятники прошлого. И все же к этому великому периоду дикости относится формирование членораздельного языка и его продвижение на слоговую стадию, создание двух форм семьи, а возможно, и третьей, и организация в генты, которые дали первую форму общества, достойную названия. Все эти выводы вытекают из утверждения, высказанного в самом начале, о том, что человечество начало свою карьеру в самом низу шкалы; "современная наука утверждает, что это доказано самым тщательным и исчерпывающим изучением человека и его творений".³⁸

Подобным образом, великий период варварства был ознаменован четырьмя событиями первостепенной важности: одомашниванием животных, открытием злаков, использованием камня в архитектуре и изобретением процесса выплавки железной руды. Начавшись, вероятно, с собаки как спутника на охоте, за которой в более поздний период последовала поимка молодняка других животных и их выращивание, не исключено, что из самой причудливой фантазии, потребовалось время и опыт, чтобы открыть полезность каждого из них, найти средства для их выращивания в большом количестве и научиться терпению, необходимому для того, чтобы пощадить их перед лицом голода. Если бы можно было узнать особую историю приручения каждого животного, она бы продемонстрировала ряд удивительных фактов. Эксперимент нес в себе, запертый в своих сомнительных шансах, многое из последующей судьбы человечества. Во-вторых, получение пищи из фарфора путем культивирования должно рассматриваться как одно из величайших событий в человеческом опыте. Оно было менее важным в Восточном полушарии, после одомашнивания животных, чем в Западном, где оно стало инструментом продвижения значительной части американских аборигенов в нижний, а другой части в средний статус варварства. Если бы человечество никогда не выходило за пределы этого последнего состояния, у него были бы средства для сравнительно легкой и приятной жизни. В-третьих, с использованием саманного кирпича и камня в строительстве домов, был введен улучшенный

образ жизни, который в значительной степени был рассчитан на стимулирование умственных способностей и создание привычки к промышленности - плодородного источника улучшений. Но с точки зрения отношения к высокой карьере человечества, четвертое изобретение должно считаться величайшим событием в человеческом опыте, подготовительным к цивилизации. Когда варвар, продвигаясь шаг за шагом, открыл местные металлы, научился плавить их в тигле и отливать в формы; когда он сплавил местную медь с оловом и получил бронзу; и, наконец, когда еще большим усилием мысли он изобрел печь и получил железо из руды, девять десятых битвы за цивилизацию было выиграно.³⁹ Вооружившись железными инструментами, способными держать как острие, так и ребро, человечество было уверено, что достигло цивилизации. Производство железа стало событием в человеческом опыте, не имеющим аналогов и равных, по сравнению с которым все остальные изобретения и открытия были незначительными или, по крайней мере, подчиненными. Из него появились металлический молот и наковальня, топор и долото, плуг с железным острием, железный меч; в общем, основа цивилизации, которая, можно сказать, покоится на этом металле. Отсутствие железных инструментов задержало прогресс человечества в варварстве. Там они оставались бы и по сей день, если бы не смогли преодолеть пропасть. Кажется вероятным, что концепция и процесс плавки железной руды пришли к человеку лишь однажды. Было бы необычайно приятно узнать, какому племени и семье мы обязаны этим знанием, а вместе с ним и цивилизацией.

Семитская семья тогда опередила арийцев и возглавила человеческую расу. Они подарили человечеству фонетический алфавит и, кажется, не исключено, что также знание железа.

В эпоху создания гомеровских поэм греческие племена достигли огромного материального прогресса. Были известны все распространенные металлы, включая процесс выплавки руд и, возможно, превращения железа в сталь; были открыты основные зерновые культуры, а также искусство их выращивания и использование плуга в полеводческом хозяйстве; собака, лошадь, осел, корова, свиноматка, овца и коза были одомашнены и выращены в стада и стада, как было показано выше. В архитектуре появился дом, построенный из прочных материалов, содержащий отдельные квартиры,⁴⁰ и состоящий более чем из одного этажа;⁴¹ кораблестроение, оружие, текстильные ткани, производство вина из винограда, выращивание яблока, груши, оливы и фиги,⁴² вместе с удобной одеждой, полезными орудиями труда и утварью, были произведены и введены в обиход человека.⁴³ Но ранняя история человека была потеряна в забвении ушедших веков. Традиция восходила к предшествующему варварству, через которое она не могла проникнуть. Язык достиг такого развития, что поэзия высшей структурной формы была готова воплотить вдохновение гения. Завершающий период варварства привел эту часть человеческой семьи к порогу цивилизации, одушевленную великими достижениями прошлого, закаленную и умную в школе опыта, с недисциплинированным воображением в полном блеске его творческих сил. Варварство заканчивается производством великих варваров. В то время как состояние общества в этот период было понятно поздним греческим и римским писателям, предшествующее состояние, с его отличительной культурой и опытом, было так же глубоко скрыто от их понимания, как и от нашего; за исключением того, что, занимая более близкую позицию во времени, они более отчетливо видели отношения настоящего с прошлым. Для них было очевидно, что существует определенная последовательность в ряду изобретений и открытий, а также определенный порядок развития институтов, благодаря которым человечество перешло от состояния дикости к гомеровскому веку; но огромный промежуток

времени между этими двумя состояниями, похоже, не был предметом даже умозрительного рассмотрения.

ЧАСТЬ II. - РАЗВИТИЕ ИДЕИ ГОСУДАРСТВА.

ГЛАВА I. - ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА ПО ПОЛОВОМУ ПРИЗНАКУ.

Австралийские классы.- Организация по половому признаку.- Архаический характер организации.- Австралийские генты.- Восемь классов.- Правило брака.- Происхождение по женской линии.- Удивительная система брака.- Два мужских и два женских класса в каждом роду.- Нововведения в классах.- Роды все еще рудиментарны.

При рассмотрении вопроса о развитии идеи правительства организация на роды на основе родства, естественно, предлагает себя в качестве архаичного каркаса древнего общества; но есть еще более древняя и более архаичная организация - организация на классы на основе пола, которая в первую очередь требует внимания. Мы рассмотрим ее не из-за ее новизны в человеческом опыте, а по той более важной причине, что она, похоже, содержит в себе зародышевый принцип рода. Если это умозаключение подтверждается фактами, то оно придает этой организации на мужские и женские классы, ныне обнаруженной в полной жизнеспособности среди австралийских аборигенов, древнюю распространенность, столь же широко распространенную в племенах человечества, как и первоначальная организация на генты.

Вскоре становится ясно, что в дикости общность мужей и жен, в установленных пределах, была центральным принципом социальной системы. Супружеские права и привилегии (*jura conjugalia*,⁴⁴), установленные в группе, выросли в грандиозную схему, которая стала органическим принципом, на котором было построено общество. По природе дела эти права и привилегии укоренились настолько прочно, что освобождение от них происходило медленно, путем движений, которые приводили к бессознательным реформам. Соответственно, можно обнаружить, что семья переходила от низшей к высшей форме по мере того, как диапазон этой супружеской системы постепенно сокращался. Семья, начавшаяся с консангины, основанной на браке братьев и сестер в группе, перешла во вторую форму, пуналуанскую, при социальной системе, сходной с австралийскими классами, которая разрушила первый вид брака, заменив его группами братьев, имевших общих жен, и группами сестер, имевших общих мужей, - брак в обоих случаях заключался в группе. Разделение на классы по половому признаку и последующая более высокая организация на жанты по родственному признаку должны рассматриваться как результаты больших социальных движений, бессознательно осуществляемых посредством естественного отбора. По этим причинам австралийская система, о которой пойдет речь, заслуживает внимательного рассмотрения, хотя она и относится к низкому уровню человеческой жизни. Она представляет собой яркую фазу древней социальной истории нашей расы.

Организация классов по половому признаку и зачаточная организация родов по родственному признаку сегодня преобладают среди той части австралийских аборигенов,

которые говорят на языке камиларои. Они населяют район реки Дарлинг к северу от Сиднея. Обе организации встречаются и у других австралийских племен, причем настолько широко, что можно предположить их древнее всеобщее распространение среди них. Из внутренних соображений очевидно, что мужские и женские классы старше, чем генты: во-первых, потому что гентская организация выше классовой; во-вторых, потому что первая среди камиларои находится в процессе свержения второй. Класс в его мужской и женской ветвях является единицей их социальной системы, место которой по праву принадлежит генам, когда они находятся в полном развитии. Таким образом, налицо удивительное сочетание фактов: сексуальная и языковая организация, существующие одновременно, причем первая занимает центральное положение, а вторая находится в зачаточном состоянии, но продвигается к завершению за счет посягательств на первую.

Половая организация пока не обнаружена ни у одного племени дикарей из Австралии, но медленное развитие этих островитян в их уединенной среде обитания и более архаичный характер половой организации по сравнению с гентильной позволяет предположить, что первая могла быть универсальной в тех ветвях человеческой семьи, которые впоследствии стали обладать гентильной организацией. Хотя классовая система, когда она полностью прослеживается, включает в себя некоторые обескураживающие сложности, она вознаградит внимание, необходимое для ее освоения. Как любопытная социальная организация среди дикарей она не представляет особого интереса; но как самая примитивная форма общества, обнаруженная до сих пор, и особенно с учетом условной вероятности того, что отдаленные прародители нашей собственной арийской семьи когда-то были организованы подобным образом, она становится важной и может оказаться поучительной.

Австралийцы стоят ниже полинезийцев и гораздо ниже американских аборигенов. Они стоят ниже африканских негров и находятся в самом низу шкалы. Поэтому их социальные институты должны приближаться к первобытному типу, как и у любого другого существующего народа.⁴⁵

Поскольку понятие "род" является темой следующей главы, в этой главе оно будет представлено без обсуждения и только для необходимого пояснения классов.

Камиларои делятся на шесть родов, которые по отношению к праву брака делятся на два следующих подразделения:

I. 1. Игуана, (Дули). 2. Кенгуру, (Муррира).⁴⁶ 3. Опоссум, (Немой).

II. 4. Эму, (Динун). 5. Бандикут, (Bilba). 6. Черная змея, (Нурай).

Первоначально первым трем родам не разрешалось вступать в браки друг с другом, поскольку они были подразделениями одного из первоначальных родов; но им разрешалось вступать в брак с любым из других родов, и *наоборот*. Это древнее правило теперь изменено у камиларои в некоторых определенных деталях, но не доведено до полной степени разрешения брака с любым родом, кроме того, который принадлежит индивидууму. Ни мужчины, ни женщины не могут вступать в брак в своем роду, запрет абсолютен. Происхождение происходит по женской линии, что относит детей к роду их матери. Таковы основные характеристики gens, где бы ни встречался этот институт в его архаичной форме.

Таким образом, по своим внешним признакам он является совершенным и полным у камиларои.

Но существует еще более древнее деление народа на восемь классов, четыре из которых состоят исключительно из мужчин, а четыре - исключительно из женщин. Оно сопровождается правилами в отношении брака и происхождения, которые препятствуют генам и показывают, что последняя организация находится в процессе развития в свою истинную логическую форму. Только один из четырех классов мужчин может вступить в брак только с одним из четырех классов женщин. В дальнейшем выяснится, что все мужчины одного класса теоретически являются мужьями всех женщин того класса, на котором им разрешено жениться. Более того, если мужчина принадлежит к одному из первых трех родов, то женщина должна принадлежать к одному из трех противоположных. Таким образом, брак ограничивается частью мужчин одного рода с частью женщин другого рода, что противоречит истинной теории института язычников, ибо всем членам каждого рода должно быть позволено вступать в брак с лицами противоположного пола во всех родах, кроме своего собственного.

Классы следующие:

Мужчины. Женский.

1. Иппаи.	1. Иппата.
2. Кумбо.	2. Бута.
3. Мурри.	3. Мата.
4. Кубби.	4. Капота.

Все иппаи, независимо от рода, являются братьями друг другу. Теоретически, они происходят от предполагаемого общего женского предка. Все Кумбо - то же самое; и все Муррисы и Куббисы, соответственно, и по той же причине. Таким же образом все Иппаты, из какого бы рода они ни происходили, являются сестрами друг друга, и по той же причине; все Буты одинаковы, как и все Маты и Капоты, соответственно. Далее, все иппаи и иппаты - братья и сестры друг другу, будь то дети одной матери или побочные родственники, и в каком бы роду они ни находились. Кумбо и Бутас - братья и сестры; так же как и Муррисы и Матасы, и Куббисы и Капоты соответственно. Если встречаются Иппаи и Иппата, которые никогда раньше не видели друг друга, они обращаются друг к другу как брат и сестра. Камиларои, таким образом, организованы в четыре большие первичные группы братьев и сестер, каждая из которых состоит из мужской и женской ветвей, но смешивается на территориях их занятий. Основанная на половой принадлежности, а не на родстве, она старше, чем генты, и более архаична, можно повторить, чем любая форма общества, известная до сих пор.

Классы воплощают в себе зародыш gens, но не дотягивают до его реализации. В действительности иппаи и иппаты образуют один класс в двух ветвях, и поскольку они не могут вступать в браки, они могли бы составить основу рода, если бы не то, что они носят два имени, каждое из которых является неотъемлемым для определенных целей, и еще то, что их дети носят имена, отличные от их собственных. Деление на классы происходит по половому признаку, а не по родственному, и связано в первую очередь с правилом брака, столь же примечательным, сколь и оригинальным.

Поскольку братьям и сестрам не разрешается вступать в брак, классы стоят друг к другу в другом порядке в отношении права на брак, или, скорее, на сожительство, что лучше выражает это отношение. Таков был первоначальный закон, таким образом:

Иппай может	жениться на .	Капота,	а	не	за другого.
Кумбо"	"	Мата,	"	"	"
Мурри"	"	Бута,	"	"	"
Кубби"	"	Иппата,	"	"	"

Эта эксклюзивная схема была изменена в одной особенности, как будет показано далее: а именно, в предоставлении каждому классу мужчин права брака с одним дополнительным классом женщин . Этот факт свидетельствует о посягательстве рода на класс, что ведет к свержению последнего.

Таким образом, видно, что каждый самец при выборе жены ограничивается одной четвертой частью всех самок камиларои. Однако это не самая примечательная часть системы.

Теоретически каждый Капота является женой каждого Иппай; каждый Мата - женой каждого Кумбо; каждый Бута - женой каждого Мурри; и каждый Иппата - каждого Кубби. По этому существенному пункту информация конкретна. Упомянутый выше мистер Фисон, заметив, что мистер Лэнс "много общался с туземцами, прожив среди них много лет на пограничных скотоводческих стоянках на реке Дарлинг и в трансдарлингской стране", приводит следующие цитаты из его письма: "Если кубби встречают незнакомого иппата, они обращаются друг к другу как *голеер* = супруга..... Кубби, встретив таким образом иппату, даже если она из другого племени, будет обращаться к ней как к своей жене, и его право на это будет признано ее племенем". Каждая иппата в пределах непосредственного круга его знакомых, следовательно, также будет его женой".

Здесь мы видим, в прямой и определенной форме, пуналуанский брак в группе необычной протяженности; но разбитый на меньшие группы, каждая из которых является миниатюрным представлением целого, объединенного для проживания и пропитания. В соответствии с супружеской системой, представленной таким образом, четверть всех мужчин соединена в браке с четвертью всех женщин племени камиларои. Эта картина жизни дикарей не должна возмущать разум, ведь для них это была форма брачных отношений, а значит, лишённая неуместности. Это всего лишь расширенная форма полигинии и полиандрии, которые, в более узких пределах, повсеместно преобладали среди дикарских племен. Доказательство этого факта все еще существует в безошибочной форме в их системах кровосмешения и родства, которые пережили обычаи и нравы, в которых они зародились. Следует заметить, что эта схема межродственных браков - всего лишь шаг от промискуитета, поскольку она равносильна ему с добавлением метода. Тем не менее, поскольку она является предметом органического регулирования, она далека от общей распущенности. Более того, он показывает такое состояние брака и семьи, о котором невозможно составить адекватное представление, не опираясь на факты. Это первое прямое свидетельство того состояния общества, которое ранее выводилось, как чрезвычайно вероятное, из систем кровосмешения и родства.⁴⁷

В то время как дети оставались в роду своей матери, они переходили в другой класс, в тот же самый род, отличный от рода обоих родителей. Это становится очевидным из следующей таблицы:

Мужчины.	Женский.		Мужчина.	Женщина.
Иппай женится	Капота.	Их дети это	Мурри	и Мата.
Кумбо "	Мата.	" "	Кубби	" Капота.
Мурри "	Бута.	" "	Иппай	" Иппата.

Кубби " Иппата. " " " Кумбо " Бута.

Если проследить это происхождение, то окажется, что по женской линии Капота - мать Маты, а Мата, в свою очередь, мать Капоты; так же Иппата - мать Буты, а та, в свою очередь, мать Иппаты. То же самое происходит и с мужскими классами; но поскольку происхождение идет по женской линии, племена камиларои происходят от двух предполагаемых женских предков, которые заложили основу для двух первоначальных родов. Если проследить это происхождение еще дальше, то можно обнаружить, что кровь каждого класса проходит через все классы.

Хотя каждый индивид носит одно из названий классов, приведенных выше, понятно, что у каждого есть еще и единственное личное имя, которое распространено как среди диких, так и среди варварских племен. Чем тщательнее изучается эта организация по половому признаку, тем более удивительной кажется работа дикарей. Установившись однажды и передавшись через несколько поколений, она будет удерживать общество с такой силой, что ее трудно будет вытеснить. Для достижения этого результата потребовалась бы аналогичная и более высокая система и столетия времени; особенно если бы таким образом был сокращен диапазон супружеской системы.

Языческая организация естественным образом вытеснила классовую как более высокую организацию, просто включив ее в себя без изменений. О том, что она была последующей по времени, свидетельствуют отношения двух систем, зачаточное состояние *gentes*, ухудшение состояния классов в результате посягательств *gens*, а также тот факт, что класс по-прежнему является единицей организации. Эти выводы станут очевидны в дальнейшем.

Из предыдущего изложения состав гентов будет понятен, если их поставить в отношение к классам. Последние состоят из пар братьев и сестер, происходящих друг от друга; а сами генты, через классы, состоят из следующих пар:

<i>Gentes.</i>			<i>Мужские.</i>		<i>Женские.</i>		<i>Мужчина.</i>		<i>Женский.</i>
1. Игуана.	Все	это	Мурри	и	Мата,	или	Кубби	и	Капота.
2. Эму.	"	"	Кумбо	"	Бута,	"	Иппай	"	Иппата.
3. Кенгуру.	"	"	Мурри	"	Мата,	"	Кубби	"	Капота.
4. Бандикут.	"	"	Кумбо	"	Бута,	"	Иппай	"	Иппата.
5. Опоссум.	"	"	Мурри	"	Мата,	"	Кубби	"	Капота.
6. Черная змея.	"	"	Кумбо	"	Бута,	"	Иппай	"	Иппата.

Связь детей с определенным родом доказывается законом о браке. Так, Игуана-Мата должна выйти замуж за Кумбо; ее дети - Кубби и Капота, и обязательно Игуана в роду, поскольку происхождение идет по женской линии. Игуана-Капота должна выйти замуж за Иппай; ее дети - Мурри и Мата, а также Игуана в роду, по той же причине. Таким же образом Эму-Бута должен жениться на Мурри; ее дети - Иппай и Иппата, а также из рода Эму. Эму-Иппата должна выйти замуж за Кубби; ее дети - Кумбо и Бута, и тоже из рода Эму. Таким образом, род сохраняется благодаря тому, что в него входят дети всех его женщин. То же самое верно во всех отношениях для каждого из остальных родов. Заметим, что каждый род состоит,

теоретически, из потомков двух предполагаемых предков женского пола и содержит четыре из восьми классов. Кажется вероятным, что первоначально существовало только два мужских и два женских класса, которые были расположены друг напротив друга в отношении права на брак; и что эти четыре класса впоследствии разделились на восемь. Классы как предшествующая организация, очевидно, были организованы внутри гентов, а не образовались в результате деления последних.

Более того, поскольку выяснилось, что генты игуаны, кенгуру и опоссума являются аналогами друг друга по содержащимся в них классам, из этого следует, что они являются подразделениями одного первоначального рода. Точно так же обстоит дело с эму, бандикутом и черной змеей в обоих случаях; таким образом, все шесть видов сводятся к двум исходным родам, каждый из которых имеет право вступать в брак с другим, но не с самим собой. Это подтверждается тем фактом, что члены первых трех родов изначально не могли вступать в брачные отношения; не могли этого делать и члены последних трех. Причина, препятствовавшая межродовому браку в роде, когда три рода были единым целым, распространялась и на подразделения, поскольку они имели одно и то же происхождение, хотя и носили разные языческие имена. Точно такое же явление наблюдается у сенека-ирокезов, как будет показано далее.

Поскольку браки ограничиваются определенными классами, когда существовало только два гента, половина всех женщин одного из них теоретически становилась женами половины всех мужчин другого. После разделения на шесть гентов выгода от внебрачных браков, которая была главным преимуществом этого института, была сдержана, если не нейтрализована, наличием классов вместе с упомянутыми ограничениями. Это приводило к постоянным бракам "туда-сюда", выходящим за пределы ближайшего родства брата и сестры. Если бы гены могли искоренить классы, это зло было бы в значительной степени устранено.⁴⁸

Организация на классы, по-видимому, была направлена на единственную цель - прекратить межродственные браки братьев и сестер, что дает вероятное объяснение происхождения этой системы. Но поскольку она не выходила за рамки этой особой мерзости, то сохранила супружескую систему, почти столь же предосудительную, а также облекла ее в постоянную форму.

Остается отметить нововведение в первоначальную конституцию классов и в пользу рода, которое показывает движение, еще не завершенное, в направлении истинного идеала рода. Оно проявляется в двух аспектах: во-первых, в разрешении каждой триаде gentes вступать в браки друг с другом в ограниченных пределах; во-вторых, в браках с представителями классов, которые раньше не допускались. Так, Игуана-Мурри теперь может жениться на Мате из рода Кенгуру, своей побочной сестре, тогда как первоначально он был ограничен Бутой из противоположной тройки. Игуана-Кубби теперь может жениться на Капоте, своей побочной сестре. Эму-Кумбо теперь может жениться на Буте, а Эму-Иппай может жениться на Иппате из рода Черной Змеи, вопреки первоначальным ограничениям. Каждому классу мужчин в каждой триаде гентов, похоже, теперь разрешено иметь один дополнительный класс женщин в двух оставшихся гентах той же триады, из которых они были исключены ранее. Меморандумы, присланные мистером Фисоном, однако, не показывают изменения в полном объеме, о котором здесь говорится.⁴⁹

Это нововведение, несомненно, было бы ретроградным движением, если бы не имело тенденции к разрушению классов. Линия прогресса среди камиларои, насколько можно

судить, заключалась в переходе от классов к родам, за которым последовала тенденция сделать род вместо класса единицей социального организма. В этом движении сопротивляющимся элементом была омрачающая система сожительства. Социальный прогресс был невозможен без уменьшения его масштабов, что было так же невозможно до тех пор, пока классы с их привилегиями оставались в полной силе. Принадлежащие к этим классам *jura conjugalia* были мертвым грузом для Камиларои, без освобождения от которого они бы оставались еще тысячи лет в том же состоянии, в котором, по сути, и находились.

На схожую организацию указывает *пуналуа* гавайцев, о которой мы расскажем ниже. Везде, где вскрывается средний или нижний слой дикости, обнаруживаются браки целых групп в соответствии с обычаями, определяющими эти группы, либо в абсолютной форме, либо такие следы, которые не оставляют сомнений в том, что такие браки были нормальными на протяжении всего этого периода истории человека. Неважно, была ли группа теоретически большой или маленькой, необходимость их состояния установила бы практический предел размера группы, живущей вместе в соответствии с этим обычаем. Если окажется, что сообщество мужей и жен было законом дикарского государства и, следовательно, существенным условием общества в дикости, то вывод о том, что наши предки-дикари разделяли этот общий опыт человеческой расы, будет неоспоримым.

В таких обычаях и нравах можно найти объяснение низкого состояния дикарей. Если бы дикари не оставляли после себя в отдельных уголках Земли свидетельства о раннем состоянии человечества в целом, было бы невозможно составить какое-либо определенное представление о том, каким оно должно было быть. Сразу же напрашивается важный вывод, а именно: институты человечества возникли в виде прогрессивной взаимосвязанной серии, каждый из которых представляет собой результат бессознательных реформаторских движений, направленных на избавление общества от существующих пороков. На этих институтах лежит вековой износ, для правильного понимания которого они должны быть изучены в этом свете. Нельзя считать, что австралийские дикари сейчас находятся на низшей ступени развития, поскольку их искусство и институты, какими бы скромными они ни были, свидетельствуют об обратном; нет также оснований предполагать их деградацию от более высокого состояния, поскольку факты человеческого опыта не дают прочной основы для такой гипотезы. Можно допустить случаи физической и умственной деградации в племенах и народах по известным причинам, но они никогда не прерывали общего прогресса человечества. Все факты человеческого знания и опыта говорят о том, что человеческая раса в целом неуклонно прогрессировала от низшего к высшему состоянию. Искусства, с помощью которых дикари поддерживают свою жизнь, отличаются удивительной стойкостью. Они никогда не утрачиваются, пока не заменяются другими, более высокими по уровню. Практикуя эти искусства и приобретая опыт в социальных организациях, человечество продвигалось вперед в соответствии с необходимым законом развития, хотя его прогресс мог быть практически незаметным на протяжении веков. Так было и с расами, и с отдельными людьми, хотя племена и народы погибли в результате разрушения этнической жизни.

Австралийские классы - первый и, насколько известно писателю, единственный случай, когда мы можем заглянуть в зарождающиеся стадии организации в генты, а через них и в предшествующую организацию, столь архаичную, как половая. Кажется, что это позволяет взглянуть на общество, когда оно находилось на грани первобытности. Среди других племен род, похоже, развивался пропорционально сокращению супружеской системы. Человечество поднимается по шкале, а семья проходит через свои сменяющие друг друга

формы, по мере того как эти права опускаются перед усилиями общества по совершенствованию своей внутренней организации.

Австралийцы могли бы не допустить уничтожения классов за тысячи лет, если бы они оставались неизученными; в то время как более благополучные континентальные племена задолго до этого усовершенствовали род, затем продвинули его через последовательные фазы и, наконец, отбросили его после вступления в цивилизацию. Факты, иллюстрирующие становление последовательных социальных организаций, таких как половая и родственная, представляют собой высочайшую этнологическую ценность. Знание того, на что они указывают, крайне желательно, если мы хотим измеримо восстановить раннюю историю человечества.

Среди полинезийских племен род был неизвестен; но следы системы, аналогичной австралийским классам, появляются в гавайском обычае пуналуа. Оригинальные идеи, абсолютно независимые от предыдущих знаний и опыта, неизбежно немногочисленны. Если бы можно было свести всю сумму человеческих идей к зародившимся оригинальным идеям, то небольшой численный результат был бы просто поразительным. Развитие - вот метод человеческого прогресса.

В свете этих фактов некоторые наросты современной цивилизации, такие как мормонизм, представляются реликтами старого дикаризма, еще не искорененного из человеческого мозга. У нас тот же самый мозг, увековеченный путем репродукции, который работал в черепах варваров и дикарей в прошлые века; он дошел до нас отягощенным и насыщенным мыслями, стремлениями и страстями, которыми он был занят в промежуточные периоды. Это тот же мозг, постаревший и возмужавший под влиянием опыта веков. Эти выходы варварства - многочисленные откровения его древних наклонностей. Они объяснимы как разновидность психического атавизма.

Из нескольких зародышей мысли, зародившихся в ранние века, развились все основные институты человечества. Начав свой рост в период дикости, пройдя через период варварства, они продолжили свое развитие в период цивилизации. Эволюцию этих зародышей мысли направляла естественная логика, которая стала неотъемлемым атрибутом самого мозга. Этот принцип так безошибочно выполнял свои функции во всех условиях опыта и во все периоды времени, что его результаты единообразны, последовательны и прослеживаемы в своем течении. Только эти результаты со временем дадут убедительные доказательства единства происхождения человечества. Ментальная история человеческой расы, которая проявляется в институтах, изобретениях и открытиях, предположительно является историей одного вида, сохраняющегося через индивидуумов и развивающегося через опыт. Среди первоначальных зародышей мысли, оказавших наиболее сильное влияние на человеческий разум и на судьбу человека, есть те, которые относятся к правительству, семье, языку, религии и собственности. Они имели определенное начало еще в дикости и логически развивались, но не могут иметь окончательного завершения, потому что все еще прогрессируют и должны прогрессировать.

ГЛАВА II. - ИРОКЕЗСКИЕ ГЕНЫ.

Организация язычников.- Ее широкое распространение.- Определение рода.- Наследование по женской линии по архаическому правилу.- Права, привилегии и обязательства членов

рода.- Право избирать и смещать своего сакхема и вождей.- Обязательство не вступать в брак в роду.- Взаимные права наследования имущества умерших членов рода.-Взаимные обязательства помощи, защиты и возмещения ущерба.-Право давать имена своим членам.- Право принимать чужаков в род.-Общие религиозные обряды, вопросы.-Общее место погребения.-Совет рода.-Генты, названные в честь животных.-Количество людей в роду.

Опыт человечества, как уже отмечалось, выработал только два плана правления, если использовать слово "*план*" в его научном смысле. Оба были определенными и систематическими организациями общества. Первый, самый древний, представлял собой *социальную организацию*, основанную на родах, фратриях и племенах. Вторая, самая поздняя по времени, была *политической организацией*, основанной на территории и собственности. При первой было создано языческое общество, в котором правительство имело дело с людьми через их отношения к роду и племени. Эти отношения были сугубо личными. При втором было создано политическое общество, в котором правительство имело дело с людьми через их отношения к территории, *например*, к волости, округу, штату. Эти отношения были чисто территориальными. Эти два плана в корне отличались друг от друга. Один из них относится к древнему обществу, другой - к современному.

Языческая организация открывает нам один из древнейших и наиболее распространенных институтов человечества. Она послужила почти универсальным планом правления древнего общества, азиатского, европейского, африканского, американского и австралийского. Это был инструмент, с помощью которого общество было организовано и удерживалось вместе. Начавшись в дикости и пройдя через три подпериода варварства, он сохранился до создания политического общества, которое произошло только после начала цивилизации. Греческий род, фратрия и племя, римский род, *курия* и племя находят свои аналоги в роде, фратрии и племени американских аборигенов. Таким же образом, ирландский *септ*, шотландский *клан*, *фратара* албанцев и санскритский *ганас*, не расширяя сравнения дальше, являются тем же самым, что и *gens* американских индейцев, который обычно называют кланом. Насколько нам известно, эта организация прослеживается во всем древнем мире на всех континентах, и она была доведена до исторического периода теми племенами, которые достигли цивилизации. Но и это еще не все. Языческое общество, где бы оно ни находилось, одинаково по своей структурной организации и принципам действия, но переходит от низших форм к высшим с постепенным развитием народа. Эти изменения дают историю развития одних и тех же первоначальных понятий.

Gens, γένος и *ganas* в латинском, греческом и санскрите имеют одинаковое первичное значение *родства*. Они содержат тот же элемент, что и *gigno*, γίγνομαι, и *ganatai* в тех же языках, означающий *порождать*; таким образом, в каждом из них подразумевается непосредственное общее происхождение членов рода. Таким образом, род - это совокупность родственников, происходящих от одного общего предка, отличающихся друг от друга языческим именем и связанных между собой кровным родством. Он включает в себя только часть таких потомков. Если происхождение идет по женской линии, как это было повсеместно в архаический период, род состоит из предполагаемого предка-женщины и ее детей, а также детей ее потомков по женской линии на вечные времена; а если происхождение идет по мужской линии - в которую оно перешло после появления собственности в массах - из предполагаемого предка-мужчины и его детей, а также детей его потомков по мужской линии на вечные времена. Наша фамилия является выжившей из языческой, с происхождением по мужской линии, и передается таким же образом. Современная семья, как это выражено в ее названии, - это неорганизованный род; родственные узы разорваны, а ее члены так же широко рассеяны, как и фамилия.

У названных народов генс обозначал социальную организацию замечательного характера, которая преобладала с древности, столь отдаленной, что ее происхождение затерялось в безвестности далеких веков. Это была также единица организации социальной и государственной системы, фундаментальная основа античного общества. Эта организация не ограничивалась латинскими, греческими и санскритоязычными племенами, у которых она стала столь заметным институтом. Она была обнаружена в других ветвях арийской семьи народов, в семитской, уральской и туранской семьях, среди племен Африки и Австралии, а также у американских аборигенов.

В первую очередь мы должны рассмотреть элементарную конституцию рода с его функциями, правами и привилегиями; затем мы проследим, насколько это возможно, за племенами и народами человечества, чтобы доказать путем сравнения их фундаментальное единство. После этого станет ясно, что его следует рассматривать как один из первичных институтов человечества.

Род прошел через последовательные стадии развития при переходе от своей архаической к окончательной форме с прогрессом человечества. Эти изменения сводились, в основном, к двум: во-первых, изменение происхождения по женской линии, что было архаическим правилом, как у ирокезов, на мужскую линию, что было окончательным правилом, как у греческих и римских гентов; и, во-вторых, изменение наследования имущества умершего члена gens от его гентиллов, которые взяли его в архаический период, сначала к его агнатическим родственникам, и, наконец, к его детям. Эти изменения, кажущиеся незначительными, свидетельствуют об очень больших изменениях условий, а также о значительной степени прогрессивного развития.

Организация язычников, зародившаяся в период дикости, прошедшая через три подпериода варварства, наконец, уступила место более развитым племенам, когда они достигли цивилизации, требованиям которой она была не в состоянии соответствовать. У греков и римлян политическое общество возникло на основе языческого, но только после того, как началась цивилизация. Поселок (и его эквивалент, городской округ) с его фиксированной собственностью и содержащимися в нем жителями, организованными как политическое тело, стал единицей и основой новой и радикально отличающейся системы управления. После того как было создано политическое общество, эта древняя и проверенная временем организация, а также развившиеся из нее фратрия и племя постепенно прекратили свое существование. В ходе работы над этим томом я постараюсь проследить развитие этой организации от ее возникновения в дикости до окончательного низвержения в цивилизации; ведь именно при языческих институтах варварство было завоевано некоторыми племенами человечества в дикости, а цивилизация была завоевана потомками некоторых из тех же племен в варварстве. Языческие институты перенесли часть человечества из дикости в цивилизацию.

Эта организация может быть успешно изучена как в ее живой, так и в исторической форме в большом количестве племен и рас. В таком исследовании предпочтительнее начать с гена в его архаической форме, а затем проследить его последовательные модификации у развитых народов, чтобы обнаружить как изменения, так и причины, которые их вызвали. Поэтому я начну с гена в том виде, в каком он существует сейчас у американских аборигенов, где он встречается в своей архаической форме и где его теоретическая конституция и практическая работа могут быть исследованы более успешно, чем в исторических гентах греков и римлян.

На самом деле, чтобы полностью понять генты последних народов, знание функций, прав, привилегий и обязанностей членов гена американских индейцев просто необходимо.

В американской этнографии *племя* и *клан* использовались вместо термина *gens* в качестве эквивалента, из-за невосприятия его универсальности. В предыдущих работах, следуя за своими предшественниками, я использовал их именно так.⁵⁰ Сравнение индийского клана с *gens* греков и римлян сразу же выявляет их идентичность по структуре и функциям. Это также распространяется на фратрии и племена. Если идентичность этих нескольких организаций может быть показана, в чем нет никаких сомнений, то вполне уместно вернуться к латинской и греческой терминологии, которая является полной и точной, а также исторической. Я сделал здесь необходимые замены и предлагаю показать параллелизм этих нескольких организаций.

План управления американских аборигенов начинался с рода и заканчивался конфедерацией, причем последняя была высшей точкой, которой достигли их правительственные учреждения. В нем были выделены следующие органические ряды: во-первых, род (*gens*) - совокупность родственников, носящих общее языческое имя; во-вторых, фратрия (*phratry*) - совокупность родственных родов, объединенных в более высокую ассоциацию для достижения определенных общих целей; в-третьих, племя (*tribe*) - совокупность родов, обычно объединенных во фратрии, все члены которой говорят на одном диалекте; и в-четвертых, конфедерация племен, члены которых соответственно говорят на диалектах одного и того же языка. В результате возникло языческое общество (*societas*), в отличие от политического общества или государства (*civitas*). Разница между этими двумя понятиями велика и фундаментальна. В момент открытия Америки в ней не было ни политического общества, ни гражданина, ни государства, ни какой-либо цивилизации. Между высшими племенами американских индейцев и началом цивилизации, как правильно понимать этот термин, прошел целый этнический период.

Подобным образом план управления греческими племенами, предшествующими цивилизации, включал в себя тот же органический ряд, за исключением последнего члена: Во-первых, род, совокупность кровнородственных племен, носящих общее языческое имя; во-вторых, фратрия, совокупность племен, объединенных для социальных и религиозных целей; в-третьих, племя, совокупность племен одного рода, организованных во фратрии; и, в-четвертых, нация, совокупность племен, объединившихся в языческое общество на одной общей территории, как четыре племени афинян в Аттике и три дорийских племени в Спарте. Коалесценция была более высоким процессом, чем конфедерация. В последнем случае племена занимали независимые территории.

Римский план и последовательность действий были одинаковыми: во-первых, *gens* - совокупность кровнородственных племен, носящих общее языческое имя; во-вторых, *curia* - совокупность племен, объединенных в высшую ассоциацию для выполнения религиозных и государственных функций; в-третьих, *tribe* - совокупность племен, объединенных в *curiae*; и в-четвертых, *nation* - совокупность племен, объединившихся в языческое общество. Первые римляне с полным основанием называли себя *Populus Romanus*.

Везде, где преобладали языческие институты, и до создания политического общества мы находим народы или нации в языческих обществах, и ничего более. *Государства* не существовало. Их правительства были по сути демократическими, потому что принципы, на которых были организованы род, фратрия и племя, были демократическими. Последнее утверждение, хотя и противоречит общепринятому мнению, имеет историческое значение. Истинность его можно проверить, последовательно рассмотрев род, фратрию и племя

американских аборигенов, а также те же организации у греков и римлян. Поскольку gens, единица организации, была по сути демократической, то и phratry обязательно состояла из gentes, племя - из phratries, а языческое общество образовалось путем конфедерации или объединения племен.

Род, хотя и является очень древней социальной организацией, основанной на родстве, не включает в себя всех потомков общего предка. Это произошло по той причине, что когда появился генс, браки между одиночными парами были неизвестны, и происхождение по мужской линии нельзя было проследить с уверенностью. Родственники были связаны друг с другом главным образом узами материнства. В древних генах происхождение ограничивалось женской линией. Оно охватывало всех тех, кто прослеживал свое происхождение от предполагаемого общего женского предка по женской линии, доказательством чего служило обладание общим языческим именем. Он включал в себя эту прародительницу и ее детей, детей ее дочерей и детей ее потомков женского пола через женщин на вечные времена; в то время как дети ее сыновей и дети ее потомков мужского пола через мужчин принадлежали к другому роду, а именно, к роду их соответствующих матерей. Таков был род в его архаической форме, когда отцовство детей не было точно установлено, и когда их материнство служило единственным определенным критерием происхождения.

Такое состояние потомства, которое можно проследить до среднего статуса дикости, как у австралийцев, сохранялось у американских аборигенов и в верхнем статусе дикости, и в нижнем статусе варварства, за отдельными исключениями. В среднем статусе варварства индейские племена начали менять происхождения с женской линии на мужскую, поскольку синдиасмическая семья того периода стала приобретать моногамные черты. В верхнем статусе варварства происхождение стало меняться в сторону мужской линии у греческих племен, за исключением ликийцев, и у италийских племен, за исключением этрусков. Влияние собственности и ее наследования на создание моногамной семьи, гарантирующей отцовство детей, и на изменение происхождения по женской линии в пользу мужской будет рассмотрено в другом месте. Между двумя крайностями, представленными двумя правилами происхождения, находятся три целых этнических периода, охватывающих многие тысячи лет.

При происхождении по мужской линии род охватывал всех лиц, которые вели свое происхождение от предполагаемого общего мужского предка только по мужской линии, причем доказательством этого факта, как и в другом случае, служило обладание общим языческим именем. Он включал в себя этого предка и его детей, детей его сыновей и детей его потомков мужского пола по мужской линии на вечные времена; в то время как дети его дочерей и дети его потомков женского пола по женской линии принадлежали к другому роду, а именно, к роду их соответствующих отцов. Те, кто оставался в роду в одном случае, исключались из него в другом, и *наоборот*. Таков был род в его окончательной форме, после того как отцовство детей стало устанавливаемым благодаря возникновению моногамии. Переход рода из одной формы в другую был совершенно прост и не предполагал его уничтожения. Все, что требовалось, - это адекватный мотив, как будет показано в другом месте. Тот же самый род, с измененным происхождением по мужской линии, оставался единицей социальной системы. Он не мог достичь второй формы, не существуя до этого в первой.

Поскольку межродовые браки в генах были запрещены, они ограждали своих членов от зла кровосмесительных браков и тем самым способствовали увеличению жизнеспособности рода. Генс возник на основе трех основных концепций, а именно: родственные узы, чистая

линия через происхождение по женской линии и отсутствие межродовых браков в генсе. Когда возникла идея рода, он, естественно, принял форму парного рода, поскольку дети мужчин были исключены, и потому что было одинаково необходимо организовать оба класса потомков. При одновременном возникновении двух родов весь результат был бы достигнут, поскольку самцы и самки одного рода женились бы на самках и самцах другого, а дети, следуя родам своих соответствующих матерей, были бы разделены между ними. Опираясь на родственные узы как на свой связующий принцип, гены предоставляли каждому отдельному члену ту личную защиту, которую не могла дать никакая другая существующая власть.

После рассмотрения прав, привилегий и обязанностей его членов необходимо проследить, как генс вступает в органические отношения с фратрией, племенем и конфедерацией, чтобы определить, для чего он применялся, какие привилегии давал и какие принципы поддерживал. В качестве стандартного примера этого института в семье гануанцев будут взяты ирокезские генты. Они перенесли свою схему управления из рода в конфедерацию, сделав ее полной в каждой из ее частей, и это прекрасная иллюстрация возможностей организации генти в ее архаичной форме. Когда ирокезы были обнаружены, они находились на нижней стадии варварства и были хорошо развиты в жизненных искусствах, соответствующих этому состоянию. Они изготавливали сети, бечевки и веревки из нитей коры; из тех же материалов плели пояса и ремни для ноши, из основы и шерсти; из глины, смешанной с кремнистыми материалами и закаленной огнем, делали глиняные сосуды и трубы, некоторые из которых были украшены грубыми медальонами; Они выращивали маис, бобы, сквош и бакко на огородных грядках и делали пресный хлеб из толченого маиса, который варили в глиняных сосудах;⁵¹ дубили шкуры в кожу, из которой делали килты, леггинсы и мокасины; в качестве основного оружия они использовали лук и стрелы и боевую дубину; пользовались кремневыми каменными и костяными орудиями, носили одежду из кожи, были искусными охотниками и рыбаками. Они строили длинные совместные дома, достаточно большие, чтобы вместить пять, десять и двадцать семей, и каждое семейство практиковало коммунизм в жизни; но они не были знакомы с использованием камня или саманного кирпича в архитектуре дома, а также с использованием местных металлов. По умственным способностям и общему развитию они были представительной ветвью индейской семьи к северу от Нью-Мексико. Генерал Ф. А. Уокер описал их военную карьеру в двух абзацах: "Карьера ирокезов была просто потрясающей. Они были бичом Божиим для аборигенов континента".⁵²

С течением времени племена ирокезов стали немного отличаться друг от друга по количеству и названиям своих соответствующих родов. Наибольшее число - восемь, а именно:

Сенеки.-1. Волк. 2. Медведь. 3. Черепаха. 4. Бобр. 5. Олень. 6. Бекас. 7. Цапля. 8. Ястреб.

Каюгас.-1. Волк. 2. Медведь. 3. Черепаха. 4. Бобр. 5. Олень. 6. Бекас. 7. Угорь. 8. Ястреб.

Онондагас.-1. Волк. 2. Медведь. 3. Черепаха. 4. Бобр. 5. Олень. 6. Бекас. 7. Угорь. 8. Мяч.

Онейды.-1. Волк. 2. Медведь. 3. Черепаха.

Ирокезы.-1. Волк. 2. Медведь. 3. Черепаха.

Тускароры.-1. Серый волк. 2. Медведь. 3. Большая черепаха. 4. Бобр. 5. Желтый волк. 6. Бекас. 7. Угорь. 8. Маленькая черепаха.

Эти изменения показывают, что некоторые роды в некоторых племенах вымерли в результате превратностей времени; а другие образовались в результате сегментации переполненных родов.

Зная права, привилегии и обязанности членов рода, можно более полно понять его возможности как единицы социальной и государственной системы, а также то, как он входил в более высокие организации - фратрии, племя и конфедерацию.

Род индивидуализируется следующими правами, привилегиями и обязанностями, которые предоставлялись и налагались на его членов и которые составляли *jus gentilitium*.

- I. *Право избирать своего сакхема и вождей.*
- II. *Право сместить своего сакхема и вождей.*
- III. *Обязанность не вступать в брак в роду.*
- IV. *Взаимные права наследования имущества умерших членов.*
- V. *Взаимные обязательства помощи, защиты и возмещения ущерба.*
- VI. *Право давать имена своим членам.*
- VII. *Право принимать в род чужаков.*
- VIII. *Общие религиозные обряды, запросы.*
- IX. *Общее место погребения.*
- X. *Совет родов.*

Эти функции и атрибуты придавали организации жизненную силу и индивидуальность, а также защищали личные права ее членов.

I. Право избирать своего сакхема и вождей.

Почти во всех племенах американских индейцев было два класса вождей, которые можно разделить на сакхемов и обычных вождей. Из этих двух основных классов все остальные были разновидностями. Они избирались в каждом роду из числа его членов. Сын не мог быть избран преемником своего отца, если происхождение шло по женской линии, потому что он принадлежал к другому роду, и ни один род не мог иметь вождя или сакхема из любого рода, кроме своего собственного. Должность сакхема была наследственной в роду, в том смысле, что ее заполняли, как только появлялась вакансия; в то время как должность вождя была ненаследственной, поскольку она даровалась в награду за личные заслуги и умирала вместе с человеком. Кроме того, обязанности сакхема ограничивались мирными делами. Он не мог отправиться на войну в качестве сакхема. С другой стороны, вожди, которых возводили в должность за личную храбрость, мудрость в делах или красноречие в советах, обычно были высшим классом по способностям, хотя и не по власти над родом. Отношения сакхема были в первую очередь с родом, официальным главой которого он являлся; в то время как отношения вождя были в первую очередь с племенем, в совет которого он, как и сакхем, входил.

Должность сакхема имела естественное основание в gens, как организованном органе консангинеев, который, как таковой, нуждался в представительном главе. Однако как должность он старше, чем организация gens, поскольку встречается среди племен, не организованных таким образом, но имевших аналогичную основу в группе *punaluan* и даже в предшествующей орде. В генах состав сакхема был четко определен, основа отношений была постоянной, а обязанности - отцовскими. Хотя должность сакхема была

наследственной в роду, она была выборной среди его членов мужского пола. Если рассмотреть индейскую систему кровосмешения, то окажется, что все мужчины, входящие в род, были либо родными братьями, либо родными племянниками, либо родными дядями или племянниками, либо родными дедами и внуками.⁵³ Это объясняет наследование должности сакхема, которая переходила от брата к брату или от дяди к племяннику, и очень редко от деда к внуку. Выбор, который осуществлялся путем свободного голосования мужчин и женщин, достигших совершеннолетия, обычно падал на брата умершего сакхема или на одного из сыновей сестры; чаще всего предпочтение отдавалось родному брату или сыну родной сестры. Что касается нескольких братьев, родных и побочных, с одной стороны, и сыновей нескольких сестер, родных и побочных, с другой, то здесь не было приоритета прав, поскольку все члены рода мужского пола имели равные права. Выбор между ними был функцией выборного принципа.

После смерти сакхема, например, у сенека-ирокезов, созывался совет его язычников⁵⁴, чтобы назвать его преемника. В соответствии с их обычаями, на голосование должны быть вынесены два кандидата, оба из которых являются членами рода. Каждый совершеннолетний сын должен был выразить свое предпочтение, и тот, кто получал наибольшее число утвердительных заявлений, становился кандидатом. Для завершения выдвижения требовалось согласие семи оставшихся *gentes*. Если эти представители, собравшиеся для этой цели на фратрии, отказывались подтвердить выдвижение, оно тем самым отменялось, и *gens* приступали к другому выбору. Когда человек, выдвинутый его гентами, принимался остальными гентами, выборы завершались; но прежде чем новый сачем мог приступить к исполнению своих обязанностей, необходимо было, по их выражению, возвести его в сан или вложить в его должность советом конфедерации. Это был их метод передачи *imperium*. Таким образом, права и интересы нескольких родов были учтены и сохранены; ведь сачем рода *по должности* входил в совет племени и высший совет конфедерации. Такой же способ избрания и утверждения существовал и в отношении должности вождя, и по тем же причинам. Но общий совет никогда не созывался для того, чтобы назначить вождей ниже ранга сакхема. Они ждали того момента, когда сакхемы будут назначены на должность.

Принцип демократии, зародившийся в гентах, проявился в сохранении за гентами права избирать своих сакхемов и вождей, в гарантиях, установленных вокруг этих должностей, чтобы предотвратить узурпацию, и в контроле за выборами, осуществляемом остальными гентами.

Вожди в каждом генте обычно были пропорциональны числу его членов. Среди сенека-ирокезов один вождь приходится примерно на каждые пятьдесят человек. Сейчас в Нью-Йорке их насчитывается около трех тысяч, у них восемь сакхемов и около шестидесяти вождей. Есть основания полагать, что пропорциональное число сейчас больше, чем в прежние времена. Что касается количества гентов в племени, то чем многочисленнее народ, тем, как правило, больше гентов. Их число варьируется в разных племенах: от трех у делаваров и манси до двадцати у оджибва и криков; шесть, восемь и десять - обычное число.

II. Право смещать своих сакхемов и вождей.

Это право, которое было не менее важным, чем право избирать, сохранялось за членами рода. Хотя номинально должность была пожизненной, на деле она занималась в течение всего срока службы, что объяснялось правом смещения. Назначение сакхема символизировалось как "надевание рогов", а его смещение - как "снятие рогов". Среди

широко разделенных племен человечества рога стали эмблемой должности и власти, что было вызвано, вероятно, как намекает Тайлор, властным видом самцов среди жвачных животных, носящих рога. Недостойное поведение, за которым следовала потеря доверия, служило достаточным основанием для отстранения от должности. Если сахем или вождь был смещен в установленной форме советом рода, он переставал признаваться таковым и становился отныне частным лицом. Совет племени также имел право сместить как сакхемов, так и вождей, не дожидаясь решения родового совета и даже вопреки его желанию. Благодаря существованию и периодическому применению этой власти утверждалось и сохранялось верховенство язычников над своими сакхемами и вождями. Она также свидетельствует о демократическом устройстве генов.

III. Обязательство не вступать в брак в роду.

Несмотря на то, что это отрицательное положение, оно имело фундаментальное значение. Очевидно, что главной целью организации было выделить часть потомков предполагаемого основателя и предотвратить их межродовые браки по родственным причинам. Когда гены появились, братья вступали в групповые браки с женами друг друга, а сестры - с мужьями друг друга, чему гены не препятствовали. Но он стремился исключить братьев и сестер из брачных отношений, что и было сделано, как есть веские основания утверждать, с помощью рассматриваемого запрета. Если бы gens попытались своим прямым действием искоренить всю супружескую систему того времени, нет ни малейшей вероятности, что она получила бы всеобщее распространение. Генс, возникший, вероятно, благодаря изобретательности небольшой группы дикарей, вскоре должен был доказать свою полезность в производстве высших мужчин. Его почти повсеместное распространение в древнем мире является наивысшим доказательством преимуществ, которые он давал, и его приспособляемости к человеческим потребностям в дикости и варварстве. Ирокезы до сих пор твердо придерживаются правила, запрещающего людям жениться в своем роду.

IV. Взаимные права наследования имущества умерших членов.

В статусе дикости и в нижнем статусе варварства количество имущества было невелико. В первом состоянии она состояла из личных вещей, а во втором к ней добавлялись права владения в домах совместного пользования и в садах. Наиболее ценные личные вещи хоронили вместе с телом умершего владельца. Тем не менее, вопрос о наследовании непременно должен был возникнуть, приобрести все большее значение с увеличением разнообразия и количества имущества и привести к выработке какого-то устоявшегося правила наследования. Поэтому мы находим принцип, установленный еще в варварстве, а затем и в дикости, согласно которому имущество должно оставаться в роду и распределяться между язычниками умершего владельца. В греческих и латинских государствах в период верхнего состояния варварства было обычным правом и оставалось писанным законом вплоть до цивилизации, что имущество умершего человека должно оставаться в роду. Но после времен Солона у афинян оно было ограничено случаями наследования.

Вопрос о том, кому должно достаться имущество, породил три великих и последовательных правила наследования. Во-первых, оно должно быть распределено между язычниками умершего владельца. Это было правилом в нижнем статусе варварства и, насколько известно, в статусе дикости. Во-вторых, имущество должно быть распределено между агнатическими родственниками умершего владельца, за исключением остальных язычников. Зародыш этого правила появляется в нижнем статусе варварства, а окончательно утвердилось оно, вероятно, в среднем статусе. В-третьих, имущество должны

наследовать дети умершего владельца, исключая остальных родственников. Это стало правилом в верхнем статусе варварства.

Теоретически ирокезы подчинялись первому правилу, но практически имущество умершего человека присваивалось его ближайшими родственниками внутри рода. В случае с мужчиной его родные братья, сестры и дяди по материнской линии делили его имущество между собой. В этом практическом ограничении наследования ближайшими родственниками раскрывается зародыш агнатического наследования. В случае с женщиной ее имущество наследовали ее дети и сестры, исключая братьев. В каждом случае имущество оставалось в роду. Дети умерших мужчин ничего не получали от своего отца, поскольку принадлежали к другому роду. По той же причине муж ничего не брал от жены, а жена - от мужа. Эти взаимные права наследования укрепляли автономию родов.

V. Взаимные обязательства по оказанию помощи, защите и возмещению ущерба.

В цивилизованном обществе государство берет на себя защиту людей и имущества. Привыкшие обращаться к этому источнику для поддержания личных прав, они, соответственно, ослабили силу родственных уз. Но в языческом обществе человек зависел от своего рода. Он занимал место, которое раньше занимало государство, и обладал необходимой численностью, чтобы сделать его опеку эффективной. В его составе родственные узлы были мощным элементом взаимной поддержки. Обидеть человека означало обидеть его род; а поддержать человека означало встать за него всей массой его языческой родни.

В испытаниях и трудностях члены рода помогали друг другу. Можно привести две-три иллюстрации из жизни индейских племен. Говоря о майя Юкатана, Эррера отмечает, что "когда требовалось возместить ущерб, если тот, кто был приговорен к выплате, должен был довести себя до нищеты, родственники вносили свой вклад".⁵⁵ Под термином "родственники", используемым здесь, мы вправе понимать род. А у индейцев Флориды: "Когда умирает брат или сын, люди в доме скорее голодают, чем ищут что-либо съестное в течение трех месяцев, но родственники и близкие присылают все это".⁵⁶ Люди, переехавшие из одной деревни в другую, могли не передавать свое право собственности на обрабатываемые земли или на участок в доме совместного владения чужаку; они должны были оставить их своим родственникам-язычникам. Эррера упоминает об этом обычае среди индейских племен Никарагуа: "Тот, кто переезжал из одного города в другой, не мог продать то, что у него было, но должен был оставить это своему ближайшему родственнику".⁵⁷ Большая часть их имущества находилась в совместном владении, поэтому их жизненный уклад не допускал его отчуждения человеку из другого рода. Практически, право на такое имущество было посессорным, и при отказе от него оно возвращалось к роду. Гарсилассо де ла Вега отмечает о племенах Перуанских Анд, что "когда простолюдины, или обычный род, женились, общины людей были обязаны строить и предоставлять им дома".⁵⁸ Под *общинами*, как здесь используется, мы вправе понимать gens. Эррера, говоря о тех же племенах, замечает, что "это разнообразие языков происходит от того, что народы разделены на расы, племена или кланы".⁵⁹ Здесь язычники должны были помогать новобрачным в строительстве их домов.

Древняя практика кровной мести, которая так широко распространена в племенах человечества, зародилась в роду. Именно на этот орган возлагалась ответственность за убийство одного из его членов. Трибуналы для суда над преступниками и законы, предписывающие их наказание, появились в языческом обществе поздно; но они возникли еще до создания политического общества. С другой стороны, преступление убийства так же

старо, как и человеческое общество, а наказание за него в виде мести родственников так же старо, как и само преступление. Среди ирокезов и других индейских племен обязанность мстить за убийство сородича была общепризнанной.⁶⁰

Однако обязанностью родов убитого и убившего было попытаться уладить преступление, прежде чем переходить к крайностям. Совет членов каждого рода проводился отдельно, и от имени убийцы делались предложения о смягчении наказания, обычно в виде выражения сожаления и подарков значительной стоимости. При наличии оправдывающих или смягчающих обстоятельств дело, как правило, решалось; но если языческая родня убитого была непримирима, то из числа ее членов назначался один или несколько мстителей, в обязанности которых входило преследовать преступника до тех пор, пока он не будет обнаружен, а затем убить его, где бы он ни был найден. Если они совершали это деяние, то ни один из членов рода жертвы не имел права жаловаться. Жизнь отвечала за жизнь, и требования справедливости были удовлетворены.

То же чувство братства проявлялось и в других случаях, когда они помогали товарищу по несчастью и защищали его от увечий.

VI. Право присваивать имена своим членам.

Среди диких и варварских племен не существует названия семьи. Личные имена представителей одной семьи не указывают на родственные связи между ними. Семейное имя не старше цивилизации.⁶¹ Индейские личные имена, однако, обычно указывают на род человека для людей из других родов того же племени. Как правило, каждый род имел имена для людей, которые были его особой собственностью и, как таковые, не могли быть использованы другими родами того же племени. Имя язычника само по себе наделяло его правами. Эти имена либо провозглашали своим значением род, к которому они принадлежали, либо были известны как таковые по общей репутации.⁶²

После рождения ребенка его мать с согласия ближайших родственников выбирала имя из тех, которые не были в ходу в данном роду, и давала его младенцу. Но ребенок не был полностью крещен, пока его рождение и имя, вместе с именем и родом его матери и именем его отца, не были объявлены на ближайшем совете племени. После смерти человека его имя не могло быть использовано вновь при жизни его старшего оставшегося в живых сына без согласия последнего.⁶³

В обиходе были два класса имен, один из которых был приспособлен к детству, а другой - к взрослой жизни, и обмен ими в соответствующий период происходил таким же формальным образом: одно, по их выражению, отнималось, а другое даровалось вместо него. *O-wi'-go*, *плывущее по течению каноэ*, и *Ah-wou'-ne-ont*, *свисающий цветок*, - имена девочек у сенека-ирокезов; а *Gä-ne-o-di'-yo*, *красивое озеро*, и *Do-ne-ho-gä'-weh*, *хранитель двери*, - имена взрослых мужчин. В возрасте шестнадцати или восемнадцати лет первое имя забиралось, обычно вождем рода, и вместо него давалось второе. На следующем совете племени о смене имени публично объявлялось, после чего человек, если он был мужчиной, принимал на себя обязанности мужского пола. В некоторых индейских племенах юноша должен был выйти на тропу войны и заслужить свое второе имя каким-либо актом личной храбрости. После тяжелой болезни нередко из суеверных соображений человек просил и добивался второй смены имени. Иногда это повторялось в глубокой старости. Когда человека избирали сакхемом или вождем, его имя забирали, а новое присваивали в момент посвящения. Человек не мог контролировать вопрос о смене имени. Это прерогатива родственников и вождей; но взрослый человек мог изменить свое имя, если он мог убедить вождя объявить об этом на совете. Человек, владеющий определенным именем, как

старший сын умершего отца, мог передать его другу в другом роду; но после смерти носителя имя возвращалось в род, к которому оно принадлежало.

Среди шауни и делаваров мать теперь имеет право назвать своего ребенка в любом роду, в каком пожелает; и данное имя передает ребенка в род, к которому это имя принадлежит. Но это большой отход от архаичных обычаев и исключительный случай на практике. Это имеет тенденцию развращать и запутывать языческую родословную. Имена, которые сейчас используются среди ирокезов и других индейских племен, - это, в основном, древние имена, передававшиеся в роду с незапамятных времен.

Меры предосторожности, принятые в отношении использования имен, принадлежащих к роду, в достаточной степени доказывают значение, придаваемое им, и права, которые они предоставляют язычникам.

Хотя этот вопрос о личных именах разветвляется во многих направлениях, я не преследую цели проиллюстрировать лишь такие общие обычаи, которые раскрывают отношения между членами рода. В привычном общении и при формальном приветствии американские индейцы обращаются друг к другу в соответствии с тем, какое отношение собеседник имеет к говорящему. При родстве они приветствуют по родственному признаку, а при отсутствии родства заменяют его "мой друг". Считается грубостью обращаться к индейцу по его личному имени или спрашивать его имя непосредственно у него самого.

У наших саксонских предков вплоть до норманнского завоевания были одни личные имена, и ни одно из них не обозначало семью. Это свидетельствует о позднем появлении среди них моногамной семьи; кроме того, возникает предположение о существовании в более ранний период саксонского рода.

VII. Право принимать в род чужаков.

Еще одним отличительным правом gens было право принимать новых членов путем усыновления. Пленных, захваченных на войне, либо предавали смерти, либо усыновляли в какой-либо род. Женщины и дети, взятые в плен, обычно пользовались милосердием в такой форме. Усыновление давало не только права язычника, но и национальность племени. Человек, усыновивший пленника, ставил его в положение брата или сестры; если усыновляла мать, то в положение сына или дочери, и в дальнейшем обращался с ним во всех отношениях, как с рожденным в этом родстве. Рабство, которое в верхнем статусе варварства стало уделом пленников, было неизвестно среди племен нижнего статуса в эпоху аборигенов. Перчатка также имела некоторую связь с усыновлением, поскольку человек, которому удавалось, благодаря упорству или благосклонности, безопасно пройти через линию, получал право на эту награду. Пленников при усыновлении часто назначали в семье на места погибших в бою, чтобы пополнить поредевшие ряды родственников. Угасающий род может пополнить свою численность за счет усыновления, хотя такие случаи редки. В свое время род Ястребов у сенеков сократился до небольшого количества человек, и его вымирание стало неминуемым. Чтобы спасти род, несколько человек из рода Волка по взаимному согласию были переданы в род Ястреба путем усыновления. Право усыновления, по-видимому, было оставлено на усмотрение каждого рода.

У ирокезов церемония усыновления совершалась на общественном совете племени, что превращало ее практически в религиозный обряд.⁶⁴

VIII. Религиозные обряды в роду. Вопрос.

Среди греческих и латинских племен эти обряды занимали видное место. Самая высокая политеистическая форма религии, появившаяся в то время, по-видимому, возникла из тех gentes, в которых постоянно поддерживались религиозные обряды. Некоторые из них, в силу святости, которой они должны были обладать, были национализированы. В некоторых городах должность верховного жреца определенных божеств передавалась по наследству в определенном роду.⁶⁵ Род становился естественным центром религиозного роста и местом зарождения религиозных церемоний.

Но индийские племена, хотя и имели политеистическую систему, не сильно отличающуюся от той, из которой возникли греческая и римская, не достигли того религиозного развития, которое так сильно повлияло на генты последних племен. Вряд ли можно сказать, что у какого-либо индейского рода были особые религиозные обряды; и все же их религиозный культ имел более или менее непосредственную связь с родом. Именно здесь естественным образом прорастали религиозные идеи и зарождались формы поклонения. Но они скорее распространялись от рода на племя, чем оставались присущими только роду. Так, у ирокезов мы находим шесть ежегодных религиозных праздников (Кленовый, Посадки, Ягоды, Зеленый кукурузник, Урожай и Новый год)⁶⁶, которые были общими для всех родов, объединенных в племя, и которые отмечались в определенные времена года.

Каждый род предоставлял несколько "хранителей веры", как мужчин, так и женщин, которым вместе поручалось проведение этих праздников.⁶⁷ Количество выдвинутых на эту должность мужчин и женщин считалось свидетельством верности рода религии. Они назначали дни для проведения праздников, делали необходимые приготовления для их празднования и проводили церемонии совместно с сакхемами и вождями племени, которые *по должности являлись* "хранителями веры". Не имея официального главы и признаков священства, их функции были равны. На женщин-"хранительниц веры" возлагалась особая ответственность за приготовление пира, который устраивался на всех советах в конце каждого дня для всех присутствующих. Это был общий ужин. Религиозные обряды, связанные с этими праздниками, которые были описаны в предыдущей работе,⁶⁸ не нуждаются в дальнейшем рассмотрении, кроме как для того, чтобы отметить, что их поклонение было одним из благодарений, с призывами к Великому Духу и Малым Духам продолжать благословения жизни.

По мере продвижения человечества из Нижнего в Средний, и особенно из последнего в Верхний статус варварства, род становился все более центром религиозного влияния и источником религиозного развития. Мы имеем только грубую часть религиозной системы ацтеков; но помимо национальных богов, по-видимому, существовали и другие боги, принадлежавшие к меньшим подразделениям народа, чем фратрии. Существование у ацтеков ритуала и жречества заставляет нас ожидать у них более тесной связи религиозных обрядов с родом, чем это наблюдается у ирокезов; но их религиозные верования и обряды находятся под тем же облаком неизвестности, что и их социальная организация.

IX. *Общее место захоронения.*

Древний, но не исключительный способ погребения заключался в том, что тело укладывали на строительные леса до тех пор, пока не истлеет плоть, после чего кости собирали и хранили в берестяных бочках в доме, построенном для их приема. Как правило, в один и тот же дом помещали тех, кто принадлежал к одному роду. Преподобный доктор Сайрус Байингтон обнаружил подобные обычаи среди чокто в 1827 году; Адаир упоминает об аналогичных обычаях среди чероков. "Я видел три таких хранилища, - замечает он, - в одном из их городов, расположенных довольно близко друг от друга; * * * В каждом доме хранились

кости одного племени отдельно, с иероглифическими фигурами каждой семьи [gens] на каждом из ковчегов странной формы. Они считали нерелигиозным смешивать кости родственника с костями чужака, так как кость от кости и плоть от плоти всегда должны быть соединены вместе".⁶⁹ Ирокезы в древности использовали строительные леса и хранили кости умерших родственников в берестяных бочках, часто держа их в доме, который они занимали. Они также хоронили их в земле. В последнем случае представителей одного рода не всегда хоронили вместе на месте, если только у них не было общего кладбища для деревни. Покойный преподобный Ашур Райт, долгое время бывший миссионером среди сенеков и являвший собой прекрасный образец американского миссионера, написал автору следующее: "Я не нахожу никаких следов влияния клана в местах захоронения умерших. Я считаю, что они хоронят беспорядочно. Однако говорят, что раньше члены разных кланов чаще проживали вместе, чем в настоящее время. Будучи одной семьей, они больше находились под влиянием семейных чувств, и у них было меньше индивидуальных интересов. Поэтому иногда могло случиться так, что большая часть умерших в определенном месте захоронения принадлежала к одному клану". Мистер Райт, несомненно, прав в том, что на конкретном кладбище будут хоронить представителей всех родов, проживающих в деревне; но они могли держать вместе тех, кто принадлежал к одному роду. Иллюстрацией тому может служить резервация тускарора близ Льюистона, где у племени есть одно общее кладбище, и где представители одного рода похоронены в ряд поодиночке. Один ряд состоит из могил умерших членов рода Бобра, два ряда - членов рода Медведя, один ряд - Серого Волка, один - Большой Черепахи, и так далее до восьми рядов. Муж и жена отделены друг от друга и похоронены в разных рядах; отцы и их дети - тоже; но матери и их дети, братья и сестры находятся в одном ряду. Это показывает силу языческих чувств и быстроту, с которой древние обычаи возвращаются при благоприятных условиях; ведь тускароры теперь христианизированы, не отказываясь от этой практики. Один из индейцев племени онондага сообщил писателю, что такой же способ захоронения гентами теперь преобладает на кладбищах онондага и онейда. Хотя этот обычай, вероятно, нельзя назвать общим для индейских племен, в древности, несомненно, существовала тенденция и предпочтение к такому способу погребения.

Среди ирокезов, и то, что верно в отношении них, в целом верно и в отношении других индейских племен, находящихся в том же статусе развития, все члены рода являются скорбящими на похоронах умершего джентилиса. Выступления на похоронах, подготовка могилы и погребение тела осуществлялись членами других гентов.

Деревенские индейцы Мексики и Центральной Америки практиковали неряшливую кремацию, а также возведение лесов и захоронение в землю. Первым занимались только вожди и знатные люди.

Х. Совет родов.

Совет был главной особенностью древнего общества, азиатского, европейского и американского, начиная с института родов в дикости и заканчивая цивилизацией. Он был инструментом управления, а также верховной властью над родом, племенем и конфедерацией. Обычные дела решались вождями, но те, что представляли общий интерес, передавались на решение совета. Поскольку совет возник на основе языческой организации, эти два института пронеслись сквозь века. Совет вождей представляет собой древний метод развития мудрости человечества и применения ее к человеческим делам. Его история, языческая, племенная и конфедеративная, выражает рост идеи правительства во всем ее развитии, пока не возникло политическое общество, в которое перешел совет, преобразованный в сенат.

Простейшей и низшей формой совета был совет рода. Это было демократическое собрание, поскольку каждый взрослый мужчина и женщина имели право голоса по всем вопросам, выносимым на его рассмотрение. Оно избирало и смещало своих сакхемов и вождей, избирало хранителей веры, оправдывало или мстило за убийство гентилиса, а также принимало людей в гены. Это был зародыш высшего совета племени и еще более высокого совета конфедерации, каждый из которых состоял исключительно из вождей как представителей gentes.

Таковы были права, привилегии и обязанности членов ирокезского гента; таковы же они были и у членов гентов индейских племен в целом, насколько удалось выяснить. При рассмотрении гентов греческих и латинских племен можно обнаружить существование тех же прав, привилегий и обязанностей, за исключением I, II и VI; в отношении этих гентов их древнее существование вероятно, хотя доказательство, возможно, недостижимо.

Все члены ирокезского рода были лично свободны и обязаны защищать свободу друг друга; они были равны в привилегиях и личных правах, сачем и вожди не претендовали на превосходство; и они были братством, связанным родственными узами. Свобода, равенство и братство, хотя они никогда не формулировались, были кардинальными принципами генов. Эти факты важны, потому что генс был единицей социальной и правительственной системы, фундаментом, на котором было организовано индейское общество. Структура, состоящая из таких единиц, неизбежно должна нести на себе отпечаток их характера, ведь как единица, так и соединение. Это служит объяснением того чувства независимости и личного достоинства, которое является универсальным атрибутом индейского характера.

Таким значительным и важным элементом социальной системы был род, как он издревле существовал у американских аборигенов и как он до сих пор сохранился в полном объеме во многих индейских племенах. Он был основой фратрии, племени и конфедерации племен. Его функции можно было бы представить более подробно в некоторых деталях; но и этого достаточно, чтобы показать его постоянный и долговечный характер.

В эпоху европейских открытий племена американских индейцев, как правило, были организованы в роды, с происхождением по женской линии. В некоторых племенах, как у дакотов, генты распались; в других, как у оджибвас, омахас и майя Юкатана, происхождение было изменено с женской на мужскую линию. Во всей коренной Америке род получал свое название от какого-нибудь животного или неодушевленного предмета, и никогда - от человека. В этом раннем состоянии общества индивидуальность людей была утрачена в роду. По крайней мере, можно предположить, что генты греческих и латинских племен были названы так в какой-то более ранний период; но когда они впервые попали в поле зрения историков, их стали называть по именам людей. В некоторых племенах, например у индейцев деревни Моки в Нью-Мексико, члены рода заявляли о своем происхождении от животного, чье имя они носят, - их далекие предки были преобразованы Великим Духом из животного в человеческий облик. Похожая легенда есть и у журавлиного рода оджибвас. В некоторых племенах члены рода не едят животное, чье имя они носят, что, несомненно, обусловлено этим соображением.

Что касается количества людей в роду, то оно варьировалось в зависимости от числа гентов, а также от процветания или упадка племени. Три тысячи сенексов, разделенные поровну между восемью гентами, дадут в среднем триста семьдесят пять человек на род. Пятнадцать тысяч оджибва, разделенные поровну между двадцатью тремя гентами, дадут шестьсот пятьдесят человек на род. У чероксов в среднем более тысячи человек на род. При нынешнем

состоянии основных индейских племен число людей в каждом роду варьируется от ста до тысячи.

Один из древнейших и наиболее распространенных институтов человечества, генты были тесно связаны с прогрессом человечества, на который они оказали сильное влияние. Они встречаются в племенах, находящихся в состоянии дикости, в нижнем, среднем и верхнем состоянии варварства на разных континентах, а также в полной силе в греческих и латинских племенах после начала цивилизации. Каждая семья человечества, за исключением полинезийцев, кажется, попала под гентильную организацию и была обязана ей сохранением и средствами прогресса. По продолжительности она находит свою единственную параллель в системах кровного родства, которые, возникнув в еще более ранний период, сохранились до настоящего времени, хотя брачные обычаи, на которых они основывались, давно исчезли.

На основании этого раннего учреждения и его сохранения в течение столь огромного периода времени следует считать убедительным доказательством особой адаптации языческой организации к человечеству, находящемуся в диком и варварском состоянии.

ГЛАВА III. - ИРОКЕЗСКАЯ ФРАТРИЯ.

Определение фратрии.- Родственные народы, объединенные в высшую организацию.- Фратрия ирокезских племен.- Ее состав.- Ее использование и функции.- Социальные и религиозные.- Иллюстрации.-Аналог греческой фратрии, но в архаичной форме.-Фратрии чокто, чикасов, мохеганов, тлин-китов.-Вероятная универсальность в племенах американских аборигенов.

Фратрия (φρατρία) - это братство, как следует из самого термина, и естественный рост из организации в генты. Это органический союз или ассоциация двух или более родов одного племени для достижения определенных общих целей. Как правило, эти группы были такими, которые образовались в результате разделения первоначального рода.

Среди греческих племен, где фратрия была почти такой же постоянной, как и генс, она стала очень заметным институтом. Каждое из четырех племен афинян состояло из трех фратрий, каждая из которых состояла из тридцати гентов, что в общей сложности составляло двенадцать фратрий и триста шестьдесят гентов. Такое точное числовое единообразие в составе каждой фратрии и племени не могло возникнуть в результате деления гентов в результате естественных процессов. Оно должно было быть произведено, как предполагает г-н Грот, законодательным путем в интересах симметричной организации. Все генты племени, как правило, имели общее происхождение и носили общее племенное имя, следовательно, не требовалось жесткого ограничения, чтобы объединить указанное число в каждом phra try и сформировать указанное число фратрий в каждом племени. Но фратриальная организация имела естественную основу в непосредственном родстве определенных гентов как подразделений первоначального гена, что, несомненно, было основой, на которой первоначально была сформирована греческая фратрия. Включение чужих гентов и передача их по согласию или принуждению объясняет численное соотношение гентов и фратрий в афинских племенах.

Римская *курия* была аналогом греческой фратрии. Дионисий постоянно упоминает ее как фратрию.⁷⁰ В каждой *курии* было по десять гентов, по десять *курий* в каждом из трех римских племен, что составляло тридцать *курий* и триста гентов римлян. Функции римской *курии* известны гораздо лучше, чем функции греческой фратрии, и были выше по степени, поскольку *курия* непосредственно входила в функции правительства. Собрание гентов (*comitia curiata*) голосовало с помощью *курий*, каждая из которых имела один коллективный голос. Это собрание было суверенной властью римского народа вплоть до времен Сервия Туллия.

Среди функций греческой фратрии было соблюдение особых религиозных обрядов, потворство или месть за убийство фратрии, а также очищение убийцы после того, как он избежал наказания за свое преступление, для подготовки к восстановлению в обществе.⁷¹ В более поздний период у афинян - ведь фратрия в Афинах сохранилась после учреждения политического общества при Клисфене - она занималась регистрацией граждан, становясь хранительницей потомства и доказательств гражданства. Жена после замужества записывалась во фратрию мужа, а дети от брака - в гены и фратрии отца. В обязанности этой организации также входило преследование убийцы фратора в судах правосудия. Таковы известные цели и функции этой организации в ранний и более поздний периоды. Если бы все подробности были полностью выяснены, фратрия, вероятно, проявила бы себя в связи с общими столами, общественными играми, похоронами выдающихся людей, самой ранней организацией армии и заседаниями советов, а также в соблюдении религиозных обрядов и опеке социальных привилегий.

Фратрия существовала во многих племенах американских аборигенов, где, как видно, она возникла путем естественного роста и стала вторым членом органического ряда, как в греческих и латинских племенах. Она не обладала первоначальными правительственными функциями, какими обладали род, племя и конфедерация; но она была наделена определенными полезными полномочиями в социальной системе, обусловленными необходимостью какой-то организации, большей, чем род, и меньшей, чем племя, и особенно когда племя было большим. Один и тот же институт в существенных чертах и по характеру, он представляет собой организацию в архаичной форме и с архаичными функциями. Знание индийской фратрии необходимо для разумного понимания греческой и римской.

Восемь родов племени сенека-ирокезов были реинтегрированы в две фратрии следующим образом:

Первая фратрия.

Gentes.-1. Медведь. 2. Волк. 3. Бобр. 4. Черепаха.

Вторая фратрия.

Gentes.-5. Олень. 6. Бекас. 7. Цапля. 8. Ястреб.

Каждая фратрия (*De-ă-non-dă'-a-yoh*) - это братство, что также подразумевается под этим термином. Представители одной фратрии являются друг другу братьями, а представителям другой фратрии - двоюродными братьями. Они равны по классу, характеру и привилегиям. У сенеков принято называть гентов своей фратрии братскими гентами, а гентов другой фратрии - двоюродными гентами, когда они упоминают их в своем отношении к фратриям. Первоначально браки между членами одной и той же фратрии не допускались, но члены одной из них могли вступать в брак с любым родом другой. Этот запрет свидетельствует о том, что генты каждой фратрии были подразделениями первоначального гена, и поэтому запрет на брак в собственном гене распространялся и на его подразделения. Однако это

ограничение было давно снято, за исключением уважения к роду отдельного человека. Традиция сенеков утверждает, что Медведь и Олень были первоначальными родами, а остальные - их подразделениями. Таким образом, видно, что фратрия имела естественную основу в родстве тех родов, из которых она состояла. После их разделения в результате увеличения численности возникла естественная тенденция к их объединению в более высокую организацию для решения общих для всех задач. Одни и те же генты не остаются постоянными во фратрии бесконечно, как это будет видно при рассмотрении состава фратрий в остальных ирокезских племенах. Переход определенных гентов из одной фратрии в другую должен был происходить, когда равновесие в их численности нарушалось. Важно знать, каким простым способом возникает эта организация и с какой легкостью она управляется, как часть социальной системы древнего общества. С увеличением численности рода, за которым последовало локальное отделение его членов, произошло разделение, и отделившаяся часть приняла новое языческое имя. Но традиция их бывшего единства оставалась и становилась основой для реорганизации во фратрии.

Подобным образом у каюга-ирокезов есть восемь гентов в двух фратриях, но эти генты не разделены между ними поровну. Они следующие:

Первая фратрия.

Жанты.-1. Медведь. 2. Волк. 3. Черепаха. 4. Бекас. 5. Угорь.

2. Фратрия.

Gentes.-6. Олень. 7. Бобр. 8. Ястреб.

Семь из этих родов те же, что и у сенеков; но род цапли исчез, а его место занял род угря, но перенесенный в противоположную фратрию. Генты бобра и черепахи также поменялись фратриями. Каюги называют генты одной фратрии братскими гентами друг для друга, а генты противоположной фратрии - кузенскими гентами.

У онондага-ирокезов столько же генте, но два из них отличаются по названию от сенеков. Они организованы в две фратрии следующим образом:

Первая фратрия.

Gentes.-1. Волк. 2. Черепаха. 3. Бекас. 4. Бобр. 5. Мяч.

Вторая фратрия.

Gentes.-6. Олень. 7. Угорь. 8. Медведь.

Здесь состав фратрий снова отличается от сенеков. Три гента в первой фратрии одинаковы в каждой; но ген медведя был перенесен в противоположную фратрию и теперь находится вместе с оленем. Деление на генты также неравномерно, как и у каюгов. Генты в одной фратрии называются друг другу братскими, а в другой - двоюродными. В то время как у онондага нет ястреба, у сенека нет гена угря; но члены этих двух братств при встрече братаются, утверждая, что между ними существует связь.

У ирокезов и онейдасов есть только три гента - Медведя, Волка и Черепахи - и нет фратрий. Когда конфедерация была образована, в нескольких племенах существовало семь из восьми сенека-гентов, о чем свидетельствует учреждение в них сакхемств; но у ирокезов и онейдасов тогда было только три названных. Это показывает, что они потеряли целую фратрию и один род из оставшихся, если предположить, что первоначальные племена когда-то состояли из одних и тех же родов. Когда племя, организованное на генты и фратрии, подразделяется, это может происходить по линии фратрийной организации. Хотя члены

племени смешиваются между собой посредством брака, каждый род во фратрии состоит из женщин с их детьми и потомками, которые через женщин составляли тело фратрии. Они были склонны, по крайней мере, оставаться вместе на местах и, таким образом, могли обособиться в единое тело. Мужчины - члены рода, женатые на женщинах из других родов и остающиеся со своими женами, не влияли бы на род, поскольку дети этих мужчин не принадлежали бы к его связи. Если когда-нибудь удастся восстановить подробную историю индейских племен, ее нужно будет искать через генты и фратрии, которые можно проследить от племени к племени. В таком исследовании заслуживает внимания вопрос о том, распадались ли когда-нибудь племена на фратрии. Это, по крайней мере, маловероятно.

Тускарора-ирокезы отделились от основного племени в какой-то неизвестный период прошлого и обитали в районе реки Неус в Северной Каролине во время своего распада. Около 1712 г. н. э. они были вытеснены из этого района, после чего переселились в страну ирокезов и были приняты в конфедерацию в качестве шестого члена. У них восемь гентов, объединенных в две фратрии следующим образом:

Первая фратрия.

Жанты.-1. Медведь. 2. Бобр. 3. Большая черепаха. 4. Угорь.

2. Фратрия.

Gentes.-5. Серый волк. 6. Желтый волк. 7. Маленькая черепаха. 8. Бекас.

У них шесть общих родов с каюгами и онондагами, пять - с сенеками и три - с ирокезами и онейдасами. Олений род, которым они когда-то обладали, вымер в современную эпоху. Заметим также, что род волка теперь делится на два, серый и желтый, а род черепахи - на два, большой и малый. Три рода в первой фратрии совпадают с тремя родами в первой фратрии сенеков и каюгов, за исключением того, что род Волка удвоен. Поскольку между отделением Тускароры от своих сородичей и их возвращением прошло несколько сотен лет, это служит некоторым доказательством постоянства существования рода. Генты в одной фратрии называются друг другу братскими гентами, а в другой фратрии - двоюродными гентами, как и среди других племен.

Судя по различиям в составе фратрий в нескольких племенах, кажется вероятным, что фратрии изменяются в своих гентах через определенные промежутки времени в соответствии с изменениями условий. Одни генты процветают и увеличиваются в численности, другие из-за бедствий приходят в упадок, а третьи вымирают; таким образом, передача гентов из одной фратрии в другую была признана необходимой для сохранения некоторой степени равенства в количестве фраторов в каждой из них. Фратрическая организация существовала у ирокезов с незапамятных времен. Вероятно, она старше конфедерации, которая была создана более четырех веков назад. Различия в их составе, как и в содержащихся в них гентах, отражают превратности, через которые прошло каждое племя за это время. При любом взгляде на этот вопрос она невелика и свидетельствует о постоянстве как фратрии, так и рода.

У ирокезских племен было в общей сложности тридцать восемь родов, а в четырех племенах - восемь фратрий.

По своим объектам и использованию ирокезская фратрия, как и следовало ожидать, находится ниже греческой, хотя наши знания о функциях последней ограничены; и ниже того, что известно об использовании фратрии у римских племен. Сравнивая последние с первыми, мы проходим через два этнических периода и входим в совершенно разное

состояние общества. Разница заключается в степени прогресса, а не в виде; ведь в каждой расе мы имеем один и тот же институт, происходящий от одного и того же или схожего зародыша и сохраняющийся у каждой из них на протяжении огромных периодов времени как часть социальной системы. Языческое общество по необходимости сохранялось среди греческих и римских племен до тех пор, пока не возникло политическое общество; и оно сохранялось среди ирокезских племен, потому что они все еще находились на два этнических периода ниже цивилизации. Поэтому каждый факт, связанный с функциями и использованием индейской фратрии, важен, поскольку он иллюстрирует архаичный характер института, который стал столь влиятельным в более развитом обществе.

У ирокезов фратрия служила отчасти для социальных, а отчасти для религиозных целей. Ее функции и использование лучше всего показать на практических примерах. Начнем с самого низкого, с игр, которые были обычным явлением на племенных и конфедеративных советах. В игре в мяч, например, у сенеков, они играют фратриями, одна против другой; и они ставят друг против друга на результат игры. Каждая фратрия выставляет своих лучших игроков, обычно от шести до десяти на сторону, и члены каждой фратрии собираются вместе, но на противоположных сторонах поля, на котором идет игра. Перед началом игры члены противоположных фратрий ставят на карту предметы личного имущества. Они передаются на хранение хранителям, чтобы те следили за ходом событий. Игра проходит с духом и энтузиазмом и представляет собой захватывающее зрелище. Члены каждой фратрии, находясь на противоположных участках, с нетерпением наблюдают за игрой и подбадривают своих игроков при каждом удачном повороте игры.⁷²

Организация фратрии проявлялась во многом. На совете племени сакхемы и вожди каждой фратрии обычно рассаживались по разные стороны воображаемого костра совета, а ораторы обращались к двум противоположным органам как представители фратрий. Формальности, подобные этим, обладают для краснокожих особым очарованием при ведении дел.

Опять же, когда совершалось убийство, роды убитого обычно собирались на совет и, выяснив факты, принимали меры для отмщения за содеянное. Род преступника также собирался на совет и пытался договориться с родом убитого о смягчении наказания. Но часто случалось, что гены преступника призывали другие генты своей фратрии, когда убийца и убитый принадлежали к противоположным фратриям, объединиться с ними, чтобы добиться смягчения преступления. В таком случае фратрия проводила совет, а затем обращалась к другой фратрии, куда посылала делегацию с поясом из белого вампума с просьбой провести совет фратрии и разобраться в преступлении. Они предложили семье и роду убитого возмещение ущерба в виде выражения сожаления и ценных подарков. Переговоры между двумя советами продолжались до тех пор, пока не было достигнуто положительное или отрицательное заключение. Влияние фратрии, состоящей из нескольких гентов, было бы больше, чем влияние одного гена; а если призвать к действию противоположную фратрию, то вероятность помилования увеличивалась, особенно если имелись смягчающие обстоятельства. Таким образом, мы видим, как естественно греческая фратрия до цивилизации взяла на себя основное, хотя и не исключительное, управление делами об убийстве, а также очищение убийцы, если он избежал наказания; и после создания политического общества, с какой уместностью фратрия взяла на себя обязанность преследовать убийцу в судах правосудия.

На похоронах признанных авторитетов в племени фратрия проявляла себя самым заметным образом. Фраторы покойного в теле были скорбящими, а члены противоположной фратрии проводили церемонии. В случае с сакхемом было принято, чтобы противоположная фратрия сразу после похорон отправила официальный пояс вампум покойного правителя к костру центрального совета в Онондаге в качестве уведомления о его кончине. Этот пояс хранился до назначения преемника, когда он вручался ему в качестве знака отличия. На похоронах Красавчика Озера (Gä-ne-o-di'-yo), одного из восьми сакхемов сенека (которые состоялись несколько лет назад), присутствовали сакхемы и вожди в количестве двадцати семи человек, а также большое количество членов обеих фратрий. Обычное обращение к мертвому телу, а также другие обращения перед выносом тела были произнесены членами противоположной фратрии. После завершения обращений тело несли к могиле люди, выбранные из последней названной фратрии, за ними следовали сначала сакхемы и вожди, затем семья и роды покойного, далее его остальные фратрии, и последними - члены противоположной фратрии. После того как тело было положено в могилу, сакхемы и вожди становились в круг вокруг нее, чтобы засыпать ее землей. Каждый по очереди, начиная со старшего по возрасту, бросал три полных лопаты - типичное число в их религиозной системе; из них первая относилась к Великому Духу, вторая - к Солнцу, а третья - к Матери-Земле. Когда могила была заполнена, старший сачем, по образному выражению, клал "рога" ушедшего сачема, символизирующие его должность, на верх могилы над его головой, чтобы они оставались там до тех пор, пока не будет установлен его преемник. Во время последующей церемонии "рога", как говорят, брались из могилы умершего правителя и возлагались на голову его преемника.⁷³ Социальные и религиозные функции фратрии и ее естественность в органической системе древнего общества становятся очевидными благодаря одному этому случаю.

Фратрии также принимали непосредственное участие в выборах сакхемов и вождей нескольких родов, при которых они имели как отрицательный, так и подтверждающий голос. После того как род умершего сакхема избирал его преемника или вождя второго класса, необходимо было, как уже говорилось, чтобы их выбор был принят и подтвержден каждой фратрией. Ожидалось, что генты одной фратрии подтвердят выбор почти как само собой разумеющееся; но противоположная фратрия также должна была согласиться, и из этого источника иногда возникало противодействие. Собирался совет каждой фратрии, который выносил решение о принятии или отклонении кандидатуры. Если выдвинутая кандидатура принималась обеими, то она становилась полной; если же одна из них отказывалась, то она отменялась, и гены проводили новые выборы. Когда выбор, сделанный генами, был принят фратриями, необходимо было, как уже говорилось, чтобы новый сачем или новый вождь был введен в должность советом конфедерации, который один имел право вводить его в должность.

В настоящее время сенеки утратили свои Ложы Медицины, которые исчезли в современную эпоху; но раньше они существовали и составляли важную часть их религиозной системы. Содержать Ложу Медицины означало соблюдать их высшие религиозные обряды и практиковать их высшие религиозные тайны. У них было две таких организации, по одной в каждой фратрии, что еще больше показывает естественную связь фратрии с религиозными обрядами. Сейчас очень мало известно об этих ложах и их церемониях. Каждая из них представляла собой братство, в которое новые члены принимались путем формального посвящения.

Фратрия не имела правительственных функций в строгом смысле этого слова, они были ограничены родом, племенем и конфедерацией; но она входила в их социальные дела с

большими административными полномочиями и должна была все больше и больше касаться их религиозных дел по мере того, как улучшалось состояние людей. В отличие от греческой фратрии и римской *курии*, у нее не было официального главы. Не было ни вождя фратрии как такового, ни религиозных функционеров, принадлежащих к ней в отличие от родов и племен. Институт фратрии у ирокезов находился в зачаточной архаичной форме; но он врос в жизнь путем естественного и неизбежного развития и оставался постоянным, потому что удовлетворял необходимые потребности. Каждый институт человечества, достигший постоянства, будет связан с вечной потребностью. При наличии рода, племени и конфедерации существование фратрии было в значительной степени обеспечено. Однако потребовалось время и дальнейший опыт, чтобы проявились все возможности ее использования.

Среди деревенских индейцев Мексики и Центральной Америки фратрия, должно быть, существовала, рассуждая на общих принципах; и была более развитой и влиятельной организацией, чем у ирокезов. К сожалению, лишь проблески такого института - это все, что можно найти в изобилующих повествованиях испанских писателей в течение первого столетия после испанского завоевания. Четыре "рода" тласкаланцев, занимавших четыре квартала пуэбло Тласкала, были, по всей вероятности, многочисленными фратриями. Они были достаточно многочисленны для четырех племен; но поскольку они занимали одно и то же пуэбло и говорили на одном диалекте, организация фратрий была, очевидно, необходимостью. Каждый род, или, как его еще называют, фратрия, имел свою военную организацию, особый костюм и знамя, а также своего главного вождя (*теуктли*), который был его главным военачальником. Они выходили на битву фратриями. Организация военных сил по фратриям и племенам не была неизвестна гомеровским грекам. Так, Нестор советует Агамемнону "разделить войска по фратриям и по племенам, чтобы фратрия поддерживала фратрию, а племя племя".⁷⁴ При языческих институтах наиболее развитого типа принцип родства в значительной степени становился основой организации армии. Ацтеки, подобным образом, занимали пуэбло в Мексике четырьмя отдельными подразделениями, люди каждого из которых были более близки друг к другу, чем к людям других подразделений. Они были отдельными родами, как тласкалан, и, как представляется, с большой вероятностью представляли собой четыре фратрии, отдельно организованные как таковые. Они отличались друг от друга костюмами и штандартами и выходили на войну как отдельные подразделения. Их географические области назывались четырьмя кварталами Мексики. К этой теме мы еще вернемся.

Что касается распространенности этой организации среди индейских племен на нижнем этапе варварства, то этот вопрос исследован очень слабо. Вполне вероятно, что она была общей в основных племенах, исходя из естественного способа, которым она возникает как необходимый член органического ряда, и из использования, кроме правительственного, к которому она была приспособлена.

В некоторых племенах фратрии заметно выделяются на фоне их организации. Так, генты чокта объединены в две фратрии, которые необходимо упомянуть вначале, чтобы показать отношение гентов друг к другу. Первая фратрия называется "Разделенный народ" и включает в себя четыре гента. Вторая называется "Возлюбленный народ" и также содержит четыре гента. Это разделение народа на два подразделения по жантам создало две фратрии. Конечно, некоторые знания о функциях этих фратрий желательны; но и без них факт их существования устанавливается самими подразделениями. Эволюция конфедерации из пары гентов, поскольку меньше двух никогда не встречается ни в одном племени, может быть выведена теоретически из известных фактов индейского опыта. Так, род увеличивает число

своих членов и делится на два; те снова делятся и со временем объединяются в две или более фратрии. Эти фратрии образуют племя, члены которого говорят на одном диалекте. Со временем это племя в процессе сегментации распадается на несколько, которые в свою очередь объединяются в конфедерацию. Такая конфедерация - это рост, через племя и фратрию, из пары гентов.

Чикасы организованы в две фратрии, одна из которых содержит четыре, а другая - восемь генте, следующим образом:

I. Фратрия пантер.

Жанты.-1. Дикая кошка. 2. Птица. 3. Рыба. 4. Олень.

II. Испанская фратрия.

Gentes.-5. Енот. 6. Испанец. 7. Королевский. 8. Hush-ko'-ni. 9. Белка. 10. Аллигатор, 11. Волк. 12. Черный дрозд.

Подробные сведения о фратриях Чокта и Чикаса я представить не могу. Около четырнадцати лет назад об этих организациях мне предоставили преподобный доктор Сайрус Байингтон и преподобный Чарльз К. Коупленд, но без обсуждения их использования и функций.

Очень полной иллюстрацией того, как фратрии формируются путем естественного роста, через подразделение гентов, является организация племени мохеган. У него было три первоначальных рода: волк, черепаха и индейка.

Каждый из них разделился, и эти подразделения стали независимыми гентами; но они сохранили названия первоначальных гентов в качестве своих соответствующих фратриальных имен. Иными словами, подразделения каждого рода реорганизовались во фратрии. Это убедительно доказывает естественный процесс, при котором со временем род распадается на несколько, а они остаются объединенными во фратриальную организацию, что выражается в принятии фратриального имени. Они следующие:

I. Wolf Phratry.

Gentes.-1. Wolf. 2. Медведь. 3. Собака. 4. Опоссум.

II. Черепаха Фратрия.

Gentes.-5. Маленькая черепаха. 6. Грязевая черепаха. 7. Большая черепаха. 8. Желтый угорь.

III. Индюк Фратрия.

Gentes.-9. Турция. 10. Журавль. 11. Курица.

Таким образом, видно, что первоначальный род Волка разделился на четыре рода, Черепахи - на четыре, а Индейки - на три. Каждый новый род получил новое имя, а первоначальный сохранил свое собственное, которое стало, по старшинству, именем фратрии. Среди племен американских индейцев редко можно найти столь явное свидетельство сегментации гентов в их внешней организации с последующим формированием во фратрии их соответствующих подразделений. Это также показывает, что фратрия основана на родственных связях между гентами. Как правило, название первоначального gens, из которого образовались другие, неизвестно, но в каждом из этих случаев оно остается в качестве названия фратрии. Поскольку последняя, как и греческая, была скорее социальной и религиозной, чем государственной организацией, она внешне менее заметна, чем gens или tribe, которые были необходимы для управления обществом. До нас дошло название лишь одной из двенадцати афинских фратрий. У ирокезов не было другого названия, кроме названия братства.

У делаваров и манси три одинаковых гента: волк, черепаха и индюк. Среди делаваров в каждом племени есть двенадцать зародышей генте, но они, похоже, являются родами внутри генте и не приняли языческих имен. Однако это было движение в этом направлении.

Фратрия также появляется у тлинкитов северо-западного побережья, на поверхности их организации в генты. У них есть две фратрии, следующие:

I. *Волчья фратрия.*

Gentes.-1. Медведь. 2. Орел. 3. Дельфин. 4. Акула. 5. Алька.

II. *Ворона Phratry.*

Gentes.-6. Лягушка. 7. Гусь. 8. Морской лев. 9. Сова. 10. Лосось.

Межродовые браки во фратрии запрещены, что само по себе свидетельствует о том, что генты каждой фратрии произошли от первоначального гена.⁷⁵ Представители любого рода из фратрии Вольфа могли вступать в брак с любым родом из противоположной фратрии, и наоборот.

Исходя из вышеизложенных фактов, существование фратрии установлено в нескольких языковых группах американских аборигенов. Ее наличие в названных племенах заставляет предположить ее общую распространенность в семье Ганована. Среди деревенских индейцев, где численность рода и племени была больше, она неизбежно должна была иметь большее значение и, следовательно, быть более развитой. Как институт он все еще находился в своей архаичной форме, но обладал основными элементами греческого и римского. Теперь можно утверждать, что полный органический ряд древнего общества существует на американском континенте в полном объеме, а именно: род, фратрия, племя и конфедерация племен. С помощью дальнейших доказательств, которые еще предстоит привести, будет установлена универсальность языческой организации на всех континентах.

Если в будущем исследования будут направлены специально на изучение функций фратрийной организации в племенах американских аборигенов, то полученные знания объяснят многие особенности жизни и нравов индейцев, которые еще недостаточно хорошо изучены, и прольют дополнительный свет на их нравы и обычаи, а также на их план жизни и правления.

ГЛАВА IV. - ПЛЕМЯ ИРОКЕЗОВ.

Племя как организация.- Состояло из людей, говорящих на одном диалекте.- Разделение территории привело к расхождению речи и сегментации.- Племя - естественный рост.- Иллюстрации.- Атрибуты племени.- Территория и название.- Исключительный диалект.- Право назначать и смещать своих сакемов и вождей.- Религиозная вера и культ.- Совет вождей.- Глава-вождь племени в некоторых случаях.- Три последовательные формы правления язычников: Первая - правительство одной власти; вторая - двух властей; третья - трех властей.

Трудно описать индейское племя по утвердительным элементам его состава. Тем не менее оно четко обозначено и является конечной организацией огромного количества американских аборигенов. Большое количество независимых племен, на которые они распались в результате естественного процесса сегментации, является яркой характеристикой их состояния. Каждое племя было индивидуализировано названием,

отдельным диалектом, верховным правительством и владением территорией, которую оно занимало и защищало как свою собственную. Племена были столь же многочисленны, как и диалекты, поскольку разделение не становилось полным, пока не начиналась диалектическая вариативность. Таким образом, индейские племена - это естественный рост в результате разделения одного и того же народа на территории его обитания, за которым последовало расхождение в речи, сегментация и независимость.

Мы видели, что фратрия была не столько правительственной, сколько социальной организацией, в то время как род, племя и конфедерация были необходимыми и логичными этапами прогресса в роста идеи правительства. Конфедерация не могла существовать в языческом обществе без племен в качестве основы; племена также не могли существовать без гентов, хотя и могли без фратрий. В этой главе я попытаюсь указать на то, как формировались эти многочисленные племена, предположительно из одного первоначального народа; на причины, которые привели к их вечному разделению; и на основные признаки, отличающие индейское племя как организацию.

Исключительное владение диалектом и территорией привело к применению термина "*нация*" ко многим индейским племенам, несмотря на малочисленность народа в каждом из них. *Племя* и *нация*, однако, не являются строгими эквивалентами. При языческих институтах нация не возникает, пока племена, объединенные под одним правительством, не сольются в один народ, как четыре афинских племени в Аттике, три дорийских племени в Спарте и три латинских и сабинских племени в Риме. Федерация требует независимых племен в отдельных территориальных областях; коалесценция же объединяет их более высоким процессом в одной области, хотя тенденция к локальному разделению на генты и племена сохраняется. Конфедерация - ближайший аналог нации, но не строго эквивалентный. Там, где существует организация язычников, органический ряд дает все термины, необходимые для правильного описания.

Индейское племя состоит из нескольких родов, развившихся из двух или более, все члены которых смешались в результате брака и все говорят на одном диалекте. Для чужака видно племя, а не род. Среди американских аборигенов крайне редки случаи, когда племя охватывало народы, говорящие на разных диалектах. Когда такие случаи встречаются, это происходит в результате объединения более слабого племени с более сильным, говорящим на близкородственном диалекте, как, например, объединение миссури с ото после свержения первого. Тот факт, что большая часть аборигенов жила в независимых племенах, свидетельствует о медленном и трудном развитии идеи управления под влиянием языческих институтов. Лишь небольшая часть достигла конечной стадии, известной среди них, - конфедерации племен, говорящих на диалектах одного и того же основного языка. Объединение племен в нацию не произошло ни в одном случае ни в одной части Америки.

Постоянная тенденция к дезинтеграции, которая так мешала прогрессу среди диких и варварских племен, существовала и в элементах языческой организации. Она усугублялась дальнейшей тенденцией к расхождению речи, которая была неотделима от их социального положения и обширных областей их занятий. Словесный язык, хотя и обладает удивительной устойчивостью в своих вокабулах и еще большей устойчивостью в своих грамматических формах, не способен к постоянству. За разделением народа по территории со временем последовало различие в речи, а оно, в свою очередь, привело к разделению по интересам и окончательной независимости. Это было делом не короткого периода, а столетий, которые в конечном итоге складываются в тысячи лет. Огромное количество диалектов и основных

языков в Северной и Южной Америке, которые, предположительно, произошли, за исключением эскимосского, от одного первоначального языка, требуют для своего формирования времени, измеряемого тремя этническими периодами.

Новые племена, как и новые роды, постоянно формировались путем естественного роста, и этот процесс заметно ускорялся благодаря огромным просторам американского континента. Метод был прост. Сначала происходил постепенный отток людей из какого-нибудь перенаселенного географического центра, обладавшего преимуществами в средствах существования. Продолжаясь из года в год, значительная часть населения, таким образом, формировалась на расстоянии от первоначального места обитания племени. Со временем эмигранты становились разными по интересам, чужими по чувствам, и, наконец, расходились в речи. Последовали разделение и независимость, хотя их территории были смежными. Так было создано новое племя. Это краткое изложение того, как формировались племена американских аборигенов, но его следует воспринимать как общее. Повторяясь из века в век как на вновь приобретенных, так и на старых территориях, он должен рассматриваться как естественный и неизбежный результат организации язычников, объединенный с потребностями их состояния. Когда увеличение численности давило на средства к существованию, излишки удалялись на новое место, где они легко обосновывались, потому что правительство было совершенным в каждом роду и в любом количестве родов, объединенных в группу. Среди деревенских индейцев то же самое повторялось в несколько иной манере. Когда деревня становилась переполненной, колония поднималась или спускалась по тому же ручью и начинала новую деревню. Через определенные промежутки времени появлялось несколько таких деревень, каждая из которых была независимой от другой и самоуправляемой, но объединялась в лигу или конфедерацию для взаимной защиты. В конце концов возникали диалектические изменения, и таким образом завершалось их перерастание в племена.

То, как племена эволюционируют друг от друга, можно показать непосредственно на примерах. Факт разделения вытекает частично из традиции, частично из обладания каждым из них рядом одних и тех же гентов, а частично из соотношения их диалектов. Племена, образовавшиеся из подразделений исходного племени, будут обладать рядом общих гентов и говорить на диалектах одного и того же языка. После нескольких столетий разделения они все еще будут иметь ряд тех же самых гентов. Так, гуроны, ныне виандоты, имеют шесть одноименных генте с шестью генте сенека-ирокезов, по крайней мере, после четырехсот лет разделения. У потаваттами восемь одноименных генте с восемью у оджибвас, в то время как у первых есть шесть, а у вторых четырнадцать, которые отличаются друг от друга; это показывает, что новые генте образовались в каждом племени путем сегментации с момента их разделения. Еще более древнее ответвление от оджибвас или от общего родительского племени, майами, имеет только три общих с первыми рода, а именно: волк, лунь и орел. В жизни и росте этих гентов заключена вся социальная история племен ганована. Если когда-нибудь исследования будут активно проводиться в этом направлении, сами генты станут надежными проводниками, как в отношении порядка отделения друг от друга племен одного и того же рода, так и, возможно, больших родов аборигенов.

Следующие иллюстрации взяты из племен, находящихся на нижней стадии варварства. Когда восемь племен Миссури были открыты, они занимали берега реки Миссури на протяжении более тысячи миль; вместе с берегами ее притоков, Канзаса и Платте, а также более мелких рек Айовы. Они также занимали западный берег Миссисипи вплоть до

Арканзаса. Их диалекты показывают, что до последнего разделения народ состоял из трех племен, а именно: первое - панки и омахи, второе - иовы, ото и миссури, третье - кау, осаги и кваппы. Эти три племени, несомненно, были подразделениями одного первоначального племени, потому что их несколько диалектов все еще гораздо ближе друг к другу, чем к любому другому диалекту дакотского языка, к которому они принадлежат. Таким образом, существует лингвистическая необходимость в их происхождении от первоначального племени. Постепенное распространение от центральной точки на этой реке вдоль ее берегов, как вверх, так и вниз, привело бы к разделению интересов с увеличением расстояния между их поселениями, затем к расхождению в речи и, наконец, к независимости. Народ, растянувшийся вдоль реки в стране прерий, мог разделиться сначала на три племени, а затем на восемь, и организация каждого подразделения оставалась полной. Разделение не было ни потрясением, ни оцененным бедствием; это было разделение на части в результате естественного расширения на большей территории, за которым последовала полная сегментация. Самым верхним племенем на Миссури были панки в устье реки Ниобрара, а самым нижним - кваппы в устье Арканзаса на Миссисипи, с интервалом почти в пятнадцать сотен миль между ними. Промежуточный регион, ограниченный узкой полосой леса на реке Миссури, занимали остальные шесть племен. Это были исключительно речные племена.

Другую иллюстрацию можно найти в племенах озера Верхнее. Оджибвас, отавас⁷⁶ и потаваттами являются подразделениями первоначального племени; оджибвас представляют собой ствол, потому что они остались на прежнем месте, у больших рыбных промыслов на выходе из озера. Более того, остальные два племени называют их "старшим братом", в то время как отавы называли себя "следующим старшим братом", а потаваттами - "младшим братом". Последнее племя отделилось первым, а отавы - последними, о чем свидетельствует относительное количество диалектических различий, причем у первых оно самое большое. Во время своего открытия, в 1641 году, оджибвасы жили в Рапидс на выходе из озера Верхнее, откуда они распространились южному берегу озера до Онтонэгона, вдоль северо-восточного берега и вниз по реке Сент-Мэри до озера Гурон. Их положение обладало замечательными преимуществами для пропитания рыбой и дичью, которое, поскольку они не выращивали кукурузу и растения, было их главной опорой.⁷⁷ По этому показателю они не имели себе равных в Северной Америке, за исключением долины реки Колумбия. С такими преимуществами они были уверены, что смогут развить многочисленную индейскую популяцию и отправить в путь несколько групп эмигрантов, чтобы стать независимыми племенами. Потаваттами занимали территорию на границах Верхнего Мичигана и Висконсина, откуда в 1641 году их изгнали дакоты. В то же время отавы, чье раннее место жительства, как предполагается, находилось на реке Отава в Канаде, двинулись на запад и в то время располагались в заливе Джорджия, на островах Манитулин и в Макинау, откуда они распространялись на юг по Нижнему Мичигану. Будучи изначально одним народом и обладая одним и тем же родом, они сумели захватить большую территорию. Разделение по месту и расстоянию между поселениями задолго до их открытия привело к формированию диалектов и независимости племен. Три племени, чьи территории были сопредельными, заключили союз для взаимной защиты, известный среди американцев как "Конфедерация Отава". Это была лига, наступательная и оборонительная, а не, вероятно, тесная конфедерация, как у ирокезов.

До этих отделений другое родственное племя, майами, отделилось от оджибва, или общего родительского племени, и мигрировало в центральный Иллинойс и западную Индиану. Вслед за ними переселились иллинойцы, еще одно и более позднее ответвление от того же племени, которое впоследствии разделилось на пеорийцев, каскасийцев, уи и пианкешо. Их

диалекты, как и диалекты майами, обнаруживают ближайшее родство с оджибва, а затем с кри.⁷⁸ Отток всех этих племен из центрального очага на великом рыболовном озере Верхнее является важным фактом, поскольку он иллюстрирует способ формирования племен в связи с естественными центрами пропитания. Алгонкины Новой Англии, Делавэра, Мэриленда, Виргинии и Каролины, по всей вероятности, произошли из одного и того же источника. Несколько столетий потребовалось бы для формирования диалектов, названных первыми, и для создания того количества вариаций, которое они демонстрируют сейчас.

Вышеприведенные примеры представляют собой естественный процесс, в ходе которого племена развиваются друг от друга или от родительского племени, занявшего выгодное положение. Каждая эмигрирующая группа имела характер военной колонии, если можно так выразиться, стремящейся овладеть и удержать новую территорию, сохраняя поначалу и как можно дольше связь с материнским племенем. Этими последовательными движениями они стремились расширить свои совместные владения, а затем противостоять вторжению чужеземцев в их пределы. Заметно, что индейские племена, говорящие на диалектах одного и того же родового языка, обычно сохраняли территориальную преемственность, как бы ни расширялась их общая территория. То же самое, в основном, происходило со всеми племенами человечества, объединенными по языковому признаку. Это объясняется тем, что люди, распространяясь из какого-либо географического центра и ведя тяжелую борьбу за существование и за обладание новыми территориями, сохраняли связь с родной землей как средство помощи во время опасности и как место убежища в бедствиях.

Требовались особые преимущества в средствах существования, чтобы сделать какую-либо территорию первоначальным пунктом миграции путем постепенного развития избыточного населения. В Северной Америке таких природных центров было немного. Их всего три. Первый из них - долина реки Колумбия, самый необычный регион на земле по разнообразию и количеству средств к существованию, которые он давал до появления кукурузы и растений;⁷⁹ второй - полуостров между озерами Супе риор, Гурон и Мичиган, место обитания оджибвас и родина многих индейских племен; и третий - район озера в Миннесоте, место обитания нынешних племен дакота. Эти - единственные регионы в Северной Америке, которые можно назвать естественными центрами пропитания и естественными источниками избыточной численности. Есть основания полагать, что Миннесота была частью территории алгонкинов до того, как ее заняли дакоты. Когда появилось возделывание кукурузы и растений, это привело к локализации людей и их поддержке на меньших территориях, а также к увеличению их численности; но это не смогло передать контроль над континентом наиболее развитым племенам индейцев селения, которые почти полностью жили за счет земледелия. Садоводство распространилось среди основных племен нижнего статуса варварства и значительно улучшило их состояние. Вместе с несадоводческими племенами они занимали огромные территории Северной Америки, когда она была открыта, и из их рядов континент пополнялся жителями.⁸⁰

Размножение племен и диалектов стало плодотворным источником непрекращающихся войн аборигенов друг с другом. Как правило, наиболее упорные войны велись между племенами, говорящими на разных языках; как, например, между ирокезами и алгонкинами, а также между дакотами и теми же племенами. Напротив, племена алгонкинов и дакота по отдельности, в целом, жили в мире между собой. Если бы это было иначе, они бы не занимали сплошные территории. Худшим исключением были ирокезы, которые вели истребительную войну против родственных им племен - эри, нейтрального народа, гуронов и саскуэханноков. Племена, говорящие на диалектах одного и того же основного языка,

способны общаться устно и таким образом компенсировать свои различия. Они также научились, в силу своего общего происхождения, полагаться друг на друга как на естественных союзников.

Численность населения на определенной территории была ограничена количеством средств к существованию, которые она давала. Когда основным источником пищи были рыба и дичь, для содержания небольшого племени требовалась огромная территория. После того, как к рыбе и дичи добавилась мучнистая пища, территория, занимаемая племенем, по-прежнему оставалась большой пропорционально численности людей. В Нью-Йорке с его сорока семью тысячами квадратных миль никогда не проживало более двадцати пяти тысяч индейцев, включая ирокезов, алгонкинов на восточном берегу Гудзона и на Лонг-Айленде, а также эри и нейтральный народ в западной части штата. Личное правительство, основанное на родах, было неспособно развить достаточную центральную власть, чтобы следить и контролировать растущее число людей, если только они не находились на разумном расстоянии друг от друга.

Среди деревенских индейцев Нью-Мексико, Мексики и Центральной Америки увеличение численности на небольшой территории не остановило процесс дезинтеграции. Каждое пуэбло обычно было независимой самоуправляющейся общиной. Там, где несколько пуэбло располагались рядом друг с другом на одном ручье, люди обычно имели общее происхождение и находились под управлением племенного или конфедеративного правительства. Только в Нью-Мексико насчитывается около семи языков, на каждом из которых говорят на нескольких диалектах. Во время экспедиции Коронадо, в 1540-1542 годах, обнаруженные деревни были многочисленными, но небольшими. В них было по семь представителей племен чибола, тукайан, кивира и хемес и двенадцать - тигуэкс;⁸¹ и другие группы указывали на языковую связь их членов. Была ли каждая группа конфедеративной, нам не известно. Семь пуэбло моки (деревни тукайянов из экспедиции Коронадо), как говорят, конфедеративны в настоящее время, и, вероятно, были таковыми во время их открытия.

Процесс разделения, проиллюстрированный вышеприведенными примерами, происходил среди американских аборигенов в течение тысяч лет, пока в одной только Северной Америке не образовалось до сорока основных языков, , насколько известно, на каждом из которых говорят на нескольких диалектах равное количество независимых племен. Их опыт, вероятно, был лишь повторением опыта племен Азии, Европы и Африки, когда они находились в соответствующих условиях.

Из предыдущих наблюдений следует, что племя американских индейцев - очень простая и скромная организация. Для того чтобы сформировать племя и занять достойное место в семье Ганована, требуется всего несколько сотен, максимум - несколько тысяч человек.

Остается представить функции и атрибуты индейского племени, которые можно обсудить в рамках следующих предложений:

- I. *Обладание территорией и названием.*
- II. *Исключительное владение диалектом.*
- III. *Право инвестировать сакхемов и вождей, избираемых гентами.*
- IV. *Право смещать этих сакхемов и вождей.*
- V. *Обладание религиозной верой и культом.*
- VI. *Верховное правительство, состоящее из совета вождей.*

VII. В некоторых случаях вождь племени.

Достаточно кратко остановиться на каждом из этих атрибутов племени.

I. Обладание территорией и именем.

Территория племени состояла из района его фактических поселений, а также прилегающих территорий, которые племя охватывало во время охоты и рыбной ловли и могло защитить от посягательств других племен. За пределами этой территории находилась широкая полоса нейтральных земель, отделявшая их от ближайших соседей, если они говорили на разных языках, и на которую не претендовали ни те, ни другие; но менее широкая и менее четко обозначенная, если они говорили на диалектах одного и того же языка. Нечетко очерченная таким образом страна, большая или маленькая, была владением племени, признавалась таковой другими племенами и защищалась ими самими.

Со временем племя индивидуализировалось, получив имя, которое, судя по их обычному характеру, во многих случаях было скорее случайным, чем преднамеренным. Так, сенеки называли себя "людьми Великих Холмов" (Nun-da'-wä-o-no), тускароры - "людьми, носящими рубашки" (Dus-ga'-o-weh-o-no'), сиссетоны, "Деревня болот" (Sis-se'-to-wän), огалаллы, "переносчики лагерей" (O-ga-lal'-lä), омахи, "люди верхнего течения" (O-mä'-hä), иовы, "Пыльные носы" (Pa-ho'-cha), миннитары, "Люди из далека" (E-nät'-zä), чероки, "Великий народ" (Tsä-lo'-kee), шауни, "южане" (Sä-wan-wä-kee'), мохеганы - "люди морского побережья" (Mo-he-kun-e-uk), индейцы Невольничьего озера - "люди низменностей" (A-cha'-o-tin-ne). Среди деревенских индейцев Мексики сочимилько называли себя "народом семян цветов", чалканы - "людьми рта", тепанеканы - "людьми моста", тескуканы или кулуа - "кривым народом", тласкаланы - "людьми хлеба".⁸² Когда европейская колонизация началась в северной части Америки, названия индейских племен были получены, как правило, не от самого племени, а от других племен, которые дали им названия, отличные от их собственных. Как следствие, ряд племен теперь известен в истории под именами, не признанными ими самими.

II. Исключительное владение диалектом.

Племя и диалект в основном сосуществуют, но есть и исключения, обусловленные особыми обстоятельствами. Так, двенадцать племен дакота в настоящее время являются племенами, поскольку они отличаются друг от друга по интересам и организации; но они были вынуждены преждевременно разделиться из-за продвижения американцев на их исконную территорию, которое вытеснило их на равнины. До этого они находились в такой тесной связи, что начал формироваться лишь один новый диалект - *тектон* на реке Миссури; первоначальный говор - *исаунти* на Миссисипи. Несколько лет назад чероки насчитывали двадцать шесть тысяч человек - самое большое число индейцев, когда-либо обнаруженных в пределах Соединенных Штатов, говорящих на одном диалекте. Но в горных районах Джорджии произошло небольшое расхождение в речи, хотя и недостаточное, чтобы выделить его в качестве диалекта. Есть еще несколько подобных случаев, но они не нарушают общего правила, которое действовало во времена аборигенов, когда племя и диалект были неразделимы. Оджибвас, которые в основном не занимаются огородничеством, сейчас насчитывают около пятнадцати тысяч человек и говорят на одном диалекте; а племена дакота насчитывают около двадцати пяти тысяч человек, которые говорят на двух очень близких диалектах, как уже говорилось. Эти несколько племен исключительно многочисленны. Племена на территории Соединенных Штатов и Британской Америки в среднем дают менее двух тысяч человек на племя.

III. Право инвестирования сакхемов и вождей, избираемых гентами.

У ирокезов избранный человек не мог стать вождем до тех пор, пока его не инвестировал совет вождей. Поскольку вожди родов составляли совет племени, наделенный властью над общими интересами, было очевидным правильным оставить за советом племени функцию наделения людей должностью. Но после образования конфедерации полномочия по "возвышению" сакхемов и вождей перешли от совета племени к совету конфедерации. Что касается племен в целом, то доступной информации недостаточно, чтобы объяснить их обычаи в отношении способа инвеституры. Это один из многочисленных вопросов, требующих дальнейшего изучения, прежде чем можно будет полностью объяснить социальную систему индейских племен. Должность сакхема и вождя была повсеместно выборной среди племен к северу от Мексики; достаточно свидетельств, касающихся других частей континента, чтобы не сомневаться в универсальности этого правила.

У делаваров в каждом роду был один сачем (Sä-ke'-mä), чей пост передавался по наследству в роду, а также два общих вождя и два военных вождя - пятнадцать в трех родах, - которые составляли совет племени. Среди оджибвас в каждом поселении обычно преобладали представители одного рода. В каждом роду был сачем, должность которого передавалась по наследству, и несколько общих вождей. Если в одном населенном пункте проживало большое количество представителей одного рода, они оказывались организованными одинаково. Число вождей не было ограничено. В нескольких индейских племенах, несомненно, существовал свод обычаев, которые никогда не были собраны, касающихся избрания и назначения сакхемов и вождей. Знание их было бы ценным. Объяснение ирокезского метода "возведения в сан" сакхемов и вождей будет дано в следующей главе.

IV. Право смещения этих сакхемов и вождей.

Это право принадлежало прежде всего роду, к которому принадлежал сакхем или вождь. Но совет племени обладал той же властью и мог действовать независимо от рода и даже вопреки его желаниям. В статусе дикости, а также в нижнем и среднем статусе варварства должность даровалась пожизненно или за хорошее поведение. Человечество не научилось ограничивать выборность должностей сроком в несколько лет. Поэтому право смещения становилось тем более необходимым для поддержания принципа самоуправления. Это право было вечным утверждением суверенитета рода, а также племени; суверенитета, слабо осознаваемого, но тем не менее реального.

V. Обладание религиозной верой и культом.

По примеру варваров американские индейцы были религиозным народом. Племена обычно проводили религиозные праздники в определенные времена года, которые сопровождались богослужениями, танцами и играми. Во многих племенах центром этих празднеств был Медисин Лодж. О проведении праздника было принято объявлять за несколько недель и месяцев до его начала, чтобы пробудить всеобщий интерес к его церемониям. Религиозная система аборигенов - еще одна тема, которая изучена лишь частично. Она богата материалами для будущего студента. Опыт этих племен в развитии их религиозных верований и способа поклонения является частью опыта человечества; и эти факты займут важное место в науке сравнительной религии.

Их система была более или менее расплывчатой и неопределенной и была наполнена грубыми суевериями. Среди основных племен можно проследить поклонение элементам, а в продвинутых племенах прослеживается тенденция к политеизму. Ирокезы, например, признавали Великого и Злого духа, множество низших духовных существ, бессмертие души и

будущее состояние. Их представление о Великом Духе наделяло его человеческой формой, что в равной степени относилось и к Злому Духу, и к *He'-no*, Духу Грома, и к *Gă'-oh*, Духу Ветра, и к *Трем Сестрам*, Духу Маиса, Духу Фасоли и Духу Сквоша. Последние назывались в совокупности "Наша жизнь", а также "Наши помощники". Кроме них, существовали духи нескольких видов деревьев и растений, а также бегущих ручьев. О существовании и атрибутах этих многочисленных духовных существ имелись лишь слабые представления. Среди племен, находящихся на нижней ступени варварства, идолопоклонство было неизвестно.⁸³ У ацтеков были личные боги, идолы, олицетворяющие их, и храмовое поклонение. Если бы особенности их религиозной системы были точно известны, то, вероятно, стало бы ясно, что она выросла из общих верований индейских племен.

Танцы были одной из форм поклонения у американских аборигенов и составляли часть церемоний на всех религиозных праздниках. Ни в одной части земли, среди варваров, танец не получил более глубокого развития. У каждого племени есть от десяти до тридцати танцев, каждый из которых имеет свое название, песни, музыкальные инструменты, шаги, план и костюмы для людей. Некоторые из них, как, например, военный танец, были общими для всех племен. Особые танцы - это особая собственность, принадлежащая либо роду, либо обществу, организованному для его поддержания, в которое время от времени посвящались новые члены. Танцы дакотов, крисов, оджибвас, ирокезов и индейцев пуэбло в Нью-Мексико одинаковы по общему характеру, шагу, плану и музыке; то же самое можно сказать и о танцах ацтеков, насколько они точно известны. Это единая система для всех индейских племен, которая имеет прямое отношение к их системе веры и поклонения.

VI. Верховное правительство через совет вождей.

Совет имел естественную основу в племенах, из вождей которых он состоял. Он удовлетворял необходимую потребность и должен был существовать до тех пор, пока существовало языческое общество. Как род был представлен своими вождями, так и племя было представлено советом, состоящим из вождей родов. Он был постоянным элементом социальной системы и обладал высшей властью над племенем. Созванный при известных всем обстоятельствах, проходивший в окружении народа и открытый для его ораторов, он непременно действовал под народным влиянием. Несмотря на олигархическую форму, правительство представляло собой представительную демократию; представитель избирался пожизненно, но мог быть смещен. Братство членов каждого рода и выборный принцип в отношении должностей были зародышем и основой демократического принципа. Несовременно развитая, как и другие великие принципы на этой ранней стадии развития, демократия может похвастаться очень древней родословной в племенах человечества.

На совет возлагалась обязанность охранять и защищать общие интересы племени. От ума и мужества людей, а также от мудрости и прозорливости совета зависело процветание и существование племени. В ходе непрекращающихся войн с другими племенами возникали вопросы и сложности, для решения которых требовалось проявление всех этих качеств. Поэтому было неизбежно, что народный элемент должен иметь решающее влияние. Как правило, совет был открыт для любого частного лица, пожелавшего обратиться к нему по общественному вопросу. Даже женщинам разрешалось выражать свои пожелания и мнения через выбранного ими оратора. Но решение принимал совет. Единогласие было основным законом его действий среди ирокезов; но было ли это правило общим, я не могу сказать.

Военные операции обычно оставались на усмотрение добровольного принципа. Теоретически каждое племя находилось в состоянии войны с любым другим племенем, с которым оно не заключило мирный договор. Любой человек был волен организовать

военный отряд и отправиться в поход, куда ему заблагорассудится. Он объявлял о своем проекте, исполняя военный танец и приглашая добровольцев. Этот способ позволял на практике проверить популярность затеи. Если ему удавалось сформировать компанию, состоящую из тех, кто присоединялся к нему в танце, они немедленно уходили, пока энтузиазм был на пике. Когда над племенем нависала угроза нападения, военные отряды формировались для встречи с ним примерно таким же образом. Если собранные таким образом силы объединялись в одно тело, каждое из них подчинялось своему военачальнику, а их совместные действия определялись советом этих военачальников. Если среди них был вождь с известной репутацией, он, естественно, становился их лидером. Эти утверждения относятся к племенам, находящимся на нижней стадии варварства. Ацтеки и тласкаланцы выходили в поход фратриями, каждое подразделение которых подчинялось своему вождю и отличалось костюмами и знаменами.

Индийские племена и даже конфедерации были слабыми организациями для ведения военных действий. Ирокезы и ацтеки были наиболее примечательными для агрессивных целей. Среди племен, находящихся на нижней стадии варварства, включая ирокезов, наиболее разрушительную работу выполняли незначительные военные отряды, которые постоянно формировались и совершали экспедиции в дальние регионы. Их провиант состоял из пересушенной кукурузы, превращенной в муку, которую носили в мешочке, прикрепленном к поясу каждого воина, а также рыбы и дичи, которую поставлял маршрут. Отправление этих военных отрядов и их публичный прием по возвращении были одними из самых заметных событий в жизни индейцев. Санкция совета на эти походы не требовалась, да и не нужна была.

Совет племени имел право объявлять войну и заключать мир, отправлять и принимать посольства, заключать союзы. Он осуществлял все полномочия, необходимые для правительства, столь простого и ограниченного в своих делах. Общение между независимыми племенами осуществлялось делегациями мудрецов и вождей. Когда от какого-либо племени ожидалась такая делегация, созывался совет для ее приема и ведения дел.

VII. Вождь племени в некоторых случаях.

В некоторых индейских племенах один из сахемов признавался главным вождем и превосходил по рангу своих соратников. В какой-то степени существовала необходимость в официальном главе племени, который представлял бы его, когда совет не заседал; но обязанности и полномочия этой должности были незначительными. Хотя совет обладал верховной властью, он редко собирался на сессии, и возникали вопросы, требующие временных действий кого-то, уполномоченного представлять племя, при условии ратификации его действий советом. Насколько известно писателю, это было единственное основание для должности вождя. Он существовал в ряде племен, но в такой слабой форме, что не соответствовал понятию исполнительного магистрата. На языке некоторых ранних писателей они обозначались как короли, что является просто карикатурой. Индейские племена не продвинулись достаточно далеко в познании управления, чтобы развить идею главного исполнительного судьи. Племя ирокезов не признавало вождя, а конфедерация - исполнительного чиновника. Выборность должности вождя и ответственность за его смещение определяют характер этой должности.

Совет индейских вождей сам по себе не имеет большого значения, но как зародыш современного парламента, конгресса и законодательного органа он имеет важное значение в истории человечества.

Рост идеи правительства начался с организации в дикарские народы. Между ее зарождением и созданием политического общества после достижения цивилизации можно выделить три больших этапа прогрессивного развития. Первым этапом было управление племенем советом вождей, избираемых гентами. Его можно назвать правительством *одной власти*, а именно *совета*. Оно преобладало среди племен на нижнем этапе варварства. Вторая стадия - это правительство, координируемое советом вождей и главным военачальником; один из них представляет гражданские, а другой - военные функции. Эта вторая форма начала проявляться в нижнем периоде варварства, после образования конфедераций, и окончательно оформилась в среднем периоде. Должность генерала, или главного военачальника, была зародышем должности главного исполнительного магистрата, короля, императора и президента. Его можно назвать правительством *двух властей* - *совета вождей и генерала*. Третья стадия - это управление народом или нацией советом вождей, собранием народа и полководцем. Она возникла у племен, достигших верхнего уровня варварства, таких, например, как гомеровские греки и италийские племена времен Ромула. Значительное увеличение числа людей, объединенных в нацию, основание ими городов, обнесенных стенами, и создание богатств в виде земель, стад и овец привели к появлению собрания народа как инструмента управления. Совет вождей, который все еще оставался, считал необходимым, несомненно, благодаря народному принуждению, представлять наиболее важные государственные меры собранию народа для принятия или отклонения; отсюда и возникло народное собрание. Это собрание не было инициатором мер. Его функция заключалась в принятии или отклонении, и его решение было окончательным. С первого же появления оно стало постоянной властью в правительстве. Совет больше не принимал важных государственных мер, а стал советом предварительного рассмотрения, имеющим право создавать и утверждать государственные акты, которым только собрание могло придать силу. Это можно назвать правительством *трех властей*: *предварительного совета, собрания народа и генерала*. Так продолжалось до возникновения политического общества, когда, например, у афинян совет вождей стал сенатом, а собрание народа - эkkлeсией или народным собранием. Такие же организации дошли до наших дней в виде двух палат парламента, конгресса и законодательных органов. Подобным образом должность полководца, как уже говорилось, была зародышем должности современного главного исполнительного магистрата.

Если вернуться к племени, то оно было ограниченным по численности, слабым по силе и бедным по ресурсам, но все же полностью организованным обществом. Это иллюстрирует состояние человечества в нижнем статусе варварства. В Среднем статусе наблюдалось заметное увеличение численности племени и улучшение его состояния, но при этом языческое общество продолжало существовать без существенных изменений. Политическое общество по-прежнему было невозможно из-за отсутствия прогресса. Женты, объединенные в племена, оставались прежними; но конфедерации должны были возникать чаще. В некоторых районах, как, например, в долине Мексики, более многочисленные племена развивались под общим управлением, с улучшениями в искусстве жизни; но нет никаких доказательств того, что среди них было уничтожено языческое общество и заменено политическим. Невозможно основать политическое общество или государство на язычестве. Государство должно основываться на территории, а не на людях, на волости как единице политической системы, а не на роде, который является единицей социальной системы. Для подготовки к такому фундаментальному изменению системы требовалось время и огромный опыт, превосходящий опыт американских индейских племен. Также потребовались люди умственного развития греков и римлян и опыт, полученный от длинной цепи предков, чтобы разработать и постепенно внедрить тот новый план управления, по которому цивилизованные народы живут в настоящее время.

Следуя за восходящим органическим рядом, мы рассмотрим конфедерацию племен, в которой генты, фратрии и племена предстанут в новых отношениях. Таким образом, будет еще больше проиллюстрировано замечательное приспособление языческой организации к условиям и потребностям человечества, находящегося в варварском состоянии.

ГЛАВА V. - КОНФЕДЕРАЦИЯ ИРОКЕЗОВ.

Естественный рост конфедерации.- Основание на общих языках.- Племена ирокезов.- Их поселение в Нью-Йорке.- Формирование конфедерации.- Ее структура и принципы.- Пятьдесят сакхемств.- Наследование в некоторых племенах.- Число, назначенное каждому племени.- Эти сакхемы составляли Совет Конфедерации.- Гражданский Совет.- Метод ведения дел.- Необходимость единогласия в действиях.- Торжественный Совет.- Метод возведения сакхемов.- Генеральные военные командиры.- Этот пост зародыш главного исполнительного магистрата.- Интеллектуальные возможности ирокезов.

Тенденция к конфедерации для взаимной защиты очень естественно существовала среди родственных и смежных племен. Когда преимущества союза были оценены на собственном опыте, организация, сначала в виде лиги, постепенно превратилась бы в федеральное единство. Состояние вечной войны, в котором они жили, ускорило бы эту естественную тенденцию в действии среди тех племен, которые были достаточно развиты в интеллекте и искусстве жизни, чтобы понять ее преимущества. Это было бы просто перерастание низшей организации в высшую путем распространения принципа, объединяющего роды в племя.

Как и следовало ожидать, на момент открытия Северной Америки в разных ее частях существовало несколько конфедераций, некоторые из которых были весьма примечательны по своему плану и структуре. Среди них можно назвать конфедерацию ирокезов из пяти независимых племен, конфедерацию криков из шести, конфедерацию отава из трех, лигу дакотов из "семи костров совета", конфедерацию моки в Нью-Мексико из семи пуэблос и конфедерацию ацтеков из трех племен в долине Мексики. Вероятно, индейцы селения в других частях Мексики, в Центральной и Южной Америке, как правило, были организованы в конфедерации, состоящие из двух или более родственных племен. Прогресс неизбежно шел в этом направлении, исходя из природы их институтов и законов, управляющих их развитием. Тем не менее, создание конфедерации из такого материала и при таких неустойчивых географических связях было непростым делом. Легче всего это было сделать индейцам деревни из-за близости друг к другу их пуэблос и малочисленности их территорий; но в отдельных случаях это удавалось племенам, находящимся на нижней ступени варварства, в частности, ирокезам. Где бы ни образовывалась конфедерация, она сама по себе свидетельствовала о высоком интеллекте народа.

Двумя самыми яркими примерами индейских конфедераций в Северной Америке были конфедерации ирокезов и ацтеков. Благодаря признанному военному превосходству и географическому положению, эти конфедерации в обоих случаях достигли замечательных результатов. Наши знания о структуре и принципах первой из них определены и полны, в то время как о второй они далеки от удовлетворительных. Конфедерация ацтеков была исторически обработана таким образом, что остается сомнение, была ли она просто лигой трех родственных племен, наступательных и оборонительных, или же систематической

конфедерацией, как у ирокезов. То, что верно в отношении последней, вероятно, в общем смысле было верно и в отношении первой, так что знание одной из них поможет прояснить другую.

Условия, в которых возникают конфедерации, и принципы, на которых они формируются, удивительно просты. Они вырастают естественным образом, со временем, из уже существовавших элементов. Если одно племя распадалось на несколько и эти подразделения занимали независимые, но смежные территории, конфедерация объединяла их в более высокую организацию на основе общих гентов, которыми они обладали, и родственных диалектов, на которых они говорили. Родственные чувства, воплощенные в gens, общая родословная gentes, а также их диалекты, на которых они по-прежнему говорили друг с другом, давали материальные элементы для конфедерации. Таким образом, основой и центром конфедерации были генты, а ее окружностью - язык. Не было найдено ни одного человека, который бы вышел за пределы диалектов общего языка. Если бы этот естественный барьер был преодолен, то это привело бы к появлению в организации разнородных элементов. Бывали случаи, когда остатки племени, не схожего по языку, как, например, натчезы,⁸⁴ принимались в существующую конфедерацию; но это исключение не отменяет общего положения. Невозможно, чтобы индейская держава возникла на американском континенте через конфедерацию племен, организованных в генты, и достигла всеобщего превосходства, если их численность не была развита из их собственного фонда. Множество языков, на которых говорят эти племена, является убедительным объяснением этой неудачи. Не было никакого способа стать равным с конфедерацией, кроме как через принадлежность к роду и племени и общую речь.

Здесь можно отметить в качестве примечания, что ни в нижнем, ни в среднем, ни в верхнем состоянии варварства невозможно было, чтобы королевство возникло путем естественного роста в любой части земли под влиянием языческих институтов. Я осмеливаюсь высказать это предположение на этой ранней стадии обсуждения, чтобы привлечь внимание к структуре и принципам древнего общества, организованного в генты, фратрии и племена. Монархия несовместима с джентилизмом. Она относится к более позднему периоду цивилизации. Деспотии в отдельных случаях возникали у греческих племен в верхнем периоде варварства, но они были основаны на узурпации, считались народом нелегитимными и, по сути, были чужды идеям языческого общества. Греческие тирании были деспотиями, основанными на узурпации, и стали зародышем, из которого возникли последующие королевства; в то время как так называемые королевства героической эпохи были военными демократиями, и не более того.

Ирокезы служат прекрасной иллюстрацией того, как конфедерация формируется путем естественного роста при помощи искусного законодательства. Изначально они были эмигрантами из-за Миссисипи и, вероятно, представляли собой ветвь племени дакота, сначала они добрались до долины Святого Лаврентия и обосновались недалеко от Монреаля. Вынужденные покинуть этот регион из-за враждебности окружающих племен, они направились в центральный регион Нью-Йорка. Приплыв на каноэ к восточному берегу озера Онтарио, поскольку их численность была невелика, они создали свое первое поселение в устье реки Освего, где, согласно их традициям, оставались в течение долгого времени. Тогда они состояли как минимум из трех отдельных племен - ирокезов, онондагов и сенеков. Одно племя впоследствии обосновалось в верховьях озера Канандайгуа и стало сенеками. Другое племя заняло долину Онондага и стало онондагами. Третье прошло на восток и поселилось сначала в Онейде, недалеко от города Ютика, откуда основная часть ушла в долину реки Мохок и стала ирокезами. Те, кто остался, стали онейда. Часть онондага

или сенеков поселилась на восточном берегу озера Каюга и стала каюгами. Нью-Йорк, до того как его заняли ирокезы, по-видимому, был частью территории племен алгонкинов. Согласно ирокезским традициям, они вытеснили прежних жителей, постепенно расширяя свои поселения на восток до Гудзона и на запад до Генези. Их традиции также утверждают, что после их поселения в Нью-Йорке до образования конфедерации прошел долгий период времени, в течение которого они вели общие дела против своих врагов и таким образом испытали преимущества федерального принципа как для агрессии, так и для обороны. Они жили в деревнях, которые обычно были окружены острогами, и питались рыбой и дичью, а также продуктами ограниченного садоводства. Численность их не превышала 20 000 душ, если вообще достигала этой цифры. Тяжелое существование и непрекращающиеся войны привели к сокращению численности всех аборигенных племен, включая и индейцев деревни. Ирокезы были укрыты в великих лесах, которые тогда покрывали Нью-Йорк, и против них не было сил бороться. Впервые они были обнаружены в 1608 году н.э. Около 1675 года они достигли кульминации, когда их владычество на удивительно большой территории, охватывающей большую часть Нью-Йорка, Пенсильванию и Огайо,⁸⁵ и часть Канады к северу от озера Онтарио. На момент своего открытия они были самыми высокими представителями Красной расы к северу от Нью-Мексико по уровню интеллекта и развития, хотя, возможно, уступали некоторым племенам Залива в искусстве жизни. По степени и качеству своих умственных способностей они должны быть причислены к самым высоким индейцам Америки. Хотя их численность сократилась, в Нью-Йорке все еще насчитывается четыре тысячи ирокезов, в Канаде - около тысячи, а на Западе - почти столько же; это иллюстрирует эффективность и стойкость искусства варварской жизни для поддержания существования. Сейчас говорят, что их численность постепенно растет.

Когда образовалась конфедерация, примерно в 1400-1450 гг. н. э.,⁸⁶ существовали все вышеперечисленные условия. Ирокезы состояли из пяти независимых племен, занимали территории, прилегающие друг к другу, и говорили на диалектах одного и того же языка, которые были взаимопонятными. Помимо этих фактов, как было показано, у нескольких племен были общие генты. В своих отношениях друг с другом, как отдельные части одного рода, эти общие генты представляли собой естественную и прочную основу для конфедерации. При наличии этих элементов создание конфедерации становилось вопросом ума и мастерства. Другие племена в большом количестве стояли в точно таких же отношениях в разных частях континента, не объединяясь. Тот факт, что племена ирокезов выполнили эту работу, свидетельствует об их превосходстве. Более того, поскольку конфедерация была высшей стадией организации среди американских аборигенов, ее существование можно было ожидать только в наиболее разумных племенах.

Ирокезы утверждают, что конфедерация была образована советом мудрецов и вождей пяти племен, которые собрались для этой цели на северном берегу озера Онондага, недалеко от Сиракуз; и что еще до завершения заседания организация была доведена до совершенства и немедленно приведена в действие. На своих периодических советах по воспитанию сакхемов они до сих пор объясняют ее происхождение как результат длительных законодательных усилий. Вероятно, это было следствием предыдущего союза для взаимной обороны, преимущества которого они осознали и стремились сделать постоянным.

Происхождение плана приписывается мифическому или, по крайней мере, традиционному человеку, *Hä-yo-went'-hä*, Hiawatha из знаменитой поэмы Лонгфелло, который присутствовал на этом совете и был центральной фигурой в его управлении. В своем общении с советом он использовал мудреца онондага, *Да-гэ-но вз-дэ*, в качестве переводчика и оратора, чтобы изложить структуру и принципы предлагаемой конфедерации. В той же традиции говорится,

что по завершении работы *Хэ-йо-вент-ха* чудесным образом исчез в белом каноэ, которое поднялось вместе с ним в воздух и унесло его с глаз долой. Другие чудеса, согласно этой традиции, сопровождали и ознаменовали образование конфедерации, которая до сих пор прославляется среди них как шедевр индейской мудрости. Так оно и было на самом деле; и оно останется в истории как памятник их гениальности в развитии языческих институтов. Его также будут помнить как иллюстрацию того, чего племена человечества смогли достичь в искусстве управления, находясь в нижнем статусе варварства, и при тех недостатках, которые это состояние подразумевает.

Кто из двух человек был основателем конфедерации, определить сложно. Молчаливый *Hä-yo-went'-hä*, несомненно, был реальным человеком из рода ирокезов;⁸⁷ но традиция настолько полностью окутала его характер сверхъестественным, что он потерял свое место среди них как один из их числа. Если Хиавата был реальной личностью, то *Да-гя-но-ве-да* должен занимать подчиненное место; если же это мифическое лицо, вызванное по случаю, то именно ему принадлежит заслуга в создании конфедерации.

Ирокезы утверждают, что конфедерация, сформированная этим советом, с ее полномочиями, функциями и способом управления, дошла до них через многие поколения до настоящего времени, почти не изменив своей внутренней организации. Когда впоследствии были приняты тускароры, их сакхемам было позволено по вежливости заседать в общем совете на равных, но первоначальное число сакхемов не было увеличено, и в строгом смысле тускароры не входили в правящий орган.

Общие черты ирокезской конфедерации можно резюмировать в следующих положениях:

- I. Конфедерация представляла собой союз пяти племен, состоящих из общих родов, под единым правительством на основе равенства; каждое племя оставалось независимым во всех вопросах, касающихся местного самоуправления.
- II. Был создан Генеральный совет сакхемов, ограниченный по численности, равный по рангу и власти и наделенный верховной властью по всем вопросам, касающимся конфедерации.
- III. Пятьдесят сакхемов были созданы и названы вечными в определенных гентах нескольких племен; эти генты имели право заполнять вакансии, как только они появлялись, путем выборов из числа их соответствующих членов, а также право отстранять от должности по причине; но право наделять этих сакхемов должностью оставалось за Генеральным советом.
- IV. Сакхемы Конфедерации были также сакхемами в своих соответствующих племенах и вместе с вождями этих племен составляли Совет каждого из них, который верховодил всеми делами, относящимися исключительно к племени.
- V. Единогласие в Совете Конфедерации было обязательным условием любого государственного акта.
- VI. В Генеральном совете сакхемы голосовали по племенам, что давало каждому племени право отрицательного голоса по отношению к другим.
- VII. Совет каждого племени имел право созывать Генеральный совет, но последний не имел права созывать себя.
- VIII. Генеральный совет был открыт для ораторов народа для обсуждения общественных вопросов; но решения принимал только Совет.

IX. У Конфедерации не было главного исполнительного магистрата, или официального главы.

X. Испытывая необходимость в главном военном командире, они создали эту должность в двойной форме, чтобы один из них мог нейтрализовать другого. Два главных военных главнокомандующих были созданы равными по полномочиям.

Эти несколько положений будут рассмотрены и проиллюстрированы, но без соблюдения точной формы или порядка, в котором они изложены.

При учреждении конфедерации было создано и названо пятьдесят постоянных саше, которые стали вечными в тех государствах, к которым они были приписаны. За исключением двух, которые были заполнены только один раз, их занимали столько разных людей подряд, сколько поколений сменилось с того времени до настоящего. Название каждого сакхема является также личным именем каждого сакхема, пока он занимает эту должность, каждый из них последовательно принимает имя своего предшественника. Эти сакхемы, когда собирались на сессии, образовывали совет конфедерации, на который возлагались законодательная, исполнительная и судебная власти, хотя до такого разделения функций дело не дошло. Чтобы обеспечить порядок в преемственности, несколько родов, в которых эти должности стали наследственными, были наделены правом избирать преемников из числа своих членов, когда возникали вакансии, как уже объяснялось выше. В качестве дополнительной меры защиты своего тела каждый сачем после своего избрания и его подтверждения вступал в должность на совете конфедерации. После этого его имя "забиралось", и ему присваивалось имя сакхема. Под этим именем он впоследствии и был известен среди них. Все они были равны по рангу, власти и привилегиям.

Эти сашемиты были распределены неравномерно между пятью племенами, но без перевеса власти; также неравномерно они были распределены между гентами трех последних племен. У ирокезов было девять сакхемов, у онейдасов - девять, у онондагов - четырнадцать, у каюгов - десять, а у сенек - восемь. Таково было их число вначале, и таким оно осталось до настоящего времени. Прилагается таблица этих сашемий с их именами на диалекте сенек и их распределением по классам, чтобы облегчить достижение единодушия в совете. В сносках на сайте можно найти значение этих имен и названия родов, к которым они принадлежали.

Таблица сашемий ирокезов, основанных при создании Конфедерации; с именами, которые носили их сашеми последовательно, с момента ее образования до настоящего времени:

Ирокезы.

- I· 1. Да-гэ-э'-о-гэ.[88](#) 2. Hä-yo-went'-hä.[89](#) 3. Da-gä-no-we'-dä.[90](#)
II· 4. So-ä-e-wä'-ah.[91](#) 5. Da-yo'-ho-go.[92](#) 6. O-ä-ä'-go-wä.[93](#)
III· 7. Da-an-no-gä'-e-neh.[94](#) 8. Sä-da'-gä-e-wä-deh.[95](#) 9. Hä-s-dä-weh'-se-ont-hä.[96](#)

Онейды.

- I· 1. Ho-däs'-hä-teh.[97](#) 2. Ga-no-gweh'-yo-do.[98](#) 3. Da-yo-hä'-gwen-da.[99](#)
II· 4. So-no-sase'.[100](#) 5. To-no-ä-gä'-o.[101](#) 6. Hä-de-ä-dun-nent'-hä.[102](#)
III· 7. Da-wä-dä'-o-dä-yo.[103](#) 8. Gä-ne-ä-dus'-ha-yeh.[104](#) 9. Ho-wus'-hä-da-o.[105](#)

Онондагас.

- I· 1. To-do-dä'-ho.[106](#) 2. To-nes'-sa-ah. 3. Da-ät'-ga-dose.[107](#)

- II· 4. Gä-neä-dä'-je-wake.108 5. Ah-wä'-ga-yat.109 6. Da-ä-yat'-gwä-e.
 III· 7. Ho-no-we-nä'-to.110
 IV· 8. Гэ-вэ-нэ-сан-до.111 9. Hä-e'-ho.112 10. Хо-йо-нэ-нэ.113 11. Sa-dä'-kwä-seh.114
 V· 12. Sä-go-ga-hä'.115 13. Ho-sa-hä'-ho.116 14. Skä-no'-wun-de.117

Каюги.

- I· 1. Da-gä'-ä-yo.118 2. Da-je-no'-dä-weh-o.119 3. Gä-dä'-gwä-sa.120 4. Со-йо-васе.121 5. Hä-de-äs'-yo-no.122
 II· 6. Da-yo-o-yo'-go.123 7. Jote-ho-weh'-ko.124 8. De-ä-wate'-ho.125
 III· 9. To-dä-e-ho'.126 10. Des-gä'-heh.127

Сенеки.

- I· 1. Га-не-о-ди-ё.128 2. Sä-dä-gä'-o-yase.129
 II· 3. Gä-no-gi'-e.130 4. Sä-geh'-jo-wä.131
 III· 5. Sä-de-a-no'-wus.132 6. Nis-hä-ne-a'-nent.133
 IV· 7. Gä-no-go-e-dä'-we.134 8. До-не-хо-гя'-ве.135

Два из этих саше были заполнены только один раз с момента их создания. *Хя-йо-вент-ха* и *Да-гя-но-ве-да* согласились занять должность среди ирокезов и оставить свои имена в списке при условии, что после их кончины эти два поста останутся вакантными. На этих условиях они были установлены, и это условие соблюдается до сих пор. На всех советах по посвящению в сакхемы их имена до сих пор называются вместе с другими в знак уважения к их памяти. Таким образом, общий совет состоял всего из сорока восьми членов.

У каждого сакхема был помощник сакхема, который избирался родом его принципала из числа его членов и вводился в должность с соблюдением тех же форм и церемоний. Его называли "помощником". В его обязанности входило стоять за спиной своего начальника во всех торжественных случаях, выступать в качестве его посланника и в целом подчиняться его указаниям. Это давало помощнику должность вождя и делало вероятным его избрание в качестве преемника своего начальника после смерти последнего. На их образном языке эти помощники сакхемов назывались "скобами в длинном доме", что символизировало конфедерацию.

Имена, присвоенные первоначальным сакхемам, стали именами их соответствующих преемников на вечные времена. Например, после смерти *Гя-не-о-ди-ё*, одного из восьми сакхемов Сенеки, его преемник избирался родом Черепахи, в котором этот сакхем был наследственным, и при возведении на общий совет он получал это имя вместо своего собственного, как часть церемонии. В нескольких случаях я присутствовал на советах по возведению в сан сакхемов в резервациях онондага и сенека и был свидетелем церемоний, о которых здесь говорится. Хотя от старой конфедерации сейчас осталась лишь тень, она полностью организована со своим штатом сакхемов и помощников, за исключением племени могавков, которое уехало в Канаду около 1775 года. При возникновении вакансий их места заполняются, и созывается общий совет, чтобы установить новых сакхемов и их помощников. Современные ирокезы также прекрасно знакомы со структурой и принципами древней конфедерации.

Для всех целей племенного управления пять племен были независимы друг от друга. Их территории были разделены фиксированными пограничными линиями, и их племенные интересы были различны. Восемь сенека-сакхемов вместе с другими сенека-вождями составляли совет племени, который управлял его делами, оставляя за каждым из других

племен такой же контроль над их отдельными интересами. Как организация племени не было ни ослаблено, ни ущемлено конфедеративным договором. Каждое из них вело активную жизнь в своей сфере, представляя собой некую аналогию с нашими штатами в рамках всеохватывающей республики. Стоит напомнить, что еще в 1755 году ирокезы предложили нашим предкам союз колоний, подобный их собственному. Они видели в общих интересах и общей речи нескольких колоний элементы для конфедерации, которая была настолько далека от их видения, насколько они могли проникнуть.

Племена занимали в конфедерации положение полного равенства в правах, привилегиях и обязанностях. Особые иммунитеты, которые были предоставлены тем или иным племенам, не указывают на намерение заключить неравный договор или предоставить неравные привилегии. Были органические положения, очевидно, наделяющие отдельные племена более высокой властью; например, онондагам было разрешено иметь четырнадцать сакхемов, а сенекам - восемь; и большая группа сакхемов, естественно, будет оказывать более сильное влияние в совете, чем меньшая. Но в данном случае это не давало дополнительной власти, поскольку сакхемы каждого племени имели равный голос при принятии решения и отрицательный для остальных. На совете они договаривались по племенам, а единогласие во мнении было необходимо для любого государственного акта. Онондаги были назначены "хранителями вампума" и "хранителями клейма совета", ирокезы - "получателями дани" от покоренных племен, а сенеки - "хранителями дверей" Длинного дома. Эти и некоторые другие подобные положения были приняты для общей пользы.

Принцип сплоченности конфедерации проистекал не только из выгод союза для взаимной защиты, но имел более глубокую основу в родственных узах. Конфедерация опиралась на племена, но в первую очередь на общий род. Все члены одного рода, будь то ирокезы, онейдаги, онондаги, каяуги или сенеки, были друг другу братьями и сестрами в силу своего происхождения от одного общего предка; и они признавали друг друга таковыми с самым искренним радушием. Когда они встречались, то первым делом выясняли название рода друг друга, а затем непосредственную родословную своих соответствующих сакхемов; после этого они обычно могли найти, согласно своей особой системе кровосмешения, ¹³⁶ отношения, в которых они находились друг с другом. Три рода, а именно Волк, Медведь и Черепаха, были общими для пяти племен; эти и три других рода были общими для трех племен. Таким образом, род Волка, в результате деления первоначального племени на пять, теперь состоял из пяти подразделений, по одному из которых было в каждом племени. То же самое произошло с родами медведя и черепахи. Роды оленей, бекасов и ястребов были общими для сенеков, каяугов и онондага. Между отдельными частями каждого рода, хотя его члены говорили на разных диалектах одного и того же языка, существовала братская связь, которая связывала народы неразрывными узами. Когда ирокез из рода Волка признавал братом онейду, онондагу, кайюгу или сенеку из того же рода, а члены других разделенных родов делали то же самое, эти отношения были не идеалом, а фактом, основанным на кровосмешении, на вере в гарантированную родословную, которая старше их диалектов и неизменна с их единством как одного народа. В оценке ирокеза каждый член его рода, в каком бы племени он ни находился, был таким же несомненным родственником, как и родным братом. Эта перекрестная связь между представителями одного рода в разных племенах до сих пор сохраняется и признается среди них во всей своей первоизданной силе. Это объясняет ту стойкость, с которой осколки старой конфедерации все еще держатся вместе. Если бы одно из пяти племен отделилось от конфедерации, это привело бы к разрыву родственных связей, хотя это было бы ощутимо лишь в малой степени. Но если бы они столкнулись, это обернулось бы тем, что род Волка стал бы против своего языческого сородича, Медведь против Медведя, одним словом, брат против брата. История ирокезов

демонстрирует реальность и устойчивость родственных уз, а также верность, с которой они соблюдались. За весь долгий период существования конфедерации они ни разу не впали в анархию и не разорвали организацию.

Символом конфедерации стал "Длинный дом" (*Ho-de'-no-sote*), а сами они называли себя "Люди Длинного дома" (*Ho-de'-no-sau-nee*). Это было единственное имя, которым они себя обозначали. Конфедерация породила языческое общество, более сложное, чем общество одного племени, но все же это было ярко выраженное языческое общество. Однако это был этап прогресса в направлении нации, ибо национальность достигается при языческих институтах. Коалесценция - последняя стадия этого процесса. Четыре афинских племени объединились в Аттике в нацию благодаря смешению племен на одной территории и постепенному исчезновению географических границ между ними. Племенные названия и организации сохранились в прежнем виде, но без основы независимой территории. Когда политическое общество было создано на основе демы или волости, а все жители демы стали политическим телом, независимо от рода или племени, слияние стало полным.

Объединение латинского и сабинского родов в римский народ и нацию было результатом тех же процессов. Во всех случаях *gens*, *phratry* и *tribe* были первыми тремя стадиями организации. Конфедерация стала четвертой. Но ни среди греческих, ни среди латинских племен в поздний период варварства не наблюдается, чтобы она стала чем-то большим, чем свободная лига для наступательных и оборонительных целей. О природе и деталях организации греческих и латинских конфедераций наши знания ограничены и несовершенны, поскольку факты погребены в неясности традиционного периода. Процесс объединения возникает позже, чем конфедерация в языческом обществе; но он был необходимым, а также жизненно важным этапом прогресса, с помощью которого нация, государство и политическое общество были наконец достигнуты. Среди ирокезских племен это не проявилось.

Долина Онондага, как резиденция центрального племени и место, где, как считалось, постоянно горит Бранд Совета, была обычным, хотя и не исключительным местом проведения советов конфедерации. В древние времена совет созывался осенью каждого года, но общественные нужды часто заставляли его собираться чаще. Каждое племя имело право созывать совет и назначать время и место встречи в доме совета любого из племен, когда обстоятельства делали желательным изменение обычного места в Онондаге. Но совет не имел права созываться сам.

Первоначально главной задачей совета было назначение сакхемов для заполнения вакансий в рядах правящего органа, вызванных смертью или отставкой; но он решал и все другие вопросы, касающиеся общего благосостояния. Со временем, по мере увеличения численности и расширения сношений с иноземными племенами, совет разделился на три вида, которые можно разделить на гражданский, траурный и религиозный. Первый объявлял войну и заключал мир, отправлял и принимал посольства, заключал договоры с иноземными племенами, регулировал дела покоренных племен и принимал все необходимые меры для повышения общего благосостояния. Второй возводил сакхемов и наделял их должностными полномочиями. Он получил название "Траурный совет", потому что первой его церемонией было оплакивание умершего правителя, чье место должно было быть замещено. Третье заседание проводилось для соблюдения общего религиозного праздника. Это был повод для объединившихся племен объединиться под эгидой общего совета для соблюдения общих религиозных обрядов. Но поскольку на Траурном совете проводилось множество тех же церемоний, со временем он стал отвечать за оба. Теперь это единственный совет,

который они проводят, поскольку гражданские полномочия конфедерации прекратились с верховенством над ними государства.

Призывая читателя к терпению, необходимо ввести некоторые детали относительно способа ведения дел на Гражданском и Траурном советах. Никаким другим способом нельзя так наглядно проиллюстрировать архаичное состояние общества в условиях языческих институтов.

Если к конфедерации обращалось чужое племя, это можно было сделать через любое из пяти племен. Прерогативой совета племени, к которому обращались, было определить, является ли дело достаточно важным, чтобы потребовать совета конфедерации. После утвердительного решения глашатай отправлялся к ближайшим племенам, расположенным на востоке и западе, с поясом из вампума, в котором содержалось сообщение о том, что гражданский совет (*Ho-de-os'-seh*) соберется в таком-то месте и в такое-то время и для такой-то цели, каждая из которых была указана. Племя, получившее сообщение, обязано было передать его следующему по положению племени, пока уведомление не будет завершено.¹³⁷ Ни один совет не собирался, если он не был созван в соответствии с предписанными формами.

Когда сакхемы собирались на совет в назначенное время и в назначенном месте и совершали обычную церемонию приема, они делились на две части и рассаживались по разные стороны костра совета. По одну сторону расположились ирокезы, онондага и сенека. Племена, которые они представляли, во время совета были друг для друга племенами-братьями, а для двух других - племенами-отцами. Точно так же их сакхемы были братьями друг для друга и отцами для противоположных. Они составляли фратрию племен и сакхемов, продолжая принцип, объединяющий генты во фратрии. На противоположной стороне огня находились онейда и каюга, а позднее - сакхемы тускароры. Племена, которые они представляли, были братскими друг для друга и сыновними для трех противоположных. Их сакхемы также были братьями друг друга и сыновьями тех, кто был в противоположном племени. Они образовывали вторую племенную фратрию. Поскольку онейды были подразделением ирокезов, а каюги - подразделением онондагов или сенек, в действительности они были младшими племенами; отсюда их соотношение старших и младших и применение принципа фратрии. Когда племена называются в совете, ирокезы по старшинству упоминаются первыми. Их племенной эпитет - "Щит" (*Da-gä-e-o'-dä*). Онондаги шли следующими под эпитетом "Носитель имени" (*Ho-de-san-no'-ge-tä*), поскольку именно им было поручено выбрать и назвать пятьдесят первоначальных сакхемов.¹³⁸ Следующими в порядке старшинства были сенеки под эпитетом "Хранитель дверей" (*Ho-nan-ne-ho'-ont*). Они были назначены вечными хранителями западной двери Длинного дома. Онейды под эпитетом "Великое дерево" (*Ne-ar'-de-on-dar'-go-war*) и каюги под "Великая труба" (*So-nus'-ho-gwar-to-war*) были названы четвертыми и пятыми. Тускароры, которые пришли в конфедерацию поздно, были названы последними и не имели отличительного эпитета. Формы, подобные этим, были более важны в древнем обществе, чем мы склонны предполагать.

По обычаю, чужое племя на совете представляла делегация мудрецов и вождей, которые несли свои предложения и представляли их лично. После того как совет был официально открыт и делегация представлена, один из сакхемов произнес короткую речь, в ходе которой поблагодарил Великого Духа за то, что он пощадил их жизни и позволил им собраться вместе; затем он сообщил делегации, что совет готов выслушать их по делу, ради которого он

собрался. Затем один из делегатов представил свое предложение по форме и подкрепил его теми аргументами, которые смог привести. Члены совета внимательно выслушали его, чтобы четко уяснить суть вопроса. По окончании выступления делегация удалилась из совета, чтобы в отдалении ожидать результатов обсуждения. Затем в обязанности сакхемов входило согласование ответа, которое происходило в ходе обычных дебатов и консультаций. Когда решение было принято, назначался оратор для оглашения ответа совета, для получения которого созывалась делегация. Оратор обычно выбирался из того племени, по чьей просьбе был созван совет. Обычно он рассматривал весь вопрос в официальной речи, в ходе которой объявлялось о принятии, полном или частичном, или отклонении предложения с указанием причин. Если соглашение было заключено, в подтверждение его условий обменивались поясами из вампума. На этом совет заканчивался.

"Этот пояс сохраняет мои слова" - таково было обычное замечание ирокезского вождя на совете. Затем он передавал пояс в качестве доказательства своих слов. В ходе переговоров противоположной стороне вручалось несколько таких поясов. В ответ на каждое принятое предложение пояс возвращался. Ирокезы ощутили необходимость точной записи какого-либо предложения, предполагающего их веру и честь в его исполнение, и придумали этот метод, чтобы не оспаривать его.

Единодушие сакхемов требовалось по всем государственным вопросам и было необходимо для действительности каждого государственного акта. Это был основной закон конфедерации.¹³⁹ Они приняли метод выяснения мнения членов совета, который избавлял их от необходимости голосовать. Более того, им был совершенно незнаком принцип большинства и меньшинства в действиях советов. Они голосовали в совете по племенам, и сакхемы каждого племени должны были быть единодушны в принятии решения. Признавая единодушие как необходимый принцип, основатели конфедерации разделили сакхемов каждого племени на классы как средство для его достижения. В этом можно убедиться, ознакомившись с таблицей (*supra* p. 130). Ни одному сакхему не разрешалось высказывать свое мнение на совете в форме голосования до тех пор, пока он не соглашался с сакхемом или сакхемами своего класса по поводу мнения, которое должно быть выражено, и не назначался оратором от класса. Таким образом, восемь сакхемов сенека, состоящих в четырех классах, могли иметь только четыре мнения, а десять сакхемов каюга, состоящих в том же количестве классов, могли иметь только четыре. Таким образом, сначала сакхемы каждого класса были приведены к единогласию между собой. Затем между четырьмя сакхемами, назначенными говорить от имени четырех классов, проводился перекрестный совет, и когда они приходили к согласию, то назначали одного из них для выражения своего итогового мнения, которое и становилось ответом их племени. Когда сакхемы нескольких племен, благодаря этому хитроумному методу, становились единодушными по отдельности, оставалось сравнить их мнения, и если они соглашались, то принималось решение совета. Если же они не соглашались, то мера проваливалась, и совет заканчивался. Пять человек, назначенных для выражения решения пяти племен, возможно, объясняют назначение и функции шести так называемых выборщиков в конфедерации ацтеков, о чем будет сказано в другом месте.

Таким способом получения согласия признавалось и сохранялось равенство и независимость нескольких племен. Если какой-либо сакхем был упрям или неразумен, на него оказывалось влияние через преобладающие настроения, которому он не мог противостоять; поэтому редко случалось, чтобы неудобства или ущерб были результатом соблюдения правил. Когда все усилия добиться единодушия не увенчались успехом, все дело откладывалось, поскольку дальнейшие действия становились невозможными.

Вступление в должность новых сакхемов было событием, представлявшим большой интерес для народа, и не в меньшей степени для сакхемов, которые таким образом сохраняли определенный контроль над введением новых членов в свой орган. Для проведения церемонии возведения в сан сакхемов в первую очередь был учрежден генеральный совет. В то время он назывался или стал называться впоследствии Траурным советом (*Hen-nun-do-nuh'-seh*), поскольку выполнял двойную задачу - оплакивал смерть ушедшего сакхема и назначал его преемника. После смерти сакхема племя, в котором произошла утрата, имело право созвать общий совет и назначить время и место его проведения. Посылался глашатай с поясом из вампума, обычно официальным поясом покойного сакхема, который давали ему при его установлении, и передавал такое лаконичное сообщение: "Имя" (упоминается имя покойного правителя) "созывает совет". В нем также сообщалось о дне и месте созыва. В некоторых случаях официальный пояс сакхема отправляли к центральному костру совета в Онондаге сразу после его погребения, как извещение о его кончине, а время проведения совета определялось уже после этого.

Траурный совет с празднествами, которые следовали за посвящением сакхемов, обладал удивительной притягательностью для ирокезов. Они стекались на него из самых отдаленных мест с рвением и энтузиазмом. Он открывался и проводился множеством форм и церемоний и обычно длился пять дней. Первый был посвящен предписанной церемонии оплакивания умершего сакхема, которая, как религиозный акт, начиналась с восходом солнца. В это время сакхем племени, с которым проводился совет, выходил в сопровождении своих соплеменников, чтобы официально принять сакхемов и людей из других племен, которые прибыли раньше и стояли лагерем на некотором расстоянии в ожидании назначенного дня. После обмена приветствиями формировалась процессия, и объединенные племена пели причитания в стихах и ответах, пока шли от места приема к месту совета. Причитания, сопровождаемые хоровыми ответами, были данью уважения памяти ушедшего сакхема, в которой участвовали не только его род, но и племя, и сама конфедерация. Это было, безусловно, более деликатное свидетельство уважения и привязанности, чем можно было ожидать от варварского народа. Этой церемонией и открытием совета завершился первый день работы. На второй день начиналась церемония инсталляции, которая обычно продолжалась до четвертого. Сакхемы нескольких племен рассаживались в два ряда, как на гражданском совете. Если сакхем, которого предстояло возвысить, принадлежал к одному из трех старших племен, церемонию проводили сакхемы младших племен, и новый сакхем становился отцом. Подобным образом, если он принадлежал к одному из трех младших племен, церемонию проводили сакхемы старших племен, и новый сакхем становился сыном. Эти особые обстоятельства упоминаются для того, чтобы показать своеобразие их общественной и государственной жизни. Для ирокезов эти формы и фигуры речи были полны значения.

Среди прочего, древние пояса вампум, в которые, по их выражению, "были вписаны структура и принципы конфедерации", изготавливались и читались или интерпретировались для обучения новоиспеченного сакхема. Мудрец, не обязательно один из сакхемов, брал эти пояса один за другим и, проходя между двумя отделениями сакхемов, зачитывал с них факты, которые они записывали. Согласно представлениям индейцев, эти пояса могут с помощью переводчика рассказать о точном правиле, положении или сделке, о которых говорилось в них в то время и о которых они были исключительно записаны. Прядь вампума, состоящая из нитей фиолетовых и белых бусин из раковин, или пояс, сплетенный из фигур, образованных бусинами разных цветов, действовали по принципу ассоциации конкретного факта с определенной нитью или фигурой; таким образом, факты получали последовательное расположение, а память сохраняла верность. Эти нити и пояса из вампума были

единственными видимыми записями ирокезов; но они нуждались в обученных переводчиках, которые могли бы извлечь из их нитей и фигур записи, хранящиеся в их памяти. Один из сахемов племени онондага (Хо-но-ве-нэ-то) был назначен "хранителем вампума", и при нем были воспитаны два помощника, которые должны были разбираться в его толковании так же, как и сахем. В результате толкования этих нескольких поясов и веревок в обращении мудреца появлялся связный рассказ о событиях, произошедших при образовании конфедерации. Предание было повторено полностью и подкреплено в основных частях ссылкой на запись, содержащуюся в этих поясах. Таким образом, совет по воспитанию сахемов стал обучающим советом, который поддерживал в сознании ирокезов вечную свежесть структуры и принципов конфедерации, а также истории ее формирования. Этими делами совет занимался до полудня каждого дня; вторая половина дня посвящалась играм и развлечениям. В сумерках каждый день для всех присутствующих подавался общий ужин. Он состоял из супа и вареного мяса, приготовленных неподалеку от дома совета, и подавался прямо из котелка в деревянных мисках, подносах и ковшках. Перед началом пира произносилась молитва. Она представляла собой продолжительное восклицание одного человека на высокой пронзительной ноте, переходящее в каденции в тишину, после чего люди отвечали хором. Вечера посвящались танцам. Во время этих церемоний, продолжавшихся в течение нескольких дней, и следовавших за ними празднеств сахемы вступали в должность.

Вручая своим сахемам должность через общий совет, создатели конфедерации преследовали триединую цель: вечное преемство в роду, преимущества свободных выборов среди его членов и окончательный контроль за выбором через церемонию вступления в должность. Чтобы сделать последнюю эффективной, она должна нести в себе право отвергнуть кандидата. Было ли право инвеституры чисто функциональным, или оно несло в себе право исключения, я не могу сказать. Ни один случай отказа не упоминается. Схема, принятая ирокезами для поддержания правящего органа сахемов, может претендовать в нескольких отношениях на оригинальность, а также на адаптацию к их условиям. Будучи по форме олигархией, если понимать этот термин в его лучшем смысле, она все же представляла собой представительную демократию архаического типа. Мощный народный элемент пронизывал весь организм и влиял на его действия. Он проявлялся в праве родов избирать и смещать своих сахемов и вождей, в праве народа быть услышанным в совете через ораторов, выбранных им самим, и в добровольной системе военной службы. В этот и следующий за ним этнический период демократические принципы были жизненно важным элементом языческого общества.

Ирокезское название сахема (*Хо-яр-на-го'-вар*), означающее "советник народа", как нельзя лучше подходит для правителя в условиях свободной демократии. Оно не только хорошо определяет должность, но и наводит на мысль об аналогичном обозначении членов греческого совета вождей. Греческие вожди назывались "советниками народа".¹⁴⁰ Судя по характеру и срокам пребывания в должности у ирокезов, сахемы были не хозяевами, правящими по независимому праву, а представителями, набираемыми от гентов путем свободных выборов. Стоит заметить, что должность, которая возникла в дикости и сохранялась на протяжении трех подпериодов варварства, должна в такой степени проявлять свой архаичный характер у греков после того, как языческая организация привела эту часть человеческой семьи к границам цивилизации. Кроме того, это показывает, насколько глубоко в человеческом сознании укоренился принцип демократии в условиях джентилизма.

Обозначение вождя второго класса, *Ha-sa-po-wä'-na*, "возвышенное имя", указывает на понимание варварами обычных мотивов личного честолюбия. Оно также показывает одинаковость природы человека, независимо от того, находится ли он высоко или низко на ступеньках лестницы прогресса. Прославленные ораторы, мудрецы и военные вожди ирокезов почти без исключения были вождями второго класса. Одна из причин этого, возможно, кроется в органическом положении, ограничивающем обязанности сакхеми мирными делами. Другой причиной могло быть исключение из правящего органа самых способных людей, чтобы их честолюбивые цели не мешали его деятельности. Поскольку должность вождя даровалась в награду за заслуги, она неизбежно доставалась самым способным людям. Красная Куртка, Брандт, Гарангула, Кукурузник, Брат Фермера, Фрост, Джонсон и другие известные ирокезы были вождями в отличие от сакхемов. Ни один из длинной череды сакхемов не стал выдающимся в американских анналах, за исключением Логана,¹⁴¹ Красавчика Озера,¹⁴² и совсем недавно Эли С. Паркера.¹⁴³ Остальные не оставили после себя никакой памяти, выходящей за пределы ирокезов.

На момент образования конфедерации *То-до-дя'хо* был самым видным и влиятельным из вождей онондага. Его присоединение к плану конфедерации, в которой он должен был испытывать ослабление власти, считалось весьма достойным. Он был возведен в ранг одного из сакхемов племени онондага, и его имя было поставлено первым в списке. Вместе с ним были возведены два помощника сакхеми, которые должны были служить ему помощниками и стоять за его спиной в общественных местах. С тех пор ирокезы считали этот сакхем самым выдающимся из сорока восьми, если судить по заслугам первого *То-до-дя'хо*. Любопытные колонисты рано ухватились за это обстоятельство, чтобы возвести человека, занимавшего этот пост, в ранг короля ирокезов; но это заблуждение было опровергнуто, и институты ирокезов были избавлены от бремени невозможной функции. В общем совете он заседал среди равных себе. В конфедерации не было главного исполнительного магистрата.

При конфедерации племен впервые появляется должность генерала (*Hos-gä-ä-geh'-da-go-wä*), "солдата великой войны". Теперь будут возникать случаи, когда несколько племен в своем конфедеративном качестве будут вовлечены в войну; и возникнет необходимость в главнокомандующем, который будет направлять движения объединенных групп. Введение этой должности в качестве постоянного элемента правительства стало великим событием в истории человеческого прогресса. Это было начало дифференциации военной и гражданской власти, которая, будучи завершенной, существенно изменила внешнее проявление правительства. Но даже на более поздних этапах прогресса, когда преобладал военный дух, сущностный характер правительства не менялся. Джентилизм сдерживал узурпацию. С появлением генеральской должности правительство постепенно превратилось из правительства одной власти в правительство двух властей. Со временем функции правительства стали координироваться между ними. Эта новая должность была зародышем должности главного исполнительного магистрата; ведь из генерала произошли король, император и президент, как уже говорилось выше. Эта должность возникла из военных потребностей общества и имела логическое развитие. По этой причине его первое появление и последующий рост занимают важное место в данной дискуссии. В этом томе я попытаюсь проследить прогрессивное развитие этой должности, начиная с *солдата Великой войны* у ирокезов, *теукли* у ацтеков, *басилея* у греков и *рекса* у римских племен; среди всех них, на протяжении трех последовательных этнических периодов, должность была одной и той же, а именно - генерала в военной демократии. У ирокезов, ацтеков и

римлян должность была выборной, или подтверждающей, избирательной. Предположительно, так же было и у греков традиционного периода. Утверждается, что должность *басилея* среди греческих племен в гомеровский период передавалась по наследству от отца к сыну. Это по меньшей мере сомнительно. Это настолько широкий и полный отход от первоначального порядка передачи должности, что для установления этого факта требуются положительные доказательства. Избрание или подтверждение избирательным округом все еще было бы необходимо при языческих институтах. Если бы в многочисленных случаях было известно, что должность переходила от отца к сыну, это могло бы навести на мысль о наследственном престолонаследии, которое сейчас принимается как исторически верное, в то время как престолонаследия в такой форме не существовало. К сожалению, глубокие знания об организации и обычаях общества в традиционный период полностью отсутствуют. Великие принципы человеческого действия служат самым надежным руководством, когда их применение должно было быть необходимым. Гораздо более вероятно, что наследственное престолонаследие, когда оно впервые появилось, было установлено силой, а не свободным согласием народа; и что его не существовало среди греческих племен в гомеровский период.

Когда образовалась конфедерация ирокезов или вскоре после этого события, были созданы и названы два постоянных военных вождя, и оба были приписаны к племени сенека. Один из них (*Ta-wan'-ne-ars*, означающий иглоносец) стал наследственным в роду Волка, а другой (*So-no'-so-wä*, означающий большая устричная раковина) - в роду Черепахи. Причиной, по которой они оба достались сенекам, была большая опасность нападения на западной части их территории. Они избирались так же, как и сакхемы, возвышались общим советом и были равны по рангу и власти. В другом рассказе говорится, что они были созданы позже. Сразу после образования конфедерации они обнаружили, что структура Длинного дома была неполной, потому что не было офицеров для выполнения военных приказов конфедерации. Чтобы исправить это упущение, был созван совет, который учредил двух названных вечных военных вождей. Как главнокомандующие они ведали военными делами конфедерации и командовали ее объединенными силами, когда объединялись в общую экспедицию. Губернатор Блэкснейк, недавно скончавшийся, занимал первый из названных постов, что свидетельствует о регулярной преемственности. Создание двух главных военных вождей вместо одного, да еще и с равными полномочиями, говорит о тонкой и расчетливой политике, направленной на предотвращение господства одного человека даже в их военных делах. Не имея опыта, они поступили точно так же, как римляне, создавшие двух консулов вместо одного, после того как упразднили должность *рекса*. Два консула уравнивали военную мощь между собой и не позволяли ни одному из них стать верховным. Среди ирокезов эта должность так и не стала влиятельной.

В этнографии индейцев первостепенное значение имеют такие понятия, как род, фратрия, племя и конфедерация. Они демонстрируют организацию общества. Далее следуют вопросы, связанные с должностью сакхема и вождя, функциями совета вождей, должностью и функциями главного вождя. Когда они будут выяснены, станут известны структура и принципы их государственной системы. Знание их нравов и обычаев, их искусств и изобретений, а также их жизненного уклада дополнит картину. В работе американских исследователей слишком мало внимания уделяется первым. Они по-прежнему представляют собой богатое поле, на котором можно собрать много информации. Наши знания, которые сейчас носят общий характер, следует сделать детальными и сравнительными. Индейские племена, находящиеся в нижнем и среднем состоянии варварства, представляют собой две великие стадии прогресса от дикости к цивилизации. Наши далекие предки проходили через те же условия, один за другим, и обладали, в чем

едва ли можно сомневаться, теми же или очень похожими институтами, со многими из тех же обычаев и нравов. Как бы мало мы ни интересовались американскими индейцами лично, их опыт затрагивает нас больше, являясь примером опыта наших собственных предков. Наши первичные институты уходят корнями в предшествующее языческое общество, в котором род, фратрия и племя были органическим рядом, и в котором совет вождей был инструментом управления. Феномены их древнего общества должны были иметь много общего с ирокезами и другими индейскими племенами. Такой взгляд на дело придает дополнительный интерес сравнительному изучению институтов человечества.

Ирокезская конфедерация является прекрасным примером языческого общества в этой форме организации. Она, кажется, реализует все возможности языческих институтов в нижнем статусе варварства; оставляя возможность для дальнейшего развития, но не имея последующего плана управления, пока не появятся институты политического общества, основанные на территории и собственности, с созданием которых языческая организация была бы свергнута. Промежуточные стадии были переходными, до конца оставаясь военными демократиями, за исключением тех случаев, когда на их месте временно устанавливались тирании, основанные на узурпации. Конфедерация ирокезов была по сути демократической, потому что состояла из гентов, каждый из которых был организован на общих принципах демократии, не высшего, но примитивного типа, и потому что племена оставляли за собой право на местное самоуправление. Они завоевывали другие племена и держали их в подчинении, как, например, делаваров; но последние оставались под властью своих вождей и ничего не добавляли к силе конфедерации. В таком состоянии общества невозможно было объединить под одним правительством племена, говорящие на разных языках, или держать завоеванные племена под данью, не получая от них никакой выгоды, кроме дани.

Это изложение конфедерации ирокезов далеко не исчерпывает фактов, но оно достаточно далеко, чтобы ответить на мой вопрос. Ирокезы были энергичным и умным народом, с мозгом, приближающимся по объему к среднему арийскому. Красноречивые в ораторском искусстве, мстительные в войне и неукротимые в упорстве, они заняли достойное место в истории. Если их военные достижения унылы от жестокостей дикарской войны, то в отношениях друг с другом они проиллюстрировали одни из самых высоких добродетелей человечества. Конфедерация, которую они организовали, должна рассматриваться как выдающееся произведение мудрости и проницательности. Одной из ее заявленных целей был мир; устранение причин раздоров путем объединения племен под одним правительством, а затем расширение его путем включения в него других племен с тем же именем и родом. Они призвали эри и нейтральный народ стать членами конфедерации, а за отказ изгнали их из своих пределов. Такое понимание высших целей управления заслуживает уважения их интеллекта. Их численность была невелика, но они насчитывали в своих рядах большое количество способных людей. Это доказывает высокий класс их племени.

Благодаря своему положению и военной силе они оказали заметное влияние на ход событий между англичанами и французами в их борьбе за господство в Северной Америке. Поскольку в течение первого столетия колонизации эти два народа были почти равны по силе и ресурсам, французы могут в немалой степени приписать ирокезам крушение своих планов создания империи в Новом Свете.

Зная архаичную форму gens и его возможности как единицы социальной системы, мы сможем лучше понять gentes греков и римлян, которые нам еще предстоит рассмотреть. Та же схема управления, состоящая из гентов, фратрий и племен в языческом обществе, будет найдена у них, когда они стояли на пороге цивилизации, с дополнительным опытом двух целых этнических периодов. Происхождение у них шло по мужской линии, имущество наследовали дети владельца, а не агнатические родственники, и семья теперь принимала моногамическую форму. Рост собственности, которая теперь становилась главенствующим элементом, и увеличение числа людей, собравшихся в городах, обнесенных стенами, постепенно демонстрировали необходимость второго великого плана управления - политического. Старая языческая система становилась неспособной удовлетворить требования общества, приближающегося к цивилизации. В сознании греков и римлян забрезжили проблески государства, основанного на территории и собственности, перед которым должны были исчезнуть генты и племена. Чтобы перейти ко второму плану управления, необходимо было заменить генты волостями и городскими округами - язычников территориальной системой. Угасание гентов и восстание организованных волостей обозначают разделительную линию, практически, между варварским и цивилизованным миром - между древним и современным обществом.

ГЛАВА VI. - ГЕНТЫ В ДРУГИХ ПЛЕМЕНАХ ГАНОВАНА.

Подразделения американских аборигенов.- Жанты в индейских племенах; с их правилами происхождения и наследования.- I. Племена годеносаунов.-II. Дакотские.-III. Залив.-IV. Пауни.-V. Алгонкины.-VI. атапаско-апахи.-VII. Племена северо-западного побережья.- Эскимосы, отдельная семья.-VIII. Племена салиш, сахаптин и кутеней.-IX. Шошони.-X. Деревенские индейцы Нью-Мексико, Мексики и Центральной Америки.-XI. Южноамериканские индейские племена . Вероятная универсальность организации в Gentes в семье Ганована.

Когда Америка была впервые открыта в нескольких ее регионах, аборигены оказались в двух несхожих условиях. Во-первых, это были деревенские индейцы, пропитание которых зависело почти исключительно от садоводства; в таком положении находились племена в Новой Мексике, Мексике и Центральной Америке, а также на плато Анд. Во-вторых, это индейцы, не занимающиеся садоводством, которые зависели от рыбы, корнеплодов и дичи; таковы индейцы долины реки Колумбия, Территории Гудзонова залива, некоторых районов Канады и других частей Америки. Между этими племенами, соединяя крайности неощутимыми градациями, располагались частично деревенские, а частично садоводческие индейцы; таковы ирокезы, индейцы Новой Англии и Виргинии, крики, чокта, чероки, миннитары, дакоты и шони. Оружие, искусство, обычаи, изобретения, танцы, архитектура домов, форма правления и образ жизни всех этих индейцев несут на себе отпечаток общего разума и показывают в своем широком диапазоне последовательные стадии развития одних и тех же первоначальных представлений. Наша первая ошибка заключалась в том, что мы переоценили сравнительное развитие деревенских индейцев; вторая - в том, что мы недооценили несадоводческих и частично деревенских индейцев: отсюда вытекает третья - отделение одних от других и рассмотрение их как разных рас. Существовала заметная разница в условиях, в которых они находились по отдельности; так, некоторые несадоводческие племена находились в верхнем статусе дикости; промежуточные племена - в нижнем статусе варварства, а деревенские индейцы - в среднем

статусе. К настоящему времени доказательств единства их происхождения накопилось столько, что этот вопрос не вызывает обоснованных сомнений, хотя этот вывод не является общепризнанным. Эскимосы принадлежат к другой семье.

В предыдущей работе я представил систему кровосмешения и родства примерно семидесяти племен американских индейцев и на основании факта их совместного владения той же системой, с доказательствами ее происхождения из общего источника, рискнул претендовать на их отличительное звание семьи человечества под названием Ganowáñian, "Семья лука и стрелы". [144](#)

Рассмотрев признаки гена в его архаичной форме, остается указать степень его распространенности в племенах рода Ганованов. В этой главе мы проследим их организацию, ограничившись лишь названиями родов в каждом племени, а также правилами их происхождения и наследования имущества и должностей. При необходимости будут добавлены дополнительные пояснения. Главное, что необходимо установить, - это наличие или отсутствие среди них организации язычников. Везде, где этот институт был обнаружен в этих нескольких племенах, он во всех существенных отношениях такой же, как gens у ирокезов, и поэтому не нуждается в дальнейшем объяснении в этой связи. Если не указано обратное, можно считать, что автор узнал о существовании этой организации от индейского племени или некоторых его членов. Классификация племен соответствует той, что принята в "Системах родства".

I. Ходеносауновские племена.

1. Ирокезы. Были рассмотрены генты ирокезов. [145](#)

2. Виандоты. Это племя, остатки древних гуронов, состоит из восьми гентов, а именно:

1. Волк.	2. Медведь.	3. Бобр.	4. Черепаха.
5. Олень.	6. Змея.	7. Дикобраз.	8. Ястреб.
- [146](#)

Происхождение - по женской линии, браки в роду запрещены. Должность сакхема, или гражданского вождя, наследуется в роду, но избирается среди его членов. У них семь сакхемов и семь военных вождей, род Ястреба в настоящее время вымер. Должность сакхема переходит от брата к брату или от дяди к племяннику, а должность военачальника присваивается в награду за заслуги и не является наследственной. Имущество в роду было наследственным, поэтому дети ничего не брали от отца, но наследовали имущество матери. В дальнейшем при изложении правил будет подразумеваться, что к ним относятся как неженатые, так и женатые люди. Каждый род имел право как сместить, так и избрать своих вождей. Виандоты были отделены от ирокезов по меньшей мере четыреста лет назад; но у них по-прежнему пять общих родов, хотя их названия либо изменились до неузнаваемости, либо новые имена были заменены одним или другим.

Эри, нейтральный народ, ноттоуэй, тутелос, [147](#) и саскуэханноки [148](#), ныне вымершие или поглощенные другими племенами, принадлежат к тому же роду. Предположительно, они были организованы в генты, но доказательства этого факта утеряны.

II. Дакотские племена.

Большое количество племен входит в этот великий род американских аборигенов. К моменту открытия они разделились на несколько групп, а их язык - на несколько диалектов; но в основном они населяли сплошные территории. Они занимали верховья Миссисипи и оба берега Миссури на протяжении более тысячи миль. По всей вероятности, ирокезы и родственные им племена были ответвлением от этой ветви.

1. Дакоты или сиу. Дакоты, состоящие в настоящее время примерно из двенадцати независимых племен, позволили языческой организации прийти в упадок. Кажется, можно с уверенностью сказать, что когда-то они обладали ею, потому что их ближайшие сородичи, племена Миссури, сейчас организованы подобным образом. У них есть общества, названные в честь животных, аналогичных *gentes*, но последние теперь отсутствуют. Карвер, который был среди них в 1767 году, отмечает, что "каждое отдельное тело индейцев делится на группы или племена; каждая группа или племя образуют небольшое сообщество с нацией, к которой они принадлежат. Как у нации есть определенный символ, по которому она отличается от других, так и у каждого племени есть значок, по которому оно обозначается; например, орел, пантера, тигр, буйвол и т.д. Одна группа наудовисси [сиу] представлена змеей, другая - черепахой, третья - белкой, четвертая - волком, пятая - буйволом. Во всех народах они выделяют себя таким же образом, и самый захудалый человек среди них помнит о своем родословном происхождении и отличает себя по соответствующей семье".¹⁴⁹ Он посетил восточные Дакоты на реке Миссисипи. Исходя из этого конкретного заявления, я не вижу причин сомневаться в том, что организация язычников в то время была среди них в полной силе. Когда я посетил восточные Дакоты в 1861 году и западные в 1862 году, я не смог найти среди них удовлетворительных следов *gentes*. Между этими датами произошло изменение в образе жизни дакотов, когда они были вытеснены на равнины и разбились на кочевые группы, что, возможно, объясняет упадок джентилизма среди них".

Карвер также обратил внимание на два класса вождей среди западных индейцев, которые объясняются тем, что они существуют у ирокезов. "У каждой группы, - отмечает он, - есть вождь, которого называют Великим вождем или Главным воином, и которого выбирают с учетом его опыта в войне и признанной доблести, чтобы он руководил их военными операциями и регулировал все вопросы, относящиеся к этому ведомству. Но этот вождь не считается главой государства; помимо великого воина, который избирается за его воинские качества, есть еще один, который пользуется преимуществом по наследственному праву и осуществляет более непосредственное управление гражданскими делами. Этого вождя с большей справедливостью можно было бы назвать сачем; его согласие необходимо для заключения всех договоров и соглашений, к которым он прикрепляет знак племени или народа".¹⁵⁰

2. Племена Миссури. 1. Панки. Это племя состоит из восьми гентов, а именно:

1. Медведь Гризли.	2. Много людей.	3. Лось.	4. Скунс.
5. Буйвол.	6. Змея.	7. Лекарство.	8. Лед. ¹⁵¹

В этом племени, вопреки общему правилу, происхождение ведется по мужской линии, дети принадлежат к роду своего отца. Межродовые браки в роду запрещены. Должность сакхема передается по наследству в роду, выбор определяется на выборах; но сыновья умершего сакхема имеют право на нее. Вероятно, переход от архаичной формы произошел недавно, поскольку среди ото и миссури, двух из восьми племен Миссури, а также среди манданов,

происхождение все еще ведется по женской линии. Имущество передается по наследству в роду.

2. Омахи. Это племя состоит из следующих двенадцати гентов:

1. Олени. 2. Черные. 3. Птица. 4. Черепаха.
5. Буйвол. 6. Медведь. 7. Лекарство. 8. Кау.
9. Голова. 10. Красный. 11. Гром. 12. Много сезонов.[152](#)

Происхождение, наследование и закон о браке такие же, как у панков.

3. Айовы. Подобным образом иова имеют восемь родов, а именно:

1. Волк. 2. Медведь. 3. Корова Буйвол. 4. Лось.
5. Орел. 6. Голубь. 7. Змея. 8. Сова.[153](#)

Род бобров *Pă-kuh'-thä* когда-то существовал среди иова и ото, но сейчас он вымер. Происхождение, наследование и запрет на межродовые браки в роду такие же, как у панков.

4. Ото и миссури. Эти племена объединились в одно и имеют восемь следующих гентов:

1. Волк. 2. Медведь. 3. Корова буйвола. 4. Лось.
5. Орел. 6. Голубь. 7. Змея. 8. Сова.[154](#)

Происхождение у ото и миссури происходит по женской линии, дети принадлежат к роду своей матери. Должность сакхема и имущество передаются по наследству в роду, в котором запрещены межродовые браки.

5. Кау. Кау (*Kaw'-zä*) имеют следующие четырнадцать родов:

1. Олень. 2. Медведь. 3. Буйвол. 4. Орел (белый).
5. Орел (черный). 6. Утка. 7. Лось. 8. Енот.
9. Прерийный волк. 10. Черепаха. 11. Земля. 12. Олений хвост.
13. Палатка. 14. Гром.[155](#)

Кау - одни из самых диких американских аборигенов, но это умный и интересный народ. Правила происхождения, наследования и брака у них такие же, как у панков. Можно заметить, что среди них есть два рода орлов и два рода оленей, что служит хорошей иллюстрацией сегментации рода; вероятно, род орлов разделился на два и различался названиями "белый" и "черный". Черепаха будет приведена далее в качестве дополнительной иллюстрации того же факта. Когда я посещал племена Миссури в 1859 и 1860 годах, мне не удалось встретиться с осагами и кваппами. Восемь названных племен говорят на близкородственных диалектах дакотского языка, и предположение о том, что осаги и кваппы объединены в роды, в значительной степени убедительно. В 1869 году численность кау, в то время значительно уменьшившаяся, составляла семьсот человек, что дает в среднем пятьдесят человек на род. Родина этих племен располагалась вдоль Миссури и ее притоков от устья реки Большой Сиу до Миссисипи и вниз по западному берегу последней реки до Арканзаса.

3. Виннебаго. Когда это племя было обнаружено, оно проживало возле озера с таким названием в Висконсине. Выходец из дакотского племени, они, очевидно, следовали по пути ирокезов на восток, в долину реки Святого Лаврентия, когда их дальнейшее продвижение в этом направлении было остановлено племенами алгонкинов между озерами Гурон и Верхнее. Ближе всего они связаны с племенами Миссури. У них восемь следующих гентов:

1. Волк. 2. Медведь. 3. Буйвол. 4. Орел.
5. Лось. 6. Олень. 7. Змея. 8. Гром.[156](#)

Происхождение, наследование и закон о браке у них такие же, как и у панков. Удивительно, что так много племен этой группы изменили наследование по женской линии на мужскую, потому что, когда они впервые стали известны, идея собственности была практически не развита или только слегка вышла за пределы стадии зарождения, и вряд ли она могла, как у греков и римлян, послужить действующей причиной. Вероятно, это произошло в более поздний период под влиянием американцев и миссионеров. Карвер обнаружил следы происхождения по женской линии в 1787 году среди виннебаго. "У некоторых народов, - замечает он, - когда сан передается по наследству, преемственность ограничивается женской линией. После смерти вождя сын его сестры становится его преемником, отдавая предпочтение собственному сыну; а если у вождя нет сестры, то сан принимает ближайшая родственница. Это объясняет то, что во главе народа виннебаго стоит женщина, что до моего знакомства с их законами казалось мне странным".[157](#) В 1869 году виннебаго насчитывали четырнадцать сотен человек, что дает в среднем сто пятьдесят человек на род.

4. Племена Верхней Миссури.

1. Манданы. В интеллекте и искусстве жизни манданы опережали все родственные им племена, за что, вероятно, были обязаны миннитарам. Они делятся на семь родов следующим образом:

1. Волк. 2. Медведь. 3. Прерийная курица. 4. Хороший нож.
5. Орел. 6. Плоскоголовый. 7. Хай-Виллидж.[158](#)

Происхождение - по женской линии, должности и имущество наследуются в роду. Межродовые браки в роду не допускаются. Происхождение по женской линии у манданов было бы необычным там, где у многих племен того же рода оно происходит по мужской линии, если бы не архаичная форма, от которой другие племена отошли совсем недавно. Можно с уверенностью предположить, что у всех дакотских племен он изначально был по женской линии. Эта информация о манданах была получена в старой деревне манданов в верховьях Миссури в 1862 году от Джозефа Кипа, чья мать была женщиной из племени манданов. Он подтвердил факт происхождения, назвав род своей матери, который был и его собственным.

2. Миннитары. Это племя и упсароки (Up-sar'-o-kas), или вороны, являются подразделениями оригинального народа. Их принадлежность к этой ветви ганованов сомнительна: хотя по количеству слов в их диалектах и в диалектах племен Миссури и Дакота, которые являются общими, они были отнесены к ним в лингвистическом отношении. У них был предшествующий опыт, о котором мало что известно. Миннитары принесли в эту область садоводство, деревянный дом и своеобразную религиозную систему, которой они обучили манданов. Есть вероятность, что они являются потомками строителей курганов. У них семь следующих родов:

1. Нож.
2. Вода.
3. Ложе.
4. Курица прерий.
5. Люди холмов.
6. Неизвестное животное.
7. Боннет. [159](#)

Происхождение - по женской линии, межродовые браки запрещены, должность сакхема, а также имущество передаются по наследству в роду. Миннитари и манданы в настоящее время живут вместе в одной деревне. По внешнему виду они являются одними из лучших образцов краснокожих, живущих в настоящее время в любой части Северной Америки.

3. Упсароки или вороны. Это племя состоит из следующих родов:

1. Собака прерий.
2. Плохие ноги.
3. Скунс.
4. Коварные домики.
5. Потерянные домики.
6. Плохие почести.
7. Мясники.
8. Передвижные ложи.
9. Гора Медвежья лапа.
10. Домики Блэкфута.
11. Ловцы рыбы.
12. Антилопа.
13. Ворон. [160](#)

Происхождение, наследование и запрет на межродовые браки в роду такие же, как и у миннитари. Некоторые из названий гентов воронов необычны и больше напоминают группы, чем генты. Некоторое время я был склонен дискредитировать их. Но существование организации в генты было четко установлено их правилами происхождения и брачными обычаями, а также их законами наследования имущества. Моим переводчиком среди воронов был Роберт Мелдрум, в то время один из факторов Американской меховой компании, который прожил с воронами сорок лет и был одним из их вождей. Он настолько хорошо усвоил язык, что думал на нем. Он рассказал о следующих особых обычаях, связанных с наследованием. Если человек, которому была подарена какая-либо вещь, умирал с этой вещью в своем владении, а даритель был мертв, она возвращалась в род последнего. Имущество, сделанное или приобретенное женой, переходило после ее смерти к ее детям; имущество же мужа после его смерти принадлежало его родственникам из числа язычников. Если человек делал подарок другу и умирал, последний должен был совершить какой-нибудь признанный траурный акт, например отрезать сустав пальца на похоронах, или отдать имущество роду своего умершего друга. [161](#)

У воронов есть обычай в отношении брака, который я обнаружил по меньшей мере в сорока других индейских племенах, и о нем можно упомянуть здесь, поскольку он будет использован в одной из последующих глав. Если мужчина женится на старшей дочери в семье, он имеет право на всех ее сестер в качестве дополнительных жен, когда они достигнут зрелости. Он может отказаться от этого права, но если он будет настаивать, его главные притязания будут признаны ее родом. Полигамия допускается обычаем среди американских аборигенов в целом; но она никогда не была распространена в сколько-нибудь значительной степени из-за неспособности людей содержать более одной семьи. Прямым доказательством существования упомянутого обычая стала жена Мелдрума, которой тогда было двадцать пять лет. Она была захвачена ребенком во время набега на блэкфитов и стала пленницей Мелдрума. Он уговорил свою тещу принять ребенка в свой род и семью, что сделало пленницу младшей сестрой его тогдашней жены и дало ему право взять ее в жены, когда она достигнет зрелости. Он воспользовался этим обычаем племени, чтобы сделать свои

притязания первостепенными. Этот обычай имеет большую древность в человеческой семье. Он сохранился от старого обычая *пуналуа*.

III. Племена Персидского залива.

1. Маскоки или крики. Конфедерация Криков состояла из шести племен, а именно: Крики, Хитчеты, Йоучи, Ала бамас, Кузатес и Натчи, все они говорили на диалектах одного языка, за исключением Натчи, которые были приняты в конфедерацию после их свержения французами.

Крики состоят из следующих двадцати двух родов:

1. Волк.	2. Медведь.	3. Скунс.
4. Аллигатор.	5. Олень.	6. Птица.
7. Тигр.	8. Ветер.	9. Жаба.
10. Крот.	11. Лиса.	12. Енот.
13. Рыба.	14. Кукуруза.	15. Картофель.
16. Орех гикори.	17. Соль.	18. Дикая кошка.
19. (Sig'n Lost).	20. (Sig'n Lost). ¹⁶²	21. (Sig'n Lost).
	22. (22.) ¹⁶³	

Остальные племена этой конфедерации, как говорят, были организованы в генты, о чем автору сообщил преподобный С. М. Лафридж, который в течение многих лет был миссионером среди криков и сообщил названия вышеупомянутых гентов. Он также сообщил, что происхождение у криков идет по женской линии, что должность сакхема и имущество умерших наследуются в роду, и что межродовые браки в роду запрещены. В настоящее время крики частично цивилизованы и имеют измененный жизненный уклад. Они заменили старую социальную систему политической, так что через несколько лет все следы их старых языческих институтов исчезнут. В 1869 году их насчитывалось около пятнадцати тысяч, что дает в среднем пятьсот пятьдесят человек на род.

2. Чоктас. Среди чокто фратриальная организация проявляется особенно ярко, поскольку каждая фратрия названа и четко выделяется как фратрия. Она, несомненно, существовала у большинства названных ранее племен, но этот вопрос не был специально исследован.

Племя

Крики состоит из восьми гентов, объединенных в две фратрии, состоящие из четырех гентов каждая, как у ирокезов.

I. Разделенный народ. (Первая фратрия).

1. Рид. 2. Закон Окла. 3. Лулак. 4. Линоклуша.

II. Возлюбленный народ. (Вторая Фратрия).

1. Возлюбленный народ. 2. Маленький народ.
3. Большие люди. 4. Серые рыбы.¹⁶⁴

Роды одной фратрии не могли вступать в межродовые браки; но члены любого из первых родов могли вступать в брак с любым из родов второго, и *наоборот*. Это показывает, что чокта, как и ирокезы, начинали с двух гентов, каждый из которых впоследствии разделился на четыре, и что первоначальный запрет на межродовые браки в генах последовал за этими подразделениями. Родословная у чокта велась по женской линии. Имущество и должность сахема передавались по наследству в родах. В 1869 году их насчитывалось около двенадцати тысяч, что в среднем давало пятнадцать сотен человек на род. Вышеизложенные сведения были сообщены автору покойным доктором Сайрусом Байингтоном, который поступил на миссионерскую службу в это племя в 1820 году, когда они еще проживали на своей древней территории к востоку от Миссисипи, переселился с ними на Индейскую территорию и умер на миссионерской службе в 1868 году, после сорока пяти лет миссионерских трудов. Человек необыкновенного совершенства и чистоты характера, он оставил после себя имя и память, которыми может гордиться человечество.

Однажды один из чокта высказал доктору Байингтону пожелание, чтобы его сделали гражданином Соединенных Штатов, поскольку тогда его дети унаследуют его имущество, а не его родственники-язычники по старому закону о роде. Согласно обычаям чокта, после его смерти имущество распределялось между его братьями и сестрами, а также детьми сестер. Однако он мог передать свое имущество детям при жизни, и в этом случае они могли удержать его против членов его рода. Многие

В настоящее время многие индейские племена имеют значительную собственность на домашних животных, дома и земли, принадлежащие частным лицам, среди которых практика передачи имущества детям при жизни стала общепринятой, чтобы избежать наследования от язычников. По мере увеличения количества имущества лишение детей наследства стало вызывать противодействие наследованию от язычников; и в некоторых племенах, в том числе у чокта, несколько лет назад старый обычай был отменен, и право наследования перешло исключительно к детям умершего владельца. Однако это произошло благодаря замене политической системы на языческую: выборный совет и магистратура были заменены старым правительством вождей. По прежним обычаям жена ничего не наследовала от мужа, а он от нее; но имущество жены делилось между ее детьми, а при их отсутствии - между ее сестрами.

3. Чикасы. Подобным образом чикасы были организованы в две фратрии, из которых первая состоит из четырех, а вторая - из восьми гентов, следующим образом:

I. Фратрия пантер.

1. Дикая кошка. 2. Птица. 3. Рыба. 4. Олень.

II. Испанская фратрия.

1. Енот. 2. Испанец. 3. Королевский. 4. Хуш-ко-ни.
5. Белка. 6. Аллигатор. 7. Волк. 8. Черный дрозд. [165](#)

Происхождение велось по женской линии, межродовые браки в роду были запрещены, а имущество, как и должность сахема, передавались по наследству. Приведенные выше сведения были получены от преподобного Чарльза К. Коупленда, американского миссионера, проживающего в этом племени. В 1869 году их насчитывалось около пяти тысяч, что дает в среднем около четырехсот человек на род. По всей видимости, после

начала их общения с испанцами был образован новый род, или же это название по каким-то причинам могло быть заменено на прежнее. Одна из фратрий также называется испанской.

4. Чероки. Это племя в древности состояло из десяти гентов, два из которых, Желудь, *Ah-ne-dsü'-la*, и Птица, *Ah-ne-dse'-skwä*, в настоящее время вымерли. К ним относятся следующие:

1. Волк. 2. Красная краска 3. Длинная прерия. 4. Глухарь. (Птица.)
5. Холли. 6. Олень. 7. Синий. 8. Длинные волосы. [166](#)

Происхождение ведется по женской линии, а межродовые браки в роду запрещены. В 1869 году чероки насчитывали четырнадцать тысяч человек, что дает в среднем по семнадцать сотен пятьдесят человек на каждый род. Это самое большое число, насколько известно, когда-либо встречавшееся в одном роду среди американских аборигенов. В настоящее время чероки и оджибва превосходят все остальные индейские племена на территории Соединенных Штатов по количеству людей, говорящих на одном диалекте. Далее можно отметить, что вряд ли в какой-либо части Северной Америки когда-либо проживало сто тысяч индейцев, говорящих на одном диалекте. Ацтеки, тескуканцы и тласкаланцы были единственными племенами, о численности которых можно было с полным основанием утверждать; и в отношении них трудно понять, как существование такого большого числа в любом из племен могло быть установлено в эпоху испанского завоевания на основе достоверных свидетельств. Необычная численность криков и чероков объясняется наличием у них домашних животных и развитым полевым земледелием. В настоящее время они частично цивилизованы, заменив древние генты выборным конституционным правительством, под влиянием которого последние быстро приходят в упадок.

5. Семинолы. Это племя происходит от ручьев. Говорят, что они организованы в генты, но подробностей получить не удалось.

IV. Племя пауни.

Организовано ли племя пауни в генты, выяснить не удалось. Преподобный Сэмюэл Аллис, который ранее был миссионером среди них, выразил автору свое убеждение, что это так, хотя он не исследовал этот вопрос специально. Он назвал следующие группы, из которых, по его мнению, они состоят:

1. Медведь. 2. Бобр. 3. Орел.
4. Буйвол. 5. Олень. 6. Сова.

Однажды я встретил группу пауни на реке Миссури, но не смог найти переводчика.

Арикари, чья деревня находится рядом с деревней миннитариев, - ближайшие сородичи пауни, и с ними возникли те же трудности. Эти племена, а также узко и еще два-три небольших племени, живущих на Канадской реке, всегда жили к западу от Миссури и говорят на независимом народном языке. Если пауни организованы в генты, то, вероятно, и другие племена являются такими же.

V. Алгонкинские племена.

В эпоху своего открытия этот великий народ американских аборигенов занимал территорию от Скалистых гор до Гудзонова залива, к югу от реки Сискачевун, и далее на восток до Атлантики, включая оба берега озера Верхнего, кроме его верховьев, и оба берега реки

Святого Лаврентия ниже озера Шамплейн. Их территория простиралась на юг вдоль атлантического побережья до Северной Каролины и вниз по восточному берегу Миссисипи в Висконсине и Иллинойсе до Кентукки. В восточной части этого огромного региона ирокезы и родственные им племена были назойливым народом, единственным конкурентом за господство в его границах.

Gitchigamian¹⁶⁷ Племена. 1. Оджибвас. Оджибвы говорят на одном диалекте и объединены в группы, из которых удалось узнать названия двадцати трех, не будучи уверенным, что они включают все число. На диалекте оджибва слово "*тотем*", часто произносимое как "*додайм*", означает символ или устройство рода; так, фигурка волка была тотемом рода Волка. Исходя из этого, мистер Школкрафт использовал слова "тотемическая система" для выражения организации язычников, что было бы вполне приемлемо, если бы не то, что мы имеем как в латинском, так и в греческом языке терминологию для каждого качества и характера этой системы, которая уже является исторической. Тем не менее, можно использовать с пользой. У оджибвас есть следующие группы:

1. Волк.	2. Медведь.	3. Бобр.
4. Черепаха (грязевая).	5. Черепаха (щелкающая).	6. Черепаха (маленькая).
7. Северный олень.	8. Бекас.	9. Журавль.
10. Голубиный ястреб.	11. Лысый орел.	12. Лунь.
13. Утка.	14. Утка.	15. Змея.
16. Мускрат.	17. Куница.	18. Цапля.
19. Быкоголовый.	20. Карп.	21. Рыба-кошка
22. Осетр.	23. Щука. ¹⁶⁸	

Происхождение происходит по мужской линии, дети принадлежат к роду отца. Есть несколько причин для предположения, что первоначально оно происходило по женской линии и что изменения произошли сравнительно недавно. Во-первых, у делаваров, которых все алгонкинские племена признают одними из старейших в своем роду, и которых все одинаково называют "дедами", до сих пор сохраняется происхождение по женской линии. То же самое наблюдается и у нескольких других алгонкинских племен. Во-вторых, сохранились свидетельства того, что в течение двух-трех поколений до настоящего времени происхождение по женской линии было связано с должностью вождя.¹⁶⁹ В-третьих, американское и миссионерское влияние в целом противостояло этому. Схема происхождения, лишаящая сыновей наследства, казалась ранним миссионерам, воспитанным в совершенно иных понятиях, несправедливой и неразумной; и не исключено, что в ряде племен, включая оджибвас, изменения были внесены под их руководством. И наконец, поскольку в нескольких алгонкинских племенах в настоящее время существует происхождение по женской линии, это позволяет сделать вывод, что в древности оно было всеобщим в семье ганованов, являясь также архаичной формой этого института.

Межродовые браки в роду запрещены, а имущество и должности наследуются в роду. Однако в настоящее время дети получают большую часть этого имущества, исключая своих родственников-язычников. Имущество и имущество матери переходит к ее детям, а при их отсутствии - к ее сестрам, родным и побочным. Подобным образом сын может сменить отца на посту саххема; но при наличии нескольких сыновей выбор определяется по принципу выборности. Язычники не только избирают, но и сохраняют за собой право смещения. В настоящее время оджибва насчитывают около шестнадцати тысяч человек, что дает в среднем около семисот на каждый род.

2. Потаваттами. Это племя состоит из пятнадцати гентов, а именно:

1. Волк. 2. Медведь. 3. Бобр.
4. Лось. 5. Лунь. 6. Орел.
7. Осетр. 8. Карп. 9. Лысый орел.
10. Гром. 11. Кролик. 12. Ворон.
13. Лиса. 14. Индюк. 15. Черный ястреб. [170](#)

Происхождение, наследование и закон о браке такие же, как у оджибвас.

3. Отавас. [171](#) Оджибвас, отавас и потаваттами были подразделениями одного первоначального племени. Когда о них впервые узнали, они были конфедератами. Отавы, несомненно, были организованы в генты, но их названия не удалось установить.

4. Крисы. Когда это племя было открыто, оно занимало северо-западный берег озера Верхнего, а затем распространилось до Гудзонова залива и на запад до Северной Красной реки. Позднее они заняли область Сискачевун и южнее ее. Как и дакоты, они утратили языческую организацию, которая, предположительно, когда-то существовала среди них. Лин гистически они ближе всего к оджибвас, которых они очень напоминают по манерам и обычаям, а также по внешнему виду.

Племена Миссисипи. Западные алгонкины, объединенные под этим названием, занимали восточные берега Миссисипи в Висконсине и Иллинойсе, простирались на юг до Кентукки и на восток до Индианы.

1. Миами. Ближайшие сородичи майами, а именно уасы, пианкешо, пеории и каскаски, известные в ранние времена под общим названием иллинойс, сейчас немногочисленны и отказались от своих древних обычаев ради оседлой сельскохозяйственной жизни. Были ли они раньше организованы в женты, выяснить не удалось, но вполне вероятно, что были. У майами есть следующие десять гентов:

1. Волк. 2. Лун. 3. Орел. 4. Канюк.
5. Пантера. 6. Индейка. 7. Енот. 8. Снег.
9. Солнце. 10. Вода. [172](#)

В условиях изменившегося состояния и уменьшения численности организация язычников быстро исчезает. Когда начался ее упадок, происхождение шло по мужской линии, межродовые браки в роду были запрещены, а должность сакхема вместе с имуществом передавались по наследству в роду.

2. Шоуни. Это замечательное и высокоразвитое племя, один из самых высоких представителей алгонкинского рода, все еще сохраняет свои генты, хотя вместо старой гентильной системы они заменили ее гражданской организацией с первым и вторым вождем и советом, каждый из которых ежегодно избирается народным голосованием. У них тринадцать гентов, которые они до сих пор сохраняют для социальных и генеалогических целей, а именно:

1. Волк. 2. Лун. 3. Медведь. 4. Канюк.
5. Пантера. 6. Сова. 7. Индейка. 8. Олень.
9. Енот. 10. Черепаха. 11. Змея. 12. Лошадь.

Происхождение, наследование и правила в отношении браков вне рода такие же, как у майами. В 1869 году шауни насчитывали всего семьсот человек, что в среднем давало около пятидесяти человек на род. Когда-то их численность составляла три или четыре тысячи человек, что было выше среднего показателя среди племен американских индейцев.

У шауни существовала практика, общая также с майами, сауками и фоксами, называть детей в роду отца, матери или любом другом роду, с определенными ограничениями, которая заслуживает отдельного внимания. Было показано, что среди ирокезов каждый род имел свои собственные особые имена для лиц, которые не имели права использовать другие роды.¹⁷⁴ Вероятно, этот обычай был общим. У шауни эти имена несли в себе права рода, к которому они принадлежали, так что имя определяло род человека. Поскольку сачем во всех случаях должен принадлежать к роду, над которым он наделен властью, не исключено, что изменение происхождения по женской линии на мужскую началось именно с этой практики; в первую очередь, чтобы сын мог стать преемником своего отца, а во вторую - чтобы дети могли наследовать имущество от отца. Если сын при крещении получал имя, принадлежащее к роду его отца, это причисляло его к роду его отца и к линии наследования, но с учетом принципа выборности. Отец, однако, не мог контролировать этот вопрос. Род оставлял его на усмотрение определенных лиц, чаще всего матрон, с которыми нужно было советоваться, когда нужно было назвать детей, и которые имели право определять имя, которое должно быть дано. По какой-то договоренности между гентами шауни эти лица обладали такими полномочиями, и имя, присвоенное в установленном порядке, приводило человека в род, к которому это имя принадлежало.

Среди шауни сохранились следы архаичного правила происхождения, которые можно проиллюстрировать следующим примером, который был упомянут автором. *Ля-хо-ве*, сакхем из

Волчьего рода, собираясь умирать, выразил желание, чтобы сын одной из его сестер мог стать его преемником вместо его собственного сына. Но его племянник (*Кос-ква-те*) был из рода Рыб, а его сын - из рода Кроликов, так что ни один из них не мог стать его преемником без предварительного перевода, путем смены имени, в род Волков, в котором эта должность была наследственной. Его желание было выполнено. После его смерти имя племянника было изменено на *Тер-а-тă-go-the'*, одно из имен Волка, и он был избран на эту должность. Подобная расхлябанность свидетельствует об упадке языческой организации; но она имеет тенденцию показывать, что в отдаленные времена происхождения среди шауни шло по женской линии.

3. Сауки и лисы. Эти племена объединены в одно и имеют следующие роды:

1. Волк.	2. Медведь.	3. Олень.	4. Лось.
5. Ястреб.	6. Орел.	7. Рыба.	8. Буйвол.
9. Гром.	10. Кость.	11. Лиса.	12. Море.
13. Осетр.	14. Большое дерево.		

Происхождение, наследование и правило, требующее брака вне рода, такие же, как у майями. В 1869 году их насчитывалось всего семьсот человек, что дает в среднем пятьдесят человек на род. Количество сохранившихся гентов свидетельствует о том, что в течение двух предыдущих столетий они были в несколько раз многочисленнее.

4. Меномины и кикапуа. Эти независимые друг от друга племена объединены в генты, но их названия установить не удалось. Что касается меномингов, то можно сделать вывод, что до недавнего времени происхождение шло по женской линии, на основании следующего заявления, сделанного автору в 1859 году Антуаном Гуки, членом этого племени. Отвечая на вопрос о правилах наследования, он сказал: "Если бы я умер, мои братья и дяди по материнской линии лишили бы мою жену и детей моего имущества. Сейчас мы ожидаем, что наши дети унаследуют наше имущество, но уверенности этом нет. По старому закону мое имущество достается ближайшим родственникам, которые не являются моими детьми, но моими братьями и сестрами, а также дядями по материнской линии". Это показывает, что имущество передавалось по наследству в роду, но ограничивалось агнатическими родственниками по женской линии.

Племена Скалистых гор. 1. Кровь блэкфитов. Это племя состоит из пяти следующих родов:

1. Кровь.	2. Рыбеды.	3. Скунс.
4. Вымершее животное.	5. Лось.	176

Происхождение по мужской линии, но межродовые браки в роду не допускаются.

2. Пиган Блэкфит. В этом племени восемь следующих родов:

1. Кровь.	2. Скунс.	3. Вебжир.
4. Внутренний жир.	5. Колдуны.	6. Никогда не смейся.
7. Голодать.	8. Полумертвое мясо.	177

Происхождение ведется по мужской линии, и межродовые браки в роду запрещены. Некоторые из приведенных выше названий больше подходят для групп, чем для гентов; но поскольку информация была получена непосредственно от блэкфитов через компетентных переводчиков (мистер и миссис Александр Калбертсон, последняя - женщина-блэкфит), я считаю ее достоверной. Возможно, что прозвища для gentes в некоторых случаях вытеснили первоначальные названия.

Атлантические племена.

1. Делавары. Как уже говорилось, делавары - одно из старейших племен алгонкинов, если судить по продолжительности их отдельного существования. Их родиной, когда они были обнаружены, был регион вокруг и к северу от залива Делавэр. Они состоят из трех следующих родов:

I. Волк.	Тук-сид.	Круглая лапа.
II. Черепаха.	Роке-коо-un'-go.	Ползающая.
III. Индюк.	Pul-la'-ook.	Не жующий.

Эти подразделения носят характер фратрий, поскольку каждая состоит из двенадцати суб-гентов, каждый из которых обладает некоторыми признаками гена. [178](#) Имена личные, и в основном, если не во всех случаях, женские. Поскольку эта особенность была необычной, я как можно подробнее изучил ее в резервации делаваров в Канзасе в 1860 году с помощью

Уильяма Адамса, образованного делавара. Оказалось невозможным установить происхождение этих подразделений, но они, по-видимому, были несколькими одноименными предками, от которых соответственно вели свое происхождение члены родов. Это также показывает естественный рост фратрий из гентов.

Род у делаваров передается по женской линии, что делает вероятным его древнюю универсальность в этой форме у алгонкинских племен. Должность сакхема была наследственной в роду, но выборной среди его членов, которые имели право как избирать, так и смещать его. Имущество также было наследственным в роду. Первоначально члены трех первоначальных родов не могли вступать в браки в своих родах, но в последние годы этот запрет распространился и на подроды. Например, однофамильцы в роде Вольфа, который теперь частично превратился в фратрию, не могут вступать в брак, а разнофамильцы женятся. Практика давать детям имена по роду их отца также преобладает среди делаваров и вносит ту же путаницу в происхождение, что и среди шауни и майами. Американская цивилизация и общение неизбежно нанесли удар по индейским институтам, под воздействием которого этническая жизнь народа постепенно разрушается.

Примеры наследования должностей служат наиболее удовлетворительной иллюстрацией закона происхождения аборигенов. Одна женщина из племени делаваров, сообщив автору, что она с детьми принадлежит к роду Волка, а ее муж - к роду Черепахи, заметила, что когда капитан Кетчум (Tä-whe'-lä-na), покойный главный вождь или сачем из рода Черепахи, умер, его сменил племянник Джон Коннер (Tä-tä-ne'-shä), сын одной из сестер покойного сачема, который также принадлежал к роду Черепахи. Покойный оставил сына, но он был из другого рода и, следовательно, не мог стать преемником. У делаваров, как и у ирокезов, должность переходила от брата к брату или от дяди к племяннику, поскольку происхождение шло по женской линии.

2. Мунси. Манси - ответвление от делаваров, у них те же генты: волк, черепаха и индюк. Происхождение ведется по женской линии, межродовые браки в роду не допускаются, а должность сакхема, как и имущество, передаются по наследству в роду.

3. Мохеганы. Все индейцы Новой Англии к югу от реки Кеннебек, частью которых являются мохеганы, были тесно связаны между собой по языку и могли понимать диалекты друг друга. Поскольку мохеганы объединены в генты, можно предположить, что пекоты, наррагансетты и другие мелкие группы были не только аналогично организованы, но и имели такие же генты. У мохеганов их три, как и у делаваров: Волк, Черепаха и Индюк, каждый из которых состоит из нескольких гентов. Это доказывает их непосредственную связь с делаварами и мунси по происхождению, а также показывает, как уже говорилось, процесс деления, в результате которого первоначальный род распадается на несколько, которые остаются объединенными в фратрии. В этом случае также можно увидеть, как фратрия возникает естественным образом в условиях языческих институтов. Среди американских аборигенов редко можно найти сохранившиеся свидетельства сегментации первоначальных родов так четко, как в данном случае.

Фратрии мохеганов выделяются более заметно, чем фратрии любого другого племени американских аборигенов, потому что они охватывают генты каждого из них, и фратрии должны быть указаны для объяснения классификации гентов; но мы знаем о них меньше, чем о фратриях ирокезов. Они следующие:

I. Волчья фратрия. *Took-se-tuk'*.

1. Волк.	2. Медведь.	3. Собака.	4. Опоссум.

II. Черепаха Фратрия. *Tone-bä'-o.*

1. Маленькая черепаха.	2. Грязевая черепаха.	3. Большая черепаха.	4. Желтый угорь.

III. Индюк Фратрия.

1. Индейка 2. Журавль. 3. Курица. [179](#)

Происхождение ведется по женской линии, межродовые браки запрещены, а должность сахема является наследственной в роду, она переходит либо от брата к брату, либо от дяди к племяннику. Среди пекотов и наррагансетов род передается по женской линии, как я узнал от женщины-наррагансетки, с которой познакомился в Канзасе.

4. Абенаки. Название этого племени, *Wä-be-nä'-kee*, означает "Люди восходящего солнца". [180](#) Они более тесно связаны с микмаками, чем с индейцами Новой Англии к югу от Кеннебека. У них четырнадцать родов, а именно:

1. Волк.	2. Дикая кошка. (Черная.)	3. Медведь.
4. Змея.	5. Пятнистое животное.	6. Бобр.
7. Карибу.	8. Осетр.	9. Мускрат
10. Голубиный ястреб.	11. Белка.	12. Пятнистая лягушка.
13. Журавль.	14. Дикобраз.	181

Наследство передается по мужской линии, межродовые браки в роду издревле были запрещены, но сейчас запрет утратил большую часть своей силы. Должность сахема была наследственной в роду. Можно заметить, что некоторые из вышеперечисленных родов совпадают с таковыми у оджибва.

VI. Племена атапасков-апачей.

Организованы ли атапаски Территории Гудзонова залива и апачи Нью-Мексико, которые являются подразделениями первоначального рода, в генты, точно не установлено. Когда я был на этой территории в 1861 году, я попытался выяснить этот вопрос среди атапасков Заячьего и Красного Ножа, но за неимением компетентных переводчиков не добился успеха; и все же кажется вероятным, что если бы система существовала, ее следы были бы обнаружены даже при несовершенных средствах исследования. Покойный Роберт Кенникотт предпринял для автора аналогичную попытку среди А-ча-о-тен-не, или атапасков Невольничьего озера, но не добился большего успеха. Он обнаружил особые правила в отношении брака и получения должности сахема, которые, казалось бы, указывали на наличие гентов, но не смог получить удовлетворительной информации. Кутчины (*Louchoux*) в районе реки Юкон являются атапасками. В письме покойного Джорджа Гиббса, адресованном автору, он отмечает: "В письме, которое я получил от джентльмена из форта Симпсон, река Макензи, упоминается, что среди лоучу или кутчинов есть три класса или класса общества - несомненно, ошибка в слове "тотем", хотя тотемы, вероятно, различаются по рангу, как он далее говорит, - что мужчина не женится в своем классе, а берет жену из другого; и что вождь из высшего класса может жениться на женщине из низшего без потери касты. Дети принадлежат к классу матери; и члены одного класса в разных племенах не воюют друг с другом".

Среди колушей северо-западного побережья, которые лингвистически, хотя и не близко, связаны с атапасками, существует организация на жанты. Мистер Галлатин отмечает, что они, "как и наши индейцы, делятся на племена или кланы; различие, которого, по словам мистера Хейла, нет и следа среди индейцев Орегона. Названия племен [gen tes] - это названия животных, а именно: Медведь, Орел, Ворон, Морская свинья и Волк. Право наследования передается по женской линии, от дяди к племяннику, за исключением главного вождя, который, как правило, является самым могущественным в семье."¹⁸²

VII. Индейские племена северо-западного побережья.

В некоторых из этих племен, наряду с колушами, преобладает языческая организация. "Перед отъездом из Пьюджет-Саунд, - пишет мистер Гиббс в письме к автору, - мне посчастливилось встретиться с представителями трех основных семейств тех, кого мы называем северными индейцами, обитателями Северо-Западного побережья, простирающегося от верхней оконечности острова Ванкувер до русских владений и пределов проживания эскимосов. От них я убедился, что тотемическая система существует, по крайней мере, среди этих трех народов. Семьи, о которых я говорю, - это, начиная с северо-запада, тлинкиты, обычно называемые стикенами, по имени одной из их групп; тлаиды; чимсианы, которых Галлатин называет уасами. У них есть четыре общих тотема: кит, волк, орел и ворон. Ни один из них не может вступить в брак с тем же тотемом, хотя и в другом народе или семье. Примечательно то, что эти народы представляют собой совершенно разные семьи. Я имею в виду, что их языки существенно отличаются, не имея никакой ощутимой аналогии". Г-н Далл в своей работе об Аляске, написанной еще позже, отмечает, что "тлинкиты делятся на четыре тотема: Ворон (Yehl), Волк (Kanu'kh), Кит и Орел (Chethl)..... Противоположные тотемы могут вступать в брак, и ребенок обычно принимает тотем матери".¹⁸³

Г-н Хьюберт Х. Бэнкрофт представляет их организацию еще более полно, показывая две фратрии и принадлежащие к каждой из них генты. О тлинкитах он замечает, что "нация разделена на два больших подразделения или клана, один из которых называется Волк, а другой Ворон..... Ствол Ворона снова делится на подкланы, называемые Лягушкой, Гусем, Морским Львом, Совой и Лососем. В семейство Волка входят Медведь, Орел, Дельфин, Акула и Алька..... Племена одного клана не могут воевать друг с другом, но в то же время члены одного клана не могут вступать в брак друг с другом. Таким образом, молодой воин-волк должен искать свою пару среди воронов".¹⁸⁴

Эскимосы не принадлежат к роду Ганована. Их заселение американского континента по сравнению с заселением последней семьи было недавним или современным. У них также нет родов.

VIII. Племена салиш, сахаптин и кутеней.

Племена долины реки Колумбия, среди которых вышеупомянутые представляют собой основную массу, не имеют языковой организации. Наши выдающиеся филологи, Горадио Хейл и покойный Джордж Гиббс, уделившие особое внимание этому вопросу, не смогли обнаружить среди них никаких следов этой системы. Есть веские основания полагать, что эта замечательная область была родиной семьи Ганована, откуда, как из начальной точки их миграции, они распространились по обеим частям континента. Поэтому представляется вероятным, что их предки обладали организацией в gentes, и что она пришла в упадок и в конце концов исчезла.

IX. Племена шошони.

Команчи Техаса, а также племена юте, боннаки, шошоны и некоторые другие племена принадлежат к этой группе. Мэтью Уокер, полукровка из племени вайандот, в 1859 году сообщил автору, что жил среди команчей и что у них были следующие роды:

1. Волк. 2. Медведь. 3. Лось.
4. Олень. 5. Суслик. 6. Антилопа.

Если команчи организованы в генты, то можно предположить, что и другие племена этой группы являются такими же.

На этом мы завершаем обзор социальной системы индейских племен Северной Америки к северу от Нью-Мексико. Большая часть названных племен в эпоху европейского открытия находилась в нижнем статусе варварства, а остальные - в верхнем статусе дикости. Судя по широкому и почти повсеместному распространению организации в генты, можно с полным основанием предположить ее древнюю универсальность среди них с происхождением по женской линии. Их система была чисто социальной, имея в качестве единицы род, а в качестве остальных членов органического ряда - фратрию, племя и конфедерацию. Эти четыре последовательные стадии интеграции и реинтеграции выражают весь их опыт в развитии идеи государства. Поскольку основные арийские и семитские племена имели ту же органическую серию, когда они вышли из состояния варварства, эта система была в значительной степени универсальной в древнем обществе и, следовательно, имела общее происхождение. Пуналуанская группа, которая в дальнейшем будет описана более подробно в связи с развитием идеи семьи, очевидно, породила генты, так что арийские, семитские, уральские, туранские и гановаанские семьи человечества с отчетливостью, кажущейся безошибочной, указывают на общий пуналуанский фонд, с привитой к нему организацией в генты, от которых произошли все и каждый, и наконец дифференцировались в семьи. Я полагаю, что этот вывод в конечном итоге сам себя утвердит, когда будущие исследования разработают и проверят факты в более мелком масштабе. Такой большой органический ряд, способный удерживать человечество в обществе на протяжении последней части периода дикости, всего периода варварства и в начале периода цивилизации, возник не случайно, а получил естественное развитие из ранее существовавших элементов. Рационально и строго интерпретированная, она, по-видимому, может служить доказательством единства происхождения всех родов человечества, обладавших организацией в генты.

Х. Деревенские индейцы.

1. Индейцы моки-пуэбло. Племя моки до сих пор спокойно владеет своими древними общинными домами, числом семь, вблизи реки Малое Колорадо в Аризоне, которая когда-то была частью Нью-Мексико. Они живут в соответствии со своими древними институтами и, несомненно, в настоящее время представляют собой тип деревенской индейской жизни, которая преобладала от Зуньи до Куско в эпоху Открытия. Зуньи, Акома, Таос и некоторые другие новомексиканские пуэбло - это те же самые строения, которые были обнаружены там Коронадо в 1540-1542 годах. Несмотря на их кажущуюся доступность, на самом деле мы мало что знаем об их образе жизни и внутренних институтах. Никаких систематических исследований не проводилось. Те немногие сведения, которые попали в печать, носят общий и случайный характер.

Моки организованы в группы, которых у них девять, следующим образом:

1. Олени. 2. Песок. 3. Дождь.

4. Медведь. 5. Заяц. 6. Прерийный волк.
7. Гремучая змея. 8. Табачное растение. 9. Тростниковая трава.

Доктор Тен Брук, помощник хирурга США, предоставил мистеру Школкрафту легенду о происхождении моки, которую он получил в одной из их деревень. Они сказали, что "много лет назад их Великая Мать¹⁸⁵ принесла из своего дома на Западе девять рас людей в следующем виде. Первая - раса Оленя; вторая - раса Песка; третья - раса Воды [Дождя]; четвертая - раса Медведя; пятая - раса Зайца; шестая - раса Волка Прерии; седьмая - раса Гремучей Змеи; восьмая - раса Табачного растения; девятая - раса Тростниковой Травы. Посадив их на том месте, где сейчас стоят их деревни, она превратила их в людей, которые построили нынешние пуэбло; и расовое различие сохраняется до сих пор. Один из них сказал мне, что он из расы песка, другой - из расы оленя и т. д. Они твердо верят в метемпсихоз и говорят, что после смерти они превратятся в свои первоначальные формы и станут медведями, оленями и т. д., опять же..... Власть передается по наследству, но не обязательно сыну действующего главы; если они предпочитают любого другого кровного родственника, то выбирают его".¹⁸⁶ Перейдя, в данном случае, из нижнего в среднее состояние варварства, и обнаружив организацию в генты в полном развитии, демонстрируется ее адаптация к изменившемуся состоянию. Ее существование среди индейцев деревни в целом становится вероятным; но с этого момента в остальной части Северной и во всей Южной Америке мы остаемся без определенной информации, за исключением Лагуны. Это показывает, насколько неполно была проделана работа в американской этнологии, что единица их социальной системы была обнаружена лишь частично, а ее значение не было понято. Тем не менее, есть следы ее существования у ранних испанских авторов и прямые сведения о ней у нескольких более поздних писателей, которые, если собрать их воедино, оставят мало сомнений в древней универсальной распространенности языческих организаций во всей индейской семье.

Во многих гентах, например у моки, сохранились традиции превращения их первых прародителей из животных или неодушевленных предметов, ставших символом гена, в мужчин и женщин. Так, у журавлиного рода оджибвас есть легенда о том, что пара журавлей пролетела над обширным пространством от залива до Великих озер и от прерий Миссисипи до Атлантики в поисках места, где пропитание было бы наиболее обильным, и в конце концов выбрала Рапидс на выходе из озера Верхнего, с тех пор прославленного своими рыбными промыслами. Приземлившись на берегу реки и сложив крылья, Великий Дух тут же превратил их в мужчину и женщину, которые стали родоначальниками журавлиного рода оджибвас. В разных племенах есть несколько родов, которые воздерживаются от употребления в пищу животного, чье имя они носят, но это далеко не повсеместно.

2. Лагуны. Индейцы лагуна-пуэбло объединены в племена по женской линии, как следует из выступления преподобного Сэмюэля Гормана перед Историческим обществом Нью-Мексико в 1860 году. Каждый город делится на племена или семьи, и каждая из этих групп названа в честь какого-либо животного, птицы, травы, дерева, планеты или одного из четырех элементов". В пуэбло Лагуна, насчитывающем более тысячи жителей, семнадцать таких племен; некоторые из них называются медведями, некоторые оленями, некоторые гремучими змеями, некоторые кукурузой, некоторые волками, некоторые водой и т. д. и т. п. Дети принадлежат к тому же племени, что и их мать. И, согласно древнему обычаю, двум лицам одного племени запрещено вступать в брак; но в последнее время этот обычай начинает соблюдаться менее строго, чем в древности".

"Земля у них общая, как собственность общины, но после того, как человек обработает участок, у него появляется личное право на него, которое он может продать любому члену той же общины; или после его смерти она принадлежит его вдове или дочерям; или, если он был холостяком, она остается в семье его отца".¹⁸⁷ То, что жена или дочь наследуют от отца, сомнительно.

3. Ацтеки, тескуканцы и тлакопанцы. Вопрос об организации этих и остальных науатлакских племен Мексики в генты будет рассмотрен в следующей главе.

4. Майя Юкатана. Эррера часто ссылается на "родственников", причем в отношении племен Мексики, Центральной и Южной Америки таким образом, что это подразумевает существование совокупности людей, организованных на основе кровосмешения, гораздо более многочисленной, чем можно было бы найти в отрыве от *gentes*. Таким образом: "Тот, кто убил свободного человека, должен был возместить ущерб детям и родственникам".¹⁸⁸ Это говорилось об аборигенах Никарагуа, а если бы речь шла об ирокезах, среди которых использовался тот же термин, то *родство* было бы эквивалентно *gens*. И снова, говоря в целом об индейцах майя на Юкатане, он отмечает, что "когда требовалось возместить ущерб, если тот, кто должен был платить, был обречен на нищету, родственники вносили свой вклад".¹⁸⁹ В этом можно усмотреть еще один языческий обычай. И снова, говоря об ацтеках: "Если они были виновны, никакая благосклонность или родственные связи не могли спасти их от смерти".¹⁹⁰ Можно привести еще одну цитату, относящуюся к индейцам Флориды, которые были организованы в генты. Он отмечает, "что они необычайно любили своих детей и лелеяли их, родители и родственники оплакивали тех, кто умирал в течение целого года".¹⁹¹ Первые наблюдатели заметили, что особенностью индийского общества было то, что большое количество людей было связано родственными узами, и поэтому группа стала называться "родственники". Но они не зашли достаточно далеко, чтобы обнаружить то, что, вероятно, было правдой, - что родственники образуют род и, как таковой, являются единицей их социальной системы.

Далее Эррера замечает о майя, что "они были склонны очень внимательно следить за своей родословной, и поэтому считали себя родственниками и помогали друг другу..... Они не женились ни на матерях, ни на невестках, *ни на тех, кто носил то же имя, что и их отец*, что считалось противозаконным".¹⁹² Родословная индейца в соответствии с их системой кровосмешения не могла иметь никакого значения в отрыве от *gens*; но если не принимать это во внимание, то в соответствии с индейскими институтами не существовало возможности, чтобы отец и его дети могли носить одно и то же *имя*, кроме как через *gens*, который наделял всех своих членов общим языческим именем. Для того чтобы отец и дети могли носить одно имя, требовалось бы происхождение по мужской линии. Кроме того, из этого заявления следует, что межродовые браки среди майя были запрещены. Если предположить, что слова Эрреры верны, то это убедительное доказательство существования у майя родов с происхождением по мужской линии. Тайлор в своем ценном труде "*Ранняя история человечества*", который является хранилищем обширной и хорошо обработанной этнологической информации, приводит тот же факт из другого источника со следующими замечаниями: "Таким образом, обычай североамериканских индейцев аналогичен австралийскому в том, что родство по женской линии является препятствием для брака, но если мы спустимся дальше на юг в Центральную Америку, то появится обратный обычай, как в Китае. Диего де Ланда говорит о жителях Юкатана, что никто не брал жену из своего имени по отцовской линии, так как это было очень мерзким делом среди них; но они могли жениться на двоюродных сестрах-немках по материнской линии".¹⁹³

XI. Племена индейцев Южной Америки.

Следы генов были обнаружены во всех частях Южной Америки, как и фактическое присутствие гановановской системы кровосмешения, но эта тема не была полностью исследована. Говоря о многочисленных племенах Анд, объединенных инками в некую конфедерацию, Эррера замечает, что "это разнообразие языков произошло от того, что народы были разделены на расы, племена или кланы".¹⁹⁴ Здесь, в кланах, признается существование *gentes*. Г-н Тайлор, обсуждая правила в отношении брака и происхождения, замечает, что "дальше к югу, ниже перешейка, и клановость, и запрет вновь появляются с женской стороны". Бернау говорит, что среди арраваков Британской Гвианы "каста происходит от матери, и детям разрешается вступать в брак с семьей отца, но не с семьей матери". Наконец, отец Мартин Добрижоффер говорит, что гуарани избегают браков с самыми дальними родственниками, считая их крайне преступными; а говоря об абипонах, он делает следующее заявление: ... "Абипоны, наученные природой и примером своих предков, ненавидят саму мысль о браке с любым, кто связан с ними самыми отдаленными узами родства".¹⁹⁵ Эти упоминания о социальной системе аборигенов весьма туманны; но в свете уже приведенных фактов существование родов с происхождением по женской линии и запретом на межродовые браки в роду делает их понятными. Бретт замечает об индейских племенах в Гвиане, что они "делятся на семьи, каждая из которых имеет свое название, как, например, сивиди, каруафуди, онисиди и т. д. В отличие от наших семей, все они происходят по женской линии, и ни одной особи любого пола не разрешается выходить замуж за представителя той же фамилии. Так, женщина из рода Сивиди носит ту же фамилию, что и ее мать, но ни ее отец, ни ее муж не могут быть из этой семьи. Ее дети и дети ее дочерей также будут называться сивиди, но и сыновьям, и дочерям запрещено вступать в союз с кем-либо, носящим то же имя; хотя они могут по своему желанию вступить в брак с семьей своего отца. Эти обычаи строго соблюдаются, и любое их нарушение будет считаться нечестивым".¹⁹⁶ В семье этого писателя сразу же можно распознать род в его архаичной форме. Все названные выше южноамериканские племена, за исключением андских, на момент открытия находились либо в нижнем статусе варварства, либо в статусе дикости. Многие из перуанских племен, сосредоточенных под управлением индейцев деревни Инка, находились в нижнем статусе варварства, если судить по несовершенному описанию их бытовых институтов, которое можно найти у Гарсильяссо де ла Вега.

К деревенским индейцам Северной и Южной Америки, чья самобытная культура продвинула их далеко вперед и почти до конца среднего периода варварства, наше внимание, естественно, обращается для изучения переходной истории родов. Архаичная конституция *gens* была показана; ее последние фазы еще предстоит представить в *gentes* греков и римлян; но промежуточные изменения, как по происхождению, так и по наследованию, которые произошли в Средний период, необходимы для полной истории организации *gentile*. Наша информация достаточно полна в отношении раннего и позднего состояния этого великого института, но неполна в отношении переходного этапа. Если в каком-либо племени человечества генты встречаются в своей последней форме, то их далекие предки должны были обладать ими в архаичной форме; но историческая критика требует утвердительных доказательств, а не умозаключений. Такие доказательства когда-то существовали у индейцев Виллидж. Теперь мы с уверенностью можем сказать, что их система правления была социальной, а не политической. Верхние члены серии, а именно, племя и конфедерация, встречаются нам во многих точках; в ряде племен деревенских индейцев имеются положительные свидетельства существования гена, единицы системы.

Но мы не в состоянии дать в руки gentes среди деревенских индейцев в целом с такой же точной информацией, как у племен, находящихся на нижнем этапе варварства. Золотая возможность была предоставлена испанским завоевателям и колонизаторам и упущена из-за очевидной неспособности понять состояние общества, от которого цивилизованный человек так далеко отошел в своем продвижении вперед. Без знания единицы их социальной системы, которая накладывала отпечаток на весь организм общества, испанские истории совершенно не дают представления об их правительственных учреждениях.

Один взгляд на остатки древней архитектуры в Центральной Америке и Перу достаточно убедительно доказывает, что средний период варварства был периодом большого прогресса в развитии человечества, роста знаний и расширения интеллекта. За ним последовал еще более примечательный период в Восточном полушарии после того, как изобретение процесса изготовления железа дало тот последний великий импульс человеческому прогрессу, который должен был привести часть человечества к цивилизации. Наша оценка величия карьеры человека в поздний период варварства, когда изобретения и открытия множились с такой быстротой, усилилась бы благодаря точному знанию состояния общества в средний период, столь замечательно проиллюстрированный индейцами деревни. Путем больших усилий, сопровождаемых терпеливым трудом, возможно, удастся восстановить хотя бы большую часть сокровищ знаний, которым было позволено исчезнуть. На основании нашей нынешней информации можно сделать вывод, что племена американских индейцев были повсеместно организованы в генты в эпоху европейского открытия, а немногие найденные исключения не могут нарушить общее правило.

ГЛАВА VII. - КОНФЕДЕРАЦИЯ АЦТЕКОВ.

Ошибочное представление об ацтекском обществе.- Условия прогресса.- Племена науатлак.- Их поселение в Мексике.- Основание Пуэбло в Мексике, 1325 г. н.э.- Создание конфедерации ацтеков, 1325 г. н.э, 1426 г. Территориальное господство.- Предполагаемая численность народа.- Были ли ацтеки организованы в генты и фратрии.- Совет вождей.- Его вероятные функции.- Должность, занимаемая Монтесумой.- Выборность при назначении.- Отставка Монтесумы.- Предполагаемые функции этой должности.- Институты ацтеков по существу демократические- Правительство - военная демократия.

Испанские авантюристы, захватившие пуэбло Мексики, приняли ошибочную теорию о том, что правительство ацтеков было монархией, аналогичной в основных отношениях существующим монархиям в Европе. Это мнение было принято в целом ранними испанскими писателями, без детального изучения структуры и принципов социальной системы ацтеков. Терминология, не согласующаяся с их институтами, пришла с этим заблуждением, которое испортило историческое повествование почти так же полностью, как если бы оно было, в основном, изученной выдумкой. С захватом единственного оплота ацтеков их государственная структура была разрушена, на ее место пришло испанское правление, а тема их внутренней организации и государственного устройства была предана забвению.¹⁹⁷

Ацтеки и родственные им племена не знали железа и, следовательно, не имели железных инструментов; у них не было денег, и торговля велась путем бартера; но они обрабатывали

местные металлы, возделывали землю с помощью орошения, производили грубые ткани из хлопка, строили дома из необожженного кирпича и камня и делали глиняную посуду отличного качества. Таким образом, они достигли среднего состояния варварства. Они по-прежнему владели общими землями, жили большими семьями, состоящими из нескольких родственных семей, и, как есть веские основания полагать, практиковали коммунизм в быту. С достаточной степенью уверенности можно утверждать, что каждый день у них была только одна готовая еда - ужин, за которым они расходились: мужчины ели первыми и сами по себе, а женщины и дети - после. Не имея ни столов, ни стульев для сервировки обеда, они не научились есть свою единственную ежедневную пищу так, как это принято у цивилизованных народов. Эти особенности их социального положения в достаточной степени показывают их относительный статус продвинутой.

Вместе с деревенскими индейцами из других частей Мексики и Центральной Америки, а также Перу, они представляют собой лучший пример такого состояния древнего общества, существовавшего в то время на земле. Они представляли собой одну из великих стадий прогресса цивилизации, на которой институты, заимствованные из предыдущего этнического периода, находятся на более высоком уровне развития и должны были в ходе человеческого опыта перейти в еще более высокое этническое состояние и претерпеть еще большее развитие, прежде чем цивилизация станет возможной. Но индейцам деревни не суждено было достичь верхнего состояния варварства, так хорошо представленного гомеровскими греками.

Индейские пуэбло в долине Мексики открыли европейцам утраченное состояние древнего общества, которое было настолько примечательным и своеобразным, что вызвало в то время неутолимое любопытство. Об аборигенах Мексики и испанском завоевании написано больше томов, чем о любом другом народе такого же уровня развития или о любом событии такой же важности, в пропорции десять к одному. И все же нет народа, об институтах и образе жизни которого было бы так мало известно. Представленное удивительное зрелище настолько поразило воображение, что романтика охватила все вокруг и не покидает его до сих пор. Неудача в выяснении структуры ацтекского общества, которая к этому привела, стала серьезной потерей для истории человечества. Она не должна вызывать ни у кого упреков, а скорее глубокое сожаление. Даже то, что было написано с такой кропотливостью, может оказаться полезным в какой-то будущей попытке восстановить историю ацтекской конфедерации. Остались некоторые факты положительного характера, из которых можно вывести другие факты; так что не исключено, что хорошо направленное оригинальное исследование еще сможет восстановить, по крайней мере, в значительной степени, основные черты социальной системы ацтеков.

"Королевство Мексика", как оно фигурирует в ранних историях, и "империя Мексика", как она появляется в более поздних, - это выдумка воображения. В то время, в отсутствие правильного знания об их институтах, было кажущееся основание для описания правительства как монархии; но это заблуждение больше не может быть защищено. То, что обнаружили испанцы, было просто конфедерацией трех индейских племен, аналоги которых существовали во всех частях континента, и в своих описаниях они не имели возможности продвинуться ни на шаг дальше этого единственного факта. Правительство управлялось советом вождов при содействии генерального командира военных отрядов. Это было правительство двух властей: гражданская была представлена советом, а военная - главным военачальником. Поскольку институты конфедеративных племен были по сути демократическими, правительство можно назвать военной демократией, если требуется более специальное обозначение, чем конфедерация.

Три племени, ацтеки или мексиканцы, тескуканцы и тлакопанцы, были объединены в конфедерацию ацтеков, которая дает два верхних члена органического социального ряда. Обладали ли они первым и вторым, а именно gens и phratry, не представлено в определенной форме ни у одного из испанских писателей; но они смутно описывают некоторые институты, которые можно понять, только представив утраченные члены серии. Хотя фратрия не имеет существенного значения, с родом дело обстоит иначе, поскольку он является единицей, на которой держится социальная система. Не входя в обширный и непроходимый лабиринт ацтекских дел в их нынешнем историческом виде, я рискну привлечь внимание лишь к нескольким особенностям ацтекской социальной системы, которые могут проиллюстрировать ее реальный характер. Прежде чем сделать это, следует обратить внимание на отношения конфедерации с окружающими племенами.

Ацтеки были одним из семи родственных племен, мигрировавших с севера и поселившихся в долине Мексики и в ее окрестностях; они входили в число исторических племен этой страны в эпоху испанского завоевания. В своих традициях они называли себя нахуатлаками. Акоста, посетивший Мексику в 1585 году, чей труд был опубликован в Севилье в 1589 году, изложил современную традицию туземцев об их переселении из Ацтлана, с указанием их имен и мест поселения. Он излагает порядок их прибытия следующим образом: 1. Сочимилькас, "народ семян цветов", который поселился на озере Ксочимилько, на южном склоне долины Мексики; 2. Чалькас, "народ ртов", которые пришли намного позже первых и поселились рядом с ними, на озере Чалько; 3. Тепанеканы, "Люди моста", поселившиеся в Аскопосалько, к западу от озера Тескуко, на западном склоне долины; 4. Кулуасы, "Кривой народ", поселившиеся на восточной стороне озера Тескуко и впоследствии известные как тескуканцы; 5. Тлатлуиканцы, "Люди Сьерры", которые, обнаружив, что долина вокруг озера занята, перешли через Сьерру на юг и поселились на другой стороне; 6. Тласкаланцы, "Люди Хлеба", которые, прожив некоторое время с тепанеканцами, окончательно поселились за долиной на востоке, в Тласкале; 7. Ацтеки, которые пришли последними и заняли место современного города Мексики.¹⁹⁸ Акоста далее отмечает, что они пришли "из далеких стран, лежащих к северу, где сейчас они нашли королевство, которое они называют Новой Мексикой".¹⁹⁹ Таковую же традицию приводит Эррера,²⁰⁰ а также Клавигеро.²⁰¹ Следует заметить, что тлакопаны не упоминаются. По всей вероятности, они были подразделением тепанеканов, оставшихся в первоначальной области обитания этого племени, в то время как остальные, по-видимому, удалились на территорию, расположенную непосредственно к югу от тласкаланцев, где они были найдены под именем тепеаков. У последних была та же легенда о семи пещерах, и они говорили на диалекте языка науатлак.²⁰²

Эта традиция воплощает в себе один важный факт, который не мог быть придуман, а именно то, что семь племен имели непосредственное общее происхождение, что подтверждается их диалектами; и второй важный факт - то, что они пришли с севера. Это говорит о том, что изначально они были одним народом, который в результате естественного процесса сегментации распался на семь и более племен. Более того, именно этот факт сделал конфедерацию ацтеков не только возможной, но и вероятной: общий язык - важнейшая основа подобных организаций.

Ацтеки нашли лучшие места в занятой долине, и после нескольких смен позиций они наконец обосновались на небольшом участке сухой земли посреди болота, окаймленного полями педрегаля и естественными водоемами. Здесь они основали знаменитое пуэбло Мексики (Теночтитлан) в 1325 году н. э., согласно Клавигеро, за сто девяносто шесть лет до испанского завоевания.²⁰³ Они были немногочисленны и бедны. Но, к счастью для них,

мимо их поселения в озеро Тескуко впадали стоки озер Ксочимилько и Чалько и речки с западных холмов. Им хватило ума понять преимущества такого расположения, и они сумели с помощью дамб и дамб окружить свое пуэбло искусственным водоемом большой площади, вода в который поступала из названных источников; а уровень озера Тескуко тогда был выше, чем сейчас, что обеспечило им, когда все работы были завершены, самое надежное положение среди всех племен в долине. Механическая инженерия, с помощью которой они достигли этого результата, стала одним из величайших достижений ацтеков, без которого они, вероятно, не поднялись бы над уровнем окружающих племен. За этим последовали независимость и процветание, а со временем и контролирующее влияние на племена долины. Таков был способ и столь недавнее время основания пуэбло согласно традициям ацтеков, которые можно принять как заслуживающие доверия.

В эпоху испанского завоевания пять из семи племен, а именно ацтеки, тескуканцы, тлакопанцы, сочимилька и чалканы, проживали в долине, которая представляла собой территорию довольно ограниченных размеров, примерно равную штату Род-Айленд. Это была горная или возвышенная котловина, не имеющая выхода, овальная по форме, самая длинная с севера на юг, сто двадцать миль в окружности и охватывающая около шестнадцати сотен квадратных миль, не считая поверхности, покрытой водой. Описанная долина окружена рядом холмов, один из которых возвышается над другим, а между ними находятся впадины, окружающие долину горным барьером. Названные племена проживали примерно в тридцати пуэбло, больше или меньше, из которых мексиканское было самым большим. Нет никаких свидетельств того, что значительная часть этих племен колонизировалась за пределами долины и прилегающих склонов холмов; напротив, существует множество доказательств того, что остальная часть современной Мексики была тогда занята многочисленными племенами, говорившими на языках, отличных от языка науатлак, и большинство из которых были независимыми. Тласкаланы, чолуланы, предполагаемое подразделение первых, тепеаки, узкоцинко, мецтитланы, предполагаемое подразделение тескуканов, и тлатлуиканцы были оставшимися племенами науатлаков, жившими за пределами долины Мексики, все из которых были независимыми, за исключением последних и тепеаков. Большое количество других племен, образующих около семнадцати территориальных групп, больше или меньше, и говорящих на стольких же языках, занимали остальную часть Мексики. В своем состоянии дезинтеграции и независимости они представляют собой почти точное повторение племен Соединенных Штатов и Британской Америки на момент их открытия, столетие или более спустя.

До 1426 года н. э., когда была образована конфедерация ацтеков, в делах племен долины произошло очень мало событий, имеющих историческое значение. Они были разобщены и воинственны, и не имели влияния за пределами своей непосредственной местности. Примерно в это время превосходное положение ацтеков стало проявляться в перевесе численности и силы. Под руководством их вождя Ицкоатля было свергнуто прежнее господство тескуканцев и тлакопанцев, и в результате их предыдущих войн друг с другом была создана лига или конфедерация. Это был союз между тремя племенами, наступательный и оборонительный, с оговорками о разделе между ними в определенных пропорциях добычи и последующих даней покоренных племен.²⁰⁴ Эти дани, состоявшие из тканей и продуктов садоводства из покоренных деревень, по-видимому, взимались систематически и со всей строгостью.

План организации этой конфедерации был утерян. Из-за отсутствия подробностей теперь трудно определить, была ли это просто лига, которую можно было продолжать или

распускать по своему усмотрению; или же это была консолидированная организация, как у ирокезов, в которой части были подогнаны друг к другу в постоянных и определенных отношениях. Каждое племя было независимым в том, что касалось местного самоуправления; но внешне все три племени были единым народом в том, что касалось агрессии или обороны. Хотя у каждого племени был свой совет вождей и свой главный вождь, вождь ацтеков был главнокомандующим конфедеративных групп. Об этом можно судить по тому факту, что тескуканцы и тлакопанцы имели право голоса при избрании или утверждении ацтекского вождя. Получение ацтеками главного командования, как правило, показывает, что их влияние преобладало в установлении условий, на которых племена объединялись.

Незауалькодзотль был свергнут или, по крайней мере, лишен должности главного военачальника тескуканцев, на которую он был восстановлен в это время (1426 г.) с помощью ацтеков. Это событие можно рассматривать как точку отсчета формирования конфедерации или лиги, какой бы она ни была.

Прежде чем обсуждать ограниченное число фактов, иллюстрирующих характер этой организации, следует кратко рассказать о том, чего конфедерация добилась в приобретении территориального господства за короткий период своего существования.

С 1426 по 1520 год н. э., то есть в течение девяноста четырех лет, конфедерация вела частые войны с соседними племенами, в частности со слабыми индейцами виллидж на юг от долины Мексики до Тихого океана, а затем на восток до самой Гватемалы. Они начинали с ближайших по положению племен, которых они побеждали за счет превосходства в численности и сосредоточенных действий и облагали данью. Деревни в этой области были многочисленными, но небольшими, состоящими во многих случаях из одного большого строения из саманного кирпича или камня, а в некоторых случаях из нескольких таких строений, сгруппированных вместе. Эти дома, построенные на основе совместного владения, серьезно препятствовали завоеванию ацтеков, но они не оказались непреодолимыми. Эти набеги продолжались время от времени с явной целью собрать добычу, обложить данью и захватить пленных для жертвоприношения;²⁰⁵ до тех пор, пока основные племена в пределах названной области, за некоторым исключением, не были покорены и подчинены, включая разбросанные деревни тотонаков вблизи нынешнего Вера-Круса.

Не было предпринято никаких попыток включить эти племена в конфедерацию ацтеков, поскольку языковой барьер делал невозможным в рамках их институтов. Они оставались под управлением своих собственных вождей и придерживались своих собственных устоев и обычаев. В некоторых случаях среди них проживал сборщик дани. Бесплодные результаты этих завоеваний показывают реальный характер их институтов. Господство сильных над слабыми без какой-либо иной цели, кроме принуждения к нежелательной дани, даже не способствовало формированию нации. Если они были организованы в группы, то отдельный человек мог стать членом правительства только через группу, а группа могла быть принята только путем включения в группу ацтеков, тескуканцев или тлакопанцев. К приписываемому Ромулу плану по перемещению gentes завоеванных латинских племен в Рим могла бы прибегнуть конфедерация ацтеков в отношении покоренных племен; но они не были достаточно развиты, чтобы сформировать такую концепцию, даже если бы языковой барьер мог быть устранен. По той же причине колонисты, если бы они были посланы среди них, не смогли бы настолько ассимилировать завоеванные племена, чтобы подготовить их к

включению в социальную систему ацтеков. Как бы то ни было, конфедерация не приобрела силы ни за счет терроризма, который она создала, ни за счет того, что держала эти племена под бременем, вдохновленные враждой и всегда готовые к восстанию. Однако, похоже, что в некоторых случаях они использовали военные отряды покоренных племен и делили с ними добычу. Все, что могли сделать ацтеки после создания конфедерации, - это распространить ее на оставшиеся племена науатлаков. Но это им не удалось. Ксочимилька и чалканы не были составными членами конфедерации, но пользовались номинальной независимостью, хотя и были данниками.

Это почти все, что сейчас можно узнать о материальной основе так называемого царства или империи ацтеков. Конфедерации противостояли враждебные и независимые племена с западной, северо-западной, северо-восточной, восточной и юго-восточной сторон: Мечоаканцы на западе, Отоми на северо-западе (разрозненные группы Отоми вблизи долины были обложены данью), Чичимеки или дикие племена к северу от Отоми, Мецтитланы на северо-востоке, Тласкаланы на востоке, Чолуланы и Уэксоцинкос на юго-востоке, и за ними племена Табаско, племена Чиапаса и Сапотечи. В этих нескольких направлениях владения ацтекской конфедерации не простирались и на сотню миль за пределы долины Мексики, часть которой, несомненно, была нейтральной территорией, отделявшей конфедерацию от вечных врагов. Из таких ограниченных материалов было сфабриковано королевство Мексика испанских хроник, которое впоследствии превратилось в империю ацтеков современной истории.

Необходимо сказать несколько слов о населении долины и пуэбло Мексики. Не существует средств для определения численности людей в пяти племенах науатлаков, населявших долину. Любая оценка должна быть предположительной. В качестве предположения, основываясь на том, что известно об их садоводстве, средствах существования, институтах, ограниченной территории и не забывая о получаемой ими дани, двести пятьдесят тысяч человек в совокупности, вероятно, были бы чрезмерной оценкой. Это дало бы около ста шестидесяти человек на квадратную милю, что почти вдвое больше нынешнего среднего населения штата Нью-Йорк и примерно равно среднему населению Род-Айленда. Трудно понять, чем можно объяснить столь большое число жителей во всех деревнях долины, которых, по некоторым данным, было от тридцати до сорока. Те, кто утверждает, что это число больше, должны будут показать, как варварский народ, не имевший стад и пастбищ и не занимавшийся полевым земледелием, мог содержать на равных территориях большее число жителей, чем цивилизованный народ может содержать сейчас, обладая этими преимуществами. Это невозможно доказать по той простой причине, что это не могло быть правдой. Из этого населения тридцать тысяч человек можно, пожалуй, отнести к пуэбло Мексики.²⁰⁶

Нет необходимости обсуждать положение и отношения племен долины за пределами высказанных предложений. Монархия ацтеков должна быть исключена из истории американских аборигенов не только как иллюзия, но и как искаженное представление об индейцах, которые не развивали и не изобретали монархические институты. Созданное ими правительство представляло собой конфедерацию племен, и не более того; и, вероятно, не было равноценно по плану и симметрии правительству ирокезов. При рассмотрении этой организации для обозначения официальных лиц будет достаточно терминов "вождь", "сачем" и "вождь".

Мексиканское пуэбло было самым большим в Америке. Романтично расположенное посреди искусственного озера, с большими многоквартирными домами, оштукатуренными гипсом, который придал им ярко-белый цвет, и подъездами к нему, оно представляло для испанцев вдали поразительное и чарующее зрелище. Это было откровение древнего общества, отстоящего на два этнических периода от европейского, и, судя по его упорядоченному жизненному укладу, оно должно было пробудить любопытство и вызвать энтузиазм. Определенная доля экстравагантности мнений была неизбежна.

Было названо несколько примеров, показывающих степень развития ацтеков, к которым теперь можно добавить некоторые другие. Были обнаружены декоративные сады, магазины оружия и военных костюмов, усовершенствованная одежда, хлопчатобумажные ткани превосходной выделки, улучшенные орудия труда и утварь, а также увеличенное разнообразие пищи; письменность, используемая главным образом для обозначения дани в натуральном виде, которую должна была платить каждая покоренная деревня; календарь для измерения времени и открытые рынки для обмена товарами.

Для удовлетворения потребностей растущей муниципальной жизни были созданы административные учреждения; учреждено жречество с храмовым культом и ритуалом, включающим человеческие жертвоприношения. Возросло значение должности главного военачальника. Эти и другие обстоятельства их состояния, не требующие подробного описания, предполагают соответствующее развитие их институтов. Таковы некоторые различия между нижним и средним этапами варварства, проиллюстрированные на примере относительного состояния ирокезов и ацтеков, которые, несомненно, имели одинаковые первоначальные институты.

С учетом этих предварительных соображений остается рассмотреть три наиболее важных и наиболее сложных вопроса, касающихся социальной системы ацтеков. Они касаются, во-первых, существования гентов и фратрий; во-вторых, существования и функций Совета вождей; и, в-третьих, существования и функций должности главного военачальника, которую занимал Монтесума.

I. Существование гентов и фратрий.

Может показаться необычным, что ранние испанские писатели не открыли ацтекские генты, если они на самом деле существовали; но почти то же самое происходило с ирокезами под наблюдением наших людей более двухсот лет. Существование у них кланов, названных в честь животных, было отмечено в ранние времена, но они не подозревали, что это единица социальной системы, на которой покоятся и племя, и конфедерация.²⁰⁷ То, что испанские исследователи не заметили существования языческой организации среди племен Испанской Америки, не является доказательством ее несуществования; но если бы она существовала, это просто доказывало бы, что их работа была поверхностной в этом отношении.

У испанских писателей имеется большое количество косвенных и фрагментарных свидетельств, указывающих как на *gens*, так и на *phratry*, и некоторые из них мы сейчас рассмотрим. Уже упоминалось частое использование Эррерой термина "родственники", показывающее, что были замечены группы людей, связанных между собой кровным родством. Это, судя по размеру группы, , по-видимому, требует наличия рода. Термин "родословная" иногда используется для обозначения еще более крупной группы, подразумевая при этом фратрию.

Мексиканское пуэбло было географически разделено на четыре квартала, каждый из которых занимал род - совокупность людей, более близких по кровосмешению между собой, чем с жителями других кварталов. Предположительно, каждый род представлял собой фратрию. Каждый квартал снова делился на части, и в каждой из них проживала община людей, связанных какими-то общими узами.²⁰⁸ Предположительно, это сообщество людей было родом. Если обратиться к родственному племени тласкаланцев, то почти те же факты повторяются. Их пуэбло было разделено на четыре квартала, каждый из которых занимал один род. У каждого из них был свой теуктли или главный вождь, своя отличительная военная одежда, свой штандарт и герб.²⁰⁹ Как единый народ они находились под управлением совета вождей, который испанцы называли сенатом тласкаланцев.²¹⁰ Чолула, подобным образом, была разделена на шесть кварталов, названных Эррерой палатами, что приводит к такому же выводу.²¹¹ Ацтеки в своих социальных подразделениях распределили между собой части пуэбло, которые они должны были по отдельности занимать, эти географические районы должны были вытекать из их способа расселения. Если прочитать краткий рассказ об этих *кварталах* при основании Мексики, приведенный Эррерой, который следует за Акостой, в свете этого объяснения, то истина в этом вопросе окажется совсем рядом. Упомянув о строительстве "часовни из извести и камня для идола", Эррера продолжает следующим образом: "Когда это было сделано, идол приказал жрецу предложить главным людям разделить со своими родственниками и последователями на четыре палаты или квартала, оставив дом, построенный для него, в середине, и каждая сторона могла строить так, как ей больше нравится. Эти четыре квартала Мексики сейчас называются Святым Иоанном, Святой Марией Круглой, Святым Павлом и Святым Себастьяном. Разделив их соответствующим образом, их идол снова велел им распределить между собой богов, которых он назовет, и в каждом квартале назначить особые места, где богам следует поклоняться; и таким образом каждый квартал имеет несколько меньших кварталов в соответствии с числом их богов, которых этот идол призвал их обожать..... Так была основана Мексика, Теночтитлан..... Когда был произведен вышеупомянутый раздел, те, кто считал себя пострадавшими, со своими родственниками и последователями ушли искать другое место"²¹², а именно Тлателулько, который находился по соседству. Разумное толкование этой формулировки заключается в том, что они разделились по родственному признаку, сначала на четыре общих подразделения, а те - на более мелкие, что является обычной формулой для изложения результатов. Но на самом деле все было с точностью до наоборот, а именно: каждая группа родственников размещалась в отдельной области, а несколько групп - таким образом, чтобы свести друг с другом наиболее близких по географическому положению родственников. Если предположить, что низшим подразделением был род, а каждый квартал занимала фратрия, состоящая из родственных родов, то первичное распределение ацтеков в их пуэбло вполне объяснимо. Без этого предположения оно не может быть удовлетворительно объяснено. Когда народ, организованный в жанты, фратрии и племена, поселяется в городе или поселке, он размещается по жантам и племенам, что является необходимым следствием его социальной организации. Греческие и римские племена селились в своих городах именно таким образом. Например, три римских племена были организованы в *gentes* и *curiæ*, причем *curia* была аналогом *phratry*; и они селились в Риме по *gentes*, по *curias* и по племенам. Рамны занимали Палатинский холм. Титии жили в основном на Квиринале, а луцеры - на Эсквилине. Если ацтеки состояли из родов и фратрий, имея только одно племя, то они должны были находиться в стольких кварталах, сколько у них было фратрий, причем каждый род одной фратрии в основном жил сам по себе. Поскольку муж и жена принадлежали к разным родам, а дети - к роду отца или матери по мужской или женской линии, преобладающее число в каждой местности принадлежало к одному и тому же роду.

Их военная организация была основана на этих социальных видениях. Как Нестор посоветовал Агамемнону распределить войска по фратриям и племенам, так и ацтеки, похоже, распределяли себя по гентам и фратриям. В "*Мексиканских хрониках*" туземного автора Тезозомока (за ссылку на следующий отрывок, за который я в долгу перед моим другом мистером Ад. Ф. Банделье из Хайленда, штат Иллинойс, который сейчас занимается его переводом), говорится о предполагаемом вторжении в Мичоакан. Аксайкатль "обратился к мексиканским капитанам Тлакатекатлю и Тлакочкалькатлю, а также ко всем остальным, и спросил, все ли мексиканцы готовы, согласно обычаям и нравам каждого округа, каждый со своими капитанами; и если да, то они должны начать поход, и что все должны воссоединиться в Матлацинко-Толуке".²¹³ Это указывает на то, что военная организация была разделена на *gentes* и *phratries*.

Вывод о существовании ацтекских гентов также следует из их землевладения. Клавигеро отмечает, что "земли, которые назывались *Альтепетлалли* [Альтепетль = пуэбло], то есть земли общин городов и деревень, были разделены на столько частей, сколько районов было в городе, и каждый район имел свою собственную часть, полностью отличную и независимую от каждой другой. Эти земли не могли быть отчуждены никаким способом".²¹⁴ В каждой из этих общин мы должны признать род, локализация которого была необходимым следствием их социальной системы. Клавигеро ставит округа перед общиной, в то время как именно последняя создавала округ и владела общими землями. Элемент родства, объединявший каждую общину, опущенный Клавигеро, введен Эррерой. "Были и другие владыки, называемые майордомами, чьи земельные владения принадлежали одному роду [*gens*], проживавшему в одном округе, и их было много, когда земли распределялись во время заселения Новой Испании; и каждый род получил свой собственный, и владеет им до сих пор; и эти земли не принадлежали никому в отдельности, а были общими для всех, и тот, кто владел ими, не мог их продать, хотя и пользовался ими пожизненно и оставлял их своим сыновьям и наследникам; а если дом вымирал, они оставались ближайшему родителю, которому они были даны, и никому другому, кто управлял тем же районом или родом".²¹⁵ В этом замечательном заявлении наш автор озадачен тем, чтобы согласовать факты с преобладающей теорией ацтекских институтов. Он представляет нам ацтекского владыку, который владел земельным наделом как феодальный собственник, а также титулом, относящимся к нему, и оба эти титула он передавал своему сыну и наследнику. Но, повинувшись истине, он констатирует тот существенный факт, что земли принадлежали роду консангинеев, среди которых он назван главным родителем, *то есть* он был сакхемом, как можно предположить, рода, который владел этими землями совместно. Предположение о том, что он держал земли в доверительном управлении, ничего не значит. Индейские вожди были связаны с гентами, каждый из которых владел общим земельным участком, а когда вождь умирал, его место занимал сын, как утверждает Эррера. По мнению Эрреры, это могло быть аналогично испанским владениям и титулам; а заблуждение возникло из-за недостатка знаний о природе и сроках пребывания на посту вождя. В некоторых случаях сын не становился преемником отца, а должность переходила к другому человеку; отсюда и дальнейшее утверждение: "Если дом (*alguna casa*, еще один феодальный признак) вымирал, они [земли] оставались ближайшему главному родителю", то есть сакхемом избирался другой человек, насколько можно судить по языку. То небольшое, что дошло до нас от испанских авторов относительно индейских вождей и землевладения племен, испорчено использованием языка, приспособленного к феодальным институтам, которые не существовали среди них. В этой *родословной* мы вправе признать ацтекский род, а в нем - ацтекского сакхема, чей пост был наследственным в роду, в смысле, о котором говорилось выше, и выборным среди его членов. Если происхождение шло по мужской линии, выбор падал на одного из сыновей умершего сакхема, собственного или побочного, на внука через

одного из его сыновей или на брата, собственного или побочного. Если же речь идет о женской линии, то она переходит к брату или племяннику, собственному или залоговому, как объясняется в другом месте.

У сакхема не было никаких прав на землю, и, следовательно, он не мог их передавать никому. Его считали собственником, потому что он занимал должность, которая сохранялась вечно, и потому что существовала совокупность земель, вечно принадлежавших роду, над которым он был сакхемом. Неправильное представление об этой должности и ее сроке владения стало плодотворным источником бесчисленных ошибок в наших историях аборигенов. Род Эрреры и общины Клавигеро, очевидно, были организациями, причем одной и той же. Они нашли в этой совокупности родственников, сами того не зная, единицу своей социальной системы - *gens*, как мы должны предположить.

Испанские писатели описывают индейских вождей как владык, наделяя их правами на земли и людей, которыми они никогда не обладали. Называть индейского вождя лордом в европейском смысле - заблуждение, поскольку это подразумевает состояние общества, которого не существовало. Лорд имеет ранг и титул по наследственному праву, закрепленные за ним специальным законодательством в ущерб правам всего народа. К этому званию и титулу со времен свержения феодализма не прилагается никаких обязанностей, на которые король или королевство могли бы претендовать по праву. Напротив, индийский вождь занимает должность не по наследственному праву, а по избранию от избирательного округа, который сохраняет за собой право сместить его в случае необходимости. Эта должность налагала на него обязательство выполнять определенные обязанности в интересах избирательного округа. Он не имел никакой власти над личностью, имуществом или землями членов рода. Таким образом, видно, что нет никакой аналогии между лордом и его титулом и индейским вождем и его должностью. Один из них принадлежит к политическому обществу и представляет собой агрессию немногих против многих; другой же принадлежит к языческому обществу и основан на общих интересах членов рода. Неравным привилегиям нет места ни в роду, ни во фратрии, ни в племени.

Далее появятся следы существования ацтекских *gentes*. По крайней мере, *prima facie* доказательство существования у них *gentes* налицо. Кроме того, существовала и предшествующая вероятность этого, исходя из наличия двух верхних членов органического ряда, племени и конфедерации, а также из общей распространенности этой организации среди других племен. очень малое тщательное исследование ранних испанских писателей поставило бы этот вопрос вне сомнений, и, как следствие, придало бы совсем другой оттенок истории ацтеков.

Обычаи, регулирующие наследование имущества у ацтеков, дошли до нас в запутанном и противоречивом состоянии. Они не имеют существенного значения для данного обсуждения, за исключением того, что свидетельствуют о существовании органов родства и наследовании детьми имущества от своих отцов. Если бы последнее было фактом, это свидетельствовало бы о происхождении по мужской линии, а также о необычайном прогрессе в знании собственности. Маловероятно, что дети пользовались исключительным наследством или что какой-либо ацтек владел участком земли, который он мог назвать своим, с правом продавать и передавать его кому угодно.

II. Существование и функции Совета вождей.

Существование такого совета у ацтеков можно было предсказать, исходя из необходимой конституции индейского общества. Теоретически он должен был состоять из класса вождей, называемых сахемами, которые представляли родственные организации через постоянно сохраняемую должность. Здесь, как и в других местах, возникает необходимость в генте, главные вожди которого представляли бы народ в его конечных социальных подразделениях, как в северных племенах. Ацтекские генты вполне необходимы для объяснения существования ацтекских вождей. Наличие совета у ацтеков не вызывает сомнений, но о количестве его членов и функциях мы остаемся в почти полном неведении. Брассер де Бурбур в целом отмечает, что "почти все города или племена разделены на четыре клана или квартала, вожди которых составляют большой совет".²¹⁶ Имел ли он в виду ограничить это число одним вождем от каждого квартала, неясно; но в другом месте он ограничивает совет ацтеков четырьмя вождями. Диего Дуран, написавший свой труд в 1579-1581 годах и, таким образом, опередивший и Акосту, и Тезозомока, отмечает следующее: "Прежде всего мы должны знать, что в Мексике после избрания короля они избирали четырех владык из братьев или близких родственников этого короля, которым они давали титулы принцев и из которых они должны были выбирать короля. [Этим должностям он дает имена Тлакачкалькатль, Тлакатекаль, Эзуауакатль и Филанкальк]..... Эти четыре владыки и титула, после того как их избрали принцами, составили королевский совет, подобно президентам и судьям верховного совета, без мнения которых ничего не могло быть сделано".²¹⁷ Акоста, назвав те же должности и назвав лиц, занимавших их, "выборщиками", замечает, что "все эти четыре достоинства были членами большого совета, без совета которого король не мог сделать ничего важного".²¹⁸ А Эррера, разделив эти должности на четыре класса, продолжает: "Эти четыре рода дворян входили в верховный совет, без совета которого король не должен был делать ничего важного, и ни один король не мог быть избран, кроме того, который принадлежал к одному из этих четырех орденов".²¹⁹ Использование термина "король" для обозначения главного военачальника и "принцы" для обозначения индейских вождей не может создать государство или политическое общество там, где его не существовало; но как неправильные термины они утяжеляют и уродуют нашу аборигенную историю и по этой причине должны быть отброшены. Когда уэксотцинко прислали в Мексику делегатов с предложением союза против тласкаланцев, Монтесума обратился к ним, согласно Тезозомоку, следующим образом: "Братья и сыновья, добро пожаловать, отдохните немного, ибо, хотя я и король, я один не могу удовлетворить вас, но только вместе со всеми вождями священного мексиканского сената".²²⁰ Вышеприведенные рассказы признают существование верховного совета, имеющего власть над действиями главного вождя, что является существенным моментом. Это свидетельствует о том, что ацтеки защищались от безответственного деспота, подчиняя его действия совету вождей, делая его выборным и сменяемым. Если ограниченные и неполные высказывания этих авторов имели целью ограничить этот совет четырьмя членами, на что, похоже, намекает Дюран, то такое ограничение маловероятно. В таком виде совет представлял бы не племя ацтеков, а небольшую группу родственников, из которых должен был быть выбран военный командир. Это не теория совета вождей. Каждый вождь представляет свой округ, а все вожди вместе представляют племя. Иногда из их числа выбирают общий совет, но это происходит благодаря органическому положению, которое устанавливает их число и обеспечивает их вечное содержание. Говорят, что совет тескуканцев состоял из четырнадцати членов,²²¹ в то время как совет в Тласкале был многочисленным. Такой совет у ацтеков необходим по структуре и принципам индейского общества, и поэтому его существование можно было бы ожидать. В этом совете можно увидеть утраченный элемент ацтекской истории. Знание его функций необходимо для понимания ацтекского общества.

В современных историях этот совет рассматривается как консультативный совет Монтесумы, как совет министров, созданный им самим; так, Клавигеро: "В истории завоевания мы найдем Монтесуму часто обсуждающим со своим советом притязания испанцев. Мы не знаем числа членов каждого совета, и историки не дают нам света, необходимого для иллюстрации такого вопроса".²²² Это был один из первых вопросов, требующих исследования, и тот факт, что ранние авторы не смогли определить его состав и функции, убедительно свидетельствует о поверхностном характере их работы. Мы знаем, однако, что совет вождей - это институт, который появился вместе с *gentes*, представляющими собой избирательные округа, и который с незапамятных времен имел призвание, а также первоначальные полномочия по управлению. Мы находим тескуканский и тлакопанский советы, тласкаланский, чолуланский и мичоаканский советы, каждый из которых состоял из вождей. Эти данные подтверждают существование совета вождей ацтеков; но поскольку он ограничивается четырьмя членами, принадлежащими к одному роду, он представлен в неправдоподобной форме. У каждого племени в Мексике и Центральной Америке, вне всякого сомнения, был свой совет вождей. Это был руководящий орган племени, постоянное явление во всех частях аборигенной Америки. Совет вождей - самый древний институт управления человечества. На нескольких континентах можно проследить его непрерывную преемственность от

Верхний статус дикости через три подпериода варварства до начала цивилизации, когда, превратившись в предварительный совет с появлением народного собрания, он дал начало современной законодательной власти в двух органах.

Не похоже, что в конфедерации ацтеков существовал общий совет, состоявший из главных вождей трех племен, в отличие от отдельных советов каждого из них. Необходимо полностью прояснить этот вопрос, прежде чем можно будет сказать, была ли организация ацтеков просто лигой, наступательной и оборонительной, и как таковая находилась под главным контролем племени ацтеков, или конфедерацией, в которой части были объединены в симметричное целое. Эта проблема должна дожидаться своего решения в будущем.

III. Срок полномочий и функции должности главного военачальника.

По имеющимся сведениям, Монтесума занимал должность просто *Теуктли*, что означает "военный вождь". В качестве члена совета вождей его иногда называли *Тлатоани*, что означает *оратор*. Этот пост главного военачальника был самым высоким из известных ацтекам. Это была та же должность, что и должность главного военного вождя в конфедерации ирокезов. Она делала человека *по должности* членом совета вождей, о чем можно судить по тому факту, что в некоторых племенах главный военачальник имел преимущество в совете как при обсуждении, так и при высказывании своего мнения.²²³ Ни один из испанских писателей не относит этот титул к Монтесуме или его преемникам. Он был заменен неуместным титулом короля. *Икстлильксочитль*, имевший смешанное тескуканское и испанское происхождение, описывает главных вождей Мексики, Тескуко и Тлакопана, простым титулом "вождь", с другим, указывающим на племя. Рассказав о разделении полномочий между тремя вождями при образовании федерации кон и о собрании вождей трех племен по этому случаю, он продолжает: "Король Тецкуко был приветствован титулом *Акульхуа Теучтли*, а также титулом *Чичимекатль Теучтли*, который носили его предки и который был знаком империи; *Ицкоацин*, его дядя, получил титул *Кульхуа Теучтли*, потому что он правил тольтеками-кульхуа; а *Тотокиуацин* - титул *Текпануатль Теучтли*, который был титулом *Азкапуцалько*. С тех пор их преемники получили

тот же титул".²²⁴ Упомянутый здесь *Ицкоацин (Ицкоатль)* был военным вождем ацтеков на момент создания конфедерации. Поскольку титул военачальника в то время носили многие другие люди, комплимент заключался в том, что к нему прилагалось племенное обозначение. В речи индейцев должность, которую занимал Монтесума, была эквивалентна главному военачальнику, а в английском языке - генералу.

Клавигеро признает эту должность в нескольких племенах науатлаков, но никогда не применяет ее к вождю ацтеков. "Высшим рангом знати в Тласкале, Уэшоцинко и Чолуле был ранг *теуктли*. Чтобы получить это звание, необходимо было иметь знатное происхождение, доказать в нескольких сражениях высочайшую храбрость, достичь определенного возраста и обладать большим богатством для покрытия огромных расходов, которые должен был нести обладатель такого сана".²²⁵ После того как Монтесума был возведен в абсолютное могущество, наделенное как гражданскими, так и военными функциями, характер и полномочия занимаемой им должности остались на втором плане, фактически не исследованы. Как их главный военачальник, он обладал средствами, позволявшими ему завоевывать расположение народа и пользоваться его уважением. Это была опасная, но необходимая должность для племени и конфедерации. На протяжении всего человеческого опыта, начиная с нижнего уровня варварства и до наших дней, эта должность всегда была опасной. Конституции и законы обеспечивают нынешнюю безопасность цивилизованных наций, насколько они вообще существуют. Среди развитых индейских племен и племен Мексиканской долины, по всей вероятности, сформировался свод обычаев и нравов, регулирующих деятельность вождей и предписывающих обязанности этой должности. Есть общие основания полагать, что совет вождей ацтеков был верховным не только в гражданских, но и в военных делах, включая личность и руководство вождя. Политическое устройство ацтеков в условиях роста численности и материального развития, несомненно, усложнилось, и по этой причине знание его было бы тем более поучительным. Если бы удалось установить точные детали их правительственной организации, они были бы достаточно примечательны и без приукрашивания.

Испанские авторы в целом сходятся во мнении, что должность, которую занимал Монтесума, была выборной, причем выбор принадлежал только определенной семье. Было установлено, что должность переходила от брата к брату или от дяди к племяннику. Однако они не смогли объяснить, почему в некоторых случаях она не переходила от отца к сыну. Поскольку способ наследования был необычен для испанцев, вероятность ошибки в отношении главного факта была меньше. Более того, два случая престолонаследия произошли под непосредственным наблюдением завоевателей. Монтесуму сменил Куитлауа. В этом случае должность переходила от брата к брату, хотя мы не можем знать, были ли они родными или побочными братьями, не имея представления об их системе кровосмешения. После смерти последнего Гуатемозин был избран его преемником. Здесь должность перешла от дяди к племяннику, но мы не знаем, был ли он родным или побочным племянником (см. Часть третья, гл. *iii*). В предыдущих случаях должность переходила от брата к брату, а также от дяди к племяннику.²²⁶ Выборная должность подразумевает наличие избирателей, но кто был избирателями в данном случае? Чтобы ответить на этот вопрос, четыре вождя, упомянутые Дураном (*выше*), вводятся в качестве выборщиков, к которым добавляются один выборщик от Тескуко и один от Тлакопана, таким образом, их становится шесть, которые затем наделяются полномочиями выбирать из определенной семьи главного вождя. Это не теория выборной индейской должности, и ее можно отбросить как неправдоподобную. Саагун указывает на гораздо более широкий круг избирателей. "Когда король или повелитель умирал, - замечает он, - все сенаторы, называемые *Tecutlatoques*, и старики племени, называемого *Achcacauhiti*, а также капитаны и старые воины, называемые *Yautequioaques*, и

другие выдающиеся капитаны в военных делах, а также жрецы, называемые *Tlenamacaques*, или *Papasaques* - все они собирались в королевских домах. Затем они обсудили и определили, кто должен стать владыкой, и выбрали одного из самых знатных в роду прошлых владык, который должен быть доблестным человеком, опытным в военных делах, смелым и отважным..... Когда они сошлись на одном, то сразу же назвали его лордом, но это избрание не было сделано голосованием или голосами, но все вместе, посоветовавшись, наконец, согласились с этим человеком. Избрав лорда, они также избирали четырех других, которые были подобны сенаторам и должны были постоянно находиться рядом с лордом и быть в курсе всех дел королевства".²²⁷ Эта схема избрания большим собранием, хотя и показывает народный элемент в правительстве, который, несомненно, существовал, не характерна для индийских институтов. Прежде чем можно будет понять срок пребывания в этой должности и способ избрания, необходимо выяснить, были ли они организованы в роды, происходили ли они по женской линии или по мужской, и узнать кое-что об их системе кровосмешения. Если у них была система, встречающаяся во многих других племенах ганованов, что вполне вероятно, то человек называл бы сына своего брата своим сыном, а сына своей сестры - племянником; брата своего отца - отцом, а брата своей матери - дядей; детей брата своего отца - братьями и сестрами, а детей брата своей матери - двоюродными братьями, и так далее. Если бы человек был разделен на роды с происхождением по женской линии, у него были бы братья, дяди и племянники, побочные деды и внуки в его собственном роду; но ни родного отца, ни родного сына, ни родного внука. Его собственные сыновья и сыновья его брата будут принадлежать к другим родам. Пока нельзя утверждать, что ацтеки были организованы в генты; но наследование должности главного вождя само по себе является сильным доказательством этого факта, поскольку полностью объясняет эту преемственность. Тогда при происхождении по женской линии должность была бы наследственной в определенном роде, но выборной среди его членов. В этом случае должность переходила бы путем выборов внутри рода от брата к брату или от дяди к племяннику, как это было у ацтеков, и никогда от отца к сыну. Среди ирокезов в то же самое время должности сакхема и главного вождя переходили от брата к брату или от дяди к племяннику, в зависимости от того, на кого падал выбор, и никогда к сыну. Именно род, с передачей по женской линии, обеспечивал такой способ наследования, который не мог быть обеспечен никаким другим мыслимым способом. На основании одних только этих фактов трудно не прийти к выводу, что ацтеки были организованы в *gentes* и что, по крайней мере, в отношении этой должности происхождение все еще происходило по женской линии.

Поэтому в качестве вероятного объяснения можно предположить, что должность, занимаемая Монтесумой, была наследственной в роде (орел был гербом или тотемом на доме, занимаемом Монтесумой), члены которого выбирали из своего числа; что их кандидатура затем отдельно представлялась четырем родам или подразделениям ацтеков (предположительно, фратриям) для принятия или отклонения; а также тескуканцам и тлакопанцам, которые были непосредственно заинтересованы в выборе главнокомандующего. После раздельного рассмотрения и утверждения кандидатуры каждое подразделение назначало человека для выражения своего согласия; отсюда и шесть неправильно называемых выборщиков. Не исключено, что четыре верховных вождя ацтеков, упоминаемые рядом авторов в качестве выборщиков, на самом деле были военачальниками четырех подразделений ацтеков, как и четыре военачальника четырех родов тласкаланцев. В функции этих лиц входило не избрание, а выяснение путем совещания друг с другом, был ли выбор, сделанный генами, принят, и если да, то объявление результатов. Вышеизложенное представлено в качестве предположительного объяснения на основе сохранившихся фрагментов доказательств способа наследования должности главного вождя ацтеков. Как видно, оно согласуется с индейскими обычаями и теорией о выборности индейского вождя.

Право смещения с должности вытекает как необходимое следствие из права избрания, где срок был пожизненным. Таким образом, оно превращается в должность на время хорошего поведения. В этих двух принципах избрания и смещения, повсеместно утвердившихся в социальной системе американских аборигенов, содержится достаточно доказательств того, что суверенная власть практически оставалась в руках народа. Это право смещения, хотя и редко применяемое, было жизненно важным в языческой организации. Монтесума не был исключением из правил. Для того чтобы прийти к такому результату, потребовалось время в силу особых обстоятельств дела, так как для этого была необходима веская причина. Когда Монтесума с помощью запугивания позволил увести себя из места своего проживания в покои Кортеса, где он был заключен под стражу, ацтеки на некоторое время оказались парализованными из-за отсутствия военачальника. Испанцы владели и человеком, и его должностью.²²⁸ Они ждали несколько недель, надеясь, что испанцы уйдут в отставку; но когда они обнаружили, что последние намерены остаться, то, как есть достаточные основания полагать, они справились с необходимостью, сместив Монтесуму за недостаток решимости, и избрали его брата на его место. Сразу же после этого они с большой яростью напали на испанские кварталы и в конце концов сумели изгнать их из пуэбло. Этот вывод относительно показаний Монтесумы полностью подтверждается изложением фактов Эррерой. После начала штурма Кортес, заметив, что ацтеки подчиняются новому командиру, сразу же заподозрил неладное и "послал Марину спросить Монтесуму, не думает ли он, что они передали власть в его руки"²²⁹, то есть в руки нового командира. Монтесума, как говорят, ответил, "что они не посмеют выбрать короля в Мексике, пока он жив".²³⁰ Тогда он вышел на крышу дома и обратился к своим соотечественникам, сказав, в частности, "что ему сообщили, что они выбрали другого короля, потому что он был в заточении и любил испанцев"; на что он получил следующий немилостивый ответ от ацтекского воина: "Не дергайся, негодяй, рожденный ткать и прясть; эти собаки держат тебя в плену, ты трус".²³¹ Тогда они выпустили в него стрелы и забросали камнями, от последствий чего и от глубокого унижения он вскоре умер. Военачальником, командовавшим ацтеками во время этого нападения, был Куитлауа, брат Монтесумы и его преемник.²³²

О функциях этой должности испанские писатели могут дать очень мало удовлетворительной информации. Нет никаких оснований полагать, что Монтесума обладал какой-либо властью над гражданскими делами ацтеков. Более того, все предположения говорят против этого. В военных делах, когда он находился на поле боя, он обладал полномочиями генерала; но военные движения, вероятно, решались советом. Интересным фактом является то, что к должности главного военачальника прилагались функции жреца и, как утверждается, судьи.²³³ Раннее появление этих функций в процессе естественного роста военной должности будет еще раз упомянуто в связи с должностью бацилея. Хотя правительство состояло из двух властей, вполне вероятно, что совет был верховным, в случае конфликта властей, над гражданскими и военными делами. Следует помнить, что совет вождей был самым древним по времени и обладал прочной основой власти, обусловленной потребностями общества и представительным характером должности вождя.

Сроки пребывания на посту главного военачальника и наличие совета с правом смещения с должности свидетельствуют о том, что институты ацтеков были по сути демократическими. Выборный принцип в отношении военачальника, который, как мы должны предположить, существовал в отношении сакхема и вождя, и наличие совета вождей определяют существенный факт. Чистая демократия афинского типа была неизвестна ни в нижнем, ни в среднем, ни даже в верхнем состоянии варварства; но очень важно знать, являются ли институты народа по сути демократическими или по сути монархическими, когда мы пытаемся понять их. Институты первого типа отделены от институтов второго почти так же

широко, как демократия от монархии. Не выяснив единицу их социальной системы, если она была организована в *gentes*, как это, вероятно, было, и не получив знаний о системе, которая действительно существовала, испанские писатели смело придумали для ацтеков абсолютную монархию с высокими феодальными характеристиками и преуспели в том, чтобы поместить ее в историю. Это заблуждение просуществовало, благодаря американскому бездействию, столько, сколько оно заслуживает. Организация ацтеков предстала перед испанцами как лига или конфедерация племен. Ничто, кроме грубейшего извращения очевидных фактов, не могло позволить испанским писателям создать из демократической организации ацтеков монархию.

Теоретически ацтеки, тескуканцы и тлакопанцы должны были иметь по отдельности главу-сакхема, который представлял бы племя в гражданских делах, когда совет вождей не заседал, и брал на себя инициативу в подготовке его работы. Следы такого должностного лица есть у ацтеков в племени *зиауакатль*, которого иногда называют вторым вождем, как вождя войны называют первым. Но доступная информация об этой должности слишком ограничена, чтобы обсуждать эту тему.

Среди ирокезов было показано, что воины могли выступать перед советом вождей и выражать свое мнение по государственным вопросам; и что женщины могли делать то же самое через ораторов по своему выбору. Такое участие народа в управлении со временем привело к созданию народного собрания, имеющего право принимать или отклонять государственные меры, представленные ему советом. Среди индейцев деревни нет никаких свидетельств, насколько известно автору, что существовало народное собрание для рассмотрения общественных вопросов с правом принятия решений по ним. Четыре рода, вероятно, собирались для решения специальных задач, но это сильно отличалось от общего собрания для решения государственных задач. Судя по демократическому характеру их институтов и развитому состоянию, ацтеки приближались к тому времени, когда можно было ожидать появления народного собрания.

Рост идеи правительства у американских аборигенов, как уже отмечалось, начался с рода и закончился конфедерацией. Их организации были социальными, а не политическими. Пока идея собственности не продвинулась далеко за пределы достигнутого ими уровня, замена политического общества на языческое была невозможна. Нет ни одного факта, свидетельствующего о том, что какая-либо часть аборигенов, по крайней мере в Северной Америке, достигла хоть какого-то представления о втором великом плане правительства, основанного на территории и собственности. Дух правительства и состояние народа гармонируют с институтами, под которыми он живет. Когда преобладает военный дух, как это было у ацтеков, военная демократия естественным образом возникает при языческих институтах. Такое правительство не вытесняет свободный дух народа и не ослабляет принципы демократии, а гармонично сочетается с ними.

ГЛАВА VIII. - ГРЕЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА.

Раннее состояние греческих племен.- Организация в генты.- Изменения в характере гентов.- Необходимость политической системы.- Проблема, которую нужно решить.- Образование государства.- Описание Гротом греческих гентов.- Их фратрии и племена.- Атрибуты гентов.- Схожесть с ирокезскими гентами. Должность вождя генов - выборная или наследственная.- Гены - основа социальной системы.- Древность гентильного рода.- Наследование имущества.- Архаическое и окончательное правление.- Отношения между членами генов.- Гены - центр социального и религиозного влияния.

Можно сказать, что цивилизация началась у азиатских греков с создания гомеровских поэм около 850 года до н. э., а у европейских греков - столетием позже, с создания поэм Гесиода. До этих эпох существовал период в несколько тысяч лет, в течение которого эллинские племена переживали поздний период варварства и готовились к вступлению на путь цивилизации. Согласно древнейшим преданиям, они уже обосновались на Греческом полуострове, на восточной границе Средиземноморья, а также на промежуточных и прилегающих островах. Более древняя ветвь того же рода, главными представителями которой были пеласги, предшествовала им в занятии большей части этих территорий и со временем была либо эллинизирована ими, либо вынуждена эмигрировать. О предшествующем состоянии эллинских племен и их предшественников следует судить по искусствам и изобретениям, которые они принесли с собой из предыдущего периода, по состоянию развития их языка, традиций и социальных институтов, которые в отдельных случаях сохранились до периода цивилизации. Наше обсуждение будет ограничено, в основном, последним классом фактов.

И пеласги, и эллины были организованы в генты, фратрии²³⁴ и племена; последние объединялись в нации. В некоторых случаях органический ряд не был полным. Будь то племена или нации, их управление опиралось на род как единицу организации, и в результате получалось языческое общество или народ, в отличие от политического общества или государства. Орудием управления был совет вождей при сотрудничестве с агорой, или народным собранием, и басилеем, или военачальником. Народ был свободным, а его институты - демократическими. Под влиянием развивающихся идей и желаний род перешел от своей архаической формы к более совершенной. Изменения были навязаны ему непреодолимыми требованиями улучшающегося общества; но, несмотря на сделанные уступки, неспособность *gentes* удовлетворить эти потребности постоянно становилась все более очевидной. Изменения сводились в основном к трем деталям: во-первых, происхождение было изменено на мужское; во-вторых, межродовые браки в роду разрешались в случае сирот и наследниц женского пола; в-третьих, дети получали исключительное право наследования имущества своего отца. В другом месте будет сделана попытка кратко проследить эти изменения и причины, которые их вызвали.

Эллины в целом были разрозненными племенами, представлявшими в своей форме правления те же черты, что и варварские племена в целом, когда они были организованы в генты и находились на той же стадии развития. Их состояние было именно таким, как можно было предположить при языческих институтах, и поэтому не представляет собой ничего примечательного.

Когда греческое общество впервые попало в поле зрения историков, около первой Олимпиады (776 г. до н. э.) и вплоть до законодательства Клизфена (509 г. до н. э.), оно было занято решением великой проблемы. Это было не что иное, как фундаментальное изменение плана правления, предполагающее значительную модификацию институтов. Народ

стремился выйти из языческого общества, в котором он жил с незапамятных времен, и перейти в политическое общество, основанное на территории и собственности, что стало необходимым для развития цивилизации. В общем, они стремились создать государство, первое в опыте арийской семьи, и поставить его на территориальный фундамент, который государство занимает с тех пор и по сей день. Древнее общество основывалось на организации людей и управлялось через отношения людей к роду и племени; но греческие племена переросли этот старый план управления и начали чувствовать необходимость политической системы. Для достижения этого результата нужно было только придумать дем или волость, очерченную границами, окрестить ее именем и организовать людей в ней как политическое тело. Городок, с находящейся в нем недвижимостью и населяющими его на данный момент людьми, должен был стать организационной единицей в новом плане управления. После этого *gentilis*, превратившийся в гражданина, будет рассматриваться государством через его территориальные отношения, а не через его личные отношения с родом. Он записывался в дем по месту жительства, что служило доказательством его гражданства; голосовал и облагался налогами в своем деде; из него же призывался на военную службу. Несмотря на кажущуюся простоту идеи, для ее реализации потребовались столетия времени и полный переворот ранее существовавших представлений о правительстве. Генс, который так долго был единицей социальной системы, как уже говорилось, оказался неадекватным требованиям развивающегося общества. Но отбросить эту организацию вместе с фратриями и племенами и заменить ее рядом фиксированных областей, каждая со своей общиной граждан, было, по природе дела, мерой чрезвычайно сложной. Отношения индивида к его роду, которые были личными, должны были быть перенесены в волость и стать территориальными; демарх волости занимал, в некотором смысле, место вождя рода. Волость с ее постоянным имуществом была постоянной, и люди в ней были в достаточной степени таковыми; в то время как род был колеблющейся совокупностью людей, более или менее разбросанных, и теперь становился неспособным к постоянному закреплению в местном окружении. До того, как греки и римляне сформировали концепцию и приступили к ее практическому применению, городок как единица политической системы был достаточно заумным, чтобы довести его до предела своих возможностей. Собственность была тем новым элементом, который постепенно переделывал греческие институты, подготавливая почву для политического общества, основой которого она должна была стать. Осуществить такое фундаментальное изменение, каким бы простым и очевидным оно ни казалось сейчас, было нелегко, ведь весь предыдущий опыт греческих племен был отождествлен с *gentes*, чьи полномочия должны были быть переданы новым политическим органам.

После первых попыток создания новой политической системы прошло несколько столетий, прежде чем проблема была решена. После того как опыт показал, что генты неспособны стать основой государства, в различных греческих общинах было опробовано несколько различных схем законодательства, которые в большей или меньшей степени копировали эксперименты друг друга, но все они приводили к одному и тому же результату. Среди афинян, из опыта которых будут взяты основные иллюстрации, можно упомянуть законодательство Тесея, основанное на традиции; законодательство Дракона (624 г. до н. э.); законодательство Солона (594 г. до н. э.); законодательство Клисфена (509 г. до н. э.), три последних из которых относятся к историческому периоду. Развитие муниципальной жизни и институтов, скопление богатства в городах, обнесенных стенами, и вызванные этим большие изменения в образе жизни подготовили почву для свержения языческого общества и установления на его месте политического общества.

Прежде чем попытаться проследить переход от языческого к политическому обществу, с которым связана завершающаяся история *gentes*, сначала будет рассмотрен греческий *gens* и его атрибуты.

Афинские институты типичны для греческих институтов в целом, во всем, что касается конституции рода и племени, вплоть до конца существования древнего общества среди них. В начале исторического периода ионийцы Аттики, как известно, были разделены на четыре племени (гелеонты, гоплиты, эгикоры и аргады), говорившие на одном диалекте и занимавшие общую территорию. Они объединились в нацию в отличие от конфедерации племен, но такая конфедерация, вероятно, существовала и в более ранние времена.²³⁵ Каждое аттическое племя состояло из трех фратрий, а каждая фратрия - из тридцати гентов, что в сумме составляло двенадцать фратрий и триста шестьдесят гентов в четырех племенах. Такова общая форма этого утверждения: факт остается неизменным в отношении количества племен и числа фратрий в каждом из них, но может меняться в отношении числа гентов в каждой фратрии. Таким же образом дорийцы обычно состояли из трех племен (гилеи, памфилы и диманы), хотя и образовывали несколько народностей, как в Спарте, Аргосе, Сикионе, Коринфе, Эпидавре и Трезене, а за пределами Пелопоннеса - в Мегаре и других местах. В некоторых случаях с ними объединялись одно или несколько недорийских племен, как в Коринфе, Сикионе и Аргосе.

Во всех случаях греческое племя предполагало *gentes*, родственные узы и диалект составляли основу, на которой они объединялись в племя; но племя не предполагало *phratry*, которая, будучи промежуточной организацией, хотя и была очень распространена среди всех этих племен, могла прерываться. В Спарте существовали подразделения племен, называемые *obês* (ὄβαι), каждое племя состояло из десяти, которые были аналогом фратрий; но относительно функций этих организаций существует некоторая неопределенность.²³⁶

Теперь мы рассмотрим афинские генты в их окончательной форме и в полной жизнеспособности, но с элементами зарождающейся цивилизации, перед которыми они уступали шаг за шагом, и которые должны были быть свергнуты вместе с созданной ими социальной системой. В некоторых отношениях это самая интересная часть истории этой удивительной организации, которая вывела человеческое общество из состояния дикости и провела его через варварство на ранние стадии цивилизации.

Социальная система афинян представляет собой следующие ряды: во-первых, род (γένος), основанный на родстве; во-вторых, фратрия (φράтра и φρατρία), братство родов, возникшее путем сегментации, вероятно, из первоначального рода; в-третьих, племя (φῦλον, позднее φυλή), состоявшее из нескольких фратрий, члены которых говорили на одном диалекте; и, в-четвертых, народ или нация, состоявшая из нескольких племен, объединенных путем слияния в одно языческое общество и занимавшая одну и ту же территорию. Этими целостными и восходящими организациями исчерпывалась социальная система под властью гентов, за исключением конфедерации племен, занимавших независимые территории, которая, хотя и возникала в некоторых случаях в ранний период и естественно вытекала из гентильных институтов, не привела ни к каким важным результатам. Вполне вероятно, что четыре афинских племени объединились до того, как объединились, причем последнее произошло уже после того, как они собрались на одной территории под давлением других племен. Если это так, то это в равной степени относится и к дорийцам, и к другим племенам. Когда такие племена объединялись в нацию, в языке не было термина для выражения этого результата, кроме национального названия. Римляне, при очень похожих институтах, называли себя *Populus Romanus*, что точно выражало факт. Тогда они были просто народом, и не более того; это было все, что могло получиться в результате

объединения *gentes*, *curiæ* и *tribes*. Четыре афинских племени образовали общество или народ, который стал полностью автономным в легендарный период под именем афинян. В ранних греческих общинах *gens phratry* и *tribe* были постоянными явлениями их социальных систем, иногда *phratry* отсутствовали.

Г-н Грот собрал основные факты, касающиеся греческих родов, с такой критичностью, что они не могут быть представлены в более авторитетной манере, чем на его родном языке, который будет процитирован там, где он рассматривает эту тему в целом. Прокомментировав племенное деление греков, он продолжает следующим образом: "Но фратрии и генты представляют собой совершенно иное распределение. Они представляют собой агрегацию мелких примитивных единиц в более крупные; они не зависят от племени и не предполагают его; они возникают отдельно и спонтанно, без заранее установленного единообразия и без связи с общей политической целью; законодатель находит их уже существующими и приспособливает или изменяет их в соответствии с какой-то национальной схемой. Мы должны отличать общий факт классификации и последовательного соподчинения в шкале: семьи - роду, генты - фратрии, фратрии - племени - от точной числовой симметрии, с которой это соподчинение вложено, как мы читаем, - тридцать семей - роду, тридцать гентов - фратрии, три фратрии - каждому племени. Если бы такое приятное равенство чисел когда-либо было достигнуто законодательным принуждением, действующим на уже существующие природные элементы, пропорции не могли бы сохраняться постоянно. Но мы можем обоснованно сомневаться в том, что это когда-либо существовало..... То, что каждая фратрия содержала равное число гентов, а каждый генс - равное число семей, - предположение, едва ли допустимое без более веских доказательств, чем те, которыми мы располагаем. Но помимо этой сомнительной точности численного масштаба, сами фратрии и генты были реальными, древними и долговечными объединениями афинского народа, которые очень важно понять. Основой всего этого был дом, очаг, или семья, - число которых, большее или меньшее, составляло генс или генос. Таким образом, генс представлял собой клан, септ или расширенное, а отчасти и фактическое братство, связанное воедино: 1. Общими религиозными церемониями и исключительной привилегией жречества в честь одного и того же бога, предполагаемого первопредка и характеризуемого особой фамилией. 2. Общее место захоронения.²³⁷ 3. Взаимными правами наследования имущества. 4. По взаимным обязательствам помощи, защиты и возмещения ущерба. 5. Взаимным правом и обязанностью вступать в брак в некоторых определенных случаях, особенно если имела дочь-сирота или наследница. 6. Владение, по крайней мере в некоторых случаях, общим имуществом, архонтом и казначеем. Таковы были права и обязанности, характерные для языческого союза. Фратрийский союз, связывавший несколько родов, был менее тесным, но все же включал некоторые взаимные права и обязанности аналогичного характера; в частности, общение определенных священных обрядов и взаимные привилегии преследования в случае убийства фратора. Каждая фратрия считалась принадлежащей к одному из четырех племен, и все фратрии одного племени имели определенное периодическое общение священных обрядов под председательством магистрата, называемого фило-басилеем или царем племени, выбранным из евпатридов".²³⁸

Сходство между греческим и ирокезским родами сразу же бросается в глаза. Также будут заметны различия в характеристиках, обусловленные более развитым состоянием греческого общества и более полным развитием его религиозной системы. Нет необходимости подтверждать существование нескольких признаков, присущих роду, названному г-ном Гротом, так как доказательства этого очевидны в классических источниках. Были и другие характеристики, которые, несомненно, относились к греческим родам, хотя, возможно, трудно установить существование всех из них; такие как: 7.

Ограничение происхождения по мужской линии; 8. Запрет на межродовые браки в роду, за исключением наследниц; 9. Право принимать в род чужаков; и 10. Право избирать и смещать своих вождей.

Права, привилегии и обязанности членов греческого рода можно перечислить с учетом названных дополнений следующим образом:

- I. *Общие религиозные обряды.*
- II. *Общее место погребения.*
- III. *Взаимные права наследования имущества умерших членов.*
- IV. *Взаимные обязательства по оказанию помощи, защите и возмещению ущерба.*
- V. *Право на вступление в брак в роду в случае дочерей-сирот и наследниц.*
- VI. *Владение общим имуществом, архонт и казначей.*
- VII. *Ограничение происхождения по мужской линии.*
- VIII. *Обязанность не вступать в брак в роду, за исключением особо оговоренных случаев.*
- IX. *Право усыновлять чужаков в род.*
- X. *Право избирать и смещать своих вождей.*

Следует сделать краткую ссылку на дополнительные характеристики.

7. *Ограничение происхождения по мужской линии.* Нет сомнений, что таково было правило, поскольку оно подтверждается их генеалогиями. Я не смог найти ни у одного греческого автора определение *gens* или *gentilis*, которое бы давало достаточный критерий для определения права того или иного человека на связь с язычниками. Цицерон, Варро и Фест дали определения римских *gens* и *gentilis*, которые были строго аналогичны греческим, с достаточной полнотой, чтобы показать, что происхождение происходило по мужской линии. Судя по природе *gens*, происхождение шло либо по женской линии, либо по мужской, и включало лишь часть потомков основателя. Это в точности похоже на семью между нами. Те, кто происходит от мужчин, носят фамилию, и они составляют род в полном смысле этого слова, но в состоянии рассеяния, и без каких-либо уз, кроме ближайших по степени родства. Женщины теряют с замужеством фамилию и вместе с детьми переходят в другую семью". Гроте отмечает, что Аристотель был "сыном врача Никомаха, который принадлежал к роду Асклепиадов".²³⁹ Принадлежал ли Аристотель к роду своего отца, зависит от дальнейшего вопроса о том, вели ли они оба свое происхождение от Эскулапия исключительно через мужчин. На это указывает Лаэций, который утверждает, что "Аристотель был сыном Никомаха... а Никомах происходил от Никомаха, сына Махаона, сына Эскулапа".²⁴⁰ Хотя высшие члены серии могут быть сказочными, способ прослеживания происхождения покажет род человека. Утверждение Германа, опирающегося на авторитет Исея, также соответствует действительности. "Каждый младенец регистрировался во фратрии и роде (*γένος*) своего отца".²⁴¹ Регистрация в роду отца подразумевает, что его дети принадлежали к его роду.

8. *Обязательство не вступать в брак в роду, за исключением особых случаев.* Это обязательство может быть выведено из последствий брака. Жена, выходя замуж, теряла религиозные обряды своего рода и приобретала обряды рода своего мужа. Это правило сформулировано настолько общо, что подразумевает, что брак обычно заключался вне рода. "Девственница, покидающая отчий дом, - замечает Вахсмут, - больше не является причастной к отцовскому жертвенному очагу, а вступает в религиозное общение со своим мужем, и это придавало святость брачному союзу".²⁴² Факт ее регистрации Герман излагает

следующим образом: "Каждая новобрачная женщина, сама будучи гражданкой, записывалась таким образом во фратрии своего мужа".²⁴³ Особые религиозные обряды (*sacra gentilitia*) были распространены в греческих и латинских родах. Утрачивала ли жена свои агнатические права в результате брака, как у римлян, я не могу сказать. Маловероятно, что брак разрывал всякую связь с родом, и жена, несомненно, по-прежнему считала себя принадлежащей к роду своего отца.

Запрет на межродовые браки был основополагающим в архаический период; он, несомненно, сохранился и после того, как происхождение перешло на мужскую линию, за исключением наследниц и сирот женского пола, для которых были приняты особые меры. Хотя тенденция к свободным бракам, выходящим за пределы определенных степеней кровосмешения, последовала бы за полным установлением моногамной семьи, правило, предписывающее людям вступать в брак из своего рода, должно было сохраняться до тех пор, пока род был основой социальной системы. Особое положение, касающееся наследниц, подтверждает это предположение. Беккер замечает по этому поводу, что "родство, с незначительными ограничениями, не было препятствием для брака, который мог иметь место во всех степенях [*ἀγχιστεία* Greek: *agchisteia*], или *συγγένεια*, хотя, естественно, не в самом [*γένος* Greek: *genos*]"²⁴⁴

9. *Право принимать в род чужаков.* Это право стало практиковаться позднее, по крайней мере, в семьях; но это делалось с соблюдением публичных формальностей и, несомненно, ограничивалось особыми случаями.²⁴⁵ Чистота рода стала предметом особой заботы в аттических гентах, что, несомненно, создавало серьезные препятствия для использования этого права, за исключением веских причин.

10. *Право избирать и смещать своих вождей.* Это право, несомненно, существовало в греческих гентах в ранний период. Предположительно, они обладали им, находясь в верхнем состоянии варварства. Каждый род имел своего архонта (*ἄρχων*), что было общим названием для вождя. Была ли эта должность выборной, например, в гомеровский период, или передавалась по наследственному праву старшему сыну - вопрос спорный. Последний вариант не был древней теорией должности; и столь значительное и радикальное изменение, затрагивающее независимость и личные права всех членов рода, требует положительных доказательств, чтобы преодолеть презумпцию против него. Наследственное право на должность, несущее с собой власть над членами рода и обязательства перед ними, - это совсем другое дело, чем должность, даруемая свободным избранием с сохранением права сместить за недостойное поведение. Свободный дух афинских родов вплоть до времен Солона и Клисфена не допускает предположения, что они расстались с правом, столь важным для независимости членов рода. Я не смог найти никакого удовлетворительного объяснения тому, как передавалась эта должность. Наследственное преемство, если бы оно существовало, свидетельствовало бы о значительном развитии аристократического элемента в древнем обществе, в нарушение демократической конституции *gentes*. Более того, это было бы признаком начала, по крайней мере, их упадка. Все члены рода были свободны и равны, богатые и бедные пользовались равными правами и привилегиями и признавали то же самое друг в друге. Мы находим свободу, равенство и братство, написанные так же ясно в конституции афинских родов, как и в конституции ирокезов. Наследственное право на главный пост в роду совершенно не соответствует более древней доктрине равных прав и привилегий.

Вопрос о том, передавались ли высшие должности анакса, койраноса и басилея по наследственному праву от отца к сыну, или они были выборными или подтверждались более широким кругом избирателей, также остается открытым. Он будет рассмотрен в другом

месте. Первый вариант свидетельствует о подрыве, а второй - о сохранении языческих институтов. При отсутствии убедительных доказательств обратного любая презумпция свидетельствует против наследственного права. Некоторый дополнительный свет на эту тему будет получен при рассмотрении римских *gentes*. Тщательное повторное расследование вопроса о пребывании на этой должности, не исключено, существенно изменит полученные сведения.

Можно с уверенностью утверждать, что греческие генты обладали десятью основными признаками. Все, кроме трех, а именно: происхождение по мужской линии, вступление в брак с родом в случае наследниц и возможная передача высшей военной должности по наследственному праву, - с небольшими вариациями встречаются в гентах ирокезов. Таким образом, становится очевидным, что и греческие, и ирокезские племена обладали одним и тем же первоначальным институтом *gentes*, причем у одних *gens* существовал в поздней, а у других - в архаичной форме.

Возвращаясь к цитате из г-на Гроте, можно отметить, что если бы он был знаком с архаичной формой *gens* и несколькими формами семьи до моногамии, он, вероятно, существенно изменил бы некоторые части своего утверждения. Исключение должно быть сделано для его утверждения, что основой социальной системы греков "был дом, очаг или семья". Форма семьи в сознании выдающегося историка, очевидно, была римской, под железным правлением *pater familias*, к которой греческая семья гомеровского периода приближалась в полном господстве отца над домашним хозяйством. Это было бы столь же несостоятельно, если бы имелись в виду другие и более ранние формы семьи. По своему происхождению *gens* старше моногамной семьи, старше синдиасмической и в значительной степени современен пуналуанской. Он ни в коем случае не был основан ни на том, ни на другом. Она не признает существование семьи любой формы как составной части самой себя. Напротив, каждая семья как в архаический, так и в более поздний период частично входила в *gens*, а частично не входила в него, поскольку муж и жена должны принадлежать к разным *gentes*. Объяснение этому простое и полное: семья возникает независимо от рода, имея полную свободу переходить от низшей формы к высшей, в то время как род остается неизменным и является единицей социальной системы. Род вошел целиком во фратрию, фратрия вошла целиком в племя, а племя вошло целиком в нацию; но семья не могла войти целиком в род, потому что муж и жена должны принадлежать к разным родам.

Затронутый здесь вопрос очень важен, поскольку не только г-н Грот, но и Нибур, Тирлуолл, Мэн, Моммзен и многие другие способные и острые исследователи заняли ту же позицию в отношении моногамной семьи патриархального типа как целого, вокруг которого интегрировалось общество в греческой и римской системах. Ничто не основывалось на семье в любой ее форме, потому что она была неспособна войти в *gens* как целое. Род был однородным и в значительной степени постоянным по продолжительности и как таковой являлся естественной основой социальной системы. Семья моногамного типа могла стать индивидуализированной и влиятельной в роду и в обществе в целом; но род, тем не менее, не признавал и не мог признавать семью как целое и зависеть от нее. Те же замечания справедливы и в отношении современной семьи и политического общества. Хотя семья индивидуализирована имущественными правами и привилегиями и признана в качестве юридического лица законодательным путем, она не является ячейкой политической системы. Государство признает графства, из которых оно состоит, графства - волости, но волость не принимает во внимание семью; так и нация признает свои племена, племена - фратрии, а фратрии - генты, но генты не принимают во внимание семью. Рассматривая структуру общества, следует учитывать только органические отношения. Волость стоит в том

же отношении к политическому обществу, что и гены к языческому. Каждый из них является единицей системы.

Мистер Грот сделал ряд ценных замечаний о греческих гентах, которые я хотел бы включить в свое изложение; хотя эти замечания, кажется, подразумевают, что они не старше существовавшей тогда мифологии или иерархии богов, от членов которой, как утверждали некоторые генты, произошел их одноименный предок. В свете представленных фактов становится ясно, что генты существовали задолго до того, как была разработана эта мифология - до того, как Юпитер или Нептун, Марс или Венера были придуманы человеческим разумом.

Г-н Грот продолжает: "Таким образом, примитивный религиозный и социальный союз населения Аттики в его постепенно возрастающем масштабе отличался от политического союза, вероятно, более позднего, представленного сначала триттиями и наукрациями, а в последующие времена - десятью клейстенскими племенами, подразделявшимися на триттии и демы. Религиозные и семейные узы объединения являются более ранними из двух; политические же узы, хотя и начались позже, приобретают постоянно растущее влияние на протяжении большей части этой истории. В первом случае личные отношения являются основной и преобладающей характеристикой - местные отношения являются подчиненными: во втором случае собственность и место жительства становятся главными соображениями, а личный элемент имеет значение только в том случае, если он измеряется вместе с этими сопутствующими элементами. Все эти братские и языческие объединения, как крупные, так и более мелкие, были основаны на одних и тех же принципах и тенденциях греческого сознания - слиянии идеи поклонения с идеей предков или причастия к определенным особым религиозным обрядам с кровным общением, реальным или предполагаемым. Бог или герой, которому собравшиеся приносили свои жертвы, воспринимался как первобытный предок, которому они обязаны своим происхождением; часто через длинный список промежуточных имен, как в случае с милезийским Гекатеем, о котором так часто упоминалось ранее. У каждой семьи были свои священные обряды и похороны поминания предков, отмечаемые хозяином дома, на которые не допускались никто, кроме членов семьи..... Более крупные объединения, называемые gens, phratry, tribe, были сформированы по продолжению того же принципа - семья рассматривалась как религиозное братство, поклоняющееся какому-то общему богу или герою с соответствующей фамилией и признающее его своим общим предком; и праздник Феонии и Апатурии (первый аттический, второй общий для всей ионийской расы) ежегодно собирал членов этих phratries и gentes для поклонения, празднеств и поддержания особых симпатий; таким образом укрепляя более крупные связи без стирания более мелких..... Но историк должен принимать в качестве окончательного факта самое раннее положение вещей, о котором ему сообщают свидетели, а в рассматриваемом нами случае союзы язычников и фратрий - это вопросы, в начало которых мы не можем претендовать на проникновение".²⁴⁶

"Гентилы как в Афинах, так и в других частях Греции носили патронимические имена, печать их предполагаемого общего отцовства.²⁴⁷ ... Но в Афинах, по крайней мере после революции Клейстенеа, имя генти не использовалось: человек описывался своим собственным именем, за которым следовало имя его отца, а затем имя дема, к которому он принадлежал, - например, *Эсхинес, сын Атромека, котокид*..... Род представлял собой тесную инкорпорацию, как в отношении имущества, так и в отношении людей. До времен Солона ни один человек не имел права завещательного распоряжения. Если он умирал, не имея детей, его геннеты наследовали его имущество, и так продолжалось даже после Солона, если он умирал завещателем. Девочка-сирота могла быть выдана замуж по праву

любого члена рода, причем предпочтение отдавалось ближайшим родственникам; если была бедна, и он не решал жениться на ней сам, закон Солона обязывал его обеспечить ее приданым, пропорциональным его зачисленной шкале имущества, и выдать ее замуж за другого..... Если человека убивали, то сначала его ближайшие родственники, а затем его геннеты и фраторы имели право и требовали преследовать преступление по закону; в то время как его товарищи по дему, или жители того же дема, не обладали подобным правом преследования. Все, что мы слышим о древнейших афинских законах, основано на делении на язычников и фраторов, которые рассматриваются как продолжение семьи. Следует заметить, что это деление совершенно не зависит от имущественного ценза - в один род включались как богатые, так и бедные. Более того, различные роды были очень неравными по своему достоинству, что объясняется, главным образом, религиозными церемониями, которыми каждый из них владел по наследству и исключительно управлял, и которые, будучи в некоторых случаях считающимися первостепенной святыней для всего города, были поэтому национализированы. Так, Эвмолпиды и Крики, обеспечивавшие иерофанта и распорядителя мистерий Элевсинского культа, и Бутадаэ, обеспечивавшие жрицу Атхнка Полиаса, а также жреца Посейдона Эрехтея в Акрополе, похоже, почитались выше всех других родов".²⁴⁸

Г-н Грот говорит о роде как о продолжении семьи и как о предполагающем ее существование; рассматривая семью как первичную, а род - как вторичный. Эта точка зрения, по указанным причинам, несостоятельна. Эти две организации основаны на разных принципах и независимы друг от друга. Род охватывает только часть потомков предполагаемого общего предка и исключает остальных; он также охватывает только часть семьи и исключает остальных. Чтобы стать составной частью gens, семья должна целиком войти в его лоно, что было невозможно в архаический период и конструктивно только в более поздний. В организации языческого общества род является первичным, составляя одновременно основу и единицу системы. Семья также первична и старше рода; пуналуанские и кровосмесительные семьи уступили ей в порядке времени; но она не была членом органического ряда в древнем обществе в той же степени, что и в современном.

Генс существовал в арийской семье, когда латинские, греческие и санскритоязычные племена были одним народом, о чем свидетельствует наличие в их диалектах одного и того же термина (*gens*, [γένος Greek: *genos*] и *ganas*) для выражения организации. Они заимствовали его от своих варварских предков, а еще отдаленнее - от своих диких прародителей. Если арийская семья стала дифференцированной уже в средний период варварства, что представляется вероятным, то генс должен был передаваться им в своей архаичной форме. После этого события и в течение длительных периодов времени, прошедших между отделением этих племен друг от друга и началом цивилизации, должны были произойти те изменения в конституции рода, которые были отмечены гипотетически. Невозможно представить себе, чтобы род впервые появился в любой другой форме, кроме архаичной; следовательно, греческий род должен был изначально находиться в этой форме. Если же удастся найти причины, способные объяснить столь значительное изменение происхождения, как переход от женской линии к мужской, аргументация будет полной, хотя в конечном итоге она привела к появлению в роду новой группы родственников вместо старой. Рост идеи собственности и развитие моногамии послужили достаточно сильными мотивами, чтобы потребовать и добиться этого изменения, чтобы ввести детей в род отца и участвовать в наследовании его имущества. Моногамия обеспечивала отцовство детей, что было неизвестно при учреждении *gens*, и исключение детей из наследования стало невозможным. Перед лицом новых обстоятельств генс был вынужден перестроиться или распасться. Когда генс ирокезов, каким он был в нижнем статусе варварства, ставится рядом

с генсом греческих племен, каким он был в верхнем статусе, невозможно не заметить, что это одна и та же организация, одна в своей архаической, а другая в своей высшей форме. Различия между ними - это именно те различия, которые были бы навязаны роду потребностями человеческого прогресса.

Наряду с этими мутациями в конституции рода происходят параллельные мутации в правилах наследования. Имущество, всегда наследственное в роду, сначала было наследственным среди язычников; во-вторых, наследственным среди агнатов, за исключением остальных язычников; и теперь, в-третьих, наследственным среди агнатов в порядке их близости к умершему, что давало исключительное наследование детям как ближайшим агнатам. Упорство, с которым до времен Солона сохранялся принцип, что имущество должно оставаться в роду умершего владельца, иллюстрирует жизнеспособность организации на протяжении всех этих периодов. Именно это правило заставляло наследницу выходить замуж в своем роду, чтобы предотвратить передачу имущества в результате ее брака в другой род. Когда Солон разрешил владельцу имущества распоряжаться им по завещанию, если у него не было детей, он сделал первое наступление на имущественные права родов.

Вопрос о том, насколько близкими родственниками были члены одного рода и были ли они родственниками вообще, не раз поднимался. Г-н Грот заметил, что "Поллукс ясно сообщает нам, что члены одного и того же рода в Афинах не были обычно связаны кровным родством, - и даже без каких-либо прямых свидетельств мы могли бы заключить, что так оно и было". В какой степени род в неизвестную эпоху его формирования основывался на фактическом родстве, мы не можем определить ни в отношении афинского, ни в отношении римского рода, которые в основных моментах были аналогичны. Джентилизм - это связь сама по себе, отличная от семейных уз, но предполагающая их существование и расширяющая их с помощью искусственной аналогии, частично основанной на религиозной вере, частично на позитивном договоре, чтобы охватить чужих по крови людей. Все члены одного рода или даже одной фратрии считали себя происходящими не то чтобы от одного деда или прадеда, но от одного божественного или героического предка..... И это фундаментальное убеждение, в которое с такой легкостью погрузился греческий ум, было принято и преобразовано позитивным договором в языческий и фратрийский принцип объединения..... Несомненно, Нибур, в своем ценном обсуждении древнеримских gentes, прав, полагая, что они не были настоящими семьями, произошедшими от какого-либо общего торического предка. Тем не менее, не менее верно (хотя он, кажется, полагает иначе), что идея рода подразумевала веру в общего первого отца, божественного или героического - генеалогию, которую мы можем правильно назвать сказочной, но которая была освящена и аккредитована среди членов самого рода; и служила одной из важных уз союза между ними..... Естественные семьи, конечно, менялись из поколения в поколение, некоторые из них расширялись, а другие уменьшались или вымирали; но род не претерпевал никаких изменений, кроме как через порождение, вымирание или разделение этих составных семей. Таким образом, отношения семей с родом находились в постоянном движении, и генеалогия предков язычников, приспособленная, несомненно, к раннему состоянию рода, со временем частично устарела и стала непригодной. Мы слышим об этой генеалогии нечасто, потому что она предстает перед публикой только в некоторых случаях, когда речь идет о выдающихся и почтенных людях. Но у более скромных родов были свои общие обряды, общий сверхчеловеческий предок и генеалогия, так же как и у более знаменитых: схема и идеальная основа были одинаковыми у всех".²⁴⁹

Несколько утверждений Поллукса, Нибура и Гроте верны в определенном смысле, но не абсолютно. Родословная рода восходит к признанному предку, и поэтому у древних родов не

могло быть известного прародителя; факт кровной связи также не мог быть доказан их системой кровосмешения; тем не менее, язычники не только *верили* в свое общее происхождение, но и были оправданы в этом. Система кровосмешения, которая в своей архаичной форме относилась к роду и которой, вероятно, когда-то обладали греки, сохраняла знание о родстве всех членов рода друг с другом. Как я постараюсь показать в другом месте, с появлением моногамной семьи это стало неактуальным. Имя язычника создавало родословную, по сравнению с которой родословная семьи была незначительной. Функция этого имени заключалась в сохранении факта общего происхождения тех, кто его носил; но родословная *gens* была настолько древней, что ее члены не могли доказать фактическое родство судов, существующее между ними, за исключением ограниченного числа случаев через недавних общих предков. Само имя служило доказательством общего происхождения и было неоспоримым, за исключением случаев, когда оно могло прерваться в результате усыновления чужаков по крови в предыдущей истории рода. Практическое отрицание Поллуксом и Нибуром всякого родства между членами рода, которое превратило бы род в чисто фиктивную ассоциацию, не имеет под собой никаких оснований. Большая часть членов могла доказать свое родство через происхождение от общих предков внутри рода, а для остальных языческое имя, которое они носили, было достаточным доказательством общего происхождения для практических целей. Греческий род обычно не был большим по численности. Тридцать семей в роду, не считая жен глав семейств, давали, по общепринятому правилу подсчета, в среднем сто двадцать человек в роду.

Будучи единицей органической социальной системы, *генс*, естественно, становился центром социальной жизни и деятельности. Он был организован как социальное тело, со своим архонтом или вождем и казначеем, имел общие земли, общее место погребения и общие религиозные обряды. Кроме того, существовали права, привилегии и обязанности, которые *генс* предоставлял и налагал на всех своих членов. Именно в генах зародилась религиозная деятельность греков, которая распространилась на фратрии и достигла кульминации в периодических праздниках, общих для всех племен. Эта тема была прекрасно рассмотрена М. де Куланжем в его недавней работе "Древний город".

Чтобы понять состояние греческого общества, предшествующее образованию государства, необходимо знать конституцию и принципы греческого рода; ведь характер единицы определяет характер ее соединений в восходящем ряду и только он может дать средства для их объяснения.

ГЛАВА IX. - ГРЕЧЕСКАЯ ФРАТРИЯ, ПЛЕМЯ И НАРОД.

Афинская фратрия.-Как образовалась.-Определение Дикеарха.-Цели главным образом религиозные.-Фратрия.-Племя.-Состоящее из трех фратрий.-Фило-базилея.-Нация.-Состоящая из четырех племен.-Була, или совет вождей.-Агора, или собрание народа.-Базилея.-Срок полномочий.-Военные и жреческие функции.-Гражданские функции не показаны.-Правительства героического века, военные демократии.-Определение базилея у Аристотеля.-Позднеафинская демократия.-Унаследована от гентов.-Оказала сильное влияние на развитие Афин.

Фратрия, как мы видели, была второй ступенью организации в греческой социальной системе. Она состояла из нескольких родов, объединенных для достижения общих для всех целей, особенно религиозных. Его естественной основой были родственные узы, так как генты во фратрии, вероятно, были подразделениями одного из первоначальных родов, и

знание этого факта сохранилось в традиции. "Все современные члены фратрии Гекатеуса, - замечает г-н Грот, - имели общего бога в качестве своего предка в шестнадцатой степени"²⁵⁰, что не могло бы быть утверждено, если бы несколько родов, входящих во фратрию Гекатеуса, не предполагались как происходящие путем сегментации от первоначального рода. Эта генеалогия, хотя и частично сказочная, должна была быть прослежена в соответствии с языческими обычаями. Дикеарх предполагал, что практика некоторых родов снабжать друг друга женами привела к организации фратрии для исполнения общих религиозных обрядов.

Это правдоподобное объяснение, поскольку такие браки привели бы к смешению крови гентов. Напротив, генты, образовавшиеся со временем в результате разделения рода и последующих подразделений, дали бы всем общую родословную и сформировали бы естественную основу для их повторной интеграции во фратрию. Как таковая фратрия была бы естественным ростом, и только в этом качестве она может быть объяснена как языческий институт. Объединенные таким образом язычники были братскими язычниками, а само объединение - братством, как и предполагает термин.

Стефан Византийский сохранил фрагмент Дикеарха, в котором предлагается объяснение происхождения *gens*, *phratry* и *tribe*. Ни в отношении одного из этих понятий оно не является достаточно полным, чтобы можно было дать определение; но оно ценно как признание трех стадий организации в древнегреческом обществе. Он использует *patry* (πάτρῳ) вместо *gens* (γένος), как это делал Пиндар в ряде случаев и иногда Гомер. Этот отрывок можно перевести: "Патрий - одна из трех форм социального союза у греков, согласно Дикеарху, которые мы называем соответственно патрием, фратрией и племенем. Патрия возникает, когда отношения, первоначально одиночные, переходят во вторую стадию [отношения родителей с детьми и детей с родителями], и получает свой эпоним от старейшего и главного члена патрии, как Айсидас, Пелопидас".

"Но это стало называться фатрией и фратрией, когда некоторые из них отдавали своих дочерей замуж в другую патрицию. Ибо женщина, выданная замуж, уже не участвовала в священных обрядах отца, а записывалась в патриархию мужа; так что для союза, прежде существовавшего на основе привязанности между сестрами и братьями, был создан другой союз, основанный на общности религиозных обрядов, который они называли фратрия; и так что опять-таки, если патриархия возникла, как мы уже говорили, из кровного родства между родителями и детьми, детьми и родителями, то фратрия возникла из родства между братьями."

"Племя же и соплеменники были названы так от объединения в общины и народы, так называемые, ибо каждое из объединяющихся тел называлось племенем".²⁵¹

Следует заметить, что брак вне рода здесь признается как обычай, и что жена записывалась в род, а не во фратрию своего мужа. Дикеарх, ученик Аристотеля, жил в то время, когда род существовал в основном как родословная отдельных лиц, а его полномочия были переданы новым политическим органам. Он выводил происхождение *gens* из первобытных времен; но его утверждение о том, что фратрия возникла на основе брачных обычаев *gentes*, хотя оно, несомненно, верно в отношении практики, является лишь мнением о происхождении организации. Межродовые браки с общими религиозными обрядами могли бы скрепить брачный союз; но более удовлетворительную основу фратрии можно найти в общей родословной гентов, из которых она состояла. Следует помнить, что генты имеют историю, проходящую через три подпериода варварства в предыдущий период дикости,

предшествующий существованию даже арийских и семитских семей. Было показано, что фратрия появилась у американских аборигенов в нижнем периоде варварства; в то время как греки были знакомы только с той частью своей прежней истории, которая относилась к верхнему периоду варварства.

Г-н Грот не пытается определить функции фратрии, за исключением общих. Они, несомненно, носили в основном религиозный характер; но, вероятно, проявлялись, как у ирокезов, при погребении мертвых, на общественных играх, религиозных праздниках, советах и народных агорах, где вожди и люди объединялись по фратриям, а не по гентам. Естественным образом это проявлялось и в расстановке военных сил, памятный пример которой приведен Гомером в обращении Нестора к Агамемнону.²⁵² "Раздели войска по племенам и по фратриям, Агамемнон, чтобы фратрии поддерживали фратрии, а племена - племена (κρί ν' ἄνδρας κατὰ φύλα, κατὰ φρήτρας, Ἀγάμεμνον, ὥς φρήτρη φρήτρηφιν ἄρήγη, φύλα δὲ φύλοις). Если ты поступишь таким образом, и греки подчинятся, то ты узнаешь, кто из командиров и кто из солдат трус, а кто может быть храбрым, ибо они будут сражаться изо всех сил." Число представителей одного рода в военном отряде было бы слишком мало, чтобы брать его за основу при организации армии; но более крупные совокупности фратрий и племен были бы достаточны. Из совета Нестора можно сделать два вывода: во-первых, что организация армий по фратриям и племенам уже перестала быть общепринятой; во-вторых, что в древности это был обычный план организации армии, знание о котором не исчезло. Мы видели, что тласкаланцы и ацтеки, находившиеся в среднем состоянии варварства, организовывали и рассылали свои военные отряды по фратриям, что в их условиях было, вероятно, единственным способом организации военной силы. Древние германские племена организовывали свои армии для сражений по схожему принципу.²⁵³ Интересно отметить, насколько тесно племена человечества были связаны с теорией их общественного устройства.

Обязанность кровной мести, которая впоследствии превратилась в обязанность преследовать убийцу в судебном порядке, лежала прежде всего на роде убитого; но ее разделяла и фратрия, и она стала фратрийской обязанностью.²⁵⁴ В "Эвменидах" Эсхила Эринний, рассказав об убийстве Орестом своей матери, задает вопрос: "Какая люстральная вода его фраторов ожидает его?"²⁵⁵, что, по-видимому, подразумевает, что если преступник избежал наказания, то окончательное очищение совершалось его фратрией, а не родом. Более того, распространение обязательства с рода на фратрию подразумевает общую родословную всех родов во фратрии.

Поскольку фратрия занимала промежуточное положение между родом и племенем и не была наделена правительственными функциями, она была менее фундаментальной и менее важной, чем любая из других; но она была общей, естественной и, возможно, необходимой стадией реинтеграции между ними. Если бы удалось получить подробные сведения о социальной жизни греков в тот ранний период, то, вероятно, феномены были бы сосредоточены во фратриальной организации гораздо заметнее, чем позволяют предположить наши скудные записи. Вероятно, она обладала большей силой и влиянием, чем обычно приписывают ей как организации. Среди афинян она пережила свержение гентов как основа системы и сохранила при новой политической системе определенный контроль над регистрацией граждан, записью браков и преследованием убийцы фратора в суде.

Принято говорить о четырех афинских племенах, разделенных на три фратрии, а о каждой фратрии - на тридцать гентов; но это лишь для удобства описания. Народ, живущий под властью языческих институтов, не делится на симметричные подразделения и подгруппы.

Естественный процесс их формирования был прямо противоположен этому методу; генты распадались на фратрии, а в конечном итоге - на племена, которые объединялись в общество или народ. Каждый из них был естественным ростом. То, что число гентов в каждой афинской фратрии составляло тридцать, - замечательный факт, не поддающийся объяснению естественными причинами. Достаточно сильный мотив, например, стремление к симметричной организации фратрий и племен, мог привести к разделению гентов по согласию, пока их число в каждой фратрии не достигло тридцати; а если число в племени превышало норму, то к объединению родственных гентов, пока их число не сократилось до тридцати. Более вероятным способом было бы принятие во фратрии чужих гентов, нуждающихся в увеличении численности. Имея определенное число племен, фратрий и гентов за счет естественного роста, можно было бы, таким образом, обеспечить сведение двух последних к единообразию в четырех племенах. Когда пропорция была приведена к тридцати гентам во фратрии и трем фратриям в племени, она могла легко сохраняться на протяжении веков, за исключением, возможно, количества гентов в каждой фратрии.

Религиозная жизнь греческих племен имела своим центром и источником генты и фратрии. Следует полагать, что в этих организациях и через них была усовершенствована та удивительная политеистическая система, с ее иерархией богов, символами и формами поклонения, которая произвела столь сильное впечатление на умы классического мира. В немалой степени эта мифология вдохновила великие достижения легендарного и исторического периодов и породила тот энтузиазм, который привел к появлению храмовой и декоративной архитектуры, которой так восхищается современный мир. Некоторые религиозные обряды, зародившиеся в этих социальных группах, были национализированы из высшей святости, которой они, как предполагалось, обладали; таким образом, показано, в какой степени генты и фратрии были питомниками религии. События этого необычного периода, самого насыщенного во многих отношениях в истории арийской семьи, в основном потеряны для истории. Легендарные генеалогии и повествования, мифы и фрагменты поэзии, заканчивающиеся гомеровскими и гесиодовскими поэмами, составляют его литературные остатки. Но их институты, искусства, изобретения, мифологическая система, одним словом, суть цивилизации, которую они создали и принесли с собой, стали тем наследием, которое они внесли в новое общество, которое им было суждено основать. История этого периода еще может быть реконструирована на основе этих различных источников знаний, воспроизводя основные черты языческого общества, как они выглядели незадолго до учреждения политического общества.

Как у рода был свой архонт, который исполнял обязанности священника в религиозных обрядах рода, так и у каждой фратрии был свой фратрия (φρατρίαρχος), который председательствовал на ее собраниях и исполнял ее религиозные обряды. "Фратрия, - отмечает М. де Куланж, - имела свои собрания и трибуналы и могла принимать постановления. В ней, так же как и в семье, существовали бог, жречество, судебный трибунал и правительство".²⁵⁶ Религиозные обряды фратрии были расширением обрядов тех родов, из которых она состояла. Именно на эти направления следует обратить внимание, чтобы понять религиозную жизнь греков.

Следующим по восходящей шкале организации было племя, состоявшее из нескольких фратрий, каждая из которых состояла из гентов. Люди в каждой фратрии принадлежали к одному общему роду, и говорили на одном диалекте. У афинян, как уже говорилось, каждое племя состояло из трех фратрий, что придавало каждой из них сходную организацию. Племя соотносится с латинским племенем, а также с племенами американских аборигенов, причем для полной аналогии с последними необходим самостоятельный диалект для каждого

племени. Концентрация таких греческих племен, которые объединились в народ, на небольшой территории, как правило, подавляла диалектическую вариативность, которую последующий письменный язык и литература имели тенденцию еще больше задерживать. Каждое племя от предшествующих привычек, однако, была более или менее локализована на определенной территории, через требования социальной системы, опирающейся на личные отношения. Представляется вероятным, что у каждого племени был свой совет вождей, верховный во всех вопросах, касающихся исключительно племени. Но поскольку функции и полномочия общего совета вождей, управлявшего общими делами объединенных племен, были преданы забвению, не следует ожидать, что сохранятся и функции и полномочия низшего и подчиненного совета. Если бы такой совет существовал, что, несомненно, было необходимо при их социальной системе, он состоял бы из вождей гентов.

Когда несколько фратрий племени объединялись для отправления религиозных обрядов, это происходило в рамках их высшей органической конституции как племени. Как таковые, они находились под председательством, как мы находим это выражение, фило-басилея, который был главным вождем племени. Выступал ли он в качестве военачальника на военной службе, я не могу сказать. Он обладал жреческими функциями, всегда присущими должности басилея, и осуществлял уголовную юрисдикцию в случаях убийства; судить или преследовать убийцу, я не могу сказать. Жреческие и судебные функции, связанные с должностью басилея, как правило, объясняют то достоинство, которое она приобрела в легендарный и героический периоды. Но отсутствие гражданских функций в строгом смысле этого слова, о наличии которых у нас нет удовлетворительных доказательств, достаточно, чтобы сделать термин "царь", столь постоянно используемый в истории как эквивалент "басилея", ошибочным. Среди афинян у нас есть племя-басилей, где этот термин используется самими греками так же законно, как и в отношении главного военачальника четырех объединенных племен. Когда же каждое из них описывается как царь, получается солецизм: четыре племени отдельно под властью царя, а четыре племени вместе - под властью другого царя. Здесь больше фиктивной царской власти, чем того требует случай. Более того, если мы знаем, что институты афинян в то время были по сути демократическими, это становится карикатурой на греческое общество. Это показывает, насколько уместно вернуться к простому и оригинальному языку, использовать термин *basileus* там, где его использовали греки, и отвергнуть царя как ложный эквивалент. Монархия несовместима с язычеством по той причине, что языческие институты по сути своей демократичны. Каждый род, фратрия и племя были полностью организованным самоуправляющимся организмом; и когда несколько племен объединялись в нацию, правительство в результате формировалось в гармонии с принципами, одушевляющими его составные части.

Четвертой и высшей стадией организации была нация, объединенная в языческое общество. Если несколько племен, как у афинян и спартанцев, объединялись в один народ, это увеличивало общество, но совокупность была просто более сложным дубликатом племени. Племена занимали в народе то же место, что и фратрии в племени, а генты - во фратрии. Не было названия для организма²⁵⁷, который был просто обществом (*societas*), но на его месте возникло название народа или нации. В описании сил, собравшихся против Трои, Гомер дает конкретные имена этим народам, где они существовали: афиняне, этолийцы, локрийцы; но в других случаях они описываются по названию города или страны, из которой они прибыли. Таким образом, в итоге получается, что греки до времен Ликурга и Солона имели всего четыре стадии социальной организации (род, фратрия, племя и нация), которые были почти универсальными в древнем обществе и которые, как было показано, частично существовали в статусе дикости, полностью - в нижнем, среднем и верхнем статусе варварства, и все еще сохранялись после начала цивилизации. Этот органический ряд

выражает степень развития идеи правления среди людей рода вплоть до института политического общества. Такова была греческая социальная система. Она представляла собой общество, состоящее из ряда совокупностей людей, с которыми правительство имело дело через их личные отношения к роду, фратрии или племени. Это было также родовое общество в отличие от политического, от которого оно принципиально отличалось и было легко отличимо.

Афинская нация героического века представляет в своем правительстве три различных и в некотором смысле согласованных отдела или власти, а именно: во-первых, совет вождей (βουλή); во-вторых, агора (ἀγορά), или собрание народа; и в-третьих, базилей (βασιλεύς), или главный военачальник. Хотя муниципальные и подчиненные им военные должности были созданы в большом количестве в связи с растущей необходимостью, главные полномочия правительства принадлежали трем названным органам. Я не могу в достаточной мере обсуждать функции и полномочия совета, агоры или базилея, но ограничусь несколькими предложениями на темы достаточно серьезные, чтобы заслужить повторное исследование со стороны исповедующих эллинизм.

I. *Совет вождей.* Должность базилея в греческих племенах привлекала гораздо больше внимания, чем совет или агора. Как следствие, его неоправданно превозносят, в то время как совет и агора либо обесцениваются, либо игнорируются. Мы знаем, однако, что совет вождей был постоянным явлением в каждом греческом народе с самого раннего периода, до которого дошли наши знания, вплоть до учреждения политического общества. Его постоянство как элемента социальной системы является убедительным доказательством того, что его функции были значительными, а его полномочия, по крайней мере предположительно, были конечными и верховными. Это предположение вытекает из того, что известно об архаичном характере и функциях совета вождей в языческих институтах, а также из его предназначения. Как он был сформирован в героическую эпоху и на каком основании занимал должность вождя, мы не знаем; но можно сделать разумный вывод, что совет состоял из вождей гентов. Поскольку число тех, кто формировал совет, обычно было меньше, чем число гентов, из числа вождей должен был быть произведен какой-то отбор. Каким образом происходил отбор, нам не известно. Призвание совета как законодательного органа, представляющего главные генты, и его естественный рост в рамках гентильной организации сделали его верховным с самого начала и, вероятно, он оставался таковым до конца своего существования. Возрастающее значение должности базилевса и новые должности, созданные в военных и муниципальных делах с увеличением их численности и богатства, несколько изменили бы отношения совета к государственным делам и, возможно, уменьшили бы его значение; но он не мог быть свергнут без радикального изменения институтов. Поэтому представляется вероятным, что все должности в правительстве, от высших до низших, по-прежнему отвечали перед советом за свои официальные действия. Совет был основополагающим в их социальной системе;²⁵⁸ и греки того периода были свободными самоуправляющимися народами с институтами, по сути, демократическими. Можно привести одну иллюстрацию существования совета из Эсхила, просто чтобы показать, что в греческой концепции он всегда присутствовал и был готов к действию. В *"Семерых против Фив"* Этеокл командует городом, а его брат Полиникс - один из семи вождей, захвативших город. Штурм был отбит, но братья пали в личной схватке у одних из ворот. После этого случая глашатай говорит: "Я должен объявить постановление и благоволение советников народа этого города Кадма. Решено",²⁵⁹ и т. д. Совет, который может в любой момент принять и обнародовать указ, которому народ должен подчиниться, обладает высшими полномочиями власти. Эсхил, хотя и имеет дело в данном случае с событиями легендарного периода, признает совет вождей необходимой частью системы

правления каждого греческого народа. Булак древнегреческого общества был прообразом и образцом сената в последующей политической системе государства.

II. *Агора*. Хотя народное собрание появилось в легендарный период, с признанным правом принимать или отклонять государственные меры, представленные советом, оно не столь древнее, как совет. Последний появился при учреждении гентов; но сомнительно, что агора существовала с названными функциями до верхнего состояния варварства. Было показано, что среди ирокезов в нижнем статусе народ представлял свои пожелания совету вождей через ораторов, которых они сами выбирали, и что народное влияние ощущалось в делах конфедерации; но собрание народа с правом принимать или отклонять государственные меры свидетельствовало бы о прогрессе в интеллекте и знаниях, превосходящем ирокезов. Когда агора впервые появилась, как она представлена у Гомера и в греческих трагедиях, она имела те же характеристики, которые впоследствии сохранились в экклесии афинян и в *comitia curiata* римлян. Совет вождей имел прерогативу разрабатывать государственные меры, а затем выносить их на рассмотрение народного собрания для принятия или отклонения, и его решение было окончательным. Функции агоры были ограничены этим единственным действием. Она не могла ни разрабатывать меры, ни вмешиваться в управление делами, но, тем не менее, это была существенная власть, прекрасно приспособленная для защиты свобод. В героическую эпоху и в легендарный период агора - постоянное явление среди греческих племен, а в сочетании с советом - убедительное доказательство демократической конституции языческого общества на протяжении всех этих периодов. Как мы можем предположить, общественные настроения создавались в народе по всем важным вопросам, благодаря его интеллекту, который совет вождей считал желательным и необходимым, как для общественного блага, так и для поддержания своей собственной власти. Выслушав обсуждение представленного вопроса, народное собрание, свободное для всех желающих выступить,²⁶⁰ принимало свое решение в древности обычно поднятием рук.²⁶¹ Участвуя в общественных делах, затрагивавших интересы всех, народ постоянно учился искусству самоуправления, а часть его, как афиняне, готовилась к полной демократии, установленной впоследствии конституциями Клисфена. Собрание народа для обсуждения общественных вопросов, нередко называемое толпой писателями, неспособными понять или оценить принцип демократии, было зародышем экклесии (ἐκκλησία) афинян и нижней палаты современных законодательных органов.

III. *Базилевс*. Этот чиновник стал заметным персонажем в греческом обществе героической эпохи и был столь же заметен в легендарный период. Историки ставят его в центр системы. Название должности (βασιλεύς) использовалось лучшими греческими писателями для характеристики правительства, которое называлось басилеей (βασίλεια). Современные авторы, почти без исключения, переводят *basileus* термином *царь*, а *basileia* - термином *царство*, без оговорок и как точные эквиваленты. Я хочу обратить внимание на эту должность басилея, как она существовала в греческих племенах, и поставить под сомнение правильность такого толкования. Между басилеей древних афинян и современным царством или монархией нет ни малейшего сходства; конечно, его недостаточно, чтобы оправдать использование одного и того же термина для описания обоих. Наше представление о царском правительстве в основном относится к тому типу, в котором царь, окруженный привилегированным и титулованным классом, владеющим землями, правит по своей воле и желанию, издавая эдикты и указы; он утверждает наследственное право на правление, поскольку не может утверждать о согласии управляемых. Такие правительства были самонавязанными через принцип наследственного права, к которому священство пыталось добавить божественное право. Примером могут служить английские короли Тюдоры и французские короли Бурбоны. Конституционная монархия - это современное развитие, и она

существенно отличается от базилевса греков. Базилея не была ни абсолютной, ни конституционной монархией, ни тиранией, ни деспотией. Вопрос в том, что же это было.

Мистер Грот утверждает, что "первобытное греческое правительство по сути своей монархическое, опирающееся на личные чувства и божественное право";²⁶² и в подтверждение этого мнения он отмечает далее, что "памятная сентенция из "Илиады" подтверждается всем тем, что мы слышим на практике: "правление многих - нехорошая вещь; пусть у нас будет только один правитель - один царь, которому Зевс дал скипетр, с опекунами санкциями".²⁶³ Это мнение не свойственно г-ну Гроту, чей авторитет как историка все с удовольствием признают; но оно неуклонно и повсеместно утверждалось историческими авторами на греческие темы, пока не стало приниматься за историческую истину. Наши взгляды на греческие и римские вопросы были сформированы писателями, привыкшими к монархическому правлению и привилегированным классам, которые, возможно, были рады обратиться к самым ранним известным правительствам греческих племен для санкции этой формы правления, как одновременно естественной, необходимой и примитивной.

Истинное утверждение, как оно представляется американцу, в точности противоположно утверждению г-на Грота, а именно: первобытное греческое правительство было по сути демократическим, опиралось на генты, фратрии и племена, организованные как самоуправляемые органы и основанные на принципах свободы, равенства и братства. Это подтверждается всем, что мы знаем о языческой организации, которая, как было показано, основывается на принципах, по сути, демократических. Вопрос в том, переходил ли в действительности пост базилевса от отца к сыну по наследственному праву, что, если это так, свидетельствовало бы о подрыве этих принципов. Мы видели, что в нижнем периоде варварства должность вождя была наследственной в роду, что означает, что *va сапсу* заполнялась из членов рода, как только это происходило. Если происхождение шло по женской линии, как у ирокезов, то преемником умершего вождя обычно становился родной брат, а если по мужской, как у оджибва и омаха, то старший сын. При отсутствии возражений против кандидатуры такой выбор становился правилом; но выборный принцип оставался, что составляло суть самоуправления. Нельзя утверждать на основании удовлетворительных доказательств, что старший сын базилевса занимал этот пост после смерти отца по абсолютному наследственному праву. Это существенный факт, и для его установления требуются неопровержимые доказательства. Тот факт, что старейший или один из сыновей обычно становился преемником, что признается, не устанавливает рассматриваемого факта; потому что по обычаю он находился в вероятной линии наследования путем свободного избрания из избирательного округа. Греческие институты свидетельствуют против наследования должности базилевса по наследственному праву, а в пользу либо свободных выборов, либо подтверждения должности народом через его признанные организации, как в случае с римским рексом.²⁶⁴ Если бы должность базилевса передавалась таким образом, правительство оставалось бы в руках народа. Потому что без избрания или подтверждения он не мог бы занять этот пост; и потому что, кроме того, власть избрания или подтверждения подразумевает зарезервированное право низложения.

Иллюстрация г-на Грота, взятая из "Илиады", не имеет значения для рассматриваемого вопроса. Улисс, из обращения которого взята цитата, говорил о командовании армией перед осажденным городом. Он вполне мог бы сказать: "Все греки ни в коем случае не могут править здесь. Власть многих - это нехорошо. Пусть у нас будет один койранос, один басилей, которому Зевс дал скипетр и божественные санкции, чтобы он мог командовать

нами".²⁶⁵ Koīranos и basileus на сайте используются как эквиваленты, потому что оба одинаково обозначают военачальника. У Улисса не было случая обсудить или одобрить какой-либо план управления; но у него было достаточно причин, чтобы выступить за повиновение одному командующему армией перед осажденным городом.

Басилею можно определить как военную демократию: народ был свободным, а дух правления, что самое главное, - демократическим. Базилевс был их генералом, занимавшим самый высокий, самый влиятельный и самый важный пост, известный в их социальной системе. За неимением лучшего термина для обозначения правительства, греческие писатели приняли basileia, потому что оно несло в себе идею генералитета, который в то время стал заметной чертой правительства. Поскольку при басилее существовали и совет, и агора, если требуется более специальное определение этой формы правления, то военная демократия выражает его, по крайней мере, с разумной точностью; в то время как использование термина царство, с тем значением, которое он неизбежно несет, было бы неправильным.

В героический век греческие племена жили в городах, обнесенных стенами, становились многочисленными и богатыми благодаря полевому земледелию, обрабатывающей промышленности, а также стадам и пастбищам. Требовались новые должности, а также определенное разделение их функций; новая муниципальная система развивалась в ногу с ростом их интеллекта и потребностей. Это был также период непрекращающейся военной борьбы за обладание самыми желанными территориями. Вместе с ростом собственности, несомненно, увеличивался и аристократический элемент в обществе, который был главной причиной тех беспорядков, которые царили в афинском обществе со времен Тесея до времен Солона и Клизфена. В течение этого периода и до окончательного упразднения должности за некоторое время до первой Олимпиады (776 г. до н. э.) басилей, исходя из характера его должности и состояния времени, стал более заметным и более влиятельным, чем любой другой человек в их предыдущем опыте. К его должности прилагались или были присущи функции жреца и судьи, и, похоже, *по должности* он был членом совета вождей. Это была как важная, так и необходимая должность, с полномочиями генерала над армией в поле и над гарнизоном в городе, что давало ему возможность приобретать влияние и в гражданских делах. Но не похоже, что он обладал гражданскими функциями. Профессор Мейсон замечает, что "наши сведения о греческих царях в более историческую эпоху недостаточно полны и подробны, чтобы мы могли нарисовать подробную схему их функций".²⁶⁶ Военные и жреческие функции басилея достаточно хорошо изучены, судебные - несовершенны, а о гражданских функциях нельзя сказать, что они существовали. Полномочия такой должности в языческих институтах постепенно определялись бы опытом, но в базилевсе постоянно наблюдалась тенденция к принятию новых, опасных для общества полномочий. Поскольку совет вождей оставался составным элементом правительства, можно сказать, что он представлял демократические принципы их социальной системы, так же как и gentes, в то время как basileus вскоре стал представлять аристократический принцип. Вероятно, между советом и базилевсом велась постоянная борьба за то, чтобы удержать последнего в рамках полномочий, которые народ был готов уступить этой должности. Более того, упразднение этой должности афинянами позволяет предположить, что они сочли ее неуправляемой и несовместимой с языческими институтами, поскольку она была склонна к узурпации дополнительных полномочий.

Среди спартанских племен эфорат был учрежден в очень ранний период, чтобы ограничить полномочия басилея в результате аналогичного опыта. Хотя функции совета в гомеровский и легендарный периоды точно не известны, его постоянное присутствие является достаточным

доказательством того, что его полномочия были реальными, существенными и постоянными. При одновременном существовании агоры и при отсутствии доказательств смены институтов мы приходим к выводу, что совет, согласно установленным обычаям, был верховным над *gentes, phratrries, tribes* и *nation*, и что басилей был подчинен этому совету для своих официальных действий. Свобода гентов, представителями которых были члены совета, предполагает независимость совета, а также его верховенство.

Фукидид случайно упоминает о правительствах традиционного периода следующим образом: "Теперь, когда греки становились все более могущественными и приобретали имущество еще больше, чем прежде, в городах было установлено много тираний, поскольку их доходы становились все больше; тогда как прежде существовали наследственные басылеи с определенными полномочиями". (πρότερον δὲ ἦσαν ἐπὶ ῥητοῖς ὡς ὑερασι πατρικαὶ βασιλεῖαι)²⁶⁷ Должность была наследственной в смысле вечной, потому что она заполнялась, как только появлялась вакансия, но, вероятно, наследственной в роду, выбор осуществлялся путем свободного избрания его сородичами или путем выдвижения, возможно, советом и утверждения сородичами, как в случае с *rex* у римлян.

Аристотель дал наиболее удовлетворительное определение басылеи и басылея героического периода из всех греческих писателей. Вот четыре вида басылеи, о которых он говорит: первый - басылея героических времен, которая была правительством над свободным народом, с ограниченными правами в некоторых частностях; ведь басылей был их генералом, судьей и главным жрецом. Вторая - варваров - наследственное деспотическое правление, регулируемое законами; третья - эсимнетическая тирания, которую они называют выборной. Четвертая - лакедемонская, которая представляет собой не что иное, как наследственный генералитет.²⁶⁸ Что бы ни говорили о трех последних формах, первая не соответствует ни идее царства абсолютного типа, ни какой-либо узнаваемой форме монархии. Аристотель с поразительной ясностью перечисляет основные функции басылея, ни одна из которых не подразумевает гражданских полномочий, и все они согласуются с пожизненной должностью, занимаемой на выборной основе. Они также согласуются с его полным подчинением совету вождей. Ограниченные права" и "определенные полномочия" в определениях этих авторов свидетельствуют о том, что правительство приобрело эту форму в гармонии с языческими институтами, а также под их влиянием. Важнейшим элементом в определении Аристотеля является свобода народа, которая в античном обществе подразумевает, что народ контролировал власть правительства, что должность басылея давалась добровольно и что он мог быть отозван по достаточной причине. Такое правительство, описанное Аристотелем, можно понимать как военную демократию, которая, будучи формой правления при свободных институтах, естественным образом выросла из языческой организации, когда воинский дух был доминирующим, когда появились богатство и численность, привычная жизнь в укрепленных городах, и прежде чем опыт подготовил путь для чистой демократии.

При языческих институтах, когда народ состоял из гентов, фратрий и племен, каждое из которых было организовано как независимый орган самоуправления, люди обязательно были свободными. Правление царя по наследственному праву и без прямой подотчетности в таком обществе было просто невозможно. Невозможность обусловлена тем, что языческие институты несовместимы с царем или царским правительством. Чтобы преодолеть предположение, вытекающее из структуры и принципов древнегреческого общества, потребовались бы, как мне кажется, позитивные доказательства абсолютного наследственного права на должность басылевса с наличием гражданских функций, чего не может быть предоставлено. Англичанин в условиях конституционной монархии так же

свободен, как американец в условиях республики, и его права и свободы так же хорошо защищены; но этой свободой и защитой он обязан своду писаных законов, созданных законодательно и обеспечиваемых судебными инстанциями. В древнегреческом обществе место писаных законов занимали нравы и обычаи, и человек зависел в своей свободе и защите от институтов своей социальной системы. В первую очередь его защищали такие институты, как выборность должностей.

Римские регенты были, подобным образом, военными командирами, к которым прилагались священнические функции; и это так называемое царское правительство попадает в ту же категорию военной демократии. Рекс, как уже говорилось, назначался сенатом и утверждался *куриальной комиссией*, а последний из них был низложен. С его низложением должность упразднилась, как несовместимая с тем, что осталось от демократического принципа после учреждения римского политического общества.

Ближайшим аналогом царств среди греческих племен были тирании, которые возникали то тут, то там в ранний период в разных частях Греции. Это были правительства, навязанные силой, и власть, на которую они претендовали, была не больше, чем у феодальных королей средневековья. Для завершения аналогии требовалась передача власти от отца к сыну через несколько поколений, чтобы добавить наследственное право. Но такие правительства были настолько несовместимы с греческими идеями и настолько чужды их демократическим институтам, что ни одно из них не получило постоянной опоры в Греции. Мистер Грот замечает, что "если какой-нибудь энергичный человек мог с помощью дерзости или хитрости нарушить конституцию и стать постоянным правителем по своей воле и желанию - даже если он мог править хорошо, - он никогда не мог внушить народу чувства долга по отношению к нему. Его скипетр был незаконным с самого начала, и даже лишение его жизни, далеко не запрещенное тем нравственным чувством, которое осуждало пролитие крови в других случаях, считалось достойным".²⁶⁹ Враждебность греков вызывал не столько незаконнорожденный скипетр, сколько антагонизм демократических и монархических идей, унаследованных от гентов.

Когда афиняне установили новую политическую систему, основанную на территории и собственности, правительство было чистой демократией. Это была не новая теория или особое изобретение афинского ума, а старая и знакомая система, древность которой не уступала древности самих гентов. Демократические идеи существовали в знаниях и практике их предков с незапамятных времен, а теперь нашли выражение в более продуманном и, во многих отношениях, усовершенствованном правительстве. Ложный элемент, аристократизм, проникший в систему и породивший множество распрей в переходный период, связался с должностью басилея и сохранился после ее упразднения; но новая система завершила его уничтожение. Более успешно, чем остальные греческие племена, афиняне смогли довести свои идеи правления до логических результатов. Это одна из причин, по которой они стали, при своей численности, самой выдающейся, самой интеллектуальной и самой совершенной расой людей, которую когда-либо порождала вся человеческая семья. Их чисто интеллектуальные достижения до сих пор вызывают удивление человечества. Это произошло потому, что идеи, которые проросли в течение предыдущего этнического периода и переплелись с каждым фибром их мозга, нашли счастливое воплощение в демократическом государстве. Под его живительными импульсами происходило их наивысшее умственное развитие.

План правления, разработанный Клисфеном, отвергал должность главного магистрата, но сохранял совет вождей в составе выборного сената и агору в составе народного собрания. Очевидно, что совет, агора и базилевс гентов были зародышами сената, народного собрания и главного исполнительного магистрата (короля, императора и президента) современного политического общества. Последняя должность возникла из военных потребностей организованного общества, и ее развитие с ростом человечества весьма поучительно. Ее можно проследить от обычного военного вождя, во-первых, до воина Великой войны, как в Ирокезской конфедерации; во-вторых, до того же военачальника в конфедерации более развитых племен, к должности которого прилагаются функции жреца, как у Теуктли из конфедерации ацтеков; В-третьих, тот же военачальник в государстве, образованном слиянием племен, с функциями жреца и судьи, как в басилее греков; и, наконец, главный магистрат в современном политическом обществе. Выборный архонт афинян, который сменил басилея, и президент современных республик, начиная с выборности должности, были естественным результатом джентилизма. Мы обязаны опыту варваров за создание и развитие трех основных инструментов управления, которые сегодня так часто включаются в план правления в цивилизованных государствах. Человеческий разум, одинаковый у всех индивидуумов во всех племенах и нациях человечества и ограниченный в диапазоне своих способностей, работает и должен работать в одних и тех же единых каналах и в узких пределах вариаций. Его результаты в разрозненных областях пространства и в широко разделенных эпохах времени складываются в логически связанную цепь общих переживаний. В великой совокупности все еще можно распознать несколько первичных зародышей мысли, работающих над первичными человеческими потребностями, которые, благодаря естественному процессу развития, привели к столь обширным результатам.

ГЛАВА X. - УЧРЕЖДЕНИЕ ГРЕЧЕСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Несостоятельность гентов как основы правления.-Законодательство Тесея.-Попытка замены классов.-Ее провал.-Отмена должности басилея.-Архонство.-Наука и триттии.-Законодательство Солона.-Имущественные классы.-Частичная передача гражданской власти от гентов к классам.-Лица, не приписанные ни к одному роду.-Сделанные гражданами.-Сенат.-Экклесия.-Политическое общество частично достигнуто.-Законодательство Клисфена.-Институция политического общества.-Аттическая дема или волость.-Ее организация и полномочия.-Местное самоуправление.-Местное племя или округ.-Аттическое содружество.-Афинская демократия.

Несколько греческих общин прошли через практически аналогичный опыт перехода от языческого к политическому обществу; но способ перехода может быть лучше всего проиллюстрирован на примере афинской истории, поскольку факты в отношении афинян сохранились более полно. Голое изложение основных событий будет отвечать поставленной задаче, поскольку не предполагается прослеживать развитие идеи правления после открытия новой политической системы.

Очевидно, что неспособность языческих институтов удовлетворить сложные потребности общества привела к возникновению движения за изъятие всех гражданских полномочий у родов, фратрий и племен и передачу их новым группам населения. Это движение было постепенным, растянувшимся на долгий период времени, и воплотилось в серию

последовательных экспериментов, с помощью которых искалось средство для исправления существующих пороков. Приход новой системы был столь же постепенным, как и уход старой, и в течение некоторого времени они существовали бок о бок. В характере и объектах экспериментов мы можем обнаружить, в чем языческая организация не отвечала требованиям общества, в чем заключалась необходимость низвержения родов, фратрий и племен как источников власти, и какими средствами это было достигнуто.

Оглядываясь назад по линии человеческого прогресса, можно заметить, что в нижнем статусе варварства обычным жилищем племени была деревня. В Среднем статусе появляются дома из саманного кирпича и камня, напоминающие крепости. Но в верхнем статусе впервые в человеческом опыте появляются города, окруженные кольцевыми насыпями и, наконец, стенами из отесанного камня. Это был большой шаг вперед, когда мысль о том, чтобы окружить территорию, достаточную для значительного населения, оборонительной стеной из отесанного камня, с башнями, парапетами и воротами, предназначенной для защиты всех одинаково и для защиты общей силой, нашла свое выражение в действии. Города такого уровня предполагали наличие стабильного и развитого полевого хозяйства, наличие домашних животных в стадах и отарах, товаров в массах и имущества в домах и землях. Город предъявлял новые требования к искусству управления, создавая изменившееся состояние общества. Постепенно возникла необходимость в магистратах и судьях, военных и муниципальных чиновниках разных рангов, а также в способе сбора и поддержки военных сборов, которые требовали государственных доходов. Городская жизнь и нужды должны были значительно расширить обязанности и ответственность совета вождей и, возможно, перегрузить его способность управлять.

Было показано, что в нижнем статусе варварства правительство состояло из одной власти - совета вождей, в среднем статусе - из двух, совета вождей и военачальника, а в верхнем статусе - из трех, совета вождей, собрания народа и военачальника. Но после начала цивилизации дифференциация полномочий правительства пошла еще дальше. Военная власть, сначала возложенная на базилевса, теперь осуществлялась генералами и капитанами при больших ограничениях. В результате дальнейшей дифференциации среди афинян появилась судебная власть. Ее осуществляли архонты и дикасты. Магистратские полномочия теперь передавались муниципальным магистратам. Шаг за шагом, по мере накопления опыта и продвижения вперед, эти полномочия выделились из совокупности полномочий первоначального совета вождей, насколько они могли быть переданы от народа в этот совет как представительный орган.

Создание этих муниципальных учреждений было необходимым следствием растущего масштаба и сложности их дел. Под возросшим бременем языческие институты разрушались. Неисчислимы беспорядки возникали как из-за конфликта властей, так и из-за злоупотребления полномочиями, которые еще не были четко определены. Краткий и мастерский очерк Фукидида о состоянии греческих племен в переходный период,²⁷⁰ и сопутствующие свидетельства других авторов о том же, не оставляют сомнений в том, что старая система управления терпела крах и что новая стала необходимой для дальнейшего прогресса. Более широкое распределение полномочий правительства, более четкое их определение и более строгая подотчетность официальных лиц были необходимы для благополучия и безопасности общества, и особенно замена письменных законов, принятых компетентной властью, на место обычаев и нравов. Именно благодаря экспериментальным знаниям, полученным в этот и предыдущий этнический период, в греческом сознании постепенно формировалась идея политического общества или государства. Она росла на

протяжении многих веков, от первого появления необходимости изменить план правления до полного воплощения результата.

Первая попытка афинян переломить языческую организацию и установить новую систему приписывается Тесею и, следовательно, опирается на традицию; но до исторического периода сохранились некоторые факты, подтверждающие по крайней мере часть его предполагаемого законодательства. Достаточно рассматривать Тесея как представителя периода или ряда событий. Согласно Фукидиду, со времен Цекропа до Тесея аттический народ всегда жил в городах.

Аттический народ всегда жил в городах, имел свои собственные пританеи и архонты, и когда не боялся опасности, не советовался со своим басилеем, а управлял своими делами отдельно, согласно своим советам. Но когда Тесей стал басилеем, он убедил их разогнать советы и магистратуры своих городов и войти в связь с Афинами, с одним советом (βουλευτήριος) и одним пританеем (πρυτανεῖον), к которому все считались принадлежащими".²⁷¹ Это утверждение воплощает или подразумевает ряд важных фактов, а именно: что аттическое население было организовано в независимые племена, каждое из которых имело свою собственную территорию, на которой проживали люди, со своим собственным домом совета и пританеем; и что, хотя они были самоуправляемыми обществами, они, вероятно, объединялись для взаимной защиты и избирали своего басилея или генерала для командования общими силами. Это картина демократически организованных общин, нуждавшихся в военном командире по необходимости, но не наделенных гражданскими функциями, которые исключала их языческая система. При Тесее они объединились в единый народ с Афинами в качестве места правления, что дало им более высокую организацию, чем та, которую они могли сформировать до этого. Объединение племен в нацию на одной территории происходит позже, чем конфедерации, где племена занимают независимые территории. Это более высокий органический процесс. Если раньше роды всегда соединялись посредством брака, то теперь племена соединились благодаря стиранию территориальных границ, использованию общего зала совета и пританея. Приписываемый Тесею акт объясняет переход языческого общества из низшей в высшую органическую форму, который должен был произойти в определенное время и, вероятно, был осуществлен указанным способом.

Но Тесею приписывается еще один поступок, свидетельствующий о более радикальном плане, а также о понимании необходимости фундаментальных изменений в системе управления. Он разделил народ на три класса, независимо от родов, которые назывались соответственно *Евпатриды*, или "хорошо рожденные", *Геоморы*, или "земледельцы", и *Демуурги*, или "ремесленники". Главные должности были отнесены к первому классу как в гражданской администрации, так и в жречестве. Эта классификация была не только признанием собственности и аристократического элемента в управлении обществом, но и прямым движением против управляющей власти гентов. Это было очевидное намерение объединить вождей родов с их семьями и богатых людей в нескольких родах в отдельный класс с правом занимать главные должности, на которые возлагалась власть в обществе. Разделение оставшихся на два больших класса снова проходило через жен. Важные результаты могли бы последовать, если бы избирательное право было отобрано у гентов, фратрий и племен и передано классам с правом первых занимать главные должности. Этого, по-видимому, сделано не было, хотя это было совершенно необходимо для придания

жизненной силы сословиям. Более того, это не изменило по сути прежнего порядка вещей в отношении занятия должностей. Те, кого теперь называли Евпатридами, вероятно, были мужчинами из нескольких родов, которые ранее призывались на должность. Эта схема Тесея умерла, потому что в действительности не было передачи полномочий от гентов, фратрий и племен к классам, и потому что такие классы уступали гентам в качестве основы системы.

Века, прошедшие от неизвестного времени Тесея до законодательства Солона (594 г. до н. э.), составили один из самых важных периодов в жизни афинян, но последовательность событий известна плохо. Должность *басилея* была упразднена перед первой Олимпиадой (776 г. до н. э.), и на ее месте была учреждена должность *архонта*. Последний, по-видимому, был наследственным в роду, и утверждается, что он был наследственным в определенной семье в роду, первые двенадцать *архонтов* назывались *Медонтидами*, от *Медона*, первого *архона*, который, как утверждается, был сыном *Кодруса*, последнего *басилея*. В случае с этими *архонтами*, которые занимали должность пожизненно, возникает тот же вопрос, что и в случае с *базилевсом*: для вступления в должность необходимо было избрание или утверждение избирателями. Презумпция против передачи должности по наследственному праву. В 711 году до н. э. должность *архонта* была ограничена десятью годами и дарована путем свободных выборов тому, кто считался наиболее достойным этой должности. Сейчас мы находимся в историческом периоде, хотя и недалеко от его порога, где мы встречаем выборный принцип в отношении высшей должности, дарованной народом, четко и полностью установленным. Это именно то, чего следовало ожидать от конституции и принципов *gentes*, хотя аристократический принцип, как мы должны предположить, усиливался с ростом собственности и был источником, через который наследственное право внедрялось везде, где только можно. Существование выборного принципа в отношении поздних *архонтов* не лишено значения в связи с вопросом о предыдущей практике афинян. В 683 году до н. э. должность *архонтов* стала ежегодно избираемой, их число было увеличено до девяти, а их обязанности стали министерскими и судебными.²⁷² В этих событиях мы можем заметить свидетельство постепенного прогресса знаний о сроках пребывания в должности. Афинские племена унаследовали от своих далеких предков должность *архонта* (*ἄρχος*) - начальника рода. Как можно предположить, он был наследственным в роду и выборным среди его членов. После перехода к мужскому роду сыновья умершего вождя оставались в линии наследования, и один из них мог быть выбран при отсутствии личных возражений. Но теперь они вернулись к этой первоначальной должности для названия своего высшего магистрата, сделали ее выборной независимо от рода и ограничили срок ее действия сначала десятью годами, а затем одним. До этого срок пребывания в должности, к которому они привыкли, был пожизненным. В нижнем, а также в среднем статусе варварства мы находим должность вождя, выборную и пожизненную; или в течение хорошего поведения, поскольку это ограничение вытекает из права рода сместить его с должности. Разумно предположить, что должность вождя в греческом роду занималась путем свободных выборов и на такой же срок. То, что афинские племена заменили срок полномочий на годы для своей самой важной должности и допустили соревнование кандидатов, следует рассматривать как доказательство значительного прогресса в знаниях в этот ранний период. Таким образом, они разработали всю теорию выборной и представительной власти и поставили ее на истинную основу.

Во времена Солона, как можно заметить, появился *Ареопагский суд*, состоящий из бывших *архонтов*, с правом суда над преступниками и цензурой нравов, а также ряд новых должностей в военной, морской и административной службах. Но самым важным событием, произошедшим в это время, было учреждение *навархов* (*ναυκράται*), по двенадцать в каждом племени, а всего их было сорок восемь; каждый из них представлял собой местный

круг домохозяев, с которых взимался сбор на военную и морскую службу и с которых, вероятно, собирались налоги. Навкратия была зарождающимся демом или городом, который, когда идея территориальной основы была полностью развита, должен был стать основой второго великого плана правительства. Кем были учреждены наукраии, неизвестно. "Они, должно быть, существовали еще до Солона, - замечает Боэций, - так как председатели наставников (πρυτάνεις τῶν ναυκράρων) упоминаются до времени его законодательства; и когда Аристотель приписывает их учреждение Солону, мы можем отнести этот рассказ только к их подтверждению политической конституцией Солона".²⁷³ Двенадцать назореев составляли триттис (τριττός) - более крупный территориальный округ, но они не обязательно примыкали друг к другу. Таким образом, это был зародыш графства, следующей территориальной единицы над волостью.

Несмотря на значительные изменения, произошедшие в инструментах, с помощью которых осуществлялось управление государством, люди по-прежнему находились в языческом обществе и жили в соответствии с языческими институтами. Род, фратрия и племя были в полной силе и являлись признанными источниками власти. До времен Солона ни один человек не мог стать членом этого общества, кроме как через связь с родом и племенем. Все остальные люди находились вне поля зрения правительства. Совет вождей оставался старым и проверенным временем инструментом управления, но теперь полномочия правительства были скоординированы между ним самим, агорой или народным собранием, судом Ареопага и девятью архонтами. Прерогатива совета заключалась в разработке и выработке государственных мер для представления народу, что позволяло ему определять политику правительства. Ему, несомненно, принадлежало общее управление финансами, и он до конца, как и с самого начала, оставался центральной фигурой правительства. Народное собрание теперь занимало все более видное место. Его функции по-прежнему ограничивались принятием или отклонением государственных мер, представленных на его рассмотрение советом, но оно стало оказывать мощное влияние на государственные дела. Возвышение этого собрания как власти в правительстве является самым надежным свидетельством прогресса афинского народа в области знаний и интеллекта. К сожалению, функции и полномочия совета вождей и народного собрания в этот ранний период сохранились плохо и лишь частично прояснены.

В 624 году до н. э. Дракон составил для афинян свод законов, которые отличались прежде всего своей излишней суровостью; но этот кодекс показал, что в греческом опыте приближается время, когда обычаи и нравы должны были быть заменены писаными законами. Афиняне еще не научились принимать законы по мере возникновения необходимости, что требовало более глубоких знаний о функциях законодательных органов, чем те, которых они достигли. Они находились на той стадии, когда появляются законодатели, а законодательство в виде схемы или в грубой форме, под санкцией личного имени. Так постепенно разворачиваются великие последовательности человеческого прогресса.

Когда Солон стал архонтом (594 г. до н. э.), пороки, царившие в обществе, достигли невыносимой степени. Борьба за обладание собственностью, ставшей теперь главным интересом, привела к необычным результатам. Часть афинян попала в рабство из-за долгов - в случае неуплаты должник подлежал порабощению; другие заложили свои земли и не смогли снять обременение; вследствие этих и других бед общество пожирало само себя. В дополнение к своду законов, некоторые из которых были новаторскими, но исправляли основные финансовые трудности, Солон возобновил проект Тесея по организации общества на классы, не по призванию, как раньше, а по размеру их имущества. Поучительно

проследить за ходом этих экспериментов по замене родов и созданию новой системы, потому что мы обнаружим, что римские племена во времена Сервия Туллия пытались провести тот же эксперимент с той же целью. Солон разделил народ на четыре класса в соответствии с мерой его богатства и, идя дальше Тесея, наделил эти классы определенными полномочиями и наложил на них определенные обязательства. Он передал часть гражданских полномочий гентов, фратрий и племен имущественным классам. В той мере, в какой содержание власти отнималось у первых и вкладывалось во вторые, генты ослабевали и наступал их упадок. Но пока классы, состоящие из людей, заменяли собой генты, состоящие из людей, власть все еще основывалась на личности и на чисто личных отношениях. Эта схема не позволяла проникнуть в суть вопроса. Более того, при замене совета вождей на сенат из четырехсот человек, члены были взяты в равном количестве от четырех племен, а не от сословий. Однако следует заметить, что идея собственности как основы системы правления была воплощена Солоном в новом плане имущественных классов. Однако он не дошел до идеи политического общества, которое должно опираться не только на собственность, но и на территорию, и иметь дело с людьми через их территориальные отношения. Только первый класс имел право занимать высокие должности, второй нес военную службу верхом, третий - в качестве пехоты, четвертый - в качестве легковооруженных солдат. Последнее сословие составляло численное большинство. Они были лишены права занимать должности и не платили налогов, но в народном собрании, членами которого они являлись, они имели право голоса при избрании всех магистратов и должностных лиц, а также право привлекать их к ответу. Они также имели право принимать или отклонять все государственные меры, выносимые сенатом на их решение. По конституции Солона их полномочия были реальными и долговременными, а их влияние на государственные дела - постоянным и существенным. Все свободные люди, хотя и не связанные с родом и племенем, теперь были в определенной степени приобщены к управлению, став гражданами и членами народного собрания с указанными полномочиями. Это был один из важнейших результатов законодательства Солона.

Далее следует отметить, что народ теперь был организован как армия, состоящая из трех дивизий: кавалерии, тяжеловооруженной пехоты и легковооруженной пехоты, каждая со своими офицерами разных рангов. Форма заявления ограничивает армию тремя последними классами, что оставляет первый класс в непатриотичном положении, присваивая себе главные должности в правительстве и не принимая никакого участия в военной службе. Это, несомненно, требует изменений. Тот же план организации, но с пятью классами, появится у римлян при Сервии Туллии, который организовал народную армию (*exercitus*), полностью укомплектованную офицерами и снаряжением в каждом подразделении. Идея военной демократии, отличающаяся по организации, но теоретически та же, что и в предыдущий период, вновь появляется в новом обличье как в солоновской, так и в сервианской конституции.

В дополнение к имущественному элементу, который вошел в основу новой системы, территориальный элемент был частично включен через уже упомянутые нарративы, в которых, вероятно, проводился учет граждан и их имущества, чтобы сформировать основу для военных сборов и налогообложения. Эти положения, а также сенат, народное собрание, называемое теперь экклесией, девять архонтов и суд Ареопага дали афинянам гораздо более сложное правительство, чем они знали раньше, и требовали более высокого уровня интеллекта для управления им. Оно также было по сути демократическим в гармонии с их предшествующими идеями и институтами; по сути, оно было логическим следствием их и объяснимо только как таковое. Но она не достигала до чистой системы в трех отношениях: во-первых, она не была основана на территории; во-вторых, все достоинства государства не

были открыты для каждого гражданина; в-третьих, принцип местного самоуправления в первичных организациях был неизвестен, за исключением, возможно, несовершенно существовавшего в нарративах. Жанты, фратрии и племена все еще оставались в полной силе, но с уменьшенными полномочиями. Это было переходное состояние, требующее дальнейшего опыта для развития теории политической системы, к которой оно было большим продвижением. Так медленно, но неуклонно человеческие институты эволюционируют от низших форм к высшим, благодаря логическим операциям человеческого разума, действующего в единых, но predetermined руслах.

Была одна весома причина для свержения гентов и замены их новым планом правления. Она, вероятно, была осознана Тесеем и, несомненно, Солоном. Из-за беспокойного состояния греческих племен и неизбежных перемещений людей в традиционный период и во времена до Солона многие люди переходили из одного народа в другой и таким образом теряли связь с собственным родом, не приобретая связи с другим. Это повторялось время от времени, благодаря личным приключениям, духу торговли и военным обстоятельствам, пока в каждом племени не появлялось значительное число людей со своим потомством, не связанным ни с одним родом. Все такие люди, как уже отмечалось, будут находиться вне поля зрения правительства, с которым не может быть никакой связи, кроме как через род и племя. Этот факт отмечает г-н Грот. "Фратрии и генты, - замечает он, - вероятно, никогда не включали в себя все население страны, а население, не включенное в них, имело тенденцию становиться больше и больше как во времена, предшествующие Клейстену, так и после него".²⁷⁴ Еще во времена Ликурга в Грецию происходила значительная иммиграция с островов Средиземноморья и из ионийских городов восточного побережья, что увеличивало число лиц, не приписанных ни к одному роду. Когда они приходили семьями, то приводили с собой часть нового рода; но они оставались чужаками, если новый род не принимался в племя. Вероятно, это происходило в ряде случаев, и это может помочь объяснить необычное количество гентов в Греции. Генты и фратрии были тесными корпорациями, и обе они были бы испорчены поглощением этих пришельцев через усыновление в родной генс. Лица, отличающиеся особым положением, могли быть усыновлены в какой-либо род или добиться принятия в племя из своего рода; но более бедным слоям населения было отказано в любой из этих привилегий. Нет сомнений, что еще во времена Тесея, а особенно во времена Солона, число неприсоединившегося класса, за исключением рабов, стало большим. Не имея ни рода, ни фратрии, они не обладали и прямыми религиозными привилегиями, которые были присущи и исключительны этим организациям. Нетрудно увидеть в этом классе людей растущий элемент недовольства, опасный для безопасности общества.

Схемы Тесея и Солона несовершенно предусматривали их прием в гражданство через сословия; но поскольку оставались генты и фратрии, из которых они были исключены, средство оставалось неполным. Г-н Грот далее замечает, что "нелегко точно определить, каково было политическое положение древних гентов и фратрий, какими их оставил Солон. Четыре племена состояли из гентов и фратрий, причем ни одно из племен не могло быть включено в состав того, кто не являлся также членом какого-либо гента и фратрии. Теперь новый сенат, который занимался рассмотрением вопросов, состоял из 400 членов - по 100 от каждого племени: лица, не принадлежавшие ни к одному роду и фратрии, не могли, таким образом, попасть в него. Аналогичные условия были, согласно древнему обычаю, и для девяти архонтов, разумеется, и для сената Ареопага. Таким образом, оставалось только общественное собрание, в котором мог участвовать афинянин, не принадлежащий к этим племенам: он был гражданином, поскольку мог отдавать свой голос за архонтов и сенаторов и принимать участие в ежегодном решении их ответственности, а также имел право требовать от архонтов возмещения ущерба от своего имени, тогда как иностранец мог

сделать это только через вмешательство ручающегося гражданина или протатека. Поэтому кажется, что все люди, не входящие в четыре племени, независимо от их сословия или состояния, находились на том же уровне в отношении политических привилегий, что и четвертый, самый бедный класс солонийской переписи. Уже отмечалось, что еще до Солона число афинян, не входивших в генты или фратрии, было, вероятно, значительным: оно становилось все больше и больше, поскольку эти органы были тесными и нераспространенными, а политика нового законодателя была направлена на привлечение в Афины трудолюбивых поселенцев из других частей Греции".²⁷⁵ Римские плебеи возникли по точно таким же причинам. Они не принадлежали ни к одному роду, а потому не составляли часть *римского населения*. В приведенных фактах мы можем найти одну из причин того, что организация язычников не отвечала требованиям общества. Во времена Солона общество уже переросло их способность управлять, его дела вышли далеко за пределы того состояния, в котором находились генты. Они представляли собой слишком узкую основу для государства, до которого народ вырос.

Кроме того, все труднее было удерживать вместе членов рода, фратрии и племени. Как части государственного органического ряда, этот факт локализации был крайне необходим. В более ранний период гены владели общими землями, фратрии - общими землями для религиозных целей, а племя, вероятно, владело другими общими землями. Когда они обосновывались в деревне или городе, то в силу своей социальной организации селились вместе по гентам, фратриям и племенам. Каждый род был в основном сам по себе - не все его члены, так как в каждой семье было представлено два рода, а тот, кто пропо лагал род. Роды, принадлежащие к одной фратрии, естественно, стремились к смежным или, по крайней мере, близким территориям, и то же самое происходило с несколькими фратриями племени. Но во времена Солона земли и дома стали принадлежать отдельным лицам в нескольких долях, с правом отчуждения земель, но не домов из рода. Несомненно, сохранение членов рода на местах становилось все более невозможным из-за меняющихся отношений лиц к земле и создания членами рода новой собственности в других местностях. Единица их социальной системы становилась неустойчивой не только по месту, но и по характеру. Если не останавливаться на этом факте их состояния, то он должен был стать одной из причин провала старого плана управления. Городок, с его неизменной собственностью и жителями на время, давал тот элемент постоянства, которого теперь не хватало в роду. Общество достигло огромного прогресса по сравнению с прежним состоянием крайней простоты. Оно сильно отличалось от того, которым должна была управлять организация язычников. Ничто, кроме неустроенного состояния и непрекращающихся войн афинских племен, начиная с их поселения в Аттике и до времен Солона, не могло уберечь эту организацию от разрушения. После того как они поселились в городах, обнесенных стенами, произошло то стремительное развитие богатства и численности, которое подвергло генты окончательному испытанию и показало их неспособность управлять народом, стремительно приближающимся к цивилизации. Но даже в этом случае их смещение требовало длительного периода времени.

Серьезность трудностей, которые необходимо преодолеть при создании политического общества, ярко иллюстрирует опыт афинян. Во времена Солона Афины уже производили способных людей, полезные искусства достигли значительного развития, морская торговля стала национальным интересом, сельское хозяйство и мануфактуры были хорошо развиты, а сочинение стихов было начато. По сути, это был цивилизованный народ, причем уже на протяжении двух столетий; но его государственные институты все еще оставались языческими и относились к типу, преобладавшему на протяжении позднего периода варварства. Новый строй Солона придал афинскому содружеству мощный импульс; тем не менее прошло почти столетие, сопровождавшееся многочисленными беспорядками,

прежде чем идея государства полностью оформилась в афинском сознании. В конце концов, на основе назорейства была выработана концепция волости как единицы политической системы; но потребовался человек высочайшего гения, а также большого личного влияния, чтобы воспринять эту идею во всей ее полноте и дать ей органическое воплощение. Таким человеком в конце концов стал Клисфен (509 г. до н. э.), которого следует считать первым из афинских законодателей - основателем второго великого плана человеческого правления, в соответствии с которым организованы современные цивилизованные нации.

Клисфен дошел до сути вопроса и поставил афинскую политическую систему на фундамент, на котором она оставалась до конца независимого существования содружества. Он разделил Аттику на сто демов, или волостей, каждая из которых была очерчена метрами и границами, и отличалась названием. Каждый гражданин должен был зарегистрироваться и записать свое имущество в деде, в котором он проживал. Эта запись служила доказательством и основанием его гражданских привилегий. Дем вытеснил навар. Его жители представляли собой организованное политическое тело с полномочиями местного самоуправления, как современный американский городок. Это жизненно важная и примечательная особенность системы. Она сразу же раскрывает ее демократический характер. Правительство было передано в руки народа в первой из серии территориальных организаций. Демоты избирали демарха (δημαρχος), который хранил общественный реестр; он также имел право созывать демотов для избрания магистратов и судей, для пересмотра реестра граждан и для зачисления в него тех, кто достигал совершеннолетия в течение года. Они избирали казначея, обеспечивали начисление и сбор налогов, а также предоставляли квоту войск, необходимых демосу для службы государству. Они также избирали тридцать дикастов, или судей, которые рассматривали все дела, возникающие в деде, если сумма, о которой идет речь, не превышала определенной суммы. Помимо этих полномочий местного самоуправления, составляющих суть демократической системы, каждый дем имел свой храм и религиозный культ, а также своего священника, также избираемого демотическим собранием. Если опустить незначительные детали, то мы обнаружим поучительный и примечательный факт, что поселок, как только он был создан, обладал всеми полномочиями местного самоуправления, причем даже в более полном и масштабном объеме, чем американский городок. Заметна также свобода вероисповедания, которая была поставлена на законное место - под контроль народа. Все зарегистрированные граждане были свободны и равны в своих правах и привилегиях, за исключением равного права на занятие высших должностей. Такова была новая организационная единица афинского политического общества, одновременно являющаяся образцом свободного государства и чудом мудрости и знаний. Афиняне начали с демократической организации, с того, с чего должен начинать каждый народ, желающий создать свободное государство и передать контроль над правительством в руки своих граждан.

Второй член органического территориального ряда состоял из десяти демов, объединенных в более крупный географический округ. Он назывался местным племенем (φύλον τοπικόν), чтобы сохранить часть терминологии старой языческой системы.²⁷⁶ Каждый округ назывался в честь аттического героя и являлся аналогом современного графства. Демы в каждом округе обычно были смежными, что должно было быть верно в каждом случае, чтобы сделать аналогию полной; но в нескольких случаях один или несколько из десяти были отделены, вероятно, в результате местного отделения части первоначального родственного племени, которые хотели, чтобы их демы были включены в округ их ближайших родственников. Жители каждого округа или графства также представляли собой политическое тело, наделенное определенными полномочиями по местному самоуправлению. Они избирали филарха (φύλαρχος), который командовал конницей;

таксиарха (ταξίαρχος), который командовал пешими солдатами, и генерала (στратηγός), который командовал обоими; А так как каждый округ должен был предоставить пять трирем, они, вероятно, избрали столько же триерархов (τριήραρχος), чтобы командовать ими. Клисфен увеличил сенат до пяти гуннов дред и назначил по пятьдесят в каждый округ. Они избирались жителями округа. Несомненно, существовали и другие функции этого более крупного политического органа, но они были объяснены неполно.

Третьим и последним членом территориального ряда было афинское содружество или государство, состоявшее из десяти местных племен или округов. Это было организованное политическое тело, включавшее в себя совокупность афинских граждан. Оно было представлено сенатом, эkkлeсией, судом Ареопага, архонтами и судьями, а также выборными военачальниками и флотоводцами.

Таким образом, афиняне основали второй великий план правления на территории и на собственности. Они заменили ряд территориальных совокупностей на восходящий ряд совокупностей людей. Как план правления он опирался на территорию, которая обязательно была постоянной, и на собственность, которая была более или менее локализована; и он имел дело со своими гражданами, теперь локализованными в демах через их территориальные отношения. Чтобы быть гражданином государства, необходимо было быть гражданином дема. Человек голосовал и облагался налогами в своем демоне, и он призывался на военную службу из своего дема. Таким же образом он избирался в сенат и командовал подразделением армии или флота из более крупного округа своего племени. Его отношения с родом или фратрией перестали определять его обязанности как гражданина. Контраст между этими двумя системами столь же заметен, сколь принципиальным было их различие. Объединение людей в политические тела в территориальных областях теперь стало полным.

Территориальный ряд входит в план управления современных цивилизованных наций. Например, среди нас есть поселок, графство, штат и Соединенные Штаты; жители каждого из них представляют собой организованное политическое тело с полномочиями местного самоуправления. Каждая организация находится в полной жизнеспособности и выполняет свои функции в определенной сфере, в которой она является верховной. Во Франции существует аналогичный ряд: коммуна, округ, департамент и империя, ныне республика. В Великобритании это приход, шир, королевство и три королевства. В саксонский период сотня, по-видимому, была аналогом города корабля;²⁷⁷ но уже лишенного полномочий местного самоуправления, за исключением сотенного суда. Жители этих нескольких областей были организованы как политические органы, но те, что были ниже высшего, имели весьма ограниченные полномочия. Тенденция к централизации при монархических институтах атрофировала, практически, все низшие организации.

Вследствие законодательства Клисфена генты, фратрии и племена лишились своего влияния, поскольку их полномочия были отобраны у них и переданы дему, местному племени и государству, которые отныне стали источниками всей политической власти. Однако они не исчезли даже после этого свержения, а оставались на протяжении столетий как родословная и линия, а также как источники религиозной жизни. В некоторых речах Демосфена, где речь шла о личных или имущественных правах, о происхождении или праве на погребение, и род, и фратрия предстают как живые организации его времени.²⁷⁸ Новая система оставила их в неприкосновенности, пока они были связаны с религиозными обрядами, с некоторыми уголовными процессами и с определенными социальными практиками, что задержало их полный распад. Однако классы, как учрежденные Тесеем, так и созданные Солоном, исчезли после времени Клисфена.²⁷⁹

Солон обычно считается основателем афинской демократии, в то время как некоторые авторы приписывают часть этой работы Клисфену и Тесею. Мы приблизимся к истине, если будем считать, что Тесей, Солон и Клисфен связаны с тремя великими движениями афинского народа, но не для того, чтобы основать демократию, так как афинская демократия была старше их, а чтобы изменить план правления от языческой к политической организации. Ни один из них не стремился изменить существующие принципы демократии, унаследованные от гентов. В свое время они внесли вклад в великое движение за формирование государства, которое требовало замены языческого общества политическим. Изобретение волости и организация ее жителей как политического тела было главной чертой в этой проблеме. Нам это может показаться простым делом, но возможности афинян были исчерпаны до предела, прежде чем идея поселка нашла свое воплощение в реальном создании. Она была вдохновением гения Клисфена; и она стоит как мастерская работа мастерского ума. В новом политическом обществе они реализовали ту полную демократию, которая уже существовала во всех основных принципах, но которая требовала изменения в плане управления, чтобы дать ей более широкое поле и более полное выражение. Именно здесь, как кажется писателю, мы были введены в заблуждение ошибочным предположением великого историка г-на Грота, чьи общие взгляды на греческие институты столь здравы и проникательны, а именно, что ранние правительства греческих племен были *по сути монархическими*.²⁸⁰ Если исходить из этого предположения, то для объяснения существования афинской демократии, при которой были достигнуты великие умственные успехи афинян, требуется революция в институтах. Такой революции не произошло, как не произошло и радикального изменения институтов, по той причине, что они были и всегда оставались *по сути демократическими*. Узурпации нередко происходили, за ними следовали споры о восстановлении прежнего порядка; но они никогда не теряли ни своих свобод, ни тех представлений о свободе и праве на самоуправление, которые были их наследством во все века.

Если на минуту вернуться к базилевсу, то его должность делала этого человека более заметным, чем кого-либо другого, в их делах. Он был первым, кто попался на глаза историку, который превратил его в царя, несмотря на то, что он царствовал, причем по божественному праву, в грубой демократии. Как генерал в военной демократии, базилевс становится понятным, причем без нарушения фактически существовавших институтов. Введение этой должности не изменило принципов *gentes*, *phratries* и *tribes*, которые по своей организации были по сути демократическими и которые по необходимости наложили отпечаток на их языческую систему. Нет никаких свидетельств того, что народный элемент постоянно активно сопротивлялся посягательствам на личные права. Басилей относится к традиционному периоду, когда полномочия правительства были более или менее неопределенными; но в центре системы существовал совет вождей, а также генты, фратрии и племена в полном объеме. Этого достаточно, чтобы определить характер правительства.²⁸¹

Правительство, воссозданное Клисфеном, сильно контрастировало с тем, что было до эпохи Солона. Но этот переход был не только естественным, но и неизбежным, если люди следовали своим идеям до их логических результатов. Это была смена плана, но не принципов и даже не механизмов. Совет вождей остался в сенате, агора - в экклесии; три высших архонта, как и прежде, были министрами государства, религии и правосудия, а шесть низших архонтов выполняли судебные функции в связи с судами и многочисленными дикастами, которые теперь ежегодно избирались для судебной службы. При этой системе не существовало ни одного исполнительного должностного лица, что является одной из ее ярких особенностей. Ближайшим приближением к нему был президент сената, который избирался по жребию на один день, без возможности переизбрания в течение года. В

течение одного дня он председательствовал в народном собрании и владел ключами от цитадели и казны. При новом правительстве народное собрание держало в своих руках всю полноту власти и вершило судьбы Афин. Новым элементом, придавшим государству стабильность и порядок, стал дем или поселок с его полной автономией и местным самоуправлением. Сто демов, организованных подобным образом, определяли общее движение содружества. Как единица, так и соединение. Именно с этого, как уже отмечалось, должен начинать народ, если он хочет научиться искусству самоуправления, поддерживать равные законы, равные права и привилегии. Они должны сохранить в своих руках все полномочия общества, не необходимые государству для обеспечения эффективного общего управления, а также контроль над самим управлением.

При новой политической системе Афины быстро обрели влияние и выдающиеся позиции. То замечательное развитие гения и интеллекта, которое вознесло афинян на высшую ступень среди исторических народов человечества, произошло под вдохновением демократических институтов.

С учреждением политического общества при Клисфене языческая организация была отброшена как часть лохмотьев варварства. Их предки на протяжении несметного веков жили в язычестве, с которым они достигли всех элементов цивилизации, включая письменность, а также начали цивилизованную карьеру. История языческой организации останется вечным памятником предыдущих веков, связанным с самым выдающимся и обширным опытом человечества. Она навсегда останется одним из самых замечательных институтов человеческой семьи.

В этом кратком и неполном обзоре мы ограничились рассмотрением основного хода событий афинской истории. Все, что было верно в отношении афинских племен, в значительной степени относится и к остальным греческим племенам, хотя и не проявляется в столь широком или грандиозном масштабе. В результате обсуждения становится еще более очевидным одно из основных положений, выдвинутых в работе: идея правительства во всех племенах человечества проходила через последовательные стадии развития.

ГЛАВА XI. - РИМСКИЙ РОД.

Организация италийских племен в генты.- Основание Рима.- Организация племен в военную демократию.- Римский род.- Определение гентиса у Цицерона.- У Феста.- У Варро.- Происхождение по мужской линии.- Браки вне рода.- Права и обязанности членов рода.- Демократическая конституция древнего латинского общества.- Число лиц в роду.

Когда латины и их сородичи сабеллины, осканцы и умбрийцы пришли на итальянский полуостров, вероятно, как единый народ, у них были домашние животные, и, вероятно, они выращивали злаки и растения.²⁸² По крайней мере, они находились на среднем этапе варварства, а когда они впервые попали в поле зрения историков, они находились на верхнем этапе и были близки к порогу цивилизации.

Традиционная история латинских племен до времен Ромула гораздо более скудна и несовершенна, чем греческих, чья более ранняя относительная литературная культура и более сильные литературные наклонности позволили им сохранить большую часть своих традиционных рассказов. Что касается их предшествующего опыта, то традиция не

простиралась дальше их прежней жизни на Альбанских холмах и Аппенинских горных хребтах к востоку от Рима. Для племен, столь далеко продвинувшихся в искусстве жизни, потребовалась бы долгая оккупация Италии, чтобы стереть все знания о стране, из которой они пришли. Во времена Ромула²⁸³ они уже распались на тридцать независимых племен, все еще объединенных в свободную конфедерацию для взаимной защиты. Они также занимали сопредельные территории. Сабеллийцы, осканцы и умбрийцы находились в одинаковом общем состоянии; их соответствующие племена были в одинаковых отношениях; а их территориальные границы, как и следовало ожидать, были основаны на диалекте. Все они, включая их северных соседей этрусков, были организованы в генты, с институтами, подобными греческим племенам. Таково было их общее состояние, когда они впервые вышли из-за темного занавеса своей прежней безвестности и на них упал свет истории.

Римская история лишь слегка коснулась деталей огромного опыта, предшествовавшего основанию Рима (около 753 года до н. э.). Тогда италийские племена стали многочисленными и многолюдными; они стали строго земледельческими по своим привычкам, имели отары и стада домашних животных и достигли большого прогресса в искусстве жизни. Они также достигли моногамной семьи. Все это видно по их состоянию, когда они впервые стали известны нам; но подробности их перехода от низшего к высшему состоянию в основном остались неизвестными. Они отстали в развитии идеи правительства, так как конфедерация племен все еще оставалась полным пределом их развития. Хотя тридцать племен и объединились в конфедерацию, она носила характер лиги для взаимной обороны и не была достаточно тесной или близкой, чтобы иметь тенденцию к национальности.

Этрусские племена были объединены в конфедерацию; то же самое, вероятно, относится к сабеллианским, осканским и умбрийским племенам. Хотя латинские племена обладали многочисленными укрепленными городами и сельскими опорными пунктами, они были рассеяны по всей территории страны для ведения сельского хозяйства и содержания своих стад и отар. Концентрация и объединение не происходили в сколько-нибудь заметной степени до великого движения, приписываемого Ромулу, которое привело к основанию Рима. Эти слабо объединенные латинские племена послужили основным материалом, из которого новый город должен был черпать свою силу. Рассказы об этих племенах со времен господства вождей Альбы до времен Сервия Туллия в значительной степени состоят из басен и преданий; но в институтах и общественных обычаях, дошедших до исторического периода, сохранились некоторые факты, которые замечательным образом иллюстрируют их прежнее состояние. Они даже более важны, чем краткая история реальных событий.

Среди институтов латинских племен, существовавших в начале исторического периода, были *gentes*, *curiæ* и *tribes*, на основе которых Ромул и его преемники установили римскую власть. Новое правительство не было во всех отношениях естественным ростом; оно было изменено в верхних членах органического ряда путем законодательных закупок. Тем не менее, роды, которые легли в основу организации, были естественными, и в основном либо общими, либо однокоренными. То есть латинские генты были одного рода, а сабиняне и другие генты, за исключением этрусков, были однородного происхождения. Во времена Тарквиния Приска, четвертого по счету после Ромула, организация была доведена до численного масштаба, а именно: десять гентов - курия, десять курий - племя, три племени римлян; в общей сложности триста гентов объединялись в одно языческое общество.

Ромулу хватило проницательности понять, что конфедерация племен, состоящая из гентов и занимающая отдельные территории, не обладает ни единством цели, ни достаточной силой, чтобы добиться большего, чем поддержание независимого существования. Тенденция к дезинтеграции нивелировала преимущества федерального принципа. Концентрация и объединение стали тем средством, которое предлагали Ромул и мудрецы его времени. Это было выдающееся движение для того времени, и еще более выдающееся в своем прогрессе от эпохи Ромула до учреждения политического общества при Сервии Туллии. Следуя примеру афинских племен и сосредоточившись в одном городе, они за пять поколений осуществили аналогичное и полное изменение плана управления, превратившись из языческой в политическую организацию.

Достаточно напомнить читателю общие факты: Ромул объединил на Палатинском холме и вокруг него сотню латинских родов, которые стали племенем Рамнов; По счастливому стечению обстоятельств к новой общине добавилось большое количество сабинов, чьи генты, впоследствии увеличенные до ста, были организованы во второе племя, титиев; и что во времена Тарквиния Приска было сформировано третье племя, луцеров, состоящее из ста гентов, набранных из соседних племен, включая этрусков. Таким образом, за сто лет триста гентов были собраны в Риме и полностью организованы под руководством совета вождей, который теперь называется римским сенатом, собрания народа, которое теперь называется *комицией куриатов*, и одного военачальника, *рекса*, и с одной целью - завоевать военное превосходство в Италии.

По конституции Ромула и последующей легислатуре Сервия Туллия правительство было, по сути, военной демократией, поскольку в нем преобладал военный дух. Но можно мимоходом заметить, что в центр социальной системы был включен новый, антагонистический элемент - римский сенат, который давал патрицианское звание своим членам и их потомкам. Таким образом, в одночасье был создан привилегированный класс, укоренившийся сначала в языческой, а затем и в политической системе, который в конечном итоге ниспроверг демократические принципы, унаследованные от язычников. Именно римский сенат с созданным им классом патрициев изменил институты и судьбу римского народа, свернув его с пути, аналогичного афинскому, к которому естественно и логично вели его унаследованные принципы.

В своих основных чертах новая организация была шедевром мудрости для военных целей. Вскоре они полностью превзошли оставшиеся италийские племена и, в конечном счете, завоевали господство на всем полуострове.

Организация латинских и других италийских племен в генты была исследована Нибуром, Германом, Моммзеном, Лонгом и другими; но их несколько рассказов не дают ясного и полного представления о структуре и принципах италийского гена. Отчасти это объясняется неясностью, которой окутаны отдельные части темы, и отсутствием подробных деталей у латинских авторов. Отчасти это также объясняется неправильным пониманием некоторыми из первых названных авторов отношений семьи к роду. Они рассматривают род как состоящий из семей, в то время как он состоял из частей семей; таким образом, род, а не семья, был единицей социальной системы. Возможно, трудно продолжить исследование дальше того места, где они его оставили; но информация, почерпнутая из архаичной конституции рода, может прояснить некоторые его характеристики, которые сейчас неясны.

Относительно распространенности организации в *gentes* среди италийских племен Нибур замечает следующее: "Если кто-то все еще утверждает, что из характера афинских *gennē**tes* нельзя сделать вывод о характере римских *gentiles*, он должен будет показать, как

институт, который проходит через весь древний мир, имел совершенно иной характер в Италии и в Греции..... Все граждане были разделены таким образом: гефирейцы и саламинцы, как и афиняне, тускуланцы, как и римляне".²⁸⁴

Помимо существования римского gens, желательно знать характер его организации, его права, привилегии и обязанности, а также отношения gentes друг к другу, как членов социальной системы. После того как они будут рассмотрены, их отношения с curiæ, племенами и народом, частью которого они являлись, останутся для рассмотрения в следующей главе.

После сбора доступной информации из различных источников по этим вопросам она окажется неполной во многих отношениях, оставляя некоторые атрибуты и функции gens предметом умозаключений. Полномочия gentes были изъяты и переданы новым политическим органам еще до того, как началось историческое развитие римлян. Поэтому у римлян не было никакой практической необходимости сохранять особенности системы, которая была в значительной степени отменена. Гай, написавший свои "*Институции*" в начале второго века нашей эры, позволил себе заметить, что вся *jus gentilicium* пришла в упадок и что в то время было излишне заниматься этой темой.²⁸⁵ Но с момента основания Рима и в течение нескольких столетий после этого организация язычников была в активной деятельности.

Прежде чем рассматривать характеристики рода, следует ознакомиться с римским определением gens и gentilis, а также с линией, по которой прослеживалось происхождение. В "*Толиках*" Цицерона gentilis определяется следующим образом: Это язычники, которые носят одно и то же имя между собой. Этого недостаточно. Кто родился от свободных родителей. Даже этого недостаточно. Никто из предков не был рабом. Чего-то еще не хватает. Кто никогда не страдал от уменьшения капитала. Этого, возможно, достаточно, ибо я не знаю, чтобы Скаэвола, понтифик, что-либо добавил к этому определению.²⁸⁶ Есть еще одно, данное Фестом: "Джентилис описывается как тот, кто происходит от одного и того же рода и называется одним и тем же именем".²⁸⁷ Также у Варро: Как от Aemilius рождаются люди Aemilii и язычники; так и от имени Aemilius происходят термины, относящиеся к язычеству".²⁸⁸

Цицерон не пытается дать определение gens, а скорее предлагает определенные тесты, с помощью которых можно доказать право на языческую связь или обнаружить его потерю. Ни одно из этих определений не показывает состав рода, то есть все ли или только часть потомков предполагаемого генара имели право носить имя гентила, а если только часть, то какая. При происхождении по мужской линии в род входили только те, кто мог проследить свое происхождение исключительно по мужской линии; а если по женской, то только по женской. Если же род не ограничивался ни тем, ни другим, то в него включались все потомки. Эти определения, должно быть, предполагали, что происхождение по мужской линии было фактом, известным всем. Из других источников следует, что к роду принадлежали только те, кто мог проследить свое происхождение по мужской линии. Римские генеалогии служат тому доказательством. Цицерон опустил тот существенный факт, что язычники могли проследить свое происхождение по мужской линии исключительно от признанного предка внутри рода. Частично это подтверждают Фест и Варро. От Аэмилиа, замечает последний, рождаются Аэмилии и язычники; каждый из них должен быть рожден от мужчины, носящего имя язычника. Но из определения Цицерона также следует, что gentilis должен носить имя язычника.

В обращении римского трибуна Канулея (445 г. до н. э.) по поводу его предложения отменить существующий закон, запрещающий браки между патрициями и плебеями, есть утверждение, подразумевающее происхождение по мужской линии. Ибо что еще остается, замечает он, если мужчина-патриций женится на плебейке, или мужчина-плебей на женщине-патрицианке? Какое право в итоге изменится? Дети, безусловно, следуют за отцом (*nempe patrem sequuntur liberi*).²⁸⁹

Практическая иллюстрация, взятая из передаваемых языческих имен, убедительно покажет, что происхождение шло по мужской линии. Юлия, сестра Кая Юлия Цезаря, вышла замуж за Марка Аттия Бальбуса. Ее имя показывает, что она принадлежала к роду Юлиев.²⁹⁰ Ее дочь Аттия, согласно обычаю, взяла языческое имя своего отца и принадлежала к роду аттиев. Аттия вышла замуж за Кая Октавия и стала матерью Кая Октавия, первого римского императора. Сын, как обычно, взял языческое имя своего отца и принадлежал к роду Октавиев.²⁹¹ Став императором, он добавил себе имя Цезарь Август.

В римском роду происхождение шло по мужской линии от Августа до Ромула, а в течение неизвестного периода и от последнего. Никто не был язычником, кроме тех, кто мог проследить свое происхождение по мужской линии исключительно от какого-то признанного предка внутри рода. Но не было необходимости, поскольку это было невозможно, чтобы все могли проследить свое происхождение от одного общего предка; и тем более от одноименного предка.

Следует заметить, что в каждом из вышеперечисленных случаев, к которым можно добавить большое количество, люди женились вне рода. Такова, несомненно, была общая практика обычного права.

Римский род был индивидуализирован следующими правами, привилегиями и обязанностями:

- I. *Взаимные права наследования имущества умерших язычников.*
- II. *Владение общим местом погребения.*
- III. *Общие религиозные обряды; sacra gentilicia.*
- IV. *Обязательство не вступать в брак в роду.*
- V. *Общее владение землями.*
- VI. *Взаимные обязательства помощи, защиты и возмещения ущерба.*
- VII. *Право носить имя язычника.*
- VIII. *Право принимать в род чужаков.*
- IX. *Право избирать и смещать своих вождей; запрос.*

Эти несколько характеристик будут рассмотрены в указанном порядке.

I. *Взаимные права наследования имущества умерших язычников.*

Когда был обнародован закон Двенадцати таблиц (451 г. до н. э.), древнее правило, которое презумптивно распределяло наследство между язычниками, было заменено более совершенными правилами. Теперь имущество завещателя переходило, во-первых, к его *sui heredes*, то есть к его детям, а при отсутствии детей - к его потомкам по мужской линии.²⁹²

Живые дети получали поровну, а дети умерших сыновей - поровну долю своего отца. Следует заметить, что наследство оставалось в роду; дети женского пола, принадлежавшие к другим родам, исключались. Во-вторых, если не было *наследников sui heredes*, то по тому же закону наследство переходило к агнатам.²⁹³ К агнатическим родственникам относились все те лица, которые могли проследить свое происхождение по мужской линии от одного общего предка с наследодателем. В силу такого происхождения все они носили одно и то же языческое имя, как женщины, так и мужчины, и были ближе по степени родства к умершему, чем остальные язычники. Предпочтение отдавалось ближайшим по степени родства агнатам: во-первых, братьям и незамужним сестрам, во-вторых, дядям по отцовской линии и незамужним тетям наследодателя, и так далее, пока агнатические родственники не были исчерпаны. В-третьих, если не было родственников наследодателя, то по тому же закону к наследованию призывались язычники.²⁹⁴ На первый взгляд это кажется удивительным, поскольку дети сестер наследодателя исключались из наследования, а предпочтение отдавалось родственникам-язычникам, настолько отдаленным, что их родство с наследодателем вообще не могло быть прослежено, а существовало только в силу древней родословной, сохранившейся под общим языческим именем. Причина, однако, очевидна: дети сестер наследодателя принадлежали к другому роду, и право язычника преобладало над более близким родством, поскольку принцип, сохраняющий собственность в роду, был основополагающим. Из закона Двенадцати таблиц следует, что наследование начиналось в обратном порядке и что три класса наследников представляют собой три последовательных правила наследования, а именно: первый - язычники; второй - агнаты, среди которых были дети наследодателя после перехода к мужской линии; и третий - дети, за исключением остальных агнатов.

Женщина, выходя замуж, страдала от того, что технически называется потерей франшизы или уменьшением капитала (*deminutio capitis*), в результате чего она теряла свои агнатические права. И здесь причина очевидна. Если бы после замужества она могла наследовать как агнат, это привело бы к передаче имущества, унаследованного от ее собственного рода, роду ее мужа. Незамужняя сестра могла наследовать, а замужняя - нет.

Зная архаические принципы *gens*, мы можем заглянуть в прошлое, в то время, когда происхождение в латинском *gens* шло по женской линии, когда собственность была незначительной и распределялась среди язычников; не обязательно в течение жизни латинского *gens*, поскольку его существование восходит к периоду оккупации Италии. На то, что римский род перешел из архаической в историческую форму, отчасти указывает возврат собственности в некоторых случаях к язычникам.²⁹⁵

"Право наследования имущества членов, умерших без родства и завещания, - замечает Нибур, - было тем, которое длилось дольше всего; настолько долго, что привлекло внимание юристов и даже - хотя, конечно, не более чем исторический вопрос - Гая, рукопись которого в этой части, к сожалению, неразборчива".²⁹⁶

II. Общее место захоронения.

Чувство джентилизма, по-видимому, было сильнее в верхнем периоде варварства, чем в более ранних условиях, благодаря более высокой организации общества, а также умственному и моральному развитию. Каждый род обычно имел место погребения для исключительного использования его членами в качестве места усыпальницы. Несколько иллюстраций продемонстрируют римские обычаи в отношении погребения.

Аппий Клавдий, глава рода Клавдиев, переехал из Регили, города сабинов, в Рим во времена Ромула, где в свое время стал сенатором, а затем и патрицием. Он привез с собой род

Клавдиев и такое количество клиентов, что его воцарение в Риме считалось важным событием. Суэтоний отмечает, что гены получили от государства земли на Анио для своих клиентов и

. место погребения для себя недалеко от Капитолия.²⁹⁷ Это утверждение, по-видимому, подразумевает, что общее место погребения в то время считалось необходимым для gens. Клавдии, отказавшись от своей сабинской связи и отождествив себя с римским народом, получили и пожалование земель, и место погребения для gens, чтобы поставить их в равные условия с римскими gentes. В этой сделке прослеживается обычай того времени.

Во времена Юлия Цезаря семейная усыпальница еще не полностью вытеснила родовую, о чем свидетельствует случай с Квинтилием Варом, который, потеряв свою армию в Германии, покончил с собой, а его тело попало в руки врагов. Полусожженное тело Вара, говорит Патеркул, было растерзано диким врагом; ему отрубили голову, привезли в Марободус и, отправив к Цезарю, удостоили погребения в языческой усыпальнице.²⁹⁸

В своем трактате о законах Цицерон упоминает об обычаях своего времени в отношении погребения в следующих выражениях: "Сейчас святость мест погребения настолько велика, что утверждается, что неправильно совершать погребение независимо от священных обрядов рода. Так во времена наших предков решил А. Торкват в отношении попилианского рода.²⁹⁹ Смысл этого заявления заключается в том, что религиозным долгом было погребение умерших по священным обрядам и, по возможности, на земле, принадлежащей роду. Кроме того, кремация и ингумация практиковались до принятия Двенадцати таблиц, которые запрещали хоронить или сжигать мертвые тела в пределах города.³⁰⁰ Колумбарий, который обычно вмещал несколько сотен урн, был прекрасно приспособлен для использования в генуе. Во времена Цицерона организация гентилей пришла в упадок, но некоторые свойственные ей обычаи сохранились: и то, что касалось общего места захоронения. Семейная гробница стала заменять гробницу gens, по мере того как семьи в древних gentes становились полной автономией; тем не менее, остатки древних гентильных обычаев в отношении погребения проявлялись в различных формах и были еще свежи в истории прошлого.

III. Общие священные обряды; *sacra gentilicia*.

Римские *sacra* воплощают наше представление о божественном поклонении и были либо общественными, либо частными. Религиозные обряды, совершаемые родом, назывались *sacra privata*, или *sacra gentilicia*. Они совершались регулярно в определенные периоды времени.³⁰¹ Упоминаются случаи, когда расходы на поддержание этих обрядов становились непосильным бременем из-за сокращения численности родов. Они приобретались и терялись в силу обстоятельств, например, усыновления или брака.³⁰² "То, что члены римского рода имели общие священные обряды, - замечает Нибур, - хорошо известно; существовали жертвоприношения, назначенные на определенные дни и места".³⁰³ Священные обряды, как общественные, так и частные, находились исключительно под понтификальным регулированием и не подлежали гражданскому контролю.³⁰⁴

Религиозные обряды римлян, по-видимому, в первую очередь были связаны с родом, а не с семьей. Коллегия понтификов, курионов и авгуров с развитой системой культа под руководством этих священников со временем сформировалась и утвердилась, но система была терпимой и свободной. Жречество было в основном выборным.³⁰⁵ Глава каждой семьи также был жрецом дома.³⁰⁶ Родовые общины греков и римлян были фонтанами, из которых вытекала грандиозная мифология классического мира.

В начале существования Рима у многих родов был свой сакеллум для совершения религиозных обрядов. У некоторых родов были особые жертвоприношения, которые передавались из поколения в поколение и считались обязательными, как, например, у наутиев - Минерве, у фабиев - Геркулесу, у горацев - в знак оправдания за сороубийство, совершенное Горацием.³⁰⁷ Для моей цели достаточно показать, что каждый род имел свои собственные религиозные обряды как один из атрибутов организации.

IV. Обязанность не вступать в брак в роду.

Правила язычников были обычаями, имевшими силу закона. Обязательство не вступать в брак в роду было одним из них. Не похоже, что впоследствии оно было превращено в юридический акт; но свидетельства того, что таково было правило родов, можно найти во многих источниках. Римские генеалогии показывают, что брак заключался вне рода, и примеры тому уже приводились. Это, как мы видели, было архаичным правилом по причинам кровосмешения. Выходя замуж, женщина лишалась своих агнатических прав, и это правило не имело исключений. Это было сделано для того, чтобы предотвратить передачу имущества по браку из одного рода в другой, из рода ее рождения в род ее мужа. Исключение детей женщины из всех прав наследования от дяди по материнской линии или деда по материнской линии, которое последовало за этим, было вызвано той же причиной. Поскольку женщина должна была выходить замуж из своего рода, ее дети должны были принадлежать к роду своего отца, и между представителями разных родов не могло существовать права наследования.

V. Владение общими землями.

Общая собственность на землю была настолько распространена среди варварских племен, что существование такого же владения у латинских племен не вызывает удивления. Часть их земель, по-видимому, с самого раннего периода находилась во владении отдельных лиц. Невозможно назвать время, когда этого не было; но вначале это, вероятно, было право собственности на земли, находящиеся в фактическом владении, о котором так часто говорилось ранее, и которое было признано еще в нижнем периоде варварства.

Среди деревенских латинских племен земли были общими для каждого племени, другие земли принадлежали гентам, а третьи - домохозяйствам.

Выделение земель отдельным лицам стало обычным явлением в Риме во времена Ромула, а затем и вовсе повсеместным. Варро и Дионисий утверждают, что Ромул выделил каждому человеку по две югеры (около двух с четвертью акров).³⁰⁸ Считается, что подобные наделы впоследствии были сделаны Нумой и Сервием Туллием. Это были зачатки абсолютной собственности в нескольких экземплярах, предполагающие оседлую жизнь, а также высокий уровень развития интеллекта. Она не только измерялась, но и предоставлялась правительством, что сильно отличалось от права собственности на землю, возникающего в результате индивидуального действия. Идея абсолютной индивидуальной собственности на землю возникла в результате опыта, полное достижение которого относится к периоду цивилизации. Однако эти земли были заимствованы из тех, что находились в общем владении римского народа. *Gentes, sūgīæ* и племена после начала цивилизации владели некоторыми общими землями, помимо тех, которые принадлежали отдельным лицам в нескольких экземплярах.

Моммзен отмечает, что "римская территория была разделена в самые ранние времена на ряд родовых округов, которые впоследствии были использованы для формирования самых ранних сельских округов (*tribus rusticae*)..... Эти названия, как и названия округов, добавленных в более поздний период, не происходят от местностей, а образованы без исключения от названий родов".³⁰⁹ Каждый род владел независимым округом и по необходимости был локализован в нем. Это был шаг вперед, хотя не только в сельских округах, но и в Риме преобладала практика локализации *gentes* в отдельных районах. Моммзен далее отмечает: "Как каждое домохозяйство имело свой участок земли, так и клан-домохозяйство, или деревня, имел принадлежащие ему родовые земли, которые, как будет показано впоследствии, до сравнительно позднего периода управлялись по аналогии с домовыми землями, то есть по системе совместного владения..... Однако эти кланы с самого начала рассматривались не как самостоятельные общества, а как составные части политического сообщества (*civitas populi*). Сначала она представляла собой совокупность нескольких родовых поселений одного и того же состава, языка и нравов, связанных взаимным соблюдением законов и взаимной правовой защитой, а также совместными действиями в агрессии и обороне."³¹⁰ Здесь Моммзен или его переводчик использует термин "клан" вместо "род", а в других местах вместо "племя" используется "кантон", что тем более необычно, что в латинском языке есть специальные термины для этих организаций, ставших историческими. Моммзен представляет латинские племена до основания Рима как владеющие землями по домохозяйствам, по гентам и по племенам; далее он показывает восходящий ряд социальных организаций в этих племенах, сравнение которых с ирокезами показывает их близкий параллелизм, а именно: род, племя и конфедерация.³¹¹ Фратрия не упоминается, хотя она, вероятно, существовала. Упоминаемое хозяйство вряд ли могло быть одной семьей. Не маловероятно, что оно состояло из родственных семей, которые занимали совместный дом и практиковали коммунизм в быту.

VI. Взаимные обязательства по оказанию помощи, защите и возмещению ущерба.

В период варварства язычники постоянно зависели друг от друга в вопросах защиты личных прав; но после создания политического общества джентилис, теперь уже гражданин, обращается к закону и государству за защитой, которой раньше пользовался его род. Эта особенность древней системы должна была одной из первых исчезнуть в новой. Соответственно, у ранних авторов встречаются лишь незначительные упоминания об этих взаимных обязательствах. Из этого, однако, не следует, что в предыдущий период язычники не выполняли этих обязанностей по отношению друг к другу; напротив, вывод о том, что они выполняли их, является необходимым, исходя из принципов организации язычников. Остатки этих особых обычаев появляются при особых обстоятельствах далеко в историческом периоде. Когда Аппий Клавдий был брошен в темницу (около 432 года до н. э.), Кай Клавдий, враждовавший с ним, надел траур, как и весь род Клавдиев.³¹² Бедствие или позор, постигшие одного члена тела, ощущались и разделялись всеми. Во время второй Пунической войны, замечает Нибур, "язычники объединились, чтобы выкупить своих товарищей, которые были в плену, и сенат запретил им это делать". Это обязательство является неотъемлемой характеристикой *gens*".³¹³ В случае с Камиллом, против которого трибун выдвинул обвинение из-за венецианских трофеев, он созвал к себе домой перед днем, назначенным для суда, своих соплеменников и клиентов, чтобы спросить их совета, и получил ответ, что они соберут любую сумму, которую он будет приговорен выплатить; но очистить его было невозможно.³¹⁴ Активный принцип джентилизма наглядно проиллюстрирован в этих случаях. Далее Нибур отмечает, что обязанность помогать своим неимущим язычникам лежала на членах римских родов.³¹⁵

VII. *Право носить имя язычника.*

Это неизбежно вытекает из природы рода. Все те, кто рождался сыновьями или дочерьми мужчины - члена рода, сами были его членами и имели право носить имя язычника. С течением времени выяснилось, что члены рода не могут проследить свое происхождение до его основателя, и, следовательно, разные семьи внутри рода могут найти свою связь через более позднего общего предка. Хотя эта невозможность доказывала древность рода, она не являлась доказательством того, что эти семьи не произошли от отдаленного общего предка. Тот факт, что люди рождались в роду и что каждый мог проследить свое происхождение через ряд признанных членов рода, был достаточным доказательством языческого происхождения и убедительным свидетельством кровной связи всех язычников. Но некоторые исследователи, в том числе и Нибур,³¹⁶ отрицают существование кровной связи между семьями в роду, поскольку не могут доказать связь через общего предка. Это рассматривает род как чисто фиктивную организацию, и поэтому несостоятельно. Вывод Нибура против кровной связи из определения Цицерона не выдерживает критики. Если бы право человека носить имя язычника было поставлено под сомнение, доказательство этого права заключалось бы не в том, чтобы проследить его происхождение от генара, а от ряда признанных предков внутри рода. Без письменных записей количество поколений, через которые можно было бы проследить родословную, было бы ограничено. Несколько семей в одном роду могли не найти общего предка, но из этого не следовало, что они не имеют общего происхождения от какого-то отдаленного предка в роду.³¹⁷

После того как происхождение перешло на мужскую линию, древние названия родов, которые, не исключено, были взяты от животных,³¹⁸ или неодушевленных предметов, уступили место личным именам. Какой-то человек, отличившийся в истории рода, становился его одноименным родоначальником, и этот человек, как предполагается в других источниках, вряд ли сменялся другим через большие промежутки времени. Когда род разделялся в результате деления территории, одна из частей могла взять новое имя; но такая смена имени не нарушала родства, на котором был основан род. Если учесть, что род римских гентов, меняя имена, дошел до того времени, когда латиняне, греки и санскритоязычный народ Индии были единым народом, не достигая своего истока, можно получить некоторое представление о его древности. Утрата языческого имени в любое время любым человеком была самым невероятным из всех случаев; следовательно, его обладание было наивысшим доказательством того, что он разделял с язычниками одну и ту же древнюю родословную. Существовал один, и только один, способ исказить языческое происхождение, а именно: усыновление чужеземцев по крови в род. Эта практика преобладала, но масштабы ее были невелики. Если бы Нейбур утверждал, что кровное родство язычников с течением времени ослабело до неузнаваемости между некоторыми из них, против его позиции нельзя было бы возразить; но отрицание всякого родства, превращающее род в фиктивное скопление людей без каких-либо уз, противоречит принципу, на котором возник род и который увековечил его на протяжении целых трех этнических периодов.

В другом месте я уже обращал внимание на тот факт, что gens появился с системой кровосмешения, которая свела всех consanguinei к небольшому числу категорий и сохранила их потомков на неопределенное время в той же самой категории. Родственные связи между людьми легко прослеживались, независимо от того, насколько отдаленным был их фактический общий предок. В ирокезском роду из пятисот человек все его члены состоят в родстве друг с другом, и каждый человек знает или может найти свое родство с каждым

другим; таким образом, факт родства постоянно присутствовал в родах архаического периода. С возникновением моногамной семьи появилась новая, совершенно иная система кровосмешения, при которой родственные связи между сородичами вскоре исчезли. Такова была система латинских и греческих племен в начале исторического периода.

Предшествующей ей была, по крайней мере предположительно, туранская, при которой отношения язычников друг с другом были бы известны.

После того как начался упадок языческой организации, новые генты перестали образовываться в результате старого процесса сегментации, а некоторые из существующих вымерли. Это, как правило, повышало ценность языческого происхождения как родословной. Во времена империи в Риме постоянно появлялись новые семьи из чужих краев, которые брали себе языческие имена, чтобы получить социальные преимущества. Считая такую практику злоупотреблением, император Клавдий (40-54 гг. н. э.) запретил иностранцам носить римские имена, особенно имена древних гентов.³¹⁹ Римские семьи, принадлежавшие к историческим *gentes*, придавали огромное значение своей родословной как при республике, так и при империи.

Все члены рода были свободны и равны в своих правах и привилегиях, как самые бедные, так и самые богатые, как знатные, так и безвестные; они в равной степени пользовались всеми достоинствами, которые давало имя гента, унаследованное ими по праву рождения. Свобода, равенство и братство были кардинальными принципами римского рода, не менее безусловными, чем греческого и американского индейского.

VIII. *Право принимать в род чужаков по крови.*

Во времена республики, а также империи практиковалось усыновление в семью, которое приводило человека в род семьи; но оно было сопряжено с формальностями, которые затрудняли его. Человек, не имевший детей и вышедший из возраста, когда их можно было ожидать, мог усыновить сына с согласия понтификов и *куруальной коллегии* (*comitia curiata*). Коллегия понтификов имела право советоваться, чтобы не нарушить священные обряды семьи, из которой был взят усыновленный;³²⁰ также и собрание, поскольку усыновленный получал языческое имя и мог унаследовать имущество своего приемного отца. Из тех мер предосторожности, которые сохранились во времена Цицерона, можно сделать вывод, что при прежней системе, которая была чисто языческой, ограничения должны были быть более серьезными, а случаи - редкими. Маловероятно, что в ранний период усыновление допускалось без согласия рода и курии, к которой принадлежал род; а если так, то число усыновленных должно было быть ограничено. О древних обычаях усыновления сохранилось мало подробностей.

IX. *Право избирать и смещать своих вождей; запрос.*

Неполнота наших знаний о римских гентах наглядно проявляется в отсутствии прямых сведений о сроках пребывания в должности вождя (*princeps*). До создания политического общества каждый род имел своего вождя, и, вероятно, не одного. Когда должность становилась вакантной, она обязательно замещалась либо путем избрания одного из язычников, как у ирокезов, либо передавалась по наследственному праву. Но отсутствие каких-либо доказательств наследственного права и наличие выборного принципа в отношении почти всех должностей при республике, а до этого - при *reges*, приводит к выводу, что наследственное право было чуждо институтам латинских племен. Высшая должность, должность рекса, была выборной, должность сенатора - выборной или по назначению, консулов и низших магистратов - выборной. По-разному относились к коллегии понтификов, учрежденной Нумой. Сначала понтифики сами заполняли вакансии путем выборов. Ливий

говорит об избрании *понтифика* (*pontifex maximus*) *комицей* около 212 года до н. э.³²¹ По закону *Domitia* право избирать членов нескольких коллегий понтификов и жрецов было передано народу, но впоследствии этот закон был изменен Суллой.³²²

Активное присутствие выборного принципа среди латинских родов, когда они впервые попали в поле зрения историков, а также с тех пор и до периода республики, дает веские основания для вывода о том, что должность вождя была выборной. Демократические черты их социальной системы, которые проявляются в стольких моментах, были унаследованы от *gentes*. Для того чтобы преодолеть презумпцию против этого, потребовались бы положительные доказательства того, что должность вождя передавалась по наследственному праву. Право избирать влечет за собой право смещать с должности, если срок полномочий пожизненный.

Эти вожди или избранные из них составляли совет нескольких латинских племен до основания Рима, который был главным инструментом управления. В латинских племенах, как и в греческих, прослеживаются следы трех властей, координируемых в правительстве: совет вождей, народное собрание, на рассмотрение которого, как мы полагаем, выносились наиболее важные государственные меры для принятия или отклонения, и военачальник. Моммзен отмечает, что "все эти кантоны [племена] в первобытные времена были политически суверенными, и каждый из них управлялся своим князем, а также сотрудничеством с советом старейшин и собранием воинов".³²³ Порядок изложения Моммзена должен быть изменен на противоположный, а утверждение - оговорено. Этот совет, исходя из своих функций и центрального положения в их социальной системе, из которой он вырос, по необходимости обладал верховной властью в гражданских делах. Именно совет управлял, а не военачальник. "Во всех городах цивилизованных наций на побережье Средиземного моря, - отмечает Нибур, - сенат был не менее важной и необходимой частью государства, чем народное собрание; это был избранный орган старших граждан; такой совет, говорит Аристотель, есть всегда, будь он аристократическим или демократическим; даже в олигархиях, будь число дольщиков в суверенитете столь мало, назначаются определенные советники для подготовки государственных мер".³²⁴ Сенат политического общества сменил совет вождей языческого общества. Ромул сформировал первый римский сенат из ста старейшин; а поскольку тогда было всего сто гентов, то можно сделать неопровержимый вывод, что они были вождями этих гентов. Эта должность была пожизненной и ненаследственной; отсюда следует окончательный вывод, что в то время должность вождя была выборной. Если бы было иначе, есть все шансы, что римский сенат был бы учрежден как наследственный орган. Свидетельства демократической конституции древнего общества встречаются нам во многих местах, и этот факт не смог найти свое отражение в современных исторических исследованиях греческого и римского языческого общества.

Что касается количества человек в римском роде, то мы, к счастью, не лишены некоторой информации. Около 474 года до н. э. род Фабиев предложил сенату принять участие в войне с венедами в качестве рода, который, по их словам, требовал постоянного, а не большого войска.³²⁵ Их предложение было принято, и они вывели из Рима триста шесть солдат, все патриции, под аплодисменты своих соотечественников.³²⁶ После ряда успехов они были окончательно перебиты, попав в засаду. Но они оставили в Риме одного-единственного мужчину, не достигшего половой зрелости, который один остался, чтобы увековечить род Фабиев.³²⁷ Кажется неправдоподобным, что триста человек должны были оставить в своих семьях лишь одного ребенка мужского пола, не достигшего половой зрелости, но так оно и

есть. Это количество людей указывает на такое же количество женщин, которые, вместе с детьми мужчин, в сумме дают не менее семисот членов рода Фабиев.

Хотя права, обязанности и функции римских родов были представлены недостаточно, было приведено достаточно доказательств того, что эта организация была источником их социальной, государственной и религиозной деятельности. Как единица их социальной системы, она проецирует свой характер на более высокие организации, в которые она входила в качестве составной части. Более полное знание о римском роде, чем то, которым мы обладаем сейчас, необходимо для полного понимания римских институтов в их происхождении и развитии.

ГЛАВА XII. - РИМСКАЯ КУРИЯ, ПЛЕМЯ И НАРОД.

Римское языческое общество. Четыре стадии организации: 1. род; 2. курия, состоящая из десяти родов; 3. племя, состоящее из десяти курий; 4. римский народ, состоящий из трех племен.-Концентрация населения в Риме.-Римский сенат.-Его функции.-Народное собрание.-Его полномочия.-Народный государь.-Команда военачальников (Rex).-Ее полномочия и функции.-Римские институты язычников по существу демократические.

Рассмотрев римский род, остается рассмотреть курию, состоящую из нескольких родов, племя, состоящее из нескольких курий, и, наконец, римский народ, состоящий из нескольких племен. При рассмотрении этой темы мы ограничимся изучением устройства общества, как оно выглядело со времен Ромула до Сервия Туллия, с некоторым упоминанием изменений, произошедших в ранний период республики, когда уступала место система *gentile* и устанавливалась новая политическая система.

Выяснится, что некоторое время существовали две правительственные организации, бок о бок, как у афинян, одна уходила, а другая приходила. Первая - общество (*societas*), основанное на родах; вторая - государство (*civitas*), основанное на территории и собственности, которое постепенно вытесняло первое. Государство, находящееся на переходном этапе, обязательно сложное, и поэтому его трудно понять. Эти изменения были не насильственными, а постепенными, начавшись с Ромула и в основном завершившись, хотя и не доведенные до совершенства, Сервием Туллием; таким образом, предполагаемый период длился почти двести лет, насыщенных событиями, имевшими большое значение для младенческого сообщества. Чтобы проследить историю *gentes* до свержения их влияния в государстве, необходимо, после рассмотрения курии, племени и нации, кратко объяснить новую политическую систему. Последняя станет темой последующей главы.

В языческом обществе римлян можно выделить четыре стадии организации: во-первых, род (*gens*), представлявший собой совокупность кровнородственных браков и являвшийся единицей социальной системы; во-вторых, курия (*curia*), аналогичная греческой фратрии, состоявшая из десяти родов, объединенных в высший орган; В-третьих, племя, состоявшее из десяти курий, которое обладало некоторыми признаками нации в условиях языческих институтов; и, в-четвертых, римский народ (*Populus Romanus*), состоявший во времена Туллы Гостилия из трех таких племен, объединенных путем слияния в одно языческое общество, охватывавшее триста гентов. Есть факты, подтверждающие вывод о том, что все итальянские племена были аналогично организованы в начале исторического периода; но, возможно, с той разницей, что римская курия была более развитой организацией, чем греческая фратрия

или соответствующая фратрия остальных италийских племен; и что римское племя, путем сдерживаемого расширения, стало более всеобъемлющей организацией, чем остальные италийские племена. Некоторые доказательства в поддержку этих утверждений появятся в дальнейшем.

Еще до Ромула италийцы в своих различных ветвях стали многочисленным народом. Большое количество мелких племен, на которые они подразделялись, свидетельствует о неизбежном распаде, который сопровождает языческие институты. Но федеративный принцип утвердился и среди других италийских племен, а также среди латинян, хотя и не привел к созданию какой-либо конфедерации, достигшей значительных результатов. Пока существовало такое положение вещей, произошло великое движение, приписываемое Ромулу, а именно: концентрация ста латинских гентов на берегах Тибра, за которой последовало аналогичное объединение сабинов, латинов, этрусков и других гентов, до двухсот, завершившееся окончательным объединением их в один народ. Так был заложен фундамент Рима, а за ним последовали римская власть и цивилизация. Именно эта консолидация родов и племен под единым правительством, начатая Ромулом и завершенная его преемниками, подготовила почву для новой политической системы - перехода от управления, основанного на личности и личных отношениях, к управлению, основанному на территории и собственности.

Для данного исследования не имеет значения, были ли семь так называемых царей Рима реальными или мифическими личностями, а также является ли законодательство, приписываемое кому-либо из них, сказочным или правдивым: ведь факты, касающиеся древней конституции латинского общества, остались в римских институтах и, таким образом, дошли до исторического периода. К счастью, так случилось, что события человеческого прогресса воплощаются, независимо от конкретных людей, в материальной записи, которая кристаллизуется в институтах, нравах и обычаях, сохраняется в изобретениях и открытиях. Историки, в силу своего рода необходимости, придают большое значение отдельным людям при описании событий; таким образом, они ставят людей, которые являются преходящими, на место принципов, которые являются непреходящими. Работа общества в целом, посредством которой происходит весь прогресс, слишком много приписывается отдельным людям и слишком мало - общественному разуму. В целом следует признать, что суть человеческой истории связана с ростом идей, которые выражаются в институтах, обычаях, изобретениях и открытиях.

Упоминавшееся ранее численное распределение римского народа: десять гентов - курия, десять курий - племя и три колена - было результатом законодательных мероприятий, которые в первых двух племенах были не старше времен Ромула. Это стало возможным благодаря притоку новых членов из соседних племен, которые были получены путем уговоров или завоевания; плоды этого были включены в основном в титии и луцеры, поскольку они последовательно формировались. Но такое точное числовое соответствие не могло сохраняться на протяжении веков, особенно в отношении количества *gentes* в каждой курии.

Мы видели, что греческая фратрия была скорее религиозной и социальной, чем правительственной организацией. Занимая промежуточное положение между родом и племенем, она была менее важна, чем то и другое, пока к ней не добавились государственные функции. У ирокезов она появляется в рудиментарной форме, причем ее социальный, а не правительственный характер был в то раннее время одинаково хорошо

выражен. Но римская курия, чем бы она ни была в предшествующий период, выросла в организацию более цельную и правительственную, чем фратрия греков; о первой, однако, известно больше, чем о второй. Вполне вероятно, что генты, входящие в каждую курию, были, в основном, родственными гентами; и что их объединение в более высокую организацию было скреплено межродовыми браками, когда генты одной курии предоставляли друг другу жен.

Ранние авторы не сообщают об учреждении курии, но из этого не следует, что она была создана Ромулом заново. Впервые она упоминается как римское учреждение в связи с его законодательством: в его время было установлено число курий в двух племенах. Организация в виде фратрии, вероятно, существовала среди латинских племен с незапамятных времен.

Ливий, говоря о благосклонности, с которой относились к сабинским женщинам после установления мира между сабинами и латинами благодаря их вмешательству, замечает, что Ромул по этой причине, разделив народ на тридцать курий, дал им свои имена.³²⁸ Дионисий использует термин *phratry* как эквивалент *curia*, но дает и последнее (*κοῦρία*),³²⁹ и замечает далее, что Ромул разделил *curiæ* на декады, десять в каждой из которых были, конечно, *gentes*.³³⁰ Подобным образом Плутарх ссылается на то, что в каждом племени было по десять *curiæ*, которые, как утверждают некоторые, замечает он, были названы сабинянками.³³¹ Он более точен в использовании языка, чем Ливий или Дионисий, говоря, что каждое племя содержало десять курий, а не то, что каждая была разделена на десять, потому что курии состояли из гентов как первоначальных единств, а не генты из курий путем деления. Работа, проделанная Ромулом, заключалась в регулировании числа *gentes* в каждой курии и числа *curiæ* в каждом племени, что он смог осуществить благодаря присоединению соседних племен. Теоретически каждая курия должна была состоять из гентов, образовавшихся путем сегментации от одного или нескольких гентов, а племя - путем естественного роста за счет формирования нескольких курий, каждая из которых состояла из гентов, объединенных узами общего диалекта. Сто *gentes* Рамнов были латинскими *gentes*. При организации десяти курий, каждая из которых состояла из десяти гентов, Ромул, несомненно, соблюдал родственные узы, размещая, насколько это было возможно, родственные генты в одной курии, а затем достиг численной симметрии, произвольно взяв избыток гентов из одной природной курии, чтобы восполнить недостаток в другой. Сто гентов племени тити были, в основном, сабинскими гентами. Они также были распределены по десяти куриям, и, скорее всего, по тому же принципу. Третье племя, луцеры, образовалось позже в результате постепенных присоединений и завоеваний. Оно было неоднородным по своим элементам, содержало, в частности, ряд этрусских гентов. Они были приведены в единую числовую шкалу из десяти курий, каждая из которых состояла из десяти гентов. В соответствии с этой реконституцией, в то время как *gens*, единица организации, оставалась чистой и неизменной, курия была поднята над своим логическим уровнем и стала включать в себя в некоторых случаях инородный элемент, который не принадлежал к строгой естественной фратрии; и племя также было поднято над своим естественным уровнем и стало включать в себя инородные элементы, которые не принадлежали к племени, поскольку племя росло естественным образом. Благодаря этому законодательному ограничению племена с их *curiæ* и *gentes* были сделаны по отдельности равными, а третье племя было в значительной степени искусственным созданием под давлением обстоятельств. Языковая принадлежность этрусков до сих пор является предметом дискуссий. Есть предположение, что их диалект не был полностью непонятен латинским племенам, иначе они не были бы приняты в римскую социальную систему, которая в то время была чисто языческой.

Обеспеченная таким образом численная пропорция облегчала правительственную деятельность всего общества.

Нибур, который первым получил истинное представление об институтах римлян этого периода, который признал тот факт, что народ был суверенным, что так называемые цари осуществляли делегированную власть, и что сенат был основан на принципе представительства, каждый род имел своего сенатора, вступил в противоречие с фактами, представленными перед ним, заявив в связи с этой градуированной шкалой, что "такие численные пропорции являются неопровержимым доказательством того, что римские дома [gentes]³³² были не более древними, чем конституция; но корпорации, сформированные законодателем в гармонии с остальной частью его схемы".³³³ То, что в *curiæ* второго и третьего колена, и особенно третьего, был введен небольшой иноземный элемент, неоспоримо; но то, что *gens* был изменен в своем составе, перестроен или создан, было просто невозможно. Законодатель не мог создать *gens*; он также не мог создать *curia*, кроме как путем объединения существующих *gentes* вокруг ядра родственных *gentes*; но он мог увеличить или уменьшить с помощью ограничений число *gentes* в *curia*, а также увеличить или уменьшить число *curiæ* в племени. Нибур также показал, что *gens* была древней и универсальной организацией у греков и римлян, что делает его предыдущее заявление еще более непонятным. Более того, оказывается, что фратрия была универсальной, по крайней мере, среди ионийских греков, что позволяет предположить, что курия, возможно, под другим названием, была столь же древней среди латинских племен. Числовые пропорции, о которых идет речь, несомненно, были результатом законодательных закупок во времена Ромула, и у нас есть множество доказательств того, из каких источников были получены новые *gentes*, с помощью которых эти пропорции могли быть получены.

Члены десяти гентов, объединенных в курию, назывались между собой *куриалами*. Они избирали священника, *куриала*, который был главным должностным лицом братства. Каждая курия имела свои священные обряды, в соблюдении которых участвовало братство; свой *sacellum* - место поклонения, и свое место собрания, где они собирались для решения дел. Помимо *куриала*, ведавшего религиозными делами, *куриалы* избирали помощника священника, *flamen curialis*, который непосредственно руководил этими делами. Курия дала название собранию гентов, *comitia curiata*, которое было суверенной властью в Риме в большей степени, чем сенат при гентильной системе. Такова, в общих чертах, была организация римской курии или фратрии.³³⁴

Следующим по возрастанью был римский трибун, состоявший из десяти курий и ста гентов. При естественном росте, без внешнего влияния, племя представляло собой совокупность таких *gentes*, которые были получены путем сегментации от первоначального *gens* или пары *gentes*; все члены племени говорили на одном и том же диалекте. До тех пор пока племя само не разделится, в результате указанных выше процессов, оно будет включать в себя всех потомков членов этих гентов. Но римское племя, с которым мы сейчас имеем дело, было искусственно увеличено для особых целей и с помощью особых средств, а основа и тело племени были естественным ростом.

До времен Ромула каждое племя избирало вождя, в обязанности которого входили магические, военные и религиозные функции.³³⁵ Он выполнял в городе магические обязанности для племени, а также управлял его *сакрой* и командовал военными силами в поле.³³⁶ Вероятно, его избирали куриалы, собранные на общем собрании, но здесь наши сведения опять-таки неполны. Несомненно, это была древняя должность в каждом латинском племени, специфическая по характеру и выборная. Она также была зародышем еще более высокой должности *rex*, или главного военачальника, причем функции этих двух

должностей были схожи. Дионисий называет племенных вождей вождями племен (τρίβῴν ἡγεμονίας).³³⁷ Когда три римских племена объединились в один народ, под управлением одного сената, одного народного собрания и одного военачальника, должность племенного вождя отошла на второй план и стала менее важной; однако сохранение этой должности на выборной основе подтверждает предположение о ее первоначальном народном характере.

Собрание племена также должно было существовать с глубокой древности. До основания Рима каждое италийское племя было практически независимым, хотя племена были более или менее объединены в конфедеративные отношения. Как орган самоуправления каждое из этих древних племен имело свой совет вождей (которые, несомненно, были вождями *gentes*), свое собрание народа и своих вождей, которые командовали его военными отрядами. Эти три элемента в организации племена, а именно совет, племенной вождь и племенное собрание, были теми типами, на основе которых впоследствии были созданы *римский сенат*, *римский рекс* и *куриальная комиссия*. Вождь племена, по всей вероятности, назывался именем от *rex* до основания Рима; то же замечание применимо к названию сенаторов (*senex*) и *комиции* (*con-ire*). Из того, что известно о состоянии и организации этих племен, следует вывод, что их институты были по сути демократическими. После объединения трех римских племен национальный характер племена был утрачен в более высокой организации; но он все еще оставался как необходимое целое в органическом ряду.

Четвертой и последней ступенью организации была римская нация или народ, образовавшаяся, как уже говорилось, в результате слияния трех племен. Внешне эта высшая организация проявлялась в сенате (*senatus*), народном собрании (*comitia curiata*) и главном военачальнике (*rex*). Далее она проявлялась в виде городской магистратуры, армейской организации и общего национального жречества различных орденов.³³⁸

Мощная городская организация с самого начала была центральной идеей их государственной и военной систем, по отношению к которой все области за пределами Рима оставались провинциальными. При военной демократии Ромула, при смешанной демократической и аристократической организации республики и при позднейшем империализме это было правительство с великим городом в центре, вечным ядром, к которому все дополнения путем завоевания добавлялись как приращения, а не становились вместе с городом общими составными частями правительства. В опыте человечества не было ничего подобного этой римской организации, римской власти и карьере римской расы. Она навсегда останется чудом веков.

В том виде, в каком их организовал Ромул, они называли себя римским народом (*Populus Romanus*), что было совершенно точно. Они образовали языческое общество, и ничего более. Но быстрый рост численности во времена Ромула и еще больший рост между этим периодом и периодом Сервия Туллия показал необходимость фундаментального изменения плана управления. Ромул и мудрые люди его времени максимально использовали институты язычников. Его законодательству мы обязаны грандиозной попыткой создать на основе гентов великую национальную и военную державу, а значит, и некоторым знанием о характере и структуре институтов, которые в противном случае могли бы исчезнуть в неизвестности, если бы не были преданы забвению. Возвышение римской власти над языческими институтами стало выдающимся событием в человеческом опыте. Нет ничего необычного в том, что события, сопровождавшие это движение, дошли до нас с оттенком романтики, чтобы не сказать - окутанные баснями. Рим появился благодаря счастливой концепции, приписываемой Ромулу и принятой его преемниками, о сосредоточении как можно большего числа родов в новом городе, под одним правительством и с их объединенными военными силами под началом одного командующего. Его цели были в

основном военными - завоевать господство в Италии, и неудивительно, что организация приняла форму военной демократии.

Выбрав великолепное место на Тибре, где, покинув горную цепь, он вступил в Кампанию, Ромул занял Палатинский холм, место древней крепости, с племенем латинов, вождем которого он был. По преданию, он происходил от вождей Альбы, что имеет второстепенное значение. Новое поселение росло с удивительной быстротой, если верить утверждению, что в конце его жизни военные силы насчитывали 46 000 пеших и 1 000 конных, что означает около 200 000 человек в городе и в окрестностях под его защитой. Ливий замечает, что это был древний прием (*vetus consilium*) основателей городов - привлекать к себе неизвестную и скромную толпу, а затем устанавливать для своего потомства автоктонические притязания.³³⁹ Ромул, следуя этой древней политике, как рассказывают, открыл убежище вблизи Палатина и пригласил всех людей из окрестных племен, без различия характера и состояния, разделить с его племенами преимущества и судьбу нового города. Огромная толпа людей, отмечает далее Ливий, бежала сюда с окрестных территорий, как рабы, так и свободные, что стало первым вливанием иностранной силы в новое начинание.³⁴⁰ Плутарх³⁴¹ и Дионисий³⁴² ссылаются на убежище или рощу, открытие которой с названной целью и успехом было событием вполне вероятным. Это свидетельствует о том, что жители Италии в то время стали многочисленными варварами и что среди них царил недовольство, вызванное, несомненно, несовершенной защитой личных прав, существованием домашнего рабства и опасениями насилия. При таком положении вещей мудрый человек, обладающий достаточным военным гением, чтобы справиться с собранным вместе классом людей, естественно, воспользовался бы им. Следующим важным событием в этом романтическом повествовании, о котором следует напомнить читателю, было нападение сабинян, чтобы отомстить за похищение сабинских девственниц, ставших теперь почетными женами своих похитителей. В результате было достигнуто мудрое соглашение, по которому латины и сабины объединились в одно общество, но каждое подразделение сохранило своего военного лидера. Сабины заняли Квиринальские и Капитолийские холмы. К ним добавилась основная часть второго племени, титиев, под началом их военного вождя Тиция Татия. После смерти последнего все они перешли под военное командование Ромула.

Миновав Нуму Помпилия, преемника Ромула, установившего в более широком масштабе религиозные институты римлян, его преемник, Тулл Гостилий, захватил латинский город Альба и вывел все его население в Рим. Они заняли холм Келиан со всеми привилегиями римских граждан. Число граждан теперь удвоилось, замечает Ливий;³⁴³ , но вряд ли исключительно из этого источника. Анкус Марций, преемник Тулла, захватил латинский город Политорий и, следуя установленной политике, перевел жителей телесов в Рим.³⁴⁴ За ними был закреплен Авентинский холм с аналогичными привилегиями. Вскоре после этого жители Теллини и Фикана были покорены и переведены в Рим, где они также заняли Авентин.³⁴⁵ Следует заметить, что в каждом случае приведенные в Рим *gentes*, а также исконные латинские и сабинские *gentes*, оставались локально отличными друг от друга. В языческом обществе, как в средние, так и в верхние периоды варварства, когда племена стали собираться в крепости и города, обнесенные стенами, было принято, чтобы генты селились на местах вместе по гентам и по фратриям.³⁴⁶ Именно таким образом *gentes* селились в Риме. Большая часть этих присоединений была объединена в третье племя, луцеров, что дало ему широкую основу латинских *gentes*. Она не была полностью заполнена до времен Тарквиния Приска, четвертого полководца от Ромула, причем некоторые из новых *gentes* были этрусскими.

Этими и другими способами триста гентов были собраны в Риме и организованы в курии и племена, несколько различающиеся по родословной; Рамны, как уже отмечалось, были латинами, Титии - в основном сабинами, а Луцеры, вероятно, в основном латинами с большими вкраплениями из других источников. Таким образом, римский народ и организация возникли путем более или менее ограниченного объединения *gentes* в *curiæ*, *curiæ* в племена, а племен в единое языческое общество. Но модель для каждой целостной организации, за исключением последней, существовала среди них и их предков с незапамятных времен; естественной основой для каждой курии были родственные *gentes*, фактически объединенные в каждую, и аналогичной основой для каждого племени - общая родословная большей части *gentes*, объединенных в каждую. Новым в организации было лишь численное соотношение *gentes* к *curia*, *curiæ* к племени и объединение последних в один народ. Это можно назвать ростом под влиянием законодательных ограничений, поскольку образовавшиеся таким образом племена не были полностью свободны от примеси чужеродных элементов; отсюда возникло новое название *tribus* = третья часть народа, которое теперь стало использоваться для обозначения этого организма. В латинском языке, должно быть, был термин, эквивалентный греческому *phylon* (φῦλον) = племя, поскольку они имели одинаковую организацию; но если это так, то он исчез. Изобретение этого нового термина является некоторым свидетельством того, что римские племена содержали разнородные элементы, в то время как греческие были чистыми и родственными по родословной входящим в них *gentes*.

Наши знания о предшествующей структуре латинского общества в основном почерпнуты из законодательства, приписываемого Ромулу, поскольку оно дает представление о предшествующей организации латинских племен с теми улучшениями и модификациями, которые могла предложить мудрость века. Она проявляется в сенате как совете вождей, в *comitia curiata* как собрании народа по куриям, в должности полководца и в восходящем ряду организаций. Особенно ярко это проявляется в наличии *gentes* с их признанными правами, привилегиями и обязанностями. Более того, правительство, учрежденное Ромулом и усовершенствованное его ближайшими преемниками, представляет языческое общество в самой высокой структурной форме, которой оно когда-либо достигало в любой части человеческой семьи. Время, о котором идет речь, было непосредственно перед учреждением политического общества Сервием Туллеем.

Первым судьбоносным деянием Ромула как законодателя стало учреждение римского сената. Он состоял из ста членов, по одному от каждого рода или по десять от каждой курии. Совет вождей как основной инструмент управления не был чем-то новым для латинских племен. С незапамятных времен они привыкли к его существованию и власти. Но вполне вероятно, что до времен Ромула он, подобно греческим советам, превратился в орган предварительного совещания, обязанный готовить и представлять собранию народа важнейшие государственные меры для принятия или отклонения. По сути, это было возобновление народом полномочий, ранее принадлежавших совету вождей. Поскольку ни одна государственная мера, имеющая существенное значение, не могла вступить в силу, пока не получала санкции народного собрания, уже один этот факт свидетельствует о том, что сувереном был народ, а не совет или военачальник. Он также показывает, в какой степени демократические принципы проникли в их государственную систему. Сенат, учрежденный Ромулом, хотя его функции, несомненно, были в значительной степени схожи с функциями предыдущего совета вождей, в нескольких отношениях превосходил его. Он состоял либо из вождей, либо из мудрецов родов. Каждый род, как отмечает Нибур, "посылал своего декуриона, который был его олдерменом"³⁴⁷, чтобы представлять его в сенате. Таким образом, с самого начала сенат был представительным и выборным органом,

и он оставался выборным вплоть до империи. Сенаторы занимали свои должности пожизненно, что было единственным сроком полномочий, известным в то время среди них, и поэтому не является чем-то необычным. Ливий приписывает выбор первых сенаторов Ромулу, что, вероятно, является ошибочным утверждением по той причине, что это не соответствовало бы теории их институтов. Ромул выбрал сто сенаторов, замечает он, либо потому, что этого числа было достаточно, либо потому, что было всего сто человек, которые могли бы стать отцами. Отцами их, конечно, называли в силу их служебного достоинства, а их потомков - патрициями.³⁴⁸ Характер сената как представительного органа, титул Отцов народа, дарованный его членам, пожизненный срок пребывания в должности, но более всех этих соображений - отличие патрициев, передававшееся их детям и потомкам по прямой линии на вечные времена, - одним махом создали аристократию рангов в центре их социальной системы, где она прочно укоренилась. Римский сенат, в силу своего высокого призвания, состава, а также патрицианского звания, полученного его членами и переданного их потомкам, занимал влиятельное положение в последующем государстве. Именно этот аристократический элемент, впервые насажденный в джентилизме, придал республике ее беспородный характер, который, как и следовало ожидать, вылился в империализм, а вместе с ним и в окончательное распадение расы. Возможно, это увеличило военную славу и расширило завоевания Рима, чьи институты с самого начала были нацелены на военную судьбу; но это сократило карьеру этого великого и необычного народа и продемонстрировало положение о том, что империализм с необходимостью уничтожит любую цивилизованную расу. При республике, наполовину аристократической, наполовину демократической, римляне достигли славы, которая, надо думать, была бы выше по степени и продолжительнее по своим плодам, если бы свобода и равенство были национализированы, а не неравные привилегии и зверское рабство. Длительная борьба плебеев за искоренение аристократического элемента, представленного сенатом, и восстановление древних принципов демократии должна быть отнесена к героическим трудам человечества.

После объединения сабинян сенат был увеличен до двухсот человек за счет добавления ста сенаторов³⁴⁹ из гентов племени титиев; а когда во времена Тарквиния Приска луцеры увеличились до ста гентов, из гентов этого племени была добавлена третья сотня сенаторов.³⁵⁰ Цицерон оставил некоторые сомнения в этом утверждении Ливия, сказав, что Тарквиний Приск удвоил первоначальное число сенаторов.³⁵¹ Но Шмитц в качестве объяснения расхождения предполагает, что во время окончательного увеличения сенат мог сократиться до ста пятидесяти членов и быть заполненным до двухсот из гентов первых двух племен, когда к ним добавились сто из третьего. Сенаторы, взятые от племен рамнов и титиев, отныне назывались отцами больших народов (*patres maiorum gentium*), а отцы лукеров - отцами меньших народов (*patres minorum gentium*).³⁵² Из формы заявления следует вывод, что триста сенаторов представляли триста *gentes*, причем каждый сенатор представлял один *gens*. Более того, поскольку каждый род, несомненно, имел своего главного вождя (*princeps*), становится чрезвычайно вероятным, что этот человек был выбран на должность либо своим родом, либо десятью, выбранными вместе курией, из десяти родов, из которых она состояла. Такой способ представительства и выбора наиболее соответствует тому, что известно о римских и языческих институтах.³⁵³ После установления республики цензоры заполняли вакансии в сенате по собственному выбору, пока это не переходило к консулам. Как правило, они выбирались из бывших магистратов высших классов.

Полномочия сената были реальными и существенными. Все государственные меры зарождались в этом органе - как те, по которым он мог действовать самостоятельно, так и те,

которые должны были быть представлены народному собранию и приняты, прежде чем они могли вступить в силу. Ему принадлежала общая забота о благосостоянии народа, управление его внешними сношениями, взимание налогов и военных сил, а также общий контроль над доходами и расходами. Хотя управление религиозными делами принадлежало нескольким коллегиям жрецов, сенат обладал высшей властью и над религией. По своим функциям и призванию он был самым влиятельным органом, когда-либо существовавшим при языческих институтах.

Собрание народа с признанным правом действовать в отношении важных государственных мер, которые должны были обсуждаться им и приниматься или отвергаться, было неизвестно в нижнем и, вероятно, в среднем статусе варварства; но оно существовало в верхнем статусе, на агоре греческих племен, и достигло своей высшей формы в экклесии афинян; оно также существовало в собрании воинов среди латинских племен, достигнув своей высшей формы в *comitia curiata* римлян. Рост собственности привел к созданию народного собрания, как третьей силы в языческом обществе, для защиты личных прав и как щит против посягательств совета вождей и военачальников. Начиная с периода дикости, после учреждения гентов, и вплоть до времен Солона и Ромула, народный элемент всегда был активен в древнем языческом обществе. В ранние времена совет вождей обычно был открыт для ораторов из народа, и общественные настроения влияли на ход событий. Но когда греческие и латинские племена впервые попали в поле зрения историков, собрание народа для обсуждения и принятия или отклонения государственных мер было явлением столь же постоянным, как и совет вождей. Оно было более совершенным у римлян при Ромуле, чем у афинян во времена Солона. В становлении и развитии этого института можно проследить рост и развитие демократического принципа.

Это собрание у римлян называлось *comitia curiata*, потому что совершеннолетние члены *gentes* собирались в одно собрание по куриям и голосовали одинаково. Каждая курия имела один коллективный голос, большинство в каждой определялось отдельно и определяло, каким должно быть это голосование.³⁵⁴ Это было собрание *gentes*, которые одни были членами правительства. Плебеи и клиенты, которые и так составляли многочисленный класс, были исключены, поскольку не могли быть связаны с *Populus Romanus* иначе, как через род и племя. Это собрание, как уже говорилось, не могло ни разрабатывать государственные меры, ни вносить поправки в те, что были им представлены; но ни один из законов определенного уровня не мог вступить в силу, пока не был принят *комицией*. Все законы принимались или отменялись этим собранием; все магистраты и высшие должностные лица, включая *рекса*, избирались им по представлению сената.³⁵⁵ Имперуум передавался этим лицам по закону собрания (*lex curiata de imperio*), что было римским способом вступления в должность. Пока *imperium* не был присвоен, человек, хотя избрание было завершено, не мог вступить в должность. *Комиция куриатов* путем апелляции принимала окончательное решение по уголовным делам, касающимся жизни римского гражданина. Именно благодаря народному движению должность *рекса* была упразднена. Хотя народное собрание так и не получило права принимать меры, его полномочия были реальными и влиятельными. В это время народ был суверенным.

Собрание не имело права созывать само себя, но, как говорят, оно собиралось по вызову *рекса* или, в его отсутствие, по вызову префекта (*praefectus urbi*). Во времена республики его созывали консулы, а в их отсутствие - претор; и во всех случаях тот, кто созывал собрание, председательствовал на его заседаниях.

В другой связи была рассмотрена должность *рекса*. Рекс был генералом, а также жрецом, но без гражданских функций, как пытаются представить некоторые авторы.³⁵⁶ Его полномочия как генерала, хотя они и не определены, обязательно были абсолютными над военными силами в поле и в городе. Если он и осуществлял какие-либо гражданские полномочия в отдельных случаях, то следует полагать, что они были делегированы по случаю. Объявить его королем, как это обязательно следует понимать, значит опорочить и неверно описать народное правительство, к которому он принадлежал, и институты, на которых оно покоилось. Форма правления, при которой появились *rex* и *basileus*, отождествляется с языческими институтами и исчезла после того, как языческое общество было свергнуто. Это была особая организация, не имеющая аналогов в современном обществе, и ее невозможно объяснить в терминах, адаптированных к монархическим институтам. Военная демократия с сенатом, народным собранием и всеобщим выдвижением и избранием - это близкая, хотя и не совсем точная, характеристика столь своеобразного правительства, которое принадлежит исключительно древнему обществу и покоится на институтах по сути демократических. Ромул, по всей вероятности, ободренный своими великими успехами, взял на себя полномочия, которые считались опасными для сената и народа, и его убийство римскими вождями - справедливый вывод из дошедших до нас заявлений о его таинственном исчезновении. Этот поступок, как ни жестоко его называть, свидетельствует о духе независимости, унаследованном от родов, который не подчинялся произволу отдельных лиц. Когда должность была упразднена, а на ее месте учреждено консульство, неудивительно, что вместо одного консула появилось два. Если полномочия должности могли вознести одного человека на опасную высоту, то с двумя такого быть не могло. Та же тонкость рассуждений заставила ирокезов, не имея первоначального опыта, создать двух военных вождей конфедерации вместо одного, чтобы должность главнокомандующего, возложенная на одного человека, не возвысила его до слишком влиятельного положения.

В качестве главного жреца *rex* принимал эгиду в важных случаях, что было одним из высших актов римской религиозной системы и, по их мнению, столь же необходимым в поле накануне битвы, как и в городе. Он совершал и другие религиозные обряды. Неудивительно, что в те времена жреческие функции у римлян, как и у греков, были связаны с высшей военной должностью или присущи ей. Когда эта должность была упразднена, возникла необходимость возложить на кого-то религиозные функции, которые, очевидно, были особыми; отсюда возникла новая должность *rex sacrificulus* или *rex sacrorum*, занимающий которую выполнял религиозные обязанности, о которых идет речь. У афинян та же идея проявляется во втором из девяти архонтов, который назывался *archon basileus* и осуществлял общий надзор за религиозными делами. Почему религиозные функции были связаны с должностью *rex* и *basileus* у римлян и греков, а также с должностью *Teuctli* у ацтеков, и почему после упразднения этих должностей в двух первых случаях обычные священники не могли их выполнять, не объяснено.

Так стояло римское языческое общество со времен Ромула до времен Сервия Туллия, на протяжении более чем двухсот лет, в течение которых были заложены основы римской власти. Правительство, как уже отмечалось, состояло из трех ветвей власти: сената, народного собрания и полководца. В качестве замены обычаев и нравов римляне столкнулись с необходимостью самостоятельно принимать определенные письменные законы. В *рексе* была заложена идея главного исполнительного магистрата, на которую их вынудила необходимость и которая должна была перейти в более полную форму после создания политического общества. Но в те времена, когда опыт высших концепций управления был невелик, эта должность была опасной, поскольку полномочия *рексы* были в основном неопределенными и трудноопределимыми. Неудивительно, что когда между

народом и Тарквинием Супербусом возникли серьезные разногласия, они сместили его и упразднили должность. Как только что-то похожее на безответственную власть царя встретилось с ними лицом к лицу, это было признано несовместимым со свободой, и последняя одержала победу. Однако они были готовы допустить в систему правления ограниченную исполнительную власть и создали должность в двойной форме в лице двух консулов. Это произошло после учреждения политического общества.

До Сервия Туллия не было предпринято никаких прямых шагов для создания государства, основанного на территории и собственности; но предыдущие меры были подготовкой к этому событию. В дополнение к названным институтам они создали городскую магистратуру и полную военную систему, включая институт конного ордена. Благодаря чисто языческим институтам Рим во времена Сервия Туллия стал сильнейшей военной державой Италии.

Среди новых магистратур самой важной была должность начальника городской стражи (*custos urbis*). Этот чиновник, возглавлявший сенат (*princeps senatus*), был, по словам Дионисия, в первую очередь назначен Ромулом.³⁵⁷ Сенат, который не имел права созываться самостоятельно, созывался им. Утверждается также, что *rex* имел право созывать сенат. Вероятно, что он мог созвать сенат по его просьбе, по призыву своего должностного лица; но то, что он мог приказать ему созвать сенат, маловероятно, учитывая его независимость в функциях, его достоинство и представительный характер. После времен децемвиров должность была переименована в префекта города (*præfectus urbi*), ее полномочия были расширены, и она стала выборной благодаря новой *comitia centuriata*. При республике консулы, а в их отсутствие претор, имели право созывать сенат, а также проводить *комиции*. Позднее должность претора (*praetor urbanus*) вобрала в себя функции этой древней должности и стала ее преемницей. Будучи судебным магистратом, римский претор стал прототипом современного судьи. Таким образом, каждый важный институт в правительстве или управлении делами общества, как правило, может быть прослежен до простого зародыша, который возникает в грубой форме из человеческих потребностей, и, когда он способен выдержать испытание временем и опытом, развивается в постоянный институт.

Знание о том, как занимал должность вождя и каковы были функции совета вождей до времен Ромула, если их удастся установить, прольет свет на состояние римского языческого общества во времена Ромула. Более того, эти периоды следует изучать отдельно, поскольку факты их социального состояния менялись вместе с ростом их интеллекта. Итальянский период до Ромула, период семи *регов* и последующие периоды республики и империи отмечены большими различиями в духе и характере правления. Но институты первого периода вошли во второй, а те снова перешли в третий и остались с изменениями в четвертом. Рост, развитие и падение этих институтов воплощают в себе жизненную историю римского народа. Именно прослеживая эти институты от зародыша через их последовательные стадии роста в широком масштабе племен и народов человечества, мы можем проследить великие движения человеческого разума в его эволюции от младенчества в дикости до его нынешнего высокого развития. Из потребности человечества в организации общества возник род; из рода возник вождь и племя с его советом вождей; из племени путем разделения возникла группа племен, затем вновь объединенных в конфедерацию и, наконец, консолидированных путем слияния в нацию; Из опыта работы совета возникла необходимость в собрании народа с разделением полномочий правительства между ними; и, наконец, из военных нужд объединенных племен возник военачальник, который со временем стал третьей властью в правительстве, но подчиненной

двум высшим властям. Это был зародыш должности последующих главных магистратов, короля и президента. Главные институты цивилизованных наций - это просто продолжение тех, которые проросли в дикости, расширились в варварстве, и которые все еще сохраняются и развиваются в цивилизации.

В том виде, в каком римское правительство существовало после смерти Ромула, оно было социальным, а не политическим; оно было личным, а не территориальным. Три племена, правда, располагались на отдельных и разных территориях в пределах города; но это был преобладающий способ расселения при языческих институтах. Их отношения друг к другу и к обществу в целом, как *gentes*, *curiæ* и *tribes*, были полностью личными, правительство имело дело с ними как с группами людей, а с целым - как с римским народом. Локализуясь таким образом в пределах крепостных валов, идея поселка или городского округа возникала, когда необходимость изменения плана управления была навязана им растущей сложностью дел. Вскоре от них потребовались большие перемены, которые должны были быть осуществлены с помощью экспериментального законодательства - точно такого же, к которому афиняне приступили незадолго до Сервия Туллия. Рим был основан, и его первые победы были одержаны при чисто языческих институтах; но плоды этих достижений самим своим размахом показали неспособность *gentes* сформировать основу государства. Но потребовалось два столетия интенсивной деятельности растущего сообщества, чтобы подготовить почву для учреждения второго великого плана управления, основанного на территории и собственности. Потребовалась жертва - изъятие полномочий по управлению у *gentes*, *curiæ* и племен и передача их новым группам населения. Такое изменение стало бы возможным только благодаря убеждению, что генты не могут быть вынуждены уступить такую форму правления, какой требовало их развитое состояние. Практически речь шла о продолжении варварства или о продвижении к цивилизации. Инаугурация новой системы станет темой следующей главы.

ГЛАВА XIII. - СТАНОВЛЕНИЕ РИМСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Популяция.- Плебеи.- Клиенты.- Патриции.- Пределы порядка.- Законодательство Сервия Туллия.- Учреждение имущественных классов.- Центурии.- Неравное избирательное право.- *Comitia Centuriata*.- Заменяет *Comitia Curiata*.- Классы, превосходящие *Gentes*.-Перепись населения.- Плебеи становятся гражданами.- Учреждение городских округов.- Сельские волости.- Племена увеличены до четырех.- Сделаны местными вместо кровнородственных.- Характер новой политической системы.- Упадок и исчезновение организации язычников.- Работа, которую она выполняла.

Сервий Туллий, шестой вождь римской военной демократии, вступил в наследство примерно через сто тридцать три года после смерти Ромула, насколько можно судить по дате.³⁵⁸ Это означает, что он вступил на престол около 576 года до н. э. Этому выдающемуся человеку римляне были в основном обязаны созданием своей политической системы. Достаточно указать ее основные черты, а также некоторые причины, которые привели к ее принятию.

Со времен Ромула и до Сервия Туллия римляне состояли из двух отдельных классов - *полулов* и *плебеев*. Оба были лично свободны, оба вступали в ряды армии; но только первые были организованы в *gentes*, *curiæ* и *tribes* и обладали полномочиями правительства. Плебеи же не принадлежали ни к родам, ни к куриям, ни к племенам и, следовательно, были лишены власти.³⁵⁹ Они были отстранены от должностей, от участия в *куриальной комиссии* и от

священных обрядов гентов. Во времена Сервия они стали почти, если не совсем, такими же многочисленными, как и *население*. Они находились в необычном положении: несли военную службу, обладали семьями и имуществом, что отождествляло их с интересами Рима, но при этом ни в коей мере не были связаны с правительством. В языческих институтах, как мы уже видели, связь с правительством могла осуществляться только через признанный род, а у плебеев не было рода. Такое положение вещей, затрагивающее столь значительную часть народа, было опасно для государства. Не имея возможности исправить ситуацию в условиях языческих институтов, оно должно было послужить одной из главных причин для попытки свержения языческого общества и замены его политическим. Римская структура, по всей вероятности, развалилась бы на куски, если бы не было придумано средство защиты. Она была начата во времена Ромула, обновлена Нумой Помпилием и завершена Сервием Туллем.

Происхождение плебеев и патрициев, а также их последующие отношения друг с другом были плодотворными темами для дискуссий и разногласий. Можно высказать несколько соображений по каждому из этих вопросов.

Человек был плебеем, потому что не принадлежал к роду, организованному вместе с другими родами в курии и трибы. Легко понять, как большое количество людей могло оторваться от родового коллектива в беспокойные времена, которые предшествовали и последовали за основанием Рима. Искатели приключений, стекавшиеся в новый город из окрестных племен, пленники, захваченные в войнах и впоследствии освобожденные, а также неприсоединившиеся люди, смешавшиеся с родом, перевезенным в Рим, быстро составили бы такой класс. Вполне могло случиться и так, что при заполнении ста гентов каждого племени исключались фрагменты гентов и генты, в которых было меньше установленного числа людей. Эти не связанные друг с другом люди, вместе с осколками гентов, исключенными таким образом из признания и организации в курию, вскоре стали бы, вместе со своими детьми и потомками, большим и растущим классом. Таковы были римские плебеи, которые, как таковые, не были членами римского языческого общества. Из эпитета, примененного к сенаторам Лукерьи, третьего римского племени, которых называли "отцами меньших народов", можно сделать справедливый вывод, что старые народы не желали признавать их полного равенства. По более веской причине они отстранили плебеев от всякого участия в управлении государством. Когда третье колено заполнялось положенным числом *gentes*, последний путь к допуску закрывался, после чего численность плебейского сословия увеличивалась с большей быстротой. Нибур отмечает, что существование плебейского сословия можно проследить до времен Анкуса, подразумевая, что они впервые появились в это время.³⁶⁰ Он также отрицает, что клиенты были частью плебейского тела;³⁶¹ в обоих этих положениях он расходится с Дионисием,³⁶² и Плутархом.³⁶³ Институт отношений патрона и клиента названные авторы приписывают Ромулу, а Суетоний признает его существовавшим во времена Ромула.³⁶⁴ Необходимость в таком институте возникла в связи с наличием класса, не имеющего статуса язычника и религиозных обрядов, который пользовался этими отношениями для защиты своей личности и имущества, а также для доступа к религиозным привилегиям. Члены рода не могли быть лишены этой защиты или этих привилегий; также не было бы достойно и не соответствовало бы обязательствам рода позволить одному из его членов принять покровителя в другом роде. Непринадлежащее к роду сословие, или, другими словами, плебеи, были единственными людьми, которые, естественно, искали покровителей и становились их клиентами. По указанным причинам клиенты не составляли часть *населения*. Кажется очевидным, несмотря на весомый авторитет Нибура в римских вопросах, что клиенты были частью плебейского корпуса.

Следующий вопрос чрезвычайно сложен, а именно: происхождение и объем патрицианского сословия - возникло ли оно с учреждением римского сената и ограничивалось сенаторами, их детьми и потомками, или же включало в себя весь *народ*, в отличие от плебеев. Наиболее выдающиеся современные авторитеты утверждают, что все *население* было патрициями. Нибур, который, безусловно, является первым в римских вопросах, принимает эту точку зрения,³⁶⁵ с которой согласны Лонг, Шмитц и другие.³⁶⁶ Но приведенные причины не являются убедительными. Существование патрицианского сословия, а также плебейского сословия можно проследить, как уже говорилось, до времен Ромула.³⁶⁷ Если бы *populus*, то есть весь народ, объединенный в *gentes*, был патрицием в столь ранний период, то это различие было бы номинальным, поскольку плебейское сословие тогда было несущественным. Кроме того, с этим выводом не согласуются прямые утверждения Цицерона и Ливия. Дионисий, правда, говорит об учреждении патрицианского сословия как о возникшем раньше сената и состоявшем из ограниченного числа лиц, отличавшихся своим происхождением, добродетелью и богатством; таким образом, исключались бедные и незнатные по происхождению, хотя они и принадлежали к историческим родам.³⁶⁸ Если допустить существование класса патрициев без сенаторских связей, то в нескольких гентах все равно оставался большой класс, который не был патрицием. Цицерон оставил простое заявление о том, что сенаторы и их дети были патрициями, не ссылаясь на существование какого-либо патрицианского класса помимо их числа. Когда тот сенат Ромула, замечает он, состоявший из лучших людей, которых сам Ромул уважал так высоко, что пожелал, чтобы их называли отцами, а их детей патрициями, попытался³⁶⁹ и т. д. Значение, придаваемое слову "отцы" (*patres*) в данном случае, вызывало разногласия среди самих римлян; но слово *patricii*, поскольку класс формируется *на основе patres*, таким образом, показывает необходимую связь патрициев с сенаторской должностью. Поскольку каждый сенатор с самого начала представлял, по всей вероятности, род, а триста человек - все признанные роды, этот факт сам по себе не мог сделать патрициями всех членов родов, поскольку это достоинство распространялось только на сенаторов, их детей и потомство. Ливий выражается столь же определенно. Они, конечно, назывались отцами, замечает он, в силу своего официального достоинства, а их потомство (*отпрыски*) - патрициями.³⁷⁰ При *регах*, а также при республике отдельные лица становились патрициями по решению правительства; но без сенаторской должности и особого создания правительства это звание получить было невозможно. Не исключено, что ряд лиц, не принятых в сенат при его учреждении, были поставлены государственным актом на один уровень с сенаторами в отношении нового патрицианского звания; но к ним можно отнести лишь небольшое число членов трехсот гентов, все из которых были включены в *Populus Romanus*.

Не исключено, что до времен Ромула вожди родов назывались отцами, чтобы указать на отцовский характер этой должности, и что эта должность могла наделять их потомство неким признанным рангом. Но у нас нет прямых доказательств этого факта. Если предположить, что это было так, и далее, что сенат при его учреждении не включал в себя всех главных вождей, и далее, что при последующем заполнении вакансий в сенате отбор производился по заслугам, а не по роду, то основа для патрицианского сословия могла существовать ранее независимо от сената. Эти предположения можно использовать для объяснения своеобразной формулировки Цицерона, а именно, что Ромул хотел, чтобы сенаторы назывались отцами, возможно, потому, что это уже было почетным титулом вождей родов. Таким образом, можно создать ограниченную основу для патрицианского сословия, независимого от сената; но оно не было бы достаточно широким, чтобы включить в себя все признанные роды. Именно в связи с сенаторами было высказано предположение, что их

дети и потомки должны называться патрициями. Это же утверждение повторяет и Патеркул.³⁷¹

Из этого следует, что не может быть патрицианского рода и плебейского рода, хотя отдельные семьи в одном роду могут быть патрициями, а в другом плебеями. В этом вопросе также существует некоторая путаница. Все взрослые мужчины, принадлежавшие к роду Фабиев, в количестве трехсот шести человек, были патрициями.³⁷² Это следует объяснить предположением, что все семьи этого рода могли вести свое происхождение от сенаторов или от какого-то общественного акта, благодаря которому их предки были возведены в патриции. Конечно, патрицианские семьи существовали во многих *gentes*, а в более поздние времена патрицианские и плебейские семьи в одном и том же *gens*. Так, Клавдии и Марцеллы, о которых мы уже упоминали (*supra* p. 287), были двумя семьями из рода Клавдиев, но только Клавдии были патрициями. Следует иметь в виду, что до Сервия Туллия римляне делились на два класса, *populus* и *plebeians*; но что после его времени, и особенно после законодательства Лициния (367 г. до н. э.), по которому все достоинства государства были открыты для каждого гражданина, римский народ, в степени свободных людей, распался на два политических класса, которые можно различить как аристократию и простонародье. К первому классу относились сенаторы и те, кто происходил от сенаторов, а также те, кто занимал одну из трех курульных должностей (консул, претор и курульный эдил), и их потомки. Простолюдины теперь были римскими гражданами. Организация язычников пришла в упадок, и старое деление больше не могло сохраняться. Лица, которые в первый период, как принадлежащие к *populus*, не могли быть причислены к плебеям, в последующий период стали принадлежать к аристократии, не будучи патрициями. Клавдии могли вести свое происхождение от Аппия Клавдия, который был сделан сенатором во времена Ромула; но Марцеллы не могли вести свое происхождение ни от него, ни от какого-либо другого сенатора, хотя, как замечает Нибур, "равны Апиям по великолепию почестей, которых они достигли, и несравненно более полезны для содружества".³⁷³ Это достаточное объяснение положения Марцеллов, если не прибегать к причудливой гипотезе Нибура о том, что Марцеллы потеряли патрицианское звание в результате брака по развоплощению.³⁷⁴

Класс патрициев был обязательно многочисленным, потому что сенаторы, которых редко бывало меньше трехсот, выбирались так часто, как только появлялись вакансии, и таким образом постоянно включали новые семьи; а также потому, что это давало звание патриция их потомкам. Другие время от времени становились патрициями по решению государства.³⁷⁵ Эти различия, поначалу, вероятно, не имевшие большого значения, приобретали огромную важность по мере роста их богатства, численности и власти; они изменили облик римского общества. Полный эффект от введения привилегированного класса в римском языческом обществе, вероятно, не был оценен в то время; и сомнительно, что этот институт не оказал скорее вредного, чем благотворного влияния на последующую карьеру римского народа.

Когда при новой политической системе *gentes* перестали быть организациями для правительственных целей, *populus* перестали отличаться от плебеев; но тень старой организации и старого различия сохранилась далеко в республике.³⁷⁶ Плебеи при новой системе были римскими гражданами, но теперь они были простонародьем; вопрос о связи или не связи с родом не входил в различие.

От Ромула до Сервия Туллия римская организация, как уже говорилось, была просто обществом язычников, не имеющим отношения ни к территории, ни к собственности. Все, что мы находим, - это ряд совокупностей людей, *gentes*, *curiæ* и *tribes*, с помощью которых правительство имело дело с народом как с группами людей, образующих эти несколько

органических единств. Их состояние было точно таким же, как у афинян до времен Солона. Но вместо старого совета вождей они учредили сенат, вместо старого народного собрания - *комицию куриатов*, а также выбрали военачальника с дополнительными функциями жреца и судьи. С правительством из трех властей, скоординированным по главным нуждам, и с объединением трех племен, состоящих из равного числа *gentes* и *curiæ*, в один народ, они обладали более высокой и полной правительственной организацией, чем латинские племена достигли до этого. Однако постепенно сформировался многочисленный класс, который не подчинялся правительству и не имел религиозных привилегий, за исключением той части, которая перешла в категорию клиентов. Если они и не были опасным классом, то их отстранение от гражданства и участия в управлении государством было пагубным для содружества. Муниципалитет разрастался до невиданных ранее масштабов, требуя особой организации для ведения местных дел. Необходимость изменения плана управления должна была все больше и больше привлекать внимание вдумчивых людей. Рост численности и богатства, а также сложность управления их делами, теперь уже сложными из-за численности и разнообразия интересов, начали выявлять тот факт, что, надо полагать, они не могли держаться вместе в рамках языческих институтов. Подобное заключение необходимо для объяснения нескольких испробованных методов.

Нума, преемник Ромула, сделал первое значительное движение, поскольку оно свидетельствует о существовании впечатления, что великая держава не может опираться на *gentes* как на основу системы. Он попытался, как и Тесей, обойти генты, разделив людей на классы, примерно восемь, в соответствии с их искусствами и ремеслами.³⁷⁷ Плутарх, который является главным авторитетом для этого утверждения, говорит об этом разделении людей по их профессиям как о самом восхитительном из учреждений Нумы; и замечает далее, что оно было разработано, чтобы устранить различие между латинами и сабинами, как имя и вещи, смешав их вместе в новом распределении. Но поскольку он не наделил классы полномочиями, которыми обладали генты, мера провалилась, как и аналогичная попытка Тесея, и по той же причине. Каждая гильдия, как уверяет нас Плутарх, имела свой отдельный зал, суд и религиозные обряды. Эти записи, хотя и традиционные, об одном и том же эксперименте в Аттике и в Риме, проведенном с одной и той же целью, по схожим причинам и с помощью одних и тех же средств, делают обоснованным вывод о том, что эксперимент, как указано, был действительно опробован в каждом случае.

Сервий Туллий ввел новую систему и поставил ее на фундамент, на котором она просуществовала до конца республики, хотя впоследствии в нее вносились изменения, носящие характер усовершенствований. Его период (около 576-533 гг. до н. э.) следует вплотную за периодом Солона (596 г. до н. э.) и предшествует периоду Клизфена (509 г. до н. э.). Приписываемое ему законодательство, которое, очевидно, было разработано по образцу законодательства Солона, может быть принято как имевшее место уже в указанное время, поскольку эта система была в практическом действии, когда была установлена республика 509 года до н. э., в пределах исторического периода. Более того, новая политическая система может быть приписана ему с тем же успехом, с каким великие меры приписывались другим людям, хотя в обоих случаях законодатель не более чем формулирует то, что уже было предложено опытом и навязано его вниманию. Три главных изменения, которые отбросили жанты и открыли политическое общество, основанное на территории и собственности, были следующими: во-первых, замена классов, формируемых на основе индивидуального богатства, на женты; во-вторых, учреждение *comitia centuriata*, как нового народного собрания, на месте *comitia curiata*, собрания жент, с передачей существенных полномочий последнего первому; И в-третьих, создание четырех городских округов, по сути, волостей, очерченных метрами и границами и названных территориальными районами, в которых

жители каждого округа должны были записать свои имена и зарегистрировать свое имущество.

Подражая Солону, с планом правления которого он, несомненно, был знаком, Сервий разделил людей на пять классов, в зависимости от стоимости их имущества, что сконцентрировало в одном классе самых богатых людей из нескольких родов.³⁷⁸ Затем каждый класс был разделен на столетия, число которых устанавливалось произвольно, без учета фактического количества людей, входящих в него, и с одним голосом для каждого столетия в *комиции*. Таким образом, объем политической власти, которой обладал каждый класс, определялся количеством веков, отведенных каждому из них. Так, первый класс состоял из восьмидесяти веков, имевших восемьдесят голосов в *comitia centuriata*; второй класс - из двадцати веков, к которым были присоединены два века ремесленников, имевших двадцать два голоса; третий класс - из двадцати веков, имевших двадцать голосов; четвертый класс - из двадцати, к которым были присоединены два века рогоносцев и трубачей, имевших двадцать два голоса; пятый класс - из тридцати веков, имевших тридцать голосов. Кроме того, эквиты состояли из восемнадцати веков с восемнадцатью голосами. К этим классам Дионисий добавляет шестой класс, состоящий из одного века с одним голосом. В него входили те, кто не имел имущества или имел его меньше, чем требовалось для принятия в пятый класс. Они не платили налогов и не служили на войне.³⁷⁹ Общее число веков в шести классах с добавлением эквитов составляло сто девяносто три, согласно Дионисию.³⁸⁰ Ливий, соглашаясь с первым в отношении числа регулярных веков в пяти классах, отличается от него тем, что исключает шестой класс, лица которого составляли один век с одним голосом и были включены в пятый класс или присоединены к нему. Кроме того, он делает три века рогоносцев вместо двух, а всего веков на один больше, чем Дионисий.³⁸¹ Цицерон замечает, что девяносто шесть веков составляли меньшинство, что было бы одинаково верно при любом из этих утверждений.³⁸² Веки каждого класса делились на старших и младших, из которых старшие века состояли из лиц старше пятидесяти пяти лет, которым вменялось в обязанность, как солдатам, защищать город; младшие же века состояли из лиц моложе этого возраста и старше семнадцати лет, которым поручались внешние военные предприятия.³⁸³ Вооружение каждого класса было предписано и сделано разным для каждого.³⁸⁴

Следует заметить, что управление правительством, насколько собрание народа могло влиять на его действия, было отдано в руки первого класса, эквитов. Они обладали девяносто семью голосами, что составляло большинство от общего числа голосов. Каждый век договаривался о своем голосовании отдельно, когда собирался в *comitia centuriata*, точно так же, как каждая курия привыкла делать это в *comitia curiata*. При голосовании по любому общественному вопросу сначала созывались эквиты, а затем первый класс.³⁸⁵ Если они соглашались в своих голосах, то это решало вопрос, и остальные столетия не призывались к голосованию; если же они не соглашались, то призывался второй класс, и так до последнего, если только большинство не появлялось раньше.

Полномочия, которые ранее осуществляла *comitia curiata*, а теперь перешли к *comitia centuriata*, в последующий период были расширены в некоторых незначительных пределах. Она избирала всех должностных лиц и магистратов по представлению сената; она принимала или отклоняла законы, предложенные сенатом, причем ни одна мера не становилась законом без его санкции; она отменяла существующие законы по предложению того же органа, если он решал это сделать; и она объявляла войну по той же рекомендации. Но сенат заключал мир, не советуясь с собранием. Во всех случаях, связанных с жизнью, можно было подать апелляцию в ассамблею как высший судебный орган штата. Эти

полномочия были значительными, но ограниченными - контроль над финансами исключался. Однако большинство голосов принадлежало представителям первого сословия, в том числе эквитам, которые, как и следовало ожидать, включали в себя патрициев и наиболее состоятельных граждан. Имущество, а не численность, управляло правительством. Однако со временем им удалось создать свод законов, обеспечивавших равную защиту для всех, и таким образом сгладить худшие последствия неравенства системы.

Собрания *комиций* проводились в Campus Martius ежегодно для избрания магистратов и должностных лиц, а также в другое время, когда того требовали общественные нужды. Народ собирался по векам и по сословиям под руководством своих офицеров, организованных как армия (*exercitus*); ведь века и сословия должны были служить всем целям как военной, так и гражданской организации. Во время первого сбора под командованием Сервия Туллия восемьдесят тысяч гражданских солдат явились в Campus Martius под оружием, каждый человек в своем веке, каждый век в своем классе, и каждый класс сам по себе.³⁸⁶ Каждый член столетия теперь был гражданином Рима, что было самым важным плодом новой политической системы. Во времена республики консулы, а в их отсутствие претор, имели право созывать *комиции*, которые возглавлял тот, кто заставлял их собираться.

В свете нашего более богатого опыта такое правительство кажется нам грубым и неуклюжим; но оно было заметным улучшением по сравнению с предыдущим правительством язычников, таким же несовершенным и нелиберальным, как и оно. При нем Рим стал хозяйкой мира. Элемент собственности, который теперь приобрел огромное значение, определил его характер. Он выдвинул на первый план аристократию и привилегии, которые воспользовались возможностью изъять контроль над правительством в значительной степени из рук народа и передать его в руки людей, обладающих собственностью. Это было движение в противоположном направлении от того, к которому естественно склонялись демократические принципы, унаследованные от *gentes*. Против новых элементов аристократии и привилегий, вошедших в государственные институты, римские плебеи боролись на протяжении всего периода республики, и временами с определенным успехом. Но патрицианское звание и собственность, которой обладали высшие классы, были слишком сильны для более мудрых и великих доктрин равных прав и равных привилегий, представленных плебеями. Уже тогда римское общество было слишком тяжелым налогом, чтобы содержать привилегированный класс.

Цицерон, патриот и благородный римлянин, каким он был, одобрял и одобрял эту градацию народа на классы, с предоставлением меньшинству граждан контрольного влияния в правительстве. Сервий Туллий, отмечает он, "создав из общей массы народа большое количество эквитов, разделил остальных на пять классов, различая старших и младших, которые он так сформировал, чтобы отдать голоса не в руки толпы, а в руки людей с собственностью; позаботившись о том, чтобы сделать правилом нашего, как это должно быть в каждом правительстве, что наибольшее число не должно иметь наибольший вес".³⁸⁷ В свете опыта прошедших двух тысяч лет можно с уверенностью сказать, что неравенство привилегий и отрицание права на самоуправление, о котором здесь говорится, породило и развило ту массу невежества и коррупции, которая в конечном итоге уничтожила и правительство, и народ. Человечество постепенно усваивает простой урок, что народ в целом более мудр для общественного блага и общественного процветания, чем любой привилегированный класс людей, каким бы утонченным и культурным он ни был, или, по всей вероятности, когда-либо сможет стать. Правительства самых развитых обществ все еще

находятся на переходном этапе; и они обязательно и логично движутся, как не без оснований отметил президент Грант в своей последней инаугурационной речи, в направлении демократии; той формы самоуправления, которая представляет и выражает средний интеллект и добродетель свободного и образованного народа.

Имущественные классы служили полезной цели разрушения *gentes*, как основы правительственной системы, путем передачи их полномочий другому органу. Очевидно, главной целью законодательства Сервия было освобождение от *gentes*, которые были тесными корпорациями, и создание нового правительства на достаточно широкой основе, чтобы включить в него всех жителей Рима, за исключением рабов. После того как классы выполнили эту работу, можно было ожидать, что они исчезнут, как это произошло в Афинах; и что городские округа и сельские поселения с их жителями, организованными как политические тела, станут основой новой политической системы, как это по праву и логике союзников. Но муниципальная организация Рима не позволила этому осуществиться. Она с самого начала заняла и до конца сохранила центральное положение в управлении, которому были подчинены все остальные области. Она представляет собой аномалию великого центрального муниципального правительства, распространенного, по сути, сначала на Италию, а затем на завоеванные провинции трех континентов. Пять классов, с некоторыми изменениями в способе голосования, сохранились до конца республики. Создание нового собрания народа на месте старого раскрывает радикальный характер сервской конституции. Эти классы никогда бы не обрели жизненную силу без вновь созданного собрания, наделившего их политическими полномочиями. С ростом богатства и населения обязанности и ответственность этого собрания значительно возросли. Очевидно, Сервий Туллий намеревался уничтожить *comitia curiata*, а вместе с ней и власть *gentes*.

Этот законодатель, как говорят, учредил *comitia tributa*, отдельное собрание каждого местного племени или округа, главными обязанностями которого были начисление и сбор налогов, а также обеспечение контингентов войск. Позднее это собрание избирало народных трибунов. Община была естественной единицей их политической системы и центром, где должно было быть создано местное самоуправление, если бы римский народ хотел создать демократическое государство. Но сенат и имущественные классы преградили им путь.

Одним из первых деяний, приписываемых Сервию, было учреждение переписи населения. Ливий называет перепись самой полезной мерой для империи, которой предстояло стать такой огромной, ведь в соответствии с ней мирные и военные обязанности должны были выполняться не индивидуально, как раньше, а в соответствии с мерой личного богатства.³⁸⁸ Каждый человек должен был записаться в палату по месту жительства с указанием суммы своего имущества. Это делалось в присутствии цензора, и заполненные списки служили основой для формирования классов.³⁸⁹ Это сопровождалось очень значимым для того времени актом - созданием четырех городских приходов, очерченных границами и получивших соответствующие названия. По времени это было раньше, чем учреждение Аттического дема Клизфеном; но эти два акта были совершенно разными в их отношениях с правительством. Аттическая дема, как было показано, была организована как политическое тело с аналогичным реестром граждан и их имущества, и имела, кроме того, полное местное самоуправление, с выборной магистратурой, судебной властью и жречеством. С другой стороны, римский округ представлял собой географическую область, с реестром граждан и их имущества, с местной организацией, трибунами и другими выборными должностями, а также с собранием. По ограниченному числу специальных вопросов жители муниципиев решались правительством через их территориальные связи. Но правительство муниципия не

обладало такими основательными атрибутами, как аттический дем. Оно было более близкой копией прежнего афинского наставничества, которое не случайно послужило образцом для подражания, как солунские классы - для сервов. Дионисий замечает, что после того, как Сервий Туллий обнес семь холмов одной стеной, он разделил город на четыре части и дал названия холмов повторным подразделениям: первому - Палатина, второму - Субурра, третьему - Коллина, четвертому - Эсквилина; таким образом, город стал состоять из четырех частей, которые прежде состояли из трех; и он приказал людям, жившим в каждом из четырех районов, как сельским жителям, не занимать другого жилья, не платить налогов в других местах, не записываться солдатами в других местах, не платить взносов на военные нужды и другие потребности, которые каждый должен обеспечивать для общего благосостояния; Ибо все это теперь должно было делаться не по трем кровнородственным племенам (φυλὰς τὰς γενικὰς), а по четырем местным племенам (φυλὰς τὰς τοπικὰς), которые последние были устроены им самим; и он назначил над каждым племенем начальников, филархов или комархов, которым приказал отмечать, в каком доме живет каждый.

390Моммзен отмечает, что "каждый из этих четырех округов должен был обеспечивать четвертую часть не только всего войска, но и каждого из его военных подразделений, так что каждый легион и каждое столетие насчитывали равную долю призывников из каждой области; очевидно, с целью свести все различия языческого и местного характера в один общий сбор общины и особенно связать, посредством мощного выравнивающего влияния военного духа, метеоров и бюргеров в один народ".391

Подобным образом окружающая страна под управлением Рима была организована в волости (*tribus rusticae*), число которых одни авторы называют двадцать шесть, а другие - тридцать одну; вместе с четырьмя городскими палатами в одном случае их было тридцать, а в другом - тридцать пять.392 Общее число никогда не превышало тридцати пяти. Эти волости не стали единым целым в смысле участия в управлении государством.

В окончательном виде, согласно сервийской конституции, правительство было создано в той форме, в которой оно оставалось во время существования республики; консулы занимали место прежних военачальников. Оно не было основано на территории в исключительном смысле афинского правительства или в современном смысле; восходя от волости или округа, единицы организации, к графству или округу, а от последнего - к государству, каждое из которых было организовано и наделено правительственными функциями как составные части целого. Центральное правительство затмевало и атрофировало части. Оно опиралось в большей степени на собственность, чем на территорию, и это стало главным элементом, о чем свидетельствует сосредоточение контрольной власти правительства в высших имущественных классах. Тем не менее, она имела и территориальную основу, поскольку признавала и использовала территориальные подразделения для гражданства, а также для финансовых и военных объектов, в которых гражданин рассматривался через его территориальные отношения.

Теперь римляне были выведены из языческого общества во второй великий план правления, основанный на территории и собственности. Они оставили позади себя язычество и варварство и вступили на новый путь цивилизации. Отныне создание и защита собственности стали главными целями правительства, а также завоевательные походы для господства над далекими племенами и народами. Это великое изменение институтов, создавшее политическое общество в отличие от языческого, было просто введением новых элементов - территории и собственности, превративших последнюю в силу в правительстве, которая до этого была просто влиянием. Если бы приходы и деревенские поселения были организованы с полными полномочиями местного самоуправления, а сенат был бы избран

этими местными избирателями без различия сословий, то в результате правительство было бы демократией, подобной афинской; ведь эти местные органы власти формировали бы государство по своему собственному подобию. Сенат с его наследственным рангом и имущественным цензом, определяющим право голоса в народном собрании, перевесил чашу весов против демократических институтов и создал смешанное правительство, частично аристократическое и частично демократическое, рассчитанное на вечную вражду между двумя классами граждан, намеренно и без необходимости созданных таким образом утвердительным законодательством. Я считаю очевидным, что народ был обойден сербской конституцией, и ему было навязано правительство, которое большинство отвергло бы, если бы полностью осознавало его возможные результаты. Убедительно свидетельствуют о существовавших до этого демократических принципах гентов, которые, хотя и были исключительными по отношению ко всем лицам, не входящим в их сообщество, в полной мере осуществлялись между ними. Доказательства этого свободного духа и их свободных институтов настолько убедительны, что утверждение, высказанное в другом месте, о несовместимости гентилизма с монархией, кажется неопровержимым.

В целом римское правительство было аномальным. Заслоняющий муниципалитет Рима, ставший центром государства в его плане управления, был одной из причин, обусловивших его новаторский характер. Первичная организация народа в армию и воспитанный ею военный дух создали ту сплоченную силу, которая удерживала вместе республику, а затем и империю. С избирательным сенатом, занимающим должность пожизненно и обладающим значительными полномочиями; с личным рангом, переходящим к их детям и потомкам; с выборной магистратурой, приуроченной к нуждам центральной метрополии; с собранием народа, разделенного на имущественные классы, обладающего неравным избирательным правом, но имеющего право голоса "за" и "против" по всем законам; и с развитой военной организацией - среди людей не появилось другого правительства, строго аналогичного этому. Оно было искусственным, нелогичным, приближающимся к чудовищу, но способным на удивительные достижения, благодаря своему военному духу и тому, что римляне были наделены замечательными способностями к организации и управлению делами. Лоскутное одеяло в ее составе было продуктом превосходного ремесла богатых классов, которые намеревались захватить власть, притворяясь, что уважают права и интересы всех.

Когда установилась новая политическая система, старая не сразу исчезла. Функции сената и военачальника остались прежними, но имущественные классы заняли место *gentes*, а собрание классов - место собрания *gentes*. Какими бы радикальными ни были изменения, в основном они ограничивались этими деталями и происходили без трений и насилия. Старому собранию (*comitia curiata*) было позволено сохранить часть своих полномочий, что надолго сохранило организации *gentes*, *curiæ* и родственных племен. Она по-прежнему наделяла *imperium* всех высших магистратов после их избрания, хотя со временем это стало лишь вопросом формы; она вводила в должность некоторых жрецов и регулировала религиозные обряды *curiæ*. Такое положение вещей сохранялось вплоть до первой Пунической войны, после которой *comitia curiata* утратила свое значение и вскоре была предана забвению. И собрание, и курия были скорее вытеснены, чем упразднены, и вымерли от бескормицы; но *gentes* остались далеко в империи, не как организация, ибо она тоже со временем вымерла, а как родословная и линия. Таким образом, переход от языческого к политическому обществу был постепенно, но эффективно осуществлен, и второй великий план человеческого правления был заменен римлянами на первый, который преобладал с незапамятных времен.

После огромной продолжительности, уходящей корнями в отдельное существование арийской семьи и доставшейся латинским племенам от их далеких предков, языческая организация, наконец, уступила свое существование среди римлян требованиям цивилизации. На протяжении нескольких этнических периодов она исключительно владела обществом, пока не овладела на собственном опыте всеми элементами цивилизации, которыми потом оказалась не в состоянии управлять. Человечество обязано своим предкам-дикарям за создание института, способного вывести прогрессирующую часть человеческой расы из дикости в варварство и через последовательные стадии последнего в цивилизацию. Они также накопили опыт, интеллект и знания, необходимые для создания политического общества, пока институт еще сохранялся. Она занимает место на великой карте человеческого прогресса, не имеющее себе равных ни по влиянию, ни по достижениям, ни по истории. Как план управления, языческая организация не соответствовала потребностям цивилизованного человека; но в память о ней следует сказать, что она развила из зародыша основные правительственные институты современных цивилизованных государств. Среди прочих, как уже говорилось, из древнего совета вождей возник современный сенат; из древнего собрания народа - современное представительное собрание, а оба вместе - современная законодательная власть; из древнего полководца - современный главный магистрат, будь то феодальный или конституционный король, император или президент, причем последний является естественным и логическим результатом; а из древнего *custos urbis*, путем круговой деривации, возникли римский претор и современный судья. Равные права и привилегии, личная свобода и кардинальные принципы демократии также были унаследованы от *gentes*. Когда собственность стала создаваться массах, а ее влияние и власть стали ощущаться в обществе, появилось рабство; институт, нарушающий все эти принципы, но поддерживаемый эгоистичным и иллюзорным соображением, что человек, ставший рабом, был чужим по крови и плененным врагом. С собственностью также постепенно пришел принцип аристократии, стремящийся к созданию привилегированных классов. Элемент собственности, который в значительной степени контролировал общество в течение сравнительно короткого периода цивилизации, дал человечеству деспотизм, империализм, монархию, привилегированные классы и, наконец, представительную демократию. Она также сделала карьеру цивилизованных наций в основном карьерой создания собственности. Но когда интеллект человечества поднимется до высоты великого вопроса об абстрактных правах собственности, - включая отношения собственности к государству, а также права людей на собственность, - можно ожидать изменения существующего порядка вещей. Природу грядущих изменений невозможно предугадать, но кажется вероятным, что демократии, некогда универсальной в зачаточной форме и подавленной во многих цивилизованных государствах, суждено вновь стать универсальной и верховной.

Американец, воспитанный на принципах демократии и глубоко проникнутый достоинством и величием этих великих концепций, признающих свободу, равенство и братство человечества, может свободно выражать предпочтение самоуправлению и свободным институтам. В то же время необходимо признать равные права каждого другого человека на принятие и одобрение любой формы правления, будь то имперская или монархическая, которая удовлетворяет его предпочтениям.

ГЛАВА XIV. - ИЗМЕНЕНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПО ЖЕНСКОЙ ЛИНИИ НА МУЖСКУЮ.

Как могло произойти изменение.- Наследование имущества как мотив.- Происхождение по женской линии у ликийцев.- Критян.- Этрусков.- Вероятно, у афинян во времена Кекропса.- Сто семей локрийцев.- Доказательства из браков.- Туранская система кровосмешения среди греческих племен.- Легенда данаидов.

Остается рассмотреть важный вопрос, а именно: существуют ли какие-либо доказательства того, что в древности в греческих и латинских родах происхождение шло по женской линии. Теоретически, это должно было произойти в какой-то более ранний период среди их отдаленных предков; но мы не вынуждены основывать этот вопрос только на теории. Поскольку изменение мужской линии влечет за собой почти полное изменение состава рода, следует указать на метод, с помощью которого это могло быть сделано. Более того, следует показать, если это возможно, что адекватный мотив, требующий изменения, обязательно должен был возникнуть с развитием общества из состояния, в котором возникла эта форма происхождения. И наконец, следует представить существующие доказательства древнего происхождения по женской линии среди них.

В архаический период, как мы видели, род состоял из предполагаемой женщины-прародительницы и ее детей, а также детей ее дочерей и ее потомков по женской линии в бесконечном количестве. Дети ее сыновей и ее мужские потомки через мужчин исключались. С другой стороны, при происхождении по мужской линии род состоял из предполагаемого предка-мужчины и его детей, а также детей его сыновей и его потомков мужского пола по мужской линии на вечные времена. Дети его дочерей и его потомки по женской линии были исключены. Те, кто исключался в первом случае, становились членами рода во втором случае, и *наоборот*. Возникает вопрос, как можно изменить происхождение по женской линии на мужскую без уничтожения рода?

Способ прост и естественен, если мотив для изменения был общим, настоятельным и властным. Если это было сделано в определенное время и по заранее принятому решению, то нужно было только договориться, что все нынешние члены рода должны оставаться его членами, но что в будущем все дети, чьи отцы принадлежали к роду, должны оставаться в нем и носить имя язычников, а дети членов женского рода должны быть исключены. Это не нарушит и не изменит родства или отношений существующих язычников; но впоследствии это сохранит в роду детей, которых он прежде исключал, и исключит тех, кого он прежде сохранял. Хотя эта проблема может показаться трудноразрешимой, под давлением адекватных мотивов она станет легкой, а через несколько поколений будет решена полностью. Что касается практического вопроса, то у американских аборигенов в ряде случаев произошла смена женской линии на мужскую. Так, среди оджибвас происхождение теперь происходит по мужской линии, а среди их сородичей, делаваров и мохеганов, - по женской. Изначально, без сомнения, во всем алгонкинском племени происхождение шло по женской линии.

Поскольку происхождение по женской линии архаично и в большей степени соответствует раннему состоянию древнего общества, чем происхождение по мужской линии, есть предположение в пользу его древнего преобладания в греческих и латинских родах. Более того, когда архаичная форма какой-либо передаваемой организации обнаружена и проверена, невозможно представить себе ее возникновение в более поздней, более совершенной форме.

Если предположить, что у них произошла смена рода с женской линии на мужскую, то это должно было произойти очень далеко от исторического периода. Их история в Среднем статусе варварства полностью утрачена, за исключением того, что она в некоторой степени сохранилась в их искусствах, учреждениях и изобретениях, а также в усовершенствовании языка. Верхний статус имеет дополнительный свет традиции и гомеровских поэм, чтобы познакомить нас со своим опытом и мерой достигнутого тогда прогресса. Но, судя по тому, в каком состоянии находятся их традиции, кажется вероятным, что происхождение по женской линии не исчезло полностью, по крайней мере, среди пеласгийских и греческих племен, когда они перешли в верхний статус варварства.

Когда в греческих и латинских *gentes* происхождение шло по женской линии, род обладал, помимо прочих характеристик, следующими: 1. Браки в роду были запрещены; таким образом, дети попадали в род, отличный от рода их предполагаемого отца. 2. Имущество и должность вождя передавались по наследству; таким образом, дети не могли унаследовать имущество или занять должность своего предполагаемого отца. Такое положение вещей сохранялось до тех пор, пока не возникал мотив, достаточно общий и властный, чтобы доказать несправедливость этого исключения перед лицом изменившегося положения.

Естественным средством было изменение происхождения по женской линии на мужскую. Все, что было необходимо для этого, - адекватный мотив. После того как домашние животные стали разводиться в стадах и отарах, превратившись таким образом не только в источник существования, но и в объект индивидуальной собственности, а обработка земли привела к тому, что дома и участки стали принадлежать нескольким лицам, непременно возник бы антагонизм против преобладающей формы наследования по языческой линии, поскольку она исключала детей владельца, отцовство которых становилось все более уверенным, и передавала его собственности его родственникам-язычникам. Борьба за новое правило наследования, разделяемое отцами и их детьми, послужила бы достаточно мощным мотивом для осуществления перемен. Поскольку собственность накапливалась массами и принимала постоянные формы, а также увеличивалась доля индивидуального владения, наследование по женской линии было наверняка свергнуто, а замена мужской линии столь же гарантирована. Такое изменение оставило бы наследование в роду, как и прежде, но бы поместило детей в род их отца и во главу агнатического рода. Какое-то время, по всей вероятности, они будут участвовать в распределении наследства с остальными агнатами; но продолжение принципа, по которому агнаты отсекают оставшихся язычников, со временем приведет к исключению агнатов из числа детей и к исключительному наследованию детей. Более того, теперь сын будет вступать в линию наследования должности своего отца.

Таков был закон наследования в афинских родах во времена Солона или вскоре после него, когда имущество переходило к сыновьям поровну, с обязательством содержать дочерей и распределять их в браке, а при отсутствии сыновей - к дочерям поровну. Если детей не было, то наследство переходило к агнатическим родственникам, а при отсутствии последних - к язычникам. Римский закон Двенадцати таблиц был практически таким же.

Вероятно также, что, когда наследование перешло к мужскому роду, или еще раньше, названия животных для родов были отменены, а вместо них появились личные имена. Индивидуальность людей все больше и больше проявлялась по мере развития общества и увеличения индивидуального владения собственностью, что привело к названию рода в честь какого-то героя предков. Хотя в результате процесса сегментации время от времени образовывались новые роды, а другие вымирали, родословная одного рода насчитывала сотни, не говоря уже о тысячах лет. После предполагаемого замещения одноименный предок должен был меняться, через большие промежутки времени на его место ставился

какой-нибудь более поздний человек, выделявшийся в истории рода, когда сведения о прежнем человеке становились неясными и исчезали из поля зрения в туманном прошлом. О том, что более знаменитые греческие роды меняли имена, причем делали это изящно, свидетельствует тот факт, что они сохраняли имя матери своего отца-язычника и приписывали его рождение ее объятиям с каким-нибудь богом. Так, Эвмолп, одноименный предок аттических Эвмолпидов, был предположительно сыном Нептуна и Хионы; но даже греческий род был старше, чем зачатие Нептуна.

Возвращаясь теперь к главному вопросу, отметим, что отсутствие прямых доказательств древнего происхождения по женской линии в греческих и латинских gentes не могло бы заставить замолчать предположение в его пользу; но так случилось, что эта форма происхождения сохранилась в некоторых племенах, почти родственных грекам, со следами ее в ряде греческих племен.

Любопытный и наблюдательный Геродот обнаружил один народ, ликийцев, пеласгов по происхождению, но греков по принадлежности, среди которых в его время (440 г. до н. э.) происхождение шло по женской линии. Отметив, что ликийцы происходят с Крита, и рассказав о некоторых особенностях их переселения в Ликию при Сарпедоне, он продолжает следующим образом: "Их обычаи отчасти критские, отчасти карийские. Однако у них есть один необычный обычай, которым они отличаются от всех других народов мира. Спросите ликийца, кто он, и он ответит, назвав свое собственное имя, имя своей матери и так далее по женской линии. Более того, если свободная женщина выходит замуж за раба, их дети становятся свободными гражданами; если же свободный мужчина женится на иностранке или сожительствует с наложницей, пусть даже он будет первым лицом в государстве, дети теряют все права гражданства".³⁹³ Из этого косвенного утверждения обязательно следует, что ликийцы были организованы в роды с запретом на межродовые браки в роду и что дети принадлежали к роду своей матери. Здесь представлен наглядный пример гена в архаичной форме, с подтверждающими тестами последствий брака ликийского мужчины с иностранкой и ликийской женщины с рабом.³⁹⁴ Аборигенами Крита были пеласги, эллины и семитские племена, жившие обособленно друг от друга. Минос, брат Сарпедона, обычно считается главой пеласгов на Крите; но ликийцы уже были эллинизированы во времена Геродота и заметно выделялись среди азиатских греков своей развитостью. Изоляция их предков на острове Крит, до их миграции в легендарный период в Ликию, может дать объяснение сохранению их происхождения по женской линии до этого позднего периода.

Среди этрусков также преобладало то же правило происхождения. "Весьма необычно, - замечает Крамер, - что два обычая, свойственные этрускам, как мы узнаем из их памятников, должны были быть отмечены Геродотом как характерные для ликийцев и кауниан Малой Азии. Во-первых, этруски неизменно описывали свое происхождение и семью по матери, а не по отцу. Второе - они допускали своих жен на пиры и банкеты".³⁹⁵

Курций комментирует ликийское, этруское и критское происхождение по женской линии следующим образом: "Было бы ошибкой понимать рассматриваемое употребление как дань уважения женскому полу. Скорее, он коренится в первобытных условиях общества, в котором моногамия еще не была установлена с достаточной уверенностью, чтобы можно было с уверенностью утверждать о происхождении по отцовской линии. Соответственно, этот обычай распространился далеко за пределы территории, которой владела ликийская народность. Он встречается и по сей день в Индии; можно доказать, что он существовал у

древних египтян; он упоминается у Санхониатона (р. 16, Orell), где причины его существования изложены с большой свободой; и за пределами Востока он появляется у этрусков, у критян, которые были так тесно связаны с ликийцами и называли свою землю-отца землей-матерью; и у афинян, советует Бахофен, и т. д. Таким образом, если Геродот считает рассматриваемый обычай полностью присущим ликийцам, он должен был сохраниться среди них дольше всего из всех народов, связанных с греками, что также подтверждается ликийскими надписями. Следовательно, мы должны рассматривать использование материнского имени для обозначения происхождения как остатки несовершенного состояния социальной жизни и семейного права, которое, по мере того как жизнь становилась более упорядоченной, было отменено в пользу обычаев, ставших впоследствии универсальными в Греции, называть детей по имени отца. Это разнообразие обычаев, имеющее огромное значение для истории античной цивилизации, было недавно рассмотрено Бахофеном в его вышеупомянутом обращении".³⁹⁶

В огромной исследовательской работе Бахофен собрал и обсудил свидетельства женской власти (материнского права) и женского правления (гинеократии) у ликийцев, критян, афинян, лемнийцев, египтян, орхоменцев, локрийцев, лесбийцев, мантинейцев и у восточных азиатских народов.³⁹⁷ Состояние древнего общества, рассмотренное таким образом, требует для своего полного объяснения существования рода в его архаической форме как источника явлений. Это привело бы мать и ее детей к одному роду, а в составе общинного хозяйства, на основе родов, дало бы роду матери главенство в хозяйстве. Семья, достигшая, вероятно, синдиасмической формы, была еще окружена остатками того супружеского строя, который относился к еще более раннему состоянию. Такая семья, состоящая из супружеской пары с детьми, естественно, должна была искать убежища в общинных семьях, в которых несколько матерей и их дети принадлежали бы к одному роду, а предполагаемые отцы этих детей - к другим родам. Общие земли и совместная обработка привели бы к совместным домам и коммунизму в жизни; так что гинеократия, кажется, требует для своего создания происхождения по женской линии. Женщины, укоренившиеся в больших семьях, снабжаемые из общих запасов, в которых их собственный род так сильно преобладал по численности, породили бы явления материнского права и гинеократии, которые Бахофен обнаружил и проследил с помощью фрагментов истории и традиции. В другом месте я уже упоминал о неблагоприятном влиянии на положение женщин, которое оказало изменение происхождения по женской линии на мужскую, и о возникновении моногамной семьи, которая вытеснила совместный дом и в среде чисто языческого общества поместила жену и мать в один дом и отделила ее от ее языческих родственников.³⁹⁸

Моногамия, вероятно, была установлена среди греческих племен только после того, как они достигли верхнего уровня варварства; и мы, кажется, приходим к хаосу в брачных отношениях в течение этого периода, особенно в афинских племенах. По поводу последних Бахофен замечает: "Ибо до времен Хекропса у детей, как мы видели, была только мать, без отца; они принадлежали к одной линии. Связанная исключительно с мужчиной, женщина приносила в мир только поддельных детей. Цекропс первым положил конец такому положению вещей; вернул незаконный союз полов к исключительности брака; дал детям отца и мать и таким образом из однополых (*unilateres*) сделал их двуполыми (*bilateres*)".³⁹⁹ То, что здесь описывается как незаконный союз полов, должно быть воспринято с изменениями. Мы должны ожидать, что в этот сравнительно поздний период мы найдем синдиасмическую семью, но с остатками предшествующей супружеской системы, которая

возникла из браков в группе. Семья пуналуан, которую справедливо подразумевает данное утверждение, должна была исчезнуть до того, как они достигли названного этнического периода. Этот вопрос будет рассмотрен в последующих главах в связи с ростом семьи.

Есть интересное упоминание Полибия о ста семьях локрийцев в Италии. "Сами локрийцы, - замечает он, - заверили меня, что их собственные традиции более соответствуют рассказу Аристотеля, чем Тимея. Этому они приводят следующие доказательства. Первое - это то, что все знатные предки у них происходят от женщин, а не от мужчин. Так, например, знатными являются только те, кто ведет свое происхождение от ста семей. Что эти семьи были знатными среди локрийцев до их переселения и были теми самыми, из которых по жребию, как повелел оракул, были взяты сто девственниц и отправлены в Трою".⁴⁰⁰ По крайней мере, разумно предположить, что упомянутое здесь звание было связано с должностью главы рода, которая облагораживала конкретную семью в составе рода, одному из членов которого оно присваивалось. Если это предположение обоснованно, то оно подразумевает происхождение по женской линии как в отношении лиц, так и в отношении должностей. В архаичные времена должность вождя была наследственной в роду и выборной среди его членов-мужчин; а при происхождении по женской линии она переходила от брата к брату и от дяди к племяннику. Но в каждом случае должность передавалась по женской линии, а право на нее зависело от рода его матери, который обеспечивал его связь с родом и с умершим вождем, чье место должно было быть замещено. Везде, где должность или ранг передаются по женской линии, для их объяснения требуется происхождение по женской линии.

Доказательства древнего происхождения по женской линии среди греческих племен можно найти в конкретных браках, которые произошли в традиционный период. Так, Салмоней и Критеус были родными братьями, сыновьями Эола. Первый отдал свою дочь Тиро в жены ее дяде. При происхождении по мужской линии Критеус и Тиро принадлежали бы к одному роду и не могли бы пожениться по этой причине; но при происхождении по женской линии они принадлежали бы к разным родам, а значит, не были бы родственниками. В этом случае их брак не нарушал бы строгих языческих обычаев. Не имеет значения, что названные лица мифические, потому что легенда правильно применила бы языческие обычаи. Этот брак объясним на основании гипотезы о происхождении по женской линии, что, в свою очередь, вызывает предположение о его существовании в то время, или как оправданный их древними обычаями, которые еще не полностью угасли.

Тот же факт обнаруживается и в браках, заключенных в исторический период, когда древняя практика, похоже, пережила изменение происхождения по мужской линии, даже если она нарушала языческие обязательства сторон. После Солона брат мог жениться на своей сводной сестре, если они были рождены от разных матерей, но не наоборот. При происхождении по женской линии они принадлежали бы к разным родам, а значит, не были бы язычниками. Их брак не нарушал бы никаких языческих обязательств. Но при происхождении по мужской линии, что имело место в случаях, которые мы сейчас приведем, они принадлежали бы к одному роду и, следовательно, находились бы под запретом. Кимон женился на своей сводной сестре Эльпинике, причем отец у них был один и тот же, а матери разные. В "Евбулидах" Демосфена мы находим аналогичный случай. "Мой дед, - говорит Евкситий, - женился на своей сестре, но она не была его сестрой по той же матери".⁴⁰¹ Такие браки, против которых среди афинян еще во времена Солона возникло сильное предубеждение, можно объяснить как сохранение древнего обычая в отношении брака, который преобладал, когда происхождение шло по женской линии, и который не был полностью искоренен во времена Демосфена.

Происхождение по женской линии предполагает наличие генов для различения рода. Учитывая наши современные знания о древней и современной распространенности языческой организации на пяти континентах, включая Австралию, и об архаичном строении генов, можно ожидать, что следы происхождения по женской линии будут существовать в традициях, если не в обычаях, дошедших до исторических времен. Поэтому нельзя предположить, что ликийцы, критяне, афиняне и локрийцы, если доказательств достаточно, чтобы включить последних двух, изобрели столь примечательный обычай, как происхождение по женской линии. Гипотеза о том, что это был древний закон латинского, греческого и других греко-итальянских родов, дает более рациональное, а также удовлетворительное объяснение фактам. Влияние собственности и желание передать ее детям послужили адекватными мотивами для перехода к мужской линии.

О том, что брак вне рода был правилом среди афинян как до, так и после Солона, можно судить по обычаю записывать жену после замужества во фратрии мужа, а детей, как дочерей, так и сыновей, в роде и фратрии отца.⁴⁰² Основопологающим принципом, на котором базировались gens, был запрет на межродовые браки между их членами как consanguinei. В каждом gens число членов было невелико. Если принять шестьдесят тысяч человек за число зарегистрированных афинян во времена Солона и разделить их поровну между тремястами шестьюдесятью аттическими гентами, то на каждый генс приходилось бы всего сто шестьдесят человек. Генс представлял собой большую семью, состоящую из родственных людей, с общими религиозными обрядами, общим местом погребения и, в целом, общими землями. Исходя из теории его создания, межродовые браки должны были быть запрещены. С изменением происхождения по мужской линии, с возникновением моногамии и исключительного наследования по детям, а также с появлением наследниц, постепенно подготавливался путь к свободному браку независимо от рода, но с запретом, ограниченным определенными степенями близкого кровосмешения. Браки в человеческой семье начинались в группе, все мужчины и женщины которой, исключая детей, были совместными мужем и женой; но мужья и жены были из разных родов; и заканчивались браками между одиночными парами, с исключительным сожителем. В последующих главах будет сделана попытка проследить различные формы брака и семьи от первой стадии до последней.

Вместе с родом появилась система кровосмешения, выделяемая в Азии как туранская, а в Америке - как ганованская, которая распространяла запрет на межродственные браки так далеко, как только отношения брата и сестры распространялись среди родственников. Эта система до сих пор преобладает среди американских аборигенов, в некоторых частях Азии и Африки, а также в Австралии.

Она, несомненно, преобладала среди греческих и латинских племен в тот же предшествующий период, и следы ее сохранились вплоть до традиционного периода. Одна из особенностей туранской системы может быть изложена следующим образом: дети братьев сами являются братьями и сестрами и как таковые не могут вступать в брак; дети сестер находятся в тех же отношениях и под тем же запретом. Это может служить объяснением знаменитой легенды о Данаидах, одна из версий которой послужила Эсхилу темой для трагедии *"Супплианты"*. Читатель помнит, что Данай и Египет были братьями и потомками аргивянки Ио. У первого от разных жен было пятьдесят дочерей, у второго от разных жен - пятьдесят сыновей, и в свое время сыновья Египта добивались брака с дочерьми Даная. По системе кровосмешения, присущей роду в его архаической форме и сохранявшейся до тех пор, пока ее не вытеснила система, введенная моногамией, они были

братьями и сестрами и по этой причине не могли вступить в брак. Если бы в то время происхождение велось по мужской линии, дети Дана и Эгипта принадлежали бы к одному роду, что стало бы дополнительным возражением против их брака, причем равным по весу. Тем не менее сыновья Египта пытались преодолеть эти барьеры и навязать Данаиде брачный союз, а последняя, переплыв море, бежала из Египта в Аргос, чтобы избежать незаконного и кровосмесительного союза. В *"Прометее"* того же автора это событие предсказано Ио Прометеем, а именно: что в пятом поколении от ее будущего сына Эпафа группа из пятидесяти девственниц должна прийти в Аргос, не добровольно, а спасаясь от кровосмесительного брака с сыновьями Египта.⁴⁰³ Их бегство с отвращением от предполагаемого брака находит свое объяснение в древней системе кровосмешения, независимо от языческого закона. Без этого объяснения событие не имеет никакого значения, и их неприятие брака было бы простым благоразумием.

В основе трагедии *"Супплиантов"* лежит случай их бегства за море в Аргос, чтобы получить защиту своих аргивян от предполагаемого насилия преследовавших их сыновей Египта. В Аргосе данаиды заявляют, что они покинули Египет не по приговору об изгнании, а бежали от людей общего с ними происхождения, опасаясь нечестивого брака с сыновьями *Египта*.⁴⁰⁴ Их нежелание объясняется исключительно фактом родства, подразумевая тем самым существующий запрет на подобные браки, который они были приучены соблюдать. Выслушав дело сторонников, аргивяне на совете решили предоставить им защиту, что само по себе подразумевает существование запрета на браки и обоснованность их возражений. В то время, когда была создана эта трагедия, афинский закон разрешал и даже требовал брака между детьми братьев в случае наследниц и сирот женского пола, хотя это правило, по-видимому, ограничивалось этими исключительными случаями; поэтому такие браки не казались афинянам ни кровосмесительными, ни незаконными; но традиция данаид дошла до нас из далекой древности, и все ее значение зависело от силы обычая, запрещавшего браки. Переломным моментом в предании и его происшествии стало их стойкое неприятие предложенных браков как запрещенных законом и обычаем. Других причин не приводится, да и не нужно. В то же время их поведение можно понять, если предположить, что тогда такие браки были так же недопустимы, как в наше время брак между братом и сестрой. Попытка сыновей Египта преодолеть барьер, воздвигнутый туранской системой кровосмешения, может означать время, когда эта система начала сдавать свои позиции, а современная система, пришедшая вместе с моногамией, начала утверждаться, и ей было суждено отбросить языческие обычаи и туранское кровосмешение, заменив их фиксированными степенями в качестве границ запрета.

На основании приведенных доказательств представляется вероятным, что среди пеласгийских, эллинских и итальянских племен происхождение изначально шло по женской линии, от которой под влиянием имущественного и наследственного права перешло к мужской. Была ли у этих племен в древности туранская система кровосмешения, читатель сможет судить после того, как эта система будет представлена с доказательствами ее широкой распространенности в древнем обществе.

Продолжительность традиционного периода этих племен, конечно, неизвестна в годах, но она должна измеряться тысячелетиями. Вероятно, он восходит к изобретению процесса плавки железной руды, а если так, то прошел через Поздний период варварства и вошел в Средний период. Их уровень развития в Среднем периоде должен был, по крайней мере, равняться уровню развития ацтеков, майя и перуанцев, которые были обнаружены в статусе Среднего периода; а их уровень развития в Позднем периоде должен был значительно превосходить уровень развития названных индейских племен. Огромный и разнообразный

опыт этих европейских племен в два великих этнических периода, в течение которых они достигли оставшихся элементов цивилизации, полностью утрачен, за исключением того, что несовершенно раскрыто в их традициях и более полно в их жизненных действиях, их обычаях, языке и институтах, как они раскрыты нам в поэмах Гомера. Империи и царства в эти времена были неизвестны, но племена и малочисленные народы, городская и деревенская жизнь, рост и развитие искусства жизни, физическое, умственное и нравственное совершенствование - все это было характерно для этого прогресса. Потеря событий этих великих периодов для человеческого знания была намного больше, чем можно себе представить.

ГЛАВА XV. - РОДЫ В ДРУГИХ ПЛЕМЕНАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СЕМЬИ.

Шотландский клан.- Ирландская септа.- Германские племена.- Следы предшествующей языческой системы.- Жанты в южных азиатских племенах.- В северных.- В уральских племенах.- Сотни семей китайцев.- Еврейские племена.- Состоящие, очевидно, из жантов и фратриев.- Жанты в африканских племенах.- В австралийских племенах.- Подразделения феджиев и пеу.- Широкое распространение языческой организации.

Рассмотрев организацию на генты, фратрии и племена в их архаической и более поздней форме, остается проследить степень ее распространенности в человеческой семье, и особенно в отношении гена, основы этой системы.

Кельтская ветвь арийской семьи сохранила в шотландском клане и ирландском септе организацию на роды до более позднего периода, чем любая другая ветвь семьи, если только арийцы Индии не являются исключением. Шотландский клан, в частности, существовал в удивительной жизнеспособности в Горной Шотландии в середине прошлого века. Он представлял собой прекрасный тип рода по организации и духу, а также являлся необыкновенной иллюстрацией власти языческой жизни над его членами. Прославленный автор "Уэверли" увековечил ряд ярких характеров, сформировавшихся в условиях клановой жизни и отмеченных ее особенностями. Эван Дху, Торкил, Роб Рой и многие другие встают перед глазами как иллюстрации влияния рода на формирование характера отдельных людей. Если сэр Уолтер и преувеличил эти характеры в некоторых аспектах, чтобы приспособить их к возникающим жанрам сказки, они имели под собой реальную основу. Те же самые кланы несколькими столетиями раньше, когда клановая жизнь была сильнее, а внешнее влияние слабее, вероятно, подтвердили бы эти картины. В их вражде и кровной мести, в их локализации по гентам, в их использовании общих земель, в верности кланмена своему вождю и членов клана друг другу мы находим обычные и устойчивые черты языческого общества. В изображении Скотта это была более интенсивная и рыцарская жизнь язычников, чем та, которую мы можем найти в родах греков и римлян или, с другой стороны, в родах американских аборигенов. Существовала ли среди них фратрия, неизвестно; но в какой-то более ранний период и фратрия, и племя, несомненно, существовали. Хорошо известно, что британское правительство было вынуждено разрушить кланы горцев как организации, чтобы подчинить людей закону и обычаям политического общества. Происхождение шло по мужской линии, дети мужчин оставались членами клана, а дети женщин принадлежали к кланам своих отцов.

Мы обойдем вниманием ирландский *септ*, *фис* или *фрара* у албанцев, которые воплощают в себе остатки прежней языческой организации, и следы аналогичной организации в

Далмации и Хорватии; а также санскритское ганас, существование которого в языке подразумевает, что эта ветвь арийской семьи ранее обладала подобным институтом. Общины холопов во французских поместьях в прежние времена, отмеченные сэром Генри Мейном в его недавней работе, могут оказаться, как он намекает, остатками древних кельтских родов. "Теперь, когда объяснение однажды дано, - замечает он, - не может быть никаких сомнений в том, что эти ассоциации на самом деле были не добровольными товариществами, а группами родственников; однако не так часто организованными по обычному типу деревни-общины, как по типу дома-общины, который недавно был исследован в Далмации и Хорватии. Каждый из них представлял собой то, что индусы называют объединенной семьей, собрание предполагаемых потомков общего предка, сохраняющих общий очаг и общую пищу на протяжении нескольких поколений".⁴⁰⁵

Следует кратко коснуться вопроса о том, сохранились ли какие-либо следы языческой организации среди германских племен, когда они впервые попали в поле зрения историков. То, что они унаследовали этот институт, как и другие арийские племена, от общих предков арийской семьи, вполне вероятно. Когда о них впервые узнали римляне, они находились в верхнем состоянии варварства. Они вряд ли могли развить идею правления дальше, чем греческие и латинские племена, которые опередили их, когда каждый из них соответственно стал известен. Хотя германцы, возможно, и приобрели несовершенное представление о государстве, основанном на территории и собственности, маловероятно, что они имели представление о втором великом плане управления, который афиняне первыми из арийских племен установили. Состояние и образ жизни германских племен, описанные Цезарем и Тацитом, склоняют к выводу, что их несколько обществ держались вместе благодаря личным отношениям и незначительной привязке к территории, и что их управление осуществлялось через эти отношения. Гражданские вожди и военачальники получали и занимали должности по принципу выборности и составляли совет, который был главным инструментом управления. По меньшим делам, замечает Тацит, советуются вожди, а по более важным - вся община. Хотя окончательное решение всех важных вопросов принадлежало народу, сначала их обдумывали вожди.⁴⁰⁶ Сходство с греческими и латинскими обычаями очевидно. Правительство состояло из трех властей: совета вождей, собрания народа и военачальника.

Цезарь отмечает, что германцы не занимались земледелием, большую часть их пищи составляли молоко, сыр и мясо; ни у кого не было определенного количества земли или своих индивидуальных границ, но магистраты и вожди каждый год выделяли родам и родственникам, которые объединились в одно тело (*gentibus cognationibusque hominum, qui una coerint*), столько земли и в таких местах, которые казались лучшими, заставляя их на следующий год переселяться в другое место.⁴⁰⁷ Для того чтобы выражение в скобках было понятным, следует предположить, что он нашел среди них группы людей, большие, чем семья, объединенные по родственному признаку, которым, как группам людей, были выделены земли. Он исключает отдельных людей и даже семью, которые вливались в группу, объединенную для обработки земли и получения средств к существованию. Исходя из формы высказывания, представляется вероятным, что германская семья в это время была синдиасмической; несколько родственных семей были объединены в домохозяйства и практиковали коммунизм в быту.

Тацит ссылается на обычай германских племен расставлять свои силы в бою, при котором родственники располагались рядом. Это не имело бы никакого значения, если бы родство ограничивалось близкими родственниками. И что особенно стимулирует их мужество, замечает он, ни случай, ни случайное собрание сил, составляющих конный эскадрон или пехотный клин; но они были сформированы по семьям и родству (*familiae et*

propinquitates).⁴⁰⁸ Это выражение, как и ранее приведенное у Цезаря, указывает, по крайней мере, на остатки прежней организации язычников, которая в это время уступала место марке или местному округу как основе еще несовершенной политической системы.

У германских племен для целей военных сборов существовала марка (*markgenossenschaft*), которая также имела у английских саксов, и более крупная группа, *гау*, которой Цезарь и Тацит дали название *pagus*.⁴⁰⁹ Сомнительно, чтобы марки и *гау* были в то время строго географическими округами, стоящими друг к другу в отношениях города и графства, каждый из которых был очерчен границами, а люди в каждом были политически организованы. Более вероятным представляется, что *гау* - это группа поселений, связанных между собой военными сборами. Как таковые, марка и *гау* были зародышами будущих волостей и графств, точно так же, как афинские наукраии и тритты были зачатками клистирного дема и местного племени. Эти организации представляли собой переходные этапы между языческой и политической системами, в которых группировка людей все еще основывалась на кровосмешении.⁴¹⁰

Мы, естественно, обращаемся к азиатскому континенту, где типы человечества наиболее многочисленны и где, следовательно, период человеческой оккупации был наиболее продолжительным, чтобы найти самые ранние следы языческой организации. Но здесь преобразования общества были наиболее продолжительными, а влияние племен и народов друг на друга - наиболее постоянным. Раннее развитие китайской и индийской цивилизации и подавляющее влияние современной цивилизации внесли такие изменения в условия жизни азиатских племен, что их древние институты нелегко установить. Тем не менее, весь опыт человечества от дикости до цивилизации был пройден на азиатском континенте, и среди его разрозненных племен теперь следует искать остатки древних институтов.

Происхождение по женской линии все еще очень распространено в более грубых азиатских племенах; но есть множество племен, среди которых оно прослеживается и по мужской линии. Это ограничение рода одной или другой линией, за которым следует организация тела консангинеев, выделенных таким образом под общим названием, которое указывает на род.

В племени магар в Непауле, отмечает Лэтэм, "существует двенадцать тумов. Предполагается, что все люди, принадлежащие к одному туму, происходят от одного и того же предка мужского пола; происхождение от одной и той же матери ни в коем случае не является обязательным. Таким образом, муж и жена должны принадлежать к разным тумам. Внутри одного и того же нет брака. Желаете ли вы иметь жену? Если да, то загляните в тум своего соседа; во всяком случае, за пределы своего собственного. Это первый раз, когда я нахожу повод упомянуть об этой практике. Но она не будет последней; напротив, заложенный в ней принцип настолько распространен, что является почти универсальным. Мы найдем ее в Австралии, в Северной и Южной Америке, в Африке, в Европе; мы будем подозревать и предполагать ее во многих местах, где фактические данные о ее существовании неполны".⁴¹¹ В данном случае мы имеем в *туме* четкое доказательство существования рода, с происхождением по мужской линии.

"Муннипоры и следующие племена, населяющие холмы вокруг Муннипора - купу, моу, мурам и мурринг - все делятся на четыре семьи - комул, лоанг, ангом и нингтхаджа. Член любой из этих семей может жениться на члене любой другой семьи, но междоусобные браки членов одной семьи строго запрещены".⁴¹² В этих семьях можно выделить по четыре рода в каждом из этих племен. Белл, говоря о *Телуш* черкесов, отмечает, что "традиция в отношении них такова, что члены каждого из них происходят от одного и того же рода или предка; и поэтому

их можно рассматривать как множество септов или кланов..... Эти двоюродные братья-германцы, или члены одного братства, не только сами не имеют права вступать в брак, но и их крепостные должны вступать в брак с крепостными другого братства".⁴¹³ Вполне вероятно, что *телуш* - это род.

Среди бенгальцев "четыре касты подразделяются на множество различных сект или классов, и каждый из них снова подразделяется; например, я из племени нунди [gens?], и если бы я был язычником, то не мог бы жениться на женщине из того же племени, хотя каста должна быть той же. Дети принадлежат к племени своего отца. Имущество переходит к сыновьям. Если у человека нет сыновей, то к его дочерям, а если он не оставил ни одного, то к ближайшим родственникам. Касты подразделяются, например, *шуро*, которая является одной из первых; но она снова подразделяется, например, *хайрл*, *тилли*, *тамалли*, *танги*, *чомор*, *кари* и т. д. Мужчина, принадлежащий к одному из этих последних подразделений, не может жениться на женщине из этого же подразделения".⁴¹⁴ Эти самые маленькие группы обычно насчитывают около ста человек и сохраняют некоторые характеристики рода.

Мистер Тайлер отмечает, что "в Индии брахману запрещено жениться на жене, чье родовое имя или *гхотра* (буквально "коровье стойло") совпадает с его собственным, и этот запрет бесконечно препятствует бракам между родственниками по мужской линии. Этот закон в кодексе Ману распространяется на первые три касты, а родственникам по женской линии также запрещено вступать в брак в определенных широких пределах".⁴¹⁵ И снова: "Среди колхов Чота-Нагпура мы находим много кланов ораон и мунда, названных в честь животных, таких как угорь, ястреб, ворона, цапля, и они не должны убивать или есть то, в честь чего названы".⁴¹⁶

По физическим характеристикам монголы вполне приближаются к американским аборигенам. Они делятся на многочисленные племена. "Связь, - говорит Лэтэм, - между членами племени - кровная, родословная или происхождение; в некоторых случаях племя называется в честь настоящего или предполагаемого патриарха. Племя, которым мы переводим туземное название *аймаук* или *аймак*, - это большое подразделение, состоящее из множества *кохумов*, или знамен".⁴¹⁷ Это утверждение недостаточно полно, чтобы показать существование гентов. Их соседи, тунгусы, состоят из подразделений, названных в честь животных, таких как лошадь, собака, северный олень, что подразумевает наличие языческих организаций, но это нельзя утверждать без дальнейших подробностей.

Сэр Джон Лаббок отмечает о калмуках, что, по словам де Хелла, они "разделены на орды, и ни один мужчина не может жениться на женщине из той же орды", а об остяках - что они "считают преступлением жениться на женщине из той же семьи или даже того же имени", и что "когда якут (Сибирь) хочет жениться, он должен выбрать девушку из другого клана".⁴¹⁸ В каждом из этих случаев мы имеем свидетельство существования рода, одним из правил которого, как было показано, является запрет на межродовые браки между его членами. Самодийцы Юрака организованы в генты. Клапрот, которого цитирует Лэтэм, отмечает, что "это разделение родства соблюдается настолько жестко, что ни один самоед не берет жену из рода, к которому принадлежит сам. Напротив, он ищет ее в одном из двух других".⁴¹⁹

Среди китайцев преобладает своеобразная семейная система, которая, похоже, воплощает в себе остатки древней языческой организации. Мистер Роберт Харт из Кантона в письме к автору отмечает, "что китайское выражение для обозначения этого народа - *Pih-sing*, что означает "*Сто фамилий*"; но является ли это простым словотворчеством или имело свое происхождение в те времена, когда китайская общая семья состояла из ста подсемейств или племен [gentes?], я не в состоянии определить. В настоящее время в этой стране

насчитывается около четырехсот фамилий, среди которых я нахожу некоторые, связанные с животными, фруктами, металлами, природными объектами и т. д., и которые можно перевести как "лошадь", "овца", "окс", "рыба", "птица", "финикс", "слива", "цветок", "лист", "рис", "лес", "река", "холм", "вода", "облако", "золото", "шкура", "щетина" и т. д. и т. п. В некоторых частях страны встречаются большие деревни, в каждой из которых существует только одна фамилия; таким образом, в одном районе можно найти, скажем, три деревни, в каждой из которых проживает две или три тысячи человек, одна из которых носит фамилию Лошади, вторая - Овцы, а третья - Окса..... Как у североамериканских индейцев мужья и жены принадлежат к разным племенам [gentes], так и в Китае муж и жена всегда принадлежат к разным семьям, т. е. к разным фамилиям. Обычай и закон одинаково запрещают браки между людьми, носящими одну и ту же фамилию. Дети принадлежат к семье отца, то есть носят его фамилию..... В случае завещательной смерти отца имущество обычно остается неразделенным, но находится под контролем старшего сына в течение жизни вдовы. После ее смерти он делит имущество между собой и своими братьями, причем доли младших полностью зависят от воли старшего брата".

Описанная здесь семья, по-видимому, представляет собой род, аналогичный римскому во времена Ромула; но была ли она вновь объединена с другими родами общего происхождения во фратрии, неизвестно. Более того, язычники все еще располагаются как независимый консангвинический организм в одной области, как были локализованы римские язычники в ранний период, а названия язычников все еще архаичного типа. Можно было бы ожидать увеличения их числа до четырехсот путем сегментации; но их сохранение до настоящего времени, после того как период варварства давно миновал, является примечательным фактом и дополнительным доказательством их неподвижности как народа. Можно также предположить, что моногамная семья в этих деревнях не достигла своего полного развития, и что коммунизм в жизни, а также в женах, возможно, не является неизвестным среди них. Среди диких аборигенных племен, все еще населяющих горные районы Китая и говорящих на диалектах, отличных от мандаринского, еще может быть обнаружен ген в его архаической форме. В этих изолированных племенах мы, естественно, должны искать древние институты китайцев.

Подобным образом племена Афганистана, как говорят, подразделяются на кланы; но являются ли эти кланы настоящими gentes, выяснить не удалось.

Чтобы не утомлять читателя дальнейшими подробностями подобного характера, было приведено достаточное количество случаев, чтобы создать предположение, что языческая организация преобладала очень широко и повсеместно среди отдаленных предков нынешних азиатских племен и народов.

Двенадцать колен Евреев, как они представлены в Книге Чисел, представляют собой реконструкцию Еврейского общества путем законодательного закрепления. Варварство уже миновало, и наступила цивилизация. Принцип, по которому были организованы племена, как совокупность кровных родственников, предполагает существовавшую ранее языческую систему, которая сохранилась и теперь была систематизирована. В это время они не имели представления о каком-либо ином плане управления, кроме как о языческом обществе, состоящем из консангвинистических групп, объединенных личными отношениями. Их последующая локализация в Палестине по кровнородственным племенам, каждый округ которых был назван в честь одного из двенадцати сыновей Иакова, за исключением колена Левия, является практическим признанием того факта, что они были организованы по родословной, а не в сообщество граждан. История самого замечательного народа

семитской семьи была сосредоточена вокруг имен Авраама, Исаака и Иакова, а также двенадцати сыновей последнего.

Еврейская история начинается, по сути, с Авраама, рассказ о праотцах которого ограничивается родословной, лишенной подробностей. Несколько отрывков покажут масштабы тогдашнего прогресса и статус, на котором находился Авраам. Он описывается как "очень богатый скотом, серебром и золотом".⁴²⁰ За пещеру Махпела "Авраам взвесил Ефрону серебро, которое он назвал в присутствии сыновей Хетовых, четыреста сиклей серебра, текущие *деньги* у купца".⁴²¹ Что касается домашней жизни и пропитания, то можно привести следующий отрывок: "И поспешил Авраам в шатер к Сарре и сказал: приготовь скорее три меры муки; замеси ее и сделай лепешки на очаге".⁴²² "И взял масла и молока, и телянка, которого одели, и поставил перед ними".⁴²³ Что касается утвари, одежды и украшений: "Авраам взял огонь в руку свою и нож".⁴²⁴ "И принес слуга драгоценности серебряные, и драгоценности золотые, и одежды, и дал их Ревекке; дал также брату ее и матери ее драгоценные вещи".⁴²⁵ При встрече с Исааком Ревекка "взяла покрывало и покрылась".⁴²⁶ В этой же связи упоминаются верблюд, осел, бык, овца и коза, а также стада и отары; мельница для зерна, кувшин для воды, серьги, браслеты, шатры, дома и города. Упоминаются лук и стрелы, меч, кукуруза и вино, поля, засеянные зерном. Они указывают на верхний статус варварства для Авраама, Исаака и Иакова. Письменность в этой ветви семитской семьи, вероятно, была тогда неизвестна. Степень ее развития в значительной степени соответствует уровню развития гомеровских греков.

Раннееврейские брачные обычаи указывают на наличие *gens*, причем в его архаичной форме. Авраам через своего слугу, по-видимому, купил Ребекку в жены Исааку; "драгоценные вещи" были отданы брату и матери невесты, но не отцу. В этом случае подарки доставались родственникам-язычникам, если только существовал род, с происхождением по женской линии. И снова Авраам женился на своей сводной сестре Сарре. "И еще, - говорит он, - она сестра моя; она дочь отца моего, но не дочь матери моей; и она стала мне женою".⁴²⁷

При существующем роде и происхождении по женской линии Авраам и Сара принадлежали бы к разным родам, и хотя они были *кровными родственниками*, но не *язычниками*, и могли бы вступить в брак по языческому обычаю. В случае с происхождением по мужской линии все было бы наоборот. Нахор женился на племяннице, дочери своего брата Харана;⁴²⁸ и Амрам, отец Моисея, женился на тетке, сестре своего отца, которая стала матерью еврейского законоучителя.⁴²⁹ В этих случаях, при происхождении по женской линии, брачующиеся принадлежали бы к разным родам; но в остальных случаях - по мужской линии. Хотя эти случаи не доказывают абсолютное существование гентов, последний мог бы дать им такое объяснение, которое позволило бы предположить существование языческой организации в ее архаичной форме.

Когда Моисеево законодательство было завершено, евреи были цивилизованным народом, но не настолько развитым, чтобы создать политическое общество. Писание говорит о том, что они были организованы в ряд кровосмесительных групп по возрастающей шкале, аналогично роду, племени и племени греков. В сборниках и организационных документах Евреев, как общества, так и армии, когда они находились на Синайском полуострове, неоднократно упоминаются эти консумированные группы в восходящем ряду, которые, по-видимому, являются эквивалентами рода, племени и фратрии. Так, колено Левия состояло из восьми гентов, объединенных в три фратрии, как показано ниже:

Колено Левия.

Сыновья	}	I.	<i>Гершон.</i>	7,500	Мужчины.
из		II.	<i>Кохат.</i>	8,600	"
Левия.		III.	<i>Мерари.</i>	6,200	"

I. *Гершонит Фратрии.*
Gentes.-1.Libni. 2. Шимей.

II. *Фратрия кохатитов.*
Gentes.-1. Amram. 2. Изар. 3. Хеврон. 4. Уззиэль.

III. *Мераритская фратрия.*
Gentes.-1. Mahli. 2. Муши.

"Сочти сынов Левия по дому отцов их, по семействам их..... И вот сыны Левиины по именам их: Гершон, и Кохат, и Мерари. И вот имена сыновей Герсона по семействам их: Либни и Шимей. А сыновья Кохата по их семействам: Амрам, Изар, Хеврон и Уззиэль. И сыновья Мерари по семействам их: Махли и Муши. Вот семейства левитов по домам отцов их".⁴³⁰

Описание этих групп иногда начинается с верхнего члена серии, а иногда - с нижнего или единицы. Таким образом: "Из сынов Симеоновых, по родам их, по семействам их, по дому отцов их".⁴³¹ Здесь *сыны Симеоновы с их поколениями* составляют племя, семьи - фратрии, а дом отца - род. И снова: "И начальником дома отца семейств Кохафовых будет Елизафан, сын Уззиэля".⁴³² Здесь мы видим сначала род, затем фратрию и, наконец, колено. Названный человек был начальником фратрии. Каждый дом отца также имел свой знак или знамя, чтобы отличать его от других. "Каждый из сынов Израилевых будет выставять знамя свое, знамя дома отца своего".⁴³³ Эти термины описывают реальные организации; они показывают, что их военная организация была разделена на жанты, фратрии и племена.

Что касается первой и самой маленькой из этих групп, "дома отца", то она должна была насчитывать несколько сотен человек, судя по приведенным данным о количестве в каждой фратрии. Еврейский термин *beth' ab* означает *отцовский дом, дом отца, семейный дом*. Если евреи обладали родом, то это была именно эта группа людей. Использование двух терминов для ее описания оставляет сомнения, если только отдельные семьи, живущие по моногамии, не стали тогда настолько многочисленными и заметными, что это иносказание было необходимо, чтобы охватить всех родственников. Буквально мы имеем: дом Амрама, Изара, Хеврона и Уззиэля; , но поскольку в то время у Евреев не могло быть понятия о доме в том смысле, в каком оно сейчас применяется к титулованной семье, то, вероятно, оно означало родственные связи или родство.⁴³⁴ Поскольку каждый отдел и подразделение возглавлял мужчина, а происхождение евреев прослеживается исключительно по мужской линии, то и происхождение среди них в это время, несомненно, было по мужской линии. Следующей по восходящей шкале идет семья, которая, по-видимому, представляет собой фратрию. Древнееврейский термин для обозначения этой организации, *мишпака*, означает союз, родство. Она состояла из двух или более отцовских домов, образованных путем сегментации из первоначальной группы и отличавшихся друг от друга фратриальным именем. Она очень близка к фратрии. Семья или фратрия имела ежегодный жертвенный праздник.⁴³⁵ Наконец, племя, называемое на иврите *маттех*, что означает ветвь, стебель или побег, является аналогом греческого племени.

Очень мало сведений о правах, привилегиях и обязанностях членов этих родов. Идея родства, объединявшая каждую организацию от *отцовского дома до племени*,

осуществляется в гораздо более выраженной и точной форме, чем в соответствующих организациях греческих, латинских или американских индейских племен. Хотя афинские традиции утверждали, что четыре племени произошли от четырех сыновей Иона, они не претендовали на объяснение происхождения гентов и фратрий. Напротив, древнееврейский рассказ не только генеалогически выводит двенадцать колен от двенадцати сыновей Иакова, но и генты и фратрии от детей и потомков каждого из них. В человеческом опыте нет аналогов роста родов и фратрий именно таким образом. Этот рассказ следует объяснять как классификацию существующих кровосмесительных групп в соответствии со знаниями, сохраненными традицией, при которой незначительные препятствия были преодолены законодательными ограничениями.

Евреи называли себя "народом Израиля", , а также "общиной".⁴³⁶ Это прямое признание того факта, что их организация была социальной, а не политической.

В Африке мы сталкиваемся с хаосом дикости и варварства. Оригинальные искусства и изобретения в значительной степени исчезли, благодаря тканям и утвари, привнесенным из внешних источников; но дикость в ее низших формах, включая каннибализм, и варварство в его низших формах преобладают на большей части континента. Среди внутренних племен наблюдается более близкое приближение к местной культуре и нормальному состоянию; но в целом Африка представляет собой бесплодное этнологическое поле.

Хотя это родина негров, хорошо известно, что их численность ограничена, а территории невелики. Лэтэм многозначительно замечает, что "негр - это исключительный африканец".⁴³⁷ Аширы, апонсы, ишого и ашанго, расположенные между Конго и Нигером, которые посетил Дю Шайю, представляют собой истинный негритянский тип. "В каждой деревне, - замечает он, - был свой вождь, а дальше вглубь страны деревни, похоже, управлялись старейшинами, каждый старейшина со своими людьми имел отдельный участок деревни. В каждом клане был ифуму, фуму, или признанный глава клана (ифуму означает "*источник*", "*отец*"). Мне никогда не удавалось получить от туземцев сведения о разделении их племен на кланы; похоже, они не знали, как это происходит, но образование новых кланов не происходит сейчас среди них..... Дом вождя или старейшины не лучше, чем дома его соседей. Деспотическая форма правления неизвестна..... Прежде чем предать человека смерти, необходимо провести совет старейшин.... Племена и кланы вступают в браки друг с другом, и это вызывает дружеские чувства среди людей. Люди из одного клана не могут вступать в брак друг с другом. Малейшее кровосмешение считается мерзостью; тем не менее племянник не имеет ни малейших возражений против того, чтобы брать жен своего дяди, и, как у балакаев, сын берет жен своего отца, кроме собственной матери..... Многоженство и рабство существуют повсеместно среди племен, которые я посетил..... Закон наследования у западных племен таков: следующий брат наследует имущество старшего (женщин, рабов и т.д.), но если младший умирает, старший наследует его имущество, а если братьев нет, то наследует племянник. Глава клана или семьи наследуется по тому же закону, что и наследование имущества. В случае смерти всех братьев наследует старший сын старшей сестры, и так продолжается до тех пор, пока ветвь не прервется, ибо все кланы считаются происходящими с женской стороны".⁴³⁸

Все элементы истинного рода воплощены в вышеприведенных деталях, а именно: происхождение ограничено одной линией, в данном случае женской, что дает род в его архаичной форме. Более того, по женской линии передаются должности и имущество, а также имя гентия. Должность вождя переходит от брата к брату или от дяди к племяннику, причем племянник может быть сыном сестры, как у американских аборигенов; сыновья же исключаются, поскольку не принадлежат к роду умершего вождя. Браки в роду также

запрещены. Единственное существенное упущение в этих точных формулировках - названия некоторых родов. Наследственный признак требует дополнительного объяснения.

Среди баньяи на реке Замбези, которые являются народом более высокого уровня, чем негры, доктор Ливингстон заметил следующие обычаи: "Правительство баньяи довольно своеобразно, это своего рода феодальный республиканизм. Вождь избирается, причем предпочтение отдается сыну сестры умершего вождя, а не его собственному отпрыску. Если один из кандидатов не устраивает, за преемником отправляются даже в дальнее племя, и обычно это представитель семьи покойного вождя, брат или сын сестры, но никогда не его собственный сын или дочь..... Все жены, имущество и дети его предшественника принадлежат ему".⁴³⁹ Доктор Ливингстон не приводит особенностей их социальной организации; но передача должности вождя от брата к брату или от дяди к племяннику подразумевает существование рода с передачей по женской линии.

Многочисленные племена, населяющие страну, омываемую рекой Замбези, а оттуда на юг до Капской колонии, рассматриваются самими туземцами, по словам доктора Ливингстона, как единый народ, состоящий из трех больших подразделений - бечуанов, басутов и кафиров.⁴⁴⁰ Относительно первых он замечает, что "племена бечуанов названы в честь определенных животных, что, вероятно, показывает, что в древние времена они были приверженцами поклонения животным, как древние египтяне. Термин *Bakatla* означает "они обезьяны"; *Vakuona* - "они аллигатора"; *Batlapī* - "они рыбы"; каждое племя испытывает суеверный страх перед животным, в честь которого оно названо..... Племя никогда не ест животное, которое является его тезкой..... Мы находим следы многих древних племен в отдельных членах тех, которые сейчас вымерли; например, *Bátau*, "они Льва"; *Banoga*, "они Змеи", хотя сейчас таких племен не существует."⁴⁴¹ Эти названия животных указывают скорее на род, чем на племя. Более того, тот факт, что встречаются одиночки, каждый из которых был последним выжившим представителем своего племени, был бы более вероятен, если бы род понимался вместо племени. Среди бангалов долины Кассандж, в Арголе, Ливингстон отмечает, что "брат вождя наследует по преимуществу перед его сыновьями. Сыновья сестры принадлежат ее брату; и он часто продает своих племянников, чтобы оплатить свои долги".⁴⁴² Здесь мы снова имеем свидетельство происхождения по женской линии; но его высказывания в этих и других случаях слишком кратки и общи, чтобы можно было с уверенностью сказать, владели ли они родом или нет.

Среди австралийцев уже упоминались генты камиларои. По этническому положению аборигены этого большого острова находятся в самом низу шкалы. Когда их обнаружили, они были не только дикарями, но и находились на низком уровне дикости. Некоторые из племен были каннибалами. По этому последнему вопросу упомянутый выше мистер Фисон пишет автору следующее: "Некоторые, по крайней мере, племена являются каннибалами. Доказательства этого неопровержимы. Племена Уайд-Бей едят не только своих врагов, убитых в бою, но и убитых друзей, и даже тех, кто умер естественной смертью, при условии, что они в хорошем состоянии. Перед употреблением они снимают с них кожу и сохраняют ее, натирая жиром и древесным углем. Эти шкуры они ценят очень высоко, считая, что они обладают большой лекарственной ценностью".

Подобные картины человеческой жизни позволяют понять состояние дикости, уровень ее использования, степень материального развития, низкий уровень умственной и нравственной жизни народа. Австралийское человечество, как видно из его каннибальских обычаев, стоит на такой низкой ступени, какой только можно коснуться на земле. И все же австралийцы обладали территорией континентальных размеров, богатой полезными ископаемыми, не слишком благоприятным климатом и достаточно обеспеченной

средствами к существованию. Но после оккупации, которая измеряется тысячелетиями, они все еще остаются дикарями того уровня, о котором говорилось выше. Предоставленные сами себе, они, вероятно, оставались бы еще тысячи лет, но не без каких-либо, а с такими незначительными улучшениями, которые едва ли скрашивали бы мрачную тень их дикарского состояния.

Среди австралийцев, чьи институты нормальны и однородны, организация на генты не ограничивается камиларои, а, похоже, является универсальной. Нарриньери из Южной Австралии, живущие неподалеку от залива Ласепед, объединены в группы, названные в честь животных и насекомых. Преподобный Джордж Таплин в письме к моему другу мистеру Фисону, сообщив, что нарриньери не вступают в браки в своих родах и что дети принадлежат к роду своего отца, продолжает следующее: "Здесь нет ни каст, ни классов, подобных тем, что существуют у камилароизычных племен Нового Южного Уэльса. Но у каждого племени или семьи (а племя - это семья) есть свой тотем, или *нгайтие*; и действительно, у некоторых людей есть этот *нгайтие*. Он считается гением-покровителем человека. Это какое-то животное, птица или насекомое. Туземцы очень строги в своих брачных отношениях. Племя [gens] считается семьей, и мужчина никогда не женится на представительнице своего племени".

Мистер Фисон также пишет, "что среди племен района Мараноа в Квинсленде, диалект которых называется *урги*, согласно информации, сообщенной мне мистером А. С. П. Камероном, существует такая же классификация, как и среди племен, говорящих на языке камиларои, как в отношении названий классов, так и тотемов". Что касается австралийцев реки Дарлинг, то, согласно информации, переданной мистером Чарльзом Г. Н. Локвудом, он далее отмечает, что "они подразделяются на племена [gentes], упоминая эму, дикую утку и кенгуру, но не говоря, есть ли другие, и что дети принимают как классовое имя, так и тотем матери".⁴⁴³

Если у названных племен существует организация язычников, то можно предположить, что она широко распространена среди австралийских аборигенов; хотя, как уже отмечалось, этот институт находится на начальной стадии своего развития.

Наши сведения о внутренних институтах жителей Полинезии, Микронезии и Папуасских островов все еще ограничены и несовершенны. Среди гавайцев, самоанцев, жителей Маркизских островов и новозеландцев не было обнаружено никаких следов языческой организации. Их система кровосмешения все еще примитивна, что свидетельствует о том, что их институты не продвинулись так далеко, как предполагает эта организация.⁴⁴⁴ На некоторых Микронезийских островах должность вождя передается по женской линии;⁴⁴⁵, но этот обычай может существовать независимо от рода. Фиджийцы подразделяются на несколько племен, говорящих на диалектах одного и того же основного языка. Одно из них, Rewas, состоит из четырех подразделений под характерными названиями, и каждое из них снова подразделяется. Не представляется вероятным, что последние подразделения являются гентами, в том числе и потому, что их членам разрешено вступать в браки. Происхождение происходит по мужской линии. Подобным образом тонганцы состоят из подразделений, которые снова подразделяются так же, как и у рева.

Вокруг простых идей, касающихся брака и семьи, пропитания и управления, сформировались самые ранние социальные организации, и с них следует начинать изложение структуры и принципов древнего общества. Если принять теорию прогрессивного развития человечества через опыт веков, то изоляция жителей Океании, ограниченность их территории и средств существования предопределили медленные темпы прогресса. Они все

еще представляют состояние человечества на континенте Азия во времена, значительно удаленные от настоящего; и хотя особенности, связанные с их изоляцией, несомненно, существуют, эти островные общества представляют собой одну из ранних фаз великого потока человеческого прогресса. Изложение их институтов, изобретений и открытий, а также умственных и моральных черт удовлетворило бы одну из великих потребностей антропологической науки.

На этом мы завершаем обсуждение организации в генты и ареала ее распространения. Эта организация была обнаружена среди австралийцев и африканских негров, а также следы этой системы в других африканских племенах. Она была обнаружена в целом распространенной среди той части американских аборигенов, которые на момент обнаружения находились в нижнем статусе варварства; а также среди части индейцев деревни, которые находились в среднем статусе варварства. Подобным образом она существовала в полной мере среди греческих и латинских племен, находившихся в верхнем статусе варварства; следы ее сохранились в нескольких оставшихся ветвях арийской семьи. Организация была найдена, или следы ее существования, в туранской, уральской и монгольской семьях; в тунгусских и китайских племенах, и в семитской семье у евреев. Были приведены достаточно многочисленные и убедительные факты, чтобы утверждать о его древней универсальности в человеческой семье, а также о всеобщей распространенности в течение последней части периода дикости и всего периода варварства.

Исследование также собрало достаточное количество фактов, чтобы продемонстрировать, что этот замечательный институт был истоком и основой древнего общества. Это был первый органический принцип, выработанный опытом, который смог организовать общество по определенному плану и удерживать его в органическом единстве до тех пор, пока оно не стало достаточно развитым для перехода в политическое общество. О его древности, значительной универсальности и непреходящей жизненной силе достаточно свидетельствует то, что он сохранился на всех континентах до настоящего времени. Замечательная приспособляемость языческой организации к нуждам человечества в эти несколько периодов и условий достаточно подтверждается ее распространенностью и сохранением. С ней связана самая богатая событиями часть опыта человечества.

Вопрос о том, зародился ли род спонтанно в данном состоянии общества и повторился бы таким образом в разобщенных областях; или же он имел единое происхождение и распространялся из первоначального центра путем последовательных миграций по поверхности Земли, - это справедливые вопросы для спекулятивного рассмотрения. Последняя гипотеза, с небольшими изменениями, кажется более удачной по следующим причинам: Мы видим, что две формы брака и две формы семьи предшествовали институту рода. Требовался особый опыт, чтобы достичь второй формы брака и семьи, и дополнить этот опыт изобретением рода. Эта вторая форма семьи стала конечным результатом естественного отбора, в результате сокращения до более узких пределов огромной супружеской системы, которая охватила дикого человека и держала его в мощной хватке. Его окончательное избавление было слишком примечательным и слишком невероятным, чтобы, как кажется, повториться много раз и на сильно разделенных территориях. Группы *consan guineï*, объединявшиеся для защиты и пропитания, несомненно, существовали с младенчества человеческой семьи; но род - это совсем другое тело родства. Он берет часть и исключает остальных; он организует эту часть на родственных узах, под общим именем, с общими правами и привилегиями. Межродовые браки в роду были запрещены, чтобы обеспечить преимущества браков с неродственниками. Это был жизненно важный принцип организма и самый трудный для установления. Вместо естественной и очевидной

концепции, генс был по сути заумным, и, как таковой, являлся продуктом высокого интеллекта для того времени, в которое он возник. После воплощения идеи в жизнь требовались длительные периоды времени, чтобы довести ее до зрелого состояния и до совершенства в использовании. Полинезийцы имели эту пуналуанскую семью, но не смогли изобрести ген; австралийцы имели ту же форму семьи и обладали геном. Она берет начало в пуналуанской семье, и какие бы племена ни достигли ее, они обладали элементами, из которых сформировался генс. Такова модификация предложенной гипотезы. В предшествующей организации, основанной на половой принадлежности, существовал зародыш gens. Когда род полностью развился в своей архаичной форме, он распространился бы на огромных территориях благодаря превосходящим силам созданного таким образом улучшенного поголовья. Его распространение легче объяснить, чем его возникновение. Эти соображения свидетельствуют о невероятности его повторного воспроизводства на разобщенных территориях. С другой стороны, следует признать его благотворное влияние на формирование популяции дикарей, превосходящей все существовавшие в то время на земле. Когда по закону жизни дикарей происходили миграции или перемещения в поисках лучших районов, такое поголовье распространялось волна за волной, пока не покрыло большую часть земной поверхности. Рассмотрение основных фактов, установленных в настоящее время и относящихся к этому вопросу, по-видимому, свидетельствует в пользу гипотезы о едином происхождении организации в генты, если только мы не вернемся от этого к австралийским классам, давшим пуналуанскую семью, из которой возникли гены, и не будем рассматривать эти классы как первоначальную основу древнего общества. В этом случае везде, где были созданы классы, потенциально существовали и гены.

Если предположить единство происхождения человечества, то заселение Земли происходило путем миграций из некоего первоначального центра. Тогда Азиатский континент должен рассматриваться как колыбель вида, поскольку он содержит большее количество оригинальных типов человека по сравнению с Европой, Африкой и Америкой. Из этого также следует, что отделение негров и австралийцев от общего ствола произошло, когда общество было организовано по половому признаку, а семья была пуналуанской; что миграция полинезийцев произошла позже, но с аналогично устроенным обществом; и, наконец, что миграция ганованов в Америку произошла еще позже и после учреждения гентеса. Эти умозаключения выдвигаются просто как предположения.

Знание gens и его атрибутов, а также ареала его распространения абсолютно необходимо для правильного понимания древнего общества. Это великая тема, требующая сейчас специального и расширенного исследования. Это общество среди предков цивилизованных народов достигло своего наивысшего развития в последние дни варварства. Но в древние века существовали фазы того же общества, которые теперь следует искать среди варваров и дикарей в соответствующих условиях. Идея организованного общества развивалась на протяжении всего существования человеческой расы; несколько ее фаз логически связаны между собой, одна порождает другую, и та ее форма, которую мы рассматриваем, зародилась в роду. Ни один другой институт человечества не имел столь древнего и примечательного отношения к ходу человеческого прогресса. Настоящая история человечества содержится в истории роста и развития институтов, одним из которых является род. Однако он является основой тех из них, которые оказали наиболее существенное влияние на человеческие дела.

ЧАСТЬ III. - РАЗВИТИЕ ИДЕИ СЕМЬИ.

ГЛАВА I. - ДРЕВНЯЯ СЕМЬЯ.

Пять последовательных форм семьи: первая - кровосмесительная семья - создала малайскую систему кровосмешения и родства; вторая - пуналуанская - создала туранскую и ганованианскую системы; третья - моногамическая - создала арийскую, семитскую и уральскую системы. Промежуточные синдиасмические и патриархальные семьи. - Обе не смогли создать систему кровосмешения. - Эти системы - естественный рост. - Две конечные формы. - Одна классификационная, другая описательная. - Общие принципы этих систем. - Их постоянное поддержание.

Мы привыкли считать моногамную семью формой, которая существовала всегда, но в исключительных случаях прерывалась патриархальной. Напротив, идея семьи развивалась, проходя последовательные стадии развития, и моногамия была последней в ряду ее форм. Моей целью будет показать, что ей предшествовали более древние формы, которые преобладали повсеместно на протяжении всего периода дикости, через древний и средний периоды варварства; и что ни моногамия, ни патриархальность не могут быть отнесены к позднему периоду варварства. Они были по сути современными. Более того, они были невозможны в древнем обществе, пока предшествующий опыт более ранних форм в каждой расе человечества не подготовил почву для их введения.

Сейчас можно выделить пять различных и последовательных форм, каждая из которых имеет свойственный только ей институт брака. К ним относятся следующие:

I. Кровосмесительная семья.

Основана на браке братьев и сестер, родных и побочных, в одной группе.

II. Пуналуанская семья.

Основана на браке нескольких сестер, родных и побочных, с мужьями друг друга, в группе; совместные мужья не обязательно были родственниками друг друга. А также на основе брака нескольких братьев, родных и побочных, с женами друг друга в группе; эти жены не обязательно были родственницами друг друга, хотя часто это случалось в обоих случаях. В каждом случае группа мужчин состояла в совместном браке с группой женщин.

III. Синдиасмическая или парная семья.

Она основывалась на браке между одинокими парами, но без исключительного сожителства. Брак продолжался в течение всего времени, пока стороны были довольны друг другом.

IV. Патриархальная семья.

Основана на браке одного мужчины с несколькими женами, за которым, как правило, следовало уединение жен.

V. Моногамическая семья.

Основана на браке между одинокими парами, с исключительным сожителем.

Три из этих форм, а именно первая, вторая и пятая, были радикальными, потому что они были достаточно общими и влиятельными, чтобы создать три различные системы кровосмешения, все из которых до сих пор существуют в живых формах. И наоборот, эти системы сами по себе достаточны, чтобы доказать предшествующее существование форм семьи и брака, с которыми они по отдельности связаны. Оставшиеся две, синдиасмическая и патриархальная, были промежуточными и не оказали достаточного влияния на человеческие дела, чтобы создать новую или существенно изменить существовавшую тогда систему кровосмешения. Не следует думать, что эти типы семьи отделены друг от друга резко очерченными линиями; напротив, первый переходит во второй, второй в третий, а третий в пятый по неощутимым градиентам. Предложения, которые необходимо выяснить и установить, заключаются в том, что они возникли последовательно одно из другого и что они представляют собой совокупный рост идеи семьи.

Чтобы объяснить возникновение этих нескольких форм семьи и брака, необходимо изложить суть системы кровосмешения и родства, относящейся к каждой из них. Эти системы содержат исчерпывающие и решающие доказательства, свободные от всяких подозрений в преднамеренности и имеющие непосредственное отношение к данному вопросу. Более того, они говорят с авторитетом и уверенностью, которые не оставляют места для сомнений в вытекающих из них выводах. Но система кровосмешения сложна и озадачивает, пока с ней не познакомишься. Читателю придется запастись терпением, чтобы изучить этот вопрос достаточно глубоко, чтобы смог проверить ценность и весомость содержащихся в нем доказательств. Подробно рассмотрев в предыдущей работе "Системы кровосмешения и родства в человеческой семье",⁴⁴⁶ я ограничусь изложением здесь существенных фактов, сведенных к наименьшему числу, соответствующему понятности, делая ссылки на другую работу для более полных деталей и для общих таблиц. Важность главного положения в истории человека, а именно, что семья развивалась через несколько последовательных форм, является весомой причиной для представления и изучения этих систем, если они действительно могут установить этот факт. В этой и четырех последующих главах необходимо представить краткие общие доказательства.

Самая примитивная система кровосмешения, которая была обнаружена, встречается у полинезийцев, для которых типичными являются гавайцы. Я назвал ее малайской системой. В соответствии с ней все родственники, близкие и дальние, подпадают под одно из следующих отношений, а именно: родители, дети, бабушки и дедушки, внуки, братья и сестры. Никакие другие кровные отношения не признаются. Кроме того, к ним относятся брачные отношения. Эта система кровосмешения появилась вместе с первой формой семьи, консумацией, и содержит главное свидетельство ее древнего существования. Она может показаться узкой основой для столь важного умозаключения: , но если мы можем предположить, что каждое признанное родство было тем, которое существовало на самом деле, то умозаключение полностью оправдано. Эта система в целом преобладала в Полинезии, хотя семья среди них перешла из консангвинистической в пуналуанскую. Она оставалась неизменной, потому что не было достаточно сильных мотивов и достаточно радикальных изменений в институтах, чтобы привести к ее изменению. Браки между братьями и сестрами не совсем исчезли с Сандвичевых островов, когда около пятидесяти лет назад среди них были основаны американские миссии. В том, что эта система кровосмешения была распространена в Азии в древности, сомневаться не приходится,

поскольку она лежит в основе туранской системы, до сих пор распространенной в Азии. Она также лежит в основе китайской.

Со временем вторая великая система кровосмешения, туранская, стала преобладать над первой и распространилась на значительной части земной поверхности. Она была универсальной среди аборигенов Северной Америки, и ее следов достаточно среди аборигенов Южной Америки, чтобы сделать вероятным ее столь же универсальное распространение среди них. Ее следы были найдены в некоторых частях Африки, но система африканских племен в целом приближается к малайской. Она все еще преобладает в Южной Индии среди индусов, говорящих на дравидийских диалектах, а также, в измененной форме, в Северной Индии среди индусов, говорящих на гаурских диалектах. В частично развитом виде она также преобладает в Австралии, где, по-видимому, возникла либо организация на классы, либо зарождающаяся организация на генты, которая привела к тому же результату. В основных племенах туранской и ганованской семей она обязана своим происхождением пуналуанским бракам в группе и языческой организации, последняя из которых имела тенденцию подавлять кровосмесительные браки. Было показано, как это достигалось запретом на межродовые браки в роду, который навсегда исключал родных братьев и сестер из брачных отношений. С приходом туранской системы кровосмешения формой семьи стал пуналуан. Это доказывается тем, что пуналуанский брак в группе объясняет основные отношения в рамках этой системы, показывая их как те, которые действительно существовали бы в силу этой формы брака. С помощью логики фактов мы можем показать, что пуналуанская семья когда-то была так же широко распространена, как и туранская система кровосмешения. Туранской системе кровосмешения следует приписать организацию на генты и пуналуанскую семью. В дальнейшем будет видно, что эта система сформировалась из малайской, изменив только те отношения, которые были результатом предыдущих браков братьев и сестер, родных и побочных, и которые, по сути, были изменены гентами; таким образом, доказывается прямая связь между ними. Мощное влияние языческой организации на общество, и особенно на пуналуанскую группу, демонстрируется этой сменой систем.

Туранская система просто потрясающая. Она признает все отношения, известные по арийской системе, а также дополнительные, не замеченные последней. Близкие и дальние родственники классифицируются по категориям; и прослеживаются, с помощью свойственных этой системе средств, далеко за пределами обычного диапазона арийской системы. В знакомых и официальных приветствиях люди обращаются друг к другу по термину родства, и никогда по личному имени, что способствует распространению за границей знаний о системе, а также сохранению, путем постоянного признания, родства самых отдаленных родственников. Там, где родства нет, форма приветствия - просто "мой друг". Ни одна другая система кровосмешения, встречающаяся среди людей, не приближается к ней по сложности дискриминации или по количеству особых характеристик.

Когда были открыты американские аборигены, семья среди них перешла из пуналуанской в синдиасмическую форму; таким образом, отношения, признаваемые системой кровосмешения, в ряде случаев не были теми, которые действительно существовали в синдиасмической семье. Это было точным повторением того, что произошло в малайской системе, где семья перешла из консангинской в пуналуанскую, а система кровосмешения осталась неизменной; таким образом, хотя отношения, указанные в малайской системе, были теми, которые действительно существовали в консангинской семье, они были неверны для части тех, кто был в пуналуанской семье. Подобным образом, хотя отношения, указанные в туранской системе, являются теми, которые фактически существовали в семье пуналуан,

они были неверны для части тех, кто был в синдиасмической семье. Форма семьи развивается быстрее по необходимости, чем системы кровосмешения, которые следуют для записи семейных отношений. Как создание пуналуанской семьи не дало достаточных мотивов для реформы малайской системы, так и рост синдиасмической семьи не дал достаточных мотивов для реформы туранской. Требовался такой великий институт, как организация язычников, чтобы изменить малайскую систему на туранскую; и требовался такой великий институт, как собственность в конкретном виде, с ее правами собственности и наследования, вместе с моногамной семьей, которую она создала, чтобы свергнуть туранскую систему кровосмешения и заменить ее арийской.

С течением времени появилась третья великая система кровосмешения, которую можно назвать, по желанию, арийской, семитской или уральской, и которая, вероятно, вытеснила предшествующую туранскую систему у основных народов, достигших впоследствии цивилизации. Это система, определяющая отношения в моногамной семье. Эта система не была основана на туранской, как последняя была основана на малайской; но она вытеснила среди цивилизованных народов предыдущую туранскую систему, что можно показать другими доказательствами.

Последние четыре формы семьи существовали в течение исторического периода; но первая, кровосмесительная, исчезла. Ее древнее существование, однако, можно вывести из малайской системы кровосмешения. Итак, мы имеем три радикальные формы семьи, которые представляют три великих и существенно различных условия жизни, с тремя различными и хорошо отмеченными системами кровосмешения, достаточными для доказательства существования этих семей, если бы они были единственными оставшимися доказательствами. Это утверждение привлечет внимание к необычному постоянству и устойчивости систем кровосмешения, а также к ценности доказательств, которые они воплощают в себе в отношении состояния древнего общества.

Каждая из этих семей прошла долгий путь в племенах человечества, с периодом младенчества, зрелости и упадка. Моногамическая семья обязана своим происхождением собственности, так же как синдиасмическая, содержащая ее зародыш, обязана своим происхождением роду. Когда греческие племена впервые попали в поле зрения историков, моногамная семья уже существовала; но она окончательно утвердилась только после того, как позитивное законодательство определило ее статус и права. Рост идеи собственности в человеческом сознании, через ее создание и пользование, и особенно через урегулирование юридических прав в отношении ее наследования, тесно связаны с установлением этой формы семьи. Собственность стала достаточно сильной в своем влиянии, чтобы затронуть органическую структуру общества. Определенность в отношении отцовства детей теперь имела значение, неизвестное в прежних условиях. Браки между одинокими парами существовали с древнейшего периода варварства в форме парных отношений, заключавшихся по желанию сторон. По мере развития древнего общества, совершенствования институтов, изобретений и открытий он становился все более устойчивым, но существенный элемент моногамной семьи, исключительное сожителство, все еще отсутствовал. Человек еще в далеком варварстве стал требовать верности от жены, подвергая ее диким наказаниям, но для себя он требовал освобождения. Обязательство обязательно должно быть взаимным, а его исполнение - коррелятивным. Среди гомеровских греков положение женщины в семейных отношениях было изолированным и супружеским господством, с несовершенноправными и чрезмерным неравенством. Сравнение греческой семьи в разные эпохи, от гомеровского века до эпохи Перикла, показывает заметное улучшение, постепенное превращение ее в определенный институт. Современная

семья - несомненное улучшение по сравнению с греками и римлянами, потому что женщина получила огромное преимущество в социальном положении. От положения дочери по отношению к мужу, как у греков и римлян, она приблизилась к равенству в достоинстве и признанных личных правах. История моногамной семьи насчитывает почти три тысячи лет, в течение которых, как можно утверждать, происходило постепенное, но непрерывное улучшение ее характера. Ей суждено прогрессировать и дальше, пока не будет признано равенство полов и не будут полностью признаны равноправие брачных отношений. Мы имеем аналогичные свидетельства, хотя и не столь совершенные, о постепенном совершенствовании синдиасмической семьи, которая, начавшись с низкого типа, закончилась моногамией. Эти факты следует запомнить, поскольку они имеют большое значение для данного обсуждения.

В предыдущих главах мы обращали внимание на огромную супружескую систему, которая закрепилась за человечеством в самом начале его существования и следовала за ним вплоть до цивилизации, хотя неуклонно теряла позиции по мере прогрессивного совершенствования общества. Степень прогресса человечества можно в определенной степени измерить по степени ослабления этой системы с помощью моральных элементов общества, противостоящих ей. Каждая последующая форма семьи и брака является значительной регистрацией этого сокращения. После того как она была сведена к нулю, и только после этого, стала возможной моногамная семья. Эту семью можно проследить далеко в позднем периоде варварства, где она исчезает в синдиасмическом.

Таким образом, можно получить некоторое представление о том, сколько времени прошло, пока эти две формы семьи росли и развивались. Но создание пяти последовательных форм семьи, каждая из которых отличается от другой и относится к совершенно несхожим условиям жизни общества, увеличивает наше представление о продолжительности периодов, в течение которых идея семьи развивалась от кровосмесительной, через промежуточные формы, к все еще прогрессирующей моногамной. Ни один институт человечества не имел более примечательной или более насыщенной событиями истории, не воплощал в себе результаты более длительного и разнообразного опыта. На протяжении бесчисленных веков ему требовались высочайшие умственные и нравственные усилия, чтобы сохранить свое существование и пройти через несколько стадий в своей нынешней форме.

Брак прошел путь от пуналуанского через синдиасмический к моногамному без каких-либо существенных изменений в туранской системе кровосмешения. Эта система, фиксирующая отношения в пуналуанских семьях, оставалась практически неизменной до создания моногамной семьи, когда она стала почти полностью не соответствовать природе нисхождения и даже портить моногамию. Для примера: При малайской системе мужчина называет сына своего брата своим сыном, потому что жена его брата - его жена, так же как и жена его брата; а сын его сестры - тоже его сын, потому что его сестра - его жена. При туранской системе сын брата все еще его сын, и по той же причине, но сын сестры теперь его племянник, потому что при языческой организации его сестра перестала быть его женой. Среди ирокезов, где семья синдиасмическая, мужчина по-прежнему называет сына своего брата своим сыном, хотя жена его брата перестала быть его женой; и так с большим количеством отношений, столь же несовместимых с существующей формой брака. Эта система пережила обычаи, в которых она зародилась, и до сих пор сохраняется среди них, хотя и не соответствует, в основном, нисходящим поколениям, как они существуют сейчас. Не возникло ни одного мотива, способного уничтожить великую и древнюю систему кровосмешения. Моногамия, когда она появилась, послужила таким мотивом для арийских

народов, приближавшихся к цивилизации. Она гарантировала отцовство детей и законность наследников. Реформирование туранской системы в соответствии с моногамным происхождением было невозможно. Она была ложной для моногамии насквозь. Однако существовало средство, одновременно простое и полное. Туранская система была отброшена, и вместо нее был применен описательный метод, который туранские племена всегда использовали, когда хотели конкретизировать те или иные отношения. Они опирались на голые факты кровосмешения и описывали родство каждого человека комбинацией первичных терминов. Так, они говорили: сын брата, внук брата; брат отца, сын брата отца. Каждая фраза описывала человека, оставляя вопрос о родстве на усмотрение. Такова была система арийских народов, и мы находим ее в древнейшей форме у греческих, латинских, санскритских, германских и кельтских племен, а также у семитских, о чем свидетельствуют генеалогии Еврейского Писания. Следы туранской системы, некоторые из которых были упомянуты, сохранились среди арийских и семитских народов вплоть до исторического периода; но она была в основном выкорчевана, а на ее место пришла описательная система.

Чтобы проиллюстрировать и подтвердить эти несколько положений, необходимо рассмотреть в порядке их возникновения эти три системы и три радикальные формы семьи, которые появились в связи с ними соответственно. Они взаимно интерпретируют друг друга.

Система кровосмешения, рассматриваемая сама по себе, не имеет большого значения. Ограниченная количеством идей, которые она воплощает, и опирающаяся на простые предположения, она, казалось бы, не способна дать полезную информацию, а тем более пролить свет на раннее состояние человечества. По крайней мере, такой вывод был бы естественным, если бы отношения группы родственников рассматривались абстрактно. Но если сравнить систему многих племен и увидеть, что она занимает место домашнего института и передавалась на протяжении огромных периодов времени, то она приобретает совершенно иной аспект. Три такие системы, одна сменяет другую, представляют собой полный рост семьи от кровосмешения до моногамии. Поскольку мы вправе предположить, что каждая из них выражает реальные отношения, существовавшие в семье на момент ее создания, она, в свою очередь, раскрывает форму брака и семьи, которые тогда пре вали, хотя обе они могли перейти на более высокую ступень, в то время как система кровосмешения оставалась неизменной.

Далее следует заметить, что эти системы естественно развиваются по мере перехода общества из более низкого состояния в более высокое, причем в каждом случае изменение знаменуется появлением какого-либо института, глубоко влияющего на конституцию общества. Отношения матери и ребенка, брата и сестры, бабушки и внука во все века можно было определить с полной уверенностью; но отношения отца и ребенка, деда и внука не были определены с уверенностью до тех пор, пока моногамия не способствовала наивысшей достижимой уверенности. Несколько человек могли одновременно находиться в каждом из этих отношений с равной вероятностью, когда брак был в группе. В самых грубых условиях древнего общества эти отношения воспринимались как действительные, так и вероятные, и были придуманы термины для их выражения. Система кровосмешения со временем стала бы результатом постоянного применения этих терминов к лицам, объединенным таким образом в группу родства. Но форма этой системы, как уже говорилось, будет зависеть от формы брака. Если браки заключались между братьями и сестрами, родными и побочными, в группе, то семья была бы кровосмесительной, а система кровосмешения - малайской. Если брак заключался между несколькими сестрами с мужьями друг друга в группе, и между несколькими братьями с женами друг друга в группе, семья будет пуналуанской, а система

кровосмешения туранской; и если брак заключался между одиночными парами, с исключительным сожителем, семья будет моногамной, а система кровосмешения арийской. Следовательно, три системы основаны на трех формах брака; и они стремятся выразить, насколько это возможно, фактические отношения, которые существовали между людьми при этих формах брака соответственно. Таким образом, становится ясно, что они опираются не на природу, а на брак; не на вымышленные соображения, а на факты; и что каждая из них, в свою очередь, является логической, а также правдивой системой. Свидетельства, которые они содержат, имеют высочайшую ценность, а также самый наводящий характер. Они раскрывают состояние древнего общества в самой простой манере с безошибочной прямоот.

Эти системы распадаются на две конечные формы, принципиально отличные друг от друга. Одна из них - *классификационная*, другая - *описательная*. В первом случае родственные связи никогда не описываются, а делятся на категории, независимо от их близости или удаленности по степени родства с *Эго*; и один и тот же термин родства применяется ко всем лицам одной категории. Таким образом, мои родные братья и сыновья братьев моего отца - все они одинаково мои братья; мои родные сестры и дочери сестер моей матери - все они одинаково мои сестры; такова классификация как в малайской, так и в туранской системах. Во втором случае родственные связи описываются либо первичными терминами родства, либо их комбинацией, что делает родство каждого человека конкретным. Таким образом, мы говорим "сын брата", "брат отца", "сын брата отца". Такова была система арийских, семитских и уральских семей, которые появились благодаря моногамии. Впоследствии небольшое количество классификации было введено путем изобретения общих терминов; но самая ранняя форма системы, типичными представителями которой являются эрсе и скандинавы, была чисто описательной, как показано на вышеприведенных примерах. Радикальное различие между этими двумя системами возникло в результате того, что в одном случае в группе было множество браков, а в другом - одиночные браки между одиночными парами.

В то время как описательная система одинакова в арийской, семитской и уральской семьях, классификационная имеет две различные формы. Во-первых, малайская, которая является самой древней по времени; во-вторых, туранская и ганованская, которые по сути одинаковы и были сформированы путем модификации предыдущей малайской системы.

Краткая ссылка на нашу собственную систему кровосмешения позволит обратить внимание на принципы, лежащие в основе всех систем.

Отношения бывают двух видов: Во-первых, по кровосмешению или крови; во-вторых, по родству или браку. Кровосмешение также бывает двух видов, линейное и побочное. Линейное кровосмешение - это связь, существующая между людьми, один из которых происходит от другого. Коллатеральное кровосмешение - это связь, существующая между лицами, которые происходят от общих предков, но не друг от друга. Брачные отношения существуют по обычаю.

Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что в каждой системе кровосмешения, где существуют браки между одиночными парами, должны существовать линейная и несколько коллатеральных линий, причем последняя отходит от первой. Каждый человек является центром группы родственников, *Эго*, от которого отсчитывается степень родства каждого человека и к которому это родство возвращается. Его положение обязательно находится в линейном ряду, и этот ряд вертикален. На ней могут быть записаны, выше и ниже его, несколько его предков и потомков в прямом ряду от отца к сыну, и эти люди вместе будут

составлять его правую мужскую линию. Из этой магистральной линии выходят несколько боковых линий, мужских и женских, которые нумеруются снаружи. Для совершенного знания системы будет достаточно распознать основную линию, а также одну мужскую и одну женскую ветвь первых пяти боковых линий, включая линии со стороны отца и со стороны матери, и в каждом случае от родителя к одному единственному из его или ее детей, хотя она будет включать лишь небольшую часть родственников *Эго*, как в восходящем, так и в нисходящем ряду. Попытка проследить все деления и ответвления нескольких побочных линий, число которых в восходящем ряду увеличивается в геометрической пропорции, не сделает систему более понятной.

Первая боковая линия, мужская, состоит из моего брата и его потомков; а первая, женская, - из моей сестры и ее потомков. Вторая боковая линия, мужская, со стороны отца, состоит из брата моего отца и его потомков; и вторая, женская, из сестры моего отца и ее потомков: вторая, мужская, со стороны матери, состоит из брата моей матери и его потомков; и вторая, женская, из сестры моей матери и ее потомков. Третья боковая линия, мужская, со стороны отца, состоит из брата моего деда и его потомков, а третья, женская, из сестры моего деда и ее потомков: со стороны матери та же линия, в ее мужской и женской ветвях, состоит из брата и сестры моей бабушки и их потомков соответственно. В последнем случае можно заметить, что из линии по отцовской линии мы перешли в линию по материнской линии. Четвертая боковая линия, мужская и женская, начинается с брата и сестры прадеда и брата и сестры прабабушки, а пятая боковая линия, мужская и женская, с брата и сестры прадеда и брата и сестры прабабушки, и каждая линия и ветвь проходит таким же образом, как и третья. Эти пять линий, вместе с линейной, охватывают большую часть наших родственников, которые находятся в пределах практического признания.

Требуется дополнительное объяснение этих нескольких линий. Если у меня есть несколько братьев и сестер, они вместе со своими потомками составляют столько же линий, каждая из которых независима от другой, сколько у меня братьев и сестер; но в целом они образуют мою первую боковую линию в двух ветвях, мужской и женской. Таким же образом несколько братьев и сестер моего отца и моей матери с их соответствующими потомками составляют столько же линий, каждая из которых независима от другой, сколько у меня братьев и сестер; но все они объединяются, образуя вторую боковую линию в двух отделениях - по линии отца и по линии матери - и в четырех основных ветвях, двух мужских и двух женских. Если бы третья боковая линия была проведена полностью, в нескольких своих ветвях, она дала бы четыре общих подразделения предков и восемь главных ветвей; и число каждого из них увеличивалось бы в том же соотношении в каждой последующей боковой линии.

При такой массе делений и ветвей, охватывающих такое множество родственных связей, сразу видно, что метод расположения и описания, сохраняющий каждую из них в отдельности и делающий все целое понятным, не был бы обычным достижением. С этой задачей прекрасно справились римские цивилизаторы, чей метод был принят основными европейскими народами и настолько прост, что вызывает восхищение.⁴⁴⁷ Разработка номенклатуры в необходимом объеме должна была быть настолько сложной, что она, вероятно, никогда бы не возникла, кроме как под влиянием насущной необходимости, а именно потребности в кодексе нисхождения для регулирования наследования имущества.

Чтобы сделать новую форму достижимой, необходимо было обозначить отношения дяди и тети со стороны отца и со стороны матери конкретными терминами, чего удалось добиться лишь в нескольких языках человечества. Эти термины появились у римлян в виде *patruus* и *amita*, обозначающих дядю и тетю со стороны отца, и в виде *avunculus* и *matertera*, обозначающих то же самое со стороны матери. После того как они были изобретены,

утвердился усовершенствованный римский метод описания consanguinei.⁴⁴⁸ В своих основных чертах он был принят несколькими ветвями арийской семьи, за исключением эрсе, скандинавской и славянской.

Арийская система неизбежно принимала описательную форму, когда туранская была отброшена, как у эрсе. Каждое отношение в линейной и первых пяти боковых линиях, которых насчитывается сто и более, является самостоятельным, требующим стольких же описательных фаз или постепенного изобретения общих терминов.

Можно заметить, что две радикальные формы - классификационная и описательная - дают почти точную линию разграничения между варварскими и цивилизованными народами. Такой результат можно было бы предсказать, исходя из закона прогресса, выявленного этими различными формами брака и семьи.

Системы кровного родства не принимаются, не изменяются и не отменяются по желанию. В своем происхождении они связаны с органическими движениями общества, которые привели к большим изменениям условий. Когда та или иная форма вошла в общее употребление, когда была придумана номенклатура и устоялись методы, она, в силу природы дела, очень медленно менялась. Каждый человек является центром группы родственников, и поэтому каждый вынужден использовать и понимать преобладающую систему. Изменить любое из этих отношений будет крайне сложно. Эта тенденция к постоянству усиливается тем, что эти системы существуют скорее по обычаю, чем по закону, как порождения, а не искусственные творения, и поэтому мотив к изменениям должен быть столь же универсальным, как и обычай. Хотя каждый человек является участником системы, каналом ее передачи является кровь. Таким образом, существует мощное влияние, способное увековечить систему надолго после того, как условия, в которых возникла каждая из них, изменились или вовсе исчезли. Этот элемент постоянства придает уверенность выводам, сделанным на основе фактов, и позволяет сохранить и донести до нас сведения о древнем обществе, которые в противном случае были бы полностью потеряны для человеческого знания.

Не следует думать, что столь сложная система, как туранская, могла сохраняться у разных народов и семей человечества в абсолютной идентичности. Расхождения в мелких деталях встречаются, но коренные черты, в основном, неизменны. Система кровосмешения тамиллов в Южной Индии и сенеков-ирокезов в Нью-Йорке остается идентичной на протяжении двух сотен отношений; применение естественной логики к фактам социального положения не имеет аналогов в истории человеческого разума. Существует также модифицированная форма этой системы, которая стоит особняком и рассказывает свою собственную историю. Это хинди, бенгальцы, маратхи и другие народы Северной Индии, сформировавшиеся в результате сочетания арийской и туранской систем. Цивилизованный народ, брамины, объединился с варварской массой и утратил свой язык в названных новых наречиях, сохранивших грамматическую структуру речи аборигенов, которым санскрит передал девяносто процентов своих вокабул. Это привело к столкновению двух систем кровосмешения, одна из которых основана на моногамии или синдиасмии, а другая - на множественных браках в группе, в результате чего возникла смешанная система. Аборигены, преобладавшие по численности, придали ей туранский характер, а санскритский элемент внес такие изменения, которые спасли моногамную семью от порицания. Славянский род, по-видимому, произошел от этого смешения рас. Система кровосмешения, которая проходит две фазы через периоды дикости и варварства и проецирует третью, но измененную форму далеко в период цивилизации, демонстрирует элемент постоянства, который должен привлечь внимание.

Нет необходимости рассматривать патриархальную семью, основанную на полигамии. Из-за своей ограниченной распространенности она не произвела большого впечатления на человеческие дела.

Домашняя жизнь дикарей и варваров не изучалась с тем вниманием, которого заслуживает эта тема. Среди индейских племен Северной Америки семья была синдиасмической, но жили они, как правило, в совместных домах и практиковали коммунизм внутри семьи. По мере того как мы спускаемся по шкале в направлении пуналуанских и кровосмесительных семей, домашняя группа становится больше, и больше людей теснится в одной квартире. Береговые племена Венесуэлы, среди которых семья, по-видимому, была пуналуанской, представлены первооткрывателями как живущие в колоколообразных домах, каждый из которых вмещал сто шестьдесят человек.⁴⁴⁹ Мужья и жены жили вместе в группе в одном доме и, как правило, в одной квартире. Напрашивается вывод, что такой образ жизни в доме был очень распространен среди дикарей.

Объяснение происхождения этих систем кровосмешения и родства будет предложено в последующих главах. Они будут основаны на формах брака и семьи, которые их породили, причем существование этих форм предполагается. Если таким образом будет получено удовлетворительное объяснение каждой системы, то предшествующее существование каждой формы брака и семьи может быть выведено из системы, которую она объясняет. В заключительной главе будет сделана попытка последовательно сформулировать основные институты, способствовавшие развитию семьи в последовательных формах. Наши знания о раннем состоянии человечества все еще настолько ограничены, что мы должны использовать наилучшие из достижимых указаний. Последовательность, которая будет представлена, отчасти гипотетическая, но она подкреплена достаточным количеством доказательств, чтобы ее можно было рассмотреть. Ее полное установление должно быть оставлено на усмотрение результатов будущих этнологических исследований.

ГЛАВА II. - РОДСТВЕННАЯ СЕМЬЯ.

Прежнее существование этой семьи.- Доказано малайской системой кровосмешения.- Гавайская система используется в качестве типичной.- Пять степеней отношений.- Детали системы.- Объясняется браком братьев и сестер в группе.- Раннее состояние общества на Сандвичевых островах.- Девять степеней отношений китайцев.- Идентичны в принципе с гавайскими.- Пять степеней отношений в идеальной республике Платона.- Таблица малайской системы кровосмешения и родства.

Существование семьи, основанной на кровосмешении, должно быть доказано другими доказательствами, кроме производства самой семьи. Как первая и наиболее древняя форма этого института, она перестала существовать даже среди самых низких племен дикарей. Она относится к тому состоянию общества, из которого вышла наименее развитая часть человеческой расы. Единичные случаи брака брата и сестры у варварских и даже у цивилизованных народов имели место в течение исторического периода, но это совсем не то, что браки между несколькими людьми в группе, в том состоянии общества, в котором такие браки преобладали и составляли основу социальной системы. На Полинезийских и Папуасских островах, а также в Австралии есть племена дикарей, которые, казалось бы, недалеко ушли от первобытного состояния; но они вышли за пределы того состояния, которое подразумевает кровосмесительная семья. Где же, спрашивается, доказательства

того, что такая семья когда-либо существовала среди человечества? Какое бы доказательство ни приводилось, оно должно быть неопровержимым, иначе утверждение не будет доказано. Оно находится в системе кровосмешения и родства, которая пережила на бесчисленное количество веков брачные обычаи, в которых она зародилась, и которая остается, чтобы подтвердить тот факт, что такая семья существовала, когда эта система была сформирована.

Эта система - малайская. Она определяет отношения, которые должны существовать в кровосмесительной семье; и она требует существования такой семьи, чтобы объяснить свое собственное существование. Более того, она с моральной уверенностью доказывает существование кровосмесительной семьи на момент формирования системы.

Эта система, которая является самой архаичной из всех обнаруженных, теперь будет рассмотрена для того, чтобы на основе ее взаимосвязей показать основные факты. Эта семья также является самой архаичной формой института, о которой сохранились какие-либо сведения.

Такая замечательная запись о состоянии древнего общества не сохранилась бы до наших дней, если бы не необыкновенное постоянство систем кровосмешения. Арийская система, например, просуществовала около трех тысяч лет без радикальных изменений и просуществует еще сто тысяч лет в будущем, если только моногамная семья, отношения которой она определяет, сохранится так долго. Она описывает отношения, которые реально существуют при моногамии, и поэтому не способна измениться, пока семья остается такой, какой она является в настоящее время. Если среди арийских народов появится новая форма семьи, она не повлияет на существующую систему кровосмешения до тех пор, пока не станет всеобщей; и хотя в этом случае она может изменить систему в некоторых частностях, она не уничтожит ее, если только новая семья не будет радикально отличаться от моногамной. Точно так же было и с ее непосредственной предшественницей - туранской системой, а до нее - с малайской, предшественницей туранской в порядке производного роста. Древность неизвестной продолжительности может быть приписана малайской системе, которая появилась вместе с кровосмесительной семьей, оставалась в течение неопределенного периода после появления пуналуанской семьи, и, кажется, была вытеснена в других племенах туранской, с установлением организации на генты.

Жители Полинезии входят в малайскую семью. Их система кровосмешения называется малайской, хотя сами малайцы изменили свою собственную в некоторых аспектах. Среди гавайцев и других полинезийских племен до сих пор существует в повседневном использовании система кровосмешения, приведенная в таблице, и может быть названа самой древней из известных человечеству. Гавайская и ротуманская [450](#) формы используются как типичные для этой системы. Это самая простая и, следовательно, самая древняя форма классификационной системы, и она является примитивной формой, на которую впоследствии были нанизаны туранская и ганованианская.

Очевидно, что малайцы не могли быть выведены из какой-либо существующей системы, потому что нет ни одной, о которой можно было бы составить какое-либо представление, более элементарной. Единственные кровные связи, которые признаются, - это первичные, их пять, без различия пола. Все родственники, близкие и дальние, классифицируются в соответствии с этими отношениями на пять категорий. Таким образом, я сам, мои братья и сестры, а также мои первые, вторые, третьи и более отдаленные кузены по мужской и женской линии составляют первый класс или категорию. Все они, без различия, являются моими братьями и сестрами. Слово "двоюродный" здесь используется в нашем смысле, в

Полинезии такие отношения неизвестны. Мои отец и мать, а также их братья и сестры, их первые, вторые и более отдаленные кузены - это второй класс. Все они, без различия, являются моими родителями. Мои дедушки и бабушки по отцовской и материнской линии, их братья и сестры, а также несколько двоюродных братьев и сестер - это третий класс. Все это мои бабушки и дедушки. Ниже меня, мои сыновья и дочери, с их несколькими двоюродными братьями и сестрами, как и прежде, - четвертый класс. Все они, без различия, мои дети. Мои внуки и внучки со своими двоюродными братьями и сестрами - это пятый класс. Все они, подобным образом, являются моими внуками и внучками. Более того, все люди одного класса являются друг другу братьями и сестрами. Таким образом, все возможные родственники любого данного человека объединяются в пять категорий; каждый человек применяет к каждому другому человеку в той же категории, что и он сам, тот же термин отношения. Особое внимание следует обратить на пять классов отношений в малайской системе, поскольку та же классификация присутствует в "Девяти классах отношений" китайцев, которые расширены таким образом, что включают в себя еще двух предков и двух потомков, как будет показано в другом месте. Таким образом, обнаруживается фундаментальная связь между двумя системами.

На гавайском языке есть термины для обозначения дедушки и бабушки - *Kurŷnā*, для родителя - *Mākūa*, для ребенка - *Kaikēe*, для внука - *Moopŷnā*. Пол выражается добавлением терминов *Kāna*, обозначающего мужчину, и *Wāheena*, обозначающего женщину; таким образом, *Kurŷnā Kāna* = дед-мужчина, а *Kurŷnā Wāheena* - дед-женщина. Они эквивалентны дедушке и бабушке и выражают эти отношения в конкретном виде. Предки и потомки, выше и ниже названных, различаются численно, как первый, второй, третий, когда необходимо быть конкретным; но в общем употреблении *Kurŷnā* применяется ко всем лицам выше деда, а *Moopŷnā* - ко всем потомкам ниже внука.

Отношения брата и сестры представляются в двойной форме - старший и младший, и к каждому из них применяются отдельные термины; но это не выполняется с полной полнотой. Так, в гавайском языке, из которого будут взяты иллюстрации, мы имеем:

Старший брат, мужчина	Говорящий,	<i>Kaikūāāna</i> .	Женщина	Говорит,	<i>Кайкуна</i> .
Младший брат, "	"	<i>Кайкайна</i> .	"	"	<i>Каикūnāna</i> .
Старшая сестра, "	"	<i>Kaikūwāheena</i> .	"	"	<i>Каикūāāna</i> .
Младшая сестра, "	"	<i>Kaikūwāheena</i> .	"	"	<i>Кайкайна</i> . ⁴⁵¹

Следует заметить, что мужчина называет своего старшего брата *Kaikūāāna*, а женщина - свою старшую сестру так же; мужчина называет своего младшего брата *Kaikaina*, а женщина - свою младшую сестру так же: следовательно, эти термины имеют общий род и предполагают ту же идею, что и в системе Каренов, а именно, идею предшественника и преемника по рождению.⁴⁵² Мужчины используют один термин для обозначения старшей и младшей сестры, а женщины - для обозначения старшего и младшего брата. Таким образом, получается, что если братья мужчины делятся на старших и младших, то его сестры - нет; и если сестры женщины делятся на старших и младших, то ее братья - нет. Таким образом, возникает двойной набор терминов, один из которых используется мужчинами, а другой - женщинами, и эта особенность вновь появляется в системе ряда полинезийских племен.⁴⁵³ Среди диких и варварских племен отношения брата и сестры редко воспринимаются абстрактно.

Суть системы заключена в пяти категориях родства (*consanguinei*), но есть особые черты, на которые следует обратить внимание и которые потребуют подробного изложения первых

трех боковых линий. После того как они будут показаны, связь системы с межродственными браками братьев и сестер, родных и побочных, в группе, проявится в самих отношениях.

Первая боковая линия. В мужской ветви, где я являюсь мужчиной, дети моего брата, говоря по-гавайски, - мои сыновья и дочери, каждый из которых называет меня отцом; а дети последнего - мои внуки, каждый из которых называет меня дедом.

В женской ветви дети моей сестры - мои сыновья и дочери, каждый из которых называет меня отцом; а их дети - мои внуки, каждый из которых называет меня дедом. Поскольку я - женщина, отношения вышеупомянутых лиц в обеих ветвях одинаковы, с соответствующими изменениями в зависимости от пола.

Мужья и жены этих нескольких сыновей и дочерей - мои зятья и невестки; эти термины используются в общем роде, и к каждому из них добавлены термины "мужчина" и "женщина" соответственно.

Вторая боковая линия. В мужской ветви по отцовской линии брат моего отца - мой отец и называет меня своим сыном; его дети - мои братья и сестры, старшие и младшие; их дети - мои сыновья и дочери; дети последних - мои внуки, каждый из которых в предыдущем и последующем случаях применяет ко мне соответствующий коррелят. Сестра моего отца - моя мать; ее дети - мои братья и сестры, старшие или младшие; их дети - мои сыновья и дочери; а дети последних - мои внуки".

По той же линии со стороны матери брат моей матери - мой отец; его дети - мои братья и сестры; их дети - мои сыновья и дочери; дети последних - мои внуки. Сестра моей матери - моя мать; ее дети - мои братья и сестры; их дети - мои сыновья и дочери; дети последних - мои внуки. Отношения между людьми, названными во всех ветвях этой и последующих линий, одинаковы, а я - женщина.

Жены этих нескольких братьев, родные и побочные, являются моими женами, равно как и их. Обращаясь к любой из них, я называю ее своей женой, используя обычный термин для выражения этой связи. Мужья этих нескольких женщин, совместно со мной, являются моими шуринами. Когда я сам являюсь женщиной, мужья нескольких моих сестер, родных и побочных, являются моими мужьями, так же как и их. Обращаясь к любому из них, я использую общепринятый термин "муж". Жены этих нескольких мужей, которые являются таковыми совместно со мной, - мои невестки.

Третья боковая линия. В мужской ветви этой линии по отцовской линии брат моего деда - мой дед; его дети - мой отец и мать; их дети - мои братья и сестры, старшие и младшие; дети последних - мои сыновья и дочери; их дети - мои внуки. Сестра моего деда - моя бабушка; ее дети и потомки следуют в тех же отношениях, что и в предыдущем случае.

В той же линии по материнской линии брат моей бабушки - мой дед, его сестра - моя бабушка, а их соответствующие дети и потомки попадают в те же категории, что и в первой ветви этой линии.

Брачные отношения в этой линии такие же, как и во второй боковой линии, что значительно увеличивает число людей, объединенных узами брака.

Насколько можно проследить родственные связи в более отдаленных боковых линиях, система, которая является всеобъемлющей, является такой же в своих классификациях. Так, мой прадед в четвертой боковой линии - мой дед; его сын - тоже мой дед; сын последнего - мой отец; его сын - мой брат, старший или младший; а его сын и внук - мои сын и внук.

Заметим, что несколько боковых линий объединяются в линию, как восходящую, так и нисходящую, так что предки и потомки моих боковых братьев и сестер становятся как моими, так и их. Это одна из особенностей классификационной системы. Никто из родственников не теряется.

Из простоты системы видно, как легко узнаются и распознаются родственные связи, и как знание о них сохраняется из поколения в поколение. Одно правило служит иллюстрацией: дети братьев сами являются братьями и сестрами, дети последних - братьями и сестрами, и так до бесконечности. То же самое происходит с детьми и потомками сестер, а также братьев и сестер.

Все члены каждого класса сводятся к одному уровню в своих отношениях, без учета близости или удаленности в числовых степенях; те, кто в каждом классе стоят к *Эго* в идентичных отношениях. Из этого также следует, что знание числовых степеней составляет неотъемлемую часть гавайской системы, без которой невозможно было бы узнать соответствующий ранг каждого человека. Простой и характерный характер этой системы привлекает внимание, указывая с такой прямоотой на междоусловные браки братьев и сестер, родных и побочных, в группе, как на источник, из которого она возникла.

Бедность языка или безразличие к взаимоотношениям не оказали никакого влияния на формирование системы, как будет показано в дальнейшем.

Система, подробно описанная здесь, встречается и у других полинезийских племен, помимо гавайцев и ротуманцев, например у жителей Маркизских островов и маори Новой Зеландии. Она также преобладает среди самоанцев, кусайцев и жителей острова Кингс-Милл в Микронезии,⁴⁵⁴ и, несомненно, на всех обитаемых островах Тихого океана, за исключением тех, где она граничит с туранской.

Из этой системы очевидным образом вытекает предшествующее существование кровосмесительной семьи с соответствующим ей видом брака. Предположительно, это естественная и реальная система, выражающая отношения, которые реально существовали на момент формирования системы, насколько можно было узнать о родстве детей. Обычаи в отношении брака, которые преобладали тогда, могут не преобладать в настоящее время. Для обоснования вывода не обязательно, чтобы они преобладали. Системы кровосмешения, как уже говорилось, остаются в значительной степени неизменными и энергичными долгое время после того, как брачные обычаи, в которых они зародились, частично или полностью исчезли. Небольшое количество независимых систем кровосмешения, созданных в течение длительного периода человеческого опыта, является достаточным доказательством их неизменности. Они не меняются, кроме как в связи с великими эпохами прогресса. Для объяснения происхождения малайской системы, исходя из характера нисхождения, мы вправе предположить предшествующее междоусловное скрещивание родных и побочных братьев и сестер в группе; и если затем окажется, что основные признанные отношения - это те, которые действительно существовали бы при такой форме брака, то сама система станет убедительным доказательством существования таких браков. Из этого можно сделать вывод, что система зародилась во множественных браках *consanguineī*, включая родных братьев и сестер; фактически началась с междоусловных браков последних и постепенно охватила сопутствующих братьев и сестер по мере того, как расширялся диапазон супружеской системы. Со временем стали очевидны недостатки первой формы брака, что привело если не к ее прямой отмене, то к предпочтению жен, выходящих за пределы этой степени. У австралийцев оно было окончательно отменено организацией на классы, а у туранских

племен - на генты. Невозможно объяснить эту систему как естественное развитие на основе какой-либо другой гипотезы, кроме названной, поскольку только эта форма брака может дать ключ к ее интерпретации. В созданной таким образом семье мужья жили в полигинии, а жены - в полиандрии, которые, как видно, были столь же древними, как и человеческое общество. Такая семья не была ни противоестественной, ни удивительной. Было бы трудно показать какое-либо другое возможное начало семьи в первобытный период. Тем большее удивление вызывает ее длительное существование в неполной форме среди человеческих племен, поскольку все следы ее не исчезли у гавайцев к моменту их открытия.

Объяснения происхождения малайской системы, приведенные в этой главе, а также туранской и ганованской, приведенные в следующей, были поставлены под сомнение и опровергнуты мистером Джоном Ф. МакЛеннаном, автором книги "Первобытный брак". Однако я не вижу повода изменять представленные здесь взгляды, которые по сути своей совпадают с теми, что изложены в "Системах кровосмешения" и т. д. Но я прошу читателя обратить внимание на интерпретацию, повторенную здесь, и на примечание в конце главы VI, в котором рассматриваются возражения мистера Макленнана.

Если признанные отношения в малайской системе теперь проверить с помощью этой формы брака, то окажется, что они основаны на междоусловных браках собственных и побочных братьев и сестер в группе.

Следует помнить, что отношения, которые вырастают из семейной организации, бывают двух видов: кровные, определяемые происхождением, и родственные, определяемые браком. Поскольку в кровосмесительной семье существуют две различные группы лиц, одна из которых состоит из отцов, а другая - из матерей, принадлежность детей к обеим группам будет настолько сильной, что различие между отношениями по крови и по родству не будет признано в системе в каждом случае.

I. Все дети моих нескольких братьев, а я сам мужчина, являются моими сыновьями и дочерьми.

Обоснование: Если говорить как гаваец, то все жены моих нескольких братьев являются моими женами, равно как и их. Поскольку мне невозможно отличить собственных детей от детей моих братьев, если я называю кого-либо из них своим ребенком, я должен называть их всех своими детьми. Один из них с такой же вероятностью может быть моим, как и другой.

II. Все внуки моих братьев - мои внуки.

Причина: Они - дети моих сыновей и дочерей.

III. В отношении меня как женщины вышеуказанные отношения аналогичны.

Здесь речь идет исключительно о родстве по браку. Если бы несколько моих братьев были моими мужьями, то их дети от других жен были бы моими приемными детьми, а поскольку эти отношения не признаются, то они, естественно, попадают в категорию моих сыновей и дочерей. В противном случае они прошли бы мимо системы. Среди нас мачеха называется матерью, а пасынок - сыном.

IV. Все дети моих нескольких сестер, родные и побочные, я сам мужского пола, являются моими сыновьями и дочерьми.

Обоснование: Все мои сестры - мои жены, равно как и жены моих нескольких братьев.

V. Все внуки моих нескольких сестер - мои внуки.

Причина: Они - дети моих сыновей и дочерей.

VI. Все дети моих нескольких сестер, я сам женского пола, являются моими сыновьями и дочерьми.

Причина: Мужья моих сестер - мои мужья, так же как и их мужья. Однако это различие существует: Я могу отличить своих собственных детей от детей моих сестер, для последних из которых я являюсь мачехой. Но поскольку эти отношения не дискриминируются, они попадают в категорию моих сыновей и дочерей. В противном случае они бы не попадали в эту систему.

VII. Все дети нескольких родных братьев являются друг для друга братьями и сестрами.

Причина: Эти братья являются мужьями всех матерей этих детей. Дети могут различать своих матерей, но не своих отцов, поэтому для первых часть из них - родные братья и сестры, а для остальных - сводные братья и сестры; что же касается последних, то они - вероятные братья и сестры. По этим причинам они естественным образом попадают в эту категорию.

VIII. Дети этих братьев и сестер также являются братьями и сестрами друг для друга; дети последних снова становятся братьями и сестрами, и эта связь продолжается по нисходящей среди их потомков до бесконечности. Точно так же обстоит дело с детьми и потомками нескольких родных сестер, а также нескольких братьев и сестер. Таким образом, создается бесконечный ряд, который является фундаментальной частью системы. Чтобы объяснить этот ряд, необходимо также предположить, что брачные отношения распространялись везде, где признавались отношения брата и сестры; каждый брат имел столько жен, сколько у него было сестер, собственных или побочных, а каждая сестра имела столько мужей, сколько у нее было братьев, собственных или побочных. Брак и семья, по-видимому, образуют один класс или категорию, и они созвучны ей. Такого, по-видимому, было начало той грандиозной супружеской системы, о которой мы уже неоднократно упоминали.

IX. Все братья моего отца - мои отцы; и все сестры моей матери - мои матери.

Обоснование, как в I, III и VI.

X. Все братья моей матери - мои отцы.

Причина: Они мужья моей матери.

XI. Все сестры моей матери - мои матери.

Причины, как в VI.

XII. Все дети моих побочных братьев и сестер являются, без различия, моими сыновьями и дочерьми.

Обоснование, как в I, III, IV, VI.

XIII. Все дети последних - мои внуки.

Доводы, как в II.

XIV. Все братья и сестры моих деда и бабушки, как со стороны отца, так и со стороны матери, являются моими дедом и бабушкой.

Причина: Они являются отцами и матерями моих отца и матери.

Все отношения, признаваемые в рамках этой системы, объясняются, таким образом, из природы консангинской семьи, основанной на междоусловных связях братьев и сестер, родных и побочных, в группе. Отношения по отцовской линии прослеживаются настолько близко, насколько известно о происхождении детей, при этом вероятные отцы рассматриваются как фактические. Отношения со стороны матери определяются по принципу родства, а приемные дети рассматриваются как фактические дети.

Переходя к брачным отношениям, можно получить подтверждающие результаты, о чем свидетельствует следующая таблица:

Тонган.					Гавайцы.				
Мой	Жена моего брата,	Мужчина	говорит.	Унохо,	Мой	Жена.	Вахина,	Моя	Жена.
"	Сестра жены,	"	"	Унохо,	"	"	Вахина,	"	Жена.
"	Брат мужа,	Женщина	"	Унохо,	"	Муж.	Кейн,	"	Муж.
"	Жена брата сына отца	Мужчина	"	Унохо,	"	Жена.	Вахина,	"	Жена.
"	Жена сестры сына матери	"	"	Унохо,	"	"	Вахина,	"	"
"	Муж дочери брата отца.	Женщина	"	Унохо,	"	Муж.	Кайкоэка,	"	Брат - зять.
"	Муж сестры дочери матери.	"	"	Унохо,	"	"	Кайкоэка,	"	"

Там, где в боковой линии обнаруживается родство жены, в прямой линии должно быть признано родство мужа, и наоборот.⁴⁵⁵ Когда эта система кровосмешения и родства впервые вошла в обиход, отношения, которые сохранились до сих пор, не могли быть иными, чем те, которые существовали на самом деле, что бы ни происходило впоследствии в брачных обычаях.

Из доказательств, содержащихся в этой системе родства, можно сделать вывод, что родственная семья, как она определяется, существовала среди предков полинезийских племен, когда эта система была сформирована. Такая форма семьи необходима для того, чтобы сделать возможной интерпретацию системы. Более того, она позволяет интерпретировать каждое родство с разумной точностью.

Заслуживает внимания следующее наблюдение мистера Оскара Пешеля: "То, что в любое время и в любом месте дети одной и той же матери размножались половым путем в течение сколь угодно долгого периода, становится особенно невероятным, поскольку установлено, что даже в случае организмов, лишенных крови, таких как растения, взаимное оплодотворение потомков одних и тех же родителей в значительной степени невозможно".⁴⁵⁶ Следует помнить, что группа кровосмешения, объединенная брачными отношениями, не ограничивалась родными братьями и сестрами, но включала также и побочных братьев и сестер. Чем больше группа, признающая брачные отношения, тем меньше зло тесного скрещивания.

Исходя из общих соображений, древнее существование такой семьи было вполне вероятным. Естественные и необходимые отношения кровосмесительной семьи к пуналуанской, пуналуанской к синдиасмической и синдиасмической к моногамной, каждая из которых предполагает свою предшественницу, прямо приводят к этому выводу. Они стоят друг за другом в логической последовательности и вместе охватывают несколько этнических периодов от дикости до цивилизации.

Таким же образом три великие системы кровосмешения, связанные с тремя радикальными формами семьи, стоят друг с другом в аналогичном ряду, идущем параллельно первому и не менее явно указывающему на аналогичную линию человеческого прогресса от дикости к цивилизации. Есть основания заключить, что далекие предки арийской, семитской и уральской семей обладали системой, идентичной малайской в дикарском состоянии, которая была окончательно изменена в туранскую после установления языческой организации, а затем свергнута, когда появилась моногамная семья, введя арийскую систему кровосмешения.

Несмотря на высокий характер приведенных доказательств, существуют и другие свидетельства древнего существования кровосмесительной семьи среди гавайцев, которые не следует упускать из виду.

Его существование в прошлом становится вероятным благодаря состоянию общества на Сандвичевых островах, когда о нем впервые стало известно. Во время основания американских миссий на этих островах (1820 г.) было обнаружено такое состояние общества, которое ужаснуло миссионеров. Отношения полов и брачные обычаи вызвали их главное удивление. Их внезапно познакомили с той стадией древнего общества, где моногамная семья была неизвестна, где синдиасмическая семья была неизвестна; но вместо них, не понимая организма, они обнаружили пуналуанскую семью, с родными братьями и сестрами, не полностью исключенными, в которой мужчины жили в полигинии, а женщины - в полиандрии. Им показалось, что они обнаружили самый низкий уровень человеческой деградации, не говоря уже о разврате. Но невинные гавайцы, которые не смогли выйти из состояния дикости, жили, без сомнения, rispetably и скромно для дикарей, в соответствии с обычаями и устоями, которые для них имели силу законов. Вполне вероятно, что они жили так же добродетельно, как и эти прекрасные миссионеры в их добросовестном соблюдении. Потрясение, которое испытали последние от своих открытий, выражает всю глубину пропасти, отделяющей цивилизованного человека от дикаря. Высокое нравственное чувство и утонченная чувствительность, которые росли веками, оказались лицом к лицу со слабым нравственным чувством и грубой чувствительностью дикаря, жившего столько времени назад. Контраст был полным и абсолютным. Преподобный Хайрам Бингем, один из этих миссионеров-ветеранов, дал нам прекрасную историю Сандвичевых островов, основанную на оригинальных исследованиях, в которой он изображает народ как практикующий всю сумму человеческих мерзостей. "Полигамия, подразумевающая множественность мужей и жен, - замечает он, - блуд, прелюбодеяние, кровосмешение, убийство младенцев, оставление мужа и жены, родителей и детей; колдовство, любодеяние и угнетение широко распространены, и, похоже, вряд ли они были запрещены их религией".⁴⁵⁷ Брак пуналуа и семья пуналуа снимают основные обвинения в этом тяжком обвинении и оставляют гавайцам шанс на моральный облик. Существование морали даже среди дикарей должно быть признано, хотя и в низком виде; ведь в человеческом опыте никогда не было времени, когда принцип морали не существовал. Вакеа, одноименный предок гавайцев, по словам мистера Бингема, женился на старшей дочери. Во времена этих миссионеров братья и сестры женились без упрека. "Союз брата и сестры в высшем сословии, - замечает он далее, - вошел в моду и продолжался до тех пор, пока им не была явлена воля Божья".⁴⁵⁸ Нет ничего необычного в том, что в некоторых случаях на Сандвичевых островах междоусобные браки братьев и сестер переходили из семьи консума в семью пуналуан,

поскольку народ еще не достиг языческой организации, а семья пуналуан была порождением еще не полностью завершенной семьи консума. Хотя семья была в значительной степени пуналуанской, система кровосмешения оставалась неизменной, как и в случае с консангинской семьей, за исключением некоторых брачных отношений.

Маловероятно, что реальная семья среди гавайцев была столь же велика, как и группа, объединенная брачными отношениями. Необходимость заставила бы разделить ее на более мелкие группы для получения средств к существованию и взаимной защиты, но каждая такая семья была бы миниатюрой группы. Не исключено, что в пуналуанской, равно как и в кровосмесительной семье, индивиды переходили по своему желанию из одного подразделения в другое, порождая то очевидное отчуждение мужей и жен друг от друга, а родителей от своих детей, о котором упоминал мистер Бингем. Коммунизм в жизни должен был, по необходимости, преобладать как в кровосмесительной, так и в пуналуанской семье, потому что это было требованием их состояния. Он до сих пор преобладает в целом среди диких и варварских племен.

Следует кратко упомянуть о "Девяти степенях отношений у китайцев". Древний китайский автор отмечает следующее: "Все люди, рожденные в этом мире, имеют девять рангов отношений. Мое собственное поколение - один класс, поколение моего отца - один, поколение моего деда - один, поколение отца моего деда - один, поколение деда моего деда - один; таким образом, выше меня находятся четыре класса: Поколение моего сына - одно, поколение моего внука - одно, поколение сына моего внука - одно, поколение внука моего внука - одно; таким образом, ниже меня - четыре класса; включая меня в оценку, всего девять классов. Это братья, и хотя каждый из них принадлежит к другому дому или семье, все они - мои родственники, и таковы девять степеней родства".

"Степени родства в семье подобны струям фонтана или ветвям дерева; хотя струи отличаются друг от друга тем, что они более или менее удалены, а ветви - тем, что они более или менее близки, все же есть только один ствол и одна голова фонтана".⁴⁵⁹

Гавайская система кровосмешения реализует девять степеней родства (считая, что они сводятся к пяти путем вычеркивания двух верхних и двух нижних членов) более совершенно, чем китайская в настоящее время.⁴⁶⁰ В то время как последняя претерпела изменения за счет введения туранских элементов и еще больше за счет специальных дополнений для различения нескольких боковых линий, первая придерживается, чисто и просто, первичных классов, которые, предположительно, были всем, чем китайцы обладали изначально. Очевидно, что родственные связи у китайцев, как и у гавайцев, обобщены в категории по поколениям; все родственники одного класса являются братьями и сестрами друг для друга. Более того, брак и семья представляются как формирующиеся внутри класса и ограниченные, насколько это касается мужей и жен, его пределами. В том виде, в каком это объясняется гавайскими категориями, это совершенно понятно. В то же время он указывает на более раннее состояние далеких предков китайцев, о которых этот фрагмент сохранил знания, точно аналогичные тем, что отражены в гавайских. Другими словами, он указывает на присутствие семьи пуналуан в момент формирования этих классов, для которых консангвин был необходимым предшественником.

В "Тимее" Платона есть наводящее на мысль признание тех же пяти первичных классов отношений. В идеальной республике все консангинеи должны были делиться на пять категорий, в которых женщины должны были быть общими как жены, а дети - общими как родители. "Но как же быть с деторождением?" - спрашивает Сократ у Тимея. Сократ обращается к Тимею. "Это ты, может быть, легко вспомнишь, ввиду новизны предложения; ведь мы приказали, чтобы брачные союзы и дети были общими для всех людей, о чем бы ни шла речь, и особенно заботились о том,

чтобы никто не различал своих собственных детей по отдельности, но все считали всех своими родственниками; считая ровесников и людей в расцвете сил своими братьями и сестрами, тех, кто до них, и еще дальше - своими родителями и прародителями, а тех, кто ниже их, - своими детьми и внуками".⁴⁶¹ Платон, несомненно, был знаком с неизвестными нам эллинскими и пеласгийскими традициями, которые уходят далеко в эпоху варварства и обнаруживают следы еще более раннего состояния греческих племен. Его идеальная семья могла быть заимствована из этих представлений, и это предположение гораздо более вероятно, чем то, что она была философской дедукцией. Заметим, что его пять классов отношений в точности совпадают с гавайскими; что семья должна была формироваться в каждом классе, где отношения были братьями и сестрами; и что мужья и жены должны были быть общими в группе.

И наконец, можно понять, что состояние общества, в котором существует кровосмесительная семья, с логической точностью указывает на предшествующее состояние беспорядочных половых связей. Похоже, от этого вывода никуда не деться, хотя он и подвергается сомнению таким выдающимся писателем, как мистер Дарвин.⁴⁶² Маловероятно, что беспорядочные половые связи в первобытный период долго сохранялись даже в орде, потому что последняя распадалась на более мелкие группы, чтобы прокормиться, и распадалась на кровосмесительные семьи. Самое большее, что можно с уверенностью утверждать по этому сложному вопросу, - это то, что кровосмесительная семья была первой организованной формой общества, и что она обязательно была улучшением предыдущего неорганизованного состояния, каким бы оно ни было. Она застала человечество в самом низу шкалы, с которой, как с отправной точки и самой низкой из известных, мы можем начать историю человеческого прогресса и проследить ее через рост внутренних институтов, изобретений и открытий, от дикости к цивилизации. Ни в одной цепи событий это не проявляется более наглядно, чем в развитии идеи семьи через сменяющие друг друга формы. После того, как было установлено существование кровнородственной семьи, доказательств чего представляется достаточно, остальные семьи легко продемонстрировать.

Система родства гавайцев и ротуманцев.

Примечание переводчика: Сокращения: fa=отец, mo=мать, GF=дед, GM=бабушка, GD=внучка, GS=внук, bro=брат, str=сестра, gt=великий, dau=дочь ms=мужчина говорит, fs=женщина говорит, otm=старше меня, ytm=моложе меня. Конец примечания транскриптора.

Гласные звуки - а, как в ale; ä, как в at; ä, как в father; ĩ, как в it; ŭ, как oo в food; kä'-na = male; wä-hee'-na = female.

Description of Persons.	By Hon. Thomas Miller. Relationship in Hawaiian.	Translation	By Rev. John Osborne. Relationship in Rotuman.	Translation
1	My gt-GF xxxxxxxxxxxxxxxx xxxxxxxxxxxxxxxx	kŭ-pŭ'-na My GP	mä-pĩ-ga fä My GP, male	
2	M " y gt	kŭ-p " ŭ'-na G	M " ĩ-ga "	M " y G

	GF's bro		"		"
					<i>P</i>
					<i>m</i>
					"
3	<i>M</i>	<i>kŭ-p</i>	<i>M</i>	<i>mă-p</i>	<i>M</i>
	"	"	"	"	"
	<i>y</i>	<i>ŭ'-na</i>	<i>y</i>	<i>ĩ-ga</i>	<i>y</i>
	"		<i>G</i>	hon'-ĩ	<i>G</i>
	<i>t</i>		"		"
	GF's				<i>P</i>
	str				female
4	<i>M</i>	<i>kŭ-p</i>	<i>M</i>	<i>mă-p</i>	<i>M</i>
	"	"	"	"	"
	<i>y</i>	<i>ŭ'-na</i>	<i>y</i>	<i>ĩ-ga</i>	<i>y</i>
	"		<i>G</i>	<i>ho</i>	<i>G</i>
	<i>t</i>		"	"	"
	GM				<i>P</i>
					<i>fem</i>
					"
					<i>ale</i>
5	<i>M</i>	<i>kŭ-p</i>	<i>M</i>	<i>mă-p</i>	<i>M</i>
	"	"	"	"	"
	<i>y</i>	<i>ŭ'-na</i>	<i>y</i>	<i>ĩ-ga</i>	<i>y</i>
	"		<i>G</i>	<i>ho</i>	<i>G</i>
	<i>t</i>		"	"	"
	GM's str				<i>P</i>
					<i>fem</i>
					"
					<i>ale</i>
6	<i>M</i>	<i>kŭ-p</i>	<i>M</i>	<i>mă-p</i>	<i>M</i>
	"	"	"	"	"
	<i>y</i>	<i>ŭ'-na</i>	<i>y</i>	<i>ĩ-ga</i>	<i>y</i>
	GF		<i>G</i>	fa	<i>G</i>
			"		"
					<i>P</i>
					male
7	<i>M</i>	<i>kŭ-p</i>	<i>M</i>	<i>mă-p</i>	<i>M</i>
	"	"	"	"	"
	<i>y</i>	<i>ŭ'-na</i>	<i>y</i>	<i>ĩ-ga</i>	<i>y</i>
	GM		<i>G</i>	hon'-ĩ	<i>G</i>
			"		"
					<i>P</i>
					female

8	<i>M</i> " <i>y</i> fa	mä-kǔ'-ǎ kä'- na	<i>M</i> " <i>y</i> parent, male	oi-fä	<i>M</i> " <i>y</i> fa
9	<i>M</i> " <i>y</i> mo	mä-kǔ'-ǎ wä- hee'-na	<i>M</i> " <i>y</i> parent, female	oi-hon'-ǎ	<i>M</i> " <i>y</i> mo
10	<i>M</i> " <i>y</i> son	käi'-kee kä'-na	<i>M</i> " <i>y</i> child, male	le'-e fä	<i>M</i> " <i>y</i> child, male
11	<i>M</i> " <i>y</i> dau	käi'-kee wä- hee'-na	<i>M</i> " <i>y</i> child, female	le'-e hon'-ǎ	<i>M</i> " <i>y</i> <i>chi</i> " <i>ld</i> , female
12	<i>M</i> " <i>y</i> GS	moo-pǔ'-nä kä'-na	<i>M</i> " <i>y</i> grandchild, m ale	mä-pǐ-ga fä	<i>M</i> " <i>y</i> grandchild, m ale
13	<i>M</i> " <i>y</i> GD	moo-pǔ'-nä wä-hee'-na	<i>M</i> " <i>y</i> <i>grand</i> " <i>child</i> , female	<i>mä-p</i> " <i>ǎ-ga</i> hon'-ǎ	<i>M</i> " <i>y</i> <i>grand</i> " <i>child</i> , female
14	<i>M</i> " <i>y</i> gt-GS	<i>moo-p</i> " <i>ǔ'-nä</i> kä'-na	<i>M</i> " <i>y</i> <i>grand</i> " <i>child</i> , male	<i>mä-p</i> " <i>ǎ-ga</i> fä	<i>M</i> " <i>y</i> <i>grand</i> " <i>child</i> , male
15	<i>M</i> " <i>y</i> <i>g</i> "	<i>moo-p</i> " <i>ǔ'-nä</i> wä-hee'-na	<i>M</i> " <i>y</i> <i>grand</i> "	<i>mä-p</i> " <i>ǎ-ga</i> hon'-ǎ	<i>M</i> " <i>y</i> <i>grand</i> "

	<i>t-</i> GD		<i>child,</i> female		<i>child,</i> female
16	<i>M</i> " <i>y</i> gt-gt-GS	<i>moo-p</i> " <i>ǔ'-nǎ</i> <i>kǎ'-na</i>	<i>M</i> " <i>y</i> <i>grand</i> "	<i>mǎ-p</i> " <i>ǐ-ga</i> <i>fä</i>	<i>M</i> " <i>y</i> <i>grand</i> "
			<i>child,</i> male		<i>child,</i> male
17	<i>M</i> " <i>y</i> <i>g</i> "	<i>moo-p</i> " <i>ǔ'-nǎ</i> <i>wä-hee'-na</i>	<i>M</i> " <i>y</i> <i>grand</i> "	<i>mǎ-p</i> " <i>ǐ-ga</i> <i>hon'-ǐ</i>	<i>M</i> " <i>y</i> <i>grand</i> "
	<i>t-</i> " <i>t-</i> GD		<i>child,</i> female		<i>child,</i> female
18	<i>M</i> " <i>y</i> older bro	(<i>ms</i>) 	<i>käi-kǔ-a-ä'-na</i>	<i>M</i> " <i>y</i> bro, older	<i>sä-sǐ-gǐ</i> <i>y</i> bro, older
19	<i>M</i> " <i>y</i> <i>old</i> " <i>der</i> "	(<i>fs</i>) 	<i>käi-kǔ-nä'-na</i>	<i>M</i> " <i>y</i> bro, older	<i>sag'-ve-ven'-ǐ</i> <i>y</i> bro, older
20	<i>M</i> " <i>y</i> <i>old</i> " <i>de</i> str	(<i>ms</i>) 	<i>käi-kǔ-wä-hee'-na</i>	<i>M</i> " <i>y</i> str, older	<i>sag-hon'-ǐ</i> <i>y</i> str, older
21	<i>M</i> " <i>y</i> <i>old</i> " <i>der</i> "	(<i>fs</i>) 	<i>käi-kǔ-a-ä'-na</i>	<i>M</i> " <i>y</i> str, older	<i>sa-sǐ-gǐ</i> <i>y</i> str, older

22	<i>str</i> <i>M</i> " <i>y</i> younger bro	(<i>ms</i>)	käi-ka-i'-na	<i>M</i> " <i>y</i> bro, younger	sa-sǐ-gǐ	<i>M</i> " <i>y</i> bro, younger
23	<i>M</i> " <i>y</i> you " <i>nger b</i> "	(<i>fs</i>)	käi-kǔ-nä'- na	<i>M</i> " <i>y</i> <i>br</i> " <i>o,</i> <i>you</i> " <i>nger</i>	sag'-ve- ven'-ǐ	<i>M</i> " <i>y</i> <i>br</i> " <i>o,</i> <i>you</i> " <i>nger</i>
24	<i>M</i> " <i>y</i> you " <i>nger</i> <i>str</i>	(<i>ms</i>)	käi-kǔ-wä- hee'-na	<i>M</i> " <i>y</i> str, younger	sag-hon'-ǐ	<i>M</i> " <i>y</i> str, younger
25	<i>M</i> " <i>y</i> you " <i>nger s</i> "	(<i>fs</i>)	käi-ka-i'-na	<i>M</i> " <i>y</i> <i>st</i> " <i>r,</i> <i>you</i> " <i>nger</i>	sa-sǐ-gǐ	<i>M</i> " <i>y</i> <i>st</i> " <i>r,</i> <i>you</i> " <i>nger</i>
26	<i>M</i> " <i>y</i> bro's son	(<i>ms</i>)	käi'-kee kä'- na	<i>M</i> " <i>y</i> child, male	le'-e fä	<i>M</i> " <i>y</i> child, male
27	<i>M</i> " <i>y</i> <i>br</i> " <i>o's</i> son's wife	(<i>ms</i>)	hǔ-no'-nä	<i>M</i> " <i>y</i> son-in-law	le'-e hon'-ǐ	<i>M</i> " <i>y</i> <i>chi</i> " <i>ld,</i> female
28	<i>M</i>	(<i>ms</i>)	käi'-kee wä-	<i>M</i>	le'-e-hon'-ǐ	<i>M</i>

	"		hee'-na	"		"
	y			y		y
	br			child,		chi
	"			female		"
	o's					ld,
	dau					fem
						"
						ale
29	M	(ms)	hũ-no'-nă	M	le'-e fä	M
	"			"		"
	y			y		y
	br			dau-in-law		chi
	"					"
	o's					ld,
	dau's husb					male
30	M	(ms)	moo-pũ'-nă	M	mă-pĩ-ga fä	M
	"		kă'-na	"		"
	y			y		y
	br			grandchild,		grandchild,
	"			male		male
	o's					
	GS					
31	M	(ms)	moo-p	M	mă-p	M
	"		"	"	"	"
	y		ũ'-nă	y	ĩ-ga	y
	br		wă-hee'-na	gran	hon'-ĩ	gran
	"			"		"
	o's			dchild,		dchild,
	GD			female		female
32	M	(ms)	moo-p	M	mă-p	M
	"		"	"	"	"
	y		ũ'-nă	y	ĩ-ga	y
	br		kă'-na	gran	fä	gran
	"			"		"
	o's			dchild,		dchild,
	gt-GS			male		male
33	M	(ms)	moo-p	M	mă-p	M
	"		"	"	"	"
	y		ũ'-nă	y	ĩ-ga	y
	br		wă-hee'-na	gran	hon'-ĩ	gran
	"			"		"
	o's			dchild,		dchild,
	gt-GD			female		female

34	<i>M</i> " <i>y</i> str's son	(<i>ms</i>)	käi'-kee kä'- na	<i>M</i> " <i>y</i> child, male	le'-e fä	<i>M</i> " <i>y</i> child, male
35	<i>M</i> " <i>y</i> st " <i>r'</i> son's wife	(<i>ms</i>)	hũ-no'-nă	<i>M</i> " <i>y</i> dau-in-law	le'-e hon'-ĩ	<i>M</i> " <i>y</i> <i>chi</i> " <i>ld</i> , female
36	<i>M</i> " <i>y</i> st " <i>r'</i> dau	(<i>ms</i>)	käi-kee wä- hee'-na	<i>M</i> " <i>y</i> child, female	le'-e-hon'-ĩ	<i>M</i> " <i>y</i> <i>chi</i> " <i>ld</i> , <i>fem</i> " <i>ale</i>
37	<i>M</i> " <i>y</i> st " <i>r'</i> dau's husb	(<i>ms</i>)	hũ-no'-nă	<i>M</i> " <i>y</i> son-in-law	le'-e fä	<i>M</i> " <i>y</i> <i>chi</i> " <i>ld</i> , male
38	<i>M</i> " <i>y</i> st " <i>r'</i> GS	(<i>ms</i>)	moo-pũ'-nă kä'-na	<i>M</i> " <i>y</i> grandchild, male	mă-pĩ-ga fä	<i>M</i> " <i>y</i> grandchild, male
39	<i>M</i> " <i>y</i> st " <i>r'</i> GD	(<i>ms</i>)	<i>moo-p</i> " <i>ũ'-nă</i> wä-hee'-na	<i>M</i> " <i>y</i> grandchild, female	mă-pĩ-ga hon'-ĩ	<i>M</i> " <i>y</i> grandchild, female
40	<i>M</i> "	(<i>ms</i>)	<i>moo-p</i> "	<i>M</i> "	<i>mă-p</i> "	<i>M</i> "

41	<i>y</i>		<i>ũ'-nă</i>	<i>y</i>	<i>ĩ-ga</i>	<i>y</i>
	<i>st</i>		<i>kă'-na</i>	<i>grand</i>	<i>fă</i>	<i>grand</i>
	"			"		"
42	<i>r'</i>			<i>child,</i>		<i>child,</i>
	<i>gt-GD</i>			<i>male</i>		<i>male</i>
	<i>M</i>	(<i>ms</i>)	<i>moo-p</i>	<i>M</i>	<i>mă-p</i>	<i>M</i>
43	"		"	"	"	"
	<i>y</i>		<i>ũ'-nă</i>	<i>y</i>	<i>ĩ-ga</i>	<i>y</i>
	<i>st</i>		<i>wă-hee'-na</i>	<i>grand</i>	<i>hon'-ĩ</i>	<i>grand</i>
44	"			"		"
	<i>r'</i>			<i>child,</i>		<i>child,</i>
	<i>gt-GD</i>			<i>female</i>		<i>female</i>
45	<i>M</i>	(<i>fs</i>)	<i>kăi'-kee</i>	<i>M</i>	<i>le'-e fă</i>	<i>M</i>
	"		<i>na</i>	"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
46	<i>bro's son</i>			<i>child, male</i>		<i>child, male</i>
	<i>M</i>	(<i>fs</i>)	<i>hũ-no'-nă</i>	<i>M</i>	<i>le'-e hon'-ĩ</i>	<i>M</i>
	"			"		"
47	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>br</i>			<i>dau-in-law</i>		<i>chi</i>
	"					"
48	<i>o'</i>					<i>ld,</i>
	<i>son's wife</i>					<i>female</i>
	<i>M</i>	(<i>fs</i>)	<i>kăi'-kee wă-</i>	<i>M</i>	<i>le'-e hon'-ĩ</i>	<i>M</i>
49	"		<i>hee'-na</i>	"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>br</i>			<i>child,</i>		<i>chi</i>
50	"			<i>female</i>		"
	<i>o'</i>					<i>ld,</i>
	<i>dau</i>					<i>female</i>
51	<i>M</i>	(<i>fs</i>)	<i>hũ-no'-nă</i>	<i>M</i>	<i>le'-e fă</i>	<i>M</i>
	"			"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
52	<i>br</i>			<i>son-in-law</i>		<i>chi</i>
	"					"
	<i>o'</i>					<i>ld,</i>
53	<i>dau's husb</i>					<i>male</i>
	<i>M</i>	(<i>fs</i>)	<i>moo-pũ'-nă</i>	<i>M</i>	<i>mă-pĩ-ga fă</i>	<i>M</i>
	"		<i>kă'-na</i>	"		"
54	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>br</i>			<i>grandchild,</i>		<i>grandchild,</i>
	"			<i>male</i>		<i>male</i>
55	<i>o'</i>					

	GS					
47	<i>M</i>	(fs)	<i>moo-p</i>	<i>M</i>	<i>mă-p</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"	"
	<i>y</i>		<i>ũ'-nă</i>	<i>y</i>	<i>ĩ-ga</i>	<i>y</i>
	<i>br</i>		wă-hee'-na	<i>grand</i>	hon'-ĩ	<i>grand</i>
	"			"		"
	<i>o'</i>			<i>child,</i>		<i>child,</i>
	GD			female		female
48	<i>M</i>	(fs)	<i>moo-p</i>	<i>M</i>	<i>mă-p</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"	"
	<i>y</i>		<i>ũ'-nă</i>	<i>y</i>	<i>ĩ-ga</i>	<i>y</i>
	<i>br</i>		kă'-na	<i>grand</i>	fă	<i>grand</i>
	"			"		"
	<i>o'</i>			<i>child,</i>		<i>child,</i>
	gt-GS			male		male
49	<i>M</i>	(fs)	<i>moo-p</i>	<i>M</i>	<i>mă-p</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"	"
	<i>y</i>		<i>ũ'-nă</i>	<i>y</i>	<i>ĩ-ga</i>	<i>y</i>
	<i>br</i>		wă-hee'-na	<i>grand</i>	hon'-ĩ	<i>grand</i>
	"			"		"
	<i>o'</i>			<i>child,</i>		<i>child,</i>
	gt-GD			female		female
50	<i>M</i>	(fs)	kăi'-kee kă'-na	<i>M</i>	le'-e fă	<i>M</i>
	"			"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	str's son			child, male		child, male
51	<i>M</i>	(fs)	hũ-no'-nă	<i>M</i>	le'-e hon'-ĩ	<i>M</i>
	"			"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>st</i>			dau-in-law		<i>chi</i>
	"					"
	<i>r'</i>					<i>ld,</i>
	son's wife					female
52	<i>M</i>	(fs)	kăi'-kee wă-hee'-na	<i>M</i>	le'-e hon'-ĩ	<i>M</i>
	"			"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>st</i>			child,		<i>chi</i>
	"			female		"
	<i>r'</i>					<i>ld,</i>
	dau					<i>fem</i>
						"
						<i>ale</i>
53	<i>M</i>	(fs)	hũ-no'-na	<i>M</i>	le'-e fă	<i>M</i>

	"			"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>st</i>			son-in-law		<i>chi</i>
	"					"
	<i>r'</i>					<i>ld,</i>
	dau's husb					male
54	<i>M</i>	(fs)	moo-pǔ'-nǎ	<i>M</i>	mǎ-pǐ-ga fǎ	<i>M</i>
	"		kǎ'-na	"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>st</i>			grandchild,		grandchild,
	"			male		male
	<i>r'</i>					
	GS					
55	<i>M</i>	(fs)	<i>moo-p</i>	<i>M</i>	<i>mǎ-p</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"	"
	<i>y</i>		ǔ'-nǎ	<i>y</i>	ǐ-ga	<i>y</i>
	<i>st</i>		wǎ-hee'-na	<i>grand</i>	hon'-ǐ	<i>grand</i>
	"			"		"
	<i>r'</i>			<i>child,</i>		<i>child,</i>
	GD			female		female
56	<i>M</i>	(fs)	<i>moo-p</i>	<i>M</i>	<i>mǎ-p</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"	"
	<i>y</i>		ǔ'-nǎ	<i>y</i>	ǐ-ga	<i>y</i>
	<i>st</i>		kǎ'-na	<i>grand</i>	fǎ	<i>grand</i>
	"			"		"
	<i>r'</i>			<i>child,</i>		<i>child,</i>
	gt-GS			male		male
57	<i>M</i>	(fs)	<i>moo-p</i>	<i>M</i>	<i>mǎ-p</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"	"
	<i>y</i>		ǔ'-nǎ	<i>y</i>	ǐ-ga	<i>y</i>
	<i>st</i>		wǎ-hee'-na	<i>grand</i>	hon'-ǐ	<i>grand</i>
	"			"		"
	<i>r'</i>			<i>child,</i>		<i>child,</i>
	gt-GD			female		female
58	<i>M</i>		mǎ-kǔ'-ǎ	<i>M</i>	oi-fǎ	<i>M</i>
	"		kǎ'-na	"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	fa's bro			parent,		parent,
				male		male
59	<i>M</i>		mǎ-kǔ'-a	<i>M</i>	oi-fǎ	<i>M</i>
	"		wǎ-hee'-na	"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>fa</i>			<i>par</i>		<i>par</i>

	"			"		"
	s			ent,		ent,
	br			female		female
	"					
	o'					
	wife					
60	M	(oms)	käi'-kǔ-a-ä'-	M	sä-sǐ-gǐ	M
	"		na	"		"
	y			y		y
	fa			bro, older		bro
	"					
	's					
	b					
	"					
	o'					
	son					
61	M	(yms)	käi'-ka-i-na	M	sä-sǐ-gǐ	M
	"			"		"
	y			y		y
	fa			br		br
	"			"		"
	's			o,		o,
	b			younger		
	"					
	o'					
	so					
	"					
	n					
62	M		wä-hee'-na	M	sag-hon'-ǐ	M
	"			"		"
	y			y		y
	fa			wife		str
	"					
	's					
	b					
	"					
	o'					
	son's wife					
63	M	(oms)	käi'-ku-wä-	M	sag-hon'-ǐ	M
	"		hee'-na	"		"
	y			y		y
	fa			str		s
	"					"

	's					<i>tr</i>
	<i>b</i>					
	"					
	<i>o'</i>					
	dau,					
64	<i>M</i>	(yms)	<i>käi'-kü</i>	<i>M</i>	<i>sag-</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"	"
	<i>y</i>		<i>-wä-hee'-na</i>	<i>y</i>	<i>hon'-ĩ</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			<i>str</i>		<i>s</i>
	"					"
	's					<i>tr</i>
	<i>b</i>					
	"					
	<i>o'</i>					
	<i>da</i>					
	"					
65	<i>M</i>		<i>käi'-ko-ee'-</i>	<i>M</i>	<i>sä-sĩ-gĩ</i>	<i>M</i>
	"		<i>kä</i>	"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>fa</i>			bro-in-law		bro
	"					
	's					
	<i>b</i>					
	"					
	<i>o'</i>					
	dau's husb					
66	<i>M</i>		<i>käi'-kee kä'-</i>	<i>M</i>	<i>le'-e fä</i>	<i>M</i>
	"		<i>na</i>	"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>fa</i>			child, male		child, male
	"					
	's					
	<i>b</i>					
	"					
	<i>o'</i>					
	son's son					
67	<i>M</i>		<i>käi'-kee wä-</i>	<i>M</i>	<i>le'-e hon'-ĩ</i>	<i>M</i>
	"		<i>hee'-na</i>	"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>fa</i>			<i>chi</i>		<i>chi</i>
	"			"		"
	's			<i>ld,</i>		<i>ld,</i>
	<i>b</i>			female		female

	"				
	<i>o'</i>				
	<i>so</i>				
	"				
	<i>n's</i>				
	dau				
68	<i>M</i>	käi'-kee kä'-	<i>M</i>	le'-e fä	<i>M</i>
	"	na	"		"
	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>fa</i>		<i>chi</i>		<i>chi</i>
	"		"		"
	's		<i>ld,</i>		<i>ld,</i>
	<i>b</i>		male		male
	"				
	<i>o'</i>				
	dau's son				
69	<i>M</i>	<i>käi'</i>	<i>M</i>	le'-e hon'-ĩ	<i>M</i>
	"	"	"		"
	<i>y</i>	-kee	<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>fa</i>	wä-hee'-na	<i>chi</i>		<i>chi</i>
	"		"		"
	's		<i>ld,</i>		<i>ld,</i>
	<i>b</i>		female		female
	"				
	<i>o'</i>				
	<i>da</i>				
	"				
	<i>u's</i>				
	dau				
70	<i>M</i>	moo-pŭ'-nä	<i>M</i>	mā-pĩ-ga fä	<i>M</i>
	"	kä'-na	"		"
	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>fa</i>		grandchild,		grandchild,
	"		male		male
	's				
	<i>b</i>				
	"				
	<i>o'</i>				
	gt-GS				
71	<i>M</i>	<i>moo-p</i>	<i>M</i>	<i>mā-p</i>	<i>M</i>
	"	"	"	"	"
	<i>y</i>	ŭ'-nä	<i>y</i>	ĩ-ga	<i>y</i>
	<i>fa</i>	wä-hee'-na	<i>grand</i>	hon'-ĩ	<i>grand</i>

	"		"		"
	's		<i>child,</i>		<i>child,</i>
	<i>b</i>		<i>female</i>		<i>female</i>
	"				
	<i>o'</i>				
	gt-GD				
72	<i>M</i>	<i>moo-p</i>	<i>M</i>	<i>mā-p</i>	<i>M</i>
	"	"	"	"	"
	<i>y</i>	<i>ũ'-nă</i>	<i>y</i>	<i>ĩ-ga</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>	kă'-na	<i>grand</i>	fă	<i>grand</i>
	"		"		"
	's		<i>child,</i>		<i>child,</i>
	<i>b</i>		<i>male</i>		<i>male</i>
	"				
	<i>o'</i>				
	gt-gt-GS				
73	<i>M</i>	<i>moo-p</i>	<i>M</i>	<i>mā-p</i>	<i>M</i>
	"	"	"	"	"
	<i>y</i>	<i>ũ'-nă</i>	<i>y</i>	<i>ĩ-ga</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>	wă-hee'-na	<i>grand</i>	hon'-ĩ	<i>grand</i>
	"		"		"
	's		<i>child,</i>		<i>child,</i>
	<i>b</i>		<i>female</i>		<i>female</i>
	"				
	<i>o'</i>				
	gt-gt-GD				
74	<i>M</i>	mă-kũ'-ă	<i>M</i>	oi-hon'-ĩ	<i>M</i>
	"	wă-hee'-na	"		"
	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
	fa's str		parent, female		parent, female
75	<i>M</i>	<i>mă-k</i>	<i>M</i>	oi-fă	<i>M</i>
	"	"	"		"
	<i>y</i>	<i>ũ'-ă</i>	<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>fa</i>	kă'-na	<i>par</i>		<i>par</i>
	"		"		"
	's		<i>ent,</i>		<i>ent,</i>
	str's husb		<i>male</i>		<i>male</i>
76	<i>M</i>	(oms) kăi'-kũ-a-ă'-	<i>M</i>	să-sĩ-gĩ	<i>M</i>
	"	na	"		"
	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>fa</i>		bro, older		bro
	"				

	's					
	st					
	"					
	r's					
	son					
77	<i>M</i>	(yms)	käi'-ka-i-na	<i>M</i>	sä-	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	ĩ-gĩ	<i>y</i>
	<i>fa</i>			<i>b</i>		<i>b</i>
	"			"		"
	's			<i>ro</i>		<i>ro</i>
	st			younger		
	"					
	r's					
	son					
78	<i>M</i>		wä-hee'-na	<i>M</i>	sag-hon'-ĩ	<i>M</i>
	"			"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>fa</i>			wife		str
	"					
	's					
	st					
	"					
	r's					
	son's wife					
79	<i>M</i>		käi'-kü wä-	<i>M</i>	sag-	<i>M</i>
	"		hee'-na	"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	hon'-ĩ	<i>y</i>
	<i>fa</i>			str		<i>s</i>
	"					"
	's					<i>tr</i>
	st					
	"					
	r's					
	dau					
80	<i>M</i>		kai-ko-ee'-	<i>M</i>	sä-sĩ-gĩ	<i>M</i>
	"		kä	"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>fa</i>			bro-in-law		bro
	"					
	's					
	st					
	"					

	<i>r's</i> dau's husb				
81	<i>M</i> " <i>y</i> <i>fa</i> " 's <i>st</i> " <i>r's</i> son's son	käi'-kee kä'- na <i>y</i> 's <i>st</i> " <i>r's</i> son's son	<i>M</i> " <i>y</i> child, male <i>y</i> <i>ld</i> , female	le'-e fä le'-e hon'-ĩ	<i>M</i> " <i>y</i> child, male <i>y</i> <i>ld</i> , female
82	<i>M</i> " <i>y</i> <i>fa</i> " 's <i>st</i> " <i>r's</i> son's dau	käi'-kee wä- hee'-na <i>y</i> <i>chi</i> " <i>ld</i> , female	<i>M</i> " <i>y</i> <i>chi</i> " <i>ld</i> , female	le'-e hon'-ĩ le	<i>M</i> " <i>y</i> <i>chi</i> " <i>ld</i> , male
83	<i>M</i> " <i>y</i> <i>fa</i> " 's <i>st</i> " <i>r's</i> dau's son	käi' " -kee kä'-na <i>ld</i> , male	<i>M</i> " <i>y</i> <i>chi</i> " <i>ld</i> , male	le " '-e fä le	<i>M</i> " <i>y</i> <i>chi</i> " <i>ld</i> , male
84	<i>M</i> " <i>y</i> <i>fa</i> " 's <i>st</i> " <i>r's</i> dau's dau	käi' " -kee wä-hee'-na <i>ld</i> , female	<i>M</i> " <i>y</i> <i>chi</i> " <i>ld</i> , female	le " '-e hon'-ĩ le	<i>M</i> " <i>y</i> <i>chi</i> " <i>ld</i> , female
85	<i>M</i>	moo-pŭ'-nä	<i>M</i>	mä-pĩ-ga fä	<i>M</i>

	"	kä'-na	"	"	"
	y		y		y
	fa		grandchild,		grandchild,
	"		male		male
	's				
	st				
	"				
	r's				
	gt-GS				
86	M	moo-p	M	mā-p	M
	"	"	"	"	"
	y	ǔ'-nǎ	y	ǐ-ga	y
	fa	wä-hee'-na	grand	hon'-ǐ	grand
	"		"		"
	's		child,		child,
	st		female		female
	"				
	r's				
	gt-GD				
87	M	moo-p	M	mā-p	M
	"	"	"	"	"
	y	ǔ'-nǎ	y	ǐ-ga	y
	fa	kä'-na	grand	fä	grand
	"		"		"
	's		child,		child,
	st		male		male
	"				
	r's				
	gt-gt-GS				
88	M	moo-p	M	mā-p	M
	"	"	"	"	"
	y	ǔ'-nǎ	y	ǐ-ga	y
	fa	wä-hee'-na	grand	hon'-ǐ	grand
	"		"		"
	's		child,		child,
	st		female		female
	"				
	r's				
	gt-gt-GD				
89	M	mā-kǔ-ǎ	M	oi-fä	M
	"	kä'-na	"		"
	y		y		y
	mo's bro		parent,		parent,

				male		male
90	<i>M</i>		<i>mā-k</i>	<i>M</i>	oi-hon'-ĩ	<i>M</i>
	"		"	"		"
	<i>y</i>		<i>ũ-ă</i>	<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo</i>		wā-hee'-na	<i>par</i>		<i>par</i>
	"			"		"
	's			ent,		ent,
	bro's wife			female		female
91	<i>M</i>	(oms)	kāi'-kũ-a-ă'-	<i>M</i>	să-sĩ-gĩ	<i>M</i>
	"		na	"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo</i>			bro, older		bro
	"					
	's					
	<i>br</i>					
	"					
	o's					
	son					
92	<i>M</i>	(yms)	kāi'-ka-i'-na	<i>M</i>	să-s	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	ĩ-gĩ	<i>y</i>
	<i>mo</i>			<i>br</i>		<i>br</i>
	"			"		"
	's			o,		o,
	<i>br</i>			younger		
	"					
	o's					
	son					
93	<i>M</i>		wā-hee'-na	<i>M</i>	sag-hon'-ĩ	<i>M</i>
	"			"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo</i>			wife		str
	"					
	's					
	<i>br</i>					
	"					
	o's					
	son's wife					
94	<i>M</i>		kāi'-kũ-wā-	<i>M</i>	sag-	<i>M</i>
	"		hee'-na	"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	hon'-ĩ	<i>y</i>
	<i>mo</i>			str		s
	"					"

	's br "				<i>tr</i>
	o's dau				
95	<i>M</i> "	käi'-ko-ee'- kä	<i>M</i> "	sä-sǐ-gǐ	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>mo</i> "		<i>y</i> bro-in-law		<i>y</i> bro
	's br "				
	o's dau's husb				
96	<i>M</i> "	käi'-kee kä'- na	<i>M</i> "	le'-e fä	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>mo</i> "		<i>y</i> child, male		<i>y</i> child, male
	's br "				
	o's son's son				
97	<i>M</i> "	<i>käi'</i> "	<i>M</i> "	<i>le'</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>mo</i> "	-kee wä-hee'-na	<i>y</i> <i>ch</i> "	-e hon'-ǐ	<i>y</i> <i>ch</i> "
	's br "		<i>ild</i> , female		<i>ild</i> , female
	o's dau				
98	<i>M</i> "	<i>käi'</i> "	<i>M</i> "	<i>le'</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>mo</i> "	-kee kä'-na	<i>y</i> <i>ch</i> "	-e fä	<i>y</i> <i>ch</i> "
	's br "		<i>ild</i> male		<i>ild</i> male

99	o's dau's son				
	<i>M</i>	<i>käi'</i>	<i>M</i>	<i>le'</i>	<i>M</i>
	"	"	"	"	"
	<i>y</i>	<i>-kee</i>	<i>y</i>	<i>-e</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>	wä-hee'-na	<i>ch</i>	hon'-ĩ	<i>ch</i>
99	"		"		"
	's		<i>ild</i>		<i>ild</i>
	<i>br</i>		female		female
	"				
	o's dau's dau				
99	<i>M</i>	<i>käi'</i>	<i>M</i>	<i>le'</i>	<i>M</i>
	"	"	"	"	"
	<i>y</i>	<i>-kee</i>	<i>y</i>	<i>-e</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>	wä-hee'-na	<i>ch</i>	hon'-ĩ	<i>ch</i>
	"		"		"
100	's		<i>ild</i>		<i>ild</i>
	<i>br</i>		female		female
	"				
	o's dau's dau				
	<i>M</i>	moo-pŭ'-nä	<i>M</i>	mä-pĩ-ga fä	<i>M</i>
100	"	kä'-na	"		"
	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo</i>		grandchild,		grandchild,
	"		male		male
	's				
101	<i>br</i>				
	"				
	o's gt-GS				
	<i>M</i>	<i>moo-p</i>	<i>M</i>	<i>mä-p</i>	<i>M</i>
	"	"	"	"	"
101	<i>y</i>	<i>ũ'-nä</i>	<i>y</i>	<i>ĩ-ga</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>	wä-hee'-na	<i>grand</i>	hon'-ĩ	<i>grand</i>
	"		"		"
	's		<i>child,</i>		<i>child,</i>
	<i>br</i>		female		female
102	"				
	o's gt-D				
102	<i>M</i>	<i>moo-p</i>	<i>M</i>	<i>mä-p</i>	<i>M</i>

	"		"	"	"	"
	<i>y</i>		<i>ũ'-nă</i>	<i>y</i>	<i>ĩ-ga</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>		<i>kă'-na</i>	<i>grand</i>	<i>fă</i>	<i>grand</i>
	"			"		"
	's			<i>child,</i>		<i>child,</i>
	<i>br</i>			<i>male</i>		<i>male</i>
	"					
	<i>o's</i>					
	<i>gt-gt-GS</i>					
103	<i>M</i>		<i>moo-p</i>	<i>M</i>	<i>mă-p</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"	"
	<i>y</i>		<i>ũ'-nă</i>	<i>y</i>	<i>ĩ-ga</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>		<i>wă-hee'-na</i>	<i>grand</i>	<i>hon'-ĩ</i>	<i>grand</i>
	"			"		"
	's			<i>child,</i>		<i>child,</i>
	<i>br</i>			<i>female</i>		<i>female</i>
	"					
	<i>o's</i>					
	<i>gt-gt-GD</i>					
104	<i>M</i>		<i>mă-kũ-ă</i>	<i>M</i>	<i>oi-hon'-ĩ</i>	<i>M</i>
	"		<i>wă-hee'-na</i>	"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo's str</i>			<i>parent,</i>		<i>parent,</i>
				<i>female</i>		<i>female</i>
105	<i>M</i>		<i>mă-k</i>	<i>M</i>	<i>oi-fă</i>	<i>M</i>
	"		"	"		"
	<i>y</i>		<i>ũ-ă</i>	<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo</i>		<i>kă'-na</i>	<i>par</i>		<i>par</i>
	"			"		"
	's			<i>ent,</i>		<i>ent,</i>
	<i>str's husb</i>			<i>male</i>		<i>male</i>
106	<i>M</i>	(<i>oms</i>)	<i>kăi'-ku-ă-ă'-</i>	<i>M</i>	<i>să-sĩ-gĩ</i>	<i>M</i>
	"		<i>na</i>	"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo</i>			<i>bro, older</i>		<i>bro</i>
	"					
	's					
	<i>st</i>					
	"					
	<i>r's</i>					
	<i>son</i>					
107	<i>M</i>	(<i>yms</i>)	<i>kăi'-ka-i-na</i>	<i>M</i>	<i>să-s</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"

	<i>y</i> <i>mo</i> " 's <i>st</i> " <i>r</i> 's son <i>M</i> "		<i>y</i> <i>b</i> " <i>ro</i> , younger <i>M</i> "	<i>ĩ-gĩ</i> <i>sag-hon'-ĩ</i> <i>M</i> "	<i>y</i> <i>b</i> " <i>ro</i> <i>M</i> "
108	<i>y</i> <i>mo</i> " 's <i>st</i> " <i>r</i> 's son's wife <i>M</i> "	wä-hee'-na	<i>y</i> wife <i>M</i> "		<i>y</i> str <i>M</i> "
109	<i>y</i> <i>mo</i> " 's <i>st</i> " <i>r</i> 's dau <i>M</i> "	käi'-kü wä- hee'-na	<i>y</i> str <i>M</i> "	<i>sag-hon'-ĩ</i> <i>M</i> "	<i>y</i> <i>s</i> " <i>tr</i> <i>M</i> "
110	<i>y</i> <i>mo</i> " 's <i>st</i> " <i>r</i> 's dau's husb <i>M</i> "	käi'-ko-ee'- kä	<i>y</i> bro-in-law <i>M</i> "	sä-sĩ-gĩ <i>M</i> "	<i>y</i> bro <i>M</i> "
111	<i>y</i> <i>mo</i> "	käi'-kee kä'- na	<i>y</i> child, male <i>M</i> "	le'-e fä <i>M</i> "	<i>y</i> child, male <i>M</i> "

	's				
	st				
	"				
	r's				
	son's son				
112	<i>M</i>	käi'-kee wä-	<i>M</i>	le'-e hon'-ĩ	<i>M</i>
	"	hee'-na	"		"
	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo</i>		<i>chi</i>		<i>chi</i>
	"		"		"
	's		<i>ld,</i>		<i>ld,</i>
	st		female		female
	"				
	r's				
	son's dau				
113	<i>M</i>	käi'-kee kä'-	<i>M</i>	le'-e fä	<i>M</i>
	"	na	"		"
	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo</i>		<i>chi</i>		<i>chi</i>
	"		"		"
	's		<i>ld,</i>		<i>ld,</i>
	st		male		male
	"				
	r's				
	dau's son				
114	<i>M</i>	käi'-kee wä-	<i>M</i>	le'-e hon'-ĩ	<i>M</i>
	"	hee'-na	"		"
	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo</i>		<i>chi</i>		<i>chi</i>
	"		"		"
	's		<i>ld,</i>		<i>ld,</i>
	st		female		female
	"				
	r's				
	dau's dau				
115	<i>M</i>	moo-pŭ'-nä	<i>M</i>	mä-pĩ-ga fä	<i>M</i>
	"	kä'-na	"		"
	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo</i>		grandchild,		grandchild,
	"		male		male
	's				
	st				
	"				

116	<i>r's</i> gt-GS				
	<i>M</i>	moo-pǔ'-nǎ	<i>M</i>	mǎ-pǐ-ga	<i>M</i>
	"	wǎ-hee'-na	"	hon'-ǐ	"
	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo</i>		<i>grand</i>		<i>grand</i>
117	"		"		"
	's		<i>child,</i>		<i>child,</i>
	<i>st</i>		female		female
	"				
	<i>r's</i> gt-GD				
118	<i>M</i>	moo-pǔ'-nǎ	<i>M</i>	mǎ-pǐ-ga fǎ	<i>M</i>
	"	kǎ'-na	"		"
	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo</i>		<i>grand</i>		<i>grand</i>
	"		"		"
119	's		<i>child,</i>		<i>child,</i>
	<i>st</i>		male		male
	"				
	<i>r's</i> gt-gt-GS				
	<i>M</i>	moo-pǔ'-nǎ	<i>M</i>	mǎ-pǐ-ga	<i>M</i>
120	"	wǎ-hee'-na	"	hon'-ǐ	"
	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo</i>		<i>grand</i>		<i>grand</i>
	"		"		"
	's		<i>child,</i>		<i>child,</i>
120	<i>st</i>		female		female
	"				
	<i>r's</i> gt-gt-GD				
	<i>M</i>	kǔ-pǔ'-nǎ	<i>M</i>	mǎ-pǐ-ga fǎ	<i>M</i>
	"	kǎ'-na	"		"
120	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
	fa's fa's bro		GP, male		GP, male
	<i>M</i>	mǎ-kǔ'-ǎ	<i>M</i>	oi-fǎ	<i>M</i>
	"	kǎ'-na	"		"
	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
120	<i>fa</i>		parent,		parent,
	"		male		male
	's				
120	<i>fa</i>				

	"					
	's					
	bro's son					
121	<i>M</i>		mä-kǔ'-ă	<i>M</i>	oi-hon'-ĩ	<i>M</i>
	"		wă-hee'-na	"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>fa</i>			<i>parent,</i>		<i>parent,</i>
	"			<i>female</i>		<i>female</i>
	's					
	<i>fa</i>					
	"					
	's					
	<i>br</i>					
	"					
	o's					
	dau					
122	<i>M</i>	(older)	käi'-kǔ-a-ä'-	<i>M</i>	sä-sĩ-gĩ	<i>M</i>
	"		na	"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>fa</i>			bro, elder		bro
	"					
	's					
	<i>fa</i>					
	"					
	's					
	<i>br</i>					
	"					
	o's					
	GS					
123	<i>M</i>	(older)	käi'-kǔ wă-	<i>M</i>	sag-hon'-ĩ	<i>M</i>
	"		hee'-na	"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>fa</i>			str, elder		str
	"					
	's					
	<i>fa</i>					
	"					
	's					
	<i>br</i>					
	"					
	o's					
	GD					
124	<i>M</i>		käi'-kee kä'-	<i>M</i>	le'-e fä	<i>M</i>

	"	na	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>		child, male	child, male
	"			
	's			
	<i>fa</i>			
	"			
	's			
	<i>br</i>			
	"			
	<i>o's</i>			
125	gt-GS			
	<i>M</i>	käi'-kee wä-	<i>M</i>	le'-e hon'-ĩ
	"	hee'-na	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>		<i>chi</i>	<i>chi</i>
	"		"	"
	's		<i>ld,</i>	<i>ld,</i>
	<i>fa</i>		female	female
	"			
	's			
	<i>br</i>			
	"			
	<i>o's</i>			
126	gt-GD			
	<i>M</i>	moo-pŭ-nă	<i>M</i>	mă-pĩ-ga fä
	"	kă'-na	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>		grandchild,	grandchild,
	"		male	male
	's			
	<i>fa</i>			
	"			
	's			
	<i>br</i>			
	"			
	<i>o's</i>			
127	gt-gt-GS			
	<i>M</i>	moo-pŭ-nă	<i>M</i>	<i>mă-p</i>
	"	wä-hee'na	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>ĩ-ga</i>
	<i>fa</i>		<i>grand</i>	hon'-ĩ
	"		"	<i>grand</i>
				"

	's <i>fa</i> "		<i>child,</i> female		<i>child,</i> female
	's <i>br</i> "				
	o's gt-gt-GD				
128	<i>M</i> "	kǔ-pǔ'-nǎ wǎ-hee'-na	<i>M</i> "	<i>mǎ-p</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>fa</i> "		<i>y</i> GP female	<i>ǐ-ga</i> hon'-ǐ	<i>y</i> GP female
	's <i>fa</i> "				
	's str				
129	<i>M</i> "	mǎ-kǔ-ǎ kā'-na	<i>M</i> "	oi-fǎ	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>fa</i> "		<i>y</i> parent, male		<i>y</i> parent, male
	's <i>fa</i> "				
	's str's son				
130	<i>M</i> "	<i>mǎ-</i> "	<i>M</i> "	oi-hon'-ǐ	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>fa</i> "	<i>kǔ-</i> wǎ-hee'-na	<i>y</i> parent, female		<i>y</i> <i>par</i> "
	's <i>fa</i> "				<i>ent,</i> female
	's <i>st</i> "				
	<i>r's</i> dau				
131	<i>M</i> "	(older) kāi'-kǔ-a-ǎ'- na	<i>M</i> "	sǎ-sǐ-gǐ	<i>M</i> "

	<i>y</i> <i>fa</i> "			<i>y</i> bro, elder		<i>y</i> bro
	's <i>fa</i> "					
	's <i>st</i> "					
	<i>r's</i> GS					
132	<i>M</i> "	xxxx	käi'-kü-wä- hee'-na	<i>M</i> "	sag-hon'-ĩ	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>fa</i> "			<i>y</i> str, elder		<i>y</i> str
	's <i>fa</i> "					
	's <i>st</i> "					
	<i>r's</i> GD					
133	<i>M</i> "		käi'-kee kä'- na	<i>M</i> "	le'-e fä	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>fa</i> "			<i>y</i> child, male		<i>y</i> child, male
	's <i>fa</i> "					
	's <i>st</i> "					
	<i>r's</i> gt-GS					
134	<i>M</i> "		<i>käi'</i> "	<i>M</i> "	le'-e hon'-ĩ	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>fa</i> "		-kee wä-hee'-na	<i>y</i> <i>chi</i> "		<i>y</i> <i>chi</i> "
	's			<i>ld,</i>		<i>ld,</i>

	<i>fa</i>		female		female
	"				
	's				
	<i>st</i>				
	"				
	<i>r's</i>				
	gt-GD				
135	<i>M</i>	moo-pǔ'-nä	<i>M</i>	mā-pǐ-ga fä	<i>M</i>
	"	kä'-na	"		"
	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>fa</i>		grandchild,		grandchild,
	"		male		male
	's				
	<i>fa</i>				
	"				
	's				
	<i>st</i>				
	"				
	<i>r's</i>				
	gt-gt-GS				
136	<i>M</i>	<i>moo-p</i>	<i>M</i>	<i>mā-p</i>	<i>M</i>
	"	"	"	"	"
	<i>y</i>	ǔ'-nä	<i>y</i>	ǐ-ga	<i>y</i>
	<i>fa</i>	wä-hee'-na	<i>grand</i>	hon'-ǐ	<i>grand</i>
	"		"		"
	's		<i>child,</i>		<i>child,</i>
	<i>fa</i>		female		female
	"				
	's				
	<i>st</i>				
	"				
	<i>r's</i>				
	gt-gt-GD				
137	<i>M</i>	kǔ-pǔ'-nä	<i>M</i>	<i>mā-p</i>	<i>M</i>
	"	kä'-na	"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	ǐ-ga	<i>y</i>
	mo's mo's		GP, male	fä	GP, male
	bro				
138	<i>M</i>	mā-kǎ-ǎ	<i>M</i>	oi-fä	<i>M</i>
	"	kä'-na	"		"
	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo</i>		parent,		parent,
	"		male		male

	s					
	mo					
	"					
	s					
	bro's son					
139	M		mā-kǎ-ǎ	M	oi-hon'-ĩ	M
	"		wä-hee'-na	"		"
	y			y		y
	mo			par		par
	"			"		"
	s			ent,		ent,
	mo			female		female
	"					
	s					
	br					
	"					
	o's					
	dau					
140	M	(older)	käi-kǔ-a-ä'-	M	sä-sĩ-gĩ	M
	"		na	"		"
	y			y		y
	mo			bro, elder		bro
	"					
	s					
	mo					
	"					
	s					
	br					
	"					
	o's					
	GS					
141	M	xxxx	käi'-kǔ-wä-	M	sag-hon'-ĩ	M
	"		hee-na	"		"
	y			y		y
	mo			str, elder		str
	"					
	s					
	mo					
	"					
	s					
	br					
	"					
	o's					

142	GD				
	<i>M</i>	käi'-kee kä'-	<i>M</i>	le'-e fä	<i>M</i>
	"	na	"		"
	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo</i>		child, male		child, male
	"				
143	<i>s</i>				
	<i>mo</i>				
	"				
	<i>s</i>				
	<i>br</i>				
	"				
144	<i>o's</i>				
	gt-GS				
	<i>M</i>	käi'	<i>M</i>	le'-e hon'-ĩ	<i>M</i>
	"	"	"		"
	<i>y</i>	-kee	<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo</i>	wä-hee'-na	<i>chi</i>		<i>chi</i>
145	"		"		"
	<i>s</i>		<i>ld,</i>		<i>ld,</i>
	<i>mo</i>		female		female
	"				
	<i>s</i>				
	<i>br</i>				
146	"				
	<i>o's</i>				
	gt-GD				
	<i>M</i>	moo-pũ'-nä	<i>M</i>	mä-pĩ-ga fä	<i>M</i>
	"	kä'-na	"		"
	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
147	<i>mo</i>		grandchild,		grandchild,
	"		male		male
	<i>s</i>				
	<i>mo</i>				
	"				
	<i>s</i>				
148	<i>br</i>				
	"				
	<i>o's</i>				
	gt-gt-GS				
	<i>M</i>	moo-p	<i>M</i>	mä-pĩ-ga	<i>M</i>
	"	"	"	hon'-ĩ	"
149	<i>y</i>	ũ'-nä	<i>y</i>		<i>y</i>

	<i>mo</i>		wä-hee'-na	<i>grand</i>		<i>grand</i>
	"			"		"
	<i>s</i>			<i>child,</i>		<i>child,</i>
	<i>mo</i>			female		female
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>o's</i>					
	gt-gt-GD					
146	<i>M</i>		kǔ-pǔ-nǎ	<i>M</i>	<i>mǎ-pǐ-ga</i>	<i>M</i>
	"		wä-hee-na	"	hon'-ǐ	"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	mo's mo's			GP, male		GP, male
	str					
147	<i>M</i>		mǎ-kǔ-ǎ	<i>M</i>	oi-fǎ	<i>M</i>
	"		kǎ'-na	"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo</i>			parent,		parent,
	"			male		male
	<i>s</i>					
	<i>mo</i>					
	"					
	<i>s</i>					
	str's son					
148	<i>M</i>		<i>mǎ-k</i>	<i>M</i>	oi-hon'-ǐ	<i>M</i>
	"		"	"		"
	<i>y</i>		ǔ-ǎ	<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo</i>		wä-hee'-na	<i>par</i>		<i>par</i>
	"			"		"
	<i>s</i>			<i>ent,</i>		<i>ent,</i>
	<i>mo</i>			female		female
	"					
	<i>s</i>					
	<i>st</i>					
	"					
	<i>r's</i>					
	dau					
149	<i>M</i>	(oms)	kǎi'-kǔ-ǎ-ǎ-	<i>M</i>	sǎ-sǐ-gǐ	<i>M</i>
	"		na	"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>mo</i>			bro, elder		bro
	"					

	s				
	mo				
	"				
	s				
	st				
	"				
	r's				
	GS				
150	M	käi'-kũ-wä-	M	sag-hon'-ĩ	M
	"	hee'-na	"		"
	y		y		y
	mo		str, elder		str
	"				
	s				
	mo				
	"				
	s				
	st				
	"				
	r's				
	GD				
151	M	käi'-kee-kä'-	M	le'-e fä	M
	"	na	"		"
	y		y		y
	mo		child, male		child, male
	"				
	s				
	mo				
	"				
	s				
	st				
	"				
	r's				
	gt-GS				
152	M	käi'	M	le'-e hon'-ĩ	M
	"	"	"		"
	y	-ke-	y		y
	mo	wä-hee'-na	chi		chi
	"		"		"
	s		ld,		ld,
	mo		female		female
	"				
	s				

	<i>st</i> "				
	<i>r's</i> gt-GD				
153	<i>M</i> "	moo-pǔ'-nă kā'-na	<i>M</i> "	mă-pǐ-ga fä	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>mo</i> "		<i>y</i> grandchild, male		<i>y</i> grandchild, male
	<i>s</i> <i>mo</i> "				
	<i>s</i> <i>st</i> "				
	<i>r's</i> gt-gt-GS				
154	<i>M</i> "	<i>moo-p</i> "	<i>M</i> "	mă-pǐ-ga hon'-ǐ	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>mo</i> "	ǔ'-nă wä-hee'-na	<i>y</i> <i>grand</i> "		<i>y</i> <i>grand</i> "
	<i>s</i> <i>mo</i> "		<i>child,</i> female		<i>child,</i> female
	<i>s</i> <i>st</i> "				
	<i>r's</i> gt-gt-GD				
155	<i>M</i> "	kä'-na	<i>M</i> "	ve-ven'-ǐ	<i>M</i> "
	<i>y</i> husb		<i>y</i> husb		<i>y</i> husb
156	<i>M</i> "	wä-hee'-na	<i>M</i> "	hoi-e-nă, and hen	<i>M</i> "
	<i>y</i> wife		<i>y</i> wife		<i>y</i> wife
157	<i>M</i> "	mă-kǔ'-ă- hǔ-nă-ai	<i>M</i> "	oi-fä	<i>M</i> "
	<i>y</i> husb's fa		<i>y</i> fa-in-law		<i>y</i> fa
158	<i>M</i>	<i>mă-kǔ'-ă-</i>	<i>M</i>	oi-hon'-ǐ	<i>M</i>

	"		"	"		"
	<i>y</i>		<i>hǔ-nä-ai</i>	<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>hus</i>			mo-in-law		mo
	"					
	<i>b's</i>					
	mo					
159	<i>M</i>		<i>mă-kǔ'-ă-</i>	<i>M</i>	oi-fä	<i>M</i>
	"		"	"		"
	<i>y</i>		<i>hǔ-nä-ai</i>	<i>y</i>		<i>y</i>
	wife's fa			fa-in-law		fa
160	<i>M</i>		<i>mă-kǔ'-ă-</i>	<i>M</i>	oi-hon'-ĩ	<i>M</i>
	"		"	"		"
	<i>y</i>		<i>hǔ-nä-ai</i>	<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>wi</i>			mo-in-law		mo
	"					
	<i>fe's</i>					
	mo					
161	<i>M</i>		<i>hǔ-no'-nä</i>	<i>M</i>	le'-e fä	<i>M</i>
	"		<i>kä'-na</i>	"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	son-in-law			son-in-law		child, male
162	<i>M</i>		<i>hǔ-no'-nä</i>	<i>M</i>	le'-e hon'-ĩ	<i>M</i>
	"		<i>wä-hee'-na</i>	"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	dau-in-law			dau-in-law		<i>chi</i>
						"
						<i>ld,</i>
						female
163	<i>M</i>	(<i>husb's bro</i>)	<i>kä'-na</i>	<i>M</i>	hom-fu'-e	<i>M</i>
	"			"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	bro-in-law			husb		bro-in-law
164	<i>M</i>	(<i>str's husb,</i>	<i>kä'</i>	<i>M</i>	me-i	<i>M</i>
	"	<i>fs</i>)	"	"		"
	<i>y</i>		<i>-na</i>	<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>bro-i</i>			<i>h</i>		<i>bro-</i>
	"			"		"
	<i>n-law</i>			<i>usb</i>		<i>in-law</i>
165	<i>M</i>	(<i>wife's str's</i>	<i>pǔ-na-lǔ-ä</i>	<i>M</i>		
	"	<i>husb</i>)		"		
	<i>y</i>			<i>y</i>		
	<i>bro-i</i>			intimate		
	"			companion		

166	<i>n-law</i>					
	<i>M</i>	(wife's bro)	käi-ko-a'-kä	<i>M</i>	me-i	<i>M</i>
	"			"		"
167	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>bro-i</i>			bro-in-law		<i>bro-i</i>
	"					"
168	<i>n-law</i>					<i>n-law</i>
	<i>M</i>	(wife's str)	wä-hee'-na	<i>M</i>	hom-fu'-e	<i>M</i>
	"			"		"
169	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
	str-in-law			wife		str-in-law
	"					"
170	<i>M</i>	(husb's str)	käi-ko-a'-kä	<i>M</i>	me-i	<i>M</i>
	"			"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
171	str-i			str-in-law		str-i
	"					"
	<i>n-law</i>					<i>n-law</i>
172	<i>M</i>	(bro's wife)	wä-hee'-na	<i>M</i>	hom-fu'-e	<i>M</i>
	"			"		"
	<i>y</i>			<i>y</i>		<i>y</i>
173	str-i			wife		str-i
	"					"
	<i>n-law</i>					<i>n-law</i>
174	<i>M</i>	(	käi-ko-a'-kä	<i>M</i>	xxxx	<i>M</i>
	"	bro's wife		"		"
	<i>y</i>	fs)		<i>y</i>		<i>y</i>
175	str-i			str-in-law		str-i
	"					"
	<i>n-law</i>					<i>n-law</i>
176	<i>M</i>	(husb's	pŭ-na-lŭ-ä	<i>M</i>		
	"	bro's wife)		"		
	<i>y</i>			<i>y</i>		
177	str-i			intimate		
	"			companion		
	<i>n-law</i>					
178	<i>M</i>	(wife's bro's	wä-hee'-na	<i>M</i>		
	"	wife)		"		
	<i>y</i>			<i>y</i>		
179	str-i			wife		
	"					
	<i>n-law</i>					
180	<i>M</i>		mä-kŭ'-a	<i>M</i>	oi-fä	<i>M</i>
	"		kä'-na	"		"

	y step-fa		y parent, male		y parent, male
174	M "	mä-k "	M "	oi-hon'-ĩ	M "
	y st "	ũ'-a wä-hee'-na	y par "		y par "
	ep- mo		ent, female		ent, female
175	M "	käi'-kee kä'- na	M "	le'-e fä	M "
	y st "		y child, male		y child, male
	ep- son				
176	M "	käi' "	M "	le'-e fä	M "
	y st "	-kee wä-hee'-na	y ch "		y ch "
	ep- dau		ild, female		ild, female

ГЛАВА III. - СЕМЬЯ ПУНАЛУА.

Семья Пуналуа возникла на основе семьи Консенгуин.- Переход, как он произошел.- Гавайский обычай Пуналуа.- Его вероятная древняя распространенность на обширных территориях.- Генты возникли, вероятно, в группах Пуналуа.- Туранская система кровосмешения.- Создана семьей Пуналуа.- Доказывает существование этой семьи в момент формирования системы.- Детали системы.- Объяснение ее отношений в их происхождении.- Таблица туранской и гановановской систем кровосмешения и родства.

Семья Пуналуан существовала в Европе, Азии и Америке в исторический период, а в Полинезии - в нынешнем веке. Будучи широко распространенным среди человеческих племен, находившихся в статусе дикарей, он в некоторых случаях оставался среди племен, перешедших в нижний статус варварства, а в одном случае, у бриттов, - среди племен, достигших среднего статуса.

В ходе человеческого прогресса он следовал за кровосмесительной семьей, над которой он возвышался и модификацией которой он являлся. Переход от одной к другой произошел в результате постепенного исключения родных братьев и сестер из брачных отношений, зло которых не могло навсегда остаться незамеченным человеком. Возможно, невозможно

восстановить события, которые привели к избавлению, но мы не лишены некоторых свидетельств, указывающих на то, как это произошло. Хотя факты, на основании которых делаются эти выводы, носят мрачный и запретный характер, они не выдадут содержащихся в них знаний без терпеливого и внимательного изучения.

Если учесть, что в консангвиническую семью входили родные братья и сестры, а также побочные братья и сестры, состоящие в брачных отношениях, и нужно было только исключить из группы первых и сохранить вторых, то консангвиническая семья превращалась в пуналуанскую. Исключение одного класса и сохранение другого было сложным процессом, поскольку влекло за собой радикальные изменения в составе семьи, не говоря уже о древнем плане домашней жизни. Кроме того, это требовало отказа от привилегий, на которые дикари не спешили идти. Начавшись, как можно предположить, в единичных случаях и медленно осознавая свои преимущества, она оставалась экспериментом на протяжении огромного количества времени; сначала внедряясь частично, затем становясь всеобщей и, наконец, универсальной среди продвигающихся племен, все еще находящихся в дикости, среди которых и зародилось это движение. Это хорошая иллюстрация действия принципа естественного отбора.

В связи с этим вновь представляется значение австралийской классовой системы. Из того, как формировались классы, а также из правил, касающихся брака и нисхождения, очевидно, что их основной целью было исключение собственных братьев и сестер из брачных отношений, в то время как побочные братья и сестры оставались в этих отношениях. Первая цель навязана классам внешним законом, а вторая, которая не очевидна с виду, становится очевидной, если проследить их происхождение.⁴⁶³ Таким образом, выясняется, что первые, вторые и более отдаленные двоюродные братья и сестры, которые являются побочными братьями и сестрами по системе кровосмешения, постоянно возвращаются в брачные отношения, в то время как родные братья и сестры исключаются. Число человек в австралийской группе пуналуа больше, чем в гавайской, и ее состав несколько отличается; но в обоих случаях сохраняется тот примечательный факт, что братство мужей составляет основу брачных отношений в одной группе, а сестринство жен - в другой. Однако в отношении гавайцев существует такое различие, что пока не видно, чтобы среди них существовали классы, между которыми должны были заключаться браки. Поскольку австралийские классы дали начало пуналуанской группе, содержащей зародыш *gens*, можно предположить, что такая организация на классы по половому признаку когда-то преобладала среди всех племен человечества, которые впоследствии подпали под языческую организацию. Не будет удивительным, если гавайцы в какой-то более ранний период были организованы в подобные классы.

Как ни примечательно, но три наиболее важных и широко распространенных института человечества, а именно: семья пуналуа, организация на генты и туранская система кровосмешения, уходят корнями в предшествующую организацию, аналогичную группе пуналуа, в которой и находится зародыш каждого из них. Некоторые доказательства истинности этого предположения появятся при обсуждении этой семьи.

Как пуналуанский брак дал пуналуанскую семью, так и последняя даст туранскую систему кровосмешения, как только существующая система будет реформирована таким образом, чтобы выразить отношения, как они фактически существовали в этой семье. Но для достижения этого результата требовалось нечто большее, чем пуналуанская группа, а именно: организация в *gentes*, которая органическим законом навсегда исключала из

брачных отношений братьев и сестер, которые до этого должны были часто вступать в эти отношения. Когда это исключение стало полным, оно привело бы к изменению всех этих отношений, зависящих от браков; и когда система кровосмешения была приведена в соответствие с новым состоянием этих отношений, туранская система стала бы преобладать над малайской. У гавайцев была семья пуналуа, но не было ни разделения на генты, ни туранской системы кровосмешения. Сохранение ими старой системы кровосмешения приводит к подозрению, подтвержденному заявлениями мистера Бингхэма, что собственные братья и сестры часто входили в группу пуналуа, что делало невозможным реформирование старой системы кровосмешения. Может ли группа пуналуа гавайского типа претендовать на равную древность с австралийскими классами - вопрос спорный, поскольку последние более архаичны, чем любая другая известная конституция общества. Но существование пуналуанской группы того или иного типа было необходимо для зарождения гентов, как последние были необходимы для создания туранской системы кровосмешения. Эти три института будут рассмотрены отдельно.

I. Пуналуанская семья.

В редких случаях удастся обнаружить обычай в конкретной форме, который может стать ключом к разгадке некоторых тайн древнего общества и объяснить то, что раньше можно было понять лишь несовершенно. Таким обычаем является *пьюналуа* гавайцев. В 1860 году судья Лорин Эндрюс из Гонолулу в письме, сопровождающем таблицу гавайской системы кровосмешения, прокомментировал один из гавайских терминов родства следующим образом: "Отношения *pūnalūa* довольно амфибийны. Оно возникло из-за того, что два или более брата со своими женами или две или более сестры со своими мужьями были склонны иметь друг с другом общие отношения; но современное употребление этого слова - *дорогой друг* или *интимный компаньон*". То, к чему, по словам судьи Эндрюса, они были склонны, и что, возможно, в то время было угасающей практикой, их система кровосмешения доказывает, что когда-то она была универсальной среди них. Преподобный Артемус Бишоп, недавно скончавшийся, один из старейших миссионеров на этих островах, прислал автору в том же году, вместе с аналогичным расписанием, следующее заявление по тому же вопросу: "Эта путаница в отношениях является результатом древнего обычая родственников совместного проживания мужей и жен". В предыдущей главе приводилось замечание мистера Бингхэма о том, что полигамия, о которой он пишет, "подразумевает множественность мужей и жен". Тот же факт повторяет доктор Бартлетт: "У туземцев было едва ли больше скромности и стыда, чем у многих животных. Мужья имели много жен, а жены - много мужей, и обменивались друг с другом по своему усмотрению".⁴⁶⁴ Форма брака, которую они обнаружили, создала группу пуналуан, в которой мужья и жены совместно вступали в брак в группе. Каждая из этих групп, включая детей от браков, представляла собой пуналуанскую семью, поскольку одна состояла из нескольких братьев и их жен, а другая - из нескольких сестер с их мужьями.

Если мы теперь обратимся к гавайской системе кровосмешения, то увидим, что мужчина называет сестру своей жены своей женой. Все сестры его жены, как родные, так и побочные, также являются его женами. Но мужа сестры своей жены он называет *pūnalūa*, то есть *своим близким товарищем*; и все мужья нескольких сестер своей жены - то же самое. Они совместно вступали в брак в группе. Эти мужья, вероятно, не были братьями; если бы они были братьями, то кровное родство, естественно, преобладало бы над родством; но их жены были сестрами, родными и побочными. В этом случае сестринство жен было основой, на которой формировалась группа, а их мужья стояли друг к другу в отношениях *pūnalūa*. В другой группе, основанной на братстве мужей, женщина называет брата своего мужа своим

мужем. Все братья ее мужа, как родные, так и побочные, также являются ее мужьями. Но жену брата своего мужа она называет *pūnalūa*, и несколько жен братьев ее мужа находятся с ней в отношениях *pūnalūa*. Эти жены, вероятно, не были сестрами друг друга по причине, указанной в другом случае, хотя исключения, несомненно, существовали в обеих ветвях этого обычая. Все эти жены находились друг с другом в отношениях *pūnalūa*.

Очевидно, что семья пуналуа образовалась из кровосмесительной. Братья перестали жениться на своих родных сестрах, а после того, как языческая организация полностью отразилась на обществе, и на их побочных сестрах. Но в промежутке они делили оставшихся жен между собой. Точно так же сестры перестали выходить замуж за своих братьев, а через долгое время - и за своих побочных братьев; но оставшихся мужей они делили между собой. Переход общества из семьи консангинов в семью пуналуанов стал началом великого движения вверх, подготовив почву для языческой организации, которая постепенно привела к синдиасмической семье, а в конечном итоге - к моногамной.

Еще один примечательный факт, касающийся обычая пуналуа, - это необходимость его древнего распространения среди предков туранских и гановановских семей, когда формировалась их система кровосмешения. Причина проста и убедительна. Браки в пуналуанских группах объясняют отношения в системе. Предположительно, они являются теми, которые существовали на момент формирования этой системы. Таким образом, существование системы предполагает, что до нее были распространены пуналуанские браки и пуналуанская семья. Если перейти к цивилизованным народам, то, по-видимому, была такая же необходимость в древнем существовании пуналуанских групп среди отдаленных предков всех тех, кто обладал языческой организацией - греков, римлян, германцев, кельтов, евреев, - поскольку можно с уверенностью сказать, что все семьи человечества, поднявшиеся под языческой организацией до практики моногамии, обладали в предшествующие времена туранской системой кровосмешения, которая возникла из пуналуанской группы. Выяснится, что великое движение, начавшееся с образования этой группы, в основном завершилось организацией в генты, и что последняя, до появления моногамии, обычно сопровождалась туранской системой кровосмешения.

Следы пуналуанского обычая сохранились в исключительных случаях в европейских, азиатских и американских племенах вплоть до среднего периода варварства. Наиболее примечательную иллюстрацию дает Сезар, рассказывая о брачных обычаях древних бриттов. Он отмечает, что "десятками и двенадцатью мужья владели своими женами совместно; и особенно братья с братьями, а родители со своими детьми".⁴⁶⁵

Этот отрывок показывает обычай межродового брака в группе, который объясняет *pūnalūa*. От матерей-варварок не ожидали, что они будут иметь десять и двенадцать сыновей, как правило, или даже в исключительных случаях; но при туранской системе кровосмешения, которой, как мы можем предположить, обладали бритты, всегда встречаются большие группы братьев, потому что двоюродные братья, близкие и дальние, попадают в эту категорию вместе с *Эго*. Несколько братьев среди бриттов, по словам Сезара, имели общих жен. Здесь мы видим одну из ветвей пуналуанского обычая, чистую и простую. Коррелятивная группа, которую он предполагает, где несколько сестер имели общих мужей, не предложена непосредственно Сезаром; но она, вероятно, существовала как дополнение к первой. Он заметил и нечто большее, чем первое, а именно то, что родители со своими детьми делили общих жен. Не исключено, что эти жены были сестрами. Независимо от того, относил ли Сезар это выражение к другой группе, оно служит для обозначения степени, в которой множественные браки в этой группе существовали среди бриттов; именно этот поразительный факт и привлек внимание этого выдающегося наблюдателя. Там, где

несколько братьев были женаты на женах друг друга, эти жены были замужем за мужьями друг друга.

Геродот, говоря о массагетах, которые находились в среднем состоянии варварства, отмечает, что у каждого мужчины была одна жена, но все жены были общими.⁴⁶⁶ Из этого утверждения можно сделать вывод, что синдиасмическая семья стала накладываться на пуналуанскую. Каждый муж вступал в пару с одной женой, которая, таким образом, становилась его главной женой, но в пределах группы мужа и жены продолжали быть общими. Если Геродот хотел изобразить состояние распущенности, то его, скорее всего, не существовало. Массагеты, хотя и не знали железа, имели стада и отары, сражались на лошадях, вооруженные медными боевыми топорами и копьями с медными наконечниками, изготавливали и использовали повозки (ῥαξα). Невозможно предположить, что народ, живущий в беспорядочных связях, мог достичь такой степени развития. Он также замечает об агатирси, которые, вероятно, находились в том же положении, что у них были общие жены, чтобы все они могли быть братьями и, как члены одной семьи, не завидовать и не ненавидеть друг друга.⁴⁶⁷ Пуналуанский брак в группе дает более рациональное и удовлетворительное объяснение этим и подобным обычаям в других племенах, упомянутых Геродотом, чем полигамия или общая распущенность. Его рассказы слишком скудны, чтобы проиллюстрировать реальное состояние общества среди них.

Следы пуналуанского обычая были замечены в некоторых наименее развитых племенах южноамериканских аборигенов, но подробности не приводятся. Так, первые мореплаватели, посетившие прибрежные племена Венесуэлы, обнаружили состояние общества, которое предполагает для своего объяснения пуналуанские группы. "Они не соблюдали никаких законов или правил в браке, брали столько жен, сколько хотели, а те - столько мужей, бросали друг друга по своему желанию, не считаясь ни с одной из сторон. Среди них не было такого понятия, как ревность, все жили так, как им было удобно, не обижаясь друг на друга..... Дома, в которых они жили, были общими для всех и настолько просторными, что вмещали сто шестьдесят человек, крепко построенными, хотя и покрытыми пальмовыми листьями, и по форме напоминающими колокол".⁴⁶⁸ Эти племена использовали глиняные сосуды и, следовательно, находились в нижнем статусе варварства; но, судя по этому рассказу, они были лишь немного удалены от дикости. В этом случае, как и в других, упомянутых Геродотом, наблюдения, на основании которых были сделаны заявления, были поверхностными. Это свидетельствует, по крайней мере, о низком уровне семьи и брачных отношений.

Когда Северная Америка была открыта в нескольких ее частях, семья пуналуа, похоже, полностью исчезла. Насколько мне известно, среди них не сохранилось никаких традиций о древнем распространении обычая пуналу. Семья в целом перешла из пуналуанской в синдиасмическую форму; но она была окружена остатками древней супружеской системы, которая указывает назад на пуналуанские группы. Можно привести один обычай несомненного пуналуанского происхождения, который до сих пор признается по меньшей мере в сорока племенах североамериканских индейцев. Если мужчина женился на старшей дочери семьи, то по обычаю он получал право на всех ее сестер в качестве жен, когда они достигали брачного возраста. Это право редко применялось, поскольку человеку было трудно содержать несколько семей, хотя полигамия повсеместно признавалась как привилегия мужчин. В этом мы находим остатки обычая пуналуа у их далеких предков. Несомненно, среди них было время, когда родные сестры вступали в брачные отношения на основе сестринских отношений; муж одной из них был мужем всех, но не единственным, так как другие мужчины были совместными мужьями с ним в группе. После того как семья

пуналуа распадалась, за мужем старшей сестры сохранялось право стать мужем всех ее сестер, если он решал претендовать на это. Это с полным основанием можно считать подлинным выживанием древнего обычая пуналуа.

Можно привести и другие следы этой семьи среди племен человечества из исторических трудов, свидетельствующие не только о ее древнем существовании, но и о широкой распространенности. Нет необходимости, однако, расширять эти цитаты, так как существование пуналуанской семьи среди предков всех племен, обладающих или обладавших туранской системой кровосмешения, может быть выведено из самой системы.

II. Происхождение организации на генты.

Ранее было высказано предположение, что временем возникновения этого института был период дикости, во-первых, потому что в полном развитии он обнаруживается в нижнем статусе варварства, а во-вторых, потому что в частичном развитии он обнаруживается в статусе дикости. Более того, зародыш *gens* обнаруживается в австралийских классах так же отчетливо, как и в гавайской группе пуналуа. У австралийцев также можно обнаружить *gentes*, основанные на классах, с очевидным способом их организации из них. Нельзя ожидать, что такой замечательный институт, как *gens*, возникнет сам по себе или вырастет из ничего, то есть без фундамента, сформировавшегося ранее в результате естественного роста. Его зарождение следует искать в уже существовавших элементах общества, а его зрелость должна наступить спустя долгое время после его возникновения.

Два основополагающих правила *gens* в его архаичной форме встречаются в австралийских классах, а именно: запрет на межродственные браки между братьями и сестрами и происхождение по женской линии. Последний факт становится совершенно очевидным при появлении генов, поскольку дети в этом случае оказываются в роду своих матерей. Естественная приспособленность классов к рождению генов достаточно очевидна, чтобы предположить вероятность того, что это действительно произошло. Более того, эта вероятность усиливается тем фактом, что *gens* здесь встречается в связи с предшествующей и более архаичной организацией, которая все еще являлась единицей социальной системы, местом, принадлежащим по праву *gens*.

Обращаясь теперь к гавайской группе пуналуан, можно обнаружить те же элементы, содержащие зародыш *gens*. Однако он ограничивается женской ветвью обычая, где несколько сестер, родных и побочных, имели общих мужей. Эти сестры, с их детьми и потомками по женской линии, представляют собой точный состав рода архаического типа. Происхождение обязательно прослеживалось по женской линии, поскольку отцовство детей не могло быть установлено с уверенностью. Как только эта особая форма брака в группе стала устоявшимся институтом, основа для рода была создана. Затем потребовалось проявить интеллект, чтобы превратить эту естественную пуналуанскую группу в организацию, ограниченную этими матерями, их детьми и потомками по женской линии. Гавайцы, хотя эта группа и существовала среди них, не дошли до концепции рода. Но именно такой группе, опирающейся на сестринские отношения матерей, или аналогичной австралийской группе, опирающейся на тот же принцип союза, следует приписать происхождение рода. Она взяла эту группу в том виде, в котором нашла ее, и организовала некоторых ее членов с некоторыми их потомками в род на основе родства.

Объяснить, как именно возник род, конечно, невозможно. Факты и обстоятельства относятся к далекой древности. Но род можно проследить до того состояния древнего общества, которое привело к его возникновению. Именно это я и попытался сделать. По своему происхождению он относится к низкой стадии развития человечества и к очень древнему

состоянию общества, хотя и более позднему по времени, чем первое появление пуналуанской семьи. Совершенно очевидно, что она возникла в этой семье, которая состояла из группы лиц, совпадающей по существу с принадлежностью к роду.

Влияние гентильной организации на древнее общество было консервативным и возвышающим. После того как она полностью развилась и распространилась на значительные территории, и прошло достаточно времени, чтобы оказать полное влияние на общество, жен стало не хватать вместо их прежнего изобилия, потому что это имело тенденцию к сокращению размеров пуналуанской группы и, наконец, к ее свержению. Синдиасмическая семья постепенно возникла внутри пуналуанской, после того как языческая организация стала преобладать в древнем обществе. Промежуточные стадии прогресса не очень хорошо установлены; но, учитывая, что пуналуанская семья находилась в Ста тусе дикости, а синдиасмическая семья - в Нижнем статусе варварства, факт прогресса от одного к другому может быть выведен с достаточной уверенностью. Именно после того, как последняя семья начала появляться, а пуналуанские группы - исчезать, жен стали искать путем покупки и захвата. Не обсуждая имеющиеся свидетельства, можно сделать очевидный вывод, что языческая организация была эффективной причиной окончательного уничтожения семьи пуналу и постепенного сокращения грандиозной супружеской системы периода дикости. Зародившись, как мы должны предположить, в пуналуанской группе, она, тем не менее, вывела общество за ее пределы.

III. Туранская или гануднийская система кровосмешения.

Эта система и языческая организация, когда она находится в своей архаичной форме, обычно встречаются вместе. Они не являются взаимозависимыми, но, вероятно, появились недалеко друг от друга в порядке человеческого прогресса. Но системы кровосмешения и различные формы семьи находятся в прямой зависимости друг от друга. Семья представляет собой активный принцип. Она никогда не бывает неподвижной, а переходит от низшей формы к высшей, как общество переходит от низшего состояния к высшему, и, наконец, переходит из одной формы в другую, более высокую. Системы кровосмешения, напротив, пассивны; они фиксируют прогресс, достигнутый семьей за длительные промежутки времени, и радикально меняются только тогда, когда семья радикально меняется.

Туранская система не могла сформироваться, если бы в то время не существовали пуналуанский брак и пуналуанская семья. В обществе, где по общему обычаю несколько сестер выходили замуж группой за мужей друг друга, а несколько братьев - за жен друг друга, имелись все условия для создания туранской системы. Любая система, созданная для выражения реальных отношений, существовавших в такой семье, с необходимостью была бы туранской и сама по себе свидетельствовала бы о существовании такой семьи в момент ее формирования.

Теперь предлагается рассмотреть эту замечательную систему в том виде, в каком она до сих пор существует в туранской и гановановской семьях, и предложить ее в качестве доказательства существования пуналуанской семьи в то время, когда она была создана. Она дошла до наших дней на двух континентах после того, как исчезли брачные обычаи, на которых она основывалась, и после того, как семья перешла из пуналуанской в синдиасмическую форму.

Для того чтобы оценить доказательства, необходимо рассмотреть детали системы. Система сенека-ирокезов будет использоваться как типичная для ганованов Америки, а тамилы

Южной Индии - для туранских племен Азии. Эти формы, которые по существу идентичны на протяжении более чем двухсот отношений одного и того же человека, будут приведены в таблице в конце этой главы. В предыдущей работе⁴⁶⁹ я полностью представил систему кровосмешения примерно семидесяти племен американских индейцев, а среди азиатских племен и народов - тамилы, телугу и канаресы Южной Индии, среди всех которых система, приведенная в таблице, в настоящее время практически используется повседневно. В системах разных племен и народов есть различия, но основные черты неизменны. Все одинаково приветствуют по родственному признаку, но с той разницей, что среди тамильцев, когда человек, к которому обращаются, младше говорящего, должен использоваться термин родства; когда же он старше, предоставляется возможность приветствовать по родственному признаку или по личному имени. Напротив, среди американских аборигенов обращение всегда должно быть на основе термина родства. Они используют эту систему в обращениях, потому что это система кровосмешения и родства. Она также была средством, с помощью которого каждый индивид в древнем роду мог проследить свою связь с каждым членом своего рода, пока моногамия не разрушила туранскую систему. Во многих случаях можно обнаружить, что отношение одного и того же человека к

Эго меняются по мере изменения пола Эго. По этой причине было сочтено необходимым задать вопрос дважды: один раз, когда говорит мужчина, и второй - когда женщина. Несмотря на созданное разнообразие, система логична во всем. Чтобы показать ее характер, необходимо пройти по нескольким линиям, как это было сделано в малайской системе. Будет использована сенека-ирокезская система.

Отношения деда (*Нос'-sote*) и бабушки (*Ос'-sote*), внука (*На-yä'-da*) и внучки (*Ка-yä'-da*) являются наиболее отдаленными, признанными как в восходящем, так и в нисходящем ряду. Предки и потомки, находящиеся выше и ниже этих категорий, относятся к тем же категориям соответственно.

Отношения брата и сестры понимаются в двойной форме - старшего и младшего, а не абстрактно; для каждого из них существуют специальные термины, как, например:

Старший брат, *Ха'-дже*. Старшая сестра, *Аһ'-jē*.

Младший брат, *На'-gǎ*. Младшая сестра, *Ка'-gǎ*.

Эти термины используются мужчинами и женщинами и применяются ко всем братьям или сестрам, которые старше или младше говорящего. В тамильском языке существует два набора терминов для обозначения этих отношений, но сейчас они используются без разбора обоими полами.

Первая побочная линия. Если я мужчина и говорю как сенека, то сын и дочь моего брата - мои сын и дочь (*На-аһ'-wuk* и *Ка-аһ'-wuk*), и каждый из них называет меня отцом (*Нä'-nih*). Это первая индикативная характеристика системы. Она ставит детей моего брата в одну категорию с моими собственными. Они и мои дети, и его. Внуки моего брата - это мои внуки и внучки (*На-yä'-da* и *Ка-yä'-da*, единственное число), и каждый из них называет меня дедушкой (*Нос'-sote*). Приведенные здесь отношения - это те, которые признаны и применяются; другие не известны.

Некоторые отношения будут выделены как показательные. Они обычно управляют теми, которые предшествуют и следуют за ними. Когда они совпадают в системах разных племен и

даже разных семейств человечества, как в Тура нианской и Ганованианской, они устанавливают их фундаментальную идентичность.

В женской ветви этой линии - я все еще мужчина - сын и дочь моей сестры являются моими племянником и племянницей (*Ha-yă'-wan-da* и *Ka-yă'-wan-da*), и каждый из них называет меня дядей (*Hoc-no'-seh*). Это второй индикативный признак. Он ограничивает отношения племянника и племянницы детьми родных или побочных сестер мужчины. Дети этих племянника и племянницы - мои внуки, как и прежде, каждый из них применяет ко мне соответствующий коррелят.

Когда я женщина, часть этих отношений меняется на противоположные. Сын и дочь моего брата - мои племянник и племянница (*Ha-soh'-neh* и *Ka-soh'-neh*), и каждый из них называет меня тетей (*Ah-ga'-huc*). Следует заметить, что термины "племянник" и "племянница", используемые мужчинами, отличаются от женских. Дети этих племянников и племянниц - мои внуки. В женской ветви сын и дочь моей сестры - мои сын и дочь, каждый из них называет меня матерью (*Noh-yeh'*), а их дети - мои внуки, каждый из которых называет меня бабушкой (*Oc'-sote*).

Жены этих сыновей и племянников - мои невестки (*Ka'-să*), а мужья этих дочерей и племянниц - мои зятья (*Oc-na'-hose*, каждый термин в единственном числе), и они применяют ко мне соответствующий коррелят.

Вторая боковая линия. В мужской ветви этой линии, по отцовской линии, и независимо от пола *Эго*, брат моего отца является моим отцом и называет меня своим сыном или дочерью в зависимости от того, являюсь я мужчиной или женщиной. Третий индикативный признак. Все братья отца находятся в родстве с отцами. Его сын и дочь - мои брат и сестра, старшие или младшие, и я применяю к ним те же термины, которыми обозначаю собственных братьев и сестер. Четвертый признак индикатива. Он ставит детей братьев в отношения братьев и сестер. Дети этих братьев, я сам мужчина, - мои сыновья и дочери, а их дети - мои внуки; дети же этих сестер - мои племянники и племянницы, а дети последних - мои внуки. Но если я женщина, то дети этих братьев - мои племянники и племянницы, дети этих сестер - мои сыновья и дочери, а их дети, в равной степени, - мои внуки. Таким образом, видно, что классификация по первой боковой линии переносится на вторую, как и на третью и более отдаленную, насколько можно проследить родство.

Сестра моего отца - моя тетя и называет меня своим племянником, если я мужчина. Пятый индикативный признак. Отношения тети ограничиваются сестрами моего отца и сестрами других лиц, которые находятся по отношению ко мне в родстве с отцом, за исключением сестер моей матери. Дети сестер моего отца - мои двоюродные братья (*Ah-gare'-seh*, единственное число), каждый из которых называет меня двоюродным братом. Если я мужчина, то дети моих кузенов-мужчин - мои сыновья и дочери, а кузенов-женщин - мои племянники и племянницы; но если я женщина, то эти отношения обратны. Все дети последней - мои внуки.

По материнской линии, я сам мужчина, брат моей матери - мой дядя и называет меня своим племянником. Шестой индикативный признак. Отношения дяди ограничиваются братьями моей матери, родными и побочными, за исключением братьев моего отца. Его дети - мои кузены, дети моих кузенов мужского пола - мои сыновья и дочери, кузенов женского пола - мои племянники и племянницы; но в случае с собой женского пола эти последние отношения обратны, дети всех одинаково являются моими внуками.

В женской ветви той же линии сестра моей матери - моя мать. Седьмая показательная особенность. Все несколько сестер, родных и побочных, находятся в отношении матери к детям друг друга. Дети сестры моей матери - мои братья и сестры, старшие или младшие. Восьмой индикативный признак. Он устанавливает отношения брата и сестры между детьми сестер. Дети этих братьев - мои сыновья и дочери, этих сестер - мои племянники и племянницы, а дети последних - мои внуки. В случае с собой отношения между женщинами меняются на противоположные, как и в предыдущих случаях.

Каждая из жен этих нескольких братьев и этих нескольких двоюродных братьев мужского пола - моя невестка (*Ah-ge-ah'-ne-ah*), каждая из них называет меня шурином (*Ha-uǎ'-o*). Точное значение первого термина неизвестно. Каждый из мужей этих нескольких сестер и кузин является моим шурином, и все они применяют ко мне соответствующий коррелят. Следы обычая пуналуан сохранились то тут, то там в брачных отношениях американских аборигенов, а именно между *Эго* и женами нескольких братьев и мужьями нескольких сестер. У манданов жена моего брата - моя жена, у пауни и арикари - то же самое. У кроу жена брата моего мужа - "мой товарищ" (*Bot-ze'-no-pǎ-che*), у криков - "мой нынешний жилец" (*Chu-hu'-cho-wǎ*), а у мунси - "мой друг" (*Nain-jose*). У виннебаго и ахаотинне она - "моя сестра". Муж сестры моей жены в некоторых племенах - "мой брат", в других - "деверь", а в Крике - "мой маленький разлучник" (*Un-kǎ-pu'-che*), что бы это ни значило.

Третья боковая линия. Поскольку отношения в нескольких ветвях этой линии такие же, как и в соответствующих ветвях второй, за исключением одного дополнительного предка, будет достаточно представить одну ветвь из четырех. Брат отца моего отца - мой дед и называет меня своим внуком. Это девятый индикативный признак и последний из всех. Он помещает братьев в родство с дедами и тем самым не позволяет боковым восходящим родственникам выйти за пределы этого родства. Принцип, объединяющий боковые линии в линейную, действует как в восходящем, так и в нисходящем направлении. Сын этого деда - мой отец; его дети - мои братья и сестры; дети этих братьев - мои сыновья и дочери, сестры - мои племянники и племянницы, а их дети - мои внуки. В отношении меня как женщины сохраняются те же отношения, что и в предыдущих случаях. Более того, во всех случаях применяется коррелятивный термин.

Четвертая побочная линия. По той же причине будет достаточно привести лишь одну ветвь этой линии. Брат отца моего деда - мой дед; его сын - тоже мой дед; сын последнего - мой отец; его сын и дочь - мои брат и сестра, старшие или младшие; их дети и внуки находятся в тех же отношениях с *Эго*, что и в других случаях. В пятой боковой линии классификация в нескольких ее ветвях такая же, как и в соответствующих ветвях второй, за исключением дополнительных предков.

Из природы системы следует, что знание числовых степеней кровного родства необходимо для правильной классификации родственников. Но для коренного индейца, привыкшего к ее повседневному использованию, кажущийся лабиринт отношений не представляет никакой сложности.

Среди остальных брачных отношений в языке сенека-ирокезов есть термины для обозначения тестя (*Oc-na'-hose*), отца жены, и (*Hǎ-gǎ'-sǎ*) - отца мужа. Первый термин также используется для обозначения зятя, что свидетельствует о его взаимности. Существуют также термины для отчима и мачехи (*Hoc'-no-ese*) и (*Oc'-no-ese*), а также для пасынка и падчерицы (*Ha'-no* и *Ka'-no*). В ряде племен два свекра и две свекрови являются родственниками, и существуют термины, выражающие эту связь. Пышность номенклатуры, хотя и обусловленная сложной дискриминацией системы, тем не менее поражает. Для

получения подробной информации о системе сенека-ирокезов и тамиллов следует обратиться к таблице. Их идентичность очевидна при ближайшем рассмотрении. Она показывает не только распространенность пуналуанского брака среди их далеких предков в период формирования системы, но и то сильное впечатление, которое эта форма брака произвела на древнее общество. В то же время это одно из самых необычных применений естественной логики человеческого разума к фактам социальной системы, сохранившимся в опыте человечества.

То, что туранская и гануанская системы были привиты к предыдущей малайской или похожей на нее во всех существенных отношениях, теперь доказано. Примерно в половине всех названных отношений эти две системы идентичны. Если рассмотреть те из них, в которых сенека и тамилы отличаются от гавайцев, то окажется, что разница заключается в тех отношениях, которые зависят от междоусловных или не междоусловных браков братьев и сестер. Например, в первых двух случаях сын моей сестры - мой племянник, а во вторых - мой сын. Эти два отношения выражают разницу между семьями консангинов и пуналуанов. Изменение отношений, произошедшее в результате замены пуналуа на место кровосмешительных браков, превращает малайскую систему в туранскую. Но можно спросить, почему гавайцы, у которых была семья пуналуан, не реформировали свою систему кровосмешения в соответствии с ней? Ответ уже был дан в другом месте, но его можно повторить. Форма семьи опережает систему. В Полинезии она была пуналуанской, пока система оставалась малайской; в Америке она была синдиасмической, пока система оставалась туранской; а в Европе и Западной Азии она стала моногамной, пока система, похоже, оставалась туранской какое-то время, но затем пришла в упадок, и ее сменила арийская. Более того, хотя семья прошла через пять форм, но, насколько известно, было создано три различных системы кровосмешения. Чтобы изменить устоявшуюся систему кровосмешения, требовалось органическое изменение в обществе, достигшее необычных масштабов. Я думаю, что будет установлено, что организация в генты была достаточно влиятельной и достаточно универсальной, чтобы изменить малайскую систему на туранскую; и что моногамия, когда она полностью установилась в более развитых ветвях человеческой семьи, была достаточной, с влиянием собственности, чтобы свергнуть туранскую систему и заменить ее арийской.

Остается объяснить происхождение таких туранских отношений, которые отличаются от малайских. Основой для объяснения служат пуналуанские браки и языческие организации.

I. Все дети моих нескольких братьев, родные и побочные, я сам мужского пола, являются моими сыновьями и дочерьми.

Причины: Если говорить как Сенека, то все жены моих братьев являются как моими, так и их. Сейчас мы говорим о времени формирования этой системы. То же самое происходит и в Малайе, где указываются причины.

II. Все дети моих нескольких сестер, родные и побочные, я сам мужского пола, являются моими племянниками и племянницами.

Причины: При языческой организации эти женщины, по закону рода, не могут быть моими женами. Поэтому их дети больше не могут быть моими детьми, а находятся со мной в более отдаленном родстве; отсюда новые отношения - племянник и племянница. Это отличается от малайского.

III. Поскольку я женщина, дети моих братьев, родных и побочных, являются моими племянниками и племянницами.

Причины, как и во II. Это также отличается от малайского.

IV. Если я женщина, то дети моих нескольких родных и близких сестер, а также нескольких двоюродных сестер являются моими сыновьями и дочерьми.

Причины: Все их мужья также являются моими мужьями. В строгом смысле эти дети - мои приемные дети, и так они описываются у оджибва и некоторых других алгонкинских племен; но у сенека-ирокезов и у тамиллов, следующих древней классификации, они помещаются в категорию моих сыновей и дочерей, по причинам, изложенным в "Малайском языке".

V. Все дети этих сыновей и дочерей - мои внуки.

Причина: Они - дети моих сыновей и дочерей.

VI. Все дети этих племянников и племянниц - мои внуки.

Причина: Таковы были отношения одних и тех же лиц при малайской системе, которая предположительно предшествовала туранской. Новая система не была изобретена, старая осталась.

VII. Все братья моего отца, родные и побочные, являются моими отцами.

Причина: Они являются мужьями моей матери. То же самое происходит и на малайском языке.

VIII. Все сестры моего отца, родные и побочные, являются моими тетями.

Причина: При языческой организации ни одна из них не может быть женой моего отца; поэтому прежнее родство по матери недопустимо. Таким образом, требуется новое родство: отсюда - тетя.

IX. Все братья моей матери, родные и побочные, являются моими дядями.

Причины: Они больше не являются мужьями моей матери и должны находиться со мной в более отдаленном родстве, чем отец: отсюда новое родство - дядя.

X. Все сестры моей матери, родные и побочные, являются моими матерями.

Причины, как и в IV.

XI. Все дети братьев моего отца и все дети сестер моей матери, родные и побочные, являются моими братьями и сестрами.

Причины: То же самое на малайском языке, и по причинам, указанным там.

XII. Все дети моих нескольких дядей и все дети моих нескольких тетей, родные и побочные, являются моими двоюродными братьями и сестрами по мужской и женской линии.

Причины: При языческой организации все эти дяди и тети исключены из брачных отношений с моими отцом и матерью; поэтому их дети не могут находиться со мной в отношениях братьев и сестер, как в малайском, но должны быть поставлены в более отдаленные: отсюда новое отношение - двоюродный брат.

XIII. В Тамиле все дети моих кузенов мужского пола, а я сам мужчина, являются моими племянниками и племянницами, а все дети моих кузенов женского пола - моими сыновьями и дочерьми. Это прямо противоположное правило среди сенека-ирокезов. Это показывает, что среди тамиллов, когда появилась туранская система, все мои кузены женского пола были моими женами, а жены моих кузенов мужского пола - нет. Необычный факт, что отклонение в этих отношениях - единственное, имеющее какое-либо значение между двумя системами в отношениях с *Эго* примерно двухсот человек.

XIV. Все братья и сестры моего деда и моей бабушки являются моими дедом и бабкой.

Обоснование: То же самое происходит и на малайском языке, и по причинам, указанным там.

Теперь становится дополнительно ясно, что и туранская, и гановаанская системы, которые идентичны, возникли на основе первоначальной малайской системы; и что последняя должна была преобладать в целом в Азии до переселения малайцев на острова Тихого океана. Более того, есть все основания полагать, что эта система в малайской форме была передана предкам трех семей вместе с потоками крови из общего азиатского источника, а затем модифицирована в ее нынешнюю форму отдаленными предками туранской и гановановской семей.

Основные отношения туранской системы теперь объяснены в их происхождении, и оказалось, что это те отношения, которые действительно существовали бы в семье пуналуан, насколько можно было бы узнать о происхождении детей. Система объясняет себя как органический рост, и поскольку она не могла возникнуть без соответствующей причины, вывод о том, что она была создана семьями пуналуа, становится не только правомерным, но и необходимым. Однако следует заметить, что некоторые брачные отношения были изменены.

В системе все братья считаются мужьями жен друг друга, а все сестры - женами мужей друг друга, и все они состоят в групповом браке. Во времена формирования системы, где бы мужчина ни находил брата, родного или побочного, а таких родственников было много, в жене этого брата он находил дополнительную жену. Точно так же, если женщина находила сестру, родную или побочную, и таких родственников было столько же, то в муже этой сестры она находила дополнительного мужа. Братство мужей и сестринство жен составляли основу отношений. Это в полной мере выражено в гавайском обычае *pūnalūa*. Теоретически семья того периода была обширна, как и группа, объединенная брачными отношениями, но практически она должна была подразделяться на ряд меньших семей для удобства проживания и пропитания. Десятки и двенадцать братьев бриттов, женатых на женах друг друга, указывают на размер обычного подразделения пуналуанской группы. Коммунизм в быту, по-видимому, возник из потребностей кровосмесительной семьи, продолжился у пуналуа и передался синдиасмианам среди американских аборигенов, у которых он сохранился вплоть до эпохи их открытия. Брак у пуналуа теперь неизвестен, но созданная им система кровосмешения сохранилась в обычаях, в которых она зародилась. План семейной жизни и жилища у диких племен изучен недостаточно. Знание их обычаев в этих отношениях и образа жизни пролило бы свет на рассматриваемые вопросы.

В настоящее время две формы семьи объяснены в своем происхождении двумя параллельными системами кровосмешения. Доказательства кажутся убедительными. Она дает начало человеческому обществу после того, как человечество вышло из еще более

низкого состояния и вошло в организм кровосмесительной семьи. Переход от этой первой формы ко второй был естественным; развитие от низшего к высшему социальному состоянию через наблюдение и опыт. Он был результатом импровизации умственных и нравственных качеств, присущих человеческому роду. Семьи консангинов и пуналуанов представляют собой суть человеческого прогресса на протяжении большей части периода дикости. Хотя вторая была большим усовершенствованием по сравнению с первой, она все еще была очень далека от моногамной. Сравнивая несколько форм семьи, можно составить впечатление о медленных темпах прогресса в дикости, где средства продвижения были незначительными, а препятствия - грозными. Века за веками практически неподвижной жизни, с подъемами и спадами, несомненно, отмечали ход событий; но общее движение общества происходило от более низкого к более высокому состоянию, иначе человечество так и осталось бы в дикости. Это нечто - найти гарантированную начальную точку, с которой человечество начало свой великий и удивительный путь прогресса, пусть и находясь в самом низу шкалы, и пусть и ограничиваясь такой своеобразной формой семьи, как кровосмесительная.

Сравнительная таблица системы родства индейцев сенека-ирокезов Нью-Йорка и жителей Южной Индии, говорящих на тамильском диалекте дравидийского языка. En = ту.

Примечание переводчика: Сокращения: фа=отец, мо=мать, ГФ=дед, ГМ=бабушка, ГД=внучка, ГС=внук, бро=брат, ст=сестра, гт=прадед, доу=дочь. Конец примечания транскриптора.

	Descripti on of perso ns	xxxxxxxxxxx xxx	Relationshi p in Seneca -Iroquois.	Translation.	Relationshi p in Tamil.	Translation. xxxxxxxxxxx xxx
1	My gt-GF's fa		hoc´-sote	My GF	En muppáddan	My 3d GF
2	<i>M</i> " <i>y</i> " <i>t-G</i> " <i>F's</i> " <i>m</i> <i>M</i> " <i>y</i> gt-GF		oc´-sote	<i>M</i> " <i>y</i> GM	<i>E</i> " <i>n</i> muppáddi	<i>M</i> " <i>y</i> 3 " <i>d</i> GM
3	<i>M</i> " <i>y</i> gt-GF		hoc´-sote	<i>M</i> " <i>y</i> GF	<i>E</i> " <i>n</i> páddan	<i>M</i> " <i>y</i> 2d GF
4	<i>M</i> " <i>y</i>		oc´-sote	<i>M</i> " <i>y</i>	<i>E</i> " <i>n</i>	<i>M</i> " <i>y</i>

	<i>g</i> " GM		GM	páddi	2 " <i>d</i> GM
5	<i>M</i> "	hoc´-sote	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> GF		<i>y</i> GF	<i>n</i> páddan	<i>y</i> GF
6	<i>M</i> "	oc´-sote	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> GM		<i>y</i> GM	<i>n</i> páddi	<i>y</i> GM
7	<i>M</i> "	hä´-nih	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> fa		<i>y</i> fa	<i>n</i> takkáppän	<i>y</i> fa
8	<i>M</i> "	no-yeh´	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> mo		<i>y</i> mo	<i>n</i> táy	<i>y</i> mo
9	<i>M</i> "	há-ah´-wuk	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> son		<i>y</i> son	<i>n</i> mäkäñ	<i>y</i> son
10	<i>M</i> "	ka-ah´-wuk	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> dau		<i>y</i> dau	<i>n</i> mäkäł	<i>y</i> dau
11	<i>M</i> "	ha-yä´-da	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> GS		<i>y</i> GS	<i>n</i> pêrăn	<i>y</i> GS
12	<i>M</i> "	ha-yä´-da	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> GD		<i>y</i> GD	<i>n</i> pêrtti	<i>y</i> GD
13	<i>M</i> "	ha-yä´-da	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> gt-GS		<i>y</i> GS	<i>n</i> irandám pêrăn	<i>y</i> 2d GS
14	<i>M</i>	ka-yä´-da	<i>M</i>	<i>En irandám</i>	<i>M</i>

	"		"	pêrtti	"
	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
	gt-GD		GD		2
					"
					<i>d</i>
					GD
15	<i>M</i>	ha-yä´-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	gt-GS's son		GS	mündam	3d GS
				pêrän	
16	<i>M</i>	ka-yä´-da	<i>M</i>	<i>En mündam</i>	<i>M</i>
	"		"	pêrtti	"
	<i>y</i>		<i>y</i>		<i>y</i>
	<i>g</i>		GD		3
	"				"
	<i>tG</i>				<i>d</i>
	"				GD
	S's				
	dau				
17	<i>M</i>	hä´-je	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	elder bro		elder bro	tamaiyän, b	elder bro
				annän	
18	<i>M</i>	ah´-je	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>el</i>		<i>el</i>	akkàrl, b	<i>el</i>
	"		"	tăməkay	"
	<i>der</i>		<i>der</i>		<i>der</i>
	str		str		str
19	<i>M</i>	ha´-gă	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	younger bro		younger bro	tambi	younger bro
20	<i>M</i>	ka´-gă	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>you</i>		<i>you</i>	tambi	<i>you</i>
	"		"		"
	<i>nger</i>		<i>nger</i>		<i>nger</i>
	str		str		str

21	<i>M</i> "		da-yä-guä- dan´-no-dä	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> bros			<i>y</i> bros	<i>n</i> säkothäree	<i>y</i> bros (<i>Skr</i>)
22	<i>M</i> "		da-yä-guä- "	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> str		dan´-no-dä	<i>y</i> str	<i>n</i> säkothäree	<i>y</i> str (<i>Skr</i>)
23	<i>M</i> "	(ms)	ha-ah´-wuk	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> bro's son			<i>y</i> son	<i>n</i> mäkän	<i>y</i> son
24	<i>M</i> "	"	ka´-säh´	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>br</i> "			<i>y</i> dau-in-law	<i>n</i> mărümăkäl	<i>y</i> dau-in-law & niece
	<i>o</i> 's son's wife					
25	<i>M</i> "	"	ka-ah´-wuk	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>br</i> "			<i>y</i> dau	<i>n</i> mäkäl	<i>y</i> dau
	<i>o</i> 's dau					
26	<i>M</i> "	"	oc-na´- hosc	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>br</i> "			<i>y</i> son-in-law	<i>n</i> mărümăkän	<i>y</i> son-in-law & nephew
	<i>o</i> 's dau's hus					
27	<i>M</i> "	"	ha-yä´-da	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>br</i> "			<i>y</i> GS	<i>n</i> pêrän	<i>y</i> GS
	<i>o</i> 's GS					
28	<i>M</i> "	"	ka-yä´-da	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>

	<i>br</i> "			GD	pêrtti	GD
	<i>o's</i> GD					
29	<i>M</i> "	"	ha-yä´-da	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>br</i> "			<i>y</i> GS	<i>n</i> irandám pêrän	<i>y</i> 2d GS
	<i>o's</i> gt-GS					
30	<i>M</i> "	"	ka-yä´-da	<i>M</i> "	<i>En irandám</i> pêrtti	<i>My 2d</i> GD
	<i>y</i> <i>br</i> "			<i>y</i> GD		
	<i>o's</i> gt-GD					
31	<i>M</i> "	"	ha-yä´- wan-da	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> str's son			<i>y</i> nephew	<i>n</i> mărümăkăn	<i>y</i> nephew
32	<i>M</i> "	"	ka´-să	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> St "			<i>y</i> dau-in-law	<i>n</i> măkăl	<i>y</i> dau
	<i>rs</i> son's wife					
33	<i>M</i> "	"	ka-yä´- wan-da	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> St "			<i>y</i> niece	<i>n</i> mărümăkăl	<i>y</i> niece
	<i>rs</i> dau					
34	<i>M</i> "	"	oc-na´- hosc	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> St "			<i>y</i> son-in-law	<i>n</i> măkăn	<i>y</i> son
	<i>rs</i> dau's hus					

35	<i>M</i> " <i>y</i> <i>St</i> " <i>rs</i> GS	"	ha-yä'-da	<i>M</i> " <i>y</i> GS	<i>E</i> " <i>n</i> pêrăn	<i>M</i> " <i>y</i> GS
36	<i>M</i> " <i>y</i> <i>St</i> " <i>rs</i> GD	"	ka-yä'-da	<i>M</i> " <i>y</i> GD	<i>E</i> " <i>n</i> pêrtti	<i>M</i> " <i>y</i> GD
37	<i>M</i> " <i>y</i> <i>St</i> " <i>rs</i> gt-GS	"	ha-yä'-da	<i>M</i> " <i>y</i> GS	<i>E</i> " <i>n</i> irandám pêrăn	<i>M</i> " <i>y</i> 2d GS
38	<i>M</i> " <i>y</i> <i>St</i> " <i>rs</i> gt-GD	"	ka-yä'-da	<i>M</i> " <i>y</i> GD	<i>E</i> " <i>n</i> irandám pêrtti	<i>M</i> " <i>y</i> 2d GD
39	<i>M</i> " <i>y</i> bro's son	(fs)	ha-soh'-neh	<i>M</i> " <i>y</i> nephew	<i>E</i> " <i>n</i> mărŭməkăn	<i>M</i> " <i>y</i> nephew
40	<i>M</i> " <i>y</i> <i>br</i> " <i>o's</i> son's wife	"	ka'-sä	<i>M</i> " <i>y</i> dau-in-law	<i>E</i> " <i>n</i> mākāl	<i>M</i> " <i>y</i> dau
41	<i>M</i> " <i>y</i> <i>br</i>	"	ka-soh'-neh	<i>M</i> " <i>y</i> niece	<i>E</i> " <i>n</i> mărŭməkāl	<i>M</i> " <i>y</i> niece

	"					
	<i>o's</i>					
	dau					
42	<i>M</i>	"	oc-na'-hose	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>br</i>			son-in-law	măkan	son
	"					
	<i>o's</i>					
	dau's hus					
43	<i>M</i>	"	ha-yä'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>br</i>			GS	pêrăn	GS
	"					
	<i>o's</i>					
	GS					
44	<i>M</i>	"	ka-yä'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>br</i>			GD	pêrtti	GD
	"					
	<i>o's</i>					
	GD					
45	<i>M</i>	"	ha-yä'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>br</i>			GS	irandám	2d GS
	"				pêrăn	
	<i>o's</i>					
	gt-GS					
46	<i>M</i>	"	ka-yä'-da	<i>M</i>	<i>En irandám</i>	<i>My 2d</i>
	"			"	pêrtti	GD
	<i>y</i>			<i>y</i>		
	<i>br</i>			GD		
	"					
	<i>o's</i>					
	gt-GD					
47	<i>M</i>	"	ha-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	str's son			son	măkăn	son
48	<i>M</i>	"	ka'-sä	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>

	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>st</i>		dau-in-law	măřumăkăl	dau-in-law
	"				& niece
	<i>r's</i>				
	son's wife				
49	<i>M</i>	"	ka-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>
	"		"	"	<i>M</i>
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>st</i>		dau	măkăl	dau
	"				
	<i>r's</i>				
	dau				
50	<i>M</i>	"	oc-na'-hose	<i>M</i>	<i>E</i>
	"		"	"	<i>M</i>
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>st</i>		son-in-law	măkăn	son
	"				
	<i>r's</i>				
	dau's hus				
51	<i>M</i>	"	ha-yă'-da	<i>M</i>	<i>E</i>
	"		"	"	<i>M</i>
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>st</i>		GS	pêrăn	GS
	"				
	<i>r's</i>				
	GS				
52	<i>M</i>	"	ka-yă'-da	<i>M</i>	<i>E</i>
	"		"	"	<i>M</i>
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>st</i>		GD	pêrtti	GD
	"				
	<i>r's</i>				
	GD				
53	<i>M</i>	"	ha-yă'-da	<i>M</i>	<i>E</i>
	"		"	"	<i>M</i>
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>st</i>		GS	irandám	2d GS
	"			pêrăn	
	<i>r's</i>				
	gt-GS				
54	<i>M</i>	"	ka-yă'-da	<i>M</i>	<i>En irandám</i>
	"		"	"	pêrtti
					<i>My 2d</i>
					GD

	<i>y</i> <i>st</i> "			<i>y</i> GD		
	<i>r's</i> gt-GD					
55	<i>M</i> "		hä'-nih	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> fa's bro			<i>y</i> fa	<i>n</i> periya tăkkăppăn	<i>y</i> gt-fa (<i>if</i> <i>older</i>)
					<i>E</i> "	<i>M</i> "
					<i>n</i> seriya tăkkăppăn	<i>y</i> little- fa (<i>if younge</i> <i>r</i>)
56	<i>M</i> "		uc-no'-ese	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>fa</i> "			<i>y</i> step-mo	<i>n</i> táy	<i>y</i> mo (<i>th'n my</i> <i>fa</i>)
	<i>s</i> bro's wife					
57	<i>M</i> "	(otm)	hä'-je	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>fa</i> "			<i>y</i> elder bro	<i>n</i> tămaiăn	<i>y</i> elder bro
	<i>s</i> <i>br</i> "					
	os son					
58	<i>M</i> "	(ytm)	ha'-gă	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>fa</i> "			<i>y</i> younger br o	<i>n</i> tambi	<i>y</i> younger bro
	<i>s</i> <i>br</i> "					
	os son					

59	<i>M</i> " <i>y</i> <i>fa</i> " <i>s</i> <i>br</i> " <i>os</i> son's wife		ah-gt-ah'- ne-ah	<i>M</i> " <i>y</i> str-in-law	<i>E</i> " <i>n</i> maittumi (o) an̄i (y.)	<i>M</i> " <i>y</i> cousin str- in-law
60	<i>M</i> " <i>y</i> <i>fa</i> " <i>s</i> <i>br</i> " <i>os</i> dau	(otm)	ah'-je	<i>M</i> " <i>y</i> elder str	<i>E</i> " <i>n</i> akkarl b, tamakay	<i>M</i> " <i>y</i> elder str
61	<i>M</i> " <i>y</i> <i>fa</i> " <i>s</i> <i>br</i> " <i>os</i> <i>d</i> " <i>au</i>	(ytm)	ka'-gǎ	<i>M</i> " <i>y</i> younger str	<i>E</i> " <i>n</i> tangaichchi b, tangay	<i>M</i> " <i>y</i> younger str
62	<i>M</i> " <i>y</i> <i>fa</i> " <i>s</i> <i>br</i> " <i>os</i> dau's hus		ha-yǎ'-o	<i>M</i> " <i>y</i> bro-in-law	<i>E</i> " <i>n</i> mäittünăn	<i>M</i> " <i>y</i> bro-in-law & csn
63	<i>M</i>	(ms)	ha-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>

	"		"	"	"	
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>	
	<i>fa</i>		son	măkăn	son	
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>os</i>					
	son's son					
64	<i>M</i>	(<i>fs</i>)	ha-soh'-neh	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>	
	<i>fa</i>		nephew	mărŭmăkăn	nephew	
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>os</i>					
	son's son					
65	<i>M</i>	(<i>ms</i>)	ka-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>	
	<i>fa</i>		dau	măkăl	dau	
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>os</i>					
	son's dau					
66	<i>M</i>	(<i>fs</i>)	ka-soh'-neh	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>	
	<i>fa</i>		niece	mărŭmăkăl	niece	
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>os</i>					
	son's dau					
67	<i>M</i>	(<i>ms</i>)	ha-yă'-wăn- da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>	
	<i>fa</i>		nephew	mărŭmăkăn	nephew	

	"					
	s					
	br					
	"					
	os					
	dau's son					
68	<i>M</i>	(fs)	ha-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			son	măkăn	son
	"					
	s					
	br					
	"					
	os					
	dau's son					
69	<i>M</i>	(ms)	ka-yă'-wăn- da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			niece	mărŭmăkăl	niece
	"					
	s					
	br					
	"					
	os					
	dau's dau					
70	<i>M</i>	(fs)	ka-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			dau	măkăl	dau
	"					
	s					
	br					
	"					
	os					
	dau's dau					
71	<i>M</i>		ha-yă'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			GS	pêrăn	GS
	"					
	s					
	br					

	"					
	os					
	gt-GS					
72	<i>M</i>		ka-yä'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			GD	pêrtti	GD
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	os					
	gt-GD					
73	<i>M</i>		ah-ga'-huc	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	fa's str			aunt	attai	aunt
74	<i>M</i>		hoc-no'-ese	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			step-fa	máman	uncle
	"					
	<i>s</i>					
	str's hus					
75	<i>M</i>	(ms)	ah-gäre'-	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		seh	"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			cousin	attàn b,	cousin
	"				măittŭnăn	
	<i>s</i>					
	<i>st</i>					
	"					
	<i>r's</i>					
	son					
76	<i>M</i>	(fs)	ah-gäre'-	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		seh	"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			cousin	măchchăn	cousin
	"					
	<i>s</i>					
	<i>st</i>					
	"					
	<i>r's</i>					

77	son <i>M</i> " <i>y</i> <i>fa</i> " <i>s</i> <i>st</i> " <i>r</i> 's son's wife		ah-gt-ah'- ne-ah	<i>M</i> " <i>y</i> str-in-law	<i>E</i> " <i>n</i> tangay	<i>M</i> " <i>y</i> younger str
78	<i>M</i> " <i>y</i> <i>fa</i> " <i>s</i> <i>st</i> " <i>r</i> 's dau	(ms)	ah-gäre'- seh	<i>M</i> " <i>y</i> cousin	<i>E</i> " <i>n</i> mäittuni	<i>M</i> " <i>y</i> cousin
79	<i>M</i> " <i>y</i> <i>fa</i> " <i>s</i> <i>st</i> " <i>r</i> 's dau	(fs)	ah-gäre'- seh	<i>M</i> " <i>y</i> cousin	<i>E</i> " <i>n</i> mächchi b, mächchärl	<i>M</i> " <i>y</i> cousin
80	<i>M</i> " <i>y</i> <i>fa</i> " <i>s</i> <i>st</i> " <i>r</i> 's dau's hus		ah-gäre'- seh	<i>M</i> " <i>y</i> bro-in-law	<i>E</i> " <i>n</i> anṇan (o.) tambi (y.)	<i>M</i> " <i>y</i> elder or ygr bro
81	<i>M</i> "	(ms)	ha-ah'-wuk	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "

	<i>y</i> <i>fa</i> "			<i>y</i> son	<i>n</i> mărŭmăkăn	<i>y</i> nephew
	<i>s</i> <i>st</i> "					
	<i>r's</i> son's son					
82	<i>M</i> "	(<i>fs</i>)	ha-soh'-neh	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>fa</i> "			<i>y</i> nephew	<i>n</i> măkăn	<i>y</i> son
	<i>s</i> <i>st</i> "					
	<i>r's</i> son's son					
83	<i>M</i> "	(<i>ms</i>)	ka-ah'-wuk	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>fa</i> "			<i>y</i> dau	<i>n</i> mărŭmăkăl	<i>y</i> niece
	<i>s</i> <i>st</i> "					
	<i>r's</i> son's dau					
84	<i>M</i> "	(<i>fs</i>)	ka-soh'-neh	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>fa</i> "			<i>y</i> niece	<i>n</i> măkăl	<i>y</i> dau
	<i>s</i> <i>st</i> "					
	<i>r's</i> son's dau					
85	<i>M</i> "	(<i>ms</i>)	ha-ya'-wăn- da	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>fa</i> "			<i>y</i> nephew	<i>n</i> măkăn	<i>y</i> son

	s					
	st					
	"					
	r's					
	dau's son					
86	<i>M</i>	(fs)	ha-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			son	mărümăkăn	nephew
	"					
	s					
	st					
	"					
	r's					
	dau's son					
87	<i>M</i>	(ms)	ka-ya'-wän- da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			niece	măkăl	dau
	"					
	s					
	st					
	"					
	r's					
	dau's dau					
88	<i>M</i>	(fs)	ka-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			dau	mărümăkăl	niece
	"					
	s					
	st					
	"					
	r's					
	dau's dau					
89	<i>M</i>		ha-yä'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			GS	pêrăn	GS
	"					
	s					
	st					
	"					

90	<i>r's</i> gt-GS		ka-yä'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	<i>M</i>			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			GD	pêrtti	GD
	"					
91	<i>s</i> <i>st</i>					
	"					
	<i>r's</i> gt-GD		hoc-no'-seh	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	<i>M</i>			"	"	"
	"					
92	<i>y</i> mo's bro			<i>y</i> uncle	<i>n</i> mămăn	<i>y</i> uncle
	<i>M</i>		ah-ga-na-ah	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i> <i>mo</i>			<i>y</i> aunt-mo	<i>n</i> măme	<i>y</i> aunt
	"					
93	<i>s</i> bro's wife					
	<i>M</i>	(ms)	ah-gare'-seh	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i> <i>mo</i>			<i>y</i> cousino	<i>n</i> măittünăn	<i>y</i> cousin
	"					
94	<i>s</i> <i>br</i>					
	"					
	<i>o's</i> son					
	<i>M</i>	(fs)	ah-gare'-seh	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i> <i>mo</i>			<i>y</i> cousin	<i>n</i> măchchăn	<i>y</i> cousin
	"					
	<i>s</i> <i>br</i>					
	"					
	<i>o's</i> son					

95	<i>M</i> " <i>y</i> <i>mo</i> " <i>s</i> <i>br</i> " o's son's wife		ah-gt-ah'- ne-ah	<i>M</i> " <i>y</i> str-in-law	<i>E</i> " <i>n</i> tǎngay	<i>M</i> " <i>y</i> younger str
96	<i>M</i> " <i>y</i> <i>mo</i> " <i>s</i> <i>br</i> " o's dau	(ms)	ah-gäre'- seh	<i>M</i> " <i>y</i> cousin	<i>E</i> " <i>n</i> mäittüni	<i>M</i> " <i>y</i> cousin
97	<i>M</i> " <i>y</i> <i>mo</i> " <i>s</i> <i>br</i> " o's dau	(fs)	ah-gäre'- seh	<i>M</i> " <i>y</i> cousin	<i>E</i> " <i>n</i> mächchärl	<i>M</i> " <i>y</i> cousin
98	<i>M</i> " <i>y</i> <i>mo</i> " <i>s</i> <i>br</i> " o's dau's hus		ha-yǎ'-o	<i>M</i> " <i>y</i> bro-in-law	<i>E</i> " <i>n</i> anṇan (o.) tambi (y.)	<i>M</i> " <i>y</i> elder or you nger bro
99	<i>M</i> " <i>y</i>	(ms)	ha-ah'-wuk	<i>M</i> " <i>y</i>	<i>E</i> " <i>n</i>	<i>M</i> " <i>y</i>

	<i>mo</i>			son	mărümăkăn	nephew
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>o's</i>					
	son's son					
100	<i>M</i>	(<i>fs</i>)	ha-soh'-neh	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			nephew	măkăn	son
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>o's</i>					
	son's son					
101	<i>M</i>	(<i>ms</i>)	ka-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			dau	mărümăkăl	niece
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>o's</i>					
	son's dau					
102	<i>M</i>	(<i>fs</i>)	ka-soh'-neh	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			niece	măkăl	dau
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>o's</i>					
	son's dau					
103	<i>M</i>	(<i>ms</i>)	ha-yă'-wăn- da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			nephew	măkăn	son
	"					
	<i>s</i>					

	<i>br</i>					
	"					
	<i>o's</i>					
	dau's son					
104	<i>M</i>	(fs)	ha-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			son	mărŭmăkăn	nephew
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>o's</i>					
	dau's son					
105	<i>M</i>	(ms)	ka-yă'-wăn-	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		da	"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			niece	măkăl	dau
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>o's</i>					
	dau's dau					
106	<i>M</i>	(fs)	ka-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			dau	mărŭmăkăl	niece
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>o's</i>					
	dau's dau					
107	<i>M</i>		ha-yă'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			GS	pêrăn	GS
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>o's</i>					

108	gt-GS					
	<i>M</i>		ka-yä'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			GD	pêrtti	GD
109	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>o's</i>					
110	gt-GD					
	<i>M</i>		no-yeh'	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	mo's str			mo	pêriyă tăy (<i>if older than,</i>	mo, great or little
111					)	
					<i>E</i>	
					"	
					<i>n</i>	
					sëriyă tăy (<i>if y'r myself</i>)	
112			hoc-no'-ese	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	<i>M</i>			"	"	"
	"					
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			step-fa	takkăppăn (P. or S.)	fa, great or little
113	"					
	<i>s</i>					
	str's hus					
	<i>M</i>	(otm)	hă'-je	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
114	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			elder bro	tămăiyăn, b, anṇan	elder bro
	"					
	<i>s</i>					
	<i>st</i>					
115	"					
	<i>r's</i>					
	son					
	<i>M</i>	(ytm)	ha'-gă	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
116	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>

	<i>mo</i>			younger br	tambi	younger bro
	"			o		
	<i>s</i>					
	<i>st</i>					
	"					
	<i>r's</i>					
	son					
113	<i>M</i>		ah-gt-ah'-	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		ne-ah	"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			str-in-law	măittüni	str-in-law &
	"					cousin
	<i>s</i>					
	<i>st</i>					
	"					
	<i>r's</i>					
	son's wife					
114	<i>M</i>	(otm)	ah'-je	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			elder str	akkàrl b,	elder str
	"				tăməkay	
	<i>s</i>					
	<i>st</i>					
	"					
	<i>r's</i>					
	dau					
115	<i>M</i>	(ytm)	ka'-gă	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			younger str	tăngăichchi	younger str
	"				, b, tangay	
	<i>s</i>					
	<i>st</i>					
	"					
	<i>r's</i>					
	dau					
116	<i>M</i>		ha-yă'-o	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			bro-in-law	măittünăn	bro-in-law &
	"					cousin
	<i>s</i>					

	st					
	"					
	r's					
	dau's hus					
117	<i>M</i>	(ms)	ha-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	y			y	n	y
	mo			son	măkăn	son
	"					
	s					
	st					
	"					
	r's					
118	son's son	(fs)	ha-soh'-neh	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	y			y	n	y
	mo			nephew	mărŭmăkăn	nephew
	"					
	s					
	st					
	"					
	r's					
119	son's son	(ms)	ka-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	y			y	n	y
	mo			dau	măkăl	dau
	"					
	s					
	st					
	"					
	r's					
120	son's dau	(fs)	ka-soh'-neh	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	y			y	n	y
	mo			niece	mărŭmăkăl	niece
	"					
	s					
	st					
	"					
	r's					

121	son's dau					
	<i>M</i>	(<i>ms</i>)	ha-yă'-wän-	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		da	"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			nephew	mărŭməkăn	nephew
122	"					
	<i>s</i>					
	<i>st</i>					
	"					
	<i>r's</i>					
122	dau's son					
	<i>M</i>	(<i>fs</i>)	ha-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			son	măkăn	son
123	"					
	<i>s</i>					
	<i>st</i>					
	"					
	<i>r's</i>					
123	dau's son					
	<i>M</i>	(<i>ms</i>)	ka-yă'-wän-	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		da	"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			niece	mărŭməkăl	niece
124	"					
	<i>s</i>					
	<i>st</i>					
	"					
	<i>r's</i>					
124	dau's dau					
	<i>M</i>	(<i>fs</i>)	ka-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			dau	măkăl	dau
125	"					
	<i>s</i>					
	<i>st</i>					
	"					
	<i>r's</i>					
125	dau's dau					
	<i>M</i>		ha-yă'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"

	<i>y</i> <i>mo</i> "		<i>y</i> GS	<i>n</i> pêrăn	<i>y</i> GS
	<i>s</i> <i>st</i> "				
	<i>r's</i> gt-GS				
126	<i>M</i> "	ka-yä'-da	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>mo</i> "		<i>y</i> GD	<i>n</i> pêrtti	<i>y</i> GD
	<i>s</i> <i>st</i> "				
	<i>r's</i> gt-GD				
127	<i>M</i> "	hoc'-sote	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> fa's fa's bro		<i>y</i> GF	<i>n</i> păddăn (P. and S.)	<i>y</i> GF, g't or lit.
128	<i>M</i> "	hä'-nih	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>fa</i> "		<i>y</i> fa	<i>n</i> takkăppăn (P. and S.)	<i>y</i> fa, g't or lit.
	<i>s</i> <i>fa</i> "				
	<i>s</i> bro's son				
129	<i>M</i> "	(otm) hä'-je	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>fa</i> "		<i>y</i> elder bro	<i>n</i> anṇan, b, tămăiyăn	<i>y</i> elder bro
	<i>s</i> <i>fa</i> "				
	<i>s</i> <i>br</i>				

	"					
	os					
	son's son					
130	<i>M</i>	(<i>ym</i>)	ha'-gă	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			younger bro	tambi	younger bro
	"					
	<i>s</i>					
	<i>fa</i>					
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	os					
	so					
	"					
	<i>ns</i>					
	<i>s</i>					
	"					
	<i>on</i>					
131	<i>M</i>	(<i>ms</i>)	ha-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			son	măkăn	son
	"					
	<i>s</i>					
	<i>fa</i>					
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	os					
	so					
	"					
	<i>ns</i>					
	son's son					
132	<i>M</i>	(<i>fs</i>)	ka-soh'-neh	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			nephew	mărŭmăkăn	nephew
	"					
	<i>s</i>					

	<i>fa</i>					
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>os</i>					
	<i>so</i>					
	"					
	<i>ns</i>					
	<i>so</i>					
	"					
	<i>n's</i>					
	<i>s</i>					
	"					
	<i>on</i>					
133	<i>M</i>	(<i>ms</i>)	ka-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			dau	măkăl	dau
	"					
	<i>s</i>					
	<i>fa</i>					
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>os</i>					
	<i>so</i>					
	"					
	<i>ns</i>					
	<i>so</i>					
	"					
	<i>n's</i>					
	dau					
134	<i>M</i>	(<i>fs</i>)	ka-soh'-neh	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			niece	mărŭmăkăl	niece
	"					
	<i>s</i>					
	<i>fa</i>					
	"					
	<i>s</i>					

	<i>br</i>				
	"				
	<i>os</i>				
	<i>so</i>				
	"				
	<i>ns</i>				
	<i>so</i>				
	"				
	<i>n's</i>				
	<i>da</i>				
	"				
	<i>u</i>				
135	<i>M</i>	ha-yä'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>		GS	pêrăn	GS
	"				
	<i>s</i>				
	<i>fa</i>				
	"				
	<i>s</i>				
	<i>br</i>				
	"				
	<i>o</i>				
	gt-gt-GS				
136	<i>M</i>	ka-yä'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>		GD	pêrtti	GD
	"				
	<i>s</i>				
	<i>fa</i>				
	"				
	<i>s</i>				
	<i>br</i>				
	"				
	<i>o</i>				
	<i>g</i>				
	"				
	<i>t</i>				
	<i>g</i>				
	"				
	<i>t</i>				

GD						
137	<i>M</i> " <i>y</i> fa's fa's str		oc'-sote	<i>M</i> " <i>y</i> GM	<i>E</i> " <i>n</i> păddi (P. and S.)	<i>M</i> " <i>y</i> GM g't or lit.
138	<i>M</i> " <i>y</i> <i>fa</i> " <i>s</i> <i>fa</i> " <i>s</i> str's dau		ah-ga'-huc	<i>M</i> " <i>y</i> aunt	<i>E</i> " <i>n</i> táy (P. and S.)	<i>M</i> " <i>y</i> mo g't or lit.
139	<i>M</i> " <i>y</i> <i>fa</i> " <i>s</i> <i>fa</i> " <i>s</i> <i>st</i> " <i>r</i> 's dau's dau	(ms)	ah-găre'- seh	<i>M</i> " <i>y</i> cousin	<i>E</i> " <i>n</i> tăməkăy (o.) tăngăy (y.)	<i>M</i> " <i>y</i> elder or younger str
140	<i>M</i> " <i>y</i> <i>fa</i> " <i>s</i> <i>fa</i> " <i>s</i> <i>st</i> " <i>r</i> 's dau's dau	(fs)	ah-găre'- seh	<i>M</i> " <i>y</i> cousin	<i>E</i> " <i>n</i> tăməkăy (o.) tăngăy (y.)	<i>M</i> " <i>y</i> elder or younger str
141	<i>M</i>	(ms)	ha-yă'-wăn-	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>

	"		da	"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			nephew	mărŭmăkăn	nephew
	"				?	
	<i>s</i>					
	<i>fa</i>					
	"					
	<i>s</i>					
	<i>st</i>					
	"					
	<i>r's</i>					
	dau's dau's					
	son					
142	<i>M</i>	(fs)	ha-ah'wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			son	măkăn?	son
	"					
	<i>s</i>					
	<i>fa</i>					
	"					
	<i>s</i>					
	<i>st</i>					
	"					
	<i>r's</i>					
	dau's dau's					
	son					
143	<i>M</i>	(ms)	ka-yă'-wăn-	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		da	"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			niece	mărŭmăkăl	niece
	"				?	
	<i>s</i>					
	<i>fa</i>					
	"					
	<i>s</i>					
	<i>st</i>					
	"					
	<i>r's</i>					
	dau's dau's					
	dau					
144	<i>M</i>	(fs)	ka-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"

	<i>y</i> <i>fa</i> "		<i>y</i> dau	<i>n</i> măkăl?	<i>y</i> dau
	<i>s</i> <i>fa</i> "				
	<i>s</i> <i>st</i> "				
	<i>r's</i> dau's dau's dau				
145	<i>M</i> "	ha-yă'-da	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>fa</i> "		<i>y</i> GS	<i>n</i> pêrăn	<i>y</i> GS
	<i>s</i> <i>fa</i> "				
	<i>s</i> <i>st</i> "				
	<i>r's</i> gt-gt-GS				
146	<i>M</i> "	ka-yă'-da	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> <i>fa</i> "		<i>y</i> GD	<i>n</i> pêrtti	<i>y</i> GD
	<i>s</i> <i>fa</i> "				
	<i>s</i> <i>st</i> "				
	<i>r's</i> gt-gt-GD				
147	<i>M</i> "	hoc'-sote	<i>M</i> "	<i>E</i> "	<i>M</i> "
	<i>y</i> mo's mo's bro		<i>y</i> GF	<i>n</i> păddăn (P. and S.)	<i>y</i> GF, g't or lit.

148	<i>M</i> " <i>y</i> <i>mo</i> " <i>smo</i> " <i>s</i> bro's son		hoc-no-seh	<i>M</i> " <i>y</i> uncle	<i>E</i> " <i>n</i> mămăn	<i>M</i> " <i>y</i> uncle
149	<i>M</i> " <i>y</i> <i>mo</i> " <i>smo</i> " <i>s</i> <i>br</i> " <i>o's</i> son's son	(<i>ms</i>)	ah-găre'- seh	<i>M</i> " <i>y</i> cousin	<i>E</i> " <i>n</i> măittănă	<i>M</i> " <i>y</i> cousin
150	<i>M</i> " <i>y</i> <i>mo</i> " <i>smo</i> " <i>s</i> <i>br</i> " <i>o's</i> <i>so</i> " <i>ns</i> <i>so</i> " <i>n's</i>	(<i>fs</i>)	ah-găre'- seh	<i>M</i> " <i>y</i> cousin	<i>E</i> " <i>n</i> măchchăn	<i>M</i> " <i>y</i> cousin
151	<i>M</i> " <i>y</i> <i>mo</i> "	(<i>ms</i>)	ha-ah'-wuk	<i>M</i> " <i>y</i> son	<i>E</i> " <i>n</i> mărümăkăn	<i>M</i> " <i>y</i> nephew

			<i>smo</i>				
			"				
			<i>s</i>				
			<i>br</i>				
			"				
			<i>o's</i>				
			<i>so</i>				
			"				
			<i>n's</i>				
			son's son				
152	<i>M</i>	(fs)	ha-soh'-neh	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>	
	"			"	"	"	
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>	
	<i>mo</i>			nephew	măkăn	son	
	"						
	<i>smo</i>						
	"						
	<i>s</i>						
	<i>br</i>						
	"						
	<i>o's</i>						
	<i>so</i>						
	"						
	<i>n's</i>						
	<i>so</i>						
	"						
	<i>n</i>						
	<i>son</i>						
	"						
153	<i>M</i>	(ms)	ka-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>	
	"			"	"	"	
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>	
	<i>mo</i>			dau	mărŭmăkăl	niece	
	"						
	<i>smo</i>						
	"						
	<i>s</i>						
	<i>br</i>						
	"						
	<i>o's</i>						
	<i>so</i>						
	"						
	<i>n's</i>						

	so					
	"					
	<i>n's</i>					
	dau					
154	<i>M</i>	(fs)	ka-soh'-neh	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			niece	mărümăkăl	dau
	"					
	<i>smo</i>					
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>o's</i>					
	<i>so</i>					
	"					
	<i>n's</i>					
	<i>so</i>					
	"					
	<i>n's</i>					
	<i>so</i>					
	"					
	<i>n's</i>					
155	<i>M</i>		ha-yä'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			GS	pêrăn	GS
	"					
	<i>smo</i>					
	"					
	<i>s</i>					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>o's</i>					
	gt-gt-GS					
156	<i>M</i>		ka-yä'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			GD	pêrtti	GD
	"					
	<i>smo</i>					
	"					

	s					
	br					
	"					
	o's					
	g					
	"					
	t					
	g					
	"					
	t					
	GD					
157	M		oc'-sote	M	E	M
	"			"	"	"
	y			y	n	y
	mo's mo's			GM	păddi (P.	GM, g't or
	str				and S.)	lit.
158	M		no-yeh'	M	E	M
	"			"	"	"
	y			y	n	y
	mo			mo	táy (P. and	mo, g't or
	"				S.)	lit.
	s					
	mo					
	"					
	s					
	str's dau					
159	M	(otm)	ah'-je	M	E	M
	"			"	"	"
	y			y	n	y
	mo			elder str	tăməkăy	elder str
	"					
	s					
	mo					
	"					
	s					
	st					
	"					
	r's					
	dau's dau					
160	M	(ytm)	ka'-ga	M	E	M
	"			"	"	"
	y			y	n	y
	mo			younger str	tăngăy	younger str

	"					
	s					
	mo					
	"					
	s					
	st					
	"					
	r's					
	da					
	"					
	us					
	da					
	"					
161	u's					
	M	(ms)	ha-yă'-wän-	M	E	M
	"		da	"	"	"
	y			y	n	y
	mo			nephew	măřümăkăn	nephew
	"					
	s					
	mo					
	"					
	s					
	st					
	"					
	r's					
	da					
	"					
	us					
	dau's son					
162	M	(fs)	ha-ah'-wuk	M	E	M
	"			"	"	"
	y			y	n	y
	mo			son	măkăn	son
	"					
	s					
	mo					
	"					
	s					
	st					
	"					
	r's					
	da					

	"					
	<i>us</i>					
	<i>da</i>					
	"					
	<i>u's</i>					
	<i>s</i>					
	"					
	<i>on</i>					
163	<i>M</i>	(<i>ms</i>)	ka-yă'-wän- da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			niece	mărŭmăkăl	niece
	"					
	<i>s</i>					
	<i>mo</i>					
	"					
	<i>s</i>					
	<i>st</i>					
	"					
	<i>r's</i>					
	<i>da</i>					
	"					
	<i>us</i>					
	<i>da</i>					
	"					
	<i>us</i>					
	dau					
164	<i>M</i>	(<i>fs</i>)	ka-an'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			dau	măkăl	dau
	"					
	<i>s</i>					
	<i>mo</i>					
	"					
	<i>s</i>					
	<i>st</i>					
	"					
	<i>r's</i>					
	<i>da</i>					
	"					
	<i>us</i>					
	<i>da</i>					

	"				
	<i>us</i>				
	<i>da</i>				
	"				
	<i>us</i>				
165	<i>M</i>	ha-yä'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>		GS	pêrăn	GS
	"				
	<i>s</i>				
	<i>mo</i>				
	"				
	<i>s</i>				
	<i>st</i>				
	"				
	<i>r's</i>				
	gt-gt-GS				
166	<i>M</i>	ka-yä'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>		GD	pêrtti	GD
	"				
	<i>s</i>				
	<i>mo</i>				
	"				
	<i>s</i>				
	<i>st</i>				
	"				
	<i>r's</i>				
	gt-gt-GD				
167	<i>M</i>	hoc'-sote	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	fa's fa's fa's		GF	irandám	GF
	bro			păddăn	
168	<i>M</i>	hoc'-sote	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>		GF	păddăn	GF, g't or lit.
	"			(P.and S.)	
	<i>s</i>				
	<i>fa</i>				

	"					
	<i>s</i>					
	<i>fa</i>					
	" bro's son					
169	<i>M</i>	(<i>otm</i>)	hä'-nih	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			fa	tăkäppăn	fa, g't or lit.
	"				(P. and S.)	
	<i>s</i>					
	<i>fa</i>					
	"					
	<i>s</i>					
	<i>fa</i>					
	"					
	<i>br</i>					
	" son's son					
170	<i>M</i>	(<i>ms</i>)	ha-ah'-wuk	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			son	măkăn	son
	"					
	<i>s</i>					
	<i>fa</i>					
	"					
	<i>s</i>					
	<i>fa</i>					
	"					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>br</i>					
	" son's son					
171	<i>M</i>		ha-yă'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>			GS	pêrăn	GS
	"					
	<i>s</i>					
	<i>fa</i>					
	"					
	<i>s</i>					
	<i>fa</i>					
	"					

	<i>br</i>					
	"					
	<i>br</i>					
	"					
	<i>br</i>					
	" son's son					
172	<i>My fa's fa's</i>	oc'-sote	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>	
	<i>fa's bro's</i>		"	"	"	
			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>	
			GM	irandám	2d GM	
				păddi		
173	<i>M</i>	oc'-sote	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>	
	"		"	"	"	
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>	
	fa's fa's fa's		GM	păddi (P.	GM, g't or	
	str's dau			and S.)	lit.	
174	<i>M</i>	no-yeh'	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>	
	"		"	"	"	
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>	
	<i>fa</i>		mo	táy (P. and	mo, g't or	
	"			S.)	lit.	
	<i>s</i>					
	<i>fa</i>					
	"					
	<i>s</i>					
	<i>fa</i>					
	"					
	<i>s</i>					
	<i>st</i>					
	" dau's dau					
175	<i>M</i>	(ms) ah'-je	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>	
	"		"	"	"	
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>	
	<i>fa</i>		elder str	tăməkăy b,	str, elder or	
	"			tăngăy?	younger	
	<i>s</i>					
	<i>fa</i>					
	"					
	<i>s</i>					
	<i>fa</i>					
	"					
	<i>str</i>					
	"					

176	<i>rs</i>				
	" dau's dau				
	<i>M</i>	ha-soh'-neh	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>		niece	mărümăkăl	niece
	"				
	<i>s</i>				
	<i>fa</i>				
	"				
	<i>s</i>				
	<i>fa</i>				
	"				
177	<i>str</i>				
	"				
	<i>rs</i>				
	"				
	<i>rs</i>				
	" dau's dau				
	<i>M</i>	ha-yă'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>fa</i>		GD	pêrtti	GD
	"				
	<i>s</i>				
	<i>fa</i>				
178	"				
	<i>s</i>				
	<i>fa</i>				
	"				
	<i>str</i>				
	"				
	<i>rs</i>				
	"				
	<i>rs</i>				
	"				
	<i>rs</i>				
	" dau's dau				
	<i>M</i>	hoc'-sote	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	mo's mo's		GF	irandám	2d GF
	mo's bro			păddăn	

179	<i>M</i> " <i>y</i> <i>mo</i> " <i>smo</i> " <i>s</i> <i>mo</i> " <i>s</i> bro's son		hoc'-sote	<i>M</i> " <i>y</i> GF	<i>E</i> " <i>n</i> păddăn (P. or S.)	<i>M</i> " <i>y</i> GF, g't or lit.
180	<i>M</i> " <i>y</i> <i>mo</i> " <i>smo</i> " <i>s</i> <i>mo</i> " <i>sb</i> " son's son		hoc-no'-seh	<i>M</i> " <i>y</i> uncle	<i>E</i> " <i>n</i> mămăn	<i>M</i> " <i>y</i> uncle
181	<i>M</i> " <i>y</i> <i>mo</i> " <i>smo</i> " <i>s</i> <i>mo</i> " <i>sb</i> " <i>os</i> " son's son	(ms)	ah-găre'- seh	<i>M</i> " <i>y</i> cousin	<i>E</i> " <i>n</i> măitănăn	<i>M</i> " <i>y</i> cousin
182	<i>M</i> " <i>y</i> <i>mo</i> "	(fs)	ha-ah'-wuk	<i>M</i> " <i>y</i> son	<i>E</i> " <i>n</i> mărümăkăn	<i>M</i> " <i>y</i> nephew

	<i>smo</i>				
	"				
	<i>s</i>				
	<i>mo</i>				
	"				
	<i>sb</i>				
	"				
	<i>os</i>				
	"				
	<i>so</i>				
	" son's son				
183	<i>M</i>	ha-yä'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>		GS	pêrăn	GC
	"				
	<i>smo</i>				
	"				
	<i>s</i>				
	<i>mo</i>				
	"				
	<i>sb</i>				
	"				
	<i>os</i>				
	"				
	<i>so</i>				
	"				
	<i>so</i>				
	" son's son				
184	<i>M</i>	oc'-sote	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	mo's mo's		GM	irandám	2d GM
	mo's str			păddi	
185	<i>M</i>	oc'-sote	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>		GM	păddi (P. or	GM, g't or
	"			S.)	lit.
	<i>smo</i>				
	"				
	<i>s</i>				
	<i>mo</i>				

186	"					
	s					
	str's dau					
	<i>M</i>		no-yeh'	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			mo	táy (P. or S.)	mo, g't or
	"					lit.
	<i>smo</i>					
	"					
187	s					
	<i>mo</i>					
	"					
	s					
	st					
	" dau's dau					
	<i>M</i>	(otm)	ah'-je	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			elder str	akkárl	elder str
188	"					
	<i>smo</i>					
	"					
	s					
	<i>mo</i>					
	"					
	s					
	st					
	"					
	<i>rs</i>					
188	" dau's dau					
	<i>M</i>	(fs)	ka-yä'-wän-	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		da	"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>			niece	măkăl	dau
	"					
	<i>smo</i>					
	"					
	s					
	<i>mo</i>					
	"					
	<i>si</i>					
	s					

	"				
	<i>i</i>				
	<i>d</i>				
	"				
	<i>d</i>				
	" dau's dau				
189	<i>M</i>	ka-yä'-da	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	<i>mo</i>		GD	pêrtti	GD
	"				
	<i>smo</i>				
	"				
	<i>s</i>				
	<i>mo</i>				
	"				
	<i>s</i>				
	<i>si</i>				
	"				
	<i>i</i>				
	<i>d</i>				
	"				
	<i>i</i>				
	<i>i</i>				
	"				
	<i>i</i>				
	<i>i</i>				
	" dau's dau				
190	<i>M</i>	da-yake'-ne	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	hus		hus	kănavăn, b, purnshan	hus
191	<i>M</i>	da-yake'-ne	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	wife		wife	măinavi, b, pernchätti	wife
192	<i>M</i>	hă-ga'-sä	<i>M</i>	<i>E</i>	<i>M</i>
	"		"	"	"
	<i>y</i>		<i>y</i>	<i>n</i>	<i>y</i>
	hus's fa		fa-in-law	mámăn, b, mámanär	uncle & fa- in-law

193	<i>M</i> " <i>y</i> <i>hu</i> " <i>s's</i> <i>mo</i>	ong-ga'-sä	<i>M</i> " <i>y</i> mo-in-law	<i>E</i> " <i>n</i> mámi, b, mánnai	<i>M</i> " <i>y</i> aunt & mo- in-law
194	<i>M</i> " <i>y</i> wife's fa	oc-na'-hose	<i>M</i> " <i>y</i> fa-in-law	<i>E</i> " <i>n</i> mămăn	<i>M</i> " <i>y</i> uncle & fa
195	<i>M</i> " <i>y</i> <i>wi</i> " <i>fe's</i> <i>mo</i>	oc-na'-hose	<i>M</i> " <i>y</i> mo-in-law	<i>E</i> " <i>n</i> mámi	<i>M</i> " <i>y</i> aunt
196	<i>M</i> " <i>y</i> son-in-law	oc-na'-hose	<i>M</i> " <i>y</i> son-in-law	<i>E</i> " <i>n</i> mápillai, b, mărümăkăn	<i>M</i> " <i>y</i> son-in-law & nephew
197	<i>M</i> " <i>y</i> daugt-in- law	ka'-sä	<i>M</i> " <i>y</i> dau-in-law	<i>E</i> " <i>n</i> marümăkal	<i>M</i> " <i>y</i> dau-in-law & niece
198	<i>M</i> " <i>y</i> step-fa	hoc-no'-ese	<i>M</i> " <i>y</i> step-fa		(Widows cannot marry.)
199	<i>M</i> " <i>y</i> <i>st</i> " <i>ep</i> <i>mo</i>	oc-no'-ese	<i>M</i> " <i>y</i> step-mo	<i>M</i> " <i>y</i> sëriya táymy	My little mo
200	<i>M</i> " <i>y</i> <i>st</i>	ha'-no	<i>M</i> " <i>y</i> step-son	<i>M</i> " <i>y</i> măkăn	<i>M</i> " <i>y</i> son

	"					
	<i>ep</i>					
	son					
201	<i>M</i>		ka'-no	<i>M</i>	<i>M</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>y</i>	<i>y</i>
	st			step-dau	măkăl	dau
	"					
	<i>ep</i>					
	dau					
202	<i>M</i>				<i>M</i>	<i>M</i>
	"				"	"
	<i>y</i>				<i>y</i>	<i>y</i>
	st				anṇan (o.)	bro, older or
	"				tambi (y.)	younger
	<i>ep</i>					
	bro					
203	<i>M</i>				<i>M</i>	<i>M</i>
	"				"	"
	<i>y</i>				<i>y</i>	<i>y</i>
	st				akkárl (o.)	str, older or
	"				tăngăy (y.)	younger
	<i>ep</i>					
	str					
204	<i>M</i>	(hus's bro)	ha-yă'-o	<i>M</i>	<i>M</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>y</i>	<i>y</i>
	bro-in-law			bro-in-law	măittünăn	bro'r-in-law & cousin
205	<i>M</i>	(str's hus, ms)	ah-gt-ah'- ne-o	<i>M</i>	<i>M</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>y</i>	<i>y</i>
	br			bro-in-law	măittünăn	bro'r-in-law & cousin
	"					
	<i>o-i</i>					
	<i>n-l</i>					
	"					
	<i>aw</i>					
206	<i>M</i>	(str's hus, fs)	ha-yă'-o	<i>M</i>	<i>M</i>	<i>M</i>
	"			"	"	"
	<i>y</i>			<i>y</i>	<i>y</i>	<i>y</i>
	bro-in-law			bro-in-law	attan (o.) maichchăn	bro'r-in-law & cousin

207	<i>M</i> " <i>y</i> bro-in-law	(wife's bro)	ah-ge'-ah'- ne-o	<i>M</i> " <i>y</i> bro-in-law	<i>M</i> " <i>y</i> mäittүнән	<i>M</i> " <i>y</i> bro'r-in-law & cousin
208	<i>M</i> " <i>y</i> bro-in-law	(wife's str's hus)	no relation		<i>M</i> " <i>y</i> sakälän	<i>M</i> " <i>y</i> bro'r-in-law & cousin
209	<i>M</i> " <i>y</i> bro-in-law	(hus's str's hus)	no relation		<i>M</i> " <i>y</i> sakotaran	<i>M</i> " <i>y</i> bro-in-law & cousin
210	<i>M</i> " <i>y</i> str -in-law	(wife's str)	ka-yä'-o	My str-in- law	<i>M</i> " <i>y</i> korlunti (o.) mäittüini	<i>M</i> " <i>y</i> str-in-law & cousin
211	<i>M</i> " <i>y</i> str -in-law	(hus' str)	ah-gt-ah'- ne-o	My str-in- law	<i>M</i> " <i>y</i> nättänae	<i>M</i> " <i>y</i> str-in-law & cousin
212	<i>M</i> " <i>y</i> str -in-law	(bro's wife, ms)	ka-yä'-o	My str-in- law	<i>M</i> " <i>y</i> anņi (o.) mäittüni (y.)	<i>M</i> " <i>y</i> str-in-law & cousin
213	<i>M</i> " <i>y</i> str -in-law	(bro's wife, f s)	ah-gt-ah'- ne-o	My str-in- law	<i>M</i> " <i>y</i> anņi (o.) mäittüni (y.)	<i>M</i> " <i>y</i> str-in-law & cousin
214	<i>M</i> " <i>y</i> str -in-law	(hus' bro's wife)	no relation		<i>M</i> " <i>y</i> orakatti	<i>M</i> " <i>y</i> str-in-law & cousin
215	<i>M</i> " <i>y</i>	(wife's bro's wife)	no relation		<i>M</i> " <i>y</i> tämäkäy	<i>M</i> " <i>y</i> str-in-law &

	str -in-law			(o.) tāngăy (y.)	cousin
216	<i>M</i> " <i>y</i> widow	go-no-kw'- yes'-hă'-ah	widow	<i>M</i> " <i>y</i> kiempun	widow
217	<i>M</i> " <i>y</i> widower	ho-no-kw'- yes'-hă'-ah	widower		
218	<i>M</i> " <i>y</i> twins	tas-geek'- hăt	twins	Dithambath ie	twins (Sanskrit)

ГЛАВА IV. - СИНДИАСМИЧЕСКАЯ И ПАТРИАРХАЛЬНАЯ СЕМЬИ.

Синдиасмическая семья.-Как образовалась.-Характеристики.-Влияние на нее языческой организации.-Склонность к парности - позднее развитие.-Древнее общество следует изучать там, где можно найти самые высокие образцы.-Патриархальная семья.-Отцовская власть ее существенная характеристика.-Полигамия подчиненная.-Римская семья похожа.-Отцовская власть неизвестна в предыдущих семьях.

Когда были обнаружены американские аборигены, та их часть, которая находилась в нижнем статусе варварства, достигла синдиасмической или парной семьи. Большие группы, состоящие в брачных отношениях, которые, должно быть, существовали в предыдущий период, исчезли; на их месте появились супружеские пары, образующие четко выраженные, хотя и частично индивидуализированные семьи. В этой семье можно распознать зародыш моногамной, но она была ниже последней в нескольких существенных чертах.

Синдиасмическая семья была особенной и своеобразной. Несколько таких семей обычно находились в одном доме, образуя общинное хозяйство, в котором практиковался принцип коммунизма в быту. Сам факт объединения нескольких таких семей в общее хозяйство говорит о том, что семья была слишком слабой организацией, чтобы в одиночку противостоять жизненным трудностям. Тем не менее она была основана на браке между одинокими парами и обладала некоторыми чертами моногамной семьи. Женщина теперь была чем-то большим, чем главная жена своего мужа; она была его спутницей, готовила ему еду и была матерью детей, которых он теперь с некоторой уверенностью стал считать своими. Рождение детей, о которых они совместно заботились, скрепляло союз и делало его постоянным.

Но институт брака был столь же своеобразен, как и семья. Мужчины искали жен не так, как их ищут в цивилизованном обществе, - из привязанности, ибо страсть любви, требующая более высокого развития, чем то, которого они достигли, была им неизвестна. Брак, таким образом,

был основан не на чувствах, а на удобстве и необходимости. Матери, по сути, должны были сами устраивать браки своих детей, и, как правило, они заключались без ведома брачующихся и без спроса их предварительного согласия. Иногда случалось так, что в брачные отношения вступали совершенно незнакомые люди. В положенное время им сообщали, когда будет совершена простая церемония бракосочетания. Таковы были обычаи ирокезов и многих других индейских племен. Согласие на эти материнские контракты было обязанностью, от которой стороны редко отказывались. До брака подарки ближайшим родственникам невесты из числа язычников, носящие характер покупных подарков, стали характерной чертой этих брачных сделок. Однако эти отношения продолжались лишь до тех пор, пока стороны были довольны друг другом, и не более. Именно по этой причине их правильно называть парной семьей. Муж мог по своему усмотрению уйти от жены и взять другую без обид, а женщина пользовалась равным правом уйти от мужа и принять другого, при этом обычаи ее племени и рода не нарушались. Но постепенно в обществе сформировались и окрепли настроения против таких разлук. Когда между супругами возникало отчуждение и их разрыв становился неизбежным, родственники каждого из них пытались примирить стороны, что часто им удавалось; но если они не могли устранить затруднения, разрыв одобрялся. Тогда жена покидала дом мужа, забирая с собой детей, которые считались исключительно ее собственностью, и свои личные вещи, на которые муж не имел права претендовать; или же, если в общине преобладали родственники жены, что обычно и происходило, муж покидал дом жены.⁴⁷⁰ Таким образом, продолжение брачных отношений оставалось на усмотрение сторон.

Была еще одна особенность этих отношений, которая показывает, что американские аборигены на нижнем этапе варварства не достигли того морального развития, которое подразумевает моногамия. Среди ирокезов, которые были варварами высокого умственного уровня, и среди столь же развитых индейских племен в целом, целомудрие стало требоваться от жены под угрозой суровых наказаний, которые мог применить муж; но он не признавал взаимного обязательства. Одно из них не может быть реализовано без другого. Более того, многоженство было повсеместно признано правом мужчин, хотя практика была ограничена из-за неспособности поддерживать снисходительность. Были и другие обычаи, о которых нет необходимости упоминать, что еще больше указывает на то, что они были ниже концепции моногамии, как правильно определяется этот великий институт. Исключительные случаи, скорее всего, существовали. Это, как я полагаю, в равной степени относится и к варварским племенам в целом. Главной чертой, отличавшей синдиасмическую семью от моногамной, хотя и допускавшей многочисленные исключения, было отсутствие исключительного сожительства. Старая супружеская система, запись которой до сих пор сохранилась в их системе кровосмешения, несомненно, сохранилась, но в сокращенных и ограниченных формах.

Среди деревенских индейцев в среднем состоянии варварства факты не были принципиально иными, насколько они могут быть известны. Сравнение обычаев американских аборигенов, касающихся брака и развода, показывает существующее сходство, достаточно сильное, чтобы предполагать изначальную идентичность обычаев. Можно отметить лишь некоторые из них. Клавгеро отмечает, что у ацтеков "все браки заключались родителями, и ни один из них не был заключен без их согласия".⁴⁷¹ "Жрец завязывал узел *уэпилли*, или платья невесты, с *тильматли*, или мантией жениха, и в этой церемонии заключался, главным образом, брачный контракт".⁴⁷² Эррера, рассказывая о той же церемонии, замечает, что "все, что принесла невеста, хранилось в памяти, чтобы в случае, если они снова не выйдут замуж, как это было принято у них, имущество можно было разделить; мужчина брал дочерей, а жена - сыновей, с правом жениться снова".⁴⁷³

Следует заметить, что индеец-ацтек не искал себе жену лично, как ирокез. У обоих это было не столько индивидуальное, сколько общественное или языческое дело, а потому оставалось исключительно под родительским контролем. В жизни индейцев было очень мало социальных контактов между неженатыми представителями обоих полов; а поскольку привязанности не заключались, то их не было и в этих браках, в которых личные желания не учитывались и, по сути, не имели значения. Далее, оказывается, что личные вещи жены хранились отдельно у ацтеков, как у ирокезов, чтобы в случае разлуки, которая, как утверждает этот автор, была обычным явлением, она могла сохранить их в соответствии с общим индейским обычаем. Наконец, если у ирокезов в случае развода жена забирала всех детей, то у ацтеков муж имел право на дочерей, а жена - на сыновей; это изменение древнего обычая, которое предполагает предшествующее время, когда среди предков ацтеков существовало ирокезское индейское правление.

Говоря о жителях Юкатана в целом, Эррера далее отмечает, что "раньше они были склонны жениться в двадцать лет, а потом дошли до двенадцати или четырнадцати, и, не имея привязанности к своим женам, разводились по любому пустяку". 474 Майя Юкатана превосходили ацтеков по уровню культуры и развития; но там, где браки регулировались по принципу необходимости, а не по личному выбору, неудивительно, что отношения были нестабильными, а разрыв происходил по желанию любой из сторон. Более того, полигамия была признанным правом мужчин среди индейцев деревни и, похоже, практиковалась чаще, чем среди менее развитых племен. Эти взгляды на институты, как чисто индейские, так и варварские, убедительно показывают реальное состояние аборигенов в относительном развитии. В таком личном вопросе, как брачные отношения, желания или предпочтения сторон не учитывались. Лучшего доказательства варварства этого народа и не нужно.

Далее мы отметим некоторые влияния, которые оказали на эту семью пуналуа. В последней было больше или меньше пар из необходимости социального положения, каждый мужчина имел главную жену среди нескольких жен, а каждая женщина - главного мужа среди нескольких мужей; так что тенденция в пуналуанской семье с самого начала была в направлении синдиасмической.

Организация в семье была главным инструментом, который достиг этого результата; но через долгие и постепенные процессы. Во-первых. Она не сразу прекратила межродовые браки в группе, которые, как выяснилось, были установлены обычаем; но запрет на межродовые браки в роду исключал родных братьев и сестер, а также детей родных сестер, поскольку все они принадлежали к одному роду. Родные братья по-прежнему могли иметь общих жен, а родные сестры - мужей; следовательно, гены не вмешивались непосредственно в пуналуанский брак, разве что сужали его рамки. Но он навсегда отстранял от этих отношений всех потомков по женской линии каждого предка в пределах гена, что было большим новшеством по сравнению с предыдущей группой пуналуа. Когда род делился, запрет следовал за его ветвями в течение длительных периодов времени, как было показано, это происходило у ирокезов. Во-вторых. Структура и принципы организации имели тенденцию создавать предубеждение против браков между родственниками, поскольку преимущества браков между неродственниками постепенно обнаруживались благодаря практике заключения браков вне рода. По-видимому, эта практика развивалась быстрыми темпами, пока в конце концов не сформировалось общественное настроение, направленное против нее, которое стало очень распространенным среди американских аборигенов, когда было обнаружено. 475 Например, среди ирокезов ни один из кровных родственников, перечисленных в таблице кровосмешения, не был пригоден для брака. Поскольку стало необходимо искать жен у других родов, их стали приобретать путем

переговоров и покупки. Организация язычников должна была постепенно, по мере того как ее влияние становилось всеобщим, привести к нехватке жен вместо их прежнего изобилия; и, как следствие, постепенно сократить численность группы пуналуан. Этот вывод обоснован, поскольку есть достаточно оснований предполагать существование таких групп в период формирования туранской системы кровосмешения. Сейчас они исчезли, хотя система осталась. Должно быть, эти группы постепенно сокращались и, наконец, исчезли с общим установлением синдиасмической семьи. В-четвертых. В поисках жен они не ограничивались своими собственными, даже дружественными племенами, а захватывали их силой у враждебных племен. Это объясняет обычай индейцев щадить жизнь пленных женщин, в то время как мужчин предавали смерти. Когда жены стали приобретаться путем покупки и захвата, а также все больше и больше усилий и жертв, они уже не так охотно делились с другими. Это, по крайней мере, отрезало бы ту часть теоретической группы, которая не была бы непосредственно связана с пропитанием; и, таким образом, еще больше сократило бы размер семьи и диапазон супружеской системы. Практически же группа с самого начала будет ограничиваться родными братьями, имеющими общих жен, и родными сестрами, имеющими общих мужей. Наконец. Женты создали более высокую органическую структуру общества, чем та, которая была известна ранее, с процессами развития в качестве социальной системы, адекватной потребностям человечества, пока не наступила цивилизация. С развитием общества при генте был подготовлен путь для появления синдиасмической семьи.

Влияние новой практики, вводившей в брачные отношения неродственных людей, должно было придать обществу значительный импульс. Она способствовала формированию более энергичного физически и умственно населения. В объединении разнородных групп населения есть принцип усиления, который оказал огромное влияние на развитие человечества. Когда два прогрессирующих племени с сильными умственными и физическими качествами объединяются и превращаются в один народ в результате случайностей варварской жизни, новый череп и мозг расширяются и удлиняются до суммы возможностей обоих. Такое потомство будет лучше обоих, и это превосходство проявится в росте интеллекта и численности.

Из этого следует, что склонность к созданию пар, которая сейчас так мощно развита в цивилизованных расах, оставалась в человеческом разуме несформированной до тех пор, пока не появился пуналуанский обычай. Исключительные случаи, несомненно, имели место, когда обычаи позволяли эту привилегию; но она не стала всеобщей до появления синдиасмической семьи. Таким образом, эту склонность нельзя назвать нормальной для человечества, скорее, она выросла в результате опыта, как и все великие страсти и силы разума.

Можно упомянуть еще об одном влиянии, которое замедляло рост этого семейства. Война среди варваров более разрушительна для жизни, чем среди дикарей, благодаря более совершенному оружию и более сильным стимулам. Мужчины во все времена и при всех состояниях общества занимались боевым ремеслом, что меняло баланс полов и оставляло женщин в избытке. Это, несомненно, способствовало бы укреплению супружеской системы, созданной браками в группе. Кроме того, это замедлило бы развитие синдиасмической семьи, поддерживая низменные настроения в отношении отношений полов, характера и достоинства женщины.

С другой стороны, улучшение условий жизни, которое последовало за выращиванием кукурузы и растений среди американских аборигенов, должно было способствовать общему развитию семьи. Это привело к локализации, использованию дополнительных искусств,

улучшению архитектуры дома и более разумной жизни. Промышленность и бережливость, хотя и в ограниченной степени, но с повышенной защитой жизни, должны были сопровождать формирование семей, состоящих из одной пары. Чем больше реализовывались эти преимущества, тем более устойчивой становилась такая семья и тем больше возрастала ее индивидуальность. Укрывшись в общинном хозяйстве, в котором группа таких семей сменила группу пуналуа, она теперь черпала поддержку в себе, в хозяйстве и в гентах, к которым принадлежали мужья и жены соответственно. Значительный прогресс общества, о котором свидетельствует переход от дикости к более низкому статусу варварства, должен был повлечь за собой соответствующее улучшение состояния семьи, ход развития которой неуклонно восходил к моногамному. Если бы существование синдиасмической семьи было неизвестно, учитывая, что пуналуанцы находятся в одной крайности, а моногамия - в другой, появление такой промежуточной формы можно было бы предсказать. В человеческом опыте она имеет долгую историю. Возникнув на границе дикости и варварства, она прошла через средний и большую часть позднего периода варварства, когда ее вытеснила низшая форма моногамии. Оттесненная на второй план супружеской системой того времени, она завоевывала признание по мере постепенного развития общества. Эгоизм человечества, в отличие от женского, откладывал реализацию строгой моногамии до того великого брожения человеческого разума, которое положило начало цивилизации.

Две формы семьи появились до синдиасмийцев и создали две великие системы кровосмешения, или, скорее, две различные формы одной и той же системы; но эта третья семья не создала новой системы и не внесла существенных изменений в старую. Некоторые брачные отношения, по-видимому, были изменены в соответствии с теми, что были в новой семье; но основные черты системы остались неизменными. Фактически, синдиасмическая семья продолжала в течение неизвестного периода времени существовать в системе кровосмешения, ложной, в основном, по отношению к существующим отношениям, и которую она была не в силах разрушить. Именно по той достаточной причине, что она не дотягивала до моногамии, пришла сила, способная разорвать эту ткань. Хотя эта семья, как и ее предшественники, не имеет четкой системы кровосмешения, доказывающей ее существование, она сама существовала на значительных территориях земли в течение исторического периода и до сих пор существует в многочисленных варварских племенах.

Говоря так положительно о нескольких формах семьи в их относительном порядке, есть опасность быть неправильно понятым. Я не имею в виду, что одна форма возникает в определенном статусе общества, процветает повсеместно и исключительно везде, где встречаются племена человечества в том же статусе, и затем исчезает в другой, следующей более высокой форме. Исключительные случаи пуналуанской семьи могли появиться в кровосмесительной, и *наоборот*; исключительные случаи синдиасмической семьи могли появиться среди пуналуанской, и *наоборот*; и исключительные случаи моногамической семьи среди синдиасмической, и *наоборот*. Даже исключительные случаи моногамии могли появиться так же низко, как пуналуан, а синдиасмиан - так же низко, как консангин. Более того, некоторые племена достигли определенной формы раньше, чем другие, более продвинутые; например, у ирокезов синдиасмическая семья появилась, когда они находились в нижнем статусе варварства, а у бриттов, которые находились в среднем статусе, все еще была пуналуанская. Высокая цивилизация на берегах Средиземноморья распространила в Британии искусства и изобретения, которые были далеко за пределами умственного развития ее кельтских жителей и которые они несовершенно усвоили. Похоже, они были дикарями в своем мозгу, хотя и носили художественную одежду более развитых племен. То, что я пытался обосновать и чему есть достаточные доказательства, заключается

в том, что семья началась с кровосмешительства, низкого уровня дикости, и путем прогрессивного развития переросла в моногамию, через две хорошо заметные промежуточные формы. Каждая из них была частичной, затем общей и, наконец, универсальной на больших территориях; после чего она переходила в следующую за ней форму, которая, в свою очередь, была сначала частичной, затем общей и, наконец, универсальной на тех же территориях. В эволюции этих последовательных форм основное направление прогресса было от кровосмешения к моногамии. При отклонении от единообразия в прогрессе человечества через эти несколько форм, обычно обнаруживается, что консангинская и пуналуанская семьи принадлежат к статусу дикости - первая к его низшему, а вторая к его высшему состоянию - в то время как пуналуанская продолжалась в нижнем статусе варварства; что синдиасмическая принадлежит к нижнему и среднему статусу варварства, и продолжалась в верхнем; и что моногамическая принадлежит к верхнему статусу варварства, и продолжалась до периода цивилизации.

Нет необходимости, даже если позволит место, проследивать семейства синдиасмиев через варварские племена в целом по частичным описаниям путешественников и наблюдателей. Приведенные тесты могут быть применены каждым читателем к случаям, о которых ему известно. Среди американских аборигенов в нижнем статусе варварства это была преобладающая форма семьи в эпоху их открытия. Среди деревенских индейцев в среднем статусе она, несомненно, была преобладающей формой, хотя сведения, приводимые испанскими писателями, расплывчаты и носят общий характер. Общинный характер их домов совместного проживания сам по себе является убедительным доказательством того, что семья не вышла из синдиасмической формы. В ней не было ни индивидуальности, ни исключительности, которые предполагает моногамия.

Чужеродные элементы, смешавшиеся с местной культурой в частях Восточного полушария, породили ненормальное состояние общества, где искусство цивилизованной жизни было переделано в соответствии со склонностями и потребностями дикарей и варваров.⁴⁷⁶ Племена, ведущие строго кочевой образ жизни, также имеют социальные особенности, вытекающие из их исключительного образа жизни, которые не очень хорошо изучены. Под влиянием высших рас коренная культура многих племен была заторможена и настолько искажена, что изменила естественное течение их прогресса. Вследствие этого их институты и социальное положение изменились.

Для систематического прогресса в этнологии необходимо, чтобы состояние как диких, так и варварских племен изучалось в его нормальном развитии в тех областях, где институты народа однородны. Полинезия и Австралия, как уже говорилось, являются наилучшими районами для изучения общества дикарей. Почти вся теория жизни дикарей может быть выведена из их институтов, нравов и обычаев, изобретений и открытий. Северная и Южная Америка, когда они были открыты, предоставили наилучшие возможности для изучения состояния общества в нижнем и в среднем статусе варварства. Аборигены, единые по крови и родословной, за исключением эскимосов, завладели огромным континентом, более богатым для обитания человека, чем восточные континенты, за исключением животных, способных к одомашниванию. Он предоставил им широкое поле для беспрепятственного развития. Они вступили во владение им, по-видимому, в дикарском состоянии; но создание организации на генты поставило их во владение основными зародышами прогресса, которыми обладали предки греков и римлян.⁴⁷⁷ Рано оторвавшись от центрального потока человеческого прогресса и потеряв всякую связь с ним, они начали свой путь на новом континенте со скромными умственными и моральными способностями дикарей. Независимая эволюция первичных идей, которые они принесли с собой, началась в

условиях, гарантирующих карьеру, не нарушенную иностранным влиянием. Это справедливо и в отношении развития идеи правительства, семьи, домашнего быта, собственности и искусства добывания средств к существованию. Их институты, изобретения и открытия, начиная с дикости, через нижнее и среднее состояние варварства, однородны и по-прежнему демонстрируют непрерывность развития одних и тех же первоначальных представлений.

Ни в одной части Земли в современную эпоху нельзя было найти более совершенного примера низшего состояния варварства, чем ирокезы и другие племена Соединенных Штатов к востоку от Миссисипи. С их исконными и несмешанными искусствами, с их институтами, чистыми и однородными, культура этого периода, в ее диапазоне, элементах и возможностях, иллюстрируется ими самым полным образом. Систематическое изложение этих нескольких тем должно быть сделано, пока факты не исчезли.

В еще большей степени все это относится к среднему состоянию варварства, примером которого служат индейцы деревни Нью-Мексико, Мексики, Центральной Америки, Гренады, Эквадора и Перу. Ни в одной части Земли не было такого проявления общества в этом статусе в шестнадцатом веке, с его передовыми искусствами и изобретениями, улучшенной архитектурой, зарождающимися производствами и зарождающимися науками. Американские ученые плохо оценивают работу, сделанную в этой плодотворной области. В действительности это было утерянное состояние древнего общества, которое внезапно открылось европейским наблюдателям с открытием Америки; но они не смогли постичь его смысл или определить его структуру.

Есть еще одно великое состояние общества - верхнее состояние варварства, которое не является примером для существующих наций; но его можно найти в истории и традициях греческих и римских, а позже и германских племен. В основном его приходится выводить из их институтов, изобретений и открытий, хотя существует большое количество информации, иллюстрирующей культуру этого периода, особенно в гомеровских поэмах.

Когда эти несколько условий общества будут изучены в областях их наивысшего проявления и тщательно поняты, ход развития человечества от дикости, варварства и цивилизации станет понятен как единое целое. Как уже говорилось, ход человеческого опыта также окажется почти однородным.

Патриархальная семья семитских племен требует лишь краткого упоминания по причинам, изложенным в другом месте; и оно будет ограничено лишь определением. Она относится к позднему периоду варварства и сохранялась некоторое время после зарождения цивилизации. Вожди, по крайней мере, жили в многоженстве; но это не было материальным принципом патриархального института. Организация нескольких человек, подневольных и свободных, в семью под властью отца, для владения землей и ухода за стадами и отарами, была основной характеристикой этой семьи. Те, кто находился в рабстве, и те, кто нанимался в качестве слуг, жили в брачном союзе и, имея патриарха в качестве главы, составляли патриархальную семью. Власть над членами семьи и над ее имуществом была существенным фактом. Именно включение в подневольные и зависимые отношения, до того времени неизвестные, а не полигамия, придало патриархальной семье признаки оригинального института. В великом движении семитского общества, породившем эту семью, отцовская власть над группой была целью, к которой стремились, а вместе с ней и более высокая индивидуальность людей.

То же самое побуждение в точности привело к возникновению римской семьи, основанной на отцовской власти (*patria potestas*); с властью отца жизни и смерти над его детьми и

потомками, а также над рабами и слугами, которые составляли ее ядро и давали ей название; и с абсолютным правом собственности на все имущество, которое они создавали. Без полигамии *pater familias* был патриархом, а семья под его началом - патриархальной. В меньшей степени такими же чертами обладала древняя семья греческих племен. Она знаменует собой ту особую эпоху в развитии человечества, когда индивидуальность человека стала возвышаться над родом, в котором она была до этого слита, жаждала самостоятельной жизни и более широкого поля для индивидуального действия. Общее влияние патриархата сильно склоняло к созданию моногамной семьи, которая была необходима для реализации поставленных целей. Эти поразительные черты патриархальной семьи, столь не похожей ни на одну из известных ранее форм, обеспечили ей главенствующее положение; но древнееврейская и римская формы были исключительными в человеческом опыте. В семьях консангинов и пуналуанов отцовская власть была невозможна и неизвестна; в синдиасмической семье она начала проявляться как слабое влияние, но ее рост неуклонно продвигался по мере того, как семья становилась все более и более индивидуализированной, и полностью утвердилась в условиях моногамии, которая гарантировала отцовство детей. В патриархальной семье римского типа отцовская власть переходила границы разумного и превращалась в чрезмерное господство.

Еврейская патриархальная семья не создала новой системы кровосмешения. Туранская система гармонировала с частью ее отношений; но поскольку эта форма семьи вскоре отпала, а моногамия стала общей, ее сменила семитская система кровосмешения, как греческую и римскую сменила арийская. Каждая из трех великих систем - малайская, туранская и арийская - указывает на завершенное органическое движение общества, и каждая с безошибочной уверенностью подтверждает наличие той формы семьи, отношения которой она фиксирует.

ГЛАВА V. - МОНОГАМНАЯ СЕМЬЯ.

Эта семья сравнительно современная. - Термин Familia. - Семья древних германцев. - Гомеровских греков. - Цивилизованных греков. - Разделение жен. - Обязательства моногамии, не соблюдаемые мужчинами. - Римская семья. - Жены под властью. - Арийская система кровосмешения. - Возникла при моногамии. - Предыдущая система, вероятно, туранская. - Переход от туранской к арийской. - Римская и арабская системы кровосмешения. - Детали первой. - Современная моногамная семья. - Таблица.

Происхождение общества настолько постоянно прослеживалось до моногамной семьи, что сравнительно современная дата, которую сейчас приписывают этой семье, выглядит как новизна. Те авторы, которые исследовали происхождение общества с философской точки зрения, пришли к выводу, что трудно представить себе его существование в отрыве от семьи как ячейки общества, а саму семью - как нечто иное, чем моногамия. Они также сочли необходимым рассматривать супружескую пару как ядро группы людей, часть из которых была подневольна, а все находились под властью; таким образом, они пришли к выводу, что общество началось в патриархальной семье, когда она впервые стала организованной. Такова, по сути, древнейшая форма этого института, известная нам среди латинских, греческих и древнееврейских племен. Таким образом, в результате родства патриархальная семья стала типичной семьей первобытного общества, задуманной либо в латинской, либо в древнееврейской форме, причем отцовская власть составляла суть организма.

Род, как он появился в более поздний период варварства, был хорошо понят, но ошибочно предполагалось, что он является последующим по времени после моногамной семьи. Необходимость некоторого знания институтов варварских и даже диких племен становится все более очевидной в качестве средства для объяснения наших собственных институтов. При допущении, что моногамная семья является единицей организации в социальной системе, род рассматривался как совокупность семей, племя - как совокупность родов, а нация - как совокупность племен. Ошибка кроется в первом утверждении. Было показано, что род полностью входит в фратрию, фратрия - в племя, а племя - в нацию; но семья не могла полностью войти в род, поскольку муж и жена обязательно принадлежали к разным родам. Жена, вплоть до позднейшего периода, причисляла себя к роду своего отца и носила имя его рода у римлян. Поскольку все части должны входить в целое, семья не могла стать ячейкой языческой организации. Это место занимал род. Более того, патриархальная семья, будь то римская или древнееврейская, была совершенно неизвестна на протяжении всего периода дикости, в древний, а возможно, и в средний, и далеко в поздний период варварства. После появления рода проходили века за веками и даже периоды за периодами, прежде чем появилась моногамная семья. Только после начала цивилизации она окончательно утвердилась.

Его современное появление среди латинских племен можно определить по значению слова *семья*, происходящего от *familia*, которое содержит тот же элемент, что и *famulus*, = слуга, предположительно происходящий от осканского *famel*, = *servus*, раб.⁴⁷⁸ В своем первичном значении слово *семья* не имело отношения ни к супружеской паре, ни к их детям, но к совокупности рабов и слуг, которые трудились для ее содержания и находились под властью *pater familias*. *Familia* в некоторых завещательных распоряжениях используется как эквивалент *patrimonium*, наследства, которое переходило к наследнику.⁴⁷⁹ Оно было введено в латинском обществе для обозначения нового организма, во главе которого стояли жена и дети, а тело состояло из подневольных лиц, находящихся под отцовской властью. Моммзен использует фразу "тело слуг" как латинское обозначение *familia*.⁴⁸⁰ Таким образом, этот термин и идея, которую он выражает, не старше, чем железобетонная семейная система латинских племен, которая появилась после полевого земледелия и узаконенного подневольного труда, а также после разделения греков и латинян. Если и было дано какое-то название предшествующей семье, то сейчас оно не установлено.

В двух формах семьи, консангвинистической и пуналуанской, отцовская власть была невозможна. Когда среди пуналуанской группы появился генс, он объединил нескольких сестер с их детьми и потомками по женской линии в генс, который стал организационной единицей в созданной им социальной системе. Из этого положения вещей постепенно сформировалась синдиасмическая семья, а вместе с ней и зародыш отцовской власти. Рост этой власти, сначала слабый и неустойчивый, затем начался, и она неуклонно возрастала, по мере того как новая семья все больше и больше принимала моногамные черты, с восходящим прогрессом общества. Когда собственность стала создаваться массово, а стремление к ее передаче детям сменило происхождение по женской линии на мужскую, впервые возникло реальное основание для отцовской власти. Среди еврейских и латинских племен, когда они были впервые известны, патриархальная семья еврейского типа существовала у первых, а римского - у вторых; в обоих случаях она основывалась на ограниченном или абсолютном рабстве ряда лиц с их семьями, все из которых, с женами и детьми патриарха в одном случае и *pater familias* в другом, находились под отцовской властью. Это было исключительное, а в римской семье - чрезмерное развитие отцовской власти, которая, не будучи всеобщей, ограничивалась в основном названными лицами. Гай

заявляет, что власть римского отца над своими детьми была свойственна только римлянам и что в целом ни один другой народ не обладал такой же властью.⁴⁸¹

Достаточно привести несколько иллюстраций ранней моногамной семьи из классических произведений, чтобы составить представление о ее характере. Моногамия появляется в определенной форме в поздний период варварства. Задолго до этого времени некоторые ее черты, несомненно, были присущи предшествующей синдиасмической семье; но существенный элемент первой - исключительное сожительство - не мог утвердиться в отношении последней.

Одна из самых ранних и интересных иллюстраций была найдена в семье древних германцев. Их институты были однородными и исконными, а народ продвигался к цивилизации. Тацит в нескольких строках излагает их обычаи в отношении брака, не указывая состав семьи и не определяя ее атрибуты. Указав, что браки у них были строгими, и назвав их похвальными, он далее замечает, что среди варваров они довольствовались одной женой, за исключением очень немногих, которых влекли к многоженству не по страсти, а из-за их положения. Что не жена приносила мужу приданое, а муж жене, ... убранного коня и щит, с копьем и мечом. В силу этих даров жена была обручена.⁴⁸² Подарки, носящие характер покупных даров, которые, вероятно, в прежние времена доставались язычникам, родным невесты, теперь преподносились невесте.

В другом месте он упоминает два существенных факта, в которых обнаруживается суть моногамии:⁴⁸³ во-первых, что каждый мужчина довольствовался одной женой (*singulis uxoribus contenti sunt*); и, во-вторых, что женщины жили, огражденные целомудрием (*septæ pudicitia agunt*). Из того, что известно о состоянии семьи в разные этнические периоды, можно сделать вывод, что у древних германцев она была слишком слабой, чтобы в одиночку противостоять тяготам жизни, и, как следствие, укрывалась в общинном хозяйстве, состоящем из родственных семей. Когда рабство стало институтом, эти домохозяйства постепенно исчезли. Германское общество в это время не было достаточно развито для появления высокого типа моногамной семьи.

У гомеровских греков семья, хотя и моногамная, была низкого типа. Мужья требовали от своих жен целомудрия, которое они пытались обеспечить путем некоторого уединения; но они не признавали взаимных обязательств, с помощью которых только и можно было обеспечить его надолго. В гомеровских поэмах можно найти множество свидетельств того, что у женщины было мало прав, которые мужчины обязаны были уважать. Пленницы, которых греческие вожди, направляясь в Трою, затаскивали в свои корабли, отдавались их страстям без принуждения и ограничений. Следует принять за достоверную картину того времени, независимо от того, были ли случаи, о которых рассказывается в поэмах, реальными или вымышленными. Хотя речь идет о невольницах, это отражает низкую оценку женщины. Ее достоинство не признавалось, а личные права были незащищенными. Чтобы утихомирить негодование Ахилла, Агамемнон на совете греческих вождей предложил отдать ему, среди прочего, семь лесбиянок, превосходящих его по личной красоте, отведенных для него из добычи этого города, причем сама Брисея должна была войти в это число; а если Троя будет взята, то еще и право выбрать двадцать троянок, самых красивых из всех, рядом с аргивянкой Еленой.⁴⁸⁴ "Красота и добыча" - таковы были недвусмысленные слова героической эпохи. Обращение с пленницами отражает культуру того времени по отношению к женщинам в целом. Мужчины, не считающиеся с родительскими, супружескими и личными правами своих врагов, не могли достичь какого-либо высокого представления о себе.

Описывая палаточную жизнь неженатого Ахилла и его друга Патрокла, Гомер счел уместным показать характер и достоинство Ахилла как вождя, что он спал в углублении своего хорошо построенного шатра, а рядом с ним лежала женщина, светлоглазая Диомеда, которую он привез с Лесбоса. А Патрокл лежал на другом боку, и рядом с ним также лежала прекрасногрудая Ифис, которую ему подарил благородный Ахилл, захватив ее на Скиросе.⁴⁸⁵ Подобные обычаи и нравы как неженатых, так и женатых мужчин, с одобрением упоминаемые великим поэтом того времени и поддерживаемые общественными настроениями, свидетельствуют о том, что моногамия существовала только благодаря принудительному принуждению жен, в то время как их мужья в подавляющем большинстве случаев не были моногамистами. Такая семья имеет столько же синдиасмических, сколько и моногамных черт.

Предполагается, что положение женщины в героическую эпоху было более благоприятным, а ее положение в семье - более почетным, чем в начале цивилизации и даже после ее наивысшего развития. Возможно, это было так и в более ранний период, до того как происхождение перешло к мужской линии, но, похоже, в названное время для таких предположений мало места. В средствах и образе жизни произошли большие перемены к лучшему, но они еще больше подчеркнули реальную оценку, которую она получила в поздний период варварства.

В другом месте мы уже обращали внимание на тот факт, что когда происхождение было изменено с женской линии на мужскую, это пагубно сказалось на положении и правах жены и матери. Ее дети переходили из ее собственного рода в род ее мужа, и она теряла свои агнатические права, выходя замуж и не получая эквивалента. До изменений члены ее собственного рода, по всей вероятности, преобладали в семье, что придавало полную силу материнским узам и делало женщину скорее центром семьи, чем мужчину. После перемены она осталась одна в доме мужа, изолированная от своих языческих родственников. Это, должно быть, ослабило влияние материнских уз и сильно повлияло на ее положение и остановило ее продвижение по социальной шкале. Среди процветающих классов условия вынужденного уединения, а также провозглашенная главная цель брака - рождение детей в законном браке (παίδοποιεῖ σθαῖ ὑνῆσίῳς), приводят к выводу, что ее положение было менее благоприятным в героический век, чем в последующий период, о котором мы гораздо лучше осведомлены.

С самого начала и до последнего времени среди греков действовал принцип эгоизма или изученного эгоизма, направленный на снижение ценности женщины, который едва ли можно найти у дикарей. Он проявляется в их планах домашней жизни, которые в высших сословиях уединяли жену, чтобы принудить ее к исключительному сожителству, не допуская ответных обязательств со стороны мужа. Он подразумевает существование предшествующей супружеской системы туранского типа, от которой он был призван защищать. Так сильно вековые обычаи наложили на сознание греческих женщин печать ощущения своей неполноценности, что они не оправились от нее до самого последнего периода греческого господства. Возможно, это была одна из тех жертв, которые потребовались от женщины, чтобы вывести эту часть человеческой расы из синдиасмической в моногамную семью. До сих пор остается загадкой, как раса, наделенная достаточно большими способностями, чтобы наложить отпечаток на мир своей психической жизнью, должна была оставаться по сути варварской в своем отношении к женскому полу на пике своей цивилизации. С женщинами не обращались ни жестоко, ни невежливо в пределах дозволенных им привилегий; но их образование было поверхностным, в общении с противоположным полом им было отказано, а их неполноценность прививалась как

принцип, пока сами женщины не стали принимать ее как факт. Жена не была спутницей и равной своему мужу, а находилась с ним в отношениях дочери; тем самым отрицался основополагающий принцип моногамии, как следует понимать этот институт в его высшей форме. Жена обязательно равна мужу по достоинству, по личным правам и по социальному положению. Таким образом, мы можем узнать, какой ценой опыта и выдержки был завоеван этот великий институт современного общества.

Наши сведения достаточно полны и конкретны в отношении положения греческих женщин и греческой семьи в исторический период. Беккер, обладая удивительной исследовательской работой, которой отличаются его труды, собрал основные факты и представил их с ясностью и силой. ⁴⁸⁶Его высказывания, хотя и не дают полного представления о семье исторического периода, вполне достаточны, чтобы указать на огромную разницу между греческой и современной цивилизованной семьей, а также показать состояние моногамной семьи на ранних этапах ее развития.

Среди фактов, изложенных Беккером, есть два, которые заслуживают дальнейшего внимания: во-первых, заявление о том, что главной целью брака является рождение детей в законном браке; во-вторых, уединение женщин для обеспечения этого результата. Эти две вещи тесно связаны между собой и бросают отраженный свет на предыдущее состояние, из которого они вышли. Во-первых, страсть любви была неизвестна варварам. Они ниже того чувства, которое является порождением цивилизации и утонченности. Греки в целом, как показывают их брачные обычаи, не достигли понимания этой страсти, хотя, конечно, были и многочисленные исключения. Физические достоинства, по греческим представлениям, были мерилом всех совершенств, на которые был способен женский пол. Брак, таким образом, основывался не на чувствах, а на необходимости и долге. Этими соображениями руководствовались ирокезы и ацтеки; на самом деле они берут начало в варварстве и свидетельствуют о предшествующем варварском состоянии предков греческих племен. Кажется странным, что их было достаточно, чтобы соответствовать греческому идеалу семейных отношений в разгар греческой цивилизации. Рост собственности и желание передать ее детям были в действительности той движущей силой, которая привела к моногамии, чтобы гарантировать законных наследников и ограничить их число фактическим потомством супружеской пары. Знание об отцовстве детей начало реализовываться в синдиасмической семье, от которой, очевидно, произошла греческая форма, но оно не достигло необходимой степени уверенности из-за сохранения некоторой части древней *jura conjugalia*. Это объясняет новый обычай, который появился в верхнем статусе варварства, а именно уединение жен. Подразумевается, что необходимость в уединении жены существовала в то время, и, похоже, она была настолько грозной, что план домашней жизни цивилизованных греков в действительности представлял собой систему женского заточения и ограничения. Хотя приведенные примеры в большей степени относятся к семье зажиточных слоев населения, дух, который они демонстрируют, несомненно, был общим.

Если обратиться к римской семье, то положение женщины более благоприятно, но ее подчиненность та же.

В Риме к ней относились с уважением, как и в Афинах, но в римской семье ее влияние и власть были выше. Как *mater familias* она была хозяйкой семьи. Она свободно выходила на улицы без ограничений со стороны мужа, вместе с мужчинами посещала театры и праздничные банкеты. В доме ее не ограничивали отдельными квартирами и не исключали из мужского стола. Отсутствие худших ограничений, налагаемых на гречанок, благоприятствовало росту чувства личного достоинства и независимости у римлянок. Плутарх отмечает, что после заключения мира с сабинянами, достигнутого благодаря

вмешательству сабинянок, им было предоставлено множество почетных привилегий; мужчины должны были уступать им дорогу при встрече на улице; они не должны были произносить вульгарных слов в присутствии женщин и не появляться перед ними обнаженными.⁴⁸⁷ Брак, однако, ставил жену во власть мужа (*in manum viri*); представление о том, что она должна оставаться под властью, последовало с очевидной необходимостью за ее освобождением в браке от отцовской власти. Муж относился к жене как к дочери, а не как к равной себе. Более того, он обладал правом исправления, а также правом жизни и смерти в случае прелюбодеяния; но осуществление этой последней власти, по-видимому, зависело от согласия совета ее рода.

В отличие от других народов, у римлян существовало три формы брака. Все они одинаково отдавали жену в руки мужа и признавали главной целью брака рождение детей в законном браке (*liberorum querendorum causa*).⁴⁸⁸ Эти формы (*confarreatio*, *coemptio* и *usus*) просуществовали до республики, но отпали при империи, когда была принята четвертая форма, свободный брак, поскольку он не ставил жену во власть мужа. Разводы с самого раннего периода происходили по желанию сторон, что было характерно для синдиасмической семьи и передавалось, вероятно, из этого источника. Однако они редко происходили до конца Республики.⁴⁸⁹

Разнузданность, царившая в греческих и римских городах на пике цивилизации, обычно рассматривается как отступление от более высокого и чистого состояния добродетели и нравственности. Но этому факту можно дать другое, или, по крайней мере, измененное объяснение. Они никогда не достигали чистой морали в общении полов, от которой можно было бы отказаться. Подавленная или умеренная в разгар войн и распрей, угрожавших национальному существованию, разврат возрождался в условиях мира и процветания, потому что нравственные элементы общества не восставали против него с целью его искоренения. Эта разнузданность, по всей вероятности, была остатками древней супружеской системы, никогда полностью не искорененной, которая пришла из варварства как социальное пятно, а теперь выразила свои эксцессы в новом русле гетеризма. Если бы греки и римляне научились уважать равенство моногамии, вместо того чтобы в одном случае уединять своих жен в гинеконитах, а в другом - держать их под властью, есть основания полагать, что общество между ними представляло бы собой совершенно иной аспект. Поскольку ни один, ни другой не развивали никакой высшей морали, у них было мало поводов оплакивать упадок общественной морали. Суть объяснения заключается в том, что ни те, ни другие не признавали в целостности принцип моногамии, который один только и мог поставить их общества на нравственную основу. Преждевременное разрушение этнической жизни этих замечательных рас в немалой степени объясняется тем, что они не смогли развить и использовать умственные, моральные и консервативные силы женского интеллекта, которые были не менее важны, чем их собственные соответствующие силы для их прогресса и сохранения. После долгого пребывания в варварстве, во время которого они завоевали оставшиеся элементы цивилизации, они погибли политически, в конце короткой карьеры, по-видимому, от восторга новой жизни, которую они создали.

Среди евреев, в то время как патриархальная семья в ранний период была распространена среди вождей, моногамия, в которую вскоре перешла патриархальная, была распространена среди народа. Но о структуре последней, а также об отношениях мужа и жены в семье, сведения скудны.

Не пытаясь умножать иллюстрации, очевидно, что моногамическая семья выросла в ту форму, в которой она появилась в начале исторического периода, из более низкого типа; и что в классический период она заметно продвинулась вперед, хотя и не достигла своей высшей формы. Он, очевидно, произошел от предыдущей синдиасмической семьи как ее непосредственный зародыш; и хотя он совершенствовался по мере прогресса человечества, он не достиг своего истинного идеала в классический период. Его наивысшее известное совершенство, по крайней мере, не было достигнуто до наших дней. Изображение ранними писателями общества в верхнем периоде варварства подразумевает общую практику моногамии, но с учетом обстоятельств, указывающих на то, что это была моногамная семья будущего, борющаяся за существование под неблагоприятными влияниями, слабая в жизнеспособности, правах и иммунитетах, и все еще окруженная остатками древней супружеской системы.

Как малайская система выражала отношения, существовавшие в кровосмесительной семье, как туранская - в пуналуанской, так арийская - в моногамной; каждая семья опиралась на свою и отличную от других форму брака.

При нынешнем состоянии наших знаний невозможно абсолютно точно доказать, что арийские, семитские и уральские семьи человечества ранее придерживались туранской системы кровосмешения, и что она канула в Лету при моногамии. Однако такое предположение следует из совокупности установленных фактов. Все свидетельства указывают в этом направлении настолько решительно, что исключают любую другую гипотезу. Во-первых. Организация в генты имела естественное происхождение в пуналуанской семье, где группа сестер, вышедших замуж за мужей друг друга, вместе со своими детьми и потомками по женской линии составляла точное очертание, а также тело гена в его архаической форме. Основные ветви арийской семьи были организованы в *gentes*, когда впервые стали известны исторически, что позволяет сделать вывод о том, что, будучи единым народом, они были организованы таким образом. Из этого факта вытекает дальнейшее предположение, что они получили эту организацию через отдаленных предков, живших в том же пуналуанском состоянии, которое породило этот замечательный и широко распространенный институт. Кроме того, у американских аборигенов туранская система кровосмешения до сих пор связана с генами в своей архаичной форме. Эта естественная связь оставалась бы нерушимой до тех пор, пока не произошли бы изменения в социальном состоянии, такие как моногамия, способные привести к ее разрушению. Во-вторых. В арийской системе кровосмешения есть некоторые доказательства, указывающие на тот же вывод. Можно предположить, что значительная часть номенклатуры туранской системы попала бы под моногамию, если бы эта система ранее преобладала среди арийских народов. Применение ее терминов к категориям лиц, чьи отношения теперь будут дискриминированы друг от друга, заставило бы отказаться от них. Невозможно объяснить обедненное состояние первоначальной номенклатуры арийской системы иначе, как с помощью этой гипотезы. Все, что было в ней общего для нескольких арийских диалектов, это термины для отца и матери, брата и сестры, сына и дочери; и общий термин (сан., *naptar*; лат., *peros*; гр., *ἀνεψιός*), применяемый без разбора к племяннику, внуку и двоюродному брату. С такой скудной номенклатурой кровнородственных связей они никогда не смогли бы достичь развитого состояния, подразумеваемого моногамией. Но с помощью предыдущей системы, аналогичной туранской, это обеднение можно объяснить. Термины для обозначения брата и сестры теперь были абстрактными и новыми творениями, поскольку эти отношения в туранской системе понимались универсально как старшие и младшие; и несколько терминов применялись к категориям лиц, включая лиц, не являющихся родными братьями и сестрами. В арийской системе это различие отброшено, и впервые эти

отношения были поняты абстрактно. При моногамии старые термины были неприменимы, так как применялись к залоговым лицам. Остатки предшествующей туранской системы, однако, все еще проявляются в системе уральской семьи, как и у венгров, где братья и сестры делятся на старших и младших с помощью специальных терминов. Во французском языке, помимо *frère* и *sœur*, мы также находим *ainé* - старший брат, *pûné* и *cadet* - младший брат, *ainée* и *cadette* - старшая и младшая сестра. В санскрите мы также находим *agrajar*, *amujar*, *agrajri*, *amujri* для тех же отношений; но происходят ли они из санскрита или из аборигенных источников, я не могу сказать. В арийских диалектах термины для обозначения брата и сестры - это те же самые слова, диалектически измененные, в греческом языке вместо φράτηρ появилось ὀδελφός. Если в этих диалектах когда-то существовали общие термины для обозначения старшего и младшего брата и сестры, то их прежнее применение к категориям людей сделало бы их неприменимыми, как исключительное различие, к собственным братьям и сестрам. Для выпадения из арийской системы этой поразительной и прекрасной черты туранского языка необходим сильный мотив, который объясняется предыдущим существованием и отказом от туранской системы. Трудно было бы найти какой-либо другой. Невозможно предположить, что арийские народы не имели в первоначальной речи термина для обозначения деда, отношения, признаваемого повсеместно среди диких и варварских племен; и все же в арийских диалектах нет общего термина для обозначения этого отношения. В санскрите мы имеем *pitameha*, в греческом πατήρ, в латинском *avus*, в русском *djed*, в валлийском *hendad*, который последний является соединением, как немецкий *grossvader* и английский *grandfather*. Эти термины радикально отличаются друг от друга. Но если в прежней системе термин применялся не только к самому деду, его братьям и нескольким двоюродным братьям, но и к братьям и нескольким двоюродным братьям его бабушки, то в условиях моногамии он не мог обозначать деда и прародителя по линии. Со временем произошел отказ от него. Отсутствие термина для обозначения этих отношений в оригинальной речи, кажется, находит таким образом достаточное объяснение. И наконец. В арийских диалектах нет абстрактного термина для дяди и тети, а также специальных терминов для дяди и тети со стороны отца и со стороны матери. Мы находим *pitroya*, πατήρς и *patruus* для дяди по отцовской линии в санскрите, греческом и латыни; *stryc* в славянском для того же самого, и общий термин, *eam*, *oom* и *oheim* в англосаксонском, бельгийском и германском, и ни одного в кельтском. Столь же нелепо, что в первоначальной арийской речи не было термина для обозначения дяди по материнской линии, отношения, которое так ярко выражено в *gens* у варварских племен. Если их предыдущая система была туранской, то в ней обязательно был термин для обозначения этого дяди, но ограниченный родными братьями матери и несколькими ее двоюродными братьями по мужской линии. Его применение к такому количеству лиц в одной категории, многие из которых не могли быть дядями в условиях моногамии, по указанным причинам заставило бы отказаться от него. Очевидно, что арийская система должна была уступить место какой-то предыдущей.

Если предположить, что народы арийской, семитской и уральской семей ранее обладали туранской системой кровосмешения, то переход от нее к описательной системе был прост и естественен, после того как старая система, благодаря моногамии, стала неверной для потомков в том виде, в каком они существовали бы в то время. Любые отношения при моногамии специфичны. Новая система, сформированная в таких обстоятельствах, будет описывать людей с помощью первичных терминов или их комбинации: как сын брата для племянника, брат отца для дяди и сын брата отца для двоюродного брата. Таков был оригинал нынешней системы арийских, семитских и уральских семей. Обобщения, которые они содержат сейчас, были введены позднее. Все племена, обладающие туранской системой, описывают своих родственников по одной и той же формуле, когда их спрашивают, в каком родстве находится один человек с другим. Описательная система,

подобная арийской, всегда существовала и у туранцев, и у малайцев, но не как система кровосмешения, поскольку у них была постоянная система, а как средство отслеживания родственных связей. Из бедности их номенклатур ясно, что арийские, семитские и уральские народы должны были отвергнуть какую-то предшествующую систему кровосмешения. Поэтому напрашивается вывод, что, когда моногамическая семья стала общепринятой, эти народы вернулись к старой описательной форме, всегда использовавшейся в туранской системе, и позволили предыдущей вымереть как бесполезной и неправдивой для потомков. Это был бы естественный и очевидный способ перехода от туранской системы к арийской; и он удовлетворительно объясняет как происхождение, так и особый характер последней.

Для того чтобы завершить изложение моногамной семьи в ее отношениях к арийской системе кровосмешения, необходимо представить эту систему несколько подробнее, как это было сделано в двух предыдущих случаях.

Сравнение его форм в нескольких арийских диалектах показывает, что первоначальный вариант данной системы был чисто описательным.⁴⁹⁰ Эрсе, который является типично арийской формой, и эстонский, который является типично уральским, по-прежнему являются описательными. В эрсе единственными терминами для обозначения кровных отношений являются первичные, а именно: термины для отца и матери, брата и сестры, сына и дочери. Все остальные родственники описываются с помощью этих терминов, но в обратном порядке: брат, сын брата и сын сына брата. Арийская система отображает фактические отношения в рамках моногамии и предполагает, что отцовство детей известно.

Со временем на новую систему был наложен метод описания, существенно отличающийся от кельтского, но не изменивший ее коренных черт. Он был введен римскими гражданскими лицами, чтобы усовершенствовать рамки кодекса происхождения, необходимости которого мы обязаны своим существованием. Их усовершенствованный метод был принят несколькими арийскими народами, на которые распространилось римское влияние. Славянская система имеет некоторые особенности, совершенно особые и явно туранского происхождения.⁴⁹¹ Чтобы получить историческое представление о нашей современной системе, необходимо обратиться к римской, усовершенствованной мирными жителями.⁴⁹² Дополнения были незначительными, но они изменили метод описания родственных связей. В основном, как уже говорилось, они заключались в различении отношений дяди и тети со стороны отца и со стороны матери с изобретением терминов для конкретного выражения этих отношений, а также в создании термина для деда, который должен был использоваться в качестве коррелята *peros*. С помощью этих терминов и первичных, в сочетании с подходящими дополнениями, они смогли систематизировать отношения в линейной и первых пяти боковых линиях, которые включали в себя совокупность родственных связей каждого человека. Римская система - самая совершенная и научная система кровосмешения при моногамии, которая когда-либо появлялась; она стала еще более привлекательной благодаря изобретению необычного количества терминов для выражения брачных отношений. Из нее мы можем почерпнуть нашу собственную систему, которая переняла ее усовершенствования, лучше, чем из англосаксонской или кельтской. В таблице, приведенной в конце этой главы, латинская и арабская формы размещены рядом, как представители, соответственно, арийской и семитской систем. Арабский язык, по-видимому, прошел через процессы, сходные с римским, и с аналогичными результатами. Только римская будет объяснена.

От *Эго* до *тритауса*, в линейной линии, шесть поколений восходящих, и от того же до *тринепоса* столько же потомков, в описании которых используются четыре радикальных термина. Если бы было желательно подняться выше шестого предка, то *тритаус* стал бы

новой отправной точкой описания; таким образом, *тритави патер*, отец *тритавуса*, и так вверх до *тритави тритавуса*, который является двенадцатым предком *Эго* по прямой правой линии, мужского пола. В нашей грубой номенклатуре фразу "дедушка дедушки" нужно повторить шесть раз, чтобы выразить одно и то же отношение, или, скорее, чтобы описать одного и того же человека. Подобным образом *тринепотис тринепос* переносит нас к двенадцатому потомку *Эго* по правой мужской линии.

Первая боковая линия, мужская, которая начинается с брата, *frater*, выглядит следующим образом: *Fratris filius*, сын брата, *fratris nepos*, внук брата, *fratris pronepos*, правнук брата, и далее до *fratris trinepos*, правнука праправнука брата *Эго*. Если бы потребовалось продлить описание до двенадцатого потомка, то *fratris trinepos* стал бы второй отправной точкой, от которой мы должны были бы получить *fratris trinepotis trinepos*, как конец серии. Таким простым способом *frater* становится корнем происхождения в этой линии, и каждый человек, принадлежащий к ней, отсылается к нему силой этого термина в описании; и мы сразу знаем, что каждый описанный таким образом человек принадлежит к первой побочной линии, мужской. Таким образом, описание является конкретным и полным. Подобным образом та же линия, женская, начинается с сестры, *soror*, давая ряд: *sororis filia*, дочь сестры, *sororis neptis*, внучка сестры, *sororis proneptis*, правнучка сестры, и далее к *sororis trineptis*, ее шестому потомку, и к *sororis trineptis trineptis*, ее двенадцатому потомку. Хотя обе ветви первой побочной линии берут свое начало, строго говоря, в отце, *pater*, что является общей связью между ними, однако, делая брата и сестру корнем происхождения в описании, не только линия, но и две ее ветви сохраняют четкость, а отношения каждого человека с *Эго* специализируются. Это одно из главных достоинств системы, поскольку она применяется во всех линиях как чисто научный метод различения и описания родственных связей.

Вторая боковая линия, мужская, со стороны отца, начинается с брата отца, *patruus*, и состоит из него и его потомков. Каждый человек, по терминам, используемым для его описания, с полной точностью относится к своему месту в линии, и его родство указывается конкретно; так, *patrui filius*, сын дяди по отцовской линии, *patrui nepos*, внук, и *patrui pronepos*, правнук дяди по отцовской линии, и далее до *patrui trinepos*, шестого потомка *patruus*. Если бы возникла необходимость продлить эту линию до двенадцатого поколения, то, пройдя через промежуточные степени, мы получили бы *patrui trinepotis trinepos*, который является правнуком правнука *patrui trinepos*, праправнука праправнука *patruus*. Следует заметить, что термин "двоюродный брат" отвергается в формальном методе, используемом в "Пандектах". Он описывается как *patrui filius*, но его также называли братом *patruus*, *frater patruelis*, а в народе - общим термином *consobrinus*, от которого происходит наш термин "двоюродный брат".⁴⁹³ Вторая боковая линия, женская, по отцовской линии, начинается с сестры отца, *Амиты*, тети по отцовской линии; ее потомки описываются по тому же общему плану; так, *amitæ filia*, дочь тети по отцовской линии, *amitæ neptis*, внучка тети по отцовской линии, и далее *amitæ trineptis*, и - *amitæ trineptis trineptis*. В этой ветви рода специальный термин для обозначения кузины, *amitina*, также отложен для описательной фразы *amitæ filia*.

Таким же образом третья боковая линия, мужская, по отцовской линии начинается с брата деда, который называется *patruus magnus*, или великий дядя по отцовской линии. На этом этапе номенклатуры специальные термины не работают, и приходится прибегать к соединениям, хотя сами отношения носят конкретный характер. Очевидно, что эти отношения не различались до сравнительно современного периода. Ни в одном из языков, насколько удалось выяснить, нет оригинального термина для обозначения этого отношения,

хотя без него эту линию нельзя описать иначе, как кельтским методом. Если бы его называли просто *братом деда*, фраза описывала бы человека, оставляя отношения в подтексте; но если его называют двоюродным дедом, это выражает отношения в конкретном виде. Когда первый человек в этой ветви линии определен, все его потомки отсылают к нему, по форме описания, как к корню происхождения; и линия, сторона, конкретная ветвь и степень родства каждого человека сразу же полностью выражены. Эта линия также может быть продолжена до двенадцатого потомка, что даст ряд *patrui magni filius*, сын двоюродного деда по отцовской линии, *patrui magni nepos*, далее *patrui magni trinepos*, и заканчивая *patrui magni trinepotis trinepos*. Та же линия, женская, начинается с сестры деда, *Амумы Магна*, великой тетки по отцовской линии; ее потомки описаны аналогичным образом.

Четвертая и пятая боковые линии по мужской линии со стороны отца начинаются, соответственно, с брата прадеда, который называется *patruus major*, большой дядя по отцовской линии, и с брата прапрадеда, *patruus maximus*, большой дядя по отцовской линии. Продолжая ряд, мы имеем в четвертом *patrui majoris filius*, и далее *patrui majoris trinepos*; и в пятом *patrui maximi filius*, и далее *patrui maximi trinepos*. Женские ветви начинаются, соответственно, с *amita major*, большей, и *amita maxima*, самой большой тети по отцовской линии; описание лиц в каждой из них следует в том же порядке.

До сих пор речь шла только об отцовской линии. Теперь очевидна необходимость в независимых терминах для обозначения дяди и тети по материнской линии, чтобы завершить римский метод описания; родственники по материнской линии столь же многочисленны и совершенно различны. Эти термины были найдены в *avunculus*, дядя по материнской линии, и *matertera*, тетя по материнской линии. При описании родственников по материнской линии женская линия заменяется мужской, но первая боковая линия остается прежней. В второй боковой линии, мужской, по материнской линии, мы имеем для серии *avunculus*, дядя по материнской линии, *avunculi filius*, *avunculi nepos*, и далее до *avunculi trinepos*, и заканчивая *avunculi trinepotis trinepos*. В женской ветви - *matertera*, тетя по материнской линии, *matertera filia*, и далее как раньше. Третья боковая линия, мужская и женская, начинается, соответственно, с *avunculus magnus* и *matertera magna*, больших дяди и тети по материнской линии; четвертая - с *avunculus major* и *matertera major*, больших дяди и тети по материнской линии; пятая - с *avunculus maximus* и *matertera maxima*, больших дяди и тети по материнской линии. Описания лиц в каждой линии и ветви имеют форму, соответствующую ранее приведенным.

Поскольку первые пять боковых линий охватывают настолько широкий круг родственников, насколько это было необходимо для практических целей кодекса нисхождения, обычная формула римских граждан не выходила за пределы этого числа.

В терминах, обозначающих брачные отношения, латинский язык удивительно богат, в то время как наш родной английский выдает свою бедность использованием таких неприличных фраз, как *тесть*, *зять*, *шурин*, *отчим* и *пасынок*, для выражения около двадцати очень распространенных и очень близких отношений, почти все из которых снабжены специальными терминами в латинской номенклатуре.

Нет необходимости подробно останавливаться на римской системе кровосмешения. Основные и наиболее важные ее черты уже представлены, причем в достаточно специальной манере, чтобы сделать все понятным. По простоте метода, красоте описания, четкости расположения линий и ветвей и красоте номенклатуры она не имеет себе равных. По своему методу она стоит во главе всех систем отношений, когда-либо усовершенствованных человеком, и служит одной из многих иллюстраций того, что все, чему

римский разум имел возможность придать органическую форму, он раз и навсегда поставил на прочный фундамент.

Мы не касались деталей арабской системы; но, поскольку в таблице приведены две формы, объяснение, сделанное для одной, будет достаточно и для другой, к которой оно в равной степени применимо.

С его дополнительными специальными терминами и усовершенствованным методом, предполагается, что родственные связи (*consanguinei*) возникают в силу их происхождения через супружеские пары от общих предков. Они объединяются в одну линию и несколько боковых линий, причем последние постоянно расходятся с первыми. Это необходимые последствия моногамии. Отношение каждого человека к центральному *Эго* точно определено и, за исключением тех, кто находится в идентичных отношениях, отличается от каждого другого с помощью специального термина или описательной фразы. Это также подразумевает уверенность в родительском происхождении каждого индивида, которую могла бы обеспечить только моногамия. Более того, она описывает отношения в моногамной семье так, как они существуют на самом деле. Ничто не может быть проще, чем то, что эта форма брака создала эту форму семьи, а последняя - эту систему кровосмешения. Все эти три составляющие являются необходимыми частями одного целого, где описательная система является исключительной. То, что, как мы знаем из непосредственного наблюдения, верно в отношении моногамной семьи, ее закона брака и ее системы кровосмешения, как было показано, в равной степени верно в отношении пуналуанской семьи, ее закона брака и ее системы кровосмешения; и не менее верно в отношении консангианской семьи, ее формы брака и ее системы кровосмешения. Если дана любая из этих трех частей, то можно с уверенностью предположить существование двух других вместе с ней в определенное время. Если бы можно было сделать какие-либо выводы в пользу большей материальности одной из трех частей, предпочтение было бы отдано системам кровосмешения. Они выкристаллизовали доказательства брачного права и формы семьи в отношениях каждого отдельного человека; таким образом, сохраняется не только высочайшее доказательство факта, но и столько же согласующихся с ним заявлений, сколько членов, объединенных узами кровосмешения. Это служит проверкой высокого ранга отечественного института, который, надо полагать, не способен на умысел извратить истину, и которому, поэтому, можно безоговорочно доверять во всем, чему он обязательно учит. Наконец, именно в отношении систем кровосмешения наша информация наиболее полна.

Пять последовательных форм семьи, упомянутых в самом начале, теперь представлены и объяснены, с такими доказательствами их существования и такими деталями их структуры, какие мы имеем на сегодняшний день. Хотя рассмотрение каждой из них было общим, оно затронуло основные факты и признаки, а также установило главное положение, согласно которому семья началась с кровосмешения и через последовательные стадии развития переросла в моногамию. В этом общем выводе нет ничего такого, что нельзя было бы предвидеть из *априорных* соображений; но трудности и препятствия, мешавшие ее развитию, как видно, были гораздо серьезнее, чем можно было предположить. Развиваясь вместе с веками, она разделила все превратности человеческого опыта, и теперь более выразительно, возможно, чем любой другой институт, показывает градуированную шкалу человеческого прогресса от бездны первобытной дикости, через варварство к цивилизации. Он приближает нас к повседневной жизни человеческой семьи в различные эпохи ее прогрессивного развития, указывая в определенной степени на ее трудности, борьбу, а также победы, когда различные периоды противопоставляются друг другу. Мы должны

ценить великий институт семьи в том виде, в каком он существует сейчас, в определенной пропорции к затратам времени и интеллекта на его создание; и принимать его как богатейшее наследие, переданное нам древним обществом, поскольку он воплощает и фиксирует высшие результаты его разнообразного и длительного опыта.

Когда признается тот факт, что семья прошла через четыре последовательные формы и сейчас находится в пятой, сразу же возникает вопрос, может ли эта форма быть постоянной в будущем. Единственный ответ, который можно дать, заключается в том, что она должна развиваться по мере развития общества и меняться по мере его изменения, как это происходило и в прошлом. Она является порождением социальной системы и будет отражать ее культуру. Поскольку моногамная семья значительно улучшилась со времен становления цивилизации, а в современную эпоху - очень заметно, можно, по крайней мере, предположить, что она способна совершенствоваться и дальше, пока не будет достигнуто равенство полов. Если моногамная семья в отдаленном будущем не сможет отвечать требованиям общества, предполагая непрерывный прогресс цивилизации, невозможно предсказать характер ее преемника.

Римская и арабская системы отношений.

Примечание переводчика: Сокращения: фа=отец, мо=мать, ГФ=дед, ГМ=бабушка, ГД=внучка, ГС=внук, бро=брат, ст=сестра, гт=прадед, доу=дочь. Конец примечания транскриптора.

Description of Persons.	Relationship in Latin.	Translation	Relationship in Arabic.	Translation
1	gt-GF's gt-GF	tritavus	gt-GF's gt-GF jidd jidd jiddi	GF of GF of GF my
2	<i>g</i> " <i>t</i> <i>G</i> " 's GF	atavu	<i>gt-GF's</i> GF jidd jidd abi	<i>G</i> " <i>i</i> <i>o</i> " <i>f</i> <i>i</i> " <i>F</i> <i>o</i> " <i>f</i> fa my
3	<i>g</i> " <i>t</i> <i>G</i> "	abavus	gt-gt-GF jidd jiddi	<i>G</i> " <i>i</i> <i>o</i> "

4	's				<i>f</i>
	fa				GF my
	<i>g</i>	abavia	<i>gt-gt-</i>	sitt sitt	GM of GM my
	"		GM		
	<i>t</i>				
5	<i>G</i>				
	"				
	's				
	mo				
	gt-GF	proavus	gt-GF	jidd abi	GF of fa my
6	<i>g</i>	proavia	<i>gt-</i>	sitt abi	GM
	"		GM		<i>i</i>
	<i>t</i>				"
	GM				<i>f</i>
					<i>i</i>
7					"
					<i>a</i>
					<i>i</i>
					"
					<i>y</i>
8	GF	avus	GF	jidd	GF my
	GM	avia	GM	sitti	GM
					<i>i</i>
					"
					<i>y</i>
9	fa	pater	fa	abi	fa my
	mo	mater	mo	ummi	mo
					<i>i</i>
					"
					<i>y</i>
11	son	filius	son	ibni	son
					<i>i</i>
					"
					<i>y</i>
					dau
12	dau	filia	dau	ibneti b, binti	<i>i</i>
					"
					<i>y</i>
					son of son my
					dau of son my
13	GS	nepos	GS	ibn ibni	son of son of
	GD	neptis	GD	ibnet ibni	son my
	gt-GS	pronepos	gt-GS	ibn ibn ibni	son of son of
					son my
					dau of dau of
14	<i>g</i>	proneptis	<i>g</i>	bint bint binti	
15					
16					

	"		"		dau my
	<i>t</i>		<i>t</i>		
	GM		GD		
17	gt-GS's son	abnepos	<i>g</i>	ibn ibn ibn ibni	son of son of
			"		son of son my
			<i>t</i>		
			gt-GS		
18	<i>g</i>	abneptis	<i>g</i>	bint bint bint	dau of dau of
	"		"	binti	dau of dau my
	<i>t</i>		<i>t</i>		
	<i>G</i>		<i>g</i>		
	"		"		
	<i>S</i>		<i>t</i>		
	dau		GD		
19	<i>g</i>	atnepos	gt-GS's GS	ibn ibn ibn ibn	son of son of
	"			ibni	son of son of
	<i>t</i>				son my
	<i>G</i>				
	"				
	<i>S</i>				
	GS				
20	<i>g</i>	atneptis	<i>g</i>	bint bint bint b	dau of dau of
	"		"	int binti	dau of dau of
	<i>t</i>		<i>t</i>		dau my
	<i>G</i>		<i>G</i>		
	"		"		
	<i>S</i>		<i>S</i>		
	GD		GD		
21	<i>g</i>	trinepos	<i>g</i>	ibn ibn ibn ibn	son of son of s
	"		"	ibn ibni	on of son of so
	<i>t</i>		<i>t</i>		n of son my
	<i>G</i>		<i>G</i>		
	"		"		
	<i>S</i>		<i>S</i>		
	gt-GS		gt-GS		
22	<i>g</i>	trinepos	<i>g</i>	ibn ibn ibn ibn	dau of dau of
	"		"	ibn ibni	dau of dau of
	<i>t</i>		<i>t</i>		dau of dau my
	<i>G</i>		<i>G</i>		
	"		"		
	<i>S</i>		<i>S</i>		
	<i>g</i>		<i>g</i>		
	"		"		

	<i>t</i> GD		<i>t</i> GD		
23	bro	fratres	bro	ahwati	bro my
24	strs	sorores	strs	ahwati	strs
					<i>m</i> "
					<i>y</i> bro
25	bro	frater	bro	akhi	<i>m</i> "
					<i>y</i>
	(First Collateral Line)				
26	bro's son	fratris filius	son of bro	ibn akhi	son of bro my
27	<i>br</i> "	fratris filii uxor	wife of son of bro	amrat ibn akhi	wife of son of bro my
	<i>os</i> son's wife				
28	<i>br</i> "	fratris filia	dau of bro	bint akhi	dau of bro my
	<i>os</i> dau				
29	<i>br</i> "	fratris filiae vir	husb of dau of bro	zøj bint akhi	husb of dau of bro my
	<i>os</i> dau's husb				
30	<i>br</i> "	fratris nepos	GS of bro	ibn ibn akhi	son of son of bro my
	<i>os</i> GS				
31	<i>br</i> "	<i>fra</i> "	GD "	<i>i</i> "	bint ibn akhi dau of son of bro my
	<i>os</i> GD	<i>tris</i> neptis		<i>f b</i> "	
32	<i>br</i> "	<i>fra</i> "	gt-GS "	<i>i</i> "	ibn ibn ibn akhi son of son of son of bro my
	<i>os</i> gt-GS	<i>tris</i> pronepos		<i>f b</i> "	
33	<i>br</i> "	fratris proneptis	gt-GD "	<i>i</i> "	bint bint bint akhi dau of dau of dau of bro my
	<i>os</i> <i>g</i> "			<i>f b</i> "	

t

GD

34	str	soror	str	akhti	str my
35	str's son	sororis filius	son of str	ibn akhti	son of str my
36	<i>st</i> " <i>r's</i> son's wife	sororis filii uxo r	wife of son of str	amrât ibn akhti	wife of son of str my
37	<i>st</i> " <i>r's</i> son's dau	<i>sor</i> " <i>oris</i> filia	dau of str	bint akhti	dau of str my
38	<i>st</i> " <i>r's</i> dau's husb	<i>sor</i> " <i>oris</i> filiae vir	husb of dau of str	zøj bint akhti	husb of dau of str my
39	<i>st</i> " <i>r's</i> GS	<i>sor</i> " <i>oris</i> nepos	str's GS	ibn akhti	son of str my
40	<i>st</i> " <i>r's</i> GD	<i>sor</i> " <i>oris</i> neptis	<i>st</i> " <i>r's</i> GD	bint akhti	dau of str my
41	<i>st</i> " <i>r's</i> gt-GS	<i>sor</i> " <i>oris</i> pronepos	<i>st</i> " <i>r's</i> gt-GS	ibn ibn akhti	son of son of str my
42	<i>st</i> " <i>r's</i> gt-GD (Second Colla teral Line)	<i>sororis</i> proneptis	<i>st</i> " <i>r's</i> GD	bint bint akhti	dau of dau of str my
43	fa's bro	patruus	pat uncle	ammi	pat uncle my
44	<i>fa</i> " <i>s</i> bro's wife	patrui uxor	wife of pat uncle	amrât ammi	wife of pat uncle my
45	<i>fa</i> " <i>s</i>	<i>pat</i> " <i>rui</i>	son of <i>p</i> " <i>t</i>	ibn ammi	son of <i>p</i> " <i>t</i>

	<i>bro</i> "	<i>filius</i>		<i>un</i> "			<i>un</i> "
	<i>s</i> son			<i>cle</i>			<i>cle</i> <i>m</i> "
46	<i>fa</i> "	<i>pat</i> "	wife of son of	<i>p</i> "	amrâtibn ammi	wife of son of	<i>y</i> <i>p</i> "
	<i>s</i> <i>bro</i> "	<i>rui</i> filii uxor		<i>t</i> <i>un</i> "			<i>t</i> <i>un</i> "
	<i>s</i> son's wife			<i>cle</i>			<i>cle</i> <i>m</i> "
47	<i>fa</i> "	<i>pat</i> "	dau of	<i>p</i> "	bint ammi	dau of of	<i>y</i> <i>p</i> "
	<i>s</i> <i>bro</i> "	<i>rui</i> filia		<i>t</i> <i>un</i> "			<i>t</i> <i>un</i> "
	<i>s</i> dau			<i>cle</i>			<i>cle</i> <i>m</i> "
48	<i>fa</i> "	<i>pat</i> "	husb of dau of	<i>p</i> "	zôj bint ammi	husb of dau of	<i>y</i> <i>p</i> "
	<i>s</i> <i>bro</i> "	<i>rui</i> filiae vir		<i>t</i> <i>un</i> "			<i>t</i> <i>un</i> "
	<i>s</i> dau's husb			<i>cle</i>			<i>cle</i> <i>m</i> "
49	<i>fa</i> "	<i>pat</i> "	GS of of	<i>p</i> "	ibn bint ammi	son of son of	<i>y</i> <i>p</i> "
	<i>s</i> <i>bro</i> "	<i>rui</i> nepos		<i>t</i> <i>un</i> "			<i>t</i> <i>un</i> "
	<i>s</i> GS			<i>cle</i>			<i>cle</i> <i>m</i> "
50	<i>fa</i>	<i>pat</i>	GD of	<i>p</i>	bint bint	dau of	<i>y</i> <i>p</i>

	"	"		"	ammi	dau of	"
	s	<i>rui</i>		<i>t</i>			<i>t</i>
	bro	neptis		<i>un</i>			<i>un</i>
	"			"			"
	s			<i>cle</i>			<i>cle</i>
	GD						<i>m</i>
							"
							<i>y</i>
51	<i>fa</i>	<i>pat</i>	gt-GS of	<i>p</i>	ibn ibn ibn	son of son	<i>p</i>
	"	"		"	ammi	of son of	"
	s	<i>rui</i>		<i>t</i>			<i>t</i>
	bro	pronepos		<i>un</i>			<i>un</i>
	"			"			"
	s			<i>cle</i>			<i>cle</i>
	gt-GS						<i>m</i>
							"
							<i>y</i>
52	<i>fa</i>	<i>pat</i>	gt-GD of	<i>p</i>	bint bint	dau of	<i>p</i>
	"	"		"	bint ammi	dau of	"
	s	<i>rui</i>		<i>t</i>		dau of	<i>t</i>
	bro	proneptis		<i>un</i>			<i>un</i>
	"			"			"
	s			<i>cle</i>			<i>cle</i>
	gt-GD						<i>m</i>
							"
							<i>y</i>
53		fa's str	amita	pat aunt	ammeti		pat aunt my
54	<i>fa</i>	amitae vir	husb of	pat aunt	arât	husb of	pat aunt
	"				ammeti		my
	s						
	str's husb						
55	<i>fa</i>	<i>ami</i>	son of	<i>p</i>	ibn	son of	<i>p</i>
	"	"		"	ammeti		"
	s	<i>tae</i>		<i>t</i>			<i>t</i>
	st	filius		<i>au</i>			<i>au</i>
	"			"			"
	<i>r's</i>			<i>nt</i>			<i>nt</i>
	son						<i>m</i>
							"
							<i>y</i>
56	<i>fa</i>	<i>ami</i>	wife of so	<i>p</i>	amrât ibn	wife of	<i>p</i>
	"	"	n of	"	ammeti	son of	"
	s	<i>tae</i>		<i>t</i>			<i>t</i>

	<i>st</i> "	<i>fili</i> <i>uxor</i>		<i>au</i> "			<i>au</i> "
	<i>r's</i> son's wife			<i>nt</i>			<i>nt</i> <i>m</i> "
57	<i>fa</i> "	<i>ami</i> "	dau of	<i>p</i> "	bint ammeti	dau of	<i>y</i> <i>p</i> "
	<i>s</i> <i>st</i> "	<i>tæ</i> filia		<i>t</i> <i>au</i> "			<i>t</i> <i>au</i> "
	<i>r's</i> dau			<i>nt</i>			<i>nt</i> <i>m</i> "
58	<i>fa</i> "	<i>ami</i> "	husb of da u of	<i>p</i> "	zôj bint ammeti	husb of dau of	<i>y</i> <i>p</i> "
	<i>s</i> <i>st</i> "	<i>tæ</i> filiae vir		<i>t</i> <i>au</i> "			<i>t</i> <i>au</i> "
	<i>r's</i> dau's husb			<i>nt</i>			<i>nt</i> <i>m</i> "
59	<i>fa</i> "	<i>ami</i> "	GS of	<i>p</i> "	ibn ibn ammeti	GS of	<i>y</i> <i>p</i> "
	<i>s</i> <i>st</i> "	<i>tæ</i> nepos		<i>t</i> <i>au</i> "			<i>t</i> <i>au</i> "
	<i>r's</i> GS			<i>nt</i>			<i>nt</i> <i>m</i> "
60	<i>fa</i> "	<i>ami</i> "	GD of	<i>p</i> "	bint bint ammeti	dau of dau of	<i>y</i> <i>p</i> "
	<i>s</i> <i>st</i> "	<i>tæ</i> neptis		<i>t</i> <i>au</i> "			<i>t</i> <i>au</i> "
	<i>r's</i> GD			<i>nt</i>			<i>nt</i> <i>m</i> "
61	<i>fa</i>	<i>ami</i>	gt-GS of	<i>p</i>	ibn ibn ibn	son of son	<i>y</i> <i>p</i>

	"	"		"	ammeti	of son of	"
	s	tae		t			t
	st	pronepos		au			au
	"			"			"
	r's			nt			nt
	gt-GS						m
							"
							y
62	fa	ami	gt-	p	bint bint	dau of	p
	"	"	GD of	"	bint	dau of	"
	s	tae		t	ammeti	dau of	t
	st	proneptis		au			au
	"			"			"
	r's			nt			nt
	gt-GD						m
							"
							y
63		mo's bro	avunculus	mat uncle	khâli		mat uncle my
64	mo	avunculi	wife of	mat uncle	amrat	wife of	mat uncle
	"	uxor			khâli		my
	's						
	bro's wife						
65	mo	avu	son of	m	ibn khâli	son of	m
	"	"		"			"
	's	nculi		at			at
	br	filius		un			un
	"			"			"
	o's			cle			cl
	son						m
							"
							y
66	mo	avu	wife of	m	amrat ibn	wife of	m
	"	"	son of	"	khâli	son of	"
	's	nculi		at			at
	br	fili uxor		un			un
	"			"			"
	o's			cle			cl
	son's wife						m
							"
							y
67	mo	avu	dau of	m	bint khâli	dau of	m
	"	"		"			"
	's	nculi		at			at

	<i>br</i> "	<i>filia</i>		<i>un</i> "			<i>un</i> "
	<i>o's</i> <i>dau</i>			<i>cle</i>			<i>cl</i> <i>m</i> "
68	<i>mo</i> "	<i>avu</i> "	husb of dau of	<i>m</i> "	<i>zôj bint</i> <i>khâli</i>	husb of dau of	<i>y</i> <i>m</i> "
	's <i>br</i> "	<i>nculi</i> <i>filiae vir</i>		<i>at</i> <i>un</i> "			<i>at</i> <i>un</i> "
	<i>o's</i> dau's husb			<i>cle</i>			<i>cl</i> <i>m</i> "
69	<i>mo</i> "	<i>avu</i> "	GS of	<i>m</i> "	<i>ibn ibn</i> <i>khâli</i>	son of son of	<i>y</i> <i>m</i> "
	's <i>br</i> "	<i>nculi</i> <i>nepos</i>		<i>at</i> <i>un</i> "			<i>at</i> <i>un</i> "
	<i>o's</i> GS			<i>cle</i>			<i>cl</i> <i>m</i> "
70	<i>mo</i> "	<i>avu</i> "	GD of	<i>m</i> "	<i>bint bint</i> <i>khâli</i>	dau of dau of	<i>y</i> <i>m</i> "
	's <i>br</i> "	<i>nculi</i> <i>neptis</i>		<i>at</i> <i>un</i> "			<i>at</i> <i>un</i> "
	<i>o's</i> GD			<i>cle</i>			<i>cl</i> <i>m</i> "
71	<i>mo</i> "	<i>avu</i> "	gt-GS of	<i>m</i> "	<i>ibn ibn ibn</i> <i>khâli</i>	son of son of son of	<i>y</i> <i>m</i> "
	's <i>br</i> "	<i>nculi</i> <i>pronepos</i>		<i>at</i> <i>un</i> "			<i>at</i> <i>un</i> "
	<i>o's</i> gt-GS			<i>cle</i>			<i>cl</i> <i>m</i> "
72	<i>mo</i>	<i>avu</i>	gt-GD of	<i>m</i>	<i>bint bint</i>	dau of dau of	<i>y</i> <i>m</i>

	"	"		"	bint khâli	dau of	"
	's	<i>nculi</i>		<i>at</i>			<i>at</i>
	<i>br</i>	proneptis		<i>un</i>			<i>un</i>
	"			"			"
	o's			<i>cle</i>			<i>cl</i>
	gt-GD						<i>m</i>
							"
							<i>y</i>
73	mo's str	matertera		mat aunt	khâleti		mat aunt my
74	<i>mo</i>	matertera	husb of	mat aunt	zôj khâleti	husb of	mat aunt
	"	e vir					my
	<i>s</i>						
	str's husb						
75	<i>mo</i>	<i>mater</i>	son of	<i>m</i>	ibn khâleti	son of	<i>m</i>
	"	"		"			"
	<i>s</i>	<i>terae</i>		<i>at</i>			<i>at</i>
	<i>st</i>	filius		<i>a</i>			<i>a</i>
	"			"			"
	<i>r's</i>			<i>nt</i>			<i>nt</i>
	son						<i>m</i>
							"
							<i>y</i>
76	<i>mo</i>	<i>mater</i>	wife of	<i>m</i>	amrât ibn	wife of	<i>m</i>
	"	"	son of	"	khâleti	son of	"
	<i>s</i>	<i>terae</i>		<i>at</i>			<i>at</i>
	<i>st</i>	fili ux		<i>a</i>			<i>a</i>
	"			"			"
	<i>r's</i>			<i>nt</i>			<i>nt</i>
	son's wife						<i>m</i>
							"
							<i>y</i>
77	<i>mo</i>	<i>mater</i>	dau of	<i>m</i>	bint	dau of	<i>m</i>
	"	"		"	khâleti		"
	<i>s</i>	<i>terae</i>		<i>at</i>			<i>at</i>
	<i>st</i>	filia		<i>a</i>			<i>a</i>
	"			"			"
	<i>r's</i>			<i>nt</i>			<i>nt</i>
	dau						<i>m</i>
							"
							<i>y</i>
78	<i>mo</i>	<i>mater</i>	husb of	<i>m</i>	zôj bint	husb of	<i>m</i>
	"	"	dau of	"	khâleti	dau of	"
	<i>s</i>	<i>terae</i>		<i>at</i>			<i>at</i>

	<i>st</i> "	<i>filiae vir</i>		<i>a</i> "			<i>a</i> "
	<i>r's</i> dau's husb			<i>nt</i>			<i>nt</i> <i>m</i> "
79	<i>mo</i> "	<i>mater</i> "	GS of	<i>m</i> "	ibn ibn khâleti	son of son of	<i>y</i> <i>m</i> "
	<i>s</i> <i>st</i> "	<i>terae</i> nepos		<i>at</i> <i>a</i> "			<i>at</i> <i>a</i> "
	<i>r's</i> GS			<i>nt</i>			<i>nt</i> <i>m</i> "
80	<i>mo</i> "	<i>mater</i> "	GD of	<i>m</i> "	bint bint khâleti	dau of dau of	<i>y</i> <i>m</i> "
	<i>s</i> <i>st</i> "	<i>terae</i> neptis		<i>at</i> <i>a</i> "			<i>at</i> <i>a</i> "
	<i>r's</i> GD			<i>nt</i>			<i>nt</i> <i>m</i> "
81	<i>mo</i> "	<i>mater</i> "	gt-GS of	<i>m</i> "	ibn ibn ibn khâleti	son of son of son of	<i>y</i> <i>m</i> "
	<i>s</i> <i>st</i> "	<i>terae</i> pronepos		<i>at</i> <i>a</i> "			<i>at</i> <i>a</i> "
	<i>r's</i> gt-GS			<i>nt</i>			<i>nt</i> <i>m</i> "
82	<i>mo</i> "	<i>mater</i> "	gt-GD of	<i>m</i> "	bint bint bint khâleti	dau of dau of dau of	<i>y</i> <i>m</i> "
	<i>s</i> <i>st</i> "	<i>terae</i> proneptis		<i>at</i> <i>a</i> "			<i>at</i> <i>a</i> "
	<i>r's</i> gt-GD			<i>nt</i>			<i>nt</i> <i>m</i> "
	(Third Collateral						<i>y</i>

Line).

83	fa's fa's bro		patruus magnus	gt pat uncle	amm äbi	pat uncle of fa my	
84	<i>fa</i> " <i>s</i> <i>fa</i> " <i>s</i> bro's son	patrui magni filius	son of	gt pat uncle	ibn ammi äbi	son of	pat uncle of fa my
85	<i>fa</i> " <i>s</i> <i>fa</i> " <i>s</i> <i>br</i> " o's GS	<i>pat</i> " <i>rui</i> <i>ma</i> " <i>gni</i> nepos	GS of	<i>g</i> " <i>tp</i> " <i>at</i> <i>u</i> " <i>cle</i>	ibn ibn ammi äbi	son of son of	<i>p</i> " <i>at</i> <i>un</i> " <i>cl</i> <i>o</i> " <i>f</i> <i>f</i> " <i>a</i> <i>i</i> " <i>y</i>
86	<i>fa</i> " <i>s</i> <i>fa</i> " <i>s</i> <i>br</i> " o's gt-GS	<i>pat</i> " <i>rui</i> <i>ma</i> " <i>gni</i> pronepos	gt-GS of	<i>g</i> " <i>tp</i> " <i>at</i> <i>u</i> " <i>cle</i>	ibn ibn ibn ammi äbi	son of son of son of	<i>p</i> " <i>at</i> <i>un</i> " <i>cl</i> <i>o</i> " <i>f</i> <i>f</i> " <i>a</i> <i>i</i> " <i>y</i>
87	<i>fa</i> " <i>s</i>	amita magna		gt pat aunt	ammet äbi	pat aunt of fa my	

	<i>fa</i> " s str						
88	<i>fa</i> " s <i>fa</i> " s str's dau	amitae magnae filia	dau of	gt pat aunt	bint ammet ăbi	dau of	pat aunt of fa my
89	<i>fa</i> " s <i>fa</i> " s st " <i>r's</i> GD	<i>ami</i> " <i>tæ</i> <i>ma</i> " <i>nae</i> neptis	GD of	<i>gt pat</i> <i>aunt</i>	bint bint ammet ăbi	dau of dau of	<i>p</i> " <i>at</i> <i>a</i> " <i>nt</i> <i>o</i> " <i>f</i> <i>f</i> " <i>a</i> <i>i</i> " <i>y</i>
90	<i>fa</i> " s <i>fa</i> " s st " <i>r's</i> gt-GD	<i>ami</i> " <i>tæ</i> <i>ma</i> " <i>nae</i> proneptis	gt-GD of	<i>g</i> " <i>t</i> <i>p</i> " <i>at</i> <i>u</i> " <i>nt</i>	bint bint b int ammet ăbi	dau of dau of dau of	<i>p</i> " <i>at</i> <i>a</i> " <i>nt</i> <i>o</i> " <i>f</i> <i>f</i> " <i>a</i> <i>i</i> " <i>y</i>
91		mo's mo's bro	avunculus magnus	gt mat uncle	khâl ŭmmi		mat uncle of mo my

92	<i>mo</i> " <i>s</i> <i>mo</i> " <i>s</i> bro's son	avunculi magni filius	son of	gt mat uncle	ibn khâl ũmmi	son of	mat uncle of mo my
93	<i>mo</i> " <i>s</i> <i>mo</i> " <i>s</i> <i>br</i> " <i>o's</i> GS	<i>avun</i> " <i>culima</i> " <i>gni</i> nepos	GS of	<i>g</i> " <i>tm</i> " <i>atn</i> "	ibn ibn khâl ũmmi	son of son of	<i>m</i> " <i>atun</i> " <i>clo</i> " <i>fm</i> " <i>m</i> " <i>y</i>
94	<i>mo</i> " <i>s</i> <i>mo</i> " <i>s</i> <i>br</i> " <i>o's</i> gt-GS	<i>avun</i> " <i>culima</i> " <i>gni</i> pronepos	gt-GS of	<i>g</i> " <i>tm</i> " <i>atn</i> "	ibn ibn ibn khâl ũmmi	son of son of son of	<i>m</i> " <i>atun</i> " <i>clo</i> " <i>fm</i> " <i>m</i> " <i>y</i>
95	<i>mo</i> " <i>s</i> <i>mo</i> " <i>s</i> str	matertera magna		gt mat aunt	khâlet ũmmi		mat aunt of mo my
96	<i>mo</i> " <i>s</i> <i>mo</i> " <i>s</i> str's dau	matertera e magnae filia	dau of	gt mat aunt	bint khâlet ũmmi	dau of	mat aunt of mo my

97	<i>mo</i> " <i>s</i> <i>mo</i> " <i>s</i> <i>st</i> " <i>r's</i> GD	<i>mater</i> " <i>teraema</i> " <i>nae</i> neptis	GD of	<i>g</i> " <i>tm</i> " <i>atn</i> "	bint bint khâlet ŭmmi	dau of dau of	<i>m</i> " <i>atu</i> " <i>nto</i> " <i>fm</i> " <i>m</i> " <i>y</i>
98	<i>mo</i> " <i>s</i> <i>mo</i> " <i>s</i> <i>st</i> " <i>r's</i> gt-GD (Fourth Collateral Line).	<i>mater</i> " <i>teraema</i> " <i>nae</i> proneptis	gt-GD of	<i>g</i> " <i>tm</i> " <i>atn</i> "	bint bint b int khâlet ŭmmi	dau of dau of dau of	<i>m</i> " <i>atu</i> " <i>nto</i> " <i>fm</i> " <i>m</i> " <i>y</i>
99		fa's fa's fa's bro	patruus major	pat gt-gt-uncle	amm jiddi	pat uncle of GF my	
100	<i>fa</i> " <i>sfa</i> " <i>sfa</i> " <i>s</i> bro's son	patrui majoris filius	son of	pat gt-gt- uncle	ibn amm jiddi	son of	pat uncle of GF my
101	<i>fa</i> " <i>sfa</i> " <i>sfa</i> " <i>s</i> <i>br</i>	<i>patrui</i> <i>majoris</i> nepos	GS of	<i>p</i> " <i>at</i> " <i>tg</i> " <i>tun</i> "	ibn ibn amm jiddi	son of son of	<i>p</i> " <i>at</i> <i>un</i> " <i>cl</i> <i>o</i> " <i>f</i>

	"						<i>f</i>
	<i>o's</i>						"
	GS						<i>a</i>
							<i>ii</i>
							"
							<i>y</i>
102	<i>fa</i>	<i>patrui</i>	gt-GS of	<i>p</i>	ibn ibn ibn	son of son	<i>p</i>
	"	<i>majoris</i>		"	amm jiddi	of son of	"
	<i>sfa</i>	pronepos		<i>at</i>			<i>at</i>
	"			"			<i>un</i>
	<i>sfa</i>			<i>tg</i>			"
	"			"			<i>cl</i>
	<i>s</i>			<i>tun</i>			<i>o</i>
	<i>br</i>			"			"
	"						<i>f</i>
	<i>o's</i>						<i>f</i>
	gt-GS						"
							<i>a</i>
							<i>ii</i>
							"
							<i>y</i>
103	<i>fa</i>		amita major	pat gt-gt aunt	ammet jiddi	pat aunt of GF	my
	"						
	<i>sfa</i>						
	"						
	<i>sfa</i>						
	"						
	<i>s</i>						
	str						
104	<i>fa</i>	amitae	dau of	pat gt-gt-	bint	dau of	pat aunt
	"	majoris		aunt	ammet		of GF my
	<i>sfa</i>	filia			jiddi		
	"						
	<i>sfa</i>						
	"						
	<i>s</i>						
	str's dau						
105	<i>fa</i>	<i>ami</i>	GD of	<i>p</i>	bint bint	dau of	<i>p</i>
	"	"		"	ammet	dau of	"
	<i>sfa</i>	<i>taemaj</i>		<i>at</i>	jiddi		<i>ata</i>
	"	"		"			"
	<i>sfa</i>	<i>oris</i>		<i>tg</i>			<i>no</i>
	"	neptis		"			"

	<i>s</i> str's GD			<i>tau</i> "			<i>fG</i> " <i>Fm</i> "
106	<i>fa</i> " <i>sfa</i> " <i>sfa</i> " <i>s</i> str's gt-GD	<i>ami</i> " <i>taemaj</i> " <i>oris</i> proneptis	gt-GD of	<i>p</i> " <i>at</i> " <i>tg</i> " <i>tau</i> "	bint bint b int ammet jiddi	dau of dau of dau of	<i>p</i> " <i>ata</i> " <i>no</i> " <i>fG</i> " <i>Fm</i> "
107		mo's mo's mo's bro	avunculus major	mat gt-gt uncle	khâl sitti		mat uncle of GM my
108	<i>m</i> " <i>smo</i> " <i>smo</i> " 'ss bro's son	avunculi majoris filius	son of	mat gt-gt uncle	ibn khâl sitti	son of	mat uncle of GM my
109	<i>m</i> " <i>smo</i> " <i>smo</i> " 'ssbr " o's GS	<i>avu</i> " <i>nculimaj</i> " <i>oris</i> nepos	GS of	<i>m</i> " <i>ag</i> " <i>tg</i> " <i>tun</i> " <i>cle</i>	ibn ibn khâl sitti	son of son of	<i>m</i> " <i>atu</i> " <i>cleo</i> " <i>fG</i> " <i>M</i> " <i>y</i>
110	<i>m</i> " <i>smo</i> " <i>smo</i> " 'ssbr "	<i>avu</i> " <i>nculimaj</i> " <i>oris</i> pronepos	gt-GS of	<i>m</i> " <i>ag</i> " <i>tg</i> " <i>tun</i> "	ibn ibn ibn khâl sitti	son of son of son of	<i>m</i> " <i>atu</i> " <i>cleo</i> " <i>fG</i> "

	<i>o's</i> gt-GS			<i>cle</i>			<i>M</i> " <i>y</i>
111	<i>m</i> " <i>smo</i> " <i>smo</i> " 'ss str	matertera major		mat gt-gt aunt	khâlet sitti		mat aunt of GM my
112	<i>m</i> " <i>smo</i> " <i>smo</i> " 'ss str's dau	matertera e majoris filia	dau of	mat gt-gt aunt	bint khâlet sitti	dau of	mat aunt of GM my
113	<i>m</i> " <i>smo</i> " <i>smo</i> " 'ss str's GD	<i>mater</i> " <i>teraemaj</i> " <i>oris</i> neptis	GD of	<i>mat gt-gt</i> <i>aunt</i>	bint bint khâlet sitti	dau of dau of	<i>m</i> " <i>atu</i> " <i>cleo</i> " <i>fG</i> " <i>M</i> " <i>y</i> <i>m</i> " <i>atu</i> " <i>cleo</i> " <i>fG</i> " <i>M</i> " <i>y</i>
114	<i>m</i> " <i>smo</i> " <i>smo</i> " 'ss str's gt- GD (Fifth Collateral Line).	<i>mater</i> " <i>teraemaj</i> " <i>oris</i> proneptis	gt-GD of	<i>mat gt-gt</i> <i>aunt</i>	bint bint bint khâlet sitti	dau of dau of dau of	<i>m</i> " <i>atu</i> " <i>cleo</i> " <i>fG</i> " <i>M</i> " <i>y</i>

115		fa's fa's fa's fa's bro	patruus maximus	pat gt-gt-uncle	amm jidd äbi	pat uncle of GF of fa my
116	<i>fa</i> " <i>sfa</i> " <i>sfa</i> " <i>sfa</i> " <i>s</i> bro's son	patrui maximi filius	son of	pat gt-gt- uncle	ibn amm jidd äbi	son of pat uncle of GF of fa my
117	<i>fa</i> " <i>sfa</i> " <i>sfa</i> " <i>sfa</i> " <i>s</i> GS	<i>pat</i> " <i>ruimax</i> " <i>imi</i> nepos	GS of	<i>p</i> " <i>at</i> " <i>tg</i> " <i>tun</i> " <i>cle</i>	ibn ibn amm jidd äbi	son of son of <i>p</i> " <i>atu</i> " <i>cleo</i> " <i>fG</i> " <i>F</i> " <i>of</i> " <i>m</i> "
118	<i>fa</i> " <i>sfa</i> " <i>sfa</i> " <i>sfa</i> " <i>s</i> gt-GS	<i>pat</i> " <i>ruimax</i> " <i>imi</i> pronepos	gt-GS of	<i>p</i> " <i>at</i> " <i>tg</i> " <i>tun</i> " <i>cle</i>	ibn ibn ibn amm jidd äbi	son of son of son of <i>p</i> " <i>atu</i> " <i>cleo</i> " <i>fG</i> " <i>F</i> " <i>of</i> " <i>m</i> "
119	<i>fa</i> " <i>sfa</i>		amita maxima	pat gt-gt-gt- aunt	ammet jidd äbi	pat aunt of GF of fa my

	"						
	<i>sfa</i>						
	"						
	<i>sfa</i>						
	"						
	<i>s</i>						
	str						
120	<i>fa</i>	amitae	dau of	pat gt-gt-	bint	dau of	pat aunt
	"	maximae		gt-aunt	ammet		of GF of fa
	<i>sfa</i>	filia			jidd äbi		my
	"						
	<i>sfa</i>						
	"						
	<i>sfa</i>						
	"						
	<i>s</i>						
	str's dau						
121	<i>fa</i>	<i>ami</i>	GD of	<i>p</i>	bint bint	dau of	<i>p</i>
	"	"		"	ammet	dau of	"
	<i>sfa</i>	<i>taemax</i>		<i>at</i>	jidd äbi		<i>ata</i>
	"	"		"			"
	<i>sfa</i>	<i>ima</i>		<i>tg</i>			<i>unt</i>
	"	neptis		"			"
	<i>sfa</i>			<i>tg</i>			<i>fG</i>
	"			"			"
	<i>s</i>			<i>tau</i>			<i>F</i>
	str's GD			"			"
				<i>nt</i>			<i>of</i>
							"
							<i>m</i>
							"
122	<i>fa</i>	<i>ami</i>	gt-GD of	<i>p</i>	bint bint	dau of da	<i>p</i>
	"	"		"	bint	u of dau of	"
	<i>sfa</i>	<i>taemax</i>		<i>at</i>	ammet		<i>ata</i>
	"	"		"	jidd äbi		"
	<i>sfa</i>	<i>ima</i>		<i>tg</i>			<i>unt</i>
	"	proneptis		"			"
	<i>sfa</i>			<i>tg</i>			<i>fG</i>
	"			"			"
	<i>s</i>			<i>tau</i>			<i>F</i>
	str's gt-			"			"
	GD			<i>nt</i>			<i>of</i>
							"

							<i>m</i> "
123		mo's mo's mo's mo's bro	avunculus maximus	mat gt-gt-gt- uncle	khâl sitt ũmmi	mat uncle of GM of mo my	
124	<i>mo</i> " <i>smo</i> " <i>smo</i> " <i>smo</i> " s bro's son	avunculi maximi filius	son of	mat gt-gt- gt-uncle	ibn khâl sitt ũmmi	son of mat uncle of GM of mo my	
125	<i>mo</i> " <i>smo</i> " <i>smo</i> " <i>smo</i> " s bro's GS	<i>avun</i> " <i>culima</i> " <i>xim</i> nepos	GS of	<i>m</i> " <i>at</i> " <i>tg</i> " <i>tg</i> " <i>tun</i> " <i>cle</i>	ibn ibn khâl sitt ũmmi	son of son of	<i>m</i> " <i>atn</i> " <i>cleo</i> " <i>fG</i> " <i>M</i> " <i>fo</i> " <i>om</i> " <i>y</i>
126	<i>mo</i> " <i>smo</i> " <i>smo</i> " <i>smo</i> " s bro's gt- GS	<i>avun</i> " <i>culima</i> " <i>xim</i> pronepos	gt-GS of	<i>m</i> " <i>at</i> " <i>tg</i> " <i>tg</i> " <i>tun</i> " <i>cle</i>	ibn ibn ibn khâl sitt ũmmi	son of son of son of	<i>m</i> " <i>atn</i> " <i>cleo</i> " <i>fG</i> " <i>M</i> " <i>fo</i> " <i>om</i> "

127	<i>mo</i> " <i>smo</i> " <i>smo</i> " <i>smo</i> " s str	matertera maxima		mat gt-gt-gt- aunt	khâlet sitt ũmmi	^y mat aunt of GM of mo my
128	<i>mo</i> " <i>smo</i> " <i>smo</i> " s str's dau	matertera e maximae filia	dau of	mat gt-gt- gt-aunt	bint khâlet sitt ũmmi	dau of mat aunt of GM of mo my
129	<i>mo</i> " <i>smo</i> " <i>smo</i> " s str's GD	<i>mater</i> " <i>teraemax</i> " <i>imae</i> neptis	GD of	<i>m</i> " <i>tg</i> " <i>tg</i> " <i>tg</i> " <i>tau</i> " <i>nt</i>	bint bint khâlet sitt ũmmi	dau of dau of <i>m</i> " <i>atu</i> " <i>nto</i> " <i>fG</i> " <i>M</i> " <i>fm</i> " <i>om</i> " ^y <i>m</i> " <i>atu</i> " <i>nto</i> " <i>fG</i>
130	<i>mo</i> " <i>smo</i> " <i>smo</i> " <i>smo</i>	<i>mater</i> " <i>teraemax</i> " <i>imae</i> proneptis	gt-GD	<i>m</i> " <i>tg</i> " <i>tg</i> " <i>tg</i>	bint bint bint khâlet sitt ũmmi	dau of dau of dau of <i>m</i> " <i>atu</i> " <i>nto</i> " <i>fG</i>

"	"	"
s	<i>tau</i>	<i>M</i>
str's gt-	"	"
GD	<i>nt</i>	<i>fm</i>
		"
		<i>om</i>
		"
		<i>y</i>

(Marriage
Relations
hips).

131	husband	vir b, maritus	husband	zoji	husband my
132	husband's father	socer	father-in-law	ammi	uncle my
133	<i>hus</i> " <i>band's</i> mother	socrus	mother-in-law	amrât ammi	wife of uncle my
134	<i>hus</i> " <i>band's</i> grandfather	socer magnus	great father- in-law	jidd zoji	grandfather of husband my
135	<i>hus</i> " <i>band's</i> grandmother	socrus magnus	<i>great</i> mother-in-law	sitt zoji	grandmother <i>o</i> " <i>fhu</i> " <i>band</i> " <i>y</i>
136	wife	uxor b, marita	wife	amrâti	wife
137	wife's father	socer	father-in-law	ammi	uncle my
138	<i>wi</i> " <i>fe's</i> mother	socrus	mother-in-law	amrât ammi	wife of uncle my
139	<i>wi</i> " <i>fe's</i> GF	socer magnus	gt father-in- law	jidd amrâti	GF of wife my
140	<i>wi</i> " <i>fe's</i>	socrus magnus	gt mo-in-law	sitt amrâti	GM <i>o</i> "

	GM				<i>fw</i> "
					<i>fei</i> "
					<i>y</i> uncle my
141	step-father	vitricus	step-father	ammi	
142	<i>st</i> "	noverca	<i>st</i> "	khâleti	aunt my
	<i>ep</i> mother		<i>ep</i> mother		
143	<i>st</i> "	privignus	<i>st</i> "	karûti	<i>st</i> "
	<i>ep</i> son		<i>ep</i> son		<i>ep</i> son my
144	<i>st</i> "	privigna	<i>st</i> "	karûti	<i>st</i> "
	<i>ep</i> daughter		<i>ep</i> daughter		<i>ep</i> daughter my
145	son-in-law	gener	son-in-law	khatan b, saha	son-in-law
146	daughter-in-law	nurus	daughter-in-law	kinnet	daughter-in-law
147	bro-in-law (<i>husb's bro'r</i>)	lever	bro-in-law	ibn ămmi	son of uncle my
148	<i>b</i> "	maritus sororis	bro-in-law	zôj akhti	husb of str my
	<i>roi</i> "				
	<i>nl</i> "				
	<i>aw</i> (<i>str's husb</i>)				
149	<i>b</i> "	uxoris frater	bro of wife	ibn ămmi	son of uncle my
	<i>roi</i> "				
	<i>nl</i> "				
	<i>aw</i> (<i>wife's bro</i>)				
150	str-in-law (<i>wife's str</i>)	uxoris soror	str of wife	bint ămmi	dau of uncle my
151	<i>s</i>	gloss	str-in-law	bint ămmi	<i>d</i>

	"				"
	<i>tri</i>				<i>auo</i>
	"				"
	<i>nl</i>				<i>fu</i>
	"				"
	<i>aw</i>				<i>cle</i>
	(<i>husb's str</i>)				"
					<i>y</i>
152	<i>s</i>	fratria	str-in-law	amrât akhi	wife of bro my
	"				
	<i>tri</i>				
	"				
	<i>nl</i>				
	"				
	<i>aw</i>				
	(<i>bro's wife</i>)				
153	widow	vidua	widow	armelet	widow
154	widower	viduus	widower	armel	widower
155	relations by fa's side	agnati	agnates		
156	relations by mo's side	cognati	cognati		
157	relations by marriage	affines	marriage relations		

ГЛАВА VI. - ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТОВ, СВЯЗАННЫХ С СЕМЬЕЙ.

Последовательность отчасти гипотетическая.- Соотношение этих институтов в порядке их возникновения.- Доказательства их возникновения в названном порядке.- Рассмотренная гипотеза деградации.- Древность человечества.

Осталось расставить по местам обычаи и институты, способствовавшие росту семьи через сменяющие друг друга формы. Их объединение в последовательность отчасти гипотетично, но между ними существует тесная и несомненная связь.

Эта последовательность воплощает в себе основные социальные и бытовые институты, которые повлияли на рост семьи от кровосмешения до моногамии.⁴⁹⁴ Их следует понимать как зародившиеся в нескольких ветвях человеческой семьи, расположенных в основном в названном порядке, и как существующие в целом в этих ветвях, пока они находятся в соответствующем статусе.

Первая ступень последовательности.

- I. *Промискуитет.*
- II. *Браки братьев и сестер, родных и побочных, в группе: Дарение.*

III. *Консангвинистическая семья. (Первая стадия семьи): Дано,-*

IV. *Малайская система кровосмешения и родства.*

Вторая ступень последовательности.

V. *Организация по половому признаку и пуналуанский обычай, направленный на предотвращение браков между братьями и сестрами: Даяния, -.*

VI. *Пуналуанская семья. (Вторая стадия семьи): Дано,-*

VII. *Организация в Gentes, которая исключала братьев и сестер из брачных отношений: Giving,-*

VIII. *Туранская и гановановская система кровосмешения и родства.*

Третья ступень последовательности.

IX. *Возрастающее влияние языческой организации и улучшение искусства жизни, продвигающее часть человечества в нижний статус варварства: Дарование*

X. *Брак между одинокими парами, но без исключительного сожительства: Giving,-*

XI. *Синдиасмическая семья. (Третья ступень семьи.)*

Четвертая стадия последовательности.

XII. *Пастушеская жизнь на равнинах в ограниченных районах: Дарение*

XIII. *Патриархальная семья. (Четвертая, но исключительная стадия семьи).*

Пятая стадия последовательности.

XIV. *Возникновение собственности и урегулирование линейного наследования поместий: Дарение*

XV. *Моногамическая семья. (Пятая стадия семьи): Дарование -*

XVI. *Арийская, семитская и уральская системы кровосмешения и родства; и причина низвержения туранской.*

Несколько замечаний по поводу вышеупомянутой последовательности обычаев и институтов, чтобы проследить их связь и отношения, завершат это обсуждение роста семьи.

Подобно последовательным геологическим формациям, племена человечества могут быть разделены, в соответствии с их относительными условиями, на последовательные пласты. При таком расположении они с определенной степенью достоверности раскрывают весь диапазон человеческого прогресса от дикости до цивилизации. Тщательное изучение каждого последующего слоя позволит развить все особенности его культуры и характеристик и составить определенное представление о целом, в их различиях и отношениях. Когда это будет сделано, последовательные этапы человеческого прогресса будут определенно поняты. Время было важным фактором в формировании этих пластов, и оно должно быть отмерено каждому этническому периоду не в ограниченных пределах. Каждый период, предшествующий цивилизации, обязательно насчитывает многие тысячи лет.

Промискуитетное общение. Это самая низкая из мыслимых стадий дикости - она представляет собой дно шкалы. Человека в таком состоянии едва ли можно было отличить от немых животных, которыми он был окружен. Не зная, что такое брак, и живя, вероятно, в орде, он был не только дикарем, но и обладал слабым интеллектом и еще более слабым нравственным чувством. Его надежда на возвышение покоилась на силе его страстей, поскольку он, похоже, всегда был мужественным; на владении физически свободными руками и на импровизационном характере его зарождающихся умственных и нравственных

сил. В подтверждение этой точки зрения уменьшение объема черепа и увеличение его животных характеристик по мере того, как мы отступаем от цивилизованного человека к дикарю, дают некоторые свидетельства о необходимой неполноценности первобытного человека. Если бы было возможно достичь этого самого раннего представителя вида, мы должны были бы спуститься очень далеко ниже самого низкого дикаря, живущего сейчас на земле. Грубые кремневые орудия, найденные на некоторых участках земной поверхности и не используемые ныне живущими дикарями, свидетельствуют о крайней грубости его состояния после того, как он вышел из своей первобытной среды обитания и начал, как рыбак, свое распространение по континентальным районам. Именно в отношении этого первобытного дикаря, и только в отношении него, можно сделать вывод о беспорядочных половых связях.

Возникнет вопрос, существуют ли какие-либо свидетельства этого состояния до цедента. В качестве ответа можно отметить, что кровосмесительная семья и малайская система кровосмешения предполагают предшествующий промискуитет. Не исключено, что она была ограничена периодом, когда человечество было экономным и находилось в пределах своей примитивной среды обитания, поскольку ее продолжение было бы маловероятным после того, как они стали рыбаками и начали распространяться по земле в зависимости от пищи, добытой искусственным путем. Тогда образовались бы кровосмесительные группы, а межродовые браки в них стали бы необходимостью, что привело бы к образованию кровосмесительных семей. Во всяком случае, самой древней формой общества, которая встречается нам в прошлом благодаря дедукции из систем кровосмешения, является именно семья. Она имела характер договора между несколькими мужчинами для совместного пропитания группы и для защиты их общих жен от насилия общества. Во-вторых, кровосмесительная семья отмечена знаками этого предполагаемого предшествующего состояния. Она признает распущенность в определенных пределах, причем не самых узких, и указывает своим организмом на худшее состояние, против которого она выступила щитом. Между кровосмесительной семьей и ордой, живущей в промискуитете, шаг, хотя и длинный, не требует промежуточного состояния. Если оно и существовало, то от него не осталось никаких следов. Решение этого вопроса, однако, не имеет существенного значения. Для настоящего времени достаточно, по крайней мере, получить определенную отправную точку далеко в дикости, отмеченную кровосмесительной семьей, которая возвращает наши знания о раннем состоянии человечества далеко назад к первобытному периоду.

Грекам и римлянам были известны племена дикарей и даже варваров, которые представлялись как живущие в беспорядочных половых связях. Среди них были аусеи Северной Африки, о которых упоминает Геродот,⁴⁹⁵ гараманты Эфиопии, о которых говорит Плиний,⁴⁹⁶ и кельты Ирландии, упоминаемые Страбоном.⁴⁹⁷ Последний повторяет аналогичное утверждение относительно арабов.⁴⁹⁸ Маловероятно, что какой-либо народ за все время наблюдений за человеком жил в состоянии беспорядочных половых связей, подобно стайным животным. Очевидно, что сохранение такого народа с младенчества человечества было бы невозможно. Приведенные случаи и многие другие, которые можно было бы добавить, лучше объяснить как возникающие в семье пуналуан, которая, для иностранного наблюдателя с ограниченными средствами наблюдения, предоставила бы внешние признаки, названные этими авторами. Промискуитет может быть выведен теоретически как необходимое условие, предшествующее кровосмесительной семье; но он скрыт в туманной древности человечества за пределами досягаемости позитивного знания.

II. *Браки между братьями и сестрами, родными и побочными, в группе.* Она является корнем этого института. Малайская система кровосмешения служит убедительным доказательством

ее древней распространенности. Когда древнее существование кровосмесительной семьи установлено, остальные формы могут быть объяснены как последовательные производные друг от друга. Эта форма брака дает (III.) кровосмесительную семью и (IV.) малайскую систему кровосмешения, которая избавляет от третьего и четвертого членов последовательности. Эта семья относится к низшему классу дикости.

V. *Обычаи пуналуанцев.* Среди австралийских мужских и женских классов, объединенных браком, встречаются группы пуналуанцев. Среди гавайцев также встречается эта группа и выражаемый ею брачный обычай. Она преобладала среди далеких предков всех племен человечества, которые сейчас обладают или обладали туранской системой кровосмешения, потому что они должны были получить ее от пуналуанских предков. Другого объяснения происхождения этой системы, похоже, не существует. Обращает на себя внимание тот факт, что в пуналуанскую семью входили те же лица, что в предыдущую, за исключением родных братьев и сестер, которые теоретически, если не в каждом случае, исключались. Можно сделать справедливый вывод, что обычай пуналуа стал общепринятым благодаря открытию его благотворного влияния. Из пуналуанского брака возникла (VI.) семья пуналуан, о которой идет речь в шестом члене последовательности. Эта семья возникла, вероятно, в период среднего состояния дикости.

VII. *Организация в группы (Gentes)* - положение этого института в последовательности является единственным вопросом, который нам предстоит рассмотреть. Среди австралийских классов пуналуанская группа представлена широко и систематически. Люди также объединены в группы (gentes). Здесь семья пуналуа старше, чем генс, потому что она опирается на классы, которые предшествовали генсу. У австралийцев также существует туранская система кровосмешения, основу которой заложили классы, исключив из пуналуанской группы своих братьев и сестер, объединенных браком. Они рождались членами классов, которые не могли вступать в брак. Среди гавайцев семья пуналуа не смогла создать туранскую систему кровосмешения. Родные братья и сестры часто входили в группу пуналуа, чему обычай не препятствовал, хотя и склонял к этому. Для возникновения этой системы необходимы как семья пуналуа, так и организация язычников. Из этого следует, что последняя возникла после и на основе первой. В своем относительном порядке она относится к среднему состоянию дикости.

VIII. и IX. Они были достаточно рассмотрены.

X. и XI. *Браки между одинокими парами и синдиасмическая семья.* После того как человечество вышло из дикости и перешло в нижний статус варварства, его состояние значительно улучшилось. Более половины битвы за цивилизацию было выиграно. Тенденция к сокращению групп женатых людей до меньших пропорций, должно быть, начала проявляться еще до конца дикости, потому что синдиасмическая семья стала постоянным явлением в нижнем статусе варварства. Обычай, который заставлял более развитого дикаря признавать одну из нескольких жен своей главной женой, со временем перерос в практику создания пары и превращения этой жены в спутницу и соратницу в содержании семьи. С ростом склонности к созданию пар росла и уверенность в отцовстве детей. Но муж мог бросить жену, а жена - мужа, и каждый мог искать себе новую пару по своему усмотрению. Более того, мужчина не признавал со своей стороны обязательств брачного союза, а значит, не имел права ожидать признания со стороны жены. Старая супружеская система, сведенная к более узким рамкам постепенным исчезновением пуналуанских групп, все еще окружала развивающуюся семью, за которой она должна была следовать до самой грани цивилизации. Ее сведение к нулю было условием, предшествующим введению моногамии. В конце концов она исчезла в новой форме гетеризма, который до сих пор следует за

человечеством в цивилизации как мрачная тень на семью. Контраст между пуналуанской и синдиасмической семьями был больше, чем между последней и моногамной. Она была последующей по времени по отношению к гену, который в значительной степени способствовал ее возникновению. О том, что это была переходная стадия семьи между этими двумя, свидетельствует ее неспособность существенно изменить туранскую систему кровосмешения, которую смогла преодолеть только моногамия. От реки Колумбия до Парагвая индейская семья была синдиасмической в целом, пуналуанской в исключительных областях и моногамной, возможно, ни в одной.

XII. и XIII. Пастушеская жизнь и патриархальная семья. - В другом месте было отмечено, что полигамия не была существенной чертой этой семьи, которая представляла собой движение общества к утверждению индивидуальности людей. В семитских племенах это была организация слуг и рабов под началом патриарха для ухода за стадами и отарами, для обработки земли, для взаимной защиты и пропитания. Полигамия была случайной. Семья с единственным главой-мужчиной и исключительным сожителем была прогрессом по сравнению с синдиасмической, а значит, не ретроградным движением. Ее влияние на человеческий род было ограниченным, но она несет в себе признание того состояния общества в предыдущий период, против которого она была призвана образовать барьер.

XIV. Возникновение собственности и установление линейного наследования сословий - Независимо от движения, которое достигло кульминации в патриархальной семье еврейского и латинского типов, собственность, по мере того как она увеличивалась в разнообразии и количестве, оказывала устойчивое и постоянно усиливающееся влияние в направлении моногамии. Невозможно переоценить влияние собственности на цивилизацию человечества. Именно она вывела арийские и семитские народы из состояния варварства в состояние цивилизации. Рост идеи собственности в человеческом сознании начался с немоги и закончился тем, что она стала его главной страстью. Правительства и законы создаются в первую очередь для ее создания, защиты и использования. Она ввела рабство как инструмент для ее производства; и после нескольких тысяч лет опыта она привела к отмене рабства, когда выяснилось, что свободный человек - лучшая машина для создания собственности. Жестокость, присущая сердцу человека, которую цивилизация и христианство смягчили, но не искоренили, все еще выдает дикарское происхождение человечества, и ни в коем случае не проявляется более ярко, чем в практике человеческого рабства, на протяжении всех веков записанной истории. С установлением наследования имущества детьми его владельца появилась первая возможность создания строгой моногамной семьи. Постепенно, хотя и медленно, эта форма брака с исключительным сожителем стала скорее правилом, чем исключением; но окончательно она утвердилась лишь с началом цивилизации.

XV. Моногамная семья - В своем окончательном виде эта семья обеспечивала отцовство детей, заменяла индивидуальную собственность на недвижимое и личное имущество совместной собственностью, а также исключительное наследование детьми вместо агнатического наследования. Современное общество опирается на моногамную семью. Весь предыдущий опыт и прогресс человечества достиг кульминации и выкристаллизовался в этом главном институте. Это был медленный рост, пустивший свои корни далеко в эпоху дикости, - конечный результат, к которому неуклонно стремился опыт веков. Несмотря на то, что по сути своей он был современным, он был продуктом огромного и разнообразного опыта.

XVI. Арийская, семитская и уральская системы кровосмешения, которые по сути своей идентичны, были созданы моногамной семьей. Ее отношения - это те отношения, которые реально существовали при этой форме брака и семьи. Система кровосмешения - это не произвольное установление, а естественный рост. Она выражает и должна с необходимостью выражать реальные факты кровосмешения, какими они представлялись общему разуму в момент формирования системы. Как арийская система устанавливает предшествующее существование моногамной семьи, так туранская устанавливает предшествующее существование пуналуанской семьи, а малайская - предшествующее существование консангинской семьи. Приведенные в них доказательства должны рассматриваться как окончательные, поскольку в каждом случае они носят убедительный характер. Установив существование трех видов брака, трех форм семьи и трех систем кровосмешения, девять из шестнадцати членов последовательности остаются в силе. Существование и отношения остальных подтверждены достаточными доказательствами.

Представленные здесь взгляды противоречат, насколько мне известно, предположению, которое на протяжении веков было общепринятым. Это гипотеза о деградации человека, объясняющая существование варваров и дикарей, которые физически и умственно были признаны слишком низкими по сравнению с задуманным стандартом предполагаемого первобытного человека. Это никогда не было научным предложением, подкрепленным фактами. Оно опровергается целым рядом изобретений и открытий, прогрессивным развитием социальной системы и сменяющимися друг друга формами семьи. Арийские и семитские народы произошли от варварских предков. Тогда возникает вопрос, как могли эти варвары достичь верхнего статуса варварства, в котором они впервые появляются, не пройдя предварительно через опыт и не приобретя искусства и развитие среднего статуса; и, более того, как они могли достичь среднего статуса, не пройдя предварительно через опыт нижнего. За этим стоит дальнейший вопрос, как варвар мог существовать без предыдущего дикаря. Эта гипотеза деградации приводит к другой необходимости, а именно: рассматривать все расы человечества без арийских и семитских связей как аномальные расы - расы, отпавшие в результате вырождения от своего нормального состояния. Арийские и семитские народы, правда, представляют собой главные потоки человеческого прогресса, поскольку они довели его до наивысшей точки, которой еще не достигли; но есть веские основания предполагать, что до того, как они дифференцировались на арийские и семитские племена, они составляли часть неразличимой массы варваров. Поскольку сами эти племена произошли от варварских и еще более отдаленных от диких предков, различие *нормальных* и *ненормальных* рас отпадает.

Кроме того, эта последовательность противоречит некоторым выводам тех выдающихся ученых, которые в своих рассуждениях о происхождении общества приняли патриархальную семью древнееврейского и латинского типов как древнейшую форму семьи и как породившую самое раннее организованное общество. Таким образом, человеческая раса с младенчества получает знания о семье под отцовской властью. Одним из последних и самым выдающимся среди них является сэр Генри Мэн, чьи блестящие исследования источников древнего права и ранней истории институтов так сильно продвинули наши знания о них. Патриархальная семья, правда, является самой древней из известных нам по восхождению к классическим и семитским авторитетам; но исследование по этим линиям не способно проникнуть за пределы верхнего статуса варварства, оставляя по крайней мере четыре целых этнических периода нетронутыми, а их связь - непознанной. Следует признать, однако, что факты, касающиеся раннего состояния человечества, были получены совсем недавно, и что благоразумные исследователи справедливо осторожны, отказываясь от старых доктрин в пользу новых.

К несчастью для гипотезы деградации, изобретения и открытия происходят одно за другим; знание о шнуре должно предшествовать луку и стрелам, как знание о порохе предшествовало мушкету, а о паровом двигателе - железной дороге и пароходу; так и искусства добывания пищи следовали друг за другом через большие промежутки времени, а человеческие инструменты прошли через формы кремня и камня, прежде чем были сформированы из железа. Точно так же и государственные институты выросли из примитивных зародышей мысли. Рост, развитие и передача должны объяснить их существование среди цивилизованных народов. Не менее очевидно, что моногамная семья возникла путем опыта, через синдиасмию от пуналуанской и еще более древней консангианской семьи. Если, наконец, мы вынуждены признать древность моногамной семьи, мы получаем знание о ее происхождении, которое имеет большее значение, потому что оно раскрывает цену, которой она была получена.

Древность человечества на земле теперь подтверждается множеством доказательств, достаточных для того, чтобы убедить непредвзятые умы. Существование расы определенно восходит к ледниковому периоду в Европе и даже к более раннему периоду. Теперь мы вынуждены признать длительные и неизмеримые века существования человека. Человеческому разуму естественно и справедливо интересно узнать что-нибудь о жизни человека в течение последних ста тысяч или более лет, раз уж мы уверены, что его дни были столь долгими на земле. Все это время не могло пройти впустую. Его великие и удивительные достижения доказывают обратное, а также предполагают затраты на длительные этнические периоды. Тот факт, что цивилизация возникла так недавно, говорит о трудностях, стоящих на пути человеческого прогресса, и дает некоторое представление о низком уровне, с которого человечество начало свой путь.

Вышеизложенная последовательность может потребовать модификации и, возможно, существенных изменений в некоторых ее элементах; но она позволяет рационально и удовлетворительно объяснить факты человеческого опыта, насколько они известны, и ход человеческого прогресса в развитии идей семьи и правительства в племенах человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ. - "ПРИМИТИВНЫЙ БРАК" МР. Дж. Ф. Макленнана.

Пока эти страницы проходят через печать, я получил расширенное издание вышеупомянутой работы. Это перепечатка оригинала с приложением нескольких очерков; теперь она называется "Исследования по древней истории, включающие перепечатку "Первобытного брака"".

В одном из этих очерков, озаглавленном "Классификационная система отношений", мистер Макленнан посвящает один раздел (41 страница) попытке опровергнуть мое объяснение происхождения классификационной системы, а другой (36 страниц) - собственному объяснению происхождения той же системы. Гипотеза, о которой идет речь вначале, содержится в моей работе "Системы кровосмешения и родства в человеческой семье" (стр. 479-486). Факты и их объяснение в основном те же, что и в предыдущих главах этого тома (главы II. и III., часть III.). Впервые "Примитивный брак" был опубликован в 1865 году, а "Системы кровосмешения" и т. д. - в 1871 году.

Собрав факты, подтверждающие существование классификационной системы кровосмешения, я осмелился представить вместе с таблицами гипотезу, объясняющую ее

происхождение. То, что гипотезы полезны, а зачастую и необходимы для достижения истины, не подлежит сомнению. Правильность решения, представленного в той работе и повторенного в этой, будет зависеть от его достаточности для объяснения всех фактов дела. Пока оно не будет заменено другим, более подходящим для принятия на этом основании, его место в моей работе законно и соответствует методу научного исследования.

Мистер Макленнан критикует эту гипотезу с большой свободой. Его вывод в целом изложен следующим образом (Studies, etc., p. 371): "Место, которое я посвятил рассмотрению решения, может показаться несоразмерным его важности; но работа мистера Моргана, вышедшая из печати Смитсоновского института и подготовленная при содействии правительства Соединенных Штатов, очень часто цитируется как авторитетный труд, и мне кажется, что стоит взять на себя труд показать ее абсолютно ненаучный характер". Обвинение касается не только гипотезы, но и всей работы.

Эта работа содержит 187 страниц "Таблиц кровосмешения и родства", в которых представлены системы 139 племен и народов человечества, составляющих в численном отношении четыре пятых всей человеческой семьи. Необычно, что голые факты кровосмешения и родства, выраженные в терминах родства, даже , когда они помещены в табличную форму, должны иметь "совершенно ненаучный характер". Вся работа посвящена сухим деталям этих нескольких систем. Остается последняя глава, состоящая из 43 страниц из 590, посвященная сравнению этих нескольких систем кровосмешения, в которой и появляется это решение или гипотеза. Это было первое обсуждение большого количества нового материала, и если бы обвинения мистера Макленнана ограничивались этой главой, то в обсуждении здесь не было бы необходимости. Но он направил свою главную атаку против таблиц, отрицая, что системы, которые они демонстрируют, являются системами кровосмешения и родства, таким образом, дойдя до самой сути вопроса.⁴⁹⁹

Позиция мистера Макленнана находит объяснение в том, что *как системы кровосмешения и родства* они противостоят и опровергают основные мнения и основные теории, выдвинутые в "Примитивном браке". От автора "Примитивного брака" можно было бы ожидать, что он будет стоять на своих предвзятых мнениях.

Например, в отношении систем кровосмешения: (1.) Они показывают, что новые термины г-на Макленнана, "экзогамия и эндогамия", имеют сомнительную полезность, что в том виде, в каком они используются в "Первобытном браке", их позиции обратны, и что "эндогамия" имеет очень мало применения к фактам, рассматриваемым в этой работе, тогда как "экзогамия" - это просто правило рода, и должна быть указана как таковая. (2.) Они опровергают фразу г-на Макленнана "родство только по женской линии", показывая, что родство по мужской линии признавалось теми же людьми так же постоянно, как и родство по женской линии. (3.) Они показывают, что полиандрия у наиров и тибетцев никогда не могла быть общей в племенах человечества. (4) Они отрицают как необходимость, так и масштабы "кражи жены", о которой говорится в "Первобытном браке".

Рассмотрение оснований, на которых мистер Макленнан выдвигает свои обвинения, покажет не только несостоятельность его критики, но и недостаточность теорий, на которых эта критика основана. Такое рассмотрение приводит к результатам, губительным для всей его работы, что станет очевидным при обсуждении следующих положений, а именно:

I. *Что основные термины и теории, используемые в "Примитивном браке", не имеют ценности для этнологии.*

II. Что гипотеза мистера Макленнана, объясняющая происхождение классификационной системы отношений, не объясняет ее происхождения.

III. Что возражения мистера Макленнана против гипотезы, представленной в "Системах кровосмешения" и т. д., не имеют силы.

Эти положения будут рассмотрены в указанном порядке.

I. Что основные термины и теории, используемые в "Примитивном браке", не имеют ценности для этнологии.

Когда эта работа появилась, она была благосклонно принята этнологами, поскольку как умозрительный трактат затрагивала ряд вопросов, над которыми они давно работали. Однако при внимательном прочтении обнаружились недостатки в определениях, необоснованные предположения, грубые спекуляции и ошибочные выводы. Мистер Герберт Спенсер в своих "Принципах социологии" (Advance Sheets,

Popular Science Monthly, Jan., 1877, p. 272), указал на ряд из них. В то же время он отвергает большую часть теорий мистера Макленнана, касающихся "женского детоубийства", "кражи жен", "экзогамии и эндогамии". Что он оставляет от этой работы, помимо сопоставления некоторых этнологических фактов, найти сложно.

В рамках этой главы будет достаточно рассмотреть три момента.

I. Использование мистером Макленнаном терминов "экзогамия" и "эндогамия".

"Экзогамия" и "эндогамия" - термины его собственного чекана - означают, соответственно, обязательство "выходить замуж" и обязательство "вступать в брак" с определенной группой лиц.

Эти термины применяются мистером Макленнаном к организованным группам, известным ему по цитируемым авторам, настолько вольно и неточно, что и его термины, и его выводы не представляют особой ценности. Основная трудность "Примитивного брака" заключается в том, что *род* и *племя*, или группы, которые они представляют, не отличаются друг от друга как члены органического ряда, чтобы можно было понять, в какой группе утверждается "экзогамия" или "эндогамия". Например, один из восьми родов племени может быть "экзогамным" по отношению к самому себе и "эндогамным" по отношению к семи остальным родам. Более того, эти термины в таком случае, если их правильно применять, вводят в заблуждение. Мистер Макленнан, *похоже*, представляет *два великих принципа*, отражающих различные условия жизни общества, которые повлияли на человеческие дела. На самом деле, если "эндогамия" мало применима к условиям общества, рассматриваемым в "Первобытном браке", то "экзогамия" относится к правилу или закону гена - *институту* - и как таковой единице организации социальной системы. Именно гены оказывают влияние на человеческие дела и являются первичным фактом. Нас сразу же интересует знание его функций и атрибутов, а также прав, привилегий и обязанностей его членов. Об этих существенных обстоятельствах мистер Макленнан ничего не сообщает, и, *похоже*, у него не было ни малейшего представления о gens как об управляющем институте древнего общества. Два из его правил следующие: (1.) *Межродовые браки в роду запрещены*. Это "экзогамия" мистера Макленнана, ограниченная, как всегда, родом, но изложенная им без всякой ссылки на род. (2.) В архаичной форме рода *происхождение ограничено женской*

линией, что является "родством только по женской линии" мистера МакЛеннана, и что также заявлено им без какой-либо ссылки на род.

Давайте проследим этот вопрос дальше. Приводятся семь определений *племенного строя и племени* (*Studies, etc.*, 113-115).

"Чистая экзогамия" - I. Племенной (или семейный) строй.- Племена *разделены*. Все члены каждого племени одной крови или выдают себя за таковых. Браки между членами племени запрещены.

"2. Племенной строй.- Племя - *это совокупность семейных групп*, распадающихся на *подразделения, кланы, тумы* и т.д. Нет коннубиума между членами одного подразделения: коннубиум между всеми подразделениями.

"3. Племенной строй.- Племя - *это совокупность семейных групп*. * * * Нет коннубиума между людьми, чья фамилия указывает на то, что они принадлежат к одному роду.

"4. Племенная система. Племя *состоит из подразделений*. Нет коннубиума между членами одного и того же подразделения: коннубиум между некоторыми из подразделений; только частичный коннубиум между другими. * * *

"5. Племенная система.- Племя *в подразделениях*. Нет коннубиума между лицами одного и того же сословия: коннубиум между каждым подразделением и некоторыми другими. Отсутствие коннубиума между некоторыми подразделениями. Касты.

"Чистая" эндогамия. 6. Племенной (или семейный) строй. Племена *разделены*. Все члены каждого племени одной крови или выдают себя за таковых. Связь между членами племени: брак вне племени запрещен и наказывается.

"7. Племенной строй нечеткий". * * * Курсив мой. Семь определений племенного строя должны определять группу, называемую племенем, с достаточной отчетливостью, чтобы быть признанной.

Первое определение, однако, вызывает недоумение. В племенном строе есть несколько племен, но нет термина для обозначения совокупности племен. Предполагается, что они не образуют единого тела. Как отдельные племена попадают в племенную систему или удерживаются вместе, не представляется. Все члены каждого племени одной крови или притворяются таковыми, и поэтому не могут вступать в браки. Это могло бы соответствовать описанию *рода*; но род никогда не встречается один, отдельно от других родов. В каждом племени, состоящем из родов, есть несколько родов, смешанных браком. Но мистер МакЛеннан не мог использовать здесь племя как эквивалент *gens*, а также как совокупность семейных групп. Нам предлагается нечто совершенно новое, как отдельные совокупности *consanguineï*, объединенные в племенную систему, причем эти совокупности не определены, а система не объяснена. Определение 6 во многом аналогично. Маловероятно, что племя, отвечающее какому-либо из этих определений, когда-либо существовало в какой-либо части земли; ибо это не род, не племя, состоящее из родов, и не нация, образовавшаяся в результате слияния племен.

Определения 2, 3, 4 и 5 несколько более понятны. В каждом случае они указывают на племя, состоящее из родов, или деление на основе родства. Но это скорее языческая, чем племенная система. Поскольку браки разрешены между кланами, тумами или подразделениями одного и того же племени, "экзогамия" не может быть утверждена в отношении племени ни в том, ни в другом случае. Клан, тум или подразделение "экзогамны"

по отношению к самим себе, но "эндогамны" по отношению к другим кланам, тумам или подразделениям. В некоторых случаях указывается, что существуют особые ограничения.

Когда мистер Макленнан применяет термины "экзогамия" или "эндогамия" к племени, как узнать, является ли оно одним из нескольких отдельных племен в племенной системе, что бы это ни значило, или племенем, определяемым как совокупность семейных групп? На следующей странице (116) он замечает: "Отдельные эндогамные племена почти так же многочисленны и в некоторых отношениях так же грубы, как и отдельные экзогамные племена". Если под племенем он понимает совокупность семейных групп, то есть племя, состоящее из родов, то "экзогамия" не может быть утверждена в отношении племени. Нет ни малейшей вероятности того, что "экзогамия" когда-либо существовала в племени, состоящем из гентов, в любой части Земли. Везде, где была обнаружена языческая организация, межплеменные браки в роду запрещены. Это дает то, что мистер Макленнан называет "экзогамией". Но, как общее правило, браки между членами одного рода и членами всех других родов одного племени разрешены. Род является "экзогамным", а племя, по сути, "эндогамным". В этих случаях, если не в других, важно знать, какую группу охватывает слово "племя". Приведем еще одну иллюстрацию (с. 42): "Если удастся доказать, во-первых, что экзогамные племена существуют или существовали; и, во-вторых, что в более древние времена отношения отдельных племен были единообразными или почти единообразными, враждебными, мы обнаружим ряд обстоятельств, при которых мужчины могли получить жен только путем их захвата". Здесь мы находим исходный пункт теории мистера Макленнана о краже жен. Для того чтобы установить "совокупность обстоятельств" (а именно, враждебные и, следовательно, независимые племена), племя, как оно здесь используется, должно относиться к более крупной группе, племени, состоящему из родов. Ведь члены нескольких родов племени смешиваются посредством брака в каждой семье на всей территории, занимаемой племенем. Все генты должны быть враждебными или ни одного. Если этот термин применяется к меньшей группе, роду, то род "экзогамный", а племя, в данном случае, на семь восьмых "эндогамное", и как же быть с "совокупностью обстоятельств", обуславливающих необходимость кражи жены?

Основные примеры, приведенные в "Первобытном браке" для доказательства "экзогамии", - это хонды, калмуки, черкесы, самодийцы юраки, некоторые племена Индии и Австралии, а также некоторые индейские племена Америки, в том числе ирокезы (стр. 75-100). Американские племена, как правило, состоят из гентов. Мужчина не может жениться на женщине из того же рода, что и он сам; но он может жениться на женщине из любого другого рода своего племени. Например, мужчине из рода Волка в племени сенека ирокезов запрещено жениться на женщине из того же рода не только в племени сенека, но и в любом из пяти остальных племен ирокезов. Здесь мы имеем "экзогамию" мистера Макленнана, но ограниченную, как это всегда бывает, родом отдельного человека. Но мужчина может жениться на женщине в любом из семи оставшихся гентов сенека. Здесь мы имеем "эндогамию" в племени, которую практикуют члены каждого рода в семи оставшихся сенека-гентах. Обе практики существуют бок о бок в одно и то же время, в одном и том же племени, и так было с незапамятных времен. То же самое можно сказать и о племенах американских индейцев в целом. Тем не менее, мистер Макленнан приводит их в качестве примера "экзогамных племен", и таким образом они попадают в основу его теорий.

Что касается "эндогамии", то мистер Макленнан, вероятно, воздержался бы от ее использования в вышеупомянутом случае: во-первых, потому что "экзогамия" и "эндогамия" здесь не представляют два противоположных принципа, как они существуют в его воображении; и, во-вторых, потому что в действительности есть только один факт, на

который следует указать, а именно, что *межродовые браки в роду запрещены*. Американские индейцы, как правило, могут жениться в своем или чужом племени по своему усмотрению, но не в своем роду. Мистер Макленнан смог привести один справедливый случай "эндогамии" - у татар Мантчу (стр. 116), "которые запрещают браки между людьми, чьи фамилии отличаются". Несколько других подобных случаев были найдены среди существующих племен.

Если бы организации, например, самодийцев юраков в Сибири (82), магаров в Непалу (83), племен муннипореев, купуи, мау, мурамов и муррингов в Индии (87), были изучены по оригинальным свидетельствам, то весьма вероятно, что они были бы точно аналогичны ирокезским племенам; "дивизии" и "тумы" были *gentes*. Лэтэм, говоря о юракской или касовской группе самодийцев, цитирует Клапрота следующим образом: "Это разделение родства соблюдается так строго, что ни один самоед не берет себе жену из рода, к которому он сам принадлежит. Напротив, он ищет ее в одном из двух других".⁵⁰⁰ Тот же автор, говоря о магарах, замечает: "Существует двенадцать тумов. Предполагается, что все люди, принадлежащие к одному туму, происходят от одного и того же предка мужского пола; происхождение от одной и той же праматери ни в коем случае не является обязательным. Таким образом, муж и жена должны принадлежать к разным тумам. С одним и тем же браком невозможен. Желаете ли вы иметь жену? Если да, обратитесь к туму своего соседа; во всяком случае, посмотрите за пределы своего собственного. Это первый раз, когда я имею возможность упомянуть об этой практике. И не в последний: напротив, заложенный в ней принцип настолько распространен, что является почти универсальным".⁵⁰¹ У муррингов и других индийских племен существует разделение, с тем же правилом в отношении брака. Вероятно, в этих случаях мы имеем дело с племенами, состоящими из родов, причем межродовые браки в роду запрещены. Каждый род "экзогамный" по отношению к себе и "эндогамный" по отношению к остальным родам племени. Тем не менее, мистер Макленнан приводит их в качестве примера "экзогамных" племен. Известно, что основные австралийские племена организованы в генты, причем межродовые браки в генте запрещены. Здесь опять же род "экзогамный", а племя "эндогамное".

Если род "экзогамный" по отношению к самому себе и "эндогамный" по отношению к остальным гентам того же племени, какая польза от этой пары терминов для обозначения одного-единственного факта - запрета на межродовые браки в роду? "Экзогамия" и "эндогамия" не имеют никакой ценности как пара терминов, претендующих на то, чтобы представлять или выражать противоположные условия жизни общества. Они не имеют никакого применения в американской этнологии, и, вероятно, ни в азиатской, ни в европейской. "Экзогамия", стоящая особняком и применяемая к небольшой группе (*gens*), о которой только и можно утверждать, может быть терпимой. В Америке нет "экзогамных" племен, но есть множество "экзогамных" родов: и когда род найден, мы имеем дело с его правилами, и они всегда должны быть указаны как правила рода. Мистер Макленнан нашел клан, тум, дивизион "экзогамными", а совокупность кланов, тумов, дивизионов - "эндогамными"; но он ничего не говорит об "эндогамии". Он также не говорит, что клан, дивизион или тум "экзогамны", но что племя "экзогамно". Можно было бы предположить, что он намеревался использовать племя как эквивалент клана, тумы и дивизиона; но мы сталкиваемся с трудностями, поскольку он определяет "племя [как] совокупность семейных групп, разделяющихся на дивизионы, кланы, тумы и т. д." (114), и тут же (116) он замечает, что "отдельные эндогамные племена почти так же многочисленны и в некоторых отношениях так же грубы, как и отдельные экзогамные племена". Если мы примем его основные определения, то, не боясь возразить, можно сказать, что мистер Макленнан не привел ни одного случая "экзогамного" племени в своем томе.

Есть и другое возражение против этой пары терминов. Они накладываются друг на друга, чтобы обозначить противоположные и несхожие условия жизни общества. Кто из них грубее, а кто более развит? Мистер МакЛеннан высказывает множество предостережений по этому поводу. "Они могут представлять собой прогрессию от экзогамии к эндогамии или от эндогамии к экзогамии" (115); "они могут одинаково архаичными" (116); и "в некоторых отношениях" они одинаково грубы (116); но прежде чем обсуждение закончится, "эндогамия" поднимется на более высокую позицию и встанет на сторону цивилизации, тогда как "экзогамия" отступит в сторону дикости. В рассуждениях мистера Макленнана "экзогамия" стала удобной для внесения гетерогенности, которую "эндогамия" призвана изгнать и привести к гомогенности; так что "эндогамия" в конце концов одерживает верх над "экзогамией" в качестве фактора, способствующего прогрессу.

Одна из ошибок мистера Макленнана заключается в том, что он поменял местами эти термины. То, что он называет "эндогамией", предшествует "экзогамии" в порядке человеческого прогресса и относится к самому низкому состоянию человечества. Восходя к тому времени, когда сформировалась малайская система кровосмешения, которая предшествовала генам, мы находим кровосмесительные группы в брачных отношениях. Система кровосмешения указывает как на сам факт, так и на характер групп, и демонстрирует "эндогамию" в ее первозданной силе. Если перейти от этого положения вещей, то первая проверка "эндогамии" обнаруживается в группе пуналуа, которая стремилась исключить родных братьев и сестер из брачных отношений, сохраняя в этих отношениях первых, вторых и более отдаленных кузенов, все еще под именем братьев и сестер. То же самое в точности наблюдается и в половой организации австралийцев. Далее по порядку времени появились гены, с происхождением по женской линии и с запретом на межродовые браки в роду. Это привело к "экзогамии" мистера МакЛеннана. С этого времени "эндогамия" может быть отброшена как влияние на человеческие дела.

По мнению г-на Макленнана, "экзогамия" пришла в упадок в развивающихся сообществах, а когда происхождение было изменено на мужскую линию, она исчезла в греческих и римских племенах (стр. 220). Это далеко не так, но то, что он называет "экзогамией", зародилось в дикости вместе с родом, продолжалось в варварстве и сохранилось в цивилизации. Она существовала так же полно в родах греков и римлян во времена Солона и Сервия Туллия, как сейчас существует в родах ирокезов. Понятия "экзогамия" и "эндогамия" были так сильно запятнаны способом их использования в "первобытном браке", что лучшее, что можно сделать в настоящее время, это отбросить их.

2. Фраза мистера Макленнана: "система родства только по женской линии".

"Примитивный брак" глубоко окрашен этой фразой. В ней утверждается, что это родство, где оно преобладало, было единственным признанным родством; и, таким образом, на ее лице написана ошибка. Туранская, гануанская и малайская системы кровосмешения ясно и убедительно показывают, что родство по мужской линии признавалось так же постоянно, как и родство по женской. У человека были братья и сестры, дедушки и бабушки, внуки и внучки, которые прослеживались как по мужской, так и по женской линии. Материнство детей можно было установить с уверенностью, а их отцовство - нет; но они не отвергали родство через мужчин из-за неопределенности, а давали преимущество сомнениям для ряда лиц - вероятных отцов помещали в категорию настоящих отцов, вероятных братьев - в категорию настоящих братьев, а вероятных сыновей - в категорию настоящих сыновей.

После появления *gens* родство по женской линии приобрело еще большее значение, поскольку теперь оно означало *родство по языческой линии*, в отличие от *родства по не*

языческой линии. Именно об этом родстве, в большинстве случаев, рассказывали мистеру МакЛеннану цитируемые им авторы. Дети женщин, входящих в род, оставались в нем, а дети мужчин - исключались. Каждый член рода прослеживал свое происхождение исключительно через женщин, если происхождение шло по женской линии, и исключительно через мужчин, если происхождение шло по мужской линии. Члены *gens* представляли собой организованное сообщество единоутробных родственников, носивших общее языческое имя. Их связывало кровное родство, а также взаимные права, привилегии и обязательства. *Родство по язычеству* в обоих случаях становилось выше *других родов*; не потому, что не признавалось никакое другое родство, а потому, что оно давало права и привилегии рода. То, что мистер Макленнан не обнаружил этого различия, свидетельствует о недостаточном изучении предмета, который он рассматривал. При происхождении по женской линии у мужчины были дедушки и бабушки, матери, братья и сестры, дяди, племянники и племянницы, внуки и внучки в его роду; некоторые собственные и некоторые побочные; в то время как у него было то же самое вне его рода за исключением дядей; и, кроме того, отцы, тети, сыновья и дочери и двоюродные братья. Женщина имела тех же родственников в роду, что и мужчина, а также сыновей и дочерей, а вне рода у нее были те же родственники, что и у мужчины. Будь то в роду или вне рода, брат признавался братом, отец - отцом, сын - сыном, и в обоих случаях применялся один и тот же термин без различия между ними. Происхождение по женской линии, а это все, на что может указывать "родство только по женской линии", является, таким образом, правилом рода, и не более того. Так и должно быть, потому что род - это первичный факт, а родство по женской линии - один из его атрибутов.

До организации язычников родство по женской линии, несомненно, превосходило родство по мужской линии и, несомненно, было главной основой, на которой были организованы низшие племенные группы. Но совокупность фактов, рассматриваемых в "Первобытном браке", имеет мало или вообще не имеет отношения к тому состоянию человечества, которое существовало до языческой системы.

3. Нет никаких доказательств всеобщей распространенности полиандрии у наиров и тибетцев.

Эти формы полиандрии используются в рассуждениях г-на Макленнана как универсальные на практике. Он использует их в своей попытке объяснить происхождение классификационной системы отношений. Полиандрия у наиров - это когда несколько неродственных людей имеют одну общую жену (с. 146). Ее называют самой грубой формой. Тибетская полиандрия - это когда несколько братьев имеют одну общую жену. Затем он совершает стремительный полет по племенам человечества, чтобы показать общую распространенность той или иной формы полиандрии, и совершенно не может показать их распространенность. Похоже, мистеру Макленнану не приходит в голову, что эти формы полиандрии являются исключительными и не могли быть общими даже на холмах Нилгерри или в Тибете. Если в среднем трое мужчин имели одну общую жену (двенадцать мужей на одну жену - предел для племени Наир, стр. 147), и это было распространено в племени, то две трети брачных женщин остались бы без мужей. Можно с уверенностью утверждать, что такое положение вещей никогда не существовало в племенах человечества в целом, и без более веских доказательств нельзя верить в то, что оно существует на холмах Нилгерри или в Тибете. Факты, касающиеся полиандрии у наиров, до конца не известны. "Наир может быть одним из нескольких сочетаний мужей; то есть у него может быть любое количество жен" (с. 148). Однако это не поможет незамужним женщинам найти себе мужей, хотя и увеличит число мужей одной жены. Женское детоубийство не может быть настолько преувеличено,

чтобы возвести эти формы полиандрии в ранг всеобщего достояния. Нельзя также с уверенностью сказать, что они оказали общее влияние на человеческие дела.

Малайская, туранская и гановановская системы кровосмешения и родства, однако, выявляют формы полигинии и полиандрии, которые оказали влияние на человеческие дела, потому что они были настолько же универсальны в распространении, как и эти системы, когда они соответственно появились. В малайской системе мы находим свидетельства консангинистических групп, основанных на браках между братом и сестрой, но включающих в себя побочных братьев и сестер. Здесь мужчины жили в полигинии, а женщины - в полиандрии. В туранской и гановановской системах мы находим свидетельства существования более развитой группы - пуналуан в двух формах. Одна была основана на братстве мужей, а другая - на сестринстве жен; родные братья и сестры теперь исключались из брачных отношений. В каждой группе мужчины были полигинами, а женщины - полиандровыми. Обе практики встречаются в одной группе, и обе они важны для объяснения их системы кровосмешения. Последняя из названных систем кровосмешения и родства предполагает наличие в группе пуналуанского брака. Эта и малайская системы демонстрируют те формы полигинии и полиандрии, которыми занимается этнография; в то время как наирская и тибетская формы полиандрии не только недостаточны для объяснения этих систем, но и не имеют общего значения.

Эти системы кровосмешения и родства, в том виде, в каком они представлены в таблицах, нанесли такой ущерб теориям и мнениям, выдвинутому в "Первобытном браке", что я вынужден приписать этому факту нападки мистера Макленнана на мою гипотезу, объясняющую их происхождение, и его попытку подменить ее другой, отрицая, что они являются системами кровосмешения и родства.

II. Что гипотеза мистера Макленнана, объясняющая происхождение классификационной системы, не объясняет ее происхождения.

Мистер Макленнан утверждает (стр. 372), что "явления, представленные во всех формах [классификационной системы], в конечном итоге относятся к брачному праву; соответственно, и происхождение ее должно быть таким же". Это основа моего объяснения; оно лишь частично совпадает с его собственным.

Брачный закон, на основании которого он пытается объяснить происхождение малайской системы, - это тот, который содержится в полиандрии Наир; а брачный закон, на основании которого он пытается объяснить происхождение туранской и гановановской систем, - это тот, на который указывает тибетская полиандрия. Но у него нет ни наирской, ни тибетской системы кровосмешения и родства, с помощью которых он мог бы объяснить или проверить свою гипотезу. Таким образом, он начинает, не имея никакого материала из наирских или тибетских источников, с форм брачного права, которые никогда не существовали среди племен и народов, обладающих классификационной системой отношений. Таким образом, мы с самого начала приходим к выводу, что данное объяснение - всего лишь случайная спекуляция.

Мистер Макленнан отрицает, что системы, приведенные в таблицах (*Consanguinity*, pp. 298-382; 523-567), являются системами кровосмешения и родства. Напротив, он утверждает, что вместе они представляют собой "систему способов обращения к лицам.". Он не однозначен в своем отрицании, но суть его формулировок такова. В своей работе "Кровосмешение" я указывал на тот факт, что американские индейцы при общении и официальном приветствии обращаются друг к другу по точному соотношению, в котором они находятся друг к другу, и никогда по личному имени; такое же использование преобладает в Южной Индии и в Китае.

Они используют эту систему в приветствии, потому что это система кровосмешения и родства - причина первостепенная. Мистер Макленнан хочет, чтобы мы поверили, что эти всеобъемлющие системы были просто условными и сформировались для того, чтобы люди могли обращаться друг к другу в приветствии, и ни для какой другой цели. Это счастливый способ избавиться от этих систем и выбросить самую замечательную запись, касающуюся раннего состояния человечества.

Мистер Макленнан полагает, что где-то должна была существовать система кровосмешения, совершенно независимая от системы обращений; "ибо разумно полагать, - замечает он (стр. 373), - что система кровных уз и система обращений начали расти вместе и в течение некоторого времени имели общую историю". Система кровных уз - это система кровосмешения. Где же тогда эта утраченная система? Мистер Макленнан не приводит ее и не показывает ее существования. Но я обнаружил, что он использует системы в таблицах *как системы кровосмешения и родства*, насколько они служат его гипотезе, не беря на себя труд изменить утверждение, что это просто "способы обращения к лицам".

Что дикие и варварские племена по всему миру и на протяжении несметных веков должны были быть настолько озабочены правильным способом обращения к родственникам, чтобы создать малайскую, туранскую и ганованианскую системы, во всей их полноте и сложности, для этой цели и никакой другой, и никакой другой системы, кроме этих двух - что в Азии, Африке, Полинезии и Америке они должны были согласиться, например, что к брату дедушки данного человека следует обращаться как к дедушке, что к братьям старше себя следует обращаться как к старшим братьям, а к младшим - как к младшим братьям, просто для того, чтобы обеспечить общепринятый способ обращения к родственникам, - это совпадения столь поразительные и по столь незначительной причине, что автору этой блестящей концепции будет вполне достаточно в это поверить.

Система способов обращения к людям была бы эфемерной, потому что все обычные обращения эфемерны. Кроме того, они, по необходимости, были бы столь же разнообразны, как и расы человечества. Но система кровосмешения - это совсем другое дело. Ее отношения вытекают из семьи и брачного права и обладают даже большим постоянством, чем сама семья, которая развивается, а система остается неизменной. Эти отношения выражают реальные факты социального состояния, когда была сформирована система, и имеют повседневное значение в жизни человечества. Их единообразие на огромных пространствах земли и сохранение в течение огромных периодов времени являются следствием их связи с брачным правом.

Когда формировалась малайская система кровосмешения, можно предположить, что мать могла воспринимать, что ее собственные сын и дочь находятся с ней в определенных отношениях, которые можно выразить подходящими терминами; что ее собственная мать и собственная мать ее матери находятся с ней в определенных других отношениях; что другие дети ее собственной матери находятся с ней в еще других отношениях; и что дети ее собственной дочери находятся с ней в еще других - все это можно выразить подходящими терминами. Это положило бы начало системе кровосмешения, основанной на очевидных кровных связях. Это заложило бы основу пяти категорий отношений в малайской системе, причем без всякой ссылки на брачное право.

Когда появились браки в группе и кровосмесительные семьи, о чем свидетельствует малайская система, система распространилась бы по всей группе на основе этих первичных представлений. При межродственных браках братьев и сестер, родных и побочных, в группе возникающая система кровосмешения и родства будет малайской. Любая гипотеза,

объясняющая происхождение малайской системы, должна потерпеть неудачу, если игнорировать эти факты. Такая форма брака и семьи привела бы к возникновению малайской системы. Это была бы система кровосмешения и родства с самого начала и объяснима только как таковая.

Если эти взгляды верны, то нет необходимости подробно рассматривать пункты гипотезы мистера Макленнана, которая слишком туманна для философского обсуждения и совершенно не способна дать объяснение происхождению этих систем.

III. Что возражения мистера Макленнана против гипотезы, представленной в "Системах кровосмешения" и т. д., не имеют силы.

То же неверное понимание фактов и та же путаница идей, которыми отмечен его последний очерк, проявляются и в этом. Он не проводит различия между отношениями по кровосмешению и отношениями по браку, когда они существуют между одними и теми же людьми; и он также допускает ошибки в отношениях систем.

Нет необходимости следовать шаг за шагом за критикой г-на МакЛеннана в адрес этой гипотезы, некоторые из которых словесны, другие искажены, и ни одна из них не затрагивает сути затронутых вопросов. Первое предложение, которое он пытается опровергнуть, изложено им следующим образом: "Малайская система отношений - это система кровнородственных отношений. Мистер Морган *предполагает* это и ничего не говорит о препятствиях, мешающих сделать такое предположение" (с. 342). Отчасти это система кровнородственных отношений, а отчасти - брачных. Этот факт очевиден. Отношения отца и матери, брата и сестры, старшего или младшего, сына и дочери, дяди и тети, племянника, племянницы и двоюродного брата, деда и матери, внука и дочери; а также деверя и невестки, зятя и невестки, помимо других, приведены в таблицах и были представлены мистеру Макленнану. Эти системы говорят сами за себя и не могут сказать ничего другого, кроме того, что они являются системами кровосмешения и родства. Предполагает ли мистер Макленнан, что у названных племен была иная система, отличная от той, что представлена в таблицах? Если это так, то он обязан был представить ее или доказать факт ее существования. Он не делает ни того, ни другого.

Можно рассмотреть два или три его особых пункта. "И действительно, - замечает он (с. 346), - если мужчину называют сыном женщины, которая его не рожала, то то, что его так называют, явно не поддается объяснению по принципу естественного происхождения.

Предполагаемое родство в этом случае не является тем, которое существует на самом деле, насколько можно судить о происхождении людей; и, соответственно, предложение мистера Моргана не обосновано". На первый взгляд, речь идет не о родстве, а о брачных отношениях. Мужчина называет сестру своей матери своей матерью, а она называет его своим сыном, хотя она его не рожала. Так обстоит дело в малайской, туранской и гануанской системах. Независимо от того, имеем ли мы кровосмесительные или пуналуанские браки, сестра матери мужчины является женой его предполагаемого отца. Она является его мачехой, насколько это возможно в нашей системе; и среди нас мачеха называется матерью, а она называет своего пасынка сыном. Это не поддается объяснению, правда, как кровное родство, на которое оно не претендует, но как брачное родство, на которое оно претендует, - вот и все объяснение. Рассуждения мистера МакЛеннана столь же умозрительны и столь же ошибочны в ряде случаев.

Переходя от малайской к туранской системе, он замечает (стр. 354): "Из этого следует, что сын мужчины и дочь его сестры, хотя *и считались братом и сестрой*, могли свободно вступать в брак, когда была установлена "племенная организация", поскольку они

принадлежали к разным племенам по происхождению". Отсюда он разветвляется в аргументации на две или три страницы, чтобы доказать, что "причина мистера Моргана, таким образом, недостаточна". Если бы мистер Макленнан изучил туранскую или гановановскую систему кровосмешения с очень умеренным вниманием, он бы обнаружил, что "сын мужчины и дочь его сестры" не являются "предполагаемыми братом и сестрой". Напротив, они *двоюродные братья и сестры*. Это одно из самых очевидных и важных различий между малайской и туранской системами, и именно оно выражает разницу между консангвинистической семьей малайской системы и пуналуанской семьей туранской системы.

Обычный читатель вряд ли возьмет на себя труд освоить детали этих систем. Если он не сможет легко и свободно проследить взаимосвязи, обсуждение системы будет вызывать скорее недоумение, чем удовольствие. Мистер Макленнан свободно использует термины отношений, но не во всех случаях правильно.

В другом месте (с. 360) мистер Макленнан приписывает мне различие между браком и сожителем, которого я не проводил, и сопровождает его риторическими изысками, не уступающими лучшим в "Примитивном браке".

Наконец, мистер Макленнан опирается на две предполагаемые ошибки, которые, по его мнению, порочат мое объяснение происхождения классификационной системы. "Пытаясь объяснить происхождение классификационной системы, мистер Морган совершил две радикальные ошибки. Его первая ошибка заключалась в том, что он не рассматривал неуклонно главную особенность системы - ее классификацию связанных между собой людей; он не искал происхождения системы в происхождении классификации" (с. 360). В чем же в таком случае разница между *системой* и *классификацией*? Они означают одно и то же и ни в коем случае не могут означать что-то разное. Искать происхождение одного - значит искать происхождение другого.

"Вторая ошибка, или, скорее, я должен сказать, заблуждение, заключалось в том, что мы так легкомысленно предположили, что система - это система кровных уз" (с. 361). Ошибки здесь нет, поскольку люди, названные в таблицах, происходят от общих предков или связаны брачными узами с одним или несколькими из них. Это те же люди, которые описаны в таблице, показывающей арийскую, семитскую и уральскую системы ("Кровосмешение", с. 79-127). В каждой из этих систем они связаны друг с другом фактически кровосмешением и родством. В последней каждая связь специализирована, в первой они классифицированы по категориям, но во всех одинаково конечная основа одна и та же, а именно фактическое кровосмешение и родство. Брак в группе в первом случае, и брак между одиночными парами во втором, производит разницу между ними. В малайской, туранской и гануанской системах кровное родство, которое они демонстрируют, имеет прочную основу в общем происхождении людей; а для брачных отношений мы должны смотреть на форму брака, которую они указывают. Изучение и сравнение показывают, что для объяснения малайской и туранской систем необходимы две различные формы брака; отсюда и применение в качестве тестов консумированного брака в одном случае и пуналуанского брака в другом.

Хотя термины родства постоянно используются в приветствии, именно потому, что они являются терминами родства, они так используются. Попытка мистера Макленнана превратить их в обычные способы обращения к людям бесполезна. Хотя он делает большой акцент на этой точке зрения, он не использует их как "способы обращения", пытаясь объяснить их происхождение. В той мере, в какой он использует их, он применяет их строго как термины кровосмешения и родства. Так же невозможно, чтобы "система способов

обращения к людям" выросла независимо от системы кровосмешения и родства (с. 373), как язык вырос независимо от идей, которые он представляет и выражает. Что могло придать этим терминам значение, используемое при обращении к родственникам, кроме выражаемого ими родства - кровосмешения или аффинити? Простое отсутствие способа обращения к людям никогда не смогло бы создать такие огромные системы, идентичные в мельчайших деталях на огромных участках земли.

Что касается существенного различия между объяснением происхождения классификационной системы, данным мистером Макленнаном, и тем, которое представлено в этом томе, - является ли она *системой способов обращения к людям или системой кровосмешения и родства*, - я вполне допускаю, что этот вопрос будет вынесен на суд читателя.

ЧАСТЬ IV. - РАЗВИТИЕ ИДЕИ СОБСТВЕННОСТИ.

ГЛАВА I. - ТРИ ПРАВИЛА НАСЛЕДОВАНИЯ.

Собственность в дикарском состоянии.- Медленные темпы прогресса.- Первое правило наследования.- Собственность распределяется среди язычников.- Собственность в низшем состоянии варварства.- Зародыш второго правила наследования.- Распределение среди агнатических родственников.- Улучшение характера человека.- Собственность в среднем состоянии.- Правило наследования несовершенно известно.- Вероятно, агнатическое наследование.

Остается рассмотреть рост собственности в несколько этнических периодов, правила, которые возникли в отношении ее владения и наследования, и влияние, которое она оказывала на древнее общество.

Самые ранние представления о собственности были тесно связаны с добыванием средств к существованию, что было первостепенной необходимостью. Объекты собственности естественным образом увеличивались в каждый последующий этнический период по мере развития тех искусств, от которых зависели средства к существованию. Таким образом, рост собственности шел в ногу с прогрессом изобретений и открытий. Каждый этнический период заметно опережает свой предшественник не только по количеству изобретений, но и по разнообразию и объему собственности, которая стала его результатом. Многообразие форм собственности сопровождалось ростом определенных правил, касающихся ее владения и наследования. Обычаи, от которых зависят эти правила владения и наследования, определяются и изменяются в зависимости от состояния и прогресса социальной организации. Таким образом, рост собственности тесно связан с увеличением числа изобретений и открытий, а также с совершенствованием социальных институтов, которые характеризуют несколько этнических периодов человеческого прогресса.

I. *Собственность в эпоху дикости.*

При любом взгляде на дело трудно представить себе состояние человечества в этот ранний период его существования, когда оно лишилось всего, что приобрело благодаря

изобретениям и открытиям, а также росту идей, воплощенных в институтах, нравах и обычаях. Прогресс человечества из состояния абсолютного невежества и неопытности был медленным по времени, но геометрическим по соотношению. По цепочке необходимых умозаключений человечество можно отнести к тому времени, когда, не зная огня, не имея членораздельной речи и искусственного оружия, оно, подобно диким животным, зависело от самопроизвольных плодов земли. Медленно, почти незаметно, они продвигались по пути дикости, от жестового языка и несовершенных звуков к членораздельной речи; от дубины, как первого оружия, к копью, заостренному кремнем, и, наконец, к луку и стрелам; от кремневого ножа и долота к каменному топору и молоту; от озира и тростниковой корзины к корзине, обмазанной глиной, которая давала сосуд для варки пищи на огне; и, наконец, к гончарному искусству, которое давало сосуд, способный противостоять огню. В средствах существования они прошли путь от естественных плодов в ограниченном ареале обитания до чешуи и панцирной рыбы на морских побережьях, и, наконец, до хлебных корней и дичи. Веревки и веревки из нитей коры, вид ткани из растительной массы, дубление шкур для использования в качестве одежды и покрытия палаток, и, наконец, дом, построенный из жердей и покрытый корой, или из досок, расколотых каменными клиньями, относятся, наряду с ранее названными, к статусу дикости. Среди мелких изобретений можно упомянуть огниво, мокасины и снегоступы.

К концу этого периода человечество научилось содержать себя в количестве, сравнимом с первобытными временами; оно распространилось по всему лицу Земли и завладело всеми возможностями континентов в пользу человеческого прогресса. В социальной организации они прошли путь от кровосмесительной орды до племен, объединенных в генты, и таким образом стали обладателями зародышей основных государственных институтов. Теперь человеческая раса успешно начала свой великий путь к достижению цивилизации, которая уже тогда, с членораздельной речью среди изобретений, гончарным искусством среди искусств, и жентами среди институтов, была в значительной степени обеспечена.

Период дикости привел к огромным изменениям в состоянии человечества. Та часть, которая шла впереди, в конце концов, организовала языческое общество и создала небольшие племена с деревнями, расположенными тут и там, что способствовало развитию изобретательских способностей. Их грубая энергия и более грубые искусства были направлены главным образом на добывание средств к существованию. Они не достигли ни деревенского острога для обороны, ни мучной пищи, и бич каннибализма все еще преследовал их. Перечисленные искусства, изобретения и институты представляют собой почти всю сумму приобретений человечества в дикости, за исключением удивительного прогресса в языке. В совокупности они кажутся небольшими, но потенциально они были огромны, потому что включали в себя зачатки языка, правительства, семьи, религии, архитектуры и собственности, а также основные зародыши жизненных искусств. Все это их потомки более полно развили в период варварства, а их цивилизованные потомки продолжают совершенствовать.

Но имущество дикарей было незначительным. Их представления о его ценности, желательности и наследственности были слабыми. Грубое оружие, ткани, утварь, одежда, орудия из кремня, камня и кости, а также личные украшения - вот основные предметы собственности в жизни дикарей. Страсть к обладанию ею едва ли сформировалась в их сознании, потому что самой вещи почти не существовало. До отдаленного периода цивилизации оставалось лишь развить в полной мере ту "жадность к наживе" (*studium lucri*), которая сегодня так властвует над человеческим разумом. Земли, еще почти не являвшиеся предметом собственности, принадлежали племенам сообща, а доходные дома - их жильцам.

На предметах сугубо личного пользования, которых становилось все больше по мере медленного развития изобретений, великая страсть питала свои зарождающиеся силы. Наиболее ценные вещи клали в могилу умершего владельца, чтобы он продолжал пользоваться ими в стране духов. Того, что осталось, было достаточно, чтобы поставить вопрос о его наследовании. О том, как оно распределялось до организации в генты, наши сведения ограничены или вовсе отсутствуют. С учреждением генов появилось первое великое правило наследования, которое распределяло имущество умершего человека между его язычниками. Практически их присваивали ближайшие родственники, но общий принцип заключался в том, что имущество должно оставаться в роду умершего и распределяться между его членами. Этот принцип был сохранен в цивилизации греческими и латинскими родами. Дети наследовали от матери, но ничего не брали от своего предполагаемого отца.

II. Собственность на низших ступенях варварства.

От изобретения гончарного искусства до одомашнивания животных или, в качестве эквивалента, выращивания кукурузы и растений с помощью ирригации, период должен был быть короче, чем период дикости. За исключением гончарного искусства, плетения из прутьев и искусства земледелия в Америке, которое дало возможность питаться фариновыми зернами, этот этнический период не ознаменовался никакими великими изобретениями или открытиями. Он больше отличался прогрессом в развитии институтов. Пальцевое плетение из нитей основы и шерсти, по-видимому, относится к этому периоду, и его следует отнести к числу величайших изобретений; однако нельзя с уверенностью утверждать, что это искусство не было достигнуто в дикости. Ирокезы и другие племена Америки, находившиеся в том же положении, изготавливали пояса и ремни для ноши из нитей основы и шерсти превосходного качества и отделки, используя тонкую бечевку из нитей коры вяза и басмы.⁵⁰² Принципы этого великого изобретения, которое с тех пор одевает всю человеческую семью, были реализованы в совершенстве, но они не смогли распространить его на производство тканой одежды. Картинное письмо также, по-видимому, впервые появилось в этот период. Если оно возникло раньше, то теперь получило очень значительное развитие. Оно интересно как один из этапов искусства, кульминацией которого стало изобретение фонетического алфавита. Ряд связанных между собой изобретений, по-видимому, был следующим: 1. Язык жестов, или язык личных символов; 2. Картинное письмо, или идиографические символы; 3. Иероглифы, или обычные символы; 4. Иероглифы фонетической силы, или фонетические символы, используемые в учебной программе; и 5. Фонетический алфавит, или письменные звуки. Поскольку язык, состоящий из письменных звуков, проходил последовательные стадии развития, изучение предшествующих ему процессов представляется важным и поучительным. Иероглифы на памятниках Копана, очевидно, относятся к разряду условных знаков. Они показывают, что американские аборигены, которые практиковали первые три формы, самостоятельно продвигались в направлении фонетического алфавита.

К этому периоду относятся изобретение острога как средства обороны деревни, щита из сыромятной кожи для защиты от стрелы, которая теперь превратилась в смертоносный снаряд, нескольких разновидностей боевой дубины, вооруженной камнем с оболочкой или острием из оленьего рога. Во всяком случае, они были широко распространены среди племен американских индейцев, находившихся на нижней стадии варварства, когда их обнаружили. Копье с кремневым или костяным острием не было привычным оружием у лесных племен, хотя иногда использовалось.⁵⁰³ Это оружие относится к периоду дикости, до изобретения лука и стрел, и вновь появляется в качестве основного оружия в верхнем

статусе варварства, когда в обиход вошло копье с медным наконечником, а ближний бой стал способом ведения войны. Лук и стрелы, а также боевая дубина были основным оружием американских аборигенов в нижнем периоде варварства. Некоторый прогресс был достигнут в гончарном деле: увеличились размеры изготавливаемых сосудов и их орнаментация;⁵⁰⁴ но оно оставалось крайне грубым до конца периода. В архитектуре домов наблюдался заметный прогресс в размерах и способах строительства. Среди мелких изобретений - пневматическое ружье для стрельбы по птицам, деревянная ступка и колотушка для измельчения маиса в муку и каменная ступка для приготовления красок; глиняные и каменные трубки, с использованием табака; костяные и каменные орудия высшего класса, каменные молотки и булавы, рукоятка и верхняя часть камня которых была обтянута сырой шкурой; мокасины и пояса, украшенные дикобразовыми перьями. Некоторые из этих изобретений были заимствованы, и не исключено, что у племен среднего статуса; ведь именно благодаря этому процессу более развитые племена поднимались над низеростоящими, как только последние были способны оценить и присвоить средства прогресса.

Выращивание маиса и растений дало людям пресный хлеб, индийский суккоташ и гомини. Кроме того, это привело к появлению нового вида собственности, а именно возделываемых земель или садов. Хотя земли находились в общей собственности племени, теперь право собственности на обрабатываемую землю признавалось за отдельным человеком или группой, что становилось предметом наследования. Группа, объединенная общим хозяйством, чаще всего принадлежала к одному роду, и правило наследования не позволяло отрывать ее от родства.

Имущество и вещи мужа и жены были отдельными и оставались после их смерти в роду, к которому каждый из них соответственно принадлежал. Жена и дети ничего не брали от мужа и отца, а муж ничего не брал от жены. Среди ирокезов, если мужчина умирал, оставив жену и детей, его имущество распределялось между его язычниками таким образом, что его сестры и их дети, а также дяди по материнской линии получали большую часть. Его братья могли получить небольшую часть. Если женщина умирала, оставив мужа и детей, ее дети, ее сестры, ее мать и ее сестры наследовали ее имущество; но большая часть доставалась ее детям. В каждом случае имущество оставалось в роду. Среди оджибвас имущество матери распределялось между ее детьми, если они были достаточно взрослыми, чтобы пользоваться им; в противном случае или при отсутствии детей оно переходило к ее сестрам, а также к ее матери и ее сестрам, за исключением ее братьев. Хотя они изменили происхождение на мужское, наследование все еще следовало правилу, которое преобладало при происхождении по женской линии.

Разнообразие и количество имущества было больше, чем в дикости, но все же недостаточно для развития сильных чувств по отношению к наследованию. В приведенном выше способе распределения можно распознать, как уже говорилось, зародыш второго великого правила наследования, которое отдавало собственность агнатическим родственникам, исключая остальных язычников. Агнация и агнатическое родство, как они определяются сейчас, предполагают происхождение по мужской линии; но лица, входящие в их число, будут сильно отличаться от тех, кто имеет происхождение по женской линии. Принцип в обоих случаях один и тот же, и термины, похоже, применимы как в одном, так и в другом случае. При происхождении по женской линии агнаты - это те лица, которые могут проследить свое происхождение исключительно по женской линии от одного общего предка с наследодателем; в другом случае - те, кто может проследить свое происхождение

исключительно по мужской линии. Именно кровная связь лиц внутри рода по прямой линии от одного общего предка лежит в основе агнатического родства.

В настоящее время среди передовых индейских племен стало проявляться отвращение к языческому наследованию. В некоторых из них оно было отменено, а вместо него введено исключительное наследование детей. Свидетельства этого неприятия уже приводились в других местах, среди ирокезов, криков, чероки, чокта, меномингов, кроу и оджибвас, со ссылками на приспособления, принятые для того, чтобы позволить отцам передать свое имущество, которое теперь значительно увеличилось, своим детям.

Уменьшение масштабов каннибализма, этого жестокого бича дикости, было очень заметно в более древний период варварства. От него отказались как от общепринятой практики, но он сохранился как военная практика, как уже объяснялось выше, в этот и Средний периоды. В таком виде она встречается у основных племен Соединенных Штатов, Мексики и Центральной Америки. Приобретение мучнистой пищи было главным средством избавления человечества от этого дикарского обычая.

Сейчас мы лишь бегло просмотрели два этнических периода, которые охватывают четыре пятых, по крайней мере, всего существования человечества на земле. Пока человек находился в нижнем статусе, начали проявляться его высшие качества. Личное достоинство, красноречие в речи, религиозная чувствительность, прямота, мужественность и храбрость были теперь общими чертами характера; но жестокость, вероломство и фанатизм были столь же распространены. К этому периоду относятся поклонение элементам в религии, смутное представление о личных богах и Великом Духе, грубое стихосложение, дома с совместным проживанием и хлеб из маиса. Он также породил синдиасмическую семью и конфедерацию племен, объединенных в генты и фратрии. Воображение, эта великая способность, которая внесла столь значительный вклад в возвышение человечества, теперь создавало бесписьменную литературу мифов, легенд и преданий, которая уже стала мощным стимулом для развития расы.

III. Собственность в среднем состоянии варварства.

Состояние человечества в этот этнический период было более полным, чем в любой другой. В эпоху своего открытия индейцы Северной и Южной Америки демонстрировали варварское величие. Их государственные институты, их религиозные догматы, их план домашней жизни, их искусства и их правила в отношении владения и наследования собственности могли бы быть полностью получены; но возможность была предоставлена, чтобы сбежать. Остались лишь разрозненные фрагменты истины, погребенные в заблуждениях и романтических сказках.

Этот период начинается в Восточном полушарии с одомашнивания животных, а в Западном - с появления индейцев-виллидж, живущих в больших домах из саманного кирпича, а в некоторых районах - из камня, выложенного в виде плит. Это сопровождалось выращиванием кукурузы и растений с помощью ирригации, что требовало искусственных каналов и садовых грядок, разбитых на квадраты, с приподнятыми гребнями, чтобы удерживать воду до впитывания. Когда их обнаружили, они достигли значительного прогресса к концу Среднего периода, часть из них уже изготавливала бронзу, что приблизило их к более высокому процессу выплавки железной руды. Жилище было похоже на крепость и занимало промежуточное положение между острогом Нижнего периода и городом Верхнего периода, обнесенным стеной. Когда Америка была открыта, в ней не было городов в собственном смысле этого слова. В военном искусстве они не достигли особых успехов, разве что в обороне, построив огромные дома, в целом неприступные для

нападения индейцев. Но они изобрели стеганую мантию (*escaupiles*), набитую хлопком, как дополнительный щит от стрел, [505](#) и обоюдоострый меч (*macuahuitl*), [506](#) каждый край которого имел ряд угловатых кремневых остриев, вделанных в деревянное лезвие. Они по-прежнему использовали лук и стрелы, копье и боевую дубину, кремневые ножи и топоры, а также каменные орудия, [507](#) хотя у них были медный топор и долото, которые по какой-то причине так и не вошли в обиход.

К маису, бобам, кабачкам и табаку теперь добавились хлопок, перец, помидоры, какао и уход за некоторыми фруктами. Пиво готовили, сбраживая сок магуэя. Ирокезы, однако, производили похожий напиток, сбраживая кленовый сок. Глиняные сосуды емкостью в несколько галлонов, тонкой текстуры и с превосходным орнаментом, были изготовлены с помощью усовершенствованных методов керамического искусства. Миски, горшки и кувшины для воды изготавливались в танце. К этому периоду относятся открытие и использование местных металлов сначала для украшений, а затем для изготовления орудий труда и утвари, таких как медный топор и долото. Плавление этих металлов в тигле, с возможным использованием дутьевой трубы и древесного угля, и отливка их в формы, производство бронзы, грубых каменных скульптур, тканой одежды из хлопка, [508](#) дома из оцилиндрованного камня, Идеограммы или иероглифы, вырезанные на могильных столбах умерших вождей, календарь для измерения времени и солнцезащитный камень для обозначения времен года, циклопические стены, одомашнивание ламы, разновидности собаки, индейки и других птиц относятся к тому же периоду в Америке. Жречество, организованное в иерархию и отличающееся костюмом, личные боги с идолами для их представления и человеческие жертвоприношения впервые появляются в этот этнический период. Появляются два крупных индейских пуэбло, Мехико и Куско, в которых проживает более двадцати тысяч человек, что было неизвестно в предыдущий период. Аристократический элемент в обществе начал проявляться в слабых формах среди вождей, гражданских и военных, благодаря увеличению числа людей, находящихся под одним управлением, и растущей сложности дел.

Обращаясь к Восточному полушарию, мы видим, что его коренные племена в соответствующий период имели домашних животных, дававших им мясо-молочное пропитание, но, вероятно, не занимались садоводством и не употребляли в пищу фарны. Когда было сделано великое открытие, что дикая лошадь, корова, овца, осел, свиноматка и коза могут быть приручены и, размножаясь в стадах и стадах, стать источником постоянного пропитания, это, должно быть, дало мощный импульс человеческому прогрессу. Но этот эффект не стал бы всеобщим, пока не установилась пастушеская жизнь для создания и содержания отар и стад. Европа, в основном лесная, не была приспособлена к пастушескому образу жизни; но травянистые равнины Высокой Азии, а также Евфрат, Тигр и другие реки Азии были естественным местом обитания пастушеских племен. Туда они, естественно, стремились; и этих областях мы прослеживаем наших собственных далеких предков, где они были найдены противостоящими друг другу, как пастушеские семитские племена. Возделывание злаков и растений должно было предшествовать их миграции с травянистых равнин в лесные районы Западной Азии и Европы. К этому их вынудили бы потребности в домашних животных, которые теперь были включены в их жизненный план. Поэтому есть основания полагать, что выращивание злаков арийскими племенами предшествовало их миграции на запад, за исключением, возможно, кельтов. В этот период в Восточном полушарии появляются ткани из льна и шерсти, бронзовые орудия труда и оружие.

Таковы изобретения и открытия, которыми ознаменовался средний период варварства. Общество стало более высокоорганизованным, а его дела - более сложными. Различия в

культуре двух полушарий теперь существовали из-за их неравных возможностей, но основное течение прогресса неуклонно шло вверх, к знаниям о железе и его использовании. Для того чтобы пересечь барьер Верхнего статуса, были необходимы металлические инструменты, способные удерживать острие и точку. Железо было единственным металлом, способным удовлетворить эти требования. Самые продвинутые племена задержались у этого барьера, ожидая изобретения процесса плавки железной руды.

Из вышеизложенных соображений очевидно, что к этому времени произошло значительное увеличение личной собственности и некоторые изменения в отношениях людей к земле. Территориальные владения по-прежнему принадлежали племени в целом; но часть их теперь выделялась для поддержки правительства, другая - для религиозных целей, а еще одна, более важная, часть, от которой люди получали средства к существованию, была разделена между несколькими *gentes*, или общинами людей, проживавших в одном пуэбло (*supra*, p. 200). То, что кто-либо из людей владел землями или домами на правах собственности, имея право продавать и передавать их по наследству кому угодно, не только не доказано, но и маловероятно. Их способ владения землей на общих основаниях, *gentes* или сообществами людей, их дома, сдаваемые в совместное пользование, и способ их заселения родственными семьями, исключали индивидуальную собственность на дома или земли. Право продать долю в таких землях или в таких домах и передать ее постороннему лицу разрушило бы их жизненный уклад.⁵⁰⁹ Право собственности, которое, как мы должны предположить, существовало у отдельных лиц или семей, было неотчуждаемым, за исключением родового, и после смерти человека переходило по наследству к его или ее наследникам из числа язычников. Совместное владение домами и общими землями свидетельствует о жизненном укладе, противоположном индивидуальной собственности.

Помимо семи больших пуэбло и садов, у индейцев деревни Моки есть отары овец, лошади и мулы, а также значительное количество другой личной собственности. Они изготавливают глиняные сосуды разных размеров и отличного качества, а также шерстяные одеяла на ткацких станках и из пряжи собственного производства. Майор Дж. У. Пауэлл обратил внимание на следующий случай в пуэбло Орайбе, который показывает, что муж не приобретает никаких прав на имущество жены или на детей от брака. Один зунианец женился на женщине из Орайбе и имел от нее троих детей. Он жил с ними в Орайбе, пока его жена не умерла, что произошло во время пребывания майора Пауэлла в пуэбло.

Родственники покойной жены забрали ее детей и домашнее имущество, оставив ему лошадь, одежду и оружие. Некоторые одеяла, принадлежавшие ему, ему разрешили взять, но те, что принадлежали его жене, остались. Он покинул пуэбло вместе с майором Пауэллом, сказав, что отправится с ним в Санта-Фе, а затем вернется к своим людям в Зуны. Похожий случай произошел в другом пуэбло моки (*She-row-e-luv-ih*), о котором также стало известно моему информатору. Умерла женщина, оставив детей и мужа, а также имущество. Детей и имущество забирали родственники покойной жены; мужу разрешалось взять только одежду. Был ли он индейцем моки или принадлежал к другому племени, майор Пауэлл, видевший этого человека, не узнал. Из этих случаев следует, что дети принадлежали матери, а не отцу, и что ему не разрешалось забирать их даже после смерти матери. Так было принято у ирокезов и других северных племен. Кроме того, имущество жены хранилось отдельно и принадлежало ее родственникам после ее смерти. Это свидетельствует о том, что жена ничего не брала от мужа, как следствие того, что муж ничего не брал от жены. В другом месте было показано, что так было принято у деревенских индейцев Мексики.

Женщины, как и мужчины, несомненно, имели право собственности на те комнаты и участки этих домов пуэбло, которые они занимали; и они, несомненно, передавали эти права своим ближайшим родственникам в соответствии с установленными правилами. Нам необходимо знать, как эти участки в каждом пуэбло находятся в собственности и наследуются, имеет ли владелец право продавать и передавать чужаку, и если нет, то какова природа и пределы его права собственности. Нам также необходимо знать, кто наследует собственность мужчин и кто наследует собственность женщин. Небольшой и целенаправленный труд позволит получить столь желанную информацию.

Испанские писатели оставили неразрешимую путаницу в вопросах землевладения южных племен. Когда они обнаружили сообщество людей, владеющих общими землями, которые они не могли отчуждать, и что один человек среди них был признан их вождем, они сразу же стали рассматривать эти земли как феодальное поместье, вождя - как феодала, а людей, владеющих общими землями, - как его вассалов. В лучшем случае это было извращением фактов. Одно ясно, а именно, что эти земли находились в общей собственности сообщества людей; но одно, не менее существенное, не указано, а именно: узы союза, которые удерживали этих людей вместе. Если бы речь шла о роде или части рода, то весь предмет был бы сразу понятен.

В некоторых племенах Мексики и Центральной Америки происхождение по женской линии все еще сохранялось, в то время как в других, и, вероятно, в большей части, оно было изменено на мужское. Влияние собственности, должно быть, вызвало это изменение, чтобы дети могли участвовать как родственники в наследовании имущества своего отца. У майя наследование происходило по мужской линии, в то время как у ацтеков, тескуканцев, тлакопанцев и тласкаланцев трудно определить, по мужской или по женской линии. По всей видимости, среди индейцев деревни происходило изменение происхождения по мужской линии, при этом остатки архаичного правила проявлялись, как в случае с должностью Теуктли. Это изменение не отменяет наследование по языческой линии. Ряд испанских авторов утверждает, что дети, а в некоторых случаях и старший сын, наследовали имущество умершего отца; но подобные заявления, помимо изложения их системы, не имеют особой ценности.

Среди деревенских индейцев мы должны были ожидать найти второе великое правило наследования, которое распределяло имущество между агнатическими родственниками. При наследовании по мужской линии дети умершего человека будут стоять во главе агнатов и, естественно, получают большую часть наследства. Маловероятно, что третье великое правило, которое давало исключительное право наследования детям умершего владельца, утвердилось среди них. Обсуждение наследства ранними и поздними авторами неудовлетворительно и лишено точной информации. Институты, обычаи и нравы все еще регулировали этот вопрос и только они могли объяснить эту систему. Без более точных доказательств, чем те, которыми мы располагаем сейчас, нельзя утверждать, что дети наследуют исключительно по наследству.

ГЛАВА II. - ТРИ ПРАВИЛА НАСЛЕДОВАНИЯ - ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Собственность в верхнем статусе варварства.- Рабство.- Владение землей в греческих племенах.- Культура того периода.- Ее блеск.- Третье правило наследования.- Исключительно по детям.- Еврейские племена.- Правило наследования.- Дочери Зелофеда.-

Собственность оставалась во фратрии, и, возможно, в родах.-Возвращение.-Афинские наследники.-Исключительно дети.-Возвращение.-Наследство осталось в роду.-Наследницы.-Завещания.-Римское наследство.-Возвращение.-Наследство осталось в роду.-Появление аристократии.-Имущественная карьера человеческой расы.-Единство происхождения человечества.

Последний великий период варварства так и не наступил у американских аборигенов. Он начался на Востоке, согласно принятой схеме, с производства и использования железа.

Процесс плавки железной руды был изобретением изобретений, как уже говорилось, рядом с которым все остальные изобретения и открытия занимают подчиненное положение. Человечество, несмотря на знание бронзы, все еще останавливалось в своем прогрессе из-за отсутствия эффективных металлических инструментов и металла, обладающего достаточной прочностью и твердостью для механических приспособлений. Все эти качества впервые были обнаружены в железе. Ускоренный прогресс человеческого интеллекта датируется этим изобретением. Этот этнический период, который запомнился нам навсегда, был во многих отношениях самым ярким и замечательным во всем опыте человечества. Он настолько переполнен достижениями, что возникает подозрение, что многие работы, приписываемые ему, относятся к предыдущему периоду.

IV. Собственность в высшем состоянии варварства.- К концу этого периода собственность в массе, состоящая из многих видов и находящаяся в индивидуальном владении, начала становиться общей, благодаря оседлому сельскому хозяйству, мануфактурам, местной и внешней торговле; но старое владение землями, при котором они находились в общем владении, не уступило место, за исключением части, собственности в нескольких экземплярах. Систематическое рабство зародилось в этом статусе. Оно напрямую связано с производством собственности. Из него возникла патриархальная семья древнееврейского типа, аналогичная семья латинских племен под отцовской властью, а также модифицированная форма той же семьи у греческих племен. Вследствие этих причин, но в особенности благодаря увеличению изобилия средств к существованию за счет полевого земледелия, начали развиваться нации, насчитывающие многие тысячи под одним правительством, в то время как раньше они исчислялись несколькими тысячами. Локализация племен на определенных территориях и в укрепленных городах, с увеличением численности народа, обостряла борьбу за обладание наиболее желанными территориями. Это способствовало развитию военного искусства и увеличению вознаграждения за индивидуальную доблесть. Эти изменения условий и образа жизни указывают на приближение цивилизации, которая должна была свергнуть язычество и установить политическое общество.

Хотя жители Западного полушария не принимали участия в опыте, который относится к этому статусу, они следовали по тем же путям, по которым прошли жители Восточного. Они отстали от наступающей колонны человеческой расы как раз на то расстояние, которое измеряется верхним статусом варварства и дополнительными годами цивилизации.

Теперь нам предстоит проследить, как в этом продвинутом статусе развивалась идея собственности, что проявлялось в ее признании в натуральном виде и в правилах, существовавших в отношении ее владения и наследования.

Самые ранние законы греков, римлян и евреев, после начала цивилизации, не более чем превращали в юридические акты результаты, которые их предыдущий опыт воплотил в обычаях и нравах. Имея окончательные законы и предыдущие архаичные правила, можно с

достаточной степенью уверенности предположить промежуточные изменения, если они не известны в явном виде.

К концу позднего периода варварства произошли значительные изменения во владении землей. Постепенно наметилась тенденция к двум формам собственности - государственной и индивидуальной. Но этот результат был полностью закреплен только после достижения цивилизации. Земли у греков, как мы видели, все еще находились в общем владении, некоторые из них принадлежали племенам, некоторые - фратрии для религиозных целей, а некоторые - роду; но основная масса земель перешла в индивидуальное владение по несколько раз. Во времена Солона, когда афинское общество еще было языческим, земли в целом принадлежали частным лицам, которые уже научились их закладывать;⁵¹⁰ но индивидуальная собственность тогда не была чем-то новым. Римские племена с самого начала своего существования имели общественное достояние, *Ager Romanus*; земли же принадлежали *курии* для религиозных целей, роду и отдельным лицам в нескольких долях. После того как эти социальные корпорации вымерли, земли, находившиеся в их общем владении, постепенно перешли в частную собственность. Мало что известно, кроме того, что некоторые земли находились в распоряжении этих организаций для специального использования, в то время как частные лица постепенно присваивали себе содержание национальных территорий.

Эти несколько форм собственности показывают, что самым древним способом владения землей было общее владение племени; что после начала ее возделывания часть земель племени была разделена между гентами, каждый из которых владел своей частью совместно; и что за этим со временем последовали наделы отдельным лицам, которые в конце концов переросли в индивидуальную собственность в нескольких экземплярах. Незанятые и пустующие земли по-прежнему оставались общей собственностью рода, племени и нации. Таков, в сущности, был ход развития опыта в отношении собственности на землю. Личная собственность, как правило, была предметом индивидуального владения.

Моногамическая семья впервые появилась в верхнем статусе варварства, рост которой из предыдущей синдиасмической формы был тесно связан с ростом собственности и с обычаями ее наследования. Происхождение было изменено на мужскую линию; но вся собственность, как реальная, так и личная, оставалась, как это было с незапамятных времен, наследственной в роду.

Основные сведения о видах собственности, существовавших среди греческих племен в этот период, мы черпаем из гомеровских поэм и из ранних законов периода цивилизации, отражающих древние обычаи. В "Илиаде" упоминаются *заборы*⁵¹¹ вокруг возделанных полей, *ограда в пятьдесят акров* (πεντήκοντόϋρος), половина из которых была пригодна для виноградников, а остальная часть - для обработки земли;⁵¹² а о Тидее говорится, что он жил в богатом поместье и имел в изобилии поля, плодоносящие кукурузой.⁵¹³ Нет причин сомневаться в том, что земли в то время были огорожены и измерены, а также находились в индивидуальной собственности. Это свидетельствует о значительном прогрессе в познании собственности и ее использования. Породы лошадей уже отличались особым мастерством.⁵¹⁴ Стада крупного рогатого скота и отары овец, которыми владели отдельные люди, упоминаются как "овцы богатого человека, стоящие бесчисленным множеством в стаде".⁵¹⁵ Монетные деньги были еще неизвестны, поэтому торговля велась путем бартера, о чем свидетельствуют следующие строки: "Оттуда длинноволосые греки покупали вино, одни за медь, другие за блестящее железо, третьи за шкуры, четвертые за самих волов, пятые за рабов".⁵¹⁶ Золото в слитках, однако, называется проходящим по весу и оценивается в талантах.⁵¹⁷ Упоминаются мануфактурные изделия из золота, серебра,

латуни и железа, текстильные ткани из льна и шерсти в различных формах, а также дома и дворцы. Нет необходимости приводить дополнительные иллюстрации. Приведенных достаточно, чтобы показать, какого огромного прогресса достигло общество на верхнем этапе варварства по сравнению с предшествующим периодом.

После того как дома и земли, стада и отары, а также товары для обмена стали столь велики по количеству и перешли в индивидуальную собственность, вопрос об их наследовании стал занимать все большее внимание людей, пока это право не было поставлено на основу, которая удовлетворяла растущий интеллект греческого ума. Архаичные обычаи изменялись в соответствии с более поздними представлениями. Домашние животные представляли собой более ценное владение, чем все виды собственности, известные ранее, вместе взятые. Они служили пищей, их можно было обменивать на другие товары, использовать для выкупа пленников, уплаты штрафов и жертвоприношений при соблюдении религиозных обрядов. Более того, поскольку они могли неограниченно умножаться в количестве, обладание ими открыло человеческому разуму первое представление о богатстве. Со временем последовало систематическое возделывание земли, что привело к отождествлению семьи с землей и превращению ее в организацию, создающую собственность. Вскоре в латинских, греческих и древнееврейских племенах это нашло свое выражение в семье под отцовской властью, с рабами и слугами. Поскольку труд отца и его детей все больше и больше соединялся с землей, с разведением домашних животных и созданием товаров, это не только индивидуализировало семью, ставшую моногамной, но и привело к тому, что дети стали претендовать на наследование имущества, в создании которого они принимали участие. До возделывания земли стада и отары, естественно, переходили в совместное владение людей, объединенных в группу по родственному признаку для получения средств к существованию. Агнатическое наследование было бы склонно проявлять себя в этом состоянии вещей. Но когда земли стали предметом собственности, а наделы, выделенные отдельным лицам, привели к индивидуальному владению, третье великое правило наследования, которое передавало собственность детям умершего владельца, непременно должно было стать следствием агнатического наследования. Нет прямых доказательств того, что строгое агнатическое наследование когда-либо существовало среди латинских, греческих или еврейских племен, за исключением возврата, установленного одинаково в римском, греческом и еврейском праве; но то, что исключительное агнатическое наследование существовало в ранний период, может быть выведено из возврата.

Когда полевое земледелие продемонстрировало, что вся поверхность земли может стать объектом собственности отдельных лиц в нескольких экземплярах, и выяснилось, что глава семьи стал естественным центром накопления, началась новая имущественная карьера человечества. Она была полностью завершена еще до окончания позднего периода варварства. Небольшое размышление должно убедить любого в том, какое мощное влияние теперь начнет оказывать собственность на человеческий разум и как сильно пробудятся новые элементы характера, которые она должна была породить. Из многих источников поступают свидетельства того, что слабый импульс, пробудившийся в разуме дикаря, теперь превратился в огромную страсть в великолепном варваре героического века. Ни архаичные, ни более поздние обычаи не могли сохраниться в таком продвинутом состоянии. Наступило время, когда моногамия, обеспечив отцовство детей, утвердила и сохранила их исключительное право на наследование имущества умершего отца.⁵¹⁸

В древнееврейских племенах, о варварском опыте которых известно очень мало, индивидуальная собственность на землю существовала еще до начала их цивилизации. Примером тому служит покупка Авраамом у Ефрона пещеры Махпела.⁵¹⁹ Они, несомненно,

прошли через предыдущий опыт, во всех отношениях схожий с опытом арийских племен; и вышли из варварства, как и они, владея домашними животными и зерновыми культурами, а также знаниями о железе и латуни, золоте и серебре, фитильных изделиях и текстильных тканях. Но их знания о полевом земледелии были ограничены во времена Авраама. Реконструкция еврейского общества после Исхода на основе кровосмесительных племен, за которыми по достижении Палестины были закреплены территориальные области, показывает, что цивилизация застала их в условиях языческих институтов и ниже уровня знаний о политическом обществе. Что касается владения и наследования имущества, то их опыт, по-видимому, совпадал с опытом римских и греческих племен, о чем можно с некоторой степенью ясности судить по законодательству Моисея. Наследование происходило строго в пределах фратрии и, вероятно, в пределах гена, то есть "дома отца". Архаичное правило наследования у евреев неизвестно, за исключением того, что обозначается возвратом, который был в основном таким же, как в римском законе Двенадцати таблиц. У нас есть этот закон возврата, а также показательный случай, свидетельствующий о том, что после того, как дети получали исключительное наследство, дочери наследовали за сыновьями. Тогда брак переводил их собственность из их собственного рода в род мужа, если только на это право не накладывалось какое-либо ограничение, как в случае с наследницами. Предположительно и естественно, что брак внутри рода был запрещен. Это был последний большой вопрос, возникший в отношении наследования у язычников. Он предстал перед Моисеем как вопрос о еврейском наследовании, а перед Солоном - как вопрос об афинском наследовании, причем род утверждал первостепенное право на его сохранение в пределах своей принадлежности; и решение по нему было вынесено обоими в одинаковой манере. Можно с полным основанием предположить, что такой же вопрос возник и в римских *gentes*, и был частично решен правилом, согласно которому брак с женщиной приводил к *deminutio capitis*, а вместе с ним и к утрате агнатических прав. С этим вопросом был связан и другой, а именно: должен ли брак быть ограничен правилом, запрещающим его в пределах рода, или стать свободным; степень, а не факт родства, была мерой ограничения. Это последнее правило должно было стать окончательным итогом человеческого опыта в отношении брака. С учетом этих соображений приведенный случай проливает яркий свет на ранние институты евреев и показывает их существенное сходство с институтами греков и римлян в эпоху джентилизма.

Зелофад умер, оставив дочерей, но не оставив сыновей, и наследство досталось первым. Впоследствии, когда эти дочери собирались выйти замуж из колена Иосифова, к которому они принадлежали, члены колена, возражая против такой передачи имущества, поставили вопрос перед Моисеем, сказав: "Если они выйдут замуж за кого-либо из сыновей *других* колен сынов Израилевых, то наследство их будет отнято от наследства отцов наших и перейдет к наследству того колена, в которое они получены; так оно будет отнято от жребия нашего".⁵²⁰ Хотя эта формулировка - всего лишь изложение результатов предложенного закона, она подразумевает недовольство; и это недовольство заключалось в передаче имущества из рода и племени, которым оно принадлежало по наследственному праву. Еврейский законодатель признает это право в языке своего решения. "Колено сыновей Иосифа говорит хорошо. Вот что повелевает Господь о дочерях Зелофеда, говоря: пусть выходят замуж, за кого сочтут нужным; только в семью колена отца своего должны они выходить замуж. И не будет переходить наследство сынов Израилевых из колена в колена, ибо каждый из сынов Израилевых будет держаться наследства колена отцов своих. И всякая дочь, имеющая удел в каком-либо колене сынов Израилевых, должна быть женою одного из семейства колена отца своего, чтобы сыны Израилевы могли пользоваться каждый уделом отцов своих".⁵²¹ Они должны были вступать в брак в своей фратрии (*supra*, p. 368), но не обязательно в своем роду. Дочери Зелофада, соответственно, были "выданы замуж за

сыновей брата отца своего", ⁵²² которые были не только членами своей фратрии, но и своего рода. Они также были их ближайшими родственниками.

В предыдущий раз Моисей установил правило наследования и возврата в следующем четком виде. "И скажи сынам Израилевым, говоря: если кто умрет и не будет иметь сына, то пусть перейдет наследство его к дочерям его. А если не будет у него дочери, то отдайте наследство его братьям его. А если не будет у него братьев, то отдайте наследство его братьям отца его. А если у отца его нет братьев, то отдайте наследство его родственнику его, который ближайший к нему из рода его, и он будет владеть им". ⁵²³

Здесь названы три класса наследников: во-первых, дети умершего владельца; во-вторых, родственники в порядке их близости; и в-третьих, язычники, ограниченные членами фратрии умершего. Первым классом наследников были дети; но можно сделать вывод, что сыновья получали имущество при условии обязанности содержать дочерей. В другом месте мы видим, что старший сын имел двойную долю. При отсутствии сыновей наследство получали дочери. Вторым классом были родственники, которые делились на два класса: во-первых, наследство получали братья умершего, если не было детей, а во-вторых, если их не было, то братья отца умершего. Третьими были язычники, также в порядке их близости, а именно: "ближайший к нему родственник его из рода его". Поскольку "семья племени" является аналогом фратрии (*supra*, p. 369), имущество, при отсутствии детей и агнатов, переходило к ближайшему *phra tor* умершего владельца. Это исключало из наследования однородных родственников, так что фратор, более дальний, чем брат отца, наследовал предпочтительнее детей сестры умершего. Показано, что наследование происходило по мужской линии, и имущество должно было оставаться наследственным в роду. Следует заметить, что отец не наследовал от сына, а дед - от внука. В этом и почти во всех отношениях Моисеев закон совпадает с законом Двенадцати таблиц. Он служит яркой иллюстрацией единообразия человеческого опыта и параллельного развития одних и тех же идей в разных расах.

Позднее Левитский закон установил брак на новой основе, не зависящей от языческого законодательства. Он запрещал его в пределах определенных степеней кровосмешения и родства и объявлял его свободным за пределами этих степеней. Это искоренило языческие обычаи в отношении брака среди евреев; и теперь это стало правилом для христианских народов.

Обратившись к законам Солона о наследовании, мы обнаружим, что они в значительной степени совпадают с законами Моисея. Из этого совпадения следует вывод, что предшествующие обычаи, нравы и институты афинян и евреев были во многом схожи в отношении собственности. Во времена Солона среди афинян полностью утвердилось третье великое правило наследования. Сыновьям доставалось имущество умершего отца поровну, но на них возлагалась обязанность содержать дочерей и распределять их поровну после замужества. Если сыновей не было, дочери наследовали поровну. Это создавало наследниц (*ἐπίκληροι*), наделяя женщин поместьями, которые, подобно дочерям Зелофада, передавали имущество, выходя замуж, из своего рода в род своего мужа. Перед Солоном встал тот же вопрос, что и перед Моисеем, и был решен аналогичным образом. Чтобы предотвратить переход имущества из рода в род путем брака, Солон постановил, что наследница должна выйти замуж за ближайшего родственника по мужской линии, хотя они принадлежали одному роду и брак между ними ранее был запрещен по обычаю. Это стало настолько неизменным правилом афинского права, что М. де Куланж в своей оригинальной и наводящей на размышления работе высказывает мнение, что наследство переходило к агнату при условии обязательства жениться на наследнице. ⁵²⁴ Бывали случаи, когда ближайший агнат, уже будучи женатым, отстранял свою жену, чтобы жениться на

наследнице и таким образом получить наследство. В качестве примера можно привести Протомаха из "Евбулидов" Демосфена.⁵²⁵ Но вряд ли можно предположить, что закон обязывал агната развестись с женой и жениться на наследнице, или что он мог получить имение, не став ее мужем. Если детей не было, имущество переходило к агнатам, а при отсутствии агнатов - к язычникам умершего владельца. У афинян собственность сохранялась в пределах рода так же жестко, как у евреев и римлян. Солон превратил в закон то, что, вероятно, уже стало устоявшимся обычаем.

Постепенный рост идеи собственности иллюстрируется появлением завещательных распоряжений, установленных Солоном. Это право, безусловно, должно было быть окончательно утверждено, но для его развития требовалось время и опыт. Плутарх отмечает, что Солон своим законом приобрел известность в отношении завещаний, что до него не допускалось; но имущество и усадьба должны были оставаться в роду (γένει) умершего. Разрешив человеку завещать свое имущество любому, кому он пожелает, если у него нет детей, он почитал дружбу больше, чем родство, и сделал имущество законным владением владельца.⁵²⁶ Этот закон признавал абсолютную индивидуальную собственность человека при жизни, к которой теперь добавлялось право распоряжаться ею по завещанию, кому пожелает, если у него нет детей; но право язычника на собственность оставалось первостепенным до тех пор, пока существовали дети, представлявшие его в роду. Таким образом, в каждой точке мы встречаем свидетельство того, что великие принципы, которые сегодня управляют обществом, разрабатывались шаг за шагом, последовательно и неизменно в одном и том же восходящем направлении. Хотя некоторые из этих иллюстраций относятся к периоду цивилизации, нет никаких оснований полагать, что законы Солона были новыми творениями, не зависящими от предшественников. Они скорее воплощали в позитивной форме те представления о собственности, которые постепенно развивались в ходе опыта, в полной мере проявляясь в самих законах. Позитивное право теперь заменялось обычным правом.

Римское право "Двенадцати таблиц" (впервые обнародованное в 449 году до н. э.)⁵²⁷ содержит установленные в то время правила наследования. Имущество переходило сначала к детям, наравне с которыми жена умершего была сонаследницей; при отсутствии детей и потомков по мужской линии оно переходило к агнатам в порядке их близости; при отсутствии агнатов оно переходило к язычникам.⁵²⁸ Здесь мы снова видим фундаментальную основу права, согласно которой собственность должна оставаться в роду. Обладали ли отдаленные предки латинских, греческих и еврейских племен, один за другим, тремя великими правилами наследования, которые мы рассматриваем, мы не имеем возможности узнать, кроме как через возврат. Представляется разумным вывод, что наследование приобреталось в обратном порядке закона, как он изложен в Двенадцати таблицах; что наследование язычниками предшествовало наследованию агнатами, и что наследование агнатами предшествовало исключительному наследованию детьми.

В поздний период варварства заметно развился новый элемент - аристократия. Индивидуальность людей и рост богатства, которым теперь обладали отдельные люди в массе, закладывали основы личного влияния. Кроме того, рабство, постоянно унижая часть народа, создавало контрасты состояния, неизвестные в предыдущие этнические периоды. Вместе с собственностью и служебным положением оно постепенно развивало аристократические настроения, которые так глубоко проникли в современное общество, и противостояло демократическим принципам, созданным и поддерживаемым гентами. Это

вскоре нарушило равновесие в обществе, введя неравные привилегии и степени уважения к отдельным людям одной национальности, и стало источником раздоров и распрей.

В верхнем состоянии варварства должность вождя в различных его разрядах, первоначально наследственная в роде и выборная среди его членов, переходила, весьма вероятно, среди греческих и латинских племен, как правило, от отца к сыну. То, что она переходила по наследственному праву, не может быть признано на основании существующих доказательств; но обладание любой из должностей *архонта*, *фило-басилея* или *басилея* у греков, а также *princeps* и *rex* у римлян, как правило, укрепляло в их семьях аристократические чувства. Однако они не стали достаточно сильными, чтобы существенно изменить демократическую конституцию ранних правительств этих племен, хотя и достигли постоянного существования. Собственность и должность были тем фундаментом, на котором обосновалась аристократия.

Должен ли этот принцип жить или умереть - одна из величайших проблем, с которыми современное общество сталкивается на протяжении всего прошедшего времени. Как вопрос между равными и неравными правами, между равными и неравными законами, между правами богатства, чина и служебного положения и властью справедливости и интеллекта, конечный результат не вызывает сомнений. Несмотря на то, что за несколько тысяч лет привилегированные классы так и не были уничтожены, за исключением Соединенных Штатов, их обременительный характер для общества был доказан.

С момента появления цивилизации рост собственности был настолько огромен, ее формы настолько разнообразны, ее применение настолько расширяется, а управление ею настолько разумно в интересах ее владельцев, что со стороны людей она превратилась в неуправляемую силу. Человеческий разум стоит в недоумении перед своим собственным творением. Однако придет время, когда человеческий разум поднимется до овладения собственностью и определит отношения государства к охраняемой им собственности, а также обязанности и пределы прав ее владельцев. Интересы общества превыше интересов личности, и их необходимо привести в справедливые и гармоничные отношения. Простая имущественная карьера не является конечной судьбой человечества, если прогресс должен быть законом будущего, как это было в прошлом. Время, прошедшее с начала цивилизации, - это лишь фрагмент прошлой продолжительности существования человека; и лишь фрагмент тех веков, которые еще предстоят. Распад общества должен стать завершением карьеры, целью которой является собственность, потому что такая карьера содержит элементы саморазрушения. Демократия в правительстве, братство в обществе, равенство в правах и привилегиях, всеобщее образование предвещают следующий более высокий уровень общества, к которому неуклонно стремятся опыт, интеллект и знания. Это будет возрождение в более высокой форме свободы, равенства и братства древних родов.

Некоторые принципы и результаты развития идеи собственности в человеческом сознании уже представлены. Хотя эта тема была рассмотрена недостаточно полно, ее важность, по крайней мере, была показана.

С одним принципом интеллекта и одной физической формой, в силу общего происхождения, результаты человеческого опыта были в значительной степени одинаковыми во все времена и во всех областях с одинаковым этническим статусом.

Принцип интеллекта, хотя и обусловлен в своих силах узкими рамками вариаций, стремится к неизменному идеалу. Его деятельность, следовательно, была единообразной на всех этапах человеческого прогресса. Невозможно привести ни одного аргумента в пользу единства происхождения человечества, который по своей природе был бы более

удовлетворительным. Общий принцип интеллекта встречается нам и в дикаре, и в варваре, и в цивилизованном человеке. Именно благодаря ему человечество смогло создать в сходных условиях одни и те же орудия труда и утварь, одни и те же изобретения и развить сходные институты из одних и тех же первоначальных зародышей мысли. Есть что-то грандиозно впечатляющее в принципе, который привел к цивилизации путем усердного применения с малых начал; от наконечника стрелы, который выражает мысль в мозгу дикаря, до выплавки железной руды, которая представляет более высокий интеллект варвара, и, наконец, до железнодорожного состава в движении, который можно назвать триумфом цивилизации.

То, что пять тысяч лет назад часть человечества, меньшая или большая, достигла цивилизации, следует считать удивительным фактом. Строго говоря, только две семьи, семитская и арийская, достигли этого путем самостоятельного развития. Арийская семья представляет собой центральный поток человеческого прогресса, поскольку она породила высший тип человечества и доказала свое внутреннее превосходство, постепенно взяв на себя управление землей. И все же цивилизация должна рассматриваться как случайность обстоятельств. Ее достижение в определенное время было несомненным; но то, что она должна была быть достигнута именно тогда, когда это произошло, все еще остается необычным фактом. Препятствия, удерживавшие человечество в дикости, были велики и преодолевались с трудом. Достигнув среднего состояния варварства, цивилизация висела на волоске, пока варвары путем экспериментов с самородными металлами прощупывали путь к процессу выплавки железной руды. Пока не было известно железо и его применение, цивилизация была невозможна. Если бы человечество до сих пор не смогло преодолеть этот барьер, это не вызвало бы никакого удивления. Если учесть продолжительность существования человека на земле, широкие перемены, через которые он прошел в дикости и варварстве, и прогресс, которого он был вынужден достичь, то цивилизация могла бы с таким же успехом задержаться на несколько тысяч лет в будущем, как и возникнуть в тот момент, когда это произошло по благову провидению Божьему. Мы вынуждены прийти к выводу, что она стала результатом ряда случайных обстоятельств, повлиявших на время ее достижения. Это может служить напоминанием о том, что своим нынешним состоянием, с его многочисленными средствами безопасности и счастья, мы обязаны борьбе, страданиям, героическим усилиям и терпеливому труду наших варварских и, более отдаленно, диких предков. Их труды, их испытания и успехи были частью плана Высшего Разума по развитию варвара из дикаря и цивилизованного человека из этого варвара.

ФУТБОЛ.

[1]

Et pueros commendarunt mulierbreque saeculum

Vocibus, et gestu, cum balbe signifcarent,

Imbecillorum esse aequum miserier omnium.

-De *Rerum Natura*, lib. v, 1020.

[2] Мистер Эдвин Б. Тайлор отмечает, что Гоке "впервые выдвинул в прошлом веке идею о том, что способ изготовления гончарных изделий заключался в том, что люди обмазывали глиной такие горючие сосуды, как эти, чтобы защитить их от огня, пока не обнаружили, что одна только глина отвечает этой цели, и таким образом в мире появилось гончарное

искусство" - *Early History of Mankind*, p. 273. Гоке рассказывает о капитане Гонневиле, посетившем юго-восточное побережье Южной Америки в 1503 году, что он нашел "их домашнюю утварь из дерева, даже горшки для кипячения, но обмазанные глиной толщиной в палец, которая не позволяла огню обжечь их" - *Ib.* 273.

[3] Керамика была найдена в курганах аборигенов в Орегоне в течение нескольких последних лет. - *Foster's Pre-Historic Races of the United States*, I, 152. Первые гончарные сосуды аборигенов Соединенных Штатов, по-видимому, были сделаны в корзинах из камыша или ивы, использовавшихся в качестве форм, которые обжигались после того, как сосуд затвердевал. - *Jones's Antiquities of the Southern Indians*, p. 461. Статья профессора Pay о гончарном деле. *Смитсоновский отчет*, 1866, с. 352.

[4] *Ранняя история человечества*, с. 181; *Доисторические времена*, с. 437, 441, 462, 477, 533, 542.

[5] Льюис и Кларк (1805 г.) обнаружили доски, используемые в домах племен реки Колумбия, - *Travels*, Longman's Ed., 1814, p. 503. Мистер Джон Кист Лорд обнаружил "кедровые доски, выдолбленные из цельного дерева с помощью долот и топоров из камня" в домах индейцев на острове Ванкувер. - *Naturalist in British Columbia*, I, 169.

[6] *Tylor's Early History of Mankind*, p. 265, et seq.

[7] *Geological Survey of Indiana*, 1873, p. 119. Он дает следующий анализ: Древняя керамика, "Bone Bank", Posey Co., Индиана.

Влажность при 212° F,	1.00
Кремнезем,	36.00
Карбонат извести,	25.50
Карбонат магнезии,	3.02
Глинозем,	5.00
Перекись железа,	5.50
Серная кислота,	.20
Органическое вещество (щелочи и потери),	23.60

	100.00

[8] *История американских индейцев*, изд. в Лонд., 1775, с. 424. Ирокезы утверждают, что в древности их предки обжигали свою керамику перед огнем.

[9]

Necdum res igni scibant tractare, nec uti

Pellibus, et spoliis corpus vestire ferarum:

Sed nemora, atque cavos montis, silvasque colebant,

Et frutices inter condebant squalida membra,

Verbera ventorum vitare imbrisque coacti.

[10] Как комбинация сил она настолько заумна, что вряд ли обязана своим происхождением случайности. Упругость и прочность некоторых пород дерева, натяжение шнура из сухожилия или растительного волокна с помощью изогнутого лука и, наконец, их сочетание для приведения в движение стрелы человеческими мышцами - не слишком очевидные предположения для ума дикаря. Как уже отмечалось, лук и стрелы неизвестны ни полинезийцам в целом, ни австралийцам. Уже один этот факт свидетельствует о том, что человечество было далеко продвинуто в дикарском состоянии, когда лук и стрелы впервые появились.

[11] *Стружка из немецкой мастерской*, Comp. Table, ii, p. 42.

[12] *История Рима*, изд. Scribner's, 1871, I, p. 38.

[13] Ранние испанские писатели говорят о "немой собаке", одомашненной на Вест-Индских островах, а также в Мексике и Центральной Америке. (См. изображение ацтекской собаки на пл. iii, т. I, "*Истории Мексики*" Клавигеро). Я не видел никакой идентификации этого животного. Говорят также о домашней птице и индейках на этом континенте. Аборигены одомашнили индейку, а племена науатлаков - некоторые виды дикой птицы.

[14] Из "Илиады" мы узнаем, что греки доили своих овец, а также коров и коз:

ὥτ' ὅϊες πολυπάμονος ἀνδρὸς ἐν αὐλῇ

μυρίαι ἐστήκασιν ἀμελγόμεναι γάλα λευκὸν.-Iliad, iv, 433.

[15]

Inque dies magis in montem succedere silvas

Cogebant, infraque locum concedere cultis;

Prata, lacus, rivas, segetes, vinetaque lacta

Collibus et campis ut haberent.-Lucr. *De Re. Nat.*, v, 1369.

[16] Возможно, египтяне изобрели подъемный кран (см. Геродот, ii, 125). У них также были весы.

[17] Фонетический алфавит, как и другие великие изобретения, появился в результате последовательных усилий. Медленный египтянин, продвигая иероглиф через несколько его форм, достиг слога, состоящего из фонетических знаков, и на этом этапе отдыхал от своих трудов. Он мог писать постоянными знаками на камне. Затем появился любознательный финикиец, первый мореплаватель и торговец на море, который, независимо от того, был ли он ранее знаком с иероглифами или нет, похоже, сразу же включился в работу египтянина и по вдохновению гения овладел проблемой, над которой тот грезил. Он создал тот чудесный алфавит из шестнадцати букв, который со временем дал человечеству письменность и средства для литературных и исторических записей.

[18] ἀρχηγέτην εἶναι τῆς γεωγραφικῆς εἶναι Ἱηρον.-Страбо, I, 2.

[19] Ячмень κριθή, белый ячмень κρῖ λευκόν.- *Илиада*, v, 196; viii, 564: ячменная мука ἄλφιτον.- *Il*, xi, 631: ячменная мука, сделанная из ячменя и соли и использовавшаяся в качестве обряда οὐλοχύται.-*Il*, i, 449: пшеница πυρός.-*Il*, xi, 756: рожь ὀλῦρα.-*Il*, v, 196, viii, 564: хлеб σῖτος.-*Il*, xxiv, 625: огороженные 50 акров земли πεντηκοντόγυος.-*Il*, ix, 579: ограда ἔρκος.-*Il*, v, 90: поле ὀλῶα.-*Il*, v, 90: камни, установленные для межи поля.-*Il*, xxi, 405: плуг ἄροτρον.-*Il*, x, 353; xiii, 703.

[20] Дом или усадьба δόμος.- *Ил*, vi, 390: благоухающие палаты из кедра, с высокой крышей.- *Ил*, vi, 390: дом Приама, в котором было пятьдесят палат из полированных камней αὐτὰρ ἐν αὐτῷ πεντήκοντ' ἔνεσαν θάλαμοι ξεστοῖο λίθοιο.-*Il*, vi, 243.

[21] Корабль νηῦς.-*Il*, i, 485: белый парус λευκὸν ἰστιόν.-*Il*, i, 480: трос или брашпиль πρυμνήσιος.-*Il*, i, 476: весло ἐρετμός.-*Odyssey*, iv, 782: мачта ἰστός.-*Od*, iv, 781: киль στεῖρη.-*Il*, i, 482: корабельный настил δουρὸς.-*Il*, iii, 61: длинный настил μακρὰ δούρατα.-*Od*, v, 162: гвоздь ἥλος.-*Il*, xi, 633: золотой гвоздь χρύσειος ἥλος.-*Il*, xi, 633.

[22] Колесница или транспортное средство ὄχος.-*Il*, viii, 389, 565: четырехколесная повозка τετράκυκλη ἀπήνη.-*Il*, xxiv, 324: колесница δίφρος.-*Il*, v, 727, 837; viii, 403: то же ἄρμα.-*Il*, ii, 775; vii, 426.

[23] Шлем κόρυς.-*Il*, xviii, 611; xx, 398: кираса или корсет θώραξ.-*Il*, xvi, 133; xviii, 610: поножи κνημῖς.-*Il*, xvi, 131.

[24] Копье ἔγχος.-*Il*, xv, 712; xvi, 140: щит Ахилла σάκος.-*Il*, xviii, 478, 609: круглый щит ἄσπις.-*Il*, xiii, 611.

[25] Меч ξίφος.-*Ил*, vii, 303; xi, 29: меч с серебряными наконечниками ξίφος ἀργυρόηλον.-*Ил*, vii, 303: меч φάσγανον.-*Ил*, xxiii, 807; xv, 713: обоюдоострый меч ἀμφηκὲς φάσγανον.-*Ил*, x, 256.

[26] Вино οἶνος.-*Il*, viii, 506: сладкое вино μελιθεῖα οἶνον.-*Il*, x, 579.

[27] Гончарный круг τροχός.- *Ил*, xviii, 600: ручная мельница для помола зерна μύλος.- *Уд*, vii, 104; xx, 106.

[28] Льяной λῖς.-*Il*, xviii, 352; xxiii, 254: льяной корсет λινόθωρηξ.-*Il*, ii, 529: халат Минервы πεπλός.-*Il*, v, 734: туника χιτῶν.-*Il*, x, 131: шерстяной плащ χλαῖνα.-*Il*, x, 133; xxiv, 280: ковер или покрывало τάπης.-*Il*, xxiv, 280, 645: циновка ῥῆγος.-*Il*, xxiv, 644: вуаль κρήδεμνον.-*Il*, xxii, 470.

[29] Топор πέλλεκος.- *Ил*, iii, 60; xxiii, 114, 875: лопата или мотыга μάκελλον.-*Ил*, xxi, 259.

[30] Топор или боевой топор ῥαξίνη.- *Ил*, xiii, 612; xv, 711: нож μάχαιρα.- *Ил*, xi, 844; xix, 252: обломок топора или адз σκέπαρνον.- *Уд*, v, 273.

[31] Молот ῥαιστήρ.-*Il*, xviii, 477: наковальня ἄκμων.-*Il*, xviii, 476: щипцы πυράγρα.-*Il*, xviii, 477.

[32] Сильфоны φῦσα.-*Ил*, xviii, 372, 468: печь, бочаги χάανος.-*Ил*, xviii, 470.

[33] Лошадь ἵππος.- *Ил*, xi, 680: разделена на породы: фракийская.- *Ил*, x, 588; троянская, v, 265: Эрехтом владел тремя тысячами кобыл τρισχίλαιοι ἵπποι.-*Il*, xx, 221: ошейники, уздечки и поводья.-*Il*, xix, 339: осел ὄνος.-*Il*, xi, 558: мул ἡμίονος.-*Il*, x, 352; vii, 333: вол βοῦς.-*Il*, xi, 678; viii, 333: бык ταῦρος; корова βοῦς.-*Od*, xx, 251: коза αἴξ.-*Il*, xi, 679: собака κύων.-*v*, 476; viii, 338; xxii, 509: овца οἶς.-*Il*, xi, 678: кабан или свиноматка σῦς.-*Il*, xi, 679; viii, 338: молоко γάλας.-*Il*, xvi, 643: ведра, полные молока περιγλαγέας πέλλας.-*Il*, xvi, 642.

[34] Гомер упоминает о самородных металлах, но они были известны задолго до его времени, а также до появления железа. Использование древесного угля и тигля для их плавления подготовило почву для выплавки железной руды. Золото χρυσός.- *Илиада*, ii, 229: серебро ἄργυρος.- Ил., xviii, 475: медь, называемая латунью χαλκός.- Ил., iii, 229; xviii, 460: олово, возможно, оловянное, κασσίτερος.- Ил, xi, 25; xx, 271; xxi, 292: свинец μόλιβος.-Ил., ii, 237: железо σίδηρος.-Ил., vii, 473: железная ось-дерево.-Ил., v, 723: железная дубина.-Ил., vii, 141: железная повозка-шина.-Ил., xxiii, 505.

[35] Исследования Бекмана оставили сомнения в существовании настоящей бронзы раньше, чем знание железа у греков и латинян. Он считает, что *электрум*, упоминаемый в "*Илиаде*", был смесью золота и серебра (*History of Inventions*, Bohn's ed., ii, 212); и что *станнум* римлян, состоявший из серебра и свинца, был тем же самым, что и *касситерон* Гомера (*Ib.*, ii, 217). Это слово обычно интерпретируется как олово. Комментируя состав, называемый бронзой, он замечает: "По моему мнению, большая часть этих вещей была сделана из *станнума*, правильно называемого так, который благодаря примеси благородных металлов и некоторой трудности плавления стал более пригодным для использования, чем чистая медь". (*Ib.*, ii, 213). Эти наблюдения были ограничены народами Средиземноморья, на территории которых олово не производилось. Топоры, ножи, бритвы, мечи, кинжалы и личные украшения, обнаруженные в Швейцарии, Австрии, Дании и других частях Северной Европы, при анализе были признаны состоящими из меди и олова и, следовательно, подпадают под строгое определение бронзы. Они также были найдены в соотношениях, указывающих на приоритет железа.

[36] Происхождение языка было исследовано достаточно далеко, чтобы обнаружить серьезные трудности, стоящие на пути любого решения этой проблемы. По общему мнению, от нее отказались как от невыгодной темы. Это скорее вопрос законов человеческого развития и необходимых операций ментального принципа, чем материалов языка. Лукреций замечает, что в первобытный период человечество с помощью звуков и жестов, заикаясь, сообщало друг другу свои мысли (*Vocibus, et gestu, cum balbe significarent.*-v, 1021). Он предполагает, что мысль предшествовала речи и что язык жестов предшествовал языку артикуляции. Язык жестов или жестов, по-видимому, был примитивным, старшей сестрой членораздельной речи. Он до сих пор является универсальным языком варваров, если не дикарей, в их взаимном общении, когда их диалекты не совпадают. Американские аборигены разработали такой язык, показав тем самым, что он может быть сформирован адекватно для общего общения. Используемый ими язык изящен и выразителен и доставляет удовольствие при использовании. Это язык естественных символов, и поэтому он обладает элементами универсального языка. Язык жестов легче изобрести, чем язык звуков; и, поскольку он осваивается с большей легкостью, возникает предположение, что он предшествовал членораздельной речи. Звуки голоса, согласно этой гипотезе, должны были бы сначала появиться при помощи жестов, а поскольку они постепенно приобретали общепринятое значение, то вытеснили бы в этой степени язык жестов или стали бы его составной частью. Это также будет способствовать развитию способностей голосовых органов. Нет более простого утверждения, чем то, что жест сопровождает артикуляционный язык с момента его рождения. Он и сейчас неотделим от него и может воплощать в себе остатки древней ментальной привычки, сохранившейся до наших дней. Если бы язык был совершенен, жест, удлиняющий или подчеркивающий его значение, был бы недостатком. По мере того как мы спускаемся по градациям языка к его более грубым формам, жестовый элемент увеличивается в количестве и разнообразии своих форм, пока мы не обнаруживаем, что язык настолько зависит от жестов, что без них он был бы практически невразумительным. Растущие и процветающие бок о бок на протяжении дикости и далеко в период варварства,

они остаются, в измененных формах, неразрывно объединенными. Тем, кому интересно решить проблему происхождения языка, не помешает обратиться к возможным предложениям из языка жестов.

[37] Предполагается, что египтяне отдаленно относятся к семитской семье.

[38] Whitney's *Oriental and Linguistic Studies*, p. 341.

[39] М. Кикерес, швейцарский инженер, обнаружил в кантоне Берн остатки нескольких горнов для выплавки железной руды; вместе с инструментами, фрагментами железа и древесным углем. Для строительства одной из них в склоне холма была сделана выемка, в которой из глины был сформирован бош, а над ним - дымовая труба в виде купола для создания тяги. Никаких свидетельств использования мехов найдено не было. По-видимому, в бош поочередно закладывались слои измельченной руды и древесного угля, а горение поддерживалось за счет раздувания пламени. В результате получалась губчатая масса частично расплавленной руды, которая затем сваривалась в компактную массу с помощью молота. Залежи древесного угля были обнаружены под слоем торфа толщиной в двадцать футов. Маловероятно, что эти печи существовали одновременно со знаниями о плавке железной руды; но они, скорее всего, были близкими копиями оригинальных печей. - См. Figuiet's *Primitive Man*, Putnam's ed., p. 301.

[40] Дворец Приама.-Il., vi, 242.

[41] Дом Улисса. - Од., xvi, 448.

[42] Од., vii, 115.

[43] В дополнение к предметам, перечисленным в предыдущих заметках, можно добавить следующие из "Илиады" в качестве дальнейших иллюстраций достигнутого в то время прогресса: челнок κερκίς.-xxii, 448: ткацкий станок ἰ στός.-xxii, 440: тканое филе πλεκτή ἀναδέσμη.-xxii, 469: серебряный таз ἀργύρεος κρητήρ.-xxiii, 741: кубок, или чаша для питья δέπας.-xxiv, 285: золотой кубок χρύσειον δέπας.-xxiv, 285: корзина, сделанная из тростника, κάνειον.-xxiv, 626: десять талантов золотом χρυσοῦ δέκα πάντα τάλαντα.-xix, 247: арфа φόρμιγξ.-ix, 186, и κιθара.-xiii, 731: пастушья труба σύριγξ.-xviii, 526: серп, или секаторский нож, δρεπάνη.-xviii, 551: рыболовная сеть πᾶναγρον.-v, 487: ячея сети ἄψις.-v, 487: мост γέφυρα.-v, 89: также дамба.-xxi, 245: заклепки δέσμοι.-xviii, 379: боб κύαμος.-xiii, 589: горох ἐρέβινθος.-xiii, 589: лук κρόμνον.-xi, 630: виноград σταφυλή.-xviii, 561: виноградник ὀλῳή.-xviii, 561: вино οἶνος.-viii, 506; x, 579: треножник τρίπους.-ix, 122: медный котел или котел λέβης.-ix, 123: брошь ἐνετή.-xiv, 180: серьга τρίγληνος.-xiv, 183: сандалия или бускин πέδιλον.-xiv, 186: кожаный ῥινός.-xvi, 636: ворота πύλη.-xxi, 537: засов для крепления ворот ὀχεύς.-xxi, 537. А в Одиссее: серебряный таз ἀργύρεος λέβης.-i, 137: стол τράπεζα.-i, 138: золотые кубки χρύσεια κύπελλα.-Od, i, 142: рожь или полба ζεία.-iv, 41: купальня ἄσάμινθος.-iv, 48: сыр τυρός: молоко γάλα.-iv, 88: дистаф или веретено ἡλακάτη.-iv, 131; vii, 105; xvii, 97: серебряная корзина ἀργύρεος τάλарος.-iv, 125: хлеб σῖτος.-iv, 623: xiv, 456: столы, нагруженные хлебом, мясом и вином ἐϋξεστοὶ δὲ τράπεζαι σίτου καὶ κρεῖων ἢ δ' οἶνον βεβρίθασιν.-xv, 333: челнок κερκίς.-v, 62: кровать λέκτρον.-viii, 337: мангал погружение топора или адз в холодную воду с целью его закалки

ὡς δ' ὅτ' ἀνὴρ χαλκεὺς πέλεκυν μέγαν ἦε σκέπαρνον

εἰ ν' ὕδατι ψυχρῷ βάπτῃ μεγάλα ἰάχοντα

φαρμάσων- τὸ γὰρ αὖτε σιδήρου γε κράτος ἐστίν.

соль ἄλς.-xi, 123; xxiii, 270: лук τόξον.-xxi, 31, 53: колчан ὑψυτός.-xxi, 54: серп δρεπάνη.-xviii, 368.

[44] Римляне проводили различие между *connubium*, относящимся к браку как гражданскому институту, и *conjugium*, являющимся простым физическим союзом.

[45] За подробные сведения об австралийской системе я обязан преподобному Лоримеру Фисону, английскому миссионеру в Австралии, который получил часть этих сведений от преподобного У. Ридли, а другую часть - от Т. Е. Ланса, эсквайра, оба из которых провели много лет среди австралийских аборигенов и имели прекрасные возможности для наблюдения. Эти факты были присланы мистером Фисоном вместе с критическим анализом и обсуждением системы, которые с замечаниями писателя были опубликованы в "*Трудах Ам. акад. искусств и наук*" за 1872 год. См. т. viii, с. 412. Краткое описание классов камиларои дано в McLennan's *Primitive Marriage*, p. 118; и в Tylor's *Early History of Mankind*, p. 288.

[46] Падимелон: вид кенгуру.

[47] *Системы кровосмешения и родства человеческой семьи*, (Smithsonian Contributions to Knowledge), vol. xvii, p. 420, et seq.

[48] Если составить схему нисхождения, например, Иппая и Капоты, и довести ее до четвертого поколения, дав каждой промежуточной паре двух детей, мужчину и женщину, то получатся следующие результаты. Дети Иппая и Капоты - Мурри и Мата. Будучи братом и сестрой, они не могут вступить в брак. При второй степени дети Мурри, женатого на Буте, - Иппай и Иппата, а Мата, женатого на Кумбо, - Кубби и Капота. Из них Иппай женится на своей двоюродной сестре Капоте, а Кубби - на своей двоюродной сестре Иппате. Можно заметить, что восемь классов воспроизводятся из двух во втором и третьем поколениях, за исключением Кумбо и Бута. В следующем, третьем, поколении есть два Мурри, два Мата, два Кумбо и два Бута; из них Мурри женится на Бута, своих троюродных сестрах, а Кубби на Мата, своих троюродных сестрах. В четвертом поколении есть по четыре Иппаи Капотас Куббис и Иппатас, которые являются третьими двоюродными братьями. Из них иппаи женятся на капотах, а кубби - на иппатах; и так из поколения в поколение. Аналогичная таблица по остальным брачным классам даст похожие результаты. Эти подробности утомительны, но они делают очевидным тот факт, что в таком состоянии древнего общества они не только постоянно вступают в браки, но и вынуждены делать это благодаря такой организации по половому признаку. Сожительство не было бы таким неизменным, если бы весь мужской и женский класс вступал в брак в одной группе; но его появление должно было быть постоянным в рамках этой системы. Таким образом, одна из основных целей, обеспечиваемых родом, когда он полностью созрел, была разрушена: а именно, сегрегация части потомков предполагаемого общего предка под запретом на межродовые браки с последующим правом вступления в брак с любым другим родом.

[49] *Proc. Am. Acad. Arts and Sciences*, viii, 436.

[50] В "*Письмах об урокезах*" Скенандоа, опубликованных в "*Американском обозрении*" в 1847 году; в "*Лиге урокезов*", опубликованной в 1851 году; и в "*Системах кровосмешения и родства в человеческой семье*", опубликованных в 1871 году. (Smithsonian Contributions to Knowledge, vol. xvii.) Я использовал *tribe* как эквивалент *gens* и вместо него; но с точным определением группы.

[51] Эти буханки или лепешки были около шести дюймов в диаметре и дюйма толщиной.

[52] *North American Review*, April No., 1873, p. 370 Примечание.

[53] Сыновья нескольких сестер являются друг другу братьями, а не кузенами. Последние здесь выделяются как побочные братья. Таким образом, сын брата мужчины является его сыном, а не племянником; в то время как сын его побочной сестры является его племянником, так же как и сын его собственной сестры. Первый выделяется как побочный племянник.

[54] Произносится *gen'-ti-les*, что может быть заметно для тех, кто не знаком с латынью.

[55] *История Америки*, изд. в Лондоне, 1725 г., перевод Стивенса, iv, 171.

[56] *Ib.*, iv, 34.

[57] *История Америки*, iii, 298.

[58] *Королевские комментарии*, Лондонское изд. 1688 г., перевод Райкота, с. 107.

[59] *Herrera*, iv, 231.

[60] "Их сердца яростно горят день и ночь без перерыва, пока они не прольют кровь за кровь. Они передают от отца к сыну память о гибели своих родственников или одного из своего племени или семьи, даже если это была старая женщина" - *Adair's Hist. Amer. Indians*, Lond. ed., 1775, p. 150.

[61] *Mommsen's History of Rome*, Scribner's ed., Dickson's Trans., i, 49.

[62] Один из двенадцати родов омахас - ля-тя-дя, Голубиный Ястреб, который имеет, среди прочих, следующие имена:

Имена для мальчиков.

Ah-hise'-na-da, "Длинное крыло".

Gla-dan'-noh-che, "Ястреб, балансирующий в воздухе".

Nes-tase'-kä, "Белоглазая птица".

Имена девочек.

Me-ta'-na, "Птица, поющая при свете дня".

Lä-tä-dä'-win, "Одна из птиц".

Wä-tä' na, "Птичье яйцо".

[63] Когда называются конкретные обычаи, подразумевается, что они ирокезские, если не указано обратное.

[64] После того как люди собирались в доме совета, один из вождей произносил речь, в которой рассказывал о человеке, о причине его усыновления, об имени и роде усыновителя, а также о том, какое имя было дано послушнику. Затем два вождя, взяв человека за руки, прошли с ним через дом совета и обратно, распевая песню об усыновлении. В конце каждого куплета люди отвечали музыкальным хором. Марш продолжался до тех пор, пока не заканчивались куплеты, что требовало трех заходов. На этом церемония завершалась. Американцам иногда делают комплименты. Несколько лет назад мне выпал счастливый случай быть принятым таким образом в род ястребов сенеков, когда эта церемония повторилась.

[65] *Grote's Hist. of Greece*, i, 194.

[66] *Лига ирокезов*, с. 182.

[67] Хранители веры" были примерно так же многочисленны, как и вожди, и выбирались мудрецами и матронами каждого рода. После избрания они возвышались на совете племени с соответствующими случаю церемониями. Их имена забирали, а на их место давали новые, принадлежащие к этому классу. Мужчины и женщины выбирались примерно в равном количестве. Они были цензорами народа, имея право сообщать совету о дурных поступках людей. Избранные обязаны были принять должность, но после разумной службы каждый мог отказаться от нее, что делалось путем отказа от имени Хранителя Веры и возвращения к прежнему имени.

[68] *Луга ирокезов*, с. 182.

[69] *История американских индейцев*, с. 183.

[70]

εἴ η δ' ἂν Ἑλλαδι γλώττῃ τὰ ονόματα ταῦτα μεθερμηνευόμενα
φυλὴ μὲν καὶ τριττὺς ἡ τρίβους, φράτρα δὲ καὶ λόχος ἡ κουρία
-*Dionysius*, lib. II, cap. vii; и vid. lib. II, с. xiii.

[71] На то, что очищение совершалось с помощью фратрии, намекает Эсхил:

ποία δὲ χέρνιψ φρατέρων προοδέξεται.- *The Eumenides*, 656.

[72] *Луга ирокезов*, стр. 294.

[73] По ирокезским поверьям, путешествие от земли до неба для ушедшего духа длилось десять дней. В течение десяти дней после смерти человека скорбящие собирались по ночам для оплакивания покойного, во время которого предавались чрезмерной скорби. Плач или причитания исполняли женщины. По древнему обычаю, каждую ночь на могиле разводили костер на тот же срок. На одиннадцатый день устраивали пир; дух усопшего достигал небес, места упокоения, и больше не было причин для траура. С праздником все заканчивалось.

[74] *Илиада*, ii, 362.

[75] *Bancroft's Native Races of the Pacific States*, I, 109.

[76] O-tä'-was.

[77] Оджибвы в древности изготавливали глиняные трубы, кувшины для воды и сосуды, как они утверждают сейчас. В разное время в Солт-Сент-Мэри были откопаны индейские гончарные изделия, которые они признают работой своих предков.

[78] Потаваттами и кри разошлись примерно в равной степени. Вполне вероятно, что оджибвас отавас и кри были одним народом по диалекту после того, как потаваттами обособились.

[79] Как смесь леса и прерии, это была отличная страна для дичи. В прериях в изобилии рос хлебный корень, камаш. Летом здесь было много ягод. Но по этим параметрам она не превосходила другие районы. Отличительной чертой этого региона были неисчерпаемые запасы лосося в реке Колумбия и других реках побережья. Они толпились в этих реках миллионами, и в сезон их добывали с легкостью и в величайшем изобилии. После разделки и сушки на солнце их упаковывали и доставляли в деревни, и они составляли их основную пищу в течение большей части года. Кроме того, на побережье велась добыча раковин,

которые давали большое количество пищи в зимние месяцы. К этим преимуществам добавлялся мягкий и ровный климат в течение всего года - примерно такой же, как в Теннесси и Вирджинии. Это был рай для племен, не знавших злаков.

[80] С большой долей вероятности можно утверждать, что долина реки Колумбия была местом, где зародилась семья Ганованов, из которой в прошлые века выходили сменяющие друг друга потоки мигрирующих групп, пока не были заняты обе части континента. И далее, что обе части продолжали пополняться жителями из этого источника вплоть до эпохи европейских открытий. Эти выводы можно сделать на основании физических причин, относительных условий и языковых связей индейских племен. Огромные просторы центральных прерий, которые непрерывно простирались более чем на пятнадцать сотен миль с севера на юг и более чем на тысячу миль с востока на запад, служили барьером для свободного сообщения между тихоокеанской и атлантической сторонами континента в Северной Америке. Поэтому представляется вероятным, что первоначальное семейство, начавшее свое распространение из долины реки Колумбия и мигрировавшее под влиянием физических причин, достигло бы Патагонии раньше, чем Флориды. Известные факты настолько сильно указывают на этот регион как на первоначальную родину индейской семьи, что небольшое количество дополнительных доказательств сделает гипотезу окончательной.

Открытие и выращивание кукурузы не изменило существенным образом ход событий и не приостановило действие предыдущих причин, хотя и стало важным фактором в процессе совершенствования. Неизвестно, где родился этот американский злак; но тропическая область Центральной Америки, где растительность очень активна, где это растение особенно плодовито и где были найдены древнейшие стоянки индейцев-селькупов, была принята по общему согласию как вероятное место его происхождения. Если бы культивирование началось в Центральной Америке, то оно распространилось бы сначала по Мексике, а оттуда в Нью-Мексико и долину Миссисипи, а затем снова на восток к берегам Атлантики; объем культивирования уменьшался бы от начальной точки к конечным. Оно распространялось независимо от деревенских индейцев, благодаря желанию более варварских племен получить новые средства к существованию; но оно никогда не выходило за пределы Нью-Мексико и долины реки Колумбия, хотя культивированием занимались миннитари и манданы в верховьях Миссури, шайаны на Красной реке на севере, гуроны у озера Симко в Канаде и абенаки на реке Кеннебек, а также в целом племена между Миссисипи и Атлантикой. Мигрирующие группы из долины Колумбии, следуя по следам своих предшественников, будут давить на индейцев Виллидж в Нью-Мексико и Мексике, что приведет к вытеснению разрозненных племен к перешейку и через него в Южную Америку. Такие изгнанные группы унесут с собой первые зародыши прогресса, развитые в жизни деревенских индейцев. Повторяясь через определенные промежутки времени, это привело бы к тому, что Южная Америка получила бы класс жителей, намного превосходящий дикие группы, которых она ранее поставляла, и за счет северной части, обедневшей таким образом. В конечном итоге Южная Америка достигла бы передовой позиции в развитии, даже в неполноценной стране, что, по-видимому, и произошло. Перуанская легенда о Манко Капаке и Маме Уэлло, детях солнца, брате и сестре, муже и жене, показывает, если вообще можно что-то сказать, что группа деревенских индейцев, мигрировавших издалека, хотя и не обязательно из Северной Америки, собралась вместе и научила грубые племена Анд высшим искусствам жизни, включая выращивание кукурузы и растений. В результате простого и вполне естественного процесса легенда исчезла, и остались только вождь и его жена.

[81] Сб. *Ternaux-Compans*, IX, pp. 181-183.

[82] Акоста. *The Natural and Moral History of the East and West Indies*, Lond. ed., 1604, Grimstone's Trans., pp. 500-503.

[83] В конце прошлого века сенека-ирокезы в одной из своих деревень на реке Аллегани установили идола из дерева и устраивали вокруг него танцы и другие религиозные церемонии. Мой информатор, покойный Уильям Паркер, видел этого идола в реке, в которую он был брошен. Кого он олицетворял, он так и не узнал.

[84] Они были приняты в Конфедерацию Криков после того, как их свергли французы.

[85] Около 1651-5 гг. они изгнали родственные им племена эри из района между рекой Генеzi и озером Эри, а вскоре после этого нейтральные народы - с реки Ниагара, и таким образом завладели остальной частью Нью-Йорка, за исключением низовьев Гудзона и Лонг-Айленда.

[86] Ирокезы утверждали, что они существовали от ста пятидесяти до двухсот лет, когда впервые увидели европейцев. Поколения сакхемов в истории Дэвида Кьюсика (тускарора) делают ее более древней.

[87] Мой друг, Горацио Хейл, выдающийся филолог, пришел, как он мне сообщил, к такому выводу.

[88] Эти имена означают следующее: 1. "Нейтральный" или "Щит".

[89] "Человек, который расчесывает".

[90] "Неисчерпаемый".

[91] "Малая речь".

[92] "У развилок".

[93] "У великой реки".

[94] "Таскающий свои рога".

[95] "Равномерный".

[96] "Подвешивание погремушек". Сахемы первого класса принадлежали к племени черепах, второго класса - к племени волков, третьего класса - к племени медведей.

[97] "Человек, несущий ношу".

[98] "Человек, покрытый пухом кошачьего хвоста".

[99] "Открытие через лес".

[100] "Длинная струна".

[101] "Человек с головной болью".

[102] "Глотая себя".

[103] "Место эха".

[104] "Военный клуб на земле".

[105] "Человек на пару". Сахемы первого класса принадлежали к племени Волка, второго - к племени Черепахи, третьего - к племени Медведя.

[106] "Запутанный", племя Медведя.

[107] "В дозоре", племя Медведя. Этот и предыдущий сачем были наследственными советниками То-до-дя-хо, который занимал самую прославленную должность сакхема.

[108] "Горькое тело", племя бекасов.

[109] Племя черепах.

[110] Этот сакхем был наследственным хранителем вампума; племя волка.

[111] Племя оленей.

[112] Племя оленей.

[113] Племя черепах.

[114] Медвежье племя.

[115] "Имеющий взгляд", племя оленей.

[116] "Большой рот", племя черепах.

[117] "Через ручей", племя черепах.

[118] "Человек напуган", племя оленей.

[119] Племя цапли.

[120] Медвежье племя.

[121] Медвежье племя.

[122] Племя черепах.

[123] Не установлено.

[124] "Очень холодно", племя черепах.

[125] Племя цапли.

[126] Племя бекасов.

[127] Племя бекасов.

[128] "Красивое озеро", племя черепах.

[129] "Ровные небеса", племя бекасов.

[130] Племя черепах.

[131] "Великий лоб", племя ястреба.

[132] "Помощник", племя медведя.

[133] "Падающий день", племя бекасов.

[134] "Сожженные волосы", племя бекаса.

[135] "Открытая дверь", племя Волка.

[136] Дети братьев сами являются друг другу братьями и сестрами, дети последних также были братьями и сестрами, и так далее до бесконечности; дети и потомки сестер - то же самое. Дети брата и сестры - двоюродные братья и сестры, дети последних - двоюродные братья и сестры, и так далее до бесконечности. Знание отношений друг к другу членов одного рода никогда не теряется.

[137] Гражданский совет, который мог быть созван любым народом, обычно созывался и открывался следующим образом: Если, например, созывали онондага, то они посылали глашатаев к онейдагам на востоке и каюгам на западе от них с поясами, содержащими приглашение собраться в роще совета онондага в такой-то день такой-то луны для целей, которые также были названы. Затем каюги должны были послать такое же уведомление сенекам, а онейдаги - ирокезам. Если совет собирался с мирными целями, то каждый сакхем должен был принести с собой связку фагот из белого кедра, символизирующих мир; если с военными целями, то фаготы должны были быть из красного кедра, символизирующих войну.

В назначенный день сакхемы нескольких народов со своими последователями, которые обычно прибывали за день или два до этого и располагались лагерем в отдалении, принимались сакхемами онондага в торжественной обстановке на восходе солнца. Они шли отдельными процессиями из своих лагерей к роще совета, каждый нес свой кожаный халат и связку факелов, где их ждали сакхемы онондага с толпой народа. Затем сакхемы выстраивались в круг, а сакхем онондага, который по договоренности выступал в роли церемониймейстера, занимал сторону, обращенную к восходящему солнцу. По сигналу они маршировали по кругу, двигаясь на север. Здесь можно заметить, что край круга на севере называется "холодной стороной" (o-to'-wa-ga); на западе - "стороной заходящего солнца" (ha-gă-kwäs'-gwä); на юге - "сторона высокого солнца" (en-de-ih'-kwä); на востоке - "сторона восходящего солнца" (t'-kă-gwit-käs'-gwä). Промаршировав три раза по кругу в одну шеренгу, голова и ноги колонны соединялись, вождь останавливался на стороне восходящего солнца и клал перед собой связку фагот. За ним следовали остальные, по одному на север, образуя таким образом внутренний круг из фаготов. После этого каждый сакхем расстилал свой кожаный халат в том же порядке и садился на него, скрестив ноги, за своей связкой фаготов, а его помощник сакхем стоял позади него. После минутной паузы церемониймейстер вставал, доставал из своего мешочка два куса сухого дерева и кусок панки, с помощью которых он начинал добывать огонь трением. Когда огонь был получен, он входил в круг и поджигал свой сверток, а затем все остальные в том порядке, в котором они были уложены. Когда они хорошо разгорелись, по сигналу церемониймейстера сакхемы вставали и трижды обходили Круг Сжигания, идя, как и прежде, на север. Каждый из них время от времени поворачивался, чтобы все стороны его лица подвергались согревающему воздействию огня. Это символизировало, что они согревают свои привязанности друг к другу, чтобы в дружбе и единстве вести дела совета. Затем они уселись каждый на свою мантию. После этого церемониймейстер снова поднялся на ноги, наполнил и зажег трубку мира от своего собственного огня. Сделав три взмаха, один за другим, он дунул первый раз в сторону зенита, второй - в сторону земли, а третий - в сторону солнца. Первым действием он возблагодарил Великого Духа за сохранение его жизни в течение последнего года и за то, что ему было позволено присутствовать на этом совете. Вторым действием он возблагодарил свою Мать, Землю, за ее различные продукты, которые помогали ему прокормиться. И в

третий раз он поблагодарил Солнце за его неизменный свет, который всегда светит всем. Эти слова не повторялись, но таков смысл самих действий. Затем он передавал трубку первому справа от себя на севере, который повторял те же церемонии, а затем передавал ее следующему, и так далее по горящему кругу. Церемония раскуривания калумета также означала, что они поклялись друг другу в вере, дружбе и чести.

Этими церемониями завершилось открытие совета, который был объявлен готовым к делам, ради которых он был создан.

[138] Традиция гласит, что онондаги поручили мудрецу посещать территории племен, выбирать и называть новых сакхемов в зависимости от обстоятельств, что объясняет неравное распределение этой должности между несколькими родами.

[139] В начале американской революции ирокезы не смогли договориться об объявлении войны нашей конфедерации из-за отсутствия единодушия в совете. Несколько онейдских сакхемов сопротивлялись этому предложению и в конце концов отказались от своего согласия. Поскольку нейтралитет с ирокезами был невозможен, а сенеки были полны решимости воевать, было решено, что каждое племя может вступить в войну под свою ответственность или остаться нейтральным. Война с эри, с нейтральным племенем и саскуэханноками, а также несколько войн с французами были решены на общем совете. Наши колониальные записи в значительной степени заполнены переговорами с Ирокезской конфедерацией.

[140]

δοκοῦντα καὶ δόξαντ' ἀπαγγέλλειν με χρῆ

δήμου προβούλοις τῆσδε καδμεΐας πόλεως.

-Эсхил, "Семеро против Фив", 1005.

[141] Один из сакхемов Каюги.

[142] Один из сакхемов Сенеки, основатель новой религии ирокезов.

[143] Один из сакхемов Сенеки.

[144] *Системы кровосмешения и родства человеческой семьи. (Smithsonian Contributions to Knowledge, vol. xvii, 1871, p. 131.)*

[145]

1. Волк,	Tor-yoh'-ne.	5. Олень,	Nä-o'-geh.
2. Медведь,	Ne-e-ar-guy'-ee.	6. Бекас,	Doo-eeese-doo-we'.
3. Бобр,	Non-gar-ne'-e-ar-goh.	7. Цапля,	Jo-äs'-seh.
4. Черепаха,	Gä-ne-e-ar-teh-go'-wä.	8. Ястреб,	Os-sw eh-gä-dä-gä'-ah.

[146]

1. Ah-na-rese'-kwä,	Костегрызы.	5. Os-ken'-o-toh,	Бродячие.
2. Ah-nu-yeh',	Печень дерева.	6. Сине-гэйн' - см,	Ползучий.
3. Tso-tä'-ee,	Застенчивое животное.	7. Я-ра-хатс-си,	Высокое дерево.
4. Ge-ah'-wish,	Прекрасная земля.	8. Dä-soak'	Летающие.

[147] Мистер Горацио Хейл недавно доказал связь тутелосов с ирокезами.

[148] Мистер Фрэнсис Паркман, автор блестящей серии работ о колонизации Америки, первым установил принадлежность саскуэханноков к ирокезам.

[149] *Путешествия по Северной Америке*, изд. Филадельфия, 1796, с. 164.

[150] *Путешествия по Северной Америке*, с. 165.

[151]

1. Wä-sä'-be.	2. De-a-glie'-ta.	3. На-ко-поз-на.	4. Moh-kuh'.
5. Wä-shä'-ba.	6. Wä-zhä'-zha.	7. Ноли-га.	8. Вали'га.

[152]

1. Wä'-zhese-ta.	2. Инк-ка-са-ба.	3. Lă'-tä-dä.	4. Kä'-ih.
5. Da-thun'-da.	6. Wä-sä'-ba.	7. Hun'-ga.	8. Kun'zä.
9. Tä'-pä.	10. Ин-гра'-же-да.	11. Ish-dä'-sun-da.	12. O-non-e'-kä-gä-lia'.

[153]

1. Me-je'-rä-ja.	2. Too-num'-pe.	3. Ah'-ro-whä.	4. Ho'-dash.
5. Cheh'-he-tä.	6. Lu'-chih.	7. Wä-keeh'.	8. Mä'-kotch.

ĥ представляет собой глубокий сонантный гортанный звук. Он довольно часто встречается в диалектах племен Миссури, а также миннитари и кроу.

[154]

1. Me-je'-rä-ja.	2. Мун'-ча.	3. Ah'-ro-whä.	4. Hoo'-ma.
5. Kĥa'-ä.	6. Lute'-ja.	7. Wä'-kä.	8. Mä'-kotch.

[155]

1. Tä-we-kä-she'-gä.	2. Sin'-ja-ye-ga.	3. Mo-e'-kwe-ah-hä.
4. Hu-e'-yă.	5. Hun-go-tin'-ga.	6. Me-hä-shun'-gă.
7. O'-pă.	8. Me-kä'.	9. Sho'-ma-koo-sa.
10. Do-ĥă-kel'-yă.	11. Mo-e'-ka-ne-kä'-she-gä.	12. Dä-sin'-ja-hă-gă.
13. Ic'-hä-she.	14. Lo-ne'-kä-she-gä.	

[156]

1. Shonk-chun'-ga-dă.	2. Hone-cha'-dä.	3. Cha'-rä.
4. Wahk-cha'-he-dä.	5. Hoo-wun'-nä.	6. Chă'-rä.
7. Wä-kon'-nä.	8. Ва-конь-ча-ря.	

[157] *Путешествия*, *loc. cit.*, p. 166.

[158]

1. Ilo-ra-ta'-mŭ-make. 2. Mä-to'-no-mäke. 3. See-poosh'-kä.
4. Tä-na-tsŭ'-kä. 5. Ki-tä'-ne-mäke. 6. E-stä-pa'.
7. Me-te-ah'-ke.

[159]

1. Мит-че-ро'-ка. 2. Min-ne-pä'-ta. 3. Bă-ho-hă'-ta.
4. Seech-ka-be-ruh-pä'-ka. 5. E-tish-sho'-ka.
6. Aĥ-naĥ-ha-nä'-me-te. 7. E-ku'-pä-be-ka.

[160]

1. A-che-pä-be'-cha. 2. E-sach'-ka-buk. 3. Ho-ka-rut'-cha.
4. Аш-бот-чи-ах. 5. Ah-shin'-nä-de'-ah. 6. Ese-kep-kä'-buk.
7. Oo-sä-bot'-see. 8. Ah-hä-chick. 9. Ship-tet'-zä.
10. Ash-kane'-na. 11. Boo-a-dă'-sha. 12. О-хот-ду-ша.
13. Pet-chale-ruĥ-pä'-ka.

[161] Эта практика как акт траура очень распространена среди воронов, а также как религиозное подношение, когда они устраивают "Медисин Лодж", великую религиозную церемонию. Как мне рассказывали, в корзине, вывешенной в "Медицинской ложе" для приема подношений, иногда собирают пятьдесят, а иногда и сто суставов пальцев. В лагере кроу на реке Верхняя Миссури я заметил несколько женщин и мужчин с изуродованными в результате этой практики руками.

[162]

1. Yă'-hä. 2. No-kuse'. 3. Ku'-mu. 4. Kal-pŭt'-lŭ.
5. E'-cho. 6. Tus'-wă. 7. Kat'-chŭ. 8. Ho-tor'-lee.
9. So-păk'-tŭ. 10. Tŭk'-ko. 11. Chŭ'-lă. 12. Wo'-tko.
13. Hŭ'-hlo. 14. Ŭ'-che. 15. Ah'-ah. 16. O-che'.
17. Ok-chŭn'-wă. 18. Kŭ-wă'-ku-che. 19. Tă-mul'-kee. 20. Ak-tŭ-yă-chul'-kee.
21. Is-fă-nŭl'-ke. 22. Wă-hlăk-kŭl'-kee.

[163] Sig'n = signification.

[164]

Первый. Ku-shap'. Ok'-lă.

1. Kush-ik'-sä. 2. Law-ok'-lă. 3. Лу-лак ик'ся. 4. Лин-ок-лу-ша.
2. Wă-tăk-i-Hŭ-lă'-tă.
1. Chu-fan-ik'-sä. 2. Is-kŭ-la'-ni. 3. Chi'-to. 4. Shak-chuk'-la.

[165]

I. Кои.

1. Ко-ин-чуш. 2. Хя-тяк-фу-ши. 3. Нун-ни. 4. Ис-си.

II. Ish-pän-ee.

1. Shä-u-ee.	2. Ish-pän-ee.	3. Минг-ко.	4. Хуш-ко-ни.
5. Тун-ни.	6. Хо-чон-чаб-ба.	7. Ня-шо-лэ.	8. Chuh-hlä.

[166]

1. Ah-ne-whĩ '-yä.	2. Ah-ne-who'-teh.	3. Ah-ne-ga-tä-ga'-nih.
4. Dsü-nĩ -li'-a-nä.	5. U-ni-sdä'-sdi.	6. Ah-nee-kä'-wih.
7. Ah-nee-sä-hok'-nih.	8. Ah-nũ-ka-lo'-high.	<i>ah-nee</i> означает множественное число.

[167] 1. От оджибва, *gĩ-tchi'*, великий, и *gä'me*, озеро, исконное название озера Верхнее и других великих озер.

[168]

1. My-een'-gun.	2. Mä-kwä'.	3. Ah-mik'.
4. Me-she'-kä.	5. Mik-o-noh'.	6. Me-skwä-da'-re.
7. Ah-dik'.	8. Chu-e-skwe'-ske-wă.	9. O-jee-jok'.
10. Ka-kake'.	11. O-me-gee-ze'.	12. Монг.
13. Ah-ah'-weh.	14. She-shebe'.	15. Ke-na'-big.
16. Wa-zhush'.	17. Wa-be-zhaze'.	18. Moosh-kä-oo-ze'.
19. Ah-wah-sis'-sa.	20. Nă-ma'-bin.	21. --
22. Nă-ma'.	23. Ке-но'-же	

[169] Один сачем из племени оджибва, *Ке-Ве-Конс*, умерший около 1840 года в возрасте девяноста лет, на вопрос моего информатора, почему он не ушел в отставку и не уступил место своему сыну, ответил, что его сын не может стать его преемником; что право наследования принадлежит его племяннику, *Э-Ква-Ка-Муку*, который и должен занять этот пост. Этот племянник был сыном одной из его сестер. Из этого утверждения следует, что происхождение, как в древности, так и в недавнем прошлом, шло по женской линии. Из формы заявления не следует, что племянник занимал должность по наследственному праву, но он находился в линии наследования, и его избрание было в значительной степени гарантировано.

[170]

1. Мо-ăh'.	2. M'-ko'.	3. Мук.	4. Mis-shă'-wă.
5. Маак.	6. K'-nou'.	7. N'-mă'.	8. N'-mă-pe-nă'.
9. M'-ge-ze'-wă.	10. Che'-kwa.	11. Wă-bo'-zo.	12. Kă-kăg'-she.
13. Wake-shĩ '.	14. Pen'-nă.	15. M'-ke-tash'-she-kă-kah'.	
16. O-tă'-wa.			

[171] Произносится как O-tă'-wa.

[172]

1. Мо-wha'-wă.	2. Mon-gwă'.	3. Ken-da-wă'.	4. Ah-pă'-kose-e-ă.
5. Ka-no-ză'-wa.	6. Pĩ -la-wă'.	7. Ah-se-pon'-nă.	8. Mon-nă'-to.

9. Kul-swä'. 10. (Не получено).

[173]

1. M'-wa'-.	2. Ma-gwä'.	3. M'-kwä'.	4. We-wä'-see.
5. M'-se'-pa-se.	6. M'-ath-wa'.	7. Pa-la-wä'.	8. Psake-the'.
9. Sha-pä-tä'.	10. Na-ma-thä'.	11. Ма-на-тэ'.	12. Pe-sa-wä'.
13. Pă-täke-e-no-the'.			

[174] В каждом племени имя указывало на род. Так, у сауков и лисиц *Длинный Рог* - имя, относящееся к роду оленей; *Черный Волк* - к роду волков. В роду Орла встречаются следующие образцы имен: *Ka'-ro-nä* - "орел, вьющий гнездо"; *Ja-ka-kwä-pe* - "орел, сидящий с поднятой головой"; *Pe-ä-tä-na-kä-hok* - "орел, перелетающий через конечность".

[175]

1. Mo-whä-wis'-so-uk.	2. Ma-kwis'-so-jik.	3. Pă-sha'-ga-sa-wis-so-uk.
4. Mă-shä-wä-uk'.	5. Kă-kă-kwis'-so-uk.	6. Pă-mis'-so-uk.
7. Nă-mă-sis'-so-uk.	8. Na-nus-sus'-so-uk.	9. Nă-nă-ma'-kew-uk.
10. Ah-kuh'-ne-näk.	11. Wä-ko-a-wis'-so-jik.	12. Kă-che-kone-a-we'-so-uk.
13. Nă-mă-we'-so-uk. 14. Mă-she'-mä-täk.		

[176]

1. Ки'-но.	2. Mă-me-o'-ya.	3. Ah-pe-ki'.	4. A-ne'-po.
5. Po-no-kix'.			

[177]

1. Ah-ah'-pi-tä-pe.	2. Ah-pe-ki'-e.	3. Ih-po'-se-mä.
4. Ka-ka'-po-ya.	5. Mo-tä'-to-sis.	6. Kă-ti'-ya-ye-mix.
7. Kă-ta'-ge-mă-ne. 8. E-ko'-to-pis-taxe.		

[178]

I. Волк. Took'-seat.

1. Mă-an'-greet, Big Feet.	7. Пун-аръ-ю, собака, стоящая у костра.
2. Уи-соу-хет-ко, Желтое дерево.	8. Kwin-eek'-cha, Длинное тело.
3. Pă-sa-kun-ä'-mon, Тянувший кукурузу.	9. Луна-хар-тар-нэ, копание.
4. We-yar-nih'-kä-to, Входящий с заботой.	10. Нон-хар'-мин, Тянущий вверх поток.
5. Toosh-war-ka'-ma, Через реку.	11. Long-ush-har-kar'-to, Бревно с щеткой.
6. O-lum'-a-ne, Вермилион.	12. Maw-soo-toh', "Приносящий с собой".

II. Черепаха. Poke-ko-un'-go.

1. O-ka-ho'-ki, Правитель.	6. Тоош-ки-па-квис-и, Зеленые листья.
2. Та-ко-онг-о-то, Берег высокого берега.	7. Тунг-ул-унг-си, Самая маленькая черепаха.
3. See-har-ong'-o-to, спускающийся холм.	8. We-lun-ŭng-si, Маленькая черепаха.
4. Ole-har-kar-me'-kar-to, курфюрст.	9. Lee-kwin-ä'-i', Черепаха-щелкунчик.

5. Mä-har-o-luk'-ti, Храбрый.

10. Квис-эсе-кеес-то, олень.

Два оставшихся поджанра вымерли.

III. Турция. Pul-la'-ook.

1. Mo-har-ä'-lä, Большая птица.

7. Тонг-о-ня-о-то, Дрейфующее бревно.

2. Ле-ле-ва-ю, Птичий крик.

8. Nool-ä-mar-lar'-mo, Жизнь в воде.

3. Moo-kwung-wa-ho'-ki, Боль в глазах.

9. Muh-krent-har'-ne, Копатель корней.

4. Moo-har-mo-wi-kar'-nu, Царапающий тропу.

10. Muh-karm-huk-se, Красное лицо.

5. O-ping-ho'-ki, Земля Опоссума.

11. Коо-wä-ho'-ke, Сосновый край.

6. Muh-ho-we-kä'-ken, Старый Шин.

12. Оо-chuk'-ham, Царапателъ земли.

[179]

I. Took-se-tuk'.

1. Ne-ñ'-jä-o. 2. Mä'-kwä. 3. N-de-yä'-o. 4. Wä-pa-kwe'.

II. Tone-ba'-o.

1. Gak-po-mute'. 2. --. 3. Tone-bä'-o. 4. We-saw-mä'-un.

III. Турция.

1. Nä-ah-mä'-o. 2. Gä-ñ'-ko. 3. --.

[180] В системах кровосмешения можно найти исконные названия основных индейских племен с их значениями.

[181]

1. Mals'-süm. 2. Pis-suh'. 3. Ah-weñ'-soos.

4. Skooke. 5. Ah-lunk'-soo. 6. Ta-mä'-kwa.

7. Mä-guñ'-le-loo'. 8. Kä-bäñ'-seh. 9. Moos-kwä'-suh'.

10. K'-che-gä-gong'-go. 11. Meñ'-ko-ä'. 12. Che-gwä'-lis.

13. Koos-koo'. 14. Mä-dä'-weh-soos.

[182] Trans. Am. Eth. Soc., ii, Intro., cxlix.

[183] Аляска и ее ресурсы, с. 414.

[184] Коренные народы тихоокеанских штатов, i, 109.

[185] Шоуни раньше поклонялись женскому божеству, которое называли Го-гоме-та-мя', "Наша Великая Мать".

[186] Schoolcraft's Hist., etc., of Indian Tribes, iv, 86.

[187] Обращение, стр. 12.

[188] Всеобщая история Америки, изд. в Лонд., 1726. Stevens' Trans., iii, 299.

[189] *Ib.*, iv, 171.

[190] *Ib.*, iii, 203.

[191] *Ib.*, iv, 33.

[192] *Всеобщая история Америки*, iv, 171.

[193] *Ранняя история человечества*, с. 287.

[194] *Всеобщая история Америки*, iv, 231.

[195] *Ранняя история человечества*, с. 287.

[196] *Indian Tribes of Guiana*, p. 98; цитируется по Lubbock, *Origin of Civilization*, p. 98.

[197] Истории Испанской Америки можно доверять во всем, что касается действий испанцев, а также действий и личных качеств индейцев; во всем, что касается их оружия, орудий и утвари, тканей, пищи и одежды, а также вещей подобного характера. Но в том, что касается индейского общества и правительства, их социальных отношений и жизненного уклада, они почти ничего не стоят, потому что они ничему не научились и ничего не знали ни о том, ни о другом. Мы имеем полное право отвергнуть их в этих отношениях и начать заново, используя любые факты, которые они могут содержать и которые гармонируют с тем, что известно об индейском обществе.

[198] *The Natural and Moral History of the East and West Indies*, Lond. ed., 1604, Grimstone's Trans., pp. 497-504.

[199] *The Natural and Moral History of the East and West Indies*, p. 499.

[200] *Всеобщая история Америки*, изд. в Лонд., 1725 г., перевод Стивенса, iii, 188.

[201] *История Мексики*, изд. в Филадельфии, 1817 г., перевод Каллена, i, 119.

[202] Herrera, *Hist. of Amer.*, iii, 110.

[203] *История Мексики*, loc. cit., i, 162.

[204] Clavigero, *Hist. of Mex.*, i, 229; Herrera, iii, 312; Prescott, *Conq. of Mex.*, i, 18.

[205] Ацтеки, как и северные индейцы, не обменивали и не отпускали пленников. Среди последних кол был гибелью пленника, если он не был спасен усыновлением; но среди первых, согласно учению жречества, несчастный пленник приносился в жертву главному богу, которому они поклонялись. Использовать жизнь пленника в служении богам, жизнь, утраченную по вековым обычаям дикарей и варваров, было высокой концепцией первой иерархии в порядке институтов. Организованное жречество впервые появилось среди американских аборигенов в среднем периоде варварства; оно связано с изобретением идолов и человеческих жертвоприношений, как средство обретения власти над человечеством через религиозные чувства. Вероятно, такая же история была у основных племен человечества. Три последовательных способа обращения с пленниками появились в три подпериода варварства. В первом случае пленника сжигали на костре, во втором - приносили в жертву богам, в третьем - превращали в раба. Все они одинаково исходили из принципа, что жизнь пленника отдавалась его похитителю. Этот принцип настолько глубоко укоренился в человеческом сознании, что для его вытеснения потребовались цивилизация и христианство вместе взятые.

[206] Оценки населения Мексики в испанских историях несколько разнятся, но некоторые из них сходятся в количестве домов, которое, как ни странно, составляет *шестьдесят тысяч*. Зуазо, посетивший Мексику в 1521 году, пишет о *шестидесяти тысячах жителей* (Prescott,

Conq. of Mex, ii, 112, *примечание*); Анонимный Завоеватель, сопровождавший Кортеса, также написал *шестьдесят тысяч жителей*, "soixante mille habitants" (*H. Ternaux-Compans*, x, 92); но Гомора и Мученик написали *шестьдесят тысяч домов*, и эта оценка была принята Клавигеро (*Hist. of Mex.*, ii, 360), Эррерой (*Hist. of Amer.*, ii, 360) и Прескоттом (*Conq. of Mex.*, ii, 112). Солис говорит о *шестидесяти тысячах семей* (*Hist. Conq. of Mex.*, l. c., i, 393). Такая оценка дает население в 300 000 человек, , хотя в Лондоне в то время проживало всего 145 000 жителей (*Black's London*, p. 5). Наконец, Торквемада, которого цитирует Клавигеро (ii, 360, *прим.*), смело пишет о ста двадцати тысячах домов. Вряд ли можно сомневаться в том, что дома в этом пуэбло были в целом большими общинными или совместными домами, как в Нью-Мексико того же периода, достаточно большими, чтобы вместить от десяти до пятидесяти и ста семей в каждом. При любом из этих чисел ошибка вопиющая. Зуазо и Анонимный Завоеватель ближе всего подошли к респектабельной оценке, потому что они не намного превысили вероятное число более чем в два раза.

[207] *Лига ирокезов*, с. 78.

[208] Эррера, iii, 194, 209.

[209] Эррера, ii, 279, 304: Клавигеро, i, 146.

[210] Клавигеро, i, 147; Четыре вождя войн были членами Совета *по должности*. *Ib.*, ii, 137.

[211] Эррера, ii, 310.

[212] Эррера, iii, 194.

[213] *Cronica Mexicana*, De Fernando de Alvarado Tezozomoc, ch. li, p. 83, Kingsborough, v, ix.

[214] *История Мексики*, ii, 141.

[215] *История Америки*, iii, 314. Вышеприведенное является переводом г-на Банделье с испанского текста.

[216] *Пополь Вух*, введение, стр. 117, *примечание 2*.

[217] *История Индий Новой Испании и островов Главной земли*, Мексика, 1867. Ed. by Jose F. Ramirez, p. 102. Публикуется с оригинала MS. Перевод г-на Банделье.

[218] *The Natural and Moral History of the East and West Indies*, Lond. ed., 1604, Grimstone's Trans., p. 485.

[219] *История Америки*, iii, 224.

[220] *Cronica Mexicana*, cap. xcvi, Bandelier's Trans.

[221] *Ixtlilxochitl, Hist. Chichimeca*, Kingsborough, *Mex. Antiq.* ix, p. 243.

[222] *История Мексики*, ii, 132.

[223] "Титул *теукли* добавлялся в виде фамилии к имени человека, возведенного в это достоинство, как *Чичимека-теукли*, *Пиль-теукли* и другие. *Тевкли* имели преимущество перед всеми остальными в сенате, как в порядке заседаний, так и при голосовании, и им разрешалось иметь за спиной слугу, который занимал место, что считалось привилегией высшей чести" -Clavigero, ii, 137. Это повторное появление субсахам у ирокезов позади своего принцепала.

[224] *Historia Chichimeca*, ch. xxxii, Kingsborough: *Mex. Antiq.*, ix, 219.

[225] *История Мексики*, I. с., ii, 136.

[226] Клавигеро, ii, 126.

[227] *Historia General*, ch. xviii.

[228] На Вест-Индских островах испанцы обнаружили, что, когда они захватывают касика племени и держат его в плену, индейцы становятся деморализованными и отказываются сражаться. Воспользовавшись этим знанием, когда они достигли основной земли, они решили заманить в ловушку главного вождя, силой или обманом, и держать его в плену до тех пор, пока их цель не будет достигнута. Кортес просто воспользовался этим опытом, когда захватил Монтесуму и держал его в плену в своих покоях; Пизаарро сделал то же самое, когда захватил Атауальпу. По индейским обычаям пленника предавали смерти, а если это был главный вождь, то должность возвращалась к племени и сразу же замещалась. Но в этих случаях пленник оставался жив и сохранял свой пост, так что он не мог быть занят. Действия народа были парализованы новыми обстоятельствами. Кортес поставил ацтеков в такое положение.

[229] *История Мексики*, iii, 66.

[230] *Ib.*, iii, 67.

[231] Клавигеро, ii, 406.

[232] *Там же*, ii, 404.

[233] Эррера, iii, 393.

[234] Фратрии не были общими для дорийских племен.-Müller's *Dorians*, Tufnel and Law's Trans., Oxford ed., ii, 82.

[235] Герман упоминает конфедерации Гигины, Афин, Прасии, Науплии и т. д.-*Political Antiquities of Greece*, Oxford Trans., ch. i, s. 11.

[236] "В древней *"Ретре"* Ликурга племена и обозы предписывается сохранить без изменений: но утверждение О. Мюллера и Бёкха, что всего было тридцать обозов, по десять на каждое племя, опирается не на более веские доказательства, чем особая пунктуация в этой *"Ретре"*, которую различные другие критики отвергают; и, похоже, с полным основанием. Таким образом, мы остаемся без какой-либо информации относительно обё, хотя знаем, что это было старое и долговременное деление среди спартанского народа" - Grote's *History of Greece*, Murray's ed., ii, 362. Но см. Müller's *Dorians*, I. с., ii, 80.

[237]

καίτοι τίς ἔστιν ὅστις ἂν εἰς τὰ πατρῴα

μνήματα τοὺς μηδὲν ἐν γένει τιθέντας ἑάσαι.

-Демосфен, *Эвбулиды*, 1307.

[238] *История Греции*, iii, 53 и далее.

[239] *История Греции*, iii, 60.

[240] Диоген Лаэртский, *Вит. Аристотель*, v, 1.

[241] *Political Antiquities of the Greeks*, c. v, s. 100; и vide *Eubulides of Demosthenes*, 24.

[242] *Исторические древности греков*, перевод Вульриха, Оксфордское изд. 1837 г., i, 451.

[243] *Политические древности*, l. c., cap. v, s. 100.

[244] *Charicles*, Metcalfe's Trans., Lond. ed., 1866, p. 477; цитирует *Isaeus de Cir. her.* 217: *Demosthenes adv. Ebul.*, 1304: *Plutarch, Themist.*, 32: *Pausanias*, i, 7, 1: *Achill. Tat.*, i, 3.

[245] Герман, l. c., v, s. 100 и 101.

[246] *История Греции*, iii, 55.

[247] "Мы находим Асклепиадов во многих частях Греции - Алеуадов в Фессалии - Мидилидов, Псалихидов, Белпсиадов, Эвксенидов, в Эгине - Бранхидæ в Милете - Небридæ в Косе - Иамидæ и Клитиадæ в Олимпии - Акесторидæ в Аргосе - Кинирадæ на Кипре - Пентилидæ в Митилене - Талтибиадæ в Спарте - не менее Кодридæ, Эвмолпидæ, Фиталидæ, Ликомедæ, Бутадæ, Эвнеидæ, Хесихидæ, Бритиадæ и т. д., в Аттике. Каждому из них соответствовал мифический предок, более или менее известный и являющийся первым отцом, а также одноименным героем родов - Кодр, Эвмолп, Бутес, Фитал, Гесихид и т. д." -Grote's *Hist. of Greece*, iii, 62.

[248] *История Греции*, iii, 62 и далее.

[249] *Hist. of Greece*, iii, 58, et seq.

[250] *История Греции*, iii, 58.

[251] Wachsmuth's *Historical Antiquities of the Greeks*, l. c., i, 449, app. for text.

[252] *Илиада*, ii, 362.

[253] Тацит, *Germania*, cap. vii.

[254] Grote's *History of Greece*, iii, 55. Суд Ареопага осуществлял юрисдикцию над убийцами - *Ib.*, iii, 79.

[255] Ποία δε χέρνιψ φρατέρων προσδέξεται.-Eum., 656.

[256] *The Ancient City*, Small's Trans., p. 157. Boston, Lee & Shepard.

[257] Аристотель, Фукидид и другие авторы используют термин *basileia* (βασίλεια) для обозначения правительств героического периода.

[258] Ἑλληνικὸν δὲ ἄρα καὶ τοῦτο τὸ ἔθος ἦν. τοῖς γοῦν βασιλεῦσιν, ὅσοι τε πατρίους ἀρχὰς παραλάβοιεν καὶ ὅσους ἡ πλὴθὺς αὐτῇ καταστήσαιτο ἡγεμόνας, βουλευτήριον ἦν ἐκ τῶν κρατίστων, ὡς Ὀμηρὸς τε καὶ οἱ παλαιότατοι τῶν ποιητῶν μαρτυροῦσι- καὶ οὐχ ὥπερ ἐν τοῖς καθ' ἡμᾶς χρόνοις αὐθάδεις καὶ μονογνώμονες ἦσαν αἱ τῶν ἀρχαίων βασιλέων δυναστεῖαι.-*Дионисий*, 2, xii.

[259]

δοκοῦντα καὶ δόξαντ' ἀπαγγέλλειν με χρῆ

δήμου προβούλοις τῆσδε Καδμείας πόλεως-.

Ἐεοκλέα μὲν τόνδ' ἐπ' εὐνοίᾳ χθονὸς

θάπτειν ἔδοξε γῆς φίλαις κατασκαφαῖς.

-Эсхил, "Семеро против Фив", 1005.

[260] Еврипид, *Орест*, 884.

[261]

Πανδημία γὰρ χερσὶ δεξιωνύμοις

ἔφριξεν αἱ θῆρ τόνδε κραινόντων λόγον.

-Эсхил, "Супруг", 607.

[262] *История Греции*, ii, 69.

[263] *История Греции*, ii, 69, и *Илиада*, ii, 204.

[264] Г-н Гладстон, который представляет своим читателям греческих вождей героической эпохи как королей и принцев, с дополнительными качествами джентльменов, вынужден признать, что "в целом мы, кажется, имеем обычай или закон первородства достаточно, но не слишком резко определенный" - *Juventus Mundi*, Little & Brown's ed., p. 428.

[265]

Οὐ μὲν πως πάντες βασιλεύσομεν ἐνθάδ' Ἀχαιοί.

οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη- εἴς κοίρανος ἔστω,

εἴς βασιλεύς, ὃς δὲ Κρόνου παῖς ἀγκυλομήτεω.

[σκήπτρόν τ' ἥδ' ἐθέμιστας, ἵνα σφίσι βασιλεύῃ].

-*Iliad*, ii, 203.

Слова в скобках не встречаются в ряде МС, например, в комментарии Евстасия.

[266] *Smith's Dic., Art. Rex*, p. 991.

[267] *Фукидид*, i, 13.

[268]

βασιλείας μὲν οὖν εἴδη ταῦτα τέτταρα τὸν ἀριθμὸν, μία μὲν ἡ περὶ τοὺς ἡρωϊκοὺς χρόνους- αὕτη δ' ἦν ἐκόντων μὲν, ἐπὶ τοῖς δ' ὑπισμένων- στρατηγὸς γὰρ ἦν καὶ δικαστὴς ὁ βασιλεὺς καὶ τῶν πρὸς θεοὺς κύριος. Δευτέρα δὲ ἡ βαρβαρική αὕτη δ' ἐστὶν ἐκ γένους ἀρχὴ δεσποτική κατὰ νόμον. Τρίτη δὲ ἦν αἱ συμνητίαν προσαγορεύουσιν- αὕτη δ' ἐστὶν αἱ ρετὴ τυραννίς. Τετάρτη δ' ἡ Λακωνικὴ τούτων- αὕτη δ' ἐστὶν, ὡς εἰπεῖν ἀπλῶς, στρατηγία κατὰ γένος αἰετός.- Аристотель, *Политика*, iii, с. х.

[269] *История Греции*, ii, 61, и см. 69.

[270] *Фукидид*, lib. i, 2-13.

[271] *Фукид*, lib. ii, с. 15. Плутарх говорит почти о том же: "Он поселил всех жителей Аттики в Афинах и сделал их одним народом в одном городе, который до этого был разбросан по всей стране и с трудом мог быть собран по любому срочному случаю для общественного благосостояния..... Разогнав объединения, советы и суды в каждом отдельном городе, он построил один общий пританеум и зал суда, где он стоит и по сей день. Цитадель с прилегающими к ней территориями и город, или старый и новый город, он объединил под общим названием Афины" - Плутарх, *Вит. Тесей*, сар. 24.

[272] "Из девяти архонтов, число которых оставалось неизменным с 683 года до н. э. и до конца демократии, трое носили особые титулы: архонт Эпоним, от имени которого произошло обозначение года, и о котором говорили как об *архонте*, архонт Басилей (царь) или, чаще, Басилей; и Полемарх. Остальные шесть носили общее название Thesmothetæ..... Архонт Эпоним решал все споры, связанные с семейными, языческими и фратрийскими отношениями: он был законным защитником сирот и вдов. Архон Базилей (или царский архонт) обладал компетенцией в рассмотрении жалоб на оскорбление религиозных чувств и на убийство. Полемарх (если говорить о временах до Клейстенеса) был предводителем военной силы и судьей в спорах между гражданами и негражданами" - Grote's *History of Greece*, l. c., iii, 74.

[273] *Общественная экономика Афин*, перевод Лэмба, изд. Little & Brown, p. 353.

[274] *История Греции*, iii, 65.

[275] *История Греции*, iii, 133.

[276] Латинское *tribus* = *tribe* первоначально означало "третью часть" и использовалось для обозначения третьей части народа, когда состояло из трех племен; но со временем, после того как латинские племена стали местными, а не кровосмесительными, как афинские местные племена, термин *tribe* потерял свое числовое качество и стал, как филон Клистена, местным обозначением - см. Mommsen's *Hist. of Rome*, l. c., i, 71.

[277] *Англо-саксонское право*, Генри Адамс и другие, стр. 20, 23.

[278] См. особенно оратории против Эвбулида и Марката.

[279] Hermann's *Political Antiquities of Greece*, l. c., p. 187, s. 96.

[280] "Первобытное греческое правительство по сути своей монархическое, опирающееся на личные чувства и божественное право" - *История Греции*, ii, 69.

[281] Спарта сохранила должность басилея в период цивилизации. Это была двойная генеральская должность, которая передавалась по наследству в определенной семье. Власть координировалась между Герусией или советом, народным собранием, пятью эфорами и двумя военачальниками. Эфоры избирались ежегодно и имели полномочия, аналогичные римским трибунам. Царская власть в Спарте нуждается в уточнении. Басилеи командовали армией и в качестве главных жрецов приносили жертвы богам.

[282] "В период, когда индогерманские народы, которые сейчас разделены, еще составляли единый народ, говоривший на одном языке, они достигли определенной ступени культуры и имели соответствующий ей словарный запас. Эту лексику несколько народов несли с собой, в ее условно установленном употреблении, как общее приданое и основу для дальнейших структур своих собственных..... Таким образом, мы имеем свидетельство развития пастушеской жизни в ту далекую эпоху в неизменных названиях домашних животных; санскритское *gâus* - это латинское *bos*, греческое [βοῦς греч. *bous*]; санскрит *avis* - латинское *ovis*, греческое ὄϊς; санскрит *açvas*, латинское *equus*, греческое ἵππος; санскрит *hañsas*, латинское *anser*, греческое [χήν греч. *chên*]; С другой стороны, у нас пока нет никаких определенных доказательств существования сельского хозяйства в этот период. Язык скорее говорит в пользу отрицательного мнения" - Mommsen's *History of Rome*, Dickson's Trans., Scribner's ed., 1871, i, 37. В примечании он отмечает, что "ячмень, пшеница и полба были найдены растущими вместе в диком состоянии на правом берегу Евфрата, к северо-

западу от Анаха. О произрастании ячменя и пшеницы в диком состоянии в Месопотамии уже упоминал вавилонский историк Беросус".

Фик отмечает по этому поводу следующее: "В то время как выпас скота, очевидно, составлял основу первобытной общественной жизни, мы можем найти в ней лишь очень слабые зачатки сельского хозяйства. Они, конечно, были знакомы с некоторыми видами злаков, но их выращивание было очень случайным, чтобы обеспечить себя молоком и мясом. Материальное существование людей никоим образом не зависело от сельского хозяйства. Это становится совершенно ясно из небольшого количества первобытных слов, которые имеют отношение к сельскому хозяйству. Эти слова - *yava*, дикий плод, *varka*, мотыга или плуг, *rava*, серп, вместе с *pīo*, *pīnsere* [печь] и *mak*, Гр. μάσσω, которые указывают на обмолот и помол зерна." - Fick's *Primitive Unity of Indo-European Languages*, Göttingen, 1873, p. 280. См. также "Чипсы из немецкой мастерской", ii, 42.

О владении сельским хозяйством греко-итальянским народом см. Mommsen, i, p. 47 и далее.

[283] Использование слова "Ромул" и имен его преемников не означает принятия древнеримских традиций. Эти имена олицетворяют великие движения, происходившие в то время, к которым мы имеем главное отношение.

[284] *История Рима*, I. с., i, 241, 245.

[285] Qui sint autem gentiles, primo commentario rettulimus; et cum illic admonuerimus, totum gentilicium jus in desuetudinem abisse, superuacuum est, hoc quoque loco de ea re curiosius tractare.-Inst., iii, 17.

[286] Gentiles sunt, qui inter se eodem nomine sunt. Non est satis. Qui ab ingenuis oriundi sunt. Ne id quidem satis est. Quorum majorum nemo servitutem servivit. Abest etiam nunc. Qui capite non sunt deminuti. Hoc fortasse satis est. Nihil enim video Scaevolam, Pontificem, ad hanc definitionem addidisse.-Cicero, *Topica* 6.

[287] Gentilis dicitur et ex eodem genere ortus, et is qui simili nomine appellatur.-Quoted in Smith's *Dic. Gr. & Rom. Antiq.*, Article, *Gens*.

[288] Ниже приводится расширенный текст: Ut in hominibus quaedam sunt agnationes ac gentilitates, sic in verbis; ut enim ab Aemilio homines orti Aemilii, ac gentiles; sic ab Aemilii nomine declinatae voces in gentilitate nominali; ab eo enim, quod est impositum recto casu Aemilius, Aemilium, Aemilios, Aemiliorum; et sic reliqua, ejusdem quae sunt stirpes.-Varro, *De Lingua Latina*, lib. viii, cap. 4.

[289] Quid enim in re est aliud, si plebeiam patricius duxerit, si patriciam plebeius? Quid juris tandem mutatur? nempe patrem sequuntur liberi.-*Livy*, lib. iv, cap. 4.

[290] "Когда в семье была только одна дочь, ее называли по имени рода; так, Туллия, дочь Цицерона, Юлия, дочь Цезаря, Октавия, сестра Августа, и т. д.; и они сохраняли то же имя после замужества. Если дочерей было две, то одну называли мажордомом, а другую - минором. Если их было больше двух, то они различались по номерам: Прима, Секунда, Терция, Кварта, Квинта и т. д.; или более мягко - Тертулла, Квартилла, Квинтилла и т. д. Во время расцвета республики имена родов и фамилии семей всегда оставались неизменными и определенными. Они были общими для всех детей семьи и передавались потомкам. Но после свержения свободы они были изменены и перепутаны" -Adams's *Roman Antiquities*, Glasgow ed., 1825, p. 27.

[291] Суетоний, *Vit. Octavianus*, с. 3 и 4.

[292] Гай, *Институции*, lib. iii, 1 и 2. Жена была сонаследницей с детьми.

[293] *Ib.*, lib. iii, 9.

[294] Гай, *Институции*, lib. iii, 17.

[295] Между Марцеллами и Клавдиями, двумя семьями из рода Клавдиев, возник необычный вопрос относительно имущества сына вольноотпущенника Марцеллов; первые претендовали на него по праву семьи, а вторые - по праву рода. По закону Двенадцати таблиц имущество вольноотпущенника переходило к его бывшему господину, который по акту манумиссии становился его патроном, если тот умирал без наследства и без *sui heredes*; но это не касалось сына вольноотпущенника. Тот факт, что Клавдии были патрицианской семьей, а Марцеллы - нет, не мог повлиять на этот вопрос. Вольноотпущенник не приобретал прав язычника в роду своего господина, хотя ему разрешалось принять языческое имя своего покровителя; так, вольноотпущенник Цицерона, Тиро, назывался М. Туллий Тиро. Неизвестно, как было решено дело, о котором упоминает Цицерон (*De Oratore*, i, 39) и которое комментируют Лонг (*Smith's Dic. Gk. & Rom. Antiq., Art. Gens*) и Нибур; но последний предполагает, что оно было, вероятно, против Клавдиев (*Hist. of Rome*, i, 245, прим.). Трудно понять, каким образом Клавдии могли предъявить какие-либо претензии, а Марцеллы - какие-либо, кроме как через расширение права патроната путем судебной конструкции. Этот случай заслуживает внимания, поскольку показывает, насколько прочно были закреплены в роду взаимные права в отношении наследования имущества.

[296] *История Рима*, i, 242

[297] *Patricia gens Claudia ... agrum insuper trans Anienem clientibus locumque sibi ad sepulturam sub capitolio, publice accepit.*-Suet., *Vit. Tiberius*, cap. 1.

[298] *Vari corpus semiustum hostilis laceraverat feritas; caput ejus abscisum, latumque ad Maroboduum, et ab eo missum ad Caesarem, gentilitii tumuli sepultura honoratum est.*-Velleius *Paterculus*, ii, 119.

[299] *Iam tanta religio est sepulcrorum, ut extra sacra et gentem inferi fas negent esse; idque apud majores nostros A. Torquatus in gente Popilia judicavit.*-*De Leg.*, ii, 22.

[300] Цицерон, *De Leg.*, ii, 23.

[301] "Существовали определенные священные обряды (*sacra gentilitia*), принадлежавшие роду, к соблюдению которых были обязаны все члены рода как такового, независимо от того, были ли они членами рода по рождению, усыновлению или уступке. Человек освобождался от соблюдения таких *sacra* и терял привилегии, связанные с его языческими правами, когда он терял свой род" - *Smith's Dic. Antiq., Gens*.

[302] Цицерон, *Pro Domo*, с. 13.

[303] *История Рима*, i, 241.

[304] Цицерон, *De Leg.*, ii, 23.

[305] *Дионисий*, ii, 22.

[306] *Ib.*, ii, 21.

[307] *История Рима*" Нибура, i, 241.

[308] Bina jugera quod a Romulo primum diuisa [dicebantur] viritim, quae [quod] haeredem sequerentur, haeredium appellarunt.-Varro, *De Re Rustica*, lib. i, cap. 10.

[309] *История Рима*, i, 62. Он называет Камиллиев, Галериев, Лемониев, Поллиев, Пупиниев, Вольтиниев, Аэмилиев, Корнелиев, Фабиев, Горациев, Менениев, Папириев, Ромилиев, Сергиев, Ветуриев.- *Ib.*, p. 63.

[310] *История Рима*, i, 63.

[311] "Постоянный местный центр был столь же необходим в случае такого кантона, как и в случае клана; но поскольку члены клана, или, другими словами, составные элементы кантона, жили в деревнях, центр кантона не мог быть городом или местом совместного поселения в строгом смысле слова. Напротив, это должно было быть просто место общего собрания, где находилось место правосудия и общее святилище кантона, где члены кантона собирались каждый восьмой день для общения и развлечений и где в случае войны они получали более безопасное убежище для себя и своего скота, чем в деревнях; в обычных условиях это место собрания не было заселено вовсе или было заселено очень скудно..... Соответственно, эти кантоны, имевшие место встречи в какой-нибудь крепости и включавшие некоторое количество кланов, образуют первобытные политические объединения, с которых начинается история Италии..... Все эти кантоны в первобытные времена были политически суверенными, и каждый из них управлялся своим князем при сотрудничестве с советом старейшин и собранием воинов. Тем не менее чувство товарищества, основанное на общности происхождения и языка, не только пронизывало их все, но и проявлялось в важном религиозном и политическом институте - вечной лиге коллективных латинских кантонов" -*Hist. of Rome*, i, 64-66. Утверждение, что кантон или племя управлялось своим князем при сотрудничестве с советом и т. д., является обратным правильным утверждением и поэтому вводит в заблуждение. Мы должны предположить, что военачальник занимал выборную должность и что он мог быть смещен по воле избирателей, которые его избрали. Кроме того, нет никаких оснований предполагать, что он обладал какими-либо гражданскими функциями. Поэтому вполне обоснованным, если не необходимым, является вывод о том, что племя управлялось советом, состоявшим из вождей родов, и собранием воинов, при сотрудничестве с главным военачальником, чьи функции были исключительно военными. Это было правительство трех властей, обычное для верхнего статуса варварства и отождествляемое с институтами, по сути, демократическими.

[312] Ап. Claudio in vinculo ducto, C. Claudius inimicum Claudiamque omnem gentem sordidatum fuisse.-*Livy*, vi, 20.

[313] *История Рима*, i, 242.

[314] Responsum tulisse, se collecturos, quanti damnatus esset, absolvere eum non posse.-*Liv.*, v, 32.

[315] *History of Rome*, i, 242: citing *Dionysius*, ii, 10: (ἔδει τοὺς πελάτας) τῶν ἀναλωμάτων ὡς τοὺς γένει προσήκοντας μετέχειν

[316] *История Рима*, i, 240.

[317] "Тем не менее кровное родство всегда представлялось римлянам лежащим в основе связи между членами клана, а тем более семьи; и римская община могла вмешиваться в эти группы только в ограниченной степени, соответствующей сохранению их фундаментального характера родства."-Mommson's *History of Rome*, i, 103.

[318] Любопытно, что Клисфен Аргосский изменил названия трех дорийских племен Сикиона: одно - Hyatae, означающее в единственном числе *кабана*; другое - Oneatae, означающее *осла*, и третье - Choereatae, означающее *маленькую свинью*. Они были предназначены для оскорбления сикионцев, но сохранялись при его жизни и в течение шестидесяти лет после него. Дошла ли идея этих названий животных через традицию? - См. "Историю Греции" Гроте, iii, 33, 36.

[319] Peregrinae conditionis homines vetuit usurpare Romana nomina, duntaxat gentilicia. - Sueton., *Vit. Claudius*, cap. 25.

[320] Cicero, *Pro Domo*, cap. 13.

[321] Ливий, xxv, 5.

[322] Smith's *Dic.*, Art. *Pontifex*.

[323] *История Рима*, i, 66.

[324] *Ib.*, i, 258.

[325] Ливий, ii, 48.

[326] *Ib.*, ii, 49.

[327] Trecentos sex perisse satis convenit: unum prope pubescem aetate relictum stirpem gente Fabiae, dubiisque rebus populi Romani sepe domi bellicae vel maximum futurum auxilium. - *Livy*, ii, 50; и см. Ovid, *Fasti*, ii, 193.

[328] Itaque, quum populum in curias triginta divideret, nomina earum curiis imposuit. - *Livy*, i, 13.

[329] φράτρα δὲ καὶ λόχος ἡ κοῦρία. - Dionys., *Antiq. of Rome*, ii, 7.

[330]

διήρηντο δὲ καὶ εἰς δεκάδας αἱ φράτραι πρὸς αὐτοῦ, καὶ ἡγεμῶν ἐκάστην ἐκόσμει δεκάδαρχος κατὰ τὴν ἐπιχώριον γλῶτταν προσαγορευόμενος. - Dionys., ii, 7.

[331] Ἐκάστη δὲ φυλὴ δέκα φρατρίας εἶχεν, ὥς ἔνιοι λέγουσιν ἐπωνύμους εἶναι ἐκείνων τῶν γυναικῶν. - Plutarch, *Vit. Romulus*, cap. 20.

[332] Употребил ли Нибур слово "дом" вместо gens, или это выдумка переводчиков, я не могу сказать. Тирлуолл, один из переводчиков, часто применяет этот термин к греческому gens, что в лучшем случае вызывает возражения.

[333] *История Рима*, i, 244.

[334] Дионисий дал определенный и косвенный анализ организации, приписываемой Ромулу, хотя часть ее, по-видимому, относится к более позднему периоду. Он интересен тем, что проводит параллель между языческими институтами греков, с которыми он был хорошо знаком, и институтами римлян. Прежде всего, замечает он, я расскажу об устройстве его полиса, которое я считаю наиболее достаточным из всех политических механизмов в мире, а

также во время войны. Он был следующим: Разделив все множество на три части, он назначил вождем над каждой из них самого выдающегося человека; затем, разделив каждую из трех частей на десять, он назначил вождями самых храбрых людей, имеющих равный ранг; большие части он назвал племенами, а меньшие *curiæ*, как они называются и поныне по обычаю. В переводе с греческого эти названия означают *трибу*, третью часть, филу (φυλή); *курию*, фратрию (φράτρια), а также группу (λόχος); а те, кто осуществлял руководство племенами, были как филархами (φύλαρχοι), так и тритархами (τρίτταρχοι), которых римляне называют трибунами; а те, кто командовал куриями, - фратриями (φρατρίαρχοι) и лохагами (λοχαγοί), которых они называют курионами. Фратрии также были разделены на декады, и каждой из них командовал вождь, называемый в просторечии декадархом (δεκάδαρχος). И когда все были распределены по племенам и фратриям, он разделил землю на тридцать равных долей и отдал по одной полной доле каждой фратрии, выделив достаточную часть для религиозных праздников и храмов и оставив определенный участок земли для общего пользования" -Antiq. of Rome, ii, 7.

[335] Дионисий, ii, 7.

[336] Smith's Dic., l. c., Art. Трибун.

[337] Дионисий, ii, 7.

[338] Тридцать курионов были организованы в коллегия жрецов, один из которых занимал должность *куриала* (*curio maximus*). Он избирался собранием гентов. Кроме того, была коллегия авгуров, состоявшая по Огульнийскому закону (300 г. до н. э.) из девяти членов, включая их главного начальника (*magister collegii*); и коллегия понтификов, состоявшая по тому же закону из девяти членов, включая *pontifex maximus*.

[339] Ливий, i, 8.

[340] Eo ex finitimis populis turba omnis sine discrimine, liber an servus esset, avida novarum rerum perfugit; idque primum ad coeptam magnitudinem roboris fuit.-Livy, i, 8.

[341] Vit. Romulus, cap. 20.

[342] Antiq. of Rome, ii, 15.

[343] Ливий, i, 30.

[344] Ib., i, 33.

[345] Ливий, i, 38.

[346] В домах пуэбло в Новой Мексике все обитатели каждого дома принадлежали к одному племени, а в некоторых случаях в одном совместном доме жило целое племя. В пуэбло Мексики было четыре основных квартала, как уже было показано, каждый из которых занимал род, вероятно, фратрия; в то время как тлателулько занимали пятый район. В Тласкале также было четыре квартала, занятых четырьмя родами, вероятно, фратриями.

[347] История Рима, i, 258.

[348] Centum creat senatores: sive quia is numerus satis erat; sive quia soli centum erant, qui creari Patres possent, Patres certe ab honore, patriciique progenies eorum appellati.-Liv., i, 8. И Цицерон: Principes, qui appellati sunt propter caritatem, patres.-De Rep., ii, 8.

[349] Дионисий, ii, 47.

[350] Nec minus regni sui firmandi, quam augendae republicae, memor, centum in Patres legit; qui deinde minorum gentium sunt appellati: factio haud dubia regis, cuius beneficio in curiam venerant.-Liv., i, 35.

[351] Isque [Tarquinius] ut de suo imperio legem tulit, principio duplicavit illum pristinum patrum numerum; et antiquos patres maiorum gentium appellavit, quos priores sententiam rogabat; a se adscitos, minorum.-Cicero, *De Rep.*, ii, 20.

[352] Цицерон, *De Rep.*, ii, 20.

[353] Таково мнение Нибура. "Мы можем пойти дальше и без колебаний утверждать, что первоначально, когда число домов [gentes] было полным, они сразу же были представлены сенатом, число которого было пропорционально их числу. Триста сенаторов отвечали тремстам палатам, число которых было принято выше на веских основаниях; каждый род посылал своего декуриона, который был его олдерменом и председателем его собраний, чтобы представлять его в сенате..... То, что сенат должен назначаться царями по их усмотрению, не могло быть первоначальным учреждением. Даже Дионисий предполагает, что были выборы: его представление об этом, однако, совершенно несостоятельно, и депутаты должны были быть выбраны, по крайней мере первоначально, палатами, а не куриями" -Hist. of Rome, i, 258. Избрание куриями, в принципе, наиболее вероятно, если должность не переходила к начальнику *ex officio*, поскольку gentes в курии были напрямую заинтересованы в представительстве каждого gens. По этой же причине сажем, избранный членами ирокезской курии, должен был быть принят другими куриями того же племени, прежде чем его кандидатура была завершена.

[354] Ливий, i, 43. Дионис, ii, 14; iv, 20, 84.

[355] Нума Помпилий (Цицерон, *De Rep.*, ii, 11; Ливий, i, 17), Тулл Гостилий (Цицерон, *De Rep.*, ii, 17) и Анкус Марций (Цицерон, *De Rep.*, ii, 18; Ливий, i, 32) были избраны *comitia curiata*. В случае с Тарквинием Приском Ливий отмечает, что народ подавляющим большинством избрал его *rex* (i, 35). Его обязательно избирала *comitia curiata*. Сервий Туллий вступил в должность, которая затем была подтверждена *комицией* (Cicero, *De Rep.*, ii, 21). Право избрания, оставленное народу, показывает, что должность *рекса* была народной и что его полномочия были делегированы.

[356] Г-н Леонгард Шмитц, один из самых ярких защитников теории царского правления у греков и римлян, с большой откровенностью замечает: "Очень трудно определить объем полномочий царя, поскольку древние писатели, естественно, судили о царском периоде по их собственной республиканской конституции и часто приписывали царю, сенату и *комиции курии* соответствующие полномочия и функции, которые были верны только в отношении консулов, сената и *комиции* их собственного времени."- Smith's *Dic. Gk. & Rom. Antiq.*, Art. *Rex*.

[357] Дионис, ii, 12.

[358] Дионисий, iv, 1.

[359] Нибур говорит: "Существование плебса как признанной свободной и очень многочисленной части народа можно проследить до правления Анкуса; но до времени Сервия он был лишь совокупностью несвязанных частей, а не единым регулярным целым."- *History of Rome*, l. c., i, 315.

[360] История Рима, i, 315.

[361] "То, что клиенты были совершенно чужды плебейскому обществу и объединились с ним лишь позднее, когда узы рабства были ослаблены, отчасти из-за того, что дома их покровителей умерли или пришли в упадок, отчасти из-за продвижения всего народа к свободе, будет доказано в продолжении этой истории" - История *Рима*, i, 315.

[362] *Дионисий*, ii, 8.

[363] Плутарх, *Вит. Рим*, xiii, 16.

[364] *Вит. Тиберий*, cap. 1.

[365] *Hist. of Rome*, i, 256, 450.

[366] Smith's *Dic.*, *Articles Gens, Patricii, and Plebs*.

[367] *Дионисий*, ii, 8; Плутарх, *Вит. Рим*, xiii.

[368] *Ib.*, ii, 8.

[369] Quum ille Romuli Senatus, qui constabat ex optimatibus, quibus ipse Rex tantum tribuisset, ut eos patres vellet nominari patricosque eorum liberos, tentaret, etc.-*De Rep.*, ii, 12.

[370] Patres certe ab honore, patriciique progenies eorum appellati.-*Liv.*, i, 8.

[371] Hic centum homines electos, appellatosque Patres, instar habuit consilii publici. Hanc originem nomen Patriciorum habet.-*Velleius Paterculus*, i, 8.

[372] *Ливий*, ii, 49.

[373] *История Рима*, i, 246.

[374] *Ib.*, i, 246.

[375] *Ливий*, iv, 4.

[376] A plebe consensu populi consulibus negotium mandatur.-*Liv.*, iv. 51.

[377] Ἡ δὲ ἡ διανομὴ κατὰ τὰς τέχνας, αὐλητῶν, χρυσοχόων, τεκτόνων, βαφέων, σκυτοτόμων, σκυτοδεψῶν, χαλκέων, κεραμέων.- Плутарх, *Vit. Numa*, xvii, 20.

[378] Имущественный ценз для первого класса составлял 100 000 ослов, для второго - 75 000 ослов, для третьего - 50 000, для четвертого - 25 000, для пятого - 11 000 ослов.- *Ливий*, i, 43.

[379] *Дионисий*, iv, 20.

[380] *Ib.*, iv, 16, 17, 18.

[381] *Ливий*, i, 43.

[382] *De Rep.*, ii, 20.

[383] *Дионисий*, iv, 16.

[384] *Ливий*, i, 43.

[385] *Ливий*, i, 43. Но Дионисий относит эквитов к первому классу и замечает, что этот класс был назван первым.-*Dionys.*, iv, 20.

[386] *Ливий*, i, 44; Дионисий называет цифру 84 700 человек.-iv, 22.

[387] Цицерон, *De Rep.*, ii, 20.

[388] Censum enim instituit, rem saluberrimam tanto futuro imperio: ex quo belli pacisque munia non viritim, ut ante, sed pro habitu pecuniarum fierent.-*Livy*, i, 42.

[389] Дионисий, iv, 15.

[390] *Dionysius*, iv, 14.

[391] *History of Rome*, l. c., Scribner's ed., i, 136.

[392] Дионисий, iv, 15; Нибур привел названия шестнадцати провинциальных городков, а именно: Aemilian, Camilian, Cluentian, Cornelian, Fabian, Galerian, Horatian, Lemonian, Menenian, Paperian, Romilian, Sergian, Veturnian, Claudian.-*Hist. of Rome*, i, 320, note.

[393] Rawlinson's *Herodotus*, i, 173.

[394] Если мужчина сенека-ирокез женится на иностранке, их дети - иностранцы; но если женщина сенека-ирокез выходит замуж за иностранца или онондагу, их дети - ирокезы из племени сенека, из рода и фратрии их матери. Женщина передает свою национальность и свой род своим детям, кто бы ни был их отцом".

[395] *Описание древней Италии*, i, 153; цитирует Ланци, ii, 314.

[396] *История Греции*, изд. Скрибнер и Армстронг, перевод Уорда, i, 94, примечание. Этиокреты, героем которых был Минос, несомненно, были пеласгами. Они занимали восточную часть острова Крит. Сарпедон, брат Миноса, привел эмигрантов в Ликий, где они вытеснили солим, вероятно, семитское племя; но ликийцы стали эллинизированными, как и многие другие пеласгийские племена, еще до времен Геродота, и это обстоятельство весьма существенно в связи с происхождением греческих и пеласгийских племен от общего первоначального фонда. Во времена Геродота ликийцы были так же далеко продвинуты в искусстве жизни, как и европейские греки (*Curtius*, i, 93; *Grote*, i, 224). Кажется вероятным, что происхождение по женской линии шло от их пеласгийских предков.

[397] *Das Mutterrecht*, Stuttgart, 1861.

[398] Бахофен, говоря о критском городе Ликтос, замечает, что "этот город считался лакедемонской колонией, а также родственным афинянам. В обоих случаях это происходило только по материнской линии, поскольку только матери были спартанками; афинское же родство восходит к тем афинским женщинам, которых пеласги Тиррены, как говорят, переманили с Брауронского мыса" -*Das Mutterrecht*, ch. 13, p. 31.

При происхождении по мужской линии родословная женщин осталась бы незамеченной; но при происхождении по женской линии колонисты давали бы свою родословную только по женской линии.

[399] *Das Mutterrecht*, ch. 38, p. 73.

[400] *Polybius*, xii, extract the second, Hampton's Trans., iii, 242.

[401]

ἀδελφὴν γὰρ ὁ πατήρ οὐμὸς ἔγημεν οὐχ ὁμομητρίαν.- *Demosthenes contra Ebulides*, 20.

[402] *Demosth., Ebul.*, 24: В его время регистрация была в деде; но она должна была показать, кто был фраторами, кровными родственниками, товарищами по дему и геннетами

зарегистрированного лица; как говорит Евксифей, λέγω φράτερσι, συγγενέσι, δημόταις, γεννήταις vide also Hermann's *Polit. Antiq. of Greece*, §. 100.

[403] *Prometheus*, 853.

[404]

ἀλλ' αὐτογενεῖ φυξανορία,
γάμου Αἰ γύπτου Παίδων ἄσεβῆτ'
ὄνοταζόμεναι.

-Эсхил, *Дополнение*, 9.

[405] *Early History of Institutions*, Holt's ed., p. 7.

[406] *Germania*, c. ii.

[407] *De Bell. Gall.*, vi, 22.

[408] *Germania*, cap. 7. Линия сражения, замечает этот автор, формируется клиньями. *Acies per cuneos componitur*. - Ger., c. 6. Кольрауш замечает, что "конфедераты одной марки или сотни, одной расы или септы сражались вместе" - *History of Germany*, Appletons' ed., trans. by J. D. Haas, p. 28.

[409] *De Bell. Gall.*, iv, 1. *Germania*, cap. 6.

[410] Доктор Фриман, специально изучавший этот вопрос, замечает: "Низшей единицей политической системы является та, которая до сих пор существует под разными названиями, как *марка*, *геминд*, *коммуна* или *приход*. Это, как мы видели, одна из многих форм *gens* или клана, в которой он уже не является бродячим или просто хищным организмом, но, с другой стороны, не объединился с другими, чтобы сформировать один из элементов городского сообщества. На этой стадии род принимает форму сельскохозяйственного органа, владеющего общими землями - зародыш римского *ager publicus* и английского *folkland*. Это *markgenossenschaft*, деревенская община Запада. Эта низшая политическая единица, это собрание настоящих или искусственных родственников, состоящее из семей, каждая из которых живет под властью своего отца - *patria potestas*, сохранившаяся в Риме и ставшая столь заметной и долговечной чертой римского права. Как союз семей образует *род*, и как *род* в его территориальном аспекте образует *маркгеноссеншафт*, так и союз нескольких таких деревенских общин и их *марок* или общих земель образует следующий более высокий политический союз, сотню, название, которое можно встретить в той или иной форме в большинстве земель, в которых тевтонская раса распространила себя..... Над сотней возвышается *паж*, *гау*, датский *сиссель*, английский *шир*, то есть племя, занимающее определенную территорию. И у каждого из этих подразделений, больших и меньших, были свои вожди..... Сотня состоит из деревень, марок, геминденов, как бы мы ни называли низшую единицу; *шир*, *гау*, *пагус* состоят из сотен" - *Comparative Politics*, McMillan & Co.'s ed., p. 116.

[411] *Описательная этнология*, i, 80.

[412] McLennan's *Primitive Marriage*, p. 109.

[413] Цитируется в *Primitive Marriage*, p. 101.

[414] *Письмо автору* от преподобного Гопената Нанди, коренного бенгальца, Индия.

[415] *Ранняя история человечества*, с. 282.

[416] *Primitive Culture*, Holt & Co.'s ed., ii, 235.

[417] *Описательная этнология*, i, 290.

[418] *Происхождение цивилизации*, 96.

[419] *Описательная этнология*, i, 475.

[420] *Бытие*, xiii, 2

[421] *Бытие*, xxiii, 16.

[422] *Там же*, xviii, 6.

[423] *Там же*, xviii, 8.

[424] *Там же*, xxii, 6.

[425] *Там же*, xxiv, 53.

[426] *Там же*, xxiv, 65.

[427] *Там же*, xx, 12.

[428] *Бытие*, xi, 29.

[429] *Исход*, vi, 20.

[430] *Числа*, iii, 15-20.

[431] *Там же*, i, 22.

[432] *Там же*, iii, 30.

[433] *Там же*, ii, 2.

[434] Киль и Делицш в своих комментариях к Исходу vi, 14 отмечают, что "дом отца" был техническим термином, применяемым к собранию семей, названных по имени общего предка". Это справедливое определение рода.

[435] 1 *Царств*, xx, 6, 29.

[436] *Числа*, i, 2.

[437] *Descript. Eth.*, ii, 184.

[438] *Земля Ашанго*, изд. Эпплтонс, стр. 425 и далее.

[439] *Путешествия по Южной Африке*, изд. Appletons', гл. 30, с. 660. "Когда молодой человек увлекается девушкой из другой деревни, и родители не возражают против этого, он обязан приехать и жить в их деревне. Он должен выполнять определенные услуги для свекрови..... Если ему надоест жить в таком вассальном положении и он захочет вернуться в свою семью, он обязан оставить всех своих детей - они принадлежат его жене" -Ib., p. 667

[440] Путешествия по Южной Африке, с. 219.

[441] *Ib.*, p. 471.

[442] *Ib.*, p. 471.

[443] См. также Taylor's *Early History of Mankind*, p. 284.

[444] *Системы кровосмешения* и т. д., loc. cit., pp. 451, 482.

[445] *Missionary Herald*, 1853, p. 90.

[446] *Smithsonian Contributions to Knowledge*, vol. xvii.

[447] *Pandects*, lib. xxxviii, title x. De gradibus, et ad finibus et nominibus eorum: and *Institutes of Justinian*, lib. iii, title vi. De gradibus cognationem.

[448] Термин тетя происходит от *amita*, а дядя - от *avunculus*. Авус, дедушка, дает *авункулус* путем добавления уменьшительного. Таким образом, оно означает "маленький дедушка". Предполагается, что *Matertera* происходит от *mater* и *altera*, = другая мать.

[449] Herrera's *Hist. of Amer.*, i, 216, 218, 348.

[450] Ротуман публикуется здесь впервые. Он был составлен преподобным Джоном Осборном, миссионером Веслейна в Ротуме, и получен и передан автору преподобным Лоримером Фисоном из Сиднея, Австралия.

[451] а как в ale; ä как а в father; å как а в at; ĩ как і в it; ŷ как oo в food.

[452] *Systems of Consanguinity*, loc. cit., p. 445.

[453] *Ib.*, pp. 525, 573.

[454] *Системы кровосмешения* и т. д., l. c., табл. iii, с. 542, 573.

[455] Среди кафиров Южной Африки жены сына брата моего отца, сына сестры моего отца, сына брата моей матери и сына сестры моей матери являются одинаково как моими женами, так и их женами, что следует из их системы кровосмешения".

[456] *Races of Man*, Appleton's ed. 1876, p. 232.

[457] Bingham's *Sandwich Islands*, Hartford ed., 1847, p. 21.

[458] *Ib.*, p. 23.

[459] *Системы кровосмешения* и т. д., с. 415.

[460] *Ib.*, p. 432, где китайская система представлена в полном объеме.

[461] *Timæus*, с. ii, Davis's trans.

[462] *Descent of Man*, ii, 360.

[463] Иппаи и Капоты женятся группой. Иппай порождает Мурри, а Мурри, в свою очередь, порождает Иппая; подобным образом Капота порождает Мату, а Мата, в свою очередь, порождает Капоту; таким образом, внуки Иппая и Капоты сами являются Иппаем и Капотой, а также родными братьями и сестрами; и как таковые они рождаются мужьями и женами.

[464] *Исторический очерк о миссиях и т. д. на Сандвичевых островах и т. д.*, с. 5.

[465] *Uxores habent deni duodenique inter se communes, et maxime fratres cum fratribus parentesque cum liberis.*-De Bell. Gall., v, 14.

[466] γυναῖ κα μὲν γαμέει ἕκαστος, ταύτησι δὲ ἐπίκοινα χρέωνται. -Lib. i, с. 216.

[467] ἐπίκοινον δὲ τῶν γυναικῶν τὴν μίξιν ποιεῦνται, ἵνα κασίγνητοί τε ἀλλήλων ἔωσι καὶ οἱ κῆϊοι ἔόντες πάντες μήτε φθόνῳμήτ' ἔχθει χρέωνται ἐς ἀλλήλους.-Lib. iv, с. 104.

[468] Herrera's *History of America*, l. с., i, 216. Говоря о прибрежных племенах Бразилии, Эррера далее отмечает, что "они живут в бохио, или больших соломенных домиках, которых в каждой деревне около восьми, полных людей, с их гнездами или гамаками, в которых они лежат..... Они живут по-звериному, не обращая внимания ни на справедливость, ни на приличия" - *Ib.*, iv, 94. Гарсилассо де ла Вега дает столь же неблагоприятный отчет о брачных отношениях среди некоторых низших племен Перу.- *Royal Com. of Peru*, l. с., pp. 10 и 106.

[469] *Системы кровосмешения и родства человеческой семьи*, Smithsonian Contributions to Knowledge, vol. xvii.

[470] Покойный преподобный Ашур Райт, много лет проработавший миссионером среди сенеков, в 1873 году написал автору по этому поводу следующее: "Что касается их семейного строя, то, когда они занимали старые длинные дома, вероятно, преобладал какой-то один клан, женщины брали мужей, однако, из других кланов; а иногда, для новизны, некоторые из сыновей приводили своих молодых жен, пока те не чувствовали себя достаточно смелыми, чтобы оставить своих матерей. Обычно женская часть управляла домом и, несомненно, была достаточно клановой. Магазины были общими; но горе тому незадачливому мужу или любовнику, который был слишком неповоротлив, чтобы выполнять свою часть работы по обеспечению. Неважно, сколько у него детей и сколько вещей в доме, в любой момент ему могут приказать поднять одеяло и сдвинуться с места, а после такого приказа пытаться ослушаться было бы нездорово. В доме будет слишком жарко для него, и, если его не спасет заступничество какой-нибудь тети или бабушки, он должен будет уйти в свой собственный клан или, как это часто делалось, начать новый брачный союз в каком-нибудь другом. Женщины были большой силой в кланах, как и везде. Они без колебаний, когда требовался случай, "сбивали рога", как это технически называлось, с головы вождя и отправляли его обратно в ряды воинов. Первоначальное назначение вождей также всегда оставалось за ними". Эти утверждения иллюстрируют гинеократию, о которой говорит Бахофен в "Das Mutterrecht".

[471] *History of Mexico*, Phil. ed., 1817, Cullen's trans., ii, 99.

[472] *Ib.*, ii, 101.

[473] *История Америки*, l. с., iii, 217.

[474] *История Америки*, iv, 171.

[475] Один из их вождей рассказал автору о случае среди шайанов, когда двоюродные братья женились вопреки их обычаям. Наказания за этот поступок не последовало, но их постоянно высмеивали соратники, поэтому они добровольно разошлись, чтобы не подвергаться предрассудкам.

[476] Железо из руды выплавляли многие африканские племена, включая готтентотов, насколько нам известно. Получив металл грубыми способами, приобретенными из чужих источников, они преуспели в изготовлении грубых орудий труда и оружия.

[477] Предполагается азиатское происхождение американских аборигенов. Но оно вытекает из единства происхождения человечества - еще одно предположение, но к которому склоняются все факты антропологии. Существует масса доказательств, подтверждающих оба вывода, причем самого убедительного характера. Их появление в Америке не могло быть результатом преднамеренной миграции; оно должно было быть обусловлено морскими случайностями и великими океанскими течениями, идущими из Азии к северо-западному побережью.

[478] Famuli origo ab Oscis dependet, apud quo servus Famul nominabuntur, unde *familia* vocata.- *Festus*, p. 87.

[479] Amico familiam suam, id est patrimonium suum mancipio dabat.-Gaius, *Inst.*, ii, 102.

[480] *История Рима*, I. с., 1, 95.

[481] Item in potestate nostra sunt liberi nostri, quos justis nuptiis procreauimus, quod jus proprium ciuium Romanorum est: fere enim nulli alii sunt homines, qui talem in filios suos habent potestatem, qualem nos habemus.-*Inst.*, 1, 55. Кроме всего прочего, они обладали властью жизни и смерти - *jus vitæ necisque*.

[482] *Germania*, с. 18.

[483] *Ib.*, с. 19.

[484] *Илиада*, ix, 128.

[485] *Il.*, ix, 663.

[486] Следующее сжатое изложение, взятое из "Хариклов" (*Excursus*, xii, Longman's ed., Metcalfe's trans.), содержит существенные факты, иллюстрирующие эту тему. Высказав мнение, что женщины Гомера занимали более почетное положение в семье, чем женщины исторического периода, он делает следующие заявления относительно состояния женщин, особенно в Афинах и Спарте, в период расцвета греческой культуры. Он отмечает, что единственное качество, на которое, как считалось, была способна женщина, мало чем отличалось от качества верной рабыни (с. 464); что ее полное отсутствие независимости привело к тому, что она всю жизнь считалась несовершеннолетней; что для девочек не существовало ни учебных заведений, ни частных учителей на дому, все их обучение возлагалось на матерей и кормилиц и ограничивалось прядением, ткачеством и другими женскими занятиями (с. 465); что они были почти полностью лишены этого важнейшего стимула женской культуры - общества других полов; посторонние, равно как и ближайшие родственники, были полностью исключены; даже их отцы и мужья видели их очень редко, мужчины чаще бывали за границей, чем дома, а когда были дома, жили в своих собственных квартирах; Что гинеконит, хотя и не совсем тюрьма, и не запертый гарем, все же был замкнутой обителью, отведенной на всю жизнь женской части семьи; что это особенно касалось девиц, которые жили в величайшем уединении до своего замужества и, так сказать, регулярно под замком (с. 465); что молодой жене было непозволительно покидать дом без ведома мужа, да и вообще она редко его покидала; таким образом, она была ограничена обществом своих рабынь, а ее муж, если хотел, имел право держать ее в заточении (с. 466); что на этих праздниках, куда не допускались мужчины, женщины имели

возможность видаться друг с другом, что им нравилось тем больше, чем больше они находились в обычном уединении; что женщинам было трудно выходить из дома из-за этих особых ограничений; что ни одна уважаемая дама не думала о том, чтобы выйти из дома без сопровождения рабыни, приставленной к ней для этой цели ее мужем (с. 469); что такой способ обращения приводил к тому, что девушки становились чрезмерно стыдливymi и даже ханжами, и что даже замужняя женщина стеснялась и краснела, если ее случайно видел у окна мужчина (с. 471); что брак для продолжения рода считался у греков необходимостью, к которой их принуждал долг перед богами, государством и предками; что, по крайней мере, до очень позднего времени никакие более высокие соображения не были связаны с браком, и сильная привязанность не была частой причиной брака (р. 473); что любая существовавшая привязанность проистекала из чувственной почвы, и между мужем и женой признавалась не что иное, как чувственная любовь (р. 473); что в Афинах, а возможно, и в других греческих государствах, главной целью брака считалось рождение детей, выбор невесты редко зависел от предыдущего или хотя бы близкого знакомства, и больше внимания уделялось положению семьи девицы и размеру ее приданого, чем ее личным качествам; что такие браки были неблагоприятны для существования настоящей привязанности, поэтому часто преобладали холодность, равнодушие и недовольство (с. 477); что муж и жена принимали пищу вместе, если с хозяином дома не обедали другие мужчины, ибо ни одна женщина, не желающая прослыть куртизанкой, не подумает даже в собственном доме участвовать в мужских симпозиумах или присутствовать при том, как ее муж случайно приводит домой друга на ужин (с. 490); что уделом жены было управление всем хозяйством и воспитание детей - мальчиков до тех пор, пока они не попадали к хозяину, девочек - до их замужества; что неверность жены осуждалась самым суровым образом; и хотя можно было предположить, что женщина, в силу своего строгого уединения, обычно была лишена возможности совершать проступки, они очень часто находили средства обманывать своих мужей; Закон неравномерно налагал обязанность хранить целомудрие, ибо в то время как муж требовал от жены строжайшей верности и сурово карал любое ее нарушение, он позволял себе вступать в связь с гетерами, и это поведение, хотя и не совсем одобряемое, не вызывало никаких нареканий, и тем более не считалось нарушением супружеских прав (с. 494).

[487] *Vit. Rom.*, с. 20.

[488] Квинтилиан.

[489] Относительно супружеской верности римских женщин Беккер замечает, "что в прежние времена излишества с обеих сторон случались редко", что следует отнести на счет предположений; но "когда нравы начали портиться, мы впервые встречаемся с большими отступлениями от этой верности, и мужчины и женщины превзошли друг друга в безрассудном потворстве. Первоначальная скромность женщин постепенно становилась все более редкой, в то время как роскошь и экстравагантность усиливались, и о многих женщинах можно было сказать, как жаловался Клитифон на свою Вакхиду (Ter., *Heaut.*, ii, 1, 15), *Mea est petax, proca, magnifica, sumptuosa, nobilis*. Многие римские дамы, чтобы компенсировать пренебрежение мужей, заводили себе любовника, который под видом прокуратора дамы постоянно сопровождал ее. Естественным следствием этого было постоянное увеличение безбрачия среди мужчин и величайшее легкомыслие в отношении разводов" -Gallus, *Excursus*, i, p. 155, Longman's ed., Metcalfe's trans.

[490] *Системы кровосмешения*, таблица I, с. 79.

[491] *Системы кровосмешения* и т.д., с. 40.

[492] *Пандекты*, lib. xxviii, tit. x, и *Институции* Юстиниана, lib. iii, tit. vi.

[493] Item fratres patruales, sorores patruales, id est qui quæ-ve ex duobus fratribus progenerantur; item consobrini consobrinæ, id est qui quæ-ve ex duobus sororibus nascuntur (quasi consorini); item amitini amitinæ, id est qui quæ-ve ex fratre ex sorore propagantur; sed fere vulgos istos omnes communi appellatione consobrinus vocat.-Pand., lib. xxxviii, tit. x.

[494] Это пересмотр последовательности, представленной в "*Systems of Consanguinity, etc.*", p. 480.

[495] μή ξιν δὲ ἐπίκοινον τῶν γυναικῶν ποιεόνται, οὔτε συνοικέοντες κτηνηδόν τε μισγόμενοι.-Lib. iv, c. 180.

[496] Garamantes matrimonium exsortes passim cum femines degunt.-Nat. Hist., lib. v, c. 8.

[497]-καὶ φανεροῦς μίσεσθαι ταῖς τε ἄλλαις γυναῖξιν καὶ μητράσι καὶ ἀδελφαῖς.-Lib. iv. c. 5, § 4.

[498] Lib. xvi. c. 4, § 25.

[499] "*Таблицы*", однако, являются *главным результатом* этого исследования. По своей важности и ценности они выходят за рамки любого текущего использования их содержания, которое писатель может указать."-*Systems of Consanguinity, etc.*, Smithsonian Contributions to Knowledge, vol. xvii, p. 8.

[500] *Descriptive Ethnology*, Lond. ed., 1859, i, 475.

[501] *Ib.*, i, 80.

[502] *Луга ирокезов*, p. 364.

[503] Например, оджибвы использовали копье или копьеметалку She-mä'-gun, заостренную из кремня или кости.

[504] Крики делали глиняные сосуды емкостью от двух до десяти галлонов (Adair's *History of American Indians*, p. 424); а ирокезы украшали свои кувшины и трубы миниатюрными человеческими лицами, прикрепленными в виде пуговиц. Это открытие недавно сделал мистер Ф. А. Кушинг из Смитсоновского института.

[505] Эрпера, l. c., iv, 16.

[506] *Ib.*, iii, 13; iv, 16, 137. Клавигеро, ii, 165.

[507] Клавигеро, ii, 238. Эрпера, ii, 145; iv, 133.

[508] *Hakluyt's Coll. of Voyages*, l. c., iii, 377.

[509] Преподобный Сэмюэл Горман, миссионер среди индейцев лагуна-пуэбло, в своем выступлении перед Историческим обществом Нью-Мексико (стр. 12) отмечает, что "право собственности принадлежит женской части семьи и передается по этой линии от матери к дочери. Земля у них общая, как собственность общины, но после того, как человек обрабатывает участок, у него появляются личные права на него, *которые он может продать одному из членов общины.....* Их женщины, как правило, распоряжаются зернохранилищем, и они более предусмотрительны в отношении будущего, чем их испанские соседи. Обычно они стараются иметь в запасе провизию на год. Только когда два года нехватки сменяют друг друга, пуэблос, как община, страдают от голода."

[510] Σεμνύνεται γὰρ Σόλων ἐν τούτοις, ὅτι τῆς τε προϋποκείμενης γῆς

ῥοὺς ἀνεῖλε πολλαχῇ πεπηγότας-.

πρόσθεν δὲ δουλεύουσα, νῦν ἐλευθέρα.

-Πлутарх, в "Солоне", с. xv.

[511] *Илиада*, v, 90.

[512] *Ib.*, ix, 577.

[513] *Ib.*, xiv, 121.

[514] *Там же*, v, 265.

[515] *Ib.*, iv, 433, перевод Бакли.

[516] *Ib.*, vii, 472, Buckley's trans.

[517] *Iliad*, xii, 274.

[518] Германские племена, когда они впервые стали известны историкам, находились на верхней стадии варварства. Они использовали железо, но в ограниченных количествах, имели стада и отары, выращивали злаки и производили грубые ткани из льна и шерсти; но тогда они еще не достигли идеи индивидуальной собственности на землю. Согласно упоминавшемуся выше рассказу Цезаря, пахотные земли ежегодно распределялись вождями, а пастбища находились в общей собственности. Таким образом, представляется, что идея индивидуальной собственности на землю была неизвестна в Азии и Европе в средний период варварства, но появилась в поздний период.

[519] *Бытие*, xxiii, 13.

[520] *Числа*, xxxvi, 4.

[521] *Числа*, xxxvi, 5-9.

[522] *Там же*, xxxvi, 11.

[523] *Там же*, xxvii, 8-11.

[524] *The Ancient City*, Lee & Shepard's ed., Small's trans., p. 99.

[525] *Демосфен против Эвбула*, 41.

[526] Εὐδοκίμησε δὲ κὰν τῷπερὶ διαθηκῶν νόμῳ πρότερον γὰρ οὐκ ἐξῆν, ἀλλ' ἐν τῷγένει τοῦ τεθνηκότος ἔδει τὰ χρήματα καὶ τὸν οἶκον καταμένειν, ὃ δ' ὠβρούλεται τις ἐπιτρέψας, εἰ μὴ παῖδες εἴεν αὐτῷ δοῦναι τὰ αὐτοῦ, φιλίαν τε συγγενείας ἐτίμησε μᾶλλον καὶ χάριν ἀνάγκης, καὶ τὰ χρήματα κτήματα τῶν ἔχόντων ἐποίησεν.-Πлутарх, *Житие Солона*, с. 21.

[527] Ливий, iii, 54, 57.

[528] Intestatorum hereditates lege xii tabularum primum ad suos heredes pertinent.-Gaius, *Inst.*, iii, 1. Si nullus sit suorum heredum, tunc hereditas pertinet ex eadem lege xii tabularum ad adgnatos.-*Ib.*, iii, 9. Si nullus agnatus sit, eadem lex xii tabularum gentiles ad hereditatem uocat.-*Ib.*, iii, 17.